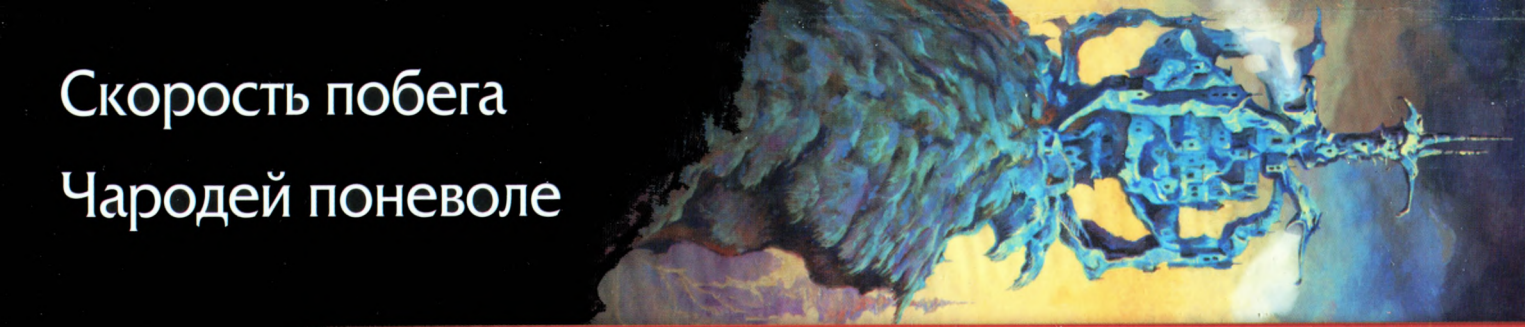
Скорость побега

Чародей поневоле

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

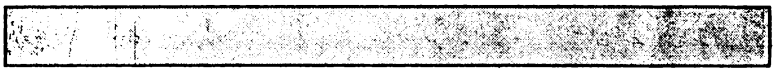
Терри Пратчетт

Мадфлауэр

Чародей поневоле

CHRISTOPHER

STASHEFF

Escape Velocity

The Warlock in Spite of Himself

КРИСТОФЕР

СТАШЕФ

Скорость побега

Чародей поневоле

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84 (7США)
С78

Серия основана в 1999 году

Christopher Stasheff
ESCAPE VELOCITY
THE WARLOCK IN SPITE OF HIMSELF

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского Н.А. Сосновской

Художник М.Н. Калинкин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Spectrum и «Права и переводы».

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Сташеф К.

С78 Скорость побега. Чародей поневоле: Романы / Пер. с англ. Н.А. Сосоновской. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 704 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-005182-4

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное слово — там, где сделать это было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В мире высоких замков, сильно нуждающихся в ремонте, прекрасных принцесс, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, обольстительных и веселых ведьмочек, гнусных до неправдоподобия монстров и — ЧАРОДЕЕВ ПОНЕВОЛЕ. Чародеев, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор, и еще раз юмор!

Мы росли на саге о невероятных приключениях достославленого сэра Рода Гэллоугласса.

Мы — выросли. Приключения — остались.

Мы никогда не сумеем вырасти из этих приключений!

© Cristopher Stasheff, 1983, 1969
© Перевод. Н.А. Сосновская, 2000
© ООО «Издательство АСТ», 2001

Скорость побега

Грейлю Креллину,
Который хотел узнать,
Почему призрак Горацио Логира
Не признал в машине времени,
На худой конец — машины

1

Она была девушкой. Это Дар понял в тот же миг, как только ее увидел.

Между прочим, догадаться об этом было не так уж и легко. Она была побрита наголо и облачена в мешковатый комбинезон из серой фланели, так что Дару можно было приз дать за одно то, что он в ней человека признал, а ведь он даже пол определил верно, хотя гораздо больше эта особа напоминала манекен из отдела готового платья.

Но она двигалась. Поэтому-то Дар и догадался, что она — человек.

Что же до того, каким образом он признал в ней существо женского пола... Дело в том, что Дар только что вернулся из торговой экспедиции продолжительностью в шесть недель и должен был вот-вот отправиться в следующую (у Чолли, его босса, в этом месяце катастрофически не хватало рук: одного из его торговцев сцапали с поличным — он делился процентами от прибыли с Оккамом-«Клинком»). А это означало вот что: вольмарцы своим женщинам знакомиться с чужаками не позволяли, а уж из этого следовало, что за последние шесть недель Дару случалось видеть людей, попадались ему и существа женского пола, но вот только эти два признака ни разу не соединились в одном и том же лице. Посему он пребывал сейчас в том самом состоянии, когда девушку узнал бы именно с первого взгляда, попадись она ему на глаза.

Эта же не просто попалась... ее нельзя было не заметить — она шла маршевым шагом, столь старательно не сгибая ноги в

коленях, что Дар готов был поклясться: она выбрала такую походку, чтобы, не дай бог, не вилять бедрами. Надо сказать, что маршевая поступь вполне адекватно сочеталась с серым комбинезоном, бритой головой и полным отсутствием косметики на лице девицы.

Она взгромоздилась на табуретку у барной стойки и стала ждать. Она ждала. И ждала. И ждала.

А ждать так долго ей пришлось потому, что Чолли нынче в баре управлялся в гордом одиночестве и вдобавок в данный момент занимался дискуссией на тему о природе реальности с неким сержантом. Чолли ни за что не упустил бы случая повыпендриваться перед воякой.

Но девушка вроде бы особо и не возражала. Она упорно не обращала никакого внимания на двух военных, что вели задушевную беседу в конце стойки, но слышать их разговор она, конечно же, слышала, и он ее явно заинтересовал.

— Да куда ему было деваться-то? — пуская клубы дыма из сигары, похвалялся один из собеседников, седовласый толстяк. — Он и глазом моргнуть не успел, а я уже тут как тут. И все, ваши не пляшут!

— Убрал его, хочешь сказать? — осклабился тот, что был помоложе, светловолосый.

— Еще бы не убрать! Купит он теперь ферму, черта с два! Я куплю, а не он.

Девушка строптиво поджала губы. Похоже, она была готова дать волю давно сдерживаемому возмущению. Дар решил, что лучше предвосхитить события — вояки могут девчонку не так понять.

А вот Дар все понял бы. Да через шесть недель после того, как он в последний раз видел женщину, он был готов понять что угодно, лишь бы только то, что надо понять, исходило от женщины.

А потому Дар наклонился к стойке, постаравшись попасться девушке на глаза, улыбнулся со всей искренностью, на какую только был способен, и проворковал:

— С обслуживанием тут не торопятся, верно я говорю?

Бритоголовая незнакомка, наверное, с минуту, не мигая, смотрела на него с полнейшим изумлением. Наконец, скривив губы, она презрительно бросила:

— За смертью бы послать — тогда бы жаловаться не пришлось. Тут вообще, похоже, быстро обслуживают только тех, на ком военная форма!

— Форма? — Дар обескураженно глянул на свой темно-зеленый комбинезон и куртку и стрельнул глазами в сторону двух солдат, которые, судя по всему, были готовы обидеться на вызов. Дар поспешно обернулся к девушке и проговорил: — Что-то я вас не совсем понял, наверное, мисс. За смертью, вы сказали? Тут за целый год ни одного убийства не было.

— Ясное дело, — хмыкнула девица. — Сегодня седьмое января. Ну а о чем же лялякают эти двое сачков, как не об убийстве?

Вот ведь поганка — еще и пальцем ткнула в сторону двоих рядовых! Это чтобы Дар, не дай бог, не подумал, что под «сачками» она имеет в виду пару патрульных полицейских, прохаживавшихся неподалеку от кафешки. Мало того — судя по акценту, оба рядовых были родом из Нового Перта, а в Новом Перте слово «сачок» имело весьма специфическую смысловую окраску, никоим образом не связанную с бездельем.

Тот рядовой, что был постарше, только открыл рот, намереваясь ответить девице на оскорбление, как Дар, опередив его, поспешил заметить:

— Это они про пари говорили, мисс. Вы, конечно, можете мне не верить, но я вам точно говорю: это они про пари.

На какую-то долю секунды во взгляде девицы появилось сомнение — но только на долю секунды, а потом в ее глазах вновь воцарилось выражение непоколебимой уверенности в собственной правоте, невзирая на то, что она на все сто ошибалась.

— С какой это стати я тебе должна верить? А ты-то сам кто, если не солдафон?

Дар понял: перед ним крепкий орешек. Такую на кривой кобыле не объедешь.

— Ну... я был когда-то пилотом, не без этого...

— Я должна прийти в восторг? — осведомилась девица.

— Когда я поступал на службу, мне обещали, что от звездолетчиков все девушки в восторге, — вздохнул Дар. — Быть может, на какую-нибудь из них это в один прекрасный день произведет именно такое впечатление.

— Вообще-то я думала, что эта планета — каторжная тюрьма для военных.

— Так оно и есть. Но ведь и армия пользуется звездолетами.

— Это почему же? — нахмурилась девица. — Не доверяет флоту, что ли?

— Что-то в этом духе.

— Как я погляжу, ты прямо-таки эксперт. Ну и какой корабль ты водил? Баржу небось?

— Космический тягач, — признался Дар.

Девица понимающе кивнула.

— А теперь чем зарабатываешь?

Дар пожал плечами и как бы застенчиво ответил:

— Я торговец.

— Торговец? Тор-го-вец?! — с таким неподдельным возмущением переспросила девица, что даже Чолли обернулся — правда, только на секунду. — Значит, ты — один из этих вампиров, которые терроризируют бедных, беззащитных местных жителей?

— Беззащитных! — фыркнул старший из рядовых — да нет, какое там «фыркнул»! Будем называть вещи своими именами — взревел. Дар же поскреб макушку и изрек:

— Похоже, вас... как бы это полегче выразиться... слегка перемкнуло, мисс. Это еще кто кого тут терроризирует — вот вопрос.

— Для меня это не вопрос! — взорвалась бритологовая. — Приперлись сюда, угнетаете беззащитных мирных жителей, пытаетесь отобрать у них землю, уничтожить их культуру — это всегда происходит одинаково! Все по одной и той же схеме, заложенной еще со времен Кортеса, так все и идет испо-

кон веков! «Плюйте с высокой колокольни на то, чего хотят эти плебеи! Дайте им технику! Плюйте на то, годится им их религия или нет, — дайте им Библию! Не спрашивайте у них, принадлежит им эта земля или нет, — сгоняйте их в резервации! Или превращайте их в рабов!» О, сколько я такого наслушалась и начиталась! Здесь все еще только начинается, но погодите и увидите все собственными глазами! Это называется «геноцид», вот как это называется! Это самая мерзкая разновидность империализма! И всем этим занимаются такие замечательные, такие преданные своему воинскому долгу солдаты наших на диво демократичных граждан Межзвездной Федерации! Империалисты! — выкрикнула она и злобно сплюнула.

Двое солдат раздулись наподобие шаров-метеозондов, и, судя по выражению их физиономий, прогноз погоды предполагался очень даже неважнецкий. В общем, Чолли прервал свой философский диспут и поспешил к концу стойки, дабы внести коррективы в ход беседы, приобретавшей слишком уж горячий характер. Проходя мимо Дара, он промурлыкал:

— Ну, парень, чему я тебя учил? Благоразумие, старина Дар, благоразумие и еще раз благоразумие! Ты только попробуй, старина, и у тебя непременно получится! Вот увидишь! О, благословенное благоразумие, ну же, Дар!

Выдав эту тираду, Чолли метнулся к другому концу стойки.

Дар искренне полагал, что и так из кожи вон лезет, чтобы держаться в рамках благоразумия, вот только получалось плоховато. Однако он решил последовать совету Чолли: вдохнул поглубже и предпринял новую попытку урезонить бритоголовую скандалистку:

— Строго говоря, мисс, я бы не сказал, чтобы мы сюда так уж... приперлись. Скорее, нас сюда все-таки направили.

Девушка нахмурилась:

— О чем это ты? О, ясно. Потому что здесь находится военная тюрьма?

— Ну да. Что-то в этом духе.

Она пожала плечами:

— Разницы никакой. Хотели вы сюда попасть или не хотели, вы здесь, и вас сюда тысячами отгружают.

— Ну, скорее, все-таки сотнями, так будет точнее, — поправил ее Дар и почесал за ухом. — Прибывает сюда сотни так две... ну три...

— Колонизаторов, — уверенно закончила за него фразу девица.

— Заключенных, — закончил свою фразу Дар. — За год. Что же до меня, то себя я считаю добровольцем.

— Да какая разница! — взорвалась девица. — Главное — чем вы тут занимаетесь! Явились сюда, пошли войной на бедных, беззащитных мирных аборигенов... а вы, торговцы, еще и обкрадываете их без зазрения совести. Наслышалась я про вас!

— Вот как? — театрально вздернул брови Дар. — Надо же! Мы, оказывается, становимся знаменитостями! А где, позвольте полюбопытствовать, вы получили такие сведения о нас?

Девица нетерпеливо пожала плечами:

— Какая разница?

— Для меня — большая. Да если на то пошло — и для большинства из нас. Когда ковыряешься тут, на задворках Терранской Сферы, начинаешь вдруг почему-то сильно волноваться о том, слыхали ли тут хоть раз о твоей родной планете. Вы уж мне поверьте, для нас это действительно важно.

— М-м-м... — протянула девица. Лицо ее на миг смягчилось — но только из-за того, что она задумалась. — Ну... боюсь, ничего интересного я вам не расскажу. На Терре я служила секретаршей в отделе отчетов в Бюро Межпланетных Связей. Как-то раз мне на глаза случайно попался отчет по Вольмару.

— О... — разочарованно кивнул Дар. — Так у вас там только официальные отчеты, значит, хранились.

Девица кивнула. Во взгляде ее появилось нечто наподобие сочувствия.

— Да. Их, кроме чиновников, никто и не просматривал. Ну и в компьютер закладывали, естественно.

— Ясно. — Дар сдержал вздох и расправил плечи. — Ну что же... Это лучше, чем ничего... наверное. Ну и что же там было про нас такого написано?

— Достаточно много, — мстительно улыбнулась бритоголовая. — Вполне достаточно для того, чтобы я узнала: на этой планете расположена тюрьма для военных преступников. Начальник тюрьмы — генерал-садомазохист, и тут у вас редкий день обходится без войны...

— Праздники, — негромко уточнил Дар, — и еще воскресенья.

— «Редкий день», я так и сказала! Еще там было написано, что вы ведете исключительно грабительскую торговлю с местными жителями и приобретаете у них какой-то наркотик растительного происхождения, в обмен на который аборигенам всучаете стеклянные бусы и списанные запчасти, которые заказываете через квартирмейстера.

— Это все? — поинтересовался Дар, раненный в самое сердце.

— «Все»? — возмутилась девица. — Неужели этого мало? А ты чего хотел — чтобы я тебе представила перечень военных преступлений?

— Ну... — смущенно протянул Дар. — Я думал, что там хоть словечком упомянут о таких милых сердцу вещах, как эта уютная кафешка, напишут про то, что у нас длиннющие отпуска и еще...

— И еще что все вояки подкуплены. И еще что тут жутко хромает дисциплина, — фыркнула девица. — Не знаю. Если бы я осталась в Бюро, быть может, и узнала про Вольмар хоть что-то хорошее.

— Если бы остались? — переспросил Дар и с интересом воззрился на девицу. — Так вы больше в Бюро не работаете?

Она сдвинула брови.

— Если бы я там работала, разве бы я торчала сейчас здесь?

Дар довольно долго изучающе смотрел на нее, но наконец одернул себя и сказал:

— Мисс, вы уж меня простите, но если бы у меня кто спросил, почему вы здесь, я бы сказал, что вы здесь потому, что вас сюда послало БМС. Кто бы сюда добровольно прилетел?

— Я, — ответила девица с сардонической усмешкой. — Ты головой подумал бы. Разве бы я так вырядилась, если бы работала на правительство?

Дар посмотрел в потолок, перевел глаза на девицу и честно признался:

— Кто его знает. А что, нельзя?

— Конечно, нельзя, — хмыкнула девица. — Если бы я работала на правительство, мне бы пришлось делать прическу в парикмахерской, да еще я должна была бы напялить тряпки в обтяжку и туфли на шпильках. Так и ходила целых пять лет.

— О! А что... вам это не нравилось?

— А тебе бы понравилось, если бы каждый день от звонка до звонка на тебя бы пялились особы противоположного пола?

Губы Дара тронула томная улыбка.

— А вот мне это совсем не нравилось! — не дала ему ответить девица.

— Так вы поэтому уволились?

— Не только, — угрюмо буркнула девица. — Наелась по горло всей этой конформистской трепотни, вот и сделала ноги.

— Сделала... ноги? — ошарашенно переспросил Дар.

— Не понял? Ну, уволилась! Послала все это куда подальше! — прокричала девица во все горло. — И подалась в гьюмы.

— Гьюмы — это кто?

Девица, не мигая, уставилась на Дара.

— Да, похоже, у вас тут и вправду захолустье...

— Понимаете... я ведь как раз и пытался вам на что-то в этом разрезе намекнуть. Новости мы тут узнаем, когда прибывает очередной грузовик, а такое случается раза три за год. Так что до тех пор, покуда кто-нибудь не изобретет сверхсветовое радио, мы так и будем узнавать про все, что

происходит на Терре, через пару лет после того, как это произошло.

Бритоголовая презрительно поджала губы и покачала головой:

— А кто-то еще разглагольствует об отсталых местных жителях! Ну ладно, гьюмы — это такие, как я, то есть нонконформисты. Мы носим мешковатую одежду, чтобы прятать тело от похотливых взглядов. Мы бреем головы, чтобы не мучиться каждый день с бигуди и лаком для волос. Мы отказываемся от этой каждодневной тюрьмы под названием «государственная служба». Уж лучше нищета, чем эта повинность. Хватит, наработались. Кое-что скопили, иногда что-то заколачиваем на временной работе. Так что концы с концами худо-бедно сводим. Делаем что хотим, а не то, чего от нас хочет правительство Межзвездной Федерации! Вот кто такие гьюмы.

Дар кивнул, поджав губы, чтобы не расхохотаться. В глазах его при этом зажглись огоньки.

— Ах вот оно что. Вы, стало быть, не желаете приспосабливаться. Все ясно.

— Я не так сказала, тупица! Я сказала, что мы — нонконформисты!

— Да? Ну да, конечно, — кивнул Дар. — Конечно, это же разные вещи, я понимаю, то есть... готов понять.

Девица, похоже, была готова накинуться на него с кулаками, но тут встрял Чолли:

— Ну, давай, малый, покажи, на что ты годишься. И я буду гордиться тобой! Но тут такое дело... надо же вникнуть в историческую сущность этого движения, вот в чем дело-то... И ты вникнешь, никуда не денешься, ведь ты же отлично знаешь, что в истории человечества без пол-литра ни за что не разберешься, особенно если не знаешь историю. Первые из тех, кого назвали нонконформистами... ну, они появились где-то ближе к концу тысяча пятисотого года. Одного из них еще Шекспир описал в «Двенадцатой ночи» под именем Мальволио. В общем, там были пуритане и баптисты, и еще кальвинисты, и даже анабаптисты — словом, протестанты всех мастей помимо англиканской церкви. Ну

а англиканцы их всех собрали в одну кучу и обозвали нонконформистами (то бишь они не сами взяли себе это название, как чаще всего и бывает), поскольку они не желали приспосабливаться к официальной церкви, англиканской. Но ежели посмотреть на их изображения... ну, взять, к примеру, хоть кромвелевских «круглоголовых» — так они же все на одно лицо! Так что, сколько бы их там ни было, они внутри своей оппозиционной культуры держались по отношению друг к дружке куда как более тесно, нежели любые двое из англиканцев. С тех пор так оно и повелось. Так что с тех пор-то слово «нонконформист» не означает, что кто-то не желает мириться с принципами, принятыми в его собственной социальной или религиозной прослойке, — оно означает, что некая группа противостоит мажоритарной культуре, морали и так далее, и поэтому всякую оппозиционную культуру называют нонконформистской, неприспособленческой. Ну, так вот, сержант, о чем бишь я... — И Чолли вернулся к прерванному диспуту о природе реальности.

Девица-гьюм на некоторое время задержала на бармене взгляд и резко кивнула:

— В принципе, он прав... — Поежившись, она нахмурилась и спросила у Дара: — Он кто такой вообще? Бармен или проВексор?

— Он Чолли, — коротко ответил Дар, словно этим все было сказано. — Мой босс.

Бритоголовая нонконформистка еще сильнее нахмурилась.

— Хочешь сказать, что ты тут работаешь? ДА?!

Дар почувствовал, что она готова взорваться от возмущения, и усмехнулся:

— Все верно. Он — владелец, президент и менеджер Вольмарской Фармацевтической Торговой Компании, инкорпорейтед.

— Твой босс — наркобарон? — истерично взвизгнула девица. — Мафиози? Капиталист—эксплуататор рабского труда?

— Я бы так не сказал. Скорее — он бухгалтер нашего кооператива.

Девица буквально на дыбы встала, пылая праведным гневом, и открыла было рот, чтобы одарить Дара очередной порцией упреков, но, видно, больше ей в голову ничего не приходило, а потому пришлось ограничиться испепеляющим взглядом.

Дар покорно съежился под ее взором.

Девица отвернулась и отпила из стакана, после чего в изумлении уставилась на него, обнаружив, что перед ней на стойке стоит-таки стакан.

Дар глянул на Чолли, тот — на него, подмигнул, кивнул и продолжил разговор о сложнейших аспектах взаимодействия с реальностью в процессе пинания ногой камня.

Нонконформистка, похоже, немного спустила пар. Она вздохнула, пожала плечами и отхлебнула еще немного спиртного.

— Ну, хотя бы гостеприимный капиталист, и то ладно, — изрекла она и обернулась к Дару. — Станешь отрицать?

Дар пригнулся, посмотрел под ноги, огляделся по сторонам, пытаясь понять, что на сей раз стало причиной возмущения незнакомки.

— Отрицать — что? — решил все-таки уточнить он.

— Все! Все, что я сказала об этой планете! Это все правда, так ведь? Начиная с вашего генерала-губернатора!

— О... Я готов поспорить с тем, что генерал Шаклар — садист.

— Но... он мазохист, это уж точно?

Дар кивнул.

— Но он как нельзя лучше годится для своей должности. Что же до всего остального... ну, отрицать не стану, но все-таки у меня такое впечатление, что вы не совсем верно расставляете акценты.

— Готова к дискуссии, — заявила девица-гьюм и приготовилась к отражению любой атаки. — Аргументируй.

Дар покачал головой:

— Боюсь, не сумею. Нужно все понять на собственном опыте, увидеть своими глазами.

— Да. Конечно. — Девица сделала большие глаза. — И как же, интересно, у меня это получится?

— Ох-хо-хо, — как бы тяжко вздохнул Дар. Мысли у него метались. Он лихорадочно подсчитывал в уме соотношение риска и выгоды. Получилось пятьдесят на пятьдесят. А посему Дар улыбнулся и сказал: — Видите ли, тут такое дело... в общем, я скоро отправляюсь в очередную торговую экспедицию. Желаете — присоединяйтесь. Безопасности я вам гарантировать не могу, поскольку дело это весьма опасное.

Бритоголовая прищурилась. Дар почти воочию видел, как она втягивается в толстую скорлупу. Но тут что-то произошло, и в ее глазах снова появились дерзость и самоуверенность.

— Ладно, — браво кивнула она, залпом опрокинула все, что оставалось в стакане. — Договорились. — Она встала с табуретки, сунула в карманы большие пальцы. — Готова в путь. Где там ваш вьючный мул?

Дар ухмыльнулся.

— Ну... все-таки получше мула будет. Неподалеку. Прошу вас...

И он указал в сторону выхода.

Она снова прищурилась и, запрокинув голову, прошла мимо него. Дар улыбнулся и последовал за ней.

Когда они проходили мимо столика, за которым сидели Чолли и сержант, бармен говорил следующее:

— И тогда Декарт понял, что должен доказать все это, усекаешь? Все, начиная с самых основ. Чтобы не осталось никаких недоказанных предположений.

— Угу. Эт я понимаю, — решительно кивнул сержант и сдвинул брови. — Ежели что-нть пред... положишь, а оно окажется непра... льно, то тода и все остальное тоже будет непра... льно.

— Верно, верно! — радостно закивал Чолли. — Ну, вот он и остановился в этом городке, снял номер в гостинице и поклялся, что не тронется с места, пока не отыщет хоть чего-нибудь, что сумеет доказать наверняка —

то бишь не найдет точного подтверждения собственного существования. А потом он думал, думал, думал... и наконец его озарило.

— Эт-то чем же?

— Он ведь думал! А если он думал, стало быть, должен же был существовать тот, кто думает? А этот кто-то был он сам, естественно! Вот так самый простой факт стал доказательством: он мыслил — следовательно, он существовал!

— Ай-юу-у-у-у-у! — издал клич восторга потрясенный находчивостью Декарта сержант, физиономия которого отражала нечто весьма близкое к озарению. Девица-гьюм вздрогнула, остановилась в дверях и настороженно обернулась.

Чолли торжественно кивнул. Он просто-таки сиял.

— И тогда, именно тогда он вывел свой знаменитый постулат и записал его на бумаге, чтобы потом прочесть. «Cogito, ergo sum» — написал он по-латыни — в те времена, понимаешь ли, все философы писали исключительно полатыни — «Cogito, ergo sum», что означает: «Я мыслю — следовательно, я существую».

— Ай-юу-у-у-у! — снова выкрикнул сержант. — Угу, я все понял! — Он устремил взор к потолку, поскреб макушку и вернулся взглядом к Чолли. — Ну... так ведь потому мы и люди, верно я говорю? Из-за того, что думаем, то есть?

Бритоголовая спутница Дара испустила долгий судорожный выдох и обернулась к Дару.

— Тут у вас что? Забегаловка или колледж?

— Да, — подтвердил Дар оба ее предположения. — Ну, так мы...

Они вышли на улицу. Только-только начало вечереть. Дар подвел девицу к длинной тележке-антиграву, заваленному всевозможными грузами, накрытыми брезентом.

— О-о-о, боюсь, тут нам места не хватит. Каждая унция груза оплачена. Придется пройтись пешочком.

— Ни шагу не сделаю, пока не получу ответ.

Девица топнула ногой и встала, уперев руки в боки.

— Ответ? — изумился Дар. — А какой был вопрос?

— Этот твой босс — он кто? Капиталист? Аморальный, неэтичный, беспринципный торговец? Простой бармен? Или проВексор?

— О... — Дар присел на корточки и проверил, надежно ли закреплен брезент. — Пожалуй, капиталистом в прямом смысле слова я бы его называть не стал, поскольку он прибыль делит поровну. Мораль у него — как у проповедника, а этика — как у статуи. К тому же он за всю жизнь никого не обманул. А во всем остальном вы совершенно правы, мисс.

— То есть он все-таки проВексор!

Дар кивнул:

— Было дело — преподавал в университете на Луне.

Бритоголовая нонконформистка нахмурилась.

— И что же стряслось? С чего это вдруг он превратился в бармена?

Дар пожал плечами:

— Думаю, эта идея пришла ему в голову из-за того, что у него такая занятная фамилия — Барман.

— Барман? — задумалась девица. — Чолли Барман? Погоди-ка... Уж не Чарльз ли Т. Барман?

Дар молча кивнул.

— Так ведь он же знаменитость! То есть... я хотела сказать... он должен быть самым знаменитым из ныне живущих преподавателей!

— Ну, по крайней мере — известным. — Дар в последний раз подергал ремешки и встал. — Он в свое время высказывал довольно экстравагантные идеи по поводу того, каким следует быть образованию. Видимо, эти идеи особой популярностью не пользовались.

— Слыхала я об этом. Вот только не пойму — почему. Он ведь говорил всего-навсего, что каждому хорошо бы получить образование в колледже.

— И тогда эти люди стали бы конкурентами для тех, кто уже успел получить такое образование, — вздохнул Дар и весело улыбнулся. — Но дело было не только в этом. Он искренне полагает, что все обучение должно вестись по системе «один на один», вследствие чего его жутко невзлюби-

ли администраторы. Ну, вы сами представьте — каково это было бы, платить такой уйме преподавателей! Кроме того, он предлагал проводить занятия в неформальной атмосфере, дабы студент как бы и не догадывался о том, что его обучают. А это означало, что преподавателям следует работать тайно — ну, к примеру, под видом тех же барменов. Из-за этой идеи он навлек на себя возмущение педагогов.

Бритоголовая нахмурилась.

— Вот об этом я не слыхала.

Дар пожал плечами:

— А он, между прочим, публиковал эти идеи, и о них можно было прочесть — вернее говоря, можно было бы успеть прочесть до того, как партия ЛОРДов убедила книготорговцев, что эту книгу рекламировать и распространять не стоит.

— Понятно. — Губы девицы вытянулись в ниточку, а выражение лица стало такое, словно она проглотила какую-то кислятину. — Свобода печати нынче уже не та, верно?

— Конечно, не та. Но теперь вы хотя бы понимаете, почему он ведет такие глубокие философские беседы. Чолли никогда не упустит шанса немножечко попреподавать на стороне. А уж стоит ему подцепить кого-нибудь на крючок философскими штучками, он позволяет таким приходить к нему со служебного входа. Там у него есть такая комнатка, где всегда открыт бочонок с пивом и полки с книгами — от пола до потолка.

Девица несколько смущенно кивнула:

— Похоже, ты... вы тоже кое-что читали?

Дар усмехнулся и покрепче ухватился за привязанный спереди тросик.

— Ну, пошли?

Они вышли по переулку на улицу, залитую пластритом. Девица шагала следом за Даром в глубокой задумчивости.

Наконец она не выдержала и обратилась к Дару:

— Но здесь-то он чем занимается? То есть... я понимаю, он занимается тем, что осуществляет свои идеи на практике, но почему здесь? Почему не на какой-нибудь планете побогаче и поближе к Терре?

— А-а-а... тут дело вроде бы в ЛОРДах, насколько мне известно.

— В этой фашистской клике? Что они фактически руководят Ассамблеей — это я знала, но что они и на систему образования лапу наложили — это я слышу впервые!

— Да вы сами посудите, — развел руками Дар. — Они говорят, что им нужно сильное централизованное правительство, — то есть на самом деле ведут речь о тоталитаризме. А для тоталитаристского правительства нет угрозы страшнее, чем либеральная система образования.

— О... — На лицо девушки словно грозовая туча набежала. — Ну конечно! Ну и что же они предпринимают в этой связи?

— Ну... Чолли со мной подробностями не делился, но у меня такое подозрение, что на Луне на него готовилось покушение, вот он и удрал оттуда. Наемные киллеры преследовали его, потому он бежал от них, покуда они не прекратили погоню, и в конце концов оказался здесь.

— И что, он до сих пор опасается покушения?

Дар одарил девицу белозубой ухмылкой.

— Пока тут всем заправляет Шаклар, опасаться ему нечего. Кстати... если мы собираемся в путь вместе, неплохо было бы познакомиться и перейти на «ты». Собственно, вы уже перешли... Меня зовут Дар Мандра. — И он протянул руку.

Девушка снова как бы отшатнулась и задумалась над его предложением. Потом все-таки медленно, нерешительно протянула руку и торжественно представилась:

— Саманта Байн. Можешь звать меня просто Сэм.

Дар сжал ее руку, тряхнул и изобразил самую теплую улыбку, на какую только был способен.

— Приятно познакомиться, Сэм. Добро пожаловать на урок.

— И верно... — задумчиво проговорила она. — Тут ведь так много такого, что не попадало в отчеты, правда?

Проходя под аркой городских ворот, Сэм запрокинула голову и нахмурилась.

— Как-то... архаично, что ли... Я-то думала, что города, обнесенные стенами, строили только в Средние века.

— Это исключительно из-за того, что на момент создания здесь колонии у военных на вооружении имелись пушки, а у вольмарцев их не было.

— А теперь есть?

— Ну... — Дар подумал и ответил уклончиво: — Скажем так: они над этим работают.

— Эй, вы! Стоять! Ни с места!

Дар и Саманта оглянулись и увидели, что за ними следом бежит полковник в невообразимой военной форме.

— Эй, ты, Дар Мандра! — задыхаясь, проговорил он, поравнявшись с парочкой. — Ты-то точно знаешь... что в два часа... за ворота уходить запрещается!

— А что, уже два? — Дар с притворным изумлением воззрился на солнце. — Боже мой, как же быстро время пролетело! — Он развернул тележку-антиграв. — Пойдем, Сэм. Нужно вернуться в город.

— Это почему? — подозрительно прищурилась Сэм. — Что не так?

— Абсолютно ничего. Просто сейчас время для того самого сражения, которые, как ты справедливо отметила, происходят тут непрерывно.

— Время? — удивилась Сэм. — Вы что же, тут по расписанию сражаетесь?

— Естественно. В восемь утра и в два после полудня, ровно через восемь часов. Как раз хватает времени передохнуть, перекусить и переварить пищу.

— Восемь часов? — недоверчиво переспросила Сэм. — Но ведь с восьми утра до двух дня всего шесть часов!

— Нет, восемь. На Вольмаре в сутках двадцать восемь часов, так что полдень тут наступает в четырнадцать ноль-ноль. — Дар подтянул тележку к стене и прислонился к ней спиной. — Ну вот. А теперь постарайся держаться здесь, далеко не отходи.

— Не волнуйся, не отойду. — Сэм прижалась спиной к пластритовой стене и решительно скрестила руки на груди. — Я твердо намерена вернуться на Терру, чтобы рассказать обо

всем, что увижу. Так что я вовсе не намерена попасть под шальной луч бластера.

— О, не попадешь, за это можешь быть спокойна, но тебя могут захватить в плен.

Из-за холмов показались размалеванные яркими красками фигуры. Они быстро приближались. Сэм вздрогнула и напряглась.

— Аборигены?

— Да, вольмарцы, — кивнул Дар.

— У них что, лиловая кожа?

— Да нет, это они так раскрашиваются. А по-моему, зеленые набедренные повязки недурно смотрятся на лиловом фоне, верно?

Воины двигались нестройными рядами, потрясая на ходу копьями с белыми наконечниками и что-то выкрикивая.

— Смерть голокожие! Смерть, значит, подлые тюремщики! Свободу, значит, вольмарцы!

— Это такая традиция, — пояснил Дар.

— То есть? Выговор?

— Да нет, угрозы.

— А-а-а, понятно. Но каков диалект! Я понимаю, почему они говорят по-террански, но откуда эта жуткая грамматика и уйма «значит»?

Дар пожал плечами:

— Честно говоря, понятия не имею. Мы уж несколько лет как гадаем, но пока лучшее, до чего смогли додуматься, так это до того, что этот диалект вольмарцы позаимствовали у каких-то стереотипных варваров — может, увидели в каком-нибудь видеофильме. Эти варвары-мятежники — они ведь так романтичны.

Из ворот высыпали солдаты и выстроились ровной шеренгой в ста ярдах от вольмарцев. Их ярко-зеленая форма была как с иголочки, все складочки были отглажены так, что о них, наверное, можно было бы порезаться. Ботинки, начищенные до блеска, сияли, сверкали пуговицы, молнии и прочие металлические аксессуары. Свои копья с белыми наконечниками солдаты держали на изготовку — ровнехонько под сорок пять градусов к телу.

— Шаклар помешан на дисциплине, — пояснил Дар Саманте. — Каждый солдат получает награду в две терранских УЕ, если у него начищены ботинки, еще две — если у него вычищена форма, еще две — если она выглажена, ну и так далее.

Солдаты о чем-то негромко переговаривались. До Дара доносились отдельные фразы:

— Треклятые вольмарцы думают, будто им принадлежит вся планета!

— Не им приказывать нам, что делать!

— Ага, думают, будто смогут нами править, тупоголовые ослы!

Сэм, сдвинув брови, в изумлении воззрилась на Дара.

— Что за бред? Звучит так, словно они считают вольмарцев здешним правительством!

— Так и есть, — усмехнулся Дар.

Сэм хмурым взглядом обвела шеренгу солдат.

— А что у них за оружие?

— Оружие?! — искренне возмутился Дар. — Ты за кого нас принимаешь? Что мы, по-твоему, — шайка дикарей?

— Но ведь ты вроде бы говорил, что...

БУМ-М-М! — оглушительно грянул откуда-то с высоты удар огромного гонга, и офицеры прокричали: «Вперед!»

Вольмарские вожди взревели, и их воины посыпались с холма навстречу солдатам, издавая на бегу свирепые боевые кличи.

Солдаты ответили им не менее свирепыми воплями.

Вскоре две шеренги налетели друг на дружку, и тут же началась невообразимая сумятица: и вольмарцы, и люди размахивали и тыкали своими копьями куда попало.

— Это что же — цивилизованный бой? — ошеломленно поинтересовалась Саманта.

— Очень даже цивилизованный, — ответствовал Дар. — Тут нет никаких таких глупостей, чтобы кто-то кого-то убил или даже ранил. Понимаешь, у нас тут людей и так не хватает.

Сэм обернулась к нему. Она явно не верила ни своим глазам, ни своим ушам.

— Но... как же вы определяете, кто победил?

— А с помощью копий, — сказал Дар. — Их наконечники изготовлены из мягчайшего мела. Стоит только коснуться этим наконечником противника, и он оставляет на нем весьма заметную отметину.

Мимо них пробежал солдат, а за ним по пятам мчался вольмарец, вопя благим матом. Неожиданно солдат присел, кувыркнулся и резко выпрямился. Его копье чиркнуло по груди вольмарца и оставило на ней длинную белую полосу. Вольмарец мгновенно застыл, как вкопанный и от огорчения закусил губу. Затем физиономия его помрачнела, и он, размахивая копьем, пошел на солдата.

— Время от времени кто-то теряет самообладание, — пробормотал Дар.

Но тут оглушительно прозвучал свисток, и к дерущимся бросился офицер-терранин.

— Ну все, все, будет вам! Ты, вольмарец, выбываешь из боя, это белым по лиловому написано у тебя на груди! Ступай, ступай, или я позову кого-то из твоих командиров.

— Угнетатель бедные беззащитные дикари! — разбушевался вольмарец. — Мы, значит, восставать! Мы, значит, скидывать вы на фиг!

— Это можно, это можно, давай, приходи завтра. А сейчас отойди в сторонку, будь хорошим мальчиком, вот так! — И офицер знаками повелел вольмарцу удалиться.

Тот не трогался с места. На его физиономии застыло злобное, мстительное выражение. Но вот он все-таки, буркнув, швырнул наземь свое копье и нехотя направился к стоявшей в стороне от поля брани группе, состоявшей из вольмарцев и терран. То явно были выбывшие из «боя».

Офицер кивнул.

— Ну, вот и славно, — улыбнулся он вслед вольмарцу и поспешил к другим бойцам.

К Дару, пошатываясь, подошел солдат, выигравший поединок с вольмарцем. Он ухмылялся и помахивал копьем.

— Ну, как я разрисовал этого «хорошего мальчика»?

— Превосходно. И еще десяток УЕ заработал! — крикнул ему в ответ Дар. — Ты молодчина, солдат!

Солдат осклабился, помахал Дару рукой и снова бросился в бой.

— Десять кредиток? — выпалила Сэм и побледнела. — Не хочешь же ты сказать, что ваш генерал платит солдатам вознаграждение?

— Нет-нет, что ты! Не генерала же пометили мелом! Заплатит вольмарец.

— Что?! Что ты сказал?

— Так и будет, уверяю тебя. Как только бой закончится, офицеры переведут десять кредиток со счета помеченного мелом вольмарца на счет этого солдата. Должен же хоть какой-то элемент риска существовать!

— Ну да, — кивнула Сэм. — Риска. Понятно. — И тут в глазах ее вспыхнули веселые огоньки. — Слушай... а ведь эти... раненые, они там, похоже, просто-таки веселятся!

— Да?

Дар прищурился и присмотрелся к сгрудившимся в кучу вольмарцам и терранам. Те дружелюбно болтали, чокаясь большими пивными кружками. Посреди толпы сновали двое рядовых и трое вольмарских воинов с подносами, разнося пиво и собирая деньги.

Дар обернулся к девушке.

— А почему бы, собственно, и нет? Надо же как-то убивать время.

— Ну да, — обескураженно кивнула та. — Почему бы и нет, действительно.

Но тут сразу несколько офицеров дунули в свистки, и все сражавшиеся замерли на месте и опустили копья с меловыми наконечниками. Лица у большинства бойцов выражали глубочайшее отвращение.

— Хватит! — проревел один из офицеров.

— Хватит война! — эхом отозвался один из вольмарских вождей.

Соперники начали расходиться. Слышались оживленные разговоры.

— Непрерывная война... Вот она, оказывается, какая... — пробормотала Сэм.

Дар прислонился к стене и принялся насвистывать развеселый мотивчик.

Тут с запада появились две впечатляющие фигуры — полковник-терранин при полном параде и вольмарец в ярком плаще и с замысловатой прической.

— Это верховные главнокомандующие, — внес ясность Дар. — Они же — уполномоченные для ведения мирных переговоров.

— Стало быть, спортивные судьи, — заключила Сэм.

Каждый из офицеров отобрал бойцов, получивших меловые отметины, — тех, кто сам оных отметин на себе не заметил. Большинство из них этим обстоятельством были весьма удивлены, а некоторые искренне удручены.

Офицеры направили их к группе «раненых», пробавлявшихся пивком, после чего им было велено выстроиться в шеренги, что они и сделали, продолжая причем прихлебывать пиво. Офицеры прошлись каждый вдоль шеренги «противника», посчитали «раненых» по головам, после чего поменялись местами и произвели подсчеты собственных «пострадавших» на поле брани. Затем они отошли в сторонку, дабы обсудить результаты «боя».

— Моя, значит, получились двадцать девять, а твоя, значит, тридцать две.

— У меня тоже так получилось, старина. Спорить не стану.

Вольмарец осклабился и протянул терранину руку:

— Деньги на бочка давай!

Полковник вздохнул, вытащил чековую книжку и подписал чек. Вольмарец с ослепительной улыбкой убрал его в карман.

Затем к ним подошли терранский лейтенант и один из вождей вольмарцев. Каждый из них нес кипу бумаг. Главнокомандующие взяли у них бумаги и быстро просмотрели. Оказалось, это были некие жалобы со взаимными претензиями.

— Многовато сегодня. Но поровну, верно ведь? — проговорил полковник, подравнивая края стопки бумаги. — Вот только эта лишняя, что сверху.

Вольмарец кивнул:

— Моя та же самая.

— Ну, так давай сверим... О'Шварцкопф!

— Сэр!

Из шеренги вперед шагнул, выразительно покачиваясь, некий капрал. Надо отдать ему должное — кружку с пивом он держал крепко.

— Этот воин... значит... как его... Кслитплокс... он утверждает, что пометил тебя. Это так?

— Так, сэр.

— Кслитплокс! — рявкнул вольмарский главнокомандующий.

— Моя здесь! — хлебнув пива, выступил вперед вольмарец.

— О'Шварцкопфы утверждать, значит, что они тебя пометить.

— Они пометить, значит, — кивнул и осклабился вольмарец.

— Могли же они друг на дружку налететь, — заметил полковник.

Вольмарский вождь пожал плечами:

— Какой разница? Вычеркивай оба, значит. Будет по нули, ничья, значит.

Полковник кивнул.

— Хотят обменяться десятикредитками, так это их личное дело. Ну, что же... — Полковник поднял вверх зажатые в руке бумажки и помахал ими вольмарцам. — Сразу передам в банк.

— Моя, значит, тоже, — торжественно кивнул вольмарец и ловко подхватил с подноса две пенные пивные кружки. — Выпивать по такой повод?

— Не возражаю, — широко улыбнулся полковник, взял у вольмарского вождя кружку и приветственно поднял ее: — За революцию!

— Вас хаель! — выкрикнул вольмарский вождь и чокнулся с полковником. — Мы, значит, восставать, мы, значит, сбрасывать и хоронить под земля ненавистный колониальный правительство!

— А мы, соответственно, уничтожим вольмарскую тиранию. Ваше здоровье.

— И твой тоже, — согласно кивнул вождь, после чего они дружно осушили кружки до дна.

— Что же это такое? — выпучила глаза Саманта. — Кто тут у вас против кого восстает?

— Тут все зависит от того, у кого об этом спросишь. Это ведь разумно. Не правда ли? Я хочу сказать, что каждая из сторон полагает, что именно она и является истинным, законным правительством всей планеты, — вот поэтому каждая сторона и полагает, что как раз она-то и является зачинщиком революции.

— Но это же бред какой-то! Всякому понятно, что истинные хозяева планеты — вольмарцы!

— Ну, почему же так уж сразу и они? Они, между прочим, не отсюда родом, точно так же, как и наши вояки.

— Откуда ты знаешь? — прищурилась Сэм.

— Оттуда, что книжки по истории читал. Вольмарцы — потомки так называемых «тони», последних представителей оппозиционной цивилизации, прекратившей свое существование лет сто назад. Послушать бы тебе их музыку — это нечто невообразимое. В гармоническом ладу — двадцать четыре тона. Они сюда удрали от засилья техники.

Сэм поежилась, после чего решительно тряхнула головой.

— Это ничего не меняет. Они первыми сюда высадились.

— Верно, но они считают, что потом явились мы и все испортили. В конце концов, у нас-то ведь, если на то пошло, действительно хоть что-то похожее на правительство имеется. А у них все правление заключается в том, что они садятся кружком и ведут бесконечные споры, покуда не приходят в конце концов к согласию по какому-нибудь вопросу.

— Звучит просто-таки божественно, — прошептала Сэм, и в ее глазах появилось мечтательное выражение.

— Может, и так, но восставать им положительно не против кого, только против генерала Шаклара — ну, то есть так

вольмарцам кажется. Ну а мы в свою очередь полагаем, что они пытаются диктовать нам, как себя вести, — вот поэтому и мы тоже бунтуем.

— Спорить бесполезно, — пожала плечами Сэм. — Наверное, зря я так возмущалась. Похоже, ваша «непрерывная война» абсолютно бескровна и дружелюбна.

— Конечно, особенно если вспомнить, как она протекала пару лет назад.

— То есть? Тут была настоящая война? С палками и камнями?

— Знаешь, если привязать камень к палке, то им можно и убить. И убивали. Я видел множество солдат, которые лежали на земле с размозженными черепами. Сочившаяся из их ран кровь ручьями текла по траве. И еще я видел других, которых проткнули копьями с кремневыми наконечниками или убили стрелами. Словом, наши убитые выглядели просто-таки жутко.

— А что, мертвые вольмарцы такие уж хорошенькие?

— Ты знаешь, в то время мне так казалось, — признался Дар и поморщился. — По крайней мере мертвые вольмарцы хотя бы выглядят аккуратно — всего лишь маленькая дырочка портит их внешний вид. Даже крови нет — ведь ранение, нанесенное лазером, им же и прижигается.

Сэм схватила его за руку и возмущенно воскликнула:

— Ну, хватит! Это уж слишком!

— Прости, — извинился перед ней Дар. — Не думал, что у меня получится настолько впечатляюще.

— Просто у меня хорошее воображение, — буркнула девушка и, отшвырнув руку Дара, гордо запрокинула голову. — А сколько тебе тогда было лет?

— Восемнадцать. И признаться, от этого всего мне было худо. Да всем тут было худо.

— Но они не знали, как прекратить противостояние?

— Конечно, не знали. А потом сюда назначили Шаклара.

— Ну и что же он сделал? Допереговаривался до того, что войне пришел конец?

Дар нахмурился.

— Как ты догадалась?

— Я просто пошутила. Переговорами войну не закончишь!

Дар пожал плечами.

— Может, он волшебной палочкой махнул. Я знаю одно: он таки ухитрился убедить вольмарцев в том, что переговоры лучше войны. Как он этого добился, я понятия не имею, но в конце концов он заставил их подписать договор вот о таком ведении войны, которое ты сегодня наблюдала своими глазами.

— И что же — по-твоему, это так удивительно? Он попросту проявил гуманность.

— Порой про это как-то забываешь, — признался Дар. — Но на мой взгляд, Шаклар ничего дурного не сделал.

— Видимо, остальные солдаты на этот счет такого же мнения?

Дар кивнул.

— Они могут прохаживаться по адресу адмирала флота. Они могут хихикать над Генеральным Секретарем Межзвездной Федерации. Не исключено, что они могут засомневаться в справедливости деяний самого Господа нашего. Но они никогда не осмелятся сказать хоть слово против генерала Шаклара!

Сэм мстительно ухмыльнулась и уже была готова что-то сказать, да, видно, передумала и замерла с открытым ртом. Простояв так пару секунд, она закрыла рот и сказала:

— Видимо, в противном случае тут запросто можно угодить в беду.

— Какие размеры беды вас бы больше устроили, мисс? Здесь стандартными являются следующие: ширина — два фута, длина — шесть футов и глубина — тоже шесть.

— Ни один человек не может располагать такой властью!

— Властью? Так ведь даже приказов не отдает! Он просто просит...

— Ага, просит. А ваши солдатики, подминая друг дружку, торопятся первыми исполнить его просьбу. Это же... тупо!

Дар пожал плечами.

— А кто и когда от солдат требовал такой уж неслыханной интеллектуальности?

— Это следствие стереотипного мышления, — фыркнула Сэм. — А на самом деле сущий абсурд.

— Ну, хорошо, абсурд или не абсурд, но солдаты должны быть немного тупыми, — возразил Дар и подмигнул Саманте. — А ты разве не стала бы именно так относиться к человеку, который сберег твою жизнь, не говоря уже о том, что он спас твою честь?

— Моя честь в спасении не нуждается, благодарю покорно!

Дар решил оставить свое мнение при себе.

— Послушай, есть только два способа прекратить войну. Бывает так, что кому-то посчастливится победить. Но здесь этого не произошло. А бывает так, что обеим сторонам удается спасти свою честь. Шаклару это удалось.

— Пока верю тебе на слово, — не слишком уверенно проговорила Сэм. — Главное, на мой взгляд, в том, что он нашел способ, благодаря которому удается спустить пар, охладить пыл, неизбежно возникающий при столкновении двух разных цивилизаций.

Дар кивнул.

— К тому же его метод позволяет избежать любых недоразумений.

Сэм нахмурилась.

— Пожалуй, что так. Но не станешь же ты утверждать, что Шаклар все так и задумал?

— Почему же не стану? Еще как стану. А ты разве не в курсе? Шаклар — он же психиатр.

— Психиатр? Как — психиатр?

— А вот так. Так уж получилось — совершенно случайно командование флота назначило на тюремную планету человека с самым подходящим образованием. Я так считаю, что у всякого солдата, который сюда попадает, есть какие-то проблемы с психикой.

— А если проблем нет, то они неизбежно появятся через полчаса пребывания здесь. Но ваш Шаклар мазохист!

— Не будь он мазохистом, разве он выдержал бы на такой работе? — Дар огляделся по сторонам, озирая «поле брани». — Ну вот, похоже, все подуспокоилось. Пошли.

Он забросил канат за плечо и потащил антиграв вперед по равнине. Сэм, помедлив немного, зашагала следом.

Поравнявшись с Даром, она сказала:

— Не слишком-то хочется признаваться, но ты таки действительно прочистил мне мозги.

Дар бросил на нее удивленный взгляд.

— Я не нарочно.

— Извини, я не хотела тебя обидеть. Я просто признаюсь тебе, сказала правду.

— Ах, так это был комплимент! У тебя, стало быть, первоначально сложилось о нас неправильное мнение?

— Спасибо за столь тактичное напоминание, — буркнула Саманта. — Но ты рано радуешься. Я еще не сказала, что была неправа. Но готова признать: кое-что не так, как я ожидала.

— А чего ты ожидала?

— Я ожидала увидеть в вашем лице отбросы общества.

— А что? — пожал плечами Дар. — В каком-то смысле мы и есть отбросы. Тут ведь все дело в семантике, так ведь? Если ты находишься в тюрьме, это надо понимать так, что ты пребываешь на самой низкой ступени социальной лестницы.

— Но в тюрьму людей, по идее, отправляют именно за то, что они пали настолько низко, что ниже не бывает!

— По идее — это может быть. Очень даже может быть, что когда-то так оно и было. А что теперь? Сюда можно попасть только за то, что оказался в неправильном месте в неудачное время.

— Это разве не то же самое?

— Нет, — покачал головой Дар и поджал губы. — Ты уж поверь мне — нет.

— Так убеди меня в этом!

— Послушай, — негромко проговорил Дар, — одно из правил пребывания на тюремной планете состоит в том,

что никто ни у кого не спрашивает, за что его сюда отправили.

— Об этом я догадывалась, — кивнула Сэм, не сводя с Дара глаз. — Но я тебя спрошу.

Дар побледнел, еще крепче сжал губы. Помолчав несколько секунд, он наконец шумно выдохнул.

— Ладно. Я тебе расскажу не про себя, а про одного своего знакомого. Подходит?

— Как пожелаешь, — пробормотала Сэм.

Еще несколько минут Дар шел вперед молча. Потом проговорил:

— Назовем его... ну, скажем... Джордж.

Сэм кивнула.

— Джордж был замечательным малышом. Ну, там... хорошие родители у него были, и жили они в чудесном маленьком городке, где были замечательные школы... словом, жил-поживал он и горя не знал. А потом ему наскучила школа, и он бросил учиться.

— И его забрали в армию?

— Нет. Этот полоумный юнец сам завербовался! Ну а поскольку у него, естественно, не было ни капельки опыта в работе с грузами, в бухгалтерии, кладовщичестве и тому подобных вещах, его, как ты понимаешь, определили в квартирмейстерский корпус.

— Ты там с ним познакомился?

— Я? Ну, можно и так сказать. В итоге его обучили работе с грузами, выучили пилотировать небольшой космический тягач, и потом он довольно долго мотался туда-сюда, перетаскивал грузы с шаттлов на звездолеты. Ну и, само собой, считал себя асом-звездолетчиком и все такое прочее.

— А я думала, он в армии служил...

— Армии тоже корабли нужны. Как бы то ни было, поначалу эта работа ему очень нравилась, а потом он все-таки заскучал.

Сэм прикрыла глаза.

— И ему захотелось перемен.

— Точно, — печально кивнул Дар. — И он подал прошение о повышении, и его назначили... кладовщиком. Он чуть умом не тронулся. Целый день напролет ему приходилось слоняться по здоровенному ангару и присматривать за тем, чтобы роботы ничего не перепутали и поставили нужные ящики в нужные ячейки, но при этом надо учесть, что из этих самых ячеек крайне редко что-либо доставалось и столь же редко в них ставилось что-либо новое, так что сбрендить очень даже было от чего. А Джордж, надо сказать, время от времени слышал всяческие байки про то, как ласково обходятся даже генералы с сержантами, сидящими за навигационными компьютерами, и про то, какие грузы им порой приходится доставлять на другой край Галактики.

— Понимаю, это, наверное, для него звучало заманчиво.

— Будет звучать заманчиво, когда у тебя еще молоко на губах не обсохло. В общем, Джордж решил, что ему стоит снова попытать счастья, и опять подал прошение о переводе на другое место.

— Его можно понять, — негромко отозвалась Сэм. — Он ведь собирался в армию, ему хотелось тяжким трудом завоевать себе право на лучшую жизнь.

— Ясное дело, — кисло усмехнулся Дар. — Ну, в общем, подал он прошение... Он ведь, естественно, кое-что соображал в компьютерной обработке данных — ну, то есть владел самыми элементарными азами, которым учат в школе. Школу-то он бросил раньше того времени, когда там начинают преподавать информатику всерьез, вот и пришлось учиться теперь. По вечерам, после работы, по три часа каждый день, всякое такое... Но получилось. Он прошел тест и стал капралом.

— Пока, как мне кажется, у него все шло хорошо. Ну а что было дальше? Его посадили за терминал?

Дар кивнул.

— Несколько месяцев он только тем и занимался, что выполнял то, что ему велели, — вводил в память компьютера те цифры, которые ему давало начальство. К концу первого месяца он уже знал наизусть компьютерные коды каж-

дого армейского подразделения и каждого корабля флота. К концу второго месяца он мог без запинки перечислить места их постоянной дислокации.

— Ну а концу третьего месяца, — заключила Сэм, — он начал понимать, что это ничуть не лучше, чем слоняться между складскими стеллажами.

— Правильно мыслишь. Потом... как-то раз сержант снабдил Джорджа какими-то цифрами, которые поначалу показались ему бессмысленными. Он ведь проработал уже довольно долго и мог определить, что эти цифры значат. Судя по ним, груз представлял собой гигантскую нагревательную систему, а код места назначения означал, что груз направляется на Гамму Бетельгейзе.

— На Гамму Бетельгейзе? — нахмурилась Сэм. — Похоже, через меня проходили подобные документы. Это ведь... планета, поросшая тропическим лесом?

Дар кивнул:

— Вот и Джордж то же самое подумал. Одно дело, когда туда отправляли инсектициды и средства для борьбы с избыточной влажностью воздуха. А тут — гигантская обогревательная система. Ну, он, само собой, помчался к сержанту и доложил о том, что обнаружил ошибку, просто-таки сияя от гордости. Думал, что помог начальству не швырнуть такие деньжищи на ветер.

— Ну а сержант, естественно, велел ему заткнуться и делать, что велено?

— Ведь ты сама работала в бюрократическом учреждении, верно? «Пункт первый: начальник всегда прав. Пункт второй: если начальник не прав, смотри пункт первый». Так вот... Но наш Джордж — он, видишь ли, имел кое-какие понятия о нравственности там, чести... ну и, кроме того, он еще слышал сплетни про то, за что именно генералы гладят по головке хороших сержантов-снабженцев.

— Насколько я понимаю, тот сержант был как раз из этого разряда?

— И ведь походило на то, правда? В общем, Джордж совершил праведный поступок.

— То есть? Заложил того сержанта?

— Ну, нет, не настолько же он был туп. В конце концов, ведь речь-то шла всего лишь о наборе цифр. Кто мог доказать, когда они попали в компьютер и откуда взялись? Нет, сержанта обвинить в чем-либо было совершенно невозможно, а вот он бы запросто мог превратить для Джорджа ближайшие несколько лет в сущий ад. Закладывать его не имело никакого смысла, а потому Джордж совершил другой праведный поступок. Он взял да и поменял кодировку груза, так что вместо системы обогрева получилась система охлаждения.

Сэм выпучила глаза.

— О нет!

— Ну вот, — сокрушенно кивнул Дар. — Как я посмотрю, ты все правильно понимаешь. Но Джордж был невинен. Он ведь знал только правила работы с компьютером, вот и решил, что правила работы с людьми повинуются той же логике.

Сэм покачала головой:

— Бедняга. Ну и что с ним сталось?

— Поначалу все было тихо, — ответил Дар. — Что характерно, никаких жалоб с Гаммы Бетельгейзе не поступало.

— А потом начал бушевать сержант?

— Нет. Ведь таким поведением он бы себя выдал с головой. Ведь я же сказал: наш Джордж понятия не имел о правилах работы в коллективе. Как-то раз, измучившись ожиданием, он взял да и отправил запрос по системе, дабы выяснить, что случилось с тем оборудованием.

Сэм закрыла глаза.

— О! Только не это!

— Но именно это и произошло. Это, конечно, было не совсем так, как если бы он начал размахивать сигнальным флажком, дабы привлечь к себе внимание, но близко к тому. И на Гамме Бетельгейзе сразу все пришло в движение. Оттуда даже поступило прошение о представлении к награде того лейтенанта, который внес изменения в заказ, поскольку с помощью той самой системы охлаждения удалось в местном госпитале спасти от перегрева несколько сот чело-

век. Но еще до конца рабочего дня сержант вызвал Джорджа к себе в кабинет.

— Он рассердился?

— Он был вне себя от ярости. То есть, прямо говоря, он был готов изжарить беднягу Джорджа на угольях за то, что тот внес изменения в кодировку груза вопреки его приказу. Джордж пытался объясниться, но для сержанта имело значение только то, что Джордж его ослушался и тем подставил. Он объявил Джорджу, что подает на него жалобу лейтенанту с просьбой о наложении дисциплинарного взыскания.

— Так значит, этот лейтенант и был тем, кто хотел подсидеть генерала на Гамме Бетельгейзе?

— Генерала или кого-то из его подчиненных. Кто знает? Может быть, в тамошнем штабе трудился кто-то такой, кто в свое время — может быть, еще во времена учебы в академии — чем-то оскорбил лейтенанта, под командованием которого трудился Джордж. Как бы то ни было, лейтенанту не было нужды затевать громкий процесс. Достаточно выполнить рекомендации сержанта. Вот он и выполнил их: разжаловал Джорджа в рядовые и перевел на Эту Кассиопеи.

— Да... могло быть и хуже, — задумчиво пробормотала Сэм.

— Ну а Джордж слыхал, что там идет война, но не это было самое страшное. Ты же помнишь, что этот лейтенант ведал компьютерным отделом?

— Конечно, помню, склероза у меня пока не отмечается, — огрызнулась Сэм. — Все ясно. Предписание было проведено через компьютер с подтасовкой, и в итоге Джордж отправился... нет, не на Вольмар! Только не сюда!

— Как раз сюда он и отправился, — сладко улыбнулся девушке Дар. — И как только он подал свои бумаги здешнему офицеру, тот почему-то тут же заключил, что перед ним — военный преступник, и заковал его в кандалы.

— Ну и ловко же сработано... — восхищенно покачала головой Сэм. — Сразу — в тюрьму, даже без трибунала... Этот лейтенант — он сообразительный малый оказался.

— Да не то чтобы такой уж сообразительный. Просто он хорошо петрил в системе. Вот так здесь оказался Джордж и, естественно, ничего не мог поделать.

— Но разве он не мог написать жалобу? — воскликнула Сэм и прикусила губу. — Нет, конечно, не мог. Что это я?

— Вот-вот, — кивнул и горько усмехнулся Дар. — Попал бедолага Джордж в переделку. Да и напиши он жалобу — она непременно попала бы в компьютер, а лейтенант был большим специалистом по компьютерам. Да и кто бы допустил осужденного заключенного к компьютерному терминалу?

— А командир корабля его не послушал бы?

— С какой стати? Ведь каждому известно, что любой преступник всегда готов с пеной у рта утверждать: «Я этого не делал!» И потом... раз уж в твоем досье сказано, что тебя отправили на каторжную планету, то это уж, как говорится, до конца жизни.

Сэм медленно кивнула:

— Восхитительная месть. Он дал Джорджу сдачи, он убрал его с глаз долой и позаботился о том, чтобы тот никогда до него не дотянулся. — Она посмотрела на Дара. — Или отсюда все-таки возвращаются по домам, когда заканчивается срок наказания?

Дар покачал головой.

— Тут не существует такого понятия, как окончание срока наказания. На Вольмар попадают только те, кто осужден пожизненно. — Он остановился и куда-то указал. — А жизнь заканчивается вон там.

Сэм обернулась.

Они стояли посреди широкой плоской равнины. В нескольких сотнях ярдов в стороне стояло пластритовое здание, от которого в разные стороны разбегались высокие и длинные заборы. Кроме этого здания, на равнине ничегошеньки не было — она представляла собой безлюдную и бесплодную пустошь, изрытую глубокими черными воронками, края которых запеклись и блестели.

— Космопорт, — кивнула Сэм. — Я там побывала.

— Прекрасный первый вид на окрестности, верно? Специально выбрали самое дикое место на всей планете, чтобы заключенные сразу могли убедиться в том, какое их ожидает будущее. Вот тут и закончилась жизнь Джорджа.

— И началась его новая жизнь?

Дар покачал головой.

— Два года он гадал, не в преисподнюю ли, часом, угодил. Днем приходилось отбивать атаки вольмарцев, швырявшихся какими-то жуткими заостренными штуковинами, а по ночам приходилось терпеть побои от надзирателей, если, не дай бог, начиналась икота. — Дар кивком снова указал в сторону блокгауза космопорта. — Самым мерзким, что я увидел, как только попал сюда, были именно надзиратели. Они были буквально повсюду. С виду — настоящие гориллы, и обожали боль. Чужую, естественно.

— Да, понимаю. А где же они теперь?

— Отправились куда-то, к местам новых назначений, в соответствии с указаниями компьютера. Как только здесь появился Шаклар, всех надзирателей словно ветром сдуло.

— Как это — сдуло? — ошарашенно огляделась по сторонам девушка. — Это невозможно!

— Ну, не в прямом же смысле, — улыбнулся Дар. — Как бы то ни было, они исчезли. Ты сейчас видишь тут хоть одного надзирателя?

— Нет, но... на мой взгляд, форма тут у всех одинаковая.

— Когда я сюда угодил, тут форму не носили. Первым делом мне выдали серое тряпье каторжника и велели поскорее в него облачиться. — Видимо, это воспоминание отозвалось болью в душе Дара, так как он нахмурился и прикусил губу, но все же сумел встряхнуться и улыбнулся. — Но это было давно, одиннадцать лет назад. Теперь форму тут носим мы, а надзиратели испарились.

— Почему?

Дар пожал плечами:

— Шаклар решил, что ношение военной формы способствует поддержанию дисциплины и ответственности. И был, между прочим, прав.

— Нет, нет, ты меня не понял. Я насчет надзирателей спросила.

— И совершенно зря. Ты сама посуди, как тут у Шаклара все налажено. Зачем ему сдались надзиратели?

Сэм сдвинула брови. Задумалась.

— Ну... чтобы заключенные не могли совершить побег.

— Куда им было бежать-то? — Дар обвел горизонт рукой. — В вольмарские деревни? Но мы уже тогда с вольмарцами воевали. С тех самых пор, как тут была основана, так сказать, колония...

— Да нет же! Я говорю про побег с планеты! К нормальному обществу! К жертвам ваших преступлений! Ко всей Вселенной!

— И как бы ты сбежала с этой планеты?

Сэм раскрыла рот... и растерялась.

— Если предложишь план побега, я его выслушаю с полным восторгом, — сверкнул глазами Дар.

Сэм сердито поджала губы.

— Главное — тронуться с места. Только и надо — набрать скорость побольше. Достичь скорости убегания!

— Грандиозная идея! И как же ее достичь? Просто бежать побыстрее? Руками на бегу размахивать?

— Ой, только избавь меня от издевок, ладно? Ну, естественно, для начала нужно похитить звездолет!

— Об этом мы, конечно, и сами думали... — мечтательно проговорил Дар. — Но вот беда — звездолет прилетает сюда только раз в месяц. Ты ведь на нем и прилетела, так что тебе ли этого не знать? Ну и куда он направляется?

— Он? Куда направляется? Ну... это же звездолет, он вообще посадку не совершает. Он просто выходит на орбиту. И летает вокруг... вокруг...

— Луны, — подсказал Дар. — А на поверхность Луны тебя доставляет шаттл. С его борта ты топаешь в космопорт по переходной трубе, потому что у тебя нет скафандра. И в самом шаттле, и по всему космопорту полным-полно скрытых видеокамер — это для того, чтобы команда шаттла могла убедиться, что его не намереваются захватить беглые каторжники.

— Скрытые видеокамеры? Откуда ты о них знаешь?

— От Шаклара. Он нам про них рассказал. Как раз перед тем, как отослал с Вольмара всех надзирателей до единого.

— О, вот как. — Сэм принялась задумчиво покусывать нижнюю губу. — Но что бы они предприняли, если бы убедились в том, что группа беглых каторжников намеревается-таки захватить шаттл?

— Тогда они выпустили бы из здания космопорта весь воздух и отключили бы систему обогрева. Там воцарился бы вакуум. К тому же всем терминалом управляют с дистанционного пульта, установленного на звездолете. То есть там даже нет никакого служащего, у которого можно было бы стащить связку ключей, образно выражаясь.

Сэм поежилась.

— Не переживай, — посоветовал ей Дар. — Мы ведь так или иначе не смогли бы туда и близко подойти.

— Это почему? — насторожилась Сэм.

Дар развел руками.

— Ты сюда как попала?

— С базы прислали катер, чтобы нас сюда доставили.

Дар кивнул.

— А ты не поинтересовалась, почему катер не ожидал вас на орбите?

— Вообще-то... — медленно проговорила Сэм, — я подумала о том, что это как-то... непредусмотрительно... но сейчас вообще в сфере космических перелетов все не так, как было раньше.

— Упадок, согласен, — кивнул Дар. — А ты заметила, когда катер стартовал к Вольмару?

— Ну, вот ты спросил, и теперь я припоминаю... он стартовал после того, как улетел звездолет.

Дар кивнул:

— Вот-вот. Как раз перед тем, как покинуть орбиту, со звездолета к катеру был отправлен импульс, под действием которого заработали двигатели катера — заработали ровно на двадцать четыре часа.

— Но ведь это довольно долгий срок. И если действительно задаться такой целью, можно захватить катер после посадки, улететь на спутник Вольмара и выждать там несколько месяцев до прибытия очередного звездолета.

— Грандиозно! Да, красота! Можно захватить с собой сандвичей и устроить там славный пикничок. Сандвичей понадобится много, а здесь пищу хранить подолгу не принято, поэтому и копить ее придется не один месяц. Так что сандвичи наши, увы, успеют подзачерстветь. А это очень жаль. Кроме того, двигатели катера автоматически отключаются после того, как он совершает один виток вокруг спутника. Но главная проблема, конечно же, воздух.

— Я же могла дышать на том терминале, на спутнике!

— Задержись ты там на сутки — не смогла бы. Суточный запас воздуха для терминала доставляет прибывающий звездолет. Они высылают вперед специальную бригаду, та заряжает терминал воздухом, и как только челнок отваливает от звездолета, включают давление. — Дар устремил взгляд к небесам. — Нет, пожалуй, мне было бы совсем не в кайф ждать там звездолета целый месяц. Денек-другой я бы еще подышал углекислотой, но потом мне бы это наверняка прискучило.

— Углекислота — это газ, — неизвестно зачем уточнила Сэм ледяным тоном. — Насколько я понимаю, автором создания этой очаровательной маленькой системы является Шаклар?

— Да нет, она и до него существовала. Не удивлюсь, если такая система применяется на всех каторжных планетах. Так что... словом, к тому времени, как сюда прибыл Шаклар, он уже понимал, что надзиратели тут нужны, как собаке пятая нога.

— Ну, разве что только для того, чтобы присматривать, как бы вы тут не перебили друг дружку! Сколько тут таких, кто осужден за хладнокровное убийство?

— Ты знаешь, таких не так уж и много — кто за хладнокровное, я имею в виду. Большая часть убийств была совершена в состоянии аффекта. — При этих воспоминаниях Дар поежился. — Так что кровь была ой как горяча. Но

горстка отъявленных негодяев тут имелась. Точнее, их было трое. И все трое отчаянно рвались к власти.

— Зачем? — нахмурилась Сэм. — То есть... я хотела сказать, о какой уж такой власти тут может идти речь? Наверняка всякая власть — блеф, если только нет возможности покинуть эту планету!

— Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что твоя точка зрения слишком провинциальна? Позволь напомнить тебе: тут ведь как-никак — целая планета, никак не меньше.

— Но никаких денег.

— Настоящих денег здесь нет, не спорю. Но я же и не говорил, что они рвались к богатству. Рвались они к власти.

— Чем же они мечтали править? Горой грязи? Кучкой солдат? Какой от этого дерьма прок?

— Ну, спасибо за комплимент, — буркнул Дар.

— Ой, прости, пожалуйста. — Сэм в испуге широко открыла глаза. — Просто я порой забываю о чужих чувствах. Вот заговорилась и забыла.

— Да ладно тебе. Это со всяким бывает, — махнул рукой Дар. — Вот так, наверное, и начинается жажда власти.

— Как? С того, что кто-то забывает о чужих чувствах?

Дар кивнул:

— Да. Когда тебя начинают заботить только собственные переживания. Наверное, когда ты босс, ощущаешь себя в большей безопасности, и это для тебя становится самым главным.

— Не сказала бы такого про тех боссов, с которыми приходилось иметь дело мне. Те только за то и переживали, как бы их кто не подсидел и не выкинул с насиженного местечка. Это я только чиновников имею в виду! — Сэм зыркнула на Дара. — Можешь себе представить — некоторые из них даже телохранителей себе нанимают!

— Почему бы мне и не поверить? Поживешь на каторжной планете без надзирателей — так еще и не в такое поверишь!

— О... Ты хочешь сказать, что твои собратья по несчастью были еще похуже, чем гориллы надзиратели?

— Намного хуже, — подтвердил Дар. — В том смысле, что от надзирателей хотя бы понятно, чего ждать, — они носят форму. А что до собратьев по несчастью, то никогда не угадаешь, кто из них в следующее мгновение всадит тебе перышко под ребро.

— Перышко? Это... нож, что ли? Разве вам тут разрешается носить ножи?

Дар нетерпеливо пожал плечами.

— Вольмарцы же умеют затачивать кремни. И мы научились. Кто бы нам в этом помешал, когда не стало надзирателей? В общем, они погрузились в катер и отбыли, Шаклар удалился в свою резиденцию из стекла и бетона и заперся там за тройными замками и засовами толщиной с бревно... ну а тут из лесу и вышли хищники. Всякий, кто имел на кого-то зуб, тут же набросился на обидчика. Началась поножовщина. Или ты, или тебя.

— Как это... аморально! — не сдержалась Сэм. — И как он только мог попустительствовать такому безобразию!

Дар снова пожал плечами.

— Наверное, ему было нелегко. Господь свидетель — среди нас действительно хватало опасных преступников. И как только потекла кровь, они начали сколачивать группировки для самозащиты. Довольно скоро появились небольшие бандитские шайки, промышлявшие разбоем и грабежами.

Сэм фыркнула:

— Да что у вас было красть? Какие такие ценности?

— Да хотя бы еду, если на то пошло. И вся система раздачи пайков пошла прахом. Бандиты, члены шаек, отказывались работать. Надзирателей больше не было, так кто бы их заставил работать? В конце концов мы окружили склад и взломали двери. Еды при этом больше перепортили, чем съели. — При воспоминании об этом инциденте Дара передернуло. — Вспомнить только: дрались на ножах из-за копченых окороков! А мне, помнится, хотелось сквозь землю провалиться или отыскать какую-нибудь норку и спрятаться в ней.

— Этики у вашего генерала не больше, чем у акулы! — взорвалась Сэм. — Как же он мог сидеть сложа руки и позволять, чтобы такое творилось!

— Думаю, у него имелись некие собственные соображения на тот счет, как это все закончится.

— Да как он мог? Какие у него могли быть соображения? При таком хаосе разве можно что-то предсказать?

— Ну, не то чтобы предсказать...

— О чем это ты? Вы же могли попросту переубивать друг друга!

— Но ведь как раз это и можно было бы предсказать, верно? Но все-таки этому вряд ли суждено было случиться. Нас было слишком много — почти полмиллиона. Это, можно считать, полноценное сообщество, а анархия — неустойчивое состояние сообщества. Как только небольшие шайки начали понимать, что не имеют стопроцентных шансов одолеть другие шайки, они стали заключать перемирие и сливаться в шайку покрупнее, намереваясь в итоге сколотить самую большую шайку, которая уж точно побьет всех остальных.

— Ну а остальным маленьким шайкам не оставалось ничего другого, как только заниматься тем же самым, — понимающе кивнула Сэм. — Что, в свою очередь, означало, что шайки побольше впоследствии начали сливаться друг с другом, образуя нечто вроде небольших армий.

— Совершенно верно. Только большинство из нас за этими процессами не следило. Просто как-то уж так вышло, что сразу, как бы откуда ни возьмись, возникли три здоровенные шайки.

— Возглавила их та самая троица, про которую ты говорил?

Дар кивнул.

— Причем расстановка сил была почти равной, и потому стычки ничего не решали. Погибли шестьдесят человек, но и только. А это означало, что лучше было держаться подальше от каждой из этих трех группировок, в противном случае тебя могли поставить на место погибшего.

— Ну и что было дальше? Две шайки заключили перемирие, объединились и напали на третью?

— Нет, сначала на всех нас напали вольмарцы.

— А-а-а... — удивилась Сэм, но тут же медленно кивнула. — Что ж, это резонно. Что же им было делать — сидеть и ждать, пока вы сорганизуетесь?

— Вот-вот. Куда больше смысла было напасть на нас в ту пору, пока организация у нас хромала. Ну а мы, естественно, в то время уже перестали выставлять дозорных на городской стене, так что вольмарцы преспокойно напали на нас под покровом ночи.

Сэм поежилась.

— И... как же это вышло, что вас всех не закололи насмерть спящими?

— А так, что у Большой Тройки были-таки свои дозорные — их выставляли на тот случай, чтобы подстраховаться — вдруг да нападет чужая шайка. Ну и вот... среди ночи дико взвыли сирены, все повскакали, забегали, суматоха поднялась, и тут сработала военная выучка.

— Военная выучка? — непонимающе нахмурилась Сэм. — А при чем тут это? Я думала, что вы заключенные.

— Это так, но мы при всем том оставались солдатами. А ты что думала, что армия подкинула сюда пару-тройку батальонов, чтобы они вместо нас отбили вольмарцев? Нет, драться нам пришлось самим, под командованием собственных сержантов и лейтенантов. Нас и муштровали в свое время. Надзиратели держались в сторонке и приглядывали за тем, как бы нам не пришла в голову какая-нибудь уж совсем сумасбродная идея... типа пострелять из лазерных пушек.

— Но как же вам позволили взяться за оружие?

Дар пожал плечами.

— Да какое оружие? Луки, стрелы, копья. Но и это, что ни говори, а давало нам кое-какие преимущества над вольмарцами. Так что, как только взвыли сирены, мы, как по команде, кинулись в арсенал за луками, а если нам по пути попадались вольмарцы, мы их укладывали по всем правилам рукопашного боя. Ну а когда мы уже были воору-

жены, мы построились и взревели: «К бою готовы, сержант!» Сержанты — они тоже с нами побежали в арсенал за оружием, если, конечно, еще были живы на ту пору.

— А большинство, конечно, были живы?

— Ну, что тут сказать? Ранг имеет свои преимущества. Да, большинство сержантов действительно были живы, и они отдали нам соответствующие приказы.

— Как и положено сержантам.

— Ну да. Но только на сей раз приказ был очень специфический — крушить без пощады любого, на ком нет военной формы, за что мы и принялись под командованием сержантов, которые между тем, исполняя совместно с нами собственный приказ, пробивались к лейтенантам, дабы получить указания свыше. Мало-помалу мы разбились на более или менее приличные по численности подразделения, и вскоре лейтенанты уже орали благим матом в свои наручные комы, вызывая Шаклара и требуя от него инструкций на тему, как быть дальше.

— Но с какой бы стати им у него?.. — Сэм не договорила. Похоже, на нее снизошло озарение. — Я поняла! Военные — они же страшные бюрократы. Никто из них не желает взять на себя ответственность, чтобы потом не получить по шапке.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — усмехнулся Дар. — Как я тебе уже сказал, как только вольмарцы перебрались через стену, сработала привычка. Думаю, привычка сработала и у Шаклара. И он таки стал давать лейтенантам инструкции.

— Привычка, говоришь? Ха! Да он этого только и дожидался! Он только на это и рассчитывал!

— Ты думаешь, я сейчас все брошу и начну с тобой спорить до хрипоты? И не подумаю. Но как бы то ни было, у Шаклара в резиденции стояли видеомониторы, да и в тактике он был не дурак, так что вскоре он уже отдавал приказы. — Дар с сомнением покачал головой. — Только это были еще те приказы! «Лейтенант Уокер, слева пробивается группа вольмарцев. Полагаю, неплохо было бы вам опередить их и преподнести им ма-аленький сюрпризик!» Или такой, скажем: «Лейтенант Эйбл, в отряде сержанта Дортера справа

от вашего батальона народа вдвое меньше, чем у осадившего их противника. Не будете ли вы так добры и не отправите ли им капельку резерва?»

— Да перестань! Ни один генерал так не разговаривает со своими подчиненными!

Дар клятвенно поднял руку.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но он разговаривал именно так! Я был неподалеку от лейтенанта Уокера и нечаянно подслушал их переговоры по кому.

— Хочешь сказать, что участвовал в этом сражении?

— А у меня разве был другой выбор?

— Но ты же вроде бы хотел найти норку и спрятаться в ней!

— Верно, так я и сказал. Но я же не сказал, что мне удалось ее найти.

Сэм, пылая праведным гневом, отвернулась.

— Все равно не верю. С какой бы стати ему так с вами любезничать?

— Это мы потом поняли — с какой стати. На самом деле он давал нам понять, что война эта наша, нам на ней и сражаться, но он готов при желании дать нам пару-тройку советов.

— Полезных, как я понимаю?

— О, еще каких полезных! Уже через час вольмарцы были отбиты к стене. А потом Шаклар посоветовал лейтенантам отвести войска назад и дать вольмарцам шанс убраться подобру-поздорову, на что большинство лейтенантов среагировали примерно так: «Гори огнем эти приказы! У нас появился шанс покончить с этими ублюдками!» — «Воистину так, — согласился Шаклар, — но у каждого из них дома остались братцы и кузены — по шесть экземпляров оных на каждого из вас. Пожелаете и с ними разделаться — что ж, это ваше право, но только за каждого своего они укокошат двоих из вас». В общем, лейтенанты обмозговали это дело и пришли к выводу, что доля правды в словах Шаклара имеется, так что они последовали его совету и отступили. А вольмарцы храбро и ловко перелезли через стену и были таковы.

— А потом он велел вам переломать лазерные пушки?

— Нет, пушки были отправлены с планеты вместе с надзирателями. И слава богу: страшно представить, что бы могли натворить, располагая пушками, рвущиеся к власти главари. Но ручные бластеры у нас оставались, в арсеналах. А арсеналами, надо сказать, главари завладели сразу, как только набрали шайки. Так что... как только взвыли сирены, главари тут же отперли арсеналы и велели своим подручным вооружиться. От бластеров в ближнем бою толку не было, но как только вольмарцы перелезли через стену и дали деру, мы сами забрались на стену и принялись палить им вслед, и палили как сумасшедшие, пока лейтенанты не опомнились и не стали на нас орать, чтобы мы поберегли заряды. Вольмарцы с позором бежали, а пальба продолжалась до самого утра.

— Победа, — язвительно проговорила Сэм.

— Более внушительная, чем может показаться на первый взгляд. Как только пальба стихла, появились трое главарей и вальяжно так объявили: «Ну все, шабаш! Сдавайте пушки. По домам!»

— Ты не шутишь?

— Да нет, — пожал плечами Дар. — Это же они открыли нам арсеналы. Так что, по их мнению, теперь нам следовало сдать оружие. Но это — по их мнению.

— Надеюсь, оно не совпало с вашим?

— Конечно, не совпало. Мы просто развернулись к ним со зловещими ухмылками и наставили бластеры на них. Но сами мы помалкивали, вести переговоры стали лейтенанты.

— Какие переговоры?

— Ну, это по-разному было. Те, что были погуманнее, говорили: «Руки вверх», а остальные не церемонились — сразу кричали: «Огонь!» Ну а мы действовали в соответствии с их указаниями.

Губы Сэм сложились в букву «О», но вслух она ее не произнесла.

— Все произошло быстро и милосердно, — заметил Дар. — Куда более милосердно, чем того заслуживали эти мерзавцы.

— И что же вы стали делать, когда их не стало? Я в том смысле, что они как-никак поддерживали некое подобие социального порядка.

— Насколько я понимаю, ты придерживаешься расплывчатых определений. А дело было так: покуда на поле боя остывал пепел и прах погибших, лейтенанты собрались на совет.

— И избрали лидера?

— Понимаешь, у них было полное согласие по вопросу о том, что какой-то лидер нам нужен. Но вот относительно того, кто именно должен им стать, их мнения радикально разошлись. Имелись четверо кандидатов на этот ответственный пост, и эти кандидаты были готовы отстаивать собственные кандидатуры до хрипоты, но никак не могли ни о чем договориться — даже о том, чтобы устроить выборы.

— И долго это продолжалось?

— Довольно-таки долго, и в конце концов обстановка снова накалилась до предела. Ребята начали нервничать и переглядываться: того и гляди дадут приказ стрелять друг в друга.

— Но вы бы не стали этого делать!

— Не знаю, если честно. Знаешь, воинская дисциплина так глубоко въедается... Никто не знает, как поступит, когда услышит приказ: «Огонь!»

Сэм поежилась.

— Так кто же вы такие — животные, что ли?

— Насколько мне известно, философы до сих пор головы ломают над этим вопросом. Мое любимое изречение — «Человек — это животное с чувством юмора». К счастью, того же мнения придерживался и лейтенант Мандринг.

— Кто он такой?

— Он как раз обладал чувством юмора. И выдвинул на пост лидера кандидатуру генерала Шаклара.

Сэм резко развернулась к Дару — воплощенная ярость. Однако взгляд ее тут же стал отстраненно-задумчивым.

— А знаешь...

Дар поднял указательный палец.

— Вот-вот. Примерно так же отреагировали на это предложение остальные лейтенанты. Они, конечно, сначала в гневе возопили, но потом поняли, что это шутка, и от хохота повалились на землю. Отхохотались, переглянулись и вдруг надолго умолкли.

— Но ведь сам Шаклар им этого не предлагал!

— И не надо было. Он просто дал им отведать блюда под названием «самоуправление». Попробовали и довольно быстро захотели поменять диету. Вот только каждому не хотелось быть первым, кто скажет об этом вслух. В итоге эту роль на себя взял лейтенант Гриффин, у него просто талант такой — спасать чужую репутацию. Жаль только, что он не умеет так же ловко обходиться со своей собственной...

— Ну и что же было дальше?

— А? А дальше... Он сказал: «Почему бы нам не спросить, что он сам об этом думает?» А когда все в очередной раз отсмеялись, лейтенант Эйбл и говорит: «А что, ради смеха можно было бы и спросить». А лейтенант Уокер говорит: «Правильно. За спрос денег не берут. И потом: мы же не обязаны делать так, как он нам скажет». С этим, естественно, никто спорить не собирался, ну а поскольку последнее слово сказал лейтенант Уокер, ему и поручили обратиться к Шаклару. Он вызвал генерала по кому, объяснил, какая сложилась ситуация, и спросил, как бы генерал поступил на их месте. А Шаклар ему ответил, что был бы рад возглавить командование, но предпочел бы, чтобы на этот пост был избран кто-то из их рядов.

Сэм язвительно усмехнулась:

— О, как это мило с его стороны! Ну а потом?

— Они спросили его, как провести выборы. Он предложил, чтобы они выкрикнули по очереди имена всех лейтенантов и чтобы за них голосовали поднятием рук.

— И кто выиграл?

— Все. То есть никто. Никто не набрал ни единого голоса. Тогда лейтенант Мандринг предложил проголосовать за генерала Шаклара.

— Долгой ли получилась пауза?

— Да не очень. Все вдруг поняли, что жутко проголодались. А потом начали руки поднимать, и вышло, что за генерала проголосовали триста шестьдесят человек из четырехсот.

— За человека, который вам даже на глаза не показывался — сидел сиднем в своей крепости? С чего бы это?

— Думаю, большей частью из-за того, что наступил такой жуткий хаос, но во многом потому, как здорово Шаклар руководил ходом сражения. Солдаты, знаешь ли, такое очень ценят. Словом, связались с Шакларом и сообщили ему, что он выбран лидером.

— Вот уж он небось обрадовался!

— Трудно сказать. Он тяжко вздохнул и попросил лейтенантов, чтобы они до завтрака избрали парламент, а за едой потолковали бы о конституции.

— О конституции? В тюрьме?

— А почему нет? Ведь его избрали руководителем, верно?

Взгляд Сэм снова стал отсутствующим.

— Вроде бы да...

— Избрали, избрали, с этим не поспоришь. И между прочим, этот момент и стал поворотным в нашей истории. Именно с тех пор мы перестали думать о том, что мы в тюрьме, и стали считать свое поселение колонией. И когда мы написали конституцию, мы не стали называть Шаклара начальником тюрьмы, мы назвали его губернатором.

— Ну, просто-таки неслыханная щедрость с вашей стороны, особенно если учесть, что Терра его уже назначила губернатором, — фыркнула Сэм.

— Это верно. Терра, но не мы. Однако как только он приобрел поддержку населения, он смог править нами без надзирателей.

— В каком-то... смысле... это разумно.

— Правда ведь? Но только тогда, когда имеешь возможность сделать тюрьмой целую планету, с которой никто не имеет возможности дать деру. Ну а здесь все обстоит именно так. Потому Шаклар смог совершенно запросто отпра-

вить надзирателей по домам, и мы остались тут предоставленными сами себе.

— И вы, естественно, решили, что уж лучше так, чем как раньше.

— Не без того. Ну а как только положение Шаклара упрочилось, он не преминул предложить Совету кое-какие реформы.

— Совету? — изумилась девушка.

— Органу законодательной власти. Теперь, между прочим, и вольмарцы напропалую агитируют за то, чтобы в Совете заседали и их представители. Между прочим, ничего дурного в этом нет — нам, торговцам, до зарезу необходимы союзники в их рядах. Кстати, Шаклар уговорил Совет учредить местную валюту.

— О, тут наверняка возникла масса споров!

— А как же — в Совете набралось порядком коммунистов. Но валюту все-таки учредили — на бумаге, естественно. За пределами планеты от наших денег толку чуть. И все равно наши УЕ тут можно заработать много за что — одну УЕ за аккуратный внешний вид, две — за чистоту во дворе, ну и тому подобное.

— Потрясающе! А тратить ваши УЕ где можно?

— Нет проблем. Генерал уговорил Чолли открыть лавочку. А потом некоторые из заклю... ой, прости — колонистов решили, что дела у него идут очень даже неплохо, и...

— И очень скоро тут у вас развелась масса капиталистов.

— Да нет, возникли только самые необходимые предприятия — универсальный магазин, ремонтные мастерские да три кафешки.

— Этот ваш «универмаг» больше тянет на торговый центр.

— Ну, это как посудить... Как бы то ни было, всем сразу захотелось иметь побольше УЕ, солдаты взялись за ум, начали следить за своим внешним видом, и...

— И их моральный облик редкостно возрос, — заключила Сэм. — Поскольку в этом плане им было над чем потрудиться.

— Все верно. А потом Чолли стал приплачивать торговцам местным эквивалентом табака, и...

— Он — наркобарон!

— Если хочешь, можешь его и так называть. Но оказалось, что тут есть рынок сбыта для этого растения. После обработки листья трубочника очень сильно теряют в объеме, содержащийся в них алкалоид не вызывает эйфории и не снимает боли, но при этом замедляет процесс старения. Этим очень заинтересовались компания «Юниверсал фармацевтикэлз», Межзвездная ассоциация гериатрии и...

— Я все поняла. Денежки потекли рекой.

— Но это действительно недешевое удовольствие — особенно дорого обходилась добыча трубочника поначалу, когда она была сопряжена с опасностью. Но Чолли закупил кое-какие инструменты, с помощью которых стеклянные бусины возможно стало превращать в почти что драгоценные камни, и как только мы наладили обмен, бизнес начал процветать.

— А вольмарцы сразу утратили свою враждебность, — понимающе кивнула Сэм.

— Верно мыслишь, — улыбнулся Дар и весело пнул носком ботинка густую траву. — Ну а потом... довольно скоро мы договорились с ними о регулярных сражениях, вроде тех, какое ты наблюдала сегодня самолично.

— Итак: торговля процветает, нравственность растет, вы делаете первые шаги по пути к объединенному обществу, каждый ощущает, будто ему даны некие возможности, и... — Сэм запнулась и в изумлении покачала головой. — Нет, просто не верится! Планеты в центре Галактики прозябают, корчатся в болезнях и занимаются самобичеванием, а тут, на задворках, вам удалось построить прогрессивное общество, у членов которого, быть может, даже есть надежда на лучшее будущее! И это в то время, как на Терре народ просто в отчаянии от того, что не может улучшить свое существование!

— О чем ты говоришь? — возмутился Дар. — Как это — улучшить? Ведь у них есть положительно все! Да у них...

— Ничего нет, — закончила за него фразу Сэм. — На Терре подохнешь, завершая дело, начатое твоим отцом, —

это всем известно. Там у тебя есть крыша над головой, сервис и жратва. И все.

— Но ведь там даже у нищих есть собственные дома, обставленные такой мебелью, что по сравнению с ней здешняя — просто дрова! И по дому им делать ничего не приходится, там у всех этот треклятый сервис. Представить только — сколько там у всех свободного времени!

— И на что его тратить прикажешь? На то, чтобы потихонечку загнивать?

— Да на что угодно! Между прочим, даже мне доводилось слышать, что там, на Терре, включается в пайки!

Сэм пожала плечами.

— Ну да, можно хоть каждый вечер от пуза нажираться или напиваться в стельку, можно пойти на вечеринку или на какое-нибудь шоу там...

Дар издал судорожный вздох.

— Но заняться там положительно нечем! Нечем, повторяю! Если, конечно, ты не прирожденный государственный деятель, хотя... честно говоря, и государственные деятели мало на что способны и маются от безделья.

— Но... — Дар в изумлении возвел взор к небесам. — Но еще столько неосвоенных планет! Их тысячи!

— Да кому они сдались? — горько усмехнулась Сэм. — Этим мы уже занимались, вот только на Терре жизнь из-за этого ни капельки не стала лучше.

— Не стала лучше? Как это — не стала? Да самая нищая из ваших нищенок живет под стать средневековой королеве!

— Да что ты говоришь? — театрально всплеснула руками Сэм. — А где же тогда, спрашивается, слуги, музыканты, придворные, где рыцари, что готовы драться на дуэли за одну ее улыбку?

— На Терре даже у отбросов общества по три-четыре компьютерных сервиса в доме! Они даже музыку включают сами — чем это тебе не музыканты!

— А придворные где? А рыцари? — Сэм удрученно покачала головой.

— Короли потому были королями, что могли приказывать другим людям, а этого не купишь ни за какие деньги.

Дар несколько мгновений тупо пялился на нее, но вдруг его озарило.

— О-о-о... — протянул он и присвистнул. — Да... это хворь, и нешуточная притом.

— Вот-вот, и упадок к тому же, — улыбнулась Сэм, печально радуясь своей пирровой победе. — Они там погружаются в бездну. Понять я не могу одного — как вам здесь удается избежать этого.

Дар пожал плечами:

— Может, потому, что мы уже на дне? В том смысле, что дальше тонуть некуда — можно только всплывать.

— Ну, правильно... «дальше некуда» в периоде! — воскликнула Сэм, и глаза ее загорелись. — Может быть, в этом все и дело, что вы живете на задворках системы! Вы на краю цивилизации, и все, что вам приходится делать, вы делаете сами, своими руками! Терра слишком далеко, помощи оттуда не дождешься. Но и для того, чтобы диктовать вам свою политику, она тоже слишком далеко. Пока они успеют сказать вам: «Не делайте этого!» — успеет год пройти, как вы сделаете это. А еще дело в том... — И она замолчала.

— В том, что им по-настоящему плевать на нас с высокой колокольни? — усмехнулся Дар. — В том, что планетка эта — сущая дыра и присылают сюда с Терры исключительно такой народец, про который там хотели бы поскорее забыть? Знаешь, руку на сердце положа, я тебе скажу: не удивлюсь, если узнаю, что на Терре и от Шаклара мечтали избавиться.

— Естественно. Ведь он представлял угрозу для тех, кто обладал реальной властью. То есть, в конце концов, он-то по-настоящему талантлив и наверняка мог многим навредить. От таких людей, как от брошенного в воду камня, всегда расходятся круги. Между прочим, я тоже из таких.

— Я заметил, — кивнул Дар и постарался сдержать улыбку.

— И между прочим, ты мне еще не доказал, что вы не обманываете аборигенов.

— Действительно, пока не успел. Но докажу всенепременно. К торговле мы приступаем на закате.

2

— Так костер не разводят, — заметила Сэм.

— Тебе-то откуда знать? — хмыкнул Дар и уложил зеленые ветки и листья на разгоревшуюся растопку. — Ты ведь городская жительница.

— Кто это тебе сказал?

— Ты сама и сказала, что родом с Терры, а Терра — один огромный город.

— Это верно, но там сохранилось несколько крупных национальных парков типа Скалистых Гор. Так что я знаю, что в костер полагается подбрасывать сухой хворост.

— Совершенно верно, — кивнул Дар и, улыбаясь, уставился на клубящийся столб дыма, позолоченный лучами заходящего солнца.

Сэм вздохнула:

— Понятно. Стало быть, ты стараешься привлечь внимание — это сигнальный костер. Но на чем мы приготовим еду?

— Стоит ли об этом волноваться? — пожал плечами Дар и заглянул в мешок с провизией. — У нас с собой только сыр и крекеры. Ну и еще виноградное вино, конечно.

Сэм зябко поежилась.

Как только стемнело, появилась компания — пятеро вольмарцев с мешками через плечо.

— Ага! Вот теперь будет с кем пропустить по стаканчику! — обрадовался Дар и вытащил из мешка бутылку и стаканы.

— Собираешься подпоить их перед тем, как начать торговаться, да? — фыркнула Сэм.

— Чтоб их подпоить, это знаешь, сколько вина надо? Мне столько не унести. Просто они считают это проявлением дружеского расположения. — Дар шагнул навстречу прибывшим и приветственно помахал бутылкой. — Как жизнь молодая?

— Твоя не знать, моя не рассказывать, — осклабился первый вольмарец. — Приятный встреча с тебя, Дар Мандра.

— И я рад видеть тебя, Хиршмейр, — отозвался Дар и протянул вольмарцам стаканы. Они разобрали стаканы, Дар разлил вино и поднял свой стакан. — За торговлю!

— И за выгода, — усмехнулся Хиршмейр и отпил половину вина. — Ух! Славный выпивка после долгий путь и жаркий день сборы трубочник.

— Понимаю, — посочувствовал Дар. — А цены невысоки.

— Пять целые тридцать восемь сотые квачасы за унций на бирже Либра, — торопливо уведомил его второй вольмарец.

Дар изумленно воззрился на него.

— Это ведь самые новые расценки, они прибыли с последним грузовым кораблем. Откуда вы знаете о них?

— А ты наша продавать шибко хорошая радиоприемники в прошлые месяц, — напомнил Дару Хиршмейр. — Ты говорить сержант Уолсток, он передавать очень хороший музыка.

— Непременно скажу. — Дар вытащил из кармана блокнот и что-то нацарапал на листке.

— Правда, барабаны чересчур шибко громкий, — глубокомысленно изрек другой вольмарец.

— Ясно, Стотмейр, — кивнул Дар и сделал приписку. — Кому подлить?

Все вольмарцы, как один, протянули вперед опустевшие стаканы. Дар, насвистывая, обошел всех по кругу и налил всем вина, после чего поднял один из принесенных вольмарцами мешков.

— Ладно, давайте поглядим, о чем тут у нас речь... — И он взвалил мешок на весы, установленные на тележке-антиграве.

— Двадцать семь целых тридцать две сотых килограмма, — сообщило аудиоустройство весов. — Девяносто семь процен-

тов Organum translucem, три процента травы, обрывков листьев и песка.

— Песка предостаточно, — отметил Дар, снял мешок с тележки и поставил его на землю между собой и Хиршмейром.

— Ты точный знать, этот штука не живой? — опасливо поинтересовался один из вольмарцев.

— Нет, она не живая. Но в ней живет дух.

— Нет дух в машина. — Вольмарец уверенно покачал головой.

Дар пристально посмотрел на него и нахмурился.

— Что-то я подзабыл — не продал ли я вам, ребята, серию книжек по истории философии?

— Прошлый год, — осклабился Хиршмейр. — Поганый сделка. Половина племя теперь цитируй, значит, Локк.

— Локка? — скривился Дар. — А я думал, что Беркли и Сартр вам больше придутся по вкусу.

— Это старье быть, — фыркнул Стотмейр. — Это мы с молоко матери выпивать. Ты забывать — наши предки быть оппозиционеры.

— И вправду, про это дело я как-то подзабыл, — признался Дар. — Ну, ладно. Я предлагаю вам по двести тридцать четыре за мешок. Что скажете?

Хиршмейр покачал головой:

— Маловато быть в сравнениях с либранский цены. По либранский УЕ это быть только восемьдесят проценты.

— Ох, поговорю я по душам с сержантом Уолстоком... — проворчал Дар. — Ну, хорошо, пусть так, моя цена на двадцать процентов ниже. Но вы забываете — нам ведь придется уплатить за доставку трубочника на Либру.

— А твоя босс Чолли еще должны тебя уплатить, — добавил Стотмейр. — Мы ничего не забывай, Дар Мандра.

— Согласен, но только ведь и сам Чолли должен поиметь кое-какую прибыль, чтобы не прогореть, — заметил Дар. — Хорошо, как насчет двухсот семидесяти пяти за мешок?

— Десятый часть квачасы? — буркнул Хиршмейр, наклонился и поднял с земли мешок. — Приятный было поболтай с тобой, Дар Мандра.

— Ну, ладно, ладно! Так уж и быть — двести восемьдесят.

— Двести девяносто, — поспешно выдвинул встречное предложение Стотмейр.

— Договорились — двести восемьдесят пять, — тяжко вздохнул Дар и покачал головой. — Чего я только для вас не сделаю, ребята. Вам-то что, вот только в следующем месяце наша встреча может и не состояться. Надеюсь, вам понравится новый торговец.

— Не горевай. Мы говорить Чолли, что мы никого не обижай, — осклабился Хиршмейр. — О'кей. А ты нам чего продавай, Дар Мандра?

— Да так... всего помаленьку, — пожал плечами Дар и повернулся к тележке. — Помогите мне, будьте так добры.

Вшестером они сняли с тележки и поставили на землю объемистый ящик. Дар открыл замки и откинул переднюю и боковую стенки. Вольмарцы столпились вокруг, принялись ощупывать доставленные Даром вещи и возбужденно переговариваться.

— Что такой этот красный камни? — требовательно вопросил Стотмейр, взяв в руки искусственный драгоценный булыжник. — Рубины для лазеры?

Дар кивнул:

— Он выращен синтетически, но работает гораздо лучше натуральных.

— А вот эти штука? — ткнул пальцем другой вольмарец.

— Те же модели, какие ты нам продавай инструкция? — поинтересовался Хиршмейр, взвесив на ладони микросхему.

Дар кивнул:

— DX-четырнадцать. Такими же пользуются во флоте.

— А эти? — Еще один вольмарец поднял и показал Дару какую-то металлическую деталь.

— Часть для сборки автоматического токарного станка, — ответил Дар.

— Кто такие токарные станка? — полюбопытствовал Стотмейр.

Дар усмехнулся.

— Инструкция по эксплуатации стоит всего двадцать пять квачасов.

— Двадцать пять? — ахнул Хиршмейр.

Дар улыбнулся шире.

Хиршмейр одарил его гневным взглядом, покачал головой и кивнул:

— Ты есть разбойники с большая дорога, Дар Мандра.

— Отнюдь. До большой пока не дотянул — так Чолли говорит. Пока я разбойник с узенькой тропинки.

— Чолли будто бы знать, какой бывает узенький тропинка, — проворчал Хиршмейр. — А почем стоить части лазеры?

Дар вынул из кармана прайс-лист и отдал Хиршмейру.

— Вы пока посмотрите, приценитесь, а я взвешу ваши мешочки.

Он принялся один за другим водружать мешки с трубочником на весы, а вольмарцы сгрудились возле Хиршмейра и стали ворчливо комментировать расценки.

Сэм подошла к Дару и похлопала его по плечу:

— Послушай, а что это они совсем перестали вставлять «значит»?

— А? — обернулся к ней Дар. — Да все просто. Они ведь меня хорошо знают, так что выпендриваться им ни к чему.

— Ладно, хорошо... — пробурчал Хиршмейр. — Наша брать три рубины, три ускорители, десять аккумуляторы и полные наборы части для токарные станка.

— По рукам, — кивнул Дар, нажал кнопку на пульте и сообщил: — За все про все с вас четыре тысячи двести тридцать пять терранских УЕ. А ваш трубочник тянет на пять тысяч триста тридцать семь. Можете потратить еще тысячу сто две единицы, Хиршмейр.

— Мы больше не хотеть покупать никакой товары, — решительно заявил Стотмейр.

Хиршмейр кивнул и протянул Дару руку.

— Наличные быть очень хорошо.

— Вы могли бы положить их на депозитный счет в банке, — предложил Дар. — Чолли как раз открывает новую разновидность счетов.

Хиршмейр покачал головой.

— Твоя Чолли платить только какие-то вшивый пять проценты за год. Мы лучше ставить наши деньги, когда в покер играть с солдаты.

— Но это совсем новая система счетов, — настаивал на своем Дар. — Дивиденды пересчитываются ежеквартально, и процент нарастает.

Хиршмейр склонил голову набок и прищурился.

— Как такой — процент нарастает?

— Это значит, что каждые пять месяцев проценты прибавляются к первоначальной сумме, а в следующем квартале проценты рассчитываются исходя уже из новой суммы.

— Значит быть, во второй квартал Чолли платить процент уже из тысяча сто пятьдесят семь целые и сто двадцать пять тысячные, так?

Дар кивнул.

— А за третий квартал он уже будет вам выплачивать проценты с суммы в тысячу сто шестьдесят две и сорок восемь сотых. В итоге за год у вас получится двадцать один с половиной процента.

— Чолли разоряйся, — констатировал Стотмейр.

— Вовсе нет. Он получит солидную прибыль — если многие из вас откроют такие счета. Если он обзаведется начальным капиталом в пять тысяч, он сможет купить акции Межзвездной Ассоциации, а с них доход — двадцать три процента годовых.

Стотмейр запрокинул голову и выпучил глаза. Немного подумав, он развернулся к Хиршмейру:

— Соглашайся давай!

— Думай так? — неуверенно вопросил соплеменника Хиршмейр.

— А как не думай, когда Чолли бывай такой выгода? Это самый честный сделка!

Хиршмейр несколько минут стоял, уставившись себе под ноги, и наконец поднял голову и устремил на Дара взгляд, полный непоколебимой решимости.

— Хорошо. Мы открывай новые счета.

- Вот и славно. Ознакомьтесь с этими бумагами.

Дар протянул бумаги Хиршмейру, но Стотмейр перехватил их, быстро пробежал глазами. Что-то бормоча себе под нос, затем кивнул и передал Хиршмейру. Хиршмейр расписался и полностью вписал свое имя в скобочках. Дар взял у него бумаги и убрал в щель на пульте тележки. Устройство щелкнуло и выплюнуло несколько копий договора вкупе с небольшим голубым буклетом. Дар удостоверился в том, что депозит занесен на новый счет, кивнул и передал бумаги Хиршмейру. Вольмарец аккуратно сложил их, убрал в карман и широко улыбнулся:

— О'кей, Дар Мандра. Приятный было поторговать с тебя.

— Я тоже всегда рад поторговать с вами. — Дар поднял бутылку. — Еще по одной на посошок?

Сэм проводила взглядом удалившихся во тьму вольмарцев. Дар водрузил изрядно опустевший ящик на тележку, накрыл его брезентом, пристегнул лямки. Наконец Сэм обернулась к нему.

— Послушай, а почему они называют это растение трубочником?

— Почему? — оглянулся Дар. — А ты сама посмотри.

Сэм подошла и заглянула в один из мешков.

— Длинные тонкие полые стебли... Действительно, маленькие трубки.

Дар закрыл мешок и накрыл брезентом.

— И качество отличное. Совсем недурно я нынче поторговал.

— Как же недурно? — изумилась Сэм. — Прибыли практически никакой!

— Почти полтора процента, — заметил Дар и выпрямился. — А это очень даже неплохо. Чолли был бы рад, даже если бы по нулям получилось.

— Неужели? — Сэм возмущенно подбоченилась. — Он что, филантроп?

— Он учитель, — напомнил ей Дар. — А Шаклар — политик. Чолли по-настоящему интересует единственное: многому ли вольмарцы научатся в процессе торговли, а

Шаклара заботит исключительно то, чтобы в результате оной укрепились экономические связи между вольмарцами и солдатами. Ну и оба они, само собой, пекутся о добрососедских отношениях.

— Само собой, — язвительным эхом отозвалась Сэм. — Кроме того, насколько я понимаю, каждая твоя вылазка позволяет вам узнать нечто новое о вольмарской культуре.

— Естественно, — кивнул Дар. — И всеми своими познаниями я честно делюсь с Чолли, а уж он заботится о том, чтобы эти познания запустить в качестве сплетен в своем заведении. Дай нам еще десять лет — и солдаты с вольмарцами будут знать друг о друге, как о себе самих.

— Что ж, в финансовых делах они уже, похоже, разбираются очень даже неплохо.

— А Стотмейр и в юриспруденции недурственно ориентируется, — несколько уныло подтвердил Дар. — Тут он прогрессирует просто на глазах.

Сэм нахмурилась.

— Ты говоришь прямо как учитель об ученике, который подает слишком большие надежды и вот-вот заткнет тебя за пояс! Да?!

Дар злорадно ухмыльнулся.

— Ну конечно! — воскликнула Сэм. — Как это я сразу не догадалась! Чолли не торговцев на работу нанимает, он набирает учителей-добровольцев!

— Ты близка к истине, — подтвердил Дар. — Но нам все-таки приходится немного заботиться о прибыли и убытках.

— А как насчет убытков для армии?

— А? — недоумевающе вопросил Дар. — Какие убытки для армии?

— Ну, хотя бы вот эти части для лазеров — это же стратегический товар или как?

Дар долго, не мигая, смотрел на девушку, попутно становясь все серьезнее.

— Да ладно, не бойся. Мне можешь честно сказать. Я это к тому, что уже успела вызнать столько, что мне ничего не стоит вас утопить, если я уж так этого захочу.

Широкая улыбка Дара сменилась печальной усмешкой.

— Куда уж нас топить? Мы и так потонули — глубже некуда.

Сэм это нисколько не тронуло. Она сурово сдвинула брови.

— А откуда ты знаешь — вдруг я, к примеру, шпионка из Межзвездного Бюро? Или лазутчица из штаба армии, которую послали вынюхать, чем тут на самом деле занимается Шаклар? Между прочим, вернувшись на Терру, я запросто могу настучать на Шаклара, и тогда его мгновенно отзовут с этой планеты.

Дар кивнул:

— Запросто можешь, не сомневаюсь.

Сэм попятилась, глядя на него, как мышь на кота, который только-только проснулся.

— Но не станешь этого делать, — заключил Дар.

Сэм возмущенно фыркнула.

— Тебе-то откуда знать — стану или нет?

— Ну, во-первых, я не верю, что на Терре хоть кому-то по большому счету есть дело до того, что тут происходит, — ни в штабе армии, ни в Бюро.

— Шаклар тут фактически занимается основанием военной базы, — напомнила ему Сэм.

— Ну и что? Толку от этой базы... Он даже вольмарцев покорить и то не в состоянии.

— Да, но он намерен объединить их в некое неразделимое сообщество со вверенными ему заключенными!

Дар улыбнулся и пожал плечами.

— И что с того? Как ты думаешь, что он станет делать с этим сообществом? Построит длинную-предлинную лестницу и заберется по ней на Терру? — Он покачал головой. — Шаклар и не думает грозить никому за пределами этой планетки, а уж ребятам на Терре ровным счетом никакого дела нет до того, кому он грозит на Вольмаре. — Дар подбросил и поймал пластиковый кубик. — И потом, не верю я, что ты и вправду шпионка. Ты могла сойти за репортершу, выискивающую маленькую сенсацию, но неужели за маленькой сенсацией стоило забираться в такую глушь?

— Почему бы и нет? — пожала плечами Сэм. — Была бы сенсация. На Терре такая скукотища — там вообще ничего не происходит.

— Ну, ладно, — проговорил Дар. — Допустим, у тебя именно такая цель. Но чего ты в действительности можешь добиться? Слепишь десятиминутный сюжетик для терранских новостей насчет жутких коррупционеров на Вольмаре, да?

— А почему бы и нет? Вольмар так далеко от Терры, что всякий репортаж отсюда сойдет за экзотику. Так что на некоторое время может вполне заинтересовать народ. Поверь, на Терре действительно скукотища смертная.

Дар пожал плечами.

— На шесть дней разговоров — и все дела.

— На девять.

— Ну пусть на девять. Армейские чинуши раскудахчутся: «Батюшки-матушки! Мы и представить не могли, что там творится такое!» Потом пошлют сюда строгую такую официальную бумагу Шаклару, в которой будет написано: «Ах ты, негодный мальчишка! Да как ты только смел творить все эти пакости! То, как ты обращаешься с преступниками, — это чистой воды преступление!» Ну а Шаклар, вестимо, в ответ приведет им пятьдесят совершенно обоснованных причин того, почему он вел себя именно так, после чего напишет: «Но конечно, если вы считаете, что так нельзя, я буду рад впредь все делать только так, как вы хотите». И тогда штаб отпишет ему: «Ладно. Впредь делай только так, как мы хотим!» Тогда штабные скажут про это представителям масс-медиа, а масс-медиа все слово в слово передаст народу в следующем выпуске новостей, и тогда у зрителей возникнет чувство глубочайшего удовлетворения — им будет казаться, что они добились чего-то крайне важного и существенного. А потом про это все сразу забудут.

— Но на самом деле Шаклар палец о палец не ударит, что ли?

— Ну естественно! То есть кое-что он все-таки сделает: он на неделю засадит меня на гауптвахту за то, что я распустил язык. Но я возражать не стану: недельку передохнуть,

сбросить тяжкую ношу ответственности — это ведь совсем недурно.

Сэм вздохнула:

— Ладно. В таком случае расскажи мне об этих запчастях для лазеров сам, потому что тебе хочется рассказать — ну и потому, что нет причин скрывать это от меня. Или есть?

— Да ровным счетом никаких причин нет, ну разве что только... ты ведь большая мастерица понимать по-своему все, о чем бы я тебе ни рассказывал. Ну, так что тебя интересует относительно этих запчастей?

— Это стратегический товар?

— Конечно. Какой еще товар в силах предложить генерал местному населению?

— И тебе не кажется, что это слегка припахивает коррупцией?

— Да нет, не кажется. Лазеры же не используются для военных целей.

— Я про вольмарские военные цели говорю! — взорвалась Сэм. — Это самая настоящая торговля оружием!

— В принципе, можно это и так назвать, — уклончиво отозвался Дар.

— В принципе! Да неужели вы не понимаете, что сами себе подписываете смертный приговор?

— Никакого приговора, покуда мы сохраняем с вольмарцами дружественные отношения, — возразил Дар. — В торговлю Шаклар верит куда более сильно, чем в оружие. Нет, серьезно, ужасно трудно воевать со своими покупателями.

— Трудно — но не невозможно.

— Это верно, — не стал спорить Дар. — Вот почему так важно, чтобы обе стороны научились как можно лучше понимать друг друга и наладили кое-какие социальные связи. Можно воевать с покупателем, но куда как труднее — с другом, если, конечно, нам удастся сделать вольмарцев нашими друзьями. Если же все-таки вспыхнет настоящая война, если против нас объединятся все вольмарские племена,

нам крышка. Они превосходят нас в тысячу раз. Бластеры только ускорят нашу гибель, вот и все.

— Тогда почему бы сразу не продавать им бластеры? — фыркнула Сэм. — Зачем ограничиваться запчастями?

— Ну, во-первых, не так просто раздобыть собранные бластеры. Чтобы армия стала их поставлять на каторжную планету — это, знаешь ли, сомнительно. — Дар нажал кнопку на одной из граней пластикового кубика. Кубик негромко зажужжал. — А вот запчастей нам присылают — хоть завались ими.

Сэм сокрушенно покачала головой.

— Вот оно, безумие бюрократии во всей своей красе! — воскликнула она и, прищурившись, присмотрелась к тому, как жужжащий кубик раскрывается и увеличивается в размерах. — Ну а во-вторых?

— Во-вторых, пока мы им продаем только запчасти и инструкции по сборке, им приходится учиться тому, как эти самые бластеры собирать. — Дар улыбнулся, и взгляд его стал задумчиво-мечтательным. — Ну а в процессе сборки они начинают задумываться над тем, как эти штуки устроены и почему они так действуют. В итоге происходит их знакомство с техникой. Погоди, то ли еще будет, когда они поймут, какая жуткая заморочка — автоматический токарный станок! Только для того, чтобы запустить его, сколько всего надо выучить!

— Слушай, а ты садист, оказывается!

— Все учителя немного садисты, — беззаботно кивнул Дар. К этому времени пластиковый кубик успел превратиться в палатку с двускатным верхом. — Пора устраиваться на ночевку.

Сэм покачала головой:

— Если бы я только знала, что все окажется именно так...

— Эй, я тебе не обещал антигравитационной кроватки с простынями из синтетического шелка!

— Да я не об этом! Я обо всей планете! О том, что тут успел навыделывать ваш генерал! О том, какие у него планы на будущее! Знай я об этом, я бы своими руками установила бомбу на корабле этого нового губернатора!

Дар окаменел, не успев добраться до палатки, и оглянулся через плечо.

— Прости... недослышал?

— Новый губернатор, — хмуро сообщила Сэм. — Не знаешь, что ли? Он завтра прибывает.

Дар отошел от палатки и расправил плечи.

— Представь себе, я не в курсе. И все на Вольмаре — в полнейшем неведении.

— Вам не сообщили? — выпучила глаза Сэм. — Ну... как бы то ни было, это правда. Бюро присылает сюда нового губернатора, облеченного властью отправить Шаклара домой и взять на себя все его полномочия. Они, видишь ли, несколько удручены тем, что так называемый вольмарский вопрос так долго не решается.

— Удручены, говоришь? — выдохнул Дар. — Как интересно... А тебе, прости, откуда известно об этой невинной подробности? Или на Терре про это знает каждая собака?

— Да нет, я бы не сказала, что об этом треплются на каждом углу...

— Понимаю, до нас там мало кому есть дело, — сухо констатировал Дар.

— Просто это был последний документ, который попал ко мне на рабочий стол в тот день, когда я увольнялась. Там было сказано про организацию перелета этого мужика — Билабера и его помощников.

— Билабера? Так его, значит, звать-величать? Ну и что он за птица?

— О... — Сэм пожала плечами. — Да знаешь, ничего особенного. Самый обычный гражданский чиновник-карьерист.

— Понятно, — кивнул Дар. — Зануда небось?

— Есть такое дело, — вздохнула Сэм. — Жутко консервативный — особенно в том, что касается военной дисциплины и отношения к заключенным... А что ты делаешь?

— Вещички складываю, — отозвался Дар, нажал кнопку и устремил задумчивый взгляд на складывающуюся палатку. — Возвращаемся в город.

— Я что-то не то сказала?

— Ты сказала то, что нужно, и тебе придется это повторить как можно скорее. Шаклару. Надо, чтобы он узнал о том, что его ожидает.

3

— Делай что хочешь, но не говори ему о том, что узнал, — посоветовал Чолли.

— Но ведь он должен подготовиться! — запротестовал Дар. — Нужно взять их на абордаж! Открыть огонь, как только в поле зрения появится их звездолет! Выслать им навстречу трипликаты на полной скорости! Накрыть их сверху!

— Лучше снизу — как говорится, из-под прилавка, — поправил его Чолли. — Пойми: что бы ни случилось, Шаклар должен иметь возможность честно и откровенно заявить, что он об этом ровным счетом ничего не знал.

— Ой... — Дар прикусил щеку. — Об этом я позабыл.

— А ты не забывай, — посоветовал Чолли и продолжил вытирать барную стойку. — Чистая совесть — это чистое досье, парень.

— Первое правило на поприще политического вранья, — перевел Дар для Саманты. — Помни о нем. Будь во всеоружии, чтобы потом честно заявить кому угодно, что тебя неправильно поняли, а то и вообще сделали все так, как сами пожелали.

— Но в данном случае нам придется взять все на себя, — добавил Чолли. — Генерал — заправский врун. Он такой врун, что даже не станет признаваться в том, что его кто-то неправильно понял.

Дар решительно кивнул:

— Это точно. Как насчет быстренькой боевой вылазки?

— Нелегально, — отметил Чолли.

— Не думаешь же ты, что от Билабера можно избавиться легальными методами! — взорвалась Сэм.

— Нельзя. Зато можно избавиться от него такими методами, нелегальность которых доказать невозможно.

— Он имеет в виду несчастный случай, — пояснил Дар.

— Восхитительно, — поджала губы Сэм. — «Прошу прощения, сэр, я никак не собирался подсыпать стрихнинчика в ваш мартини!» Или, скажем: «Ой, моя бомбочка! Я ее случайно тут обронил!»

— Эффективно, но непрактично, — проВексионально резюмировал Чолли. — Трудновато будет проигнорировать.

— Но что-то же вы должны сделать! Подумайте о судьбе планеты!

— Только о ней и думаю, — задумчиво проговорил Чолли. — И скажу вам по секрету: у меня такое впечатление, что на этой планете катастрофически не хватает хорошей, въедливой таможни.

— Это настоящее шотландское виски, между прочим, — напомнил сержант.

Дар кивнул:

— Прямо с Терры, «Нова Скотия Регал». По два литра на брата — тебе и твоему капралу.

— Так будет по-честному! — признал сержант, вскинул на плечо лазерную винтовку и встал по стойке «смирно». — Будем день и ночь стоять в карауле, приятель, — ну, то бишь сутки. Вот только на что тебе понадобилось охранять эту старую развалюху, никак в толк не возьму. Там ведь уж лет десять, как ничего не валяется, кроме запчастей да всякого хлама.

— Теперь там кое-что другое имеется, — сообщил Дар, соскреб с двери старого, заброшенного геодезического пункта грязь и пришлепнул к ней табличку. — Тут теперь есть ковер, пять стульев, две пепельницы и конторка.

— «Таможня»? — прищурившись, прочитал табличку капрал. — Это что, взаправду? Официально?

— А как же? — сделал большие глаза Дар. — Конечно, официально. Я сам приказ писал.

— Шаклар распорядился?

— Почему обязательно Шаклар? Не может же он думать обо всех мелочах?

Сержант испустил приглушенный стон и залился краской. Дар пристально посмотрел на него и проследил за его взглядом. К ним шла Саманта, облаченная в обтягивающую синюю форменную пару с золотыми эполетами и беретик с прозрачной лицевой пластиной. Дар вытянулся по струнке. Он и не предполагал, что у девушки такая роскошная фигура.

— Чолли просмотрел свои записи и обнаружил одного вольмарца, который заказал швейную машинку, — сообщила Сэм и вручила Дару небольшой сверток. — Его жена хотела заработать.

Дар приосанился.

— Что ж, превосходно. И во что ему обошелся ваш наряд, мэм?

— Четыре аккумулятора, шесть дул для бластеров, два чипа и смеситель для ванной.

— Стоит того, — оценивающе проговорил сержант, не спуская глаз с девушки.

— Вы лучше делом займитесь, — посоветовала мужчинам Сэм и кивнула в сторону двери. — Мне нужно установить компьютер и бумаги разложить.

— А-а-а... да, верно. — Дар с трудом отвел от нее взгляд и посмотрел на наручные часы. — Сколько у нас времени осталось?

— Чолли сказал, что катер отчаливает от вашей Луны в тринадцать часов, — отозвалась Сэм из помещения «таможни». — А сейчас который час?

— Тринадцать ноль-ноль! — ахнул Дар и стал поспешно раздеваться.

— Приветствую тебя, Дар Мандра!

Дар нервно оглянулся и запахнул расстегнутую куртку, не желая, чтобы кто-то из вольмарцев увидел его голышом. Вместе с Чолли к «таможне» приближался шаман племени сарсов.

— Мир тебе, Дар Мандра. — Шаман поднял руку в приветствии.

— О... и тебе мир, преподобный. — Дар натянул форму, застегнул куртку и тоже поднял руку. — Большая честь видеть тебя, но... почему ты в форме таможенника?

— Как почему? Потому что он теперь у вас в бригаде, верно я говорю, преподобный? — ухмыльнулся Чолли. — Это чтобы все было как надо, Дар.

— Поня-а-а-тно, — довольно протянул Дар. — Ваши фокусы тут очень даже пригодятся, преподобный.

— На время я буду «офицер Гальдэн», Дар Мандра, — сообщил шаман и несколько неуклюже пожал руку Дара — к этому обычаю он еще не привык. — Понимаешь, я не могу гарантировать, что прочту мысли ваших врагов.

— Да-да, я все понимаю. Всемогущая Сила посылает Дар, когда сама захочет. А не когда захотим мы. — Дар завел руки за спину и принялся потирать пальцы, занывшие от боли при рукопожатии шамана. — Но я очень надеюсь, что Сила посетит нас сегодня, препо... то есть офицер Гальдэн.

— Я тоже на это надеюсь, — торжественно возвестил шаман. — Шаклар должен остаться с нами, Дар Мандра. Я не желаю видеть, как вольмарские парни гибнут от выстрелов из лазерных винтовок — и ваши парни тоже.

— Никто этого не хочет, — заверил его Дар, неожиданно вспомнив о своем возрасте.

— И лучше бы тебе так все организовать, чтобы я помалкивал.

— О, я уверен, что это не понадобится, преподобный, — поспешно заверил шамана Дар. — Но вы по-террански говорите лучше меня.

— Это очень любезно с твоей стороны — но все-таки у меня есть небольшой акцент.

— У вас акцент? Вот у меня акцент так акцент, — хохотнул Чолли. — Правда, преподобному акцент даже не помешает: у нас непременно должен быть сотрудник, который понимает по-вольмарски.

— И хотя я для такого случая смыл краску, моя нация написана у меня на лице для того, кто понимает, что к чему. — Шаман вдруг умолк и, наклонившись к Дару,

сообщил: — Великая Сила дарует мне сегодня свою благодать, Дар Мандра. Ваши враги приближаются.

Дар прищурился и задрал голову, однако не разглядел в небе даже крошечной искорки. И все же...

— Верю вам на слово, преподобный. Так давайте пойдем и примем официальный вид?

Катер с оглушительным ревом приземлился, обновив слоем черной копоти посадочную площадку. Дар наблюдал из окна за тем, как спустили трап и открыли люк. Он видел, как прибывшие сошли по трапу и в изумлении застыли при виде будки с табличкой «Таможня». Охранники переглянулись и, отойдя от будки, пошли навстречу гостям. Сержант первым приблизился к группе, держа лазерный карабин наперевес. Он перебросился несколькими словами с невысоким мужчиной с лисьей физиономией, стоявшим в первом ряду. Затем вперед, расталкивая локтями остальных, выбрался другой мужчина и прервал их беседу. Не сказать, чтобы он был так уж высок, и телосложение имел весьма субтильное, но между тем впечатление почему-то производил грозное и внушительное. Чем дольше он беседовал с сержантом, тем отчетливее доносился до Дара его голос. Однако сержант держался несгибаемо и голоса не повышал. Он просто дожидался окончания взрыва эмоций, произносил несколько слов, после чего спокойно пережидал следующий взрыв. Между тем Дар начал замечать, что дуло лазерного карабина сержанта слегка подрагивает, и мысленно плеснул сержанту пару пинт виски с изрядной порцией бурбона.

Наконец худощавый выдохся, в отчаянии запрокинул голову и зашагал к будке. Его свита тронулась следом за ним. Сержант с каменной физиономией замкнул шествие.

— Ну, господа таможенники, — скомандовал Дар. — Приготовились...

Дверь со стуком распахнулась настежь, и в комнатку решительно шагнул худощавый.

— Кто придумал эту комедию?

— Я — дежурный старший таможенник, — стараясь сохранять как можно более нейтральный вид, ответствовал Дар. — Чем могу служить?

— Служить? Да уж, окажите мне такую услугу — препроводите меня в резиденцию губернатора!

— Всенепременно, сэр, как только будут улажены таможенные формальности.

— Таможенные? На этой планете нет и никогда не было никаких таможен! Я прочел всю документацию!

— Это недавнее нововведение, — совершенно искренне признался Дар. — Мы тут, знаете ли, неустанно трудимся над улучшением условий...

В комнату протиснулась свита. Капрал закрыл за ними дверь, после чего они с сержантом бесшумно встали по углам.

— Уважаемый Билабер... — Мужчина с лисьей физиономией прокрался к худощавому. — Вероятно, эти добрые люди не знают о том, каков ваш официальный статус.

При этом он устремил на Дара взгляд, полный такой неприкрытой ненависти, что температура крови в жилах у того мгновенно понизилась на несколько градусов. Краешком глаза Дар заметил, как едва заметно вздрогнул преподобный Гальдэн.

— Весьма возможно, Канис, весьма возможно, — проворчал Билабер. — Послушай, парень, тебе известно, кто я такой?

— Не сказал бы, сэр, но мне бы очень хотелось это выяснить. Не будете ли вы столь добры и не предъявите ли мне свой паспорт?

Дар решил, что предложение Сэм насчет стрихнина, пожалуй, было более подходящим. Нашел «парня», мерзавец!

— Паспорт?! — прогрохотал Билабер. — Молодой человек, знайте же, что я — ваш новый губернатор!

Дар на мгновение разыграл неподдельное изумление, почтительно склонился и протянул Билаберу руку:

— Очень интересное известие, уважаемый. Нужно сообщить об этом в резиденцию. Боюсь, я ничего не слыхал о том, что губернатора Шаклара собираются заменить. Так

могу ли я взглянуть на документ, удостоверяющий вашу личность?

— Что за чушь! На этой планете, битком набитой уголовниками, я должен быть вне всяких подозрений!

— Вот как раз потому, что эта планета, как вы изволили справедливо заметить, битком набита уголовниками, тут положительно никто не может быть вне подозрений, — как по маслу, протараторил Дар. — Боюсь, я вынужден настаивать на том, чтобы вы показали мне свои документы.

Билабер начал заливаться краской и издавать нечленораздельные звуки, но тип с лисьей физиономией коснулся рукой его предплечья, и изменение цвета лица Билабера приостановилось, достигнув алого оттенка.

— Что ж, хорошо, если вы так настаиваете! — проревел Билабер. — Атависта, наши документы, пожалуйста!

Вперед протиснулась худенькая молодая женщина, открыла папку и выложила на конторку стопку пластиковых карточек. Одежда на ней была облегающая и прозрачная, что, учитывая ее телосложение, нельзя было счесть таким уж оправданным. Как бы то ни было, Дар взял себя в руки и сосредоточил взгляд на ее лице, что ему в значительной степени помогло.

Сэм собрала карточки и принялась по очереди просматривать их на компьютерном терминале. Дар заметил, что под карточками лежит пластиковый конверт, адресованный Шаклару.

Преподобный Гальдэн встал рядом с Даром и стал принимать у Сэм одну за другой просмотренные карточки. Глянув на типа с лисьей физиономией, он прошептал так тихо, что Дар его едва расслышал:

— У каждого из них в багаже — копии документов.

Дар, не изменившись в лице, положил руку на конторку, дабы дать понять шаману, что понял его. И еще он заметил, что пластиковый конверт в стопку карточек не возвратился.

Сэм закончила просмотр и что-то негромко сказала преподобному. Тот обернулся к Дару и негромко сообщил:

— Офицер Байн говорит, что документы снабжены секретным кодом и не читаются через наш компьютер.

«Прекрасно, — подумал Дар. — Теперь проблема в том, как это доказать». Сэм оказалась еще более непредсказуема, чем обычно.

— Боюсь, мне придется задержать ваши документы, уважаемый.

— Что?!

Дар устремил взор к потолку, чтобы убедиться, что крыша таможни осталась на своем месте, после чего снова посмотрел на Билабера.

— Боюсь, мне придется задержать ваши документы, — повторил он. — Видите ли, похоже, они снабжены секретным кодом, который не был заблаговременно передан в нашу компьютерную сеть.

— Это возмутительно! — взорвался Билабер. — Встречались на моем пути случаи непроходимого идиотизма, но этот — самый непроходимый! Молодой человек, я не намерен этого терпеть!

— Боюсь, у нас нет другого выбора, — с сожалением проговорил Дар. — Кроме того, учитывая обстоятельства, боюсь, нам придется подвергнуть тщательному досмотру ваш багаж.

Билабер снова покраснел и заперхал, а взгляд типа с лисьей мордой остротой стал подобен ледяному пику.

— Понимаю, вам это может не понравиться, — сочувственно проговорил Дар. — Если так, то катер пока на заправке. Уверен, пилот не станет возражать и доставит вас обратно.

Билабер захлопнул рот, выпучил глаза. Некоторое время в комнатке стояла непроницаемая тишина. Затем Билабер с шипением выдохнул и хрипло произнес:

— Хорошо. Начнем с моего чемодана. Канис, наши чемоданы, прошу вас.

Канис глянул на начальника, нахмурился, но все же шагнул вперед и водрузил на конторку два чемодана. Дар открыл их и передал Сэм и преподобному, и те принялись ворошить стопки аккуратно уложенной одежды толщиной

с папиросную бумагу. Дар не замечал, чтобы его подчиненные что-либо вытаскивали из чемоданов, но когда Сэм закрыла просмотренный ею чемодан и, обернувшись, кивнула Дару, взгляд у нее был очень даже глубокомысленный.

Дар сделал в уме заметку на тему о том, что Сэм, помимо всего прочего, нечиста на руку, а стало быть, с ней не стоит играть в покер, но зато решил, что с ней будет неплохо поиграть в совсем другие игры, если только удастся ее на оные сподвигнуть. Открыв следующий чемодан, Дар передал его сотрудникам.

«Таможенники» трудились быстро, но чемоданов оказалось довольно много, и досмотр так или иначе затянулся. Члены свиты Билабера начали нервничать, переговариваться, но сам Билабер стоял как скала, скрестив руки на груди. Рядом с ним, словно зловещая статуя, застыл Канис. Дар скорее сравнил бы его с манекеном чревовещателя: трудно было понять, кто тут на самом деле вел переговоры — сам Билабер или его главный помощник.

Наконец Сэм закрыла последний чемодан и кивнула «начальнику». Дар с улыбкой развернулся к Билаберу:

— Все в порядке, уважаемый.

— Благодарю вас, — кисло отозвался Билабер. — Надеюсь, теперь мы можем обрести свободу на этой планете?

— О... прошу прощения, уважаемый, — удивленно проговорил Дар. — Мне казалось, что я вам все доступно изложил.

— Доступно? Что именно? — клокоча слюной, пророкотал Билабер.

— Я про ваши документы, уважаемый, — пояснил Дар. — Мы не можем предоставить вам официальный допуск до тех пор, пока ваши личности не будут удостоверены в резиденции губернатора. Но мы возвратим ваши удостоверения через двадцать четыре часа.

— Через... двадцать четыре часа?!

— Да, через двадцать четыре, если генерал Шаклар получит секретный код к вашим документам. Если не успеет, придется еще подождать. Но я уверен, он успеет.

Пауза. Лицо Билабера на сей раз преодолело алую линию спектра и стало багровым.

Дар сдерживался из последних сил.

И тут Билабера прорвало. Дар склонил голову и стал внимательно слушать. Он всегда был не прочь улучшить свои лингвистические познания, и хотя половины слов он не понимал, у него возникло такое впечатление, что:

1. Уважаемый сильно удручен ходом событий.

2. Отсрочка крайне нежелательна.

3. Он считает, что на его пути к занятию законного поста возник заговор.

4. Он полагает, что шкура Дара стала бы превосходным украшением для его нового кабинета, будучи повешена на стену в обрамлении кое-каких орудий пытки типа хлыстов и плеток.

Когда Билабер иссяк, Дар глянул на Сэм. Та вынула блокнот и сделала там какие-то записи.

— Ваш протест принят, — сообщил Дар со сдержанной улыбкой. — Но боюсь, мы ничего не может поделать. Инструкции, сами понимаете, есть инструкции.

Билабер наполнил легкие новой порцией воздуха, но тут в игру вступил сержант. Он выразительно кашлянул и перебросил карабин с левого плеча на правое. Билабер, так и не успев завершить вдох, скосил глаза в сторону сержанта, медленно закрыл рот и развернулся к Дару:

— Да, понимаю. Хорошо, очень хорошо понимаю. Надеюсь, у вас имеются апартаменты, где я и мои сотрудники могли бы остановиться, покуда не будет ликвидировано это возмутительное недоразумение?

— Такие апартаменты имеются, но не в порту, — кивнул Дар. — А в городе — пожалуйста. Сержант проводит вас и будет рядом — на тот случай, если вам что-нибудь понадобится.

— Исключительно для нашего удобства, — сухо прокомментировал это сообщение Билабер. — Все понятно. — Он обернулся к сопровождавшим его особам. — Что ж... — протянул он, — похоже, ничего не поделаешь. Теперь, добрые люди, я вижу, как эта бедная, несчастная, заб-

рошенная колония нуждается в нашем управлении. Однако до тех пор, пока мы не покончим с этой жалкой и смешной попыткой бюрократического правления, боюсь, нам придется претерпеть некоторые неудобства. Прошу всех сохранять терпение.

С этими словами он шагнул к двери.

Капрал предварил его и услужливо распахнул дверь. Билабер остановился на пороге и, обернувшись, зыркнул на Дара:

— Мы еще увидимся, молодой человек, не сомневайтесь!

— Сильно сомневаюсь, — усмехнулся Дар, как только дверь закрылась за последним членом свиты Билабера. — Ни нас тебе не видать как своих ушей, ни документиков твоих.

— Вот они, — сообщила Сэм и выложила на конторку россыпь пластиковых карточек.

— Ну, ты молодчина! — воскликнул Дар и снял берет. — Вот не знал, что в Бюро Межпланетных Связей обучают карманников!

— Все дело в определениях, — буркнула Сэм. — Между прочим, не будь с нами преподобного, я бы понятия не имела, что надо делать. А вот он точно знал, где надо искать — в каждом чемодане.

— Ну, тогда... большое вам спасибо, преподобный, — сказал Дар и принялся расстегивать форменную куртку. — Без вас у нас бы ничего не получилось.

— Сила была благосклонна ко мне сегодня, — скромно потупился Гальдэн. — Желаю тебе удачи, Дар Мандра. По крайней мере нам удалось создать ему кое-какие неудобства.

— Надеюсь, не только неудобства... но вы правы, пока мы преуспели только в тактике отсрочки. Теперь он может запросто вытянуть сюда Шаклара, и притом довольно скоро. — Натянув комбинезон, он обернулся к Сэм. — Ты бы лучше переоделась поскорее. Нам пора сматывать удочки.

4

Стакан, стоявший на столике, со звоном закачался. Дар удивленно поднял голову:

— Могу поклясться: я слышал приглушенный взрыв.

— Угу, — склонил голову набок Чолли. — Похоже, и я что-то типа того услыхал. Странно, а?

— Ну, просто на границе между слухом и осязанием, — проговорила Сэм и повернула голову к Дару. — Либо взрыв негромкий, либо он прозвучал очень далеко.

— Солдатики тут у нас стрельбой по мишеням себя особо не утруждают, — глубокомысленно изрек Дар и глянул на Чолли. — Вольмарцам никто в последнее время пушек не продавал?

— Только запчасти — а вот пусковую кнопочку пока им никто не продал.

— Ну, стало быть, это какой-то природный катаклизм, — заключил Дар, допил пиво и поставил стакан на стол. — Как думаете, скоро ли наши гости докумекают, что мы... как бы это помягче выразиться... конфисковали все копии их документов?

— Как только подыщут себе комнаты в гостинице, — хихикнул Чолли. — А насколько я понимаю, ваш приятель, сержант, повел их не самой ближней дорожкой. Вокруг амбара, так сказать.

— Знаешь, если судить по тому, что я знаю о его характере, он их повел дальними пастбищами, где, на мой взгляд, этому типчику Билаберу самое место. Тактичности у него — как у коровьего колокольчика. — Дар посмотрел на Сэм. — И как только такому хаму могли предложить пост губернатора, в толк не возьму?

— Понимаешь, его просто не могли уволить, — объяснила Сэм. — Он был большой шишкой как-никак. Вот и придумали ему это назначение в такую глухомань, где от него никому никакого вреда не было бы, в смысле — его боссам.

— Никакого вреда, говоришь? И кем же он служил раньше? Генералом?

— Самым главным чиновником по хранению документации в компьютерных файлах, — ответила Сэм и пожала плечами. — Ты уж прости, Дар, но такая уж у бюрократов ментальность. Судя по слухам, он вызвал три крупных мятежа из-за того, что разместил нужные документы в неверных местах.

— Превосходно, — отметил Дар и подлил себе еще пива. — По мне, грех невелик. На молекулярном уровне, я бы так сказал.

— С точки зрения бюрократов, уровень Вольмара и есть молекулярный, — буркнула Сэм.

Стукнула дверь, и в бар вошел парень в ярком разноцветном комбинезоне. Он ухмылялся от уха до уха.

— Что-то ты раненько нынче, Корви, — поприветствовал его Чолли, доставая из-под стойки бутылку и стакан.

— Да вроде как отгул у меня случился, — сообщил Корви, устроился на табуретке у стойки и взял у Чолли наполненный стакан. — Босс решил сегодня дать всем выходной. Пусть, дескать, вновь прибывшие шляются сами по себе.

— Ты про эту свору в штатском? — с неподдельным интересом уточнил Дар. — А откуда они, кстати говоря, свалились?

— Да с Терры вроде как, — ответил Корви, отпив пару глотков. — Ихний босс болтает, что он, дескать, новый губернатор.

— Новый губернатор? — сдвинул брови Дар. — Вот это новость! На что он нам сдался? Нам и Шаклара хватает.

— Вот-вот, и, честно тебе скажу, нам бы лучше, чтобы он у нас и остался. Поглядел я на этого новенького — не, не катит ни фига.

— Ну-ну, Корви, тебе ли судить, — урезонил его Чолли. — У тебя что за работа? Охранять вход в гостиницу. Так какая тебе разница?

— Угу. Токо ведь я щас не на службе, — хмыкнул Корви и обернулся к Дару. — Звать его Билабер, и язык у него подвешен ого-го.

— Ну, это как раз то самое, что нам нужно для укрепления отношений с вольмарцами, — усмехнулся Дар. — Так это он — новый губер?

— Фиг его знает. Он свою ксиву найти не может, — сообщил Чолли и по-волчьи оскалился. — Только в гостиницу заселился, и как заревет — ну ни дать ни взять звездолетище, что идет на посадку с отказавшими соплами. Зуб даю, гостиницу трясло, как от взрыва.

Дар взглянул на Чолли.

— А, так вот это что был за взрыв... Мы думали — артподготовка, а тут, оказывается, скорее химическая атака была.

— Чего, аж тут слыхать было, да? Ну, это даже и неудивительно совсем. Я и сам, честно говоря, подумал было, не навезли ли они с собой бомбочек каких в багаже. Но тут он выбегает, значит, в вестибюль со всей своей ордой и давай вопить: «Воры! Воры! В гостинице воры! Они рылись в нашем багаже!» Ну, я, само собой, понимаю, что наш босс был бы очень даже не прочь порыться в этом ихнем багаже, да только он вежливенько так этому Билаберу говорит: «В гостинице, сэр, постояльцев, кроме вас, нынче нет, а что касается лично меня, то я от своего стола ни на шаг не отходил. Робот-горничная в данный момент меняет батарейки, а охранники — вот они, на своих боевых постах, у двери, и заверяю вас, ни на шаг не отойдут». Ну, тогда Билабер понес какую-то чушь типа того, что как это неразумно — иметь в гостинице такой маленький штат, чтобы в случае чего и подозревать было некого... а его главный подручный... такой хмырь... рожа как у крысы...

— Как у лисы, — пробормотал Дар.

— Как у кого? — прищурился Корви.

— Не обращайте внимания, это он кашлянул, — улыбнулась Сэм и двинула Дара под столом ногой. — Прошу вас, сэр, продолжайте.

— Ага, ну вот... и этот, с крысиной рожей, говорит: «Это сделали те люди на таможне, уважаемый...» А уважаемый как хрястнет себя по лбу кулаком — он, похоже, частенько

такое проделывает: лоб у него плоский совсем, и как закричит: «Ну конечно! Ничего удивительного! И как это я мог не догадаться! Ну конечно, это все было продумано! Бюрократическое пиратство, вне всякого сомнения!» Ну и к выходу рванул, а сам все разоряется: «Но откуда они могли знать, где искать наши документы?!» А тот, у которого морда крысиная, за ним следом семенит и шипит, как гадюка: «Они прочли наши мысли, наверняка прочли!» Ну а все остальные начали причитать, дескать, как это бесчестно, когда кругом так и кишат телепаты, и как же тут бедному-несчастному честному бюрократу жить можно, когда из него выуживают даже самые маленькие секреты, и что за чудовища эти телепаты, ну и все прочее типа того. А этот, который уважаемый, как гаркнет: «Мы должны немедленно встретиться с генералом! Пусть он учинит допрос этим таможенникам!» Ну а я что? Я им дверь открыл, и они выкатились — Билабер со всей своей сворой. А я дверь закрыл и пополам сложился от хохота. Давненько я так не ржал — думал, лопну!

— Еще бы не лопнуть, — хмыкнул Дар. — Таможня? На каторжной-то планете?

— Ага, и телепаты еще! Ха-ха-ха! — захохотал Корви, качая головой. — Это ж надо до такого додуматься. И это образованные, называется!

— Образование — не лекарство от тупости, — задумчиво изрек Чолли. — Вот Шаклар совсем не тупица. Хотел бы я хоть одним глазком глянуть, как он их примет.

Хлопнула дверь, и в бар, икая от смеха, ввалился рядовой.

— Похоже, сейчас мы это выясним, — заметил Дар и обернулся к вошедшему. — Радостное событие, Коска? Есть повод для веселья?

— Это как посмотреть, с какой стороны, — продолжая хихикать, отозвался рядовой и забрался на табуретку у стойки. — Я-то был снаружи, но все слышал.

— Неужели начальству не приходит в голову, что интеркомы иногда нужно отключать? — возмутилась Сэм.

— Совсем наоборот, — уточнил Дар. — Время от времени они как раз предпочитают их не отключать. Ну, так что там предназначалось для разглашения, Коска?

— Да все больше жалобы, — пожал плечами Коска и взял поданный Чолли стакан пива. — А еще угрозы.

— Кто жаловался, это я догадываюсь, — осклабился Корви. — А кто угрожал, интересно?

— Да тот же самый, который жаловался, — этот терранский прыщ, Белубер.

— Билабер, — хором поправили Коску Корви и Дар.

— Слушайте, кто кому тут рассказывает, как дело было? Ну, ладно, пусть будет Билабер. Этот уважаемый воображала с Терры — так он сам говорит. Влетает в резиденцию, значит, пулей и ревет: «Где губернатор?!» — и тут же на полном скаку врывается к Шаклару в кабинет — мы и глазом моргнуть не успели, слова ему не сказали. Да и вякнули бы мы — он бы нас не услышал: его свита так вопила, хоть уши затыкай. А орали они насчет каких-то телепатов, которые вроде как подрывают... устои... общественного строя, вот как.

— Телепаты? — сдвинул брови Дар.

— Ну, которые мысли читают, — пояснил Корви. — Они в этом деле большие мастера. Ну, Коска, давай дальше! А генерал-то наш, он-то что?

— А у генерала кто-то на приеме был как раз.

— Пациент или кто-то, кому он порку назначил?

— Пациент. Ты же знаешь, пока мы ему поставляем пациентов, он за плетку не хватается. Генерал проводил сеанс психоанализа... с Рогуаром.

— Рогуар... — напрягся, припоминая, Дар. — Это не тот ли рядовой, что чуть было не зарубил вольмарца в понедельник?

— Тот самый. Ну а вы же Шаклара знаете. Он мужик отважный, и Рогуару его ножик не велел оставить в приемной. Спросите меня, так вам скажу: мне так кажется, что у Рогуара паранойя во всей красе.

Дар расплылся в улыбке.

— И в тот момент, когда в кабинет ввалился Билабер, Шаклар, наверное, расспрашивал Рогуара о его раннем детстве? — высказал предположение Чолли.

— Может, и так. Я только услышал, как Рогуар завопил как скаженный: «Они пришли за мной!» — и тут же вскочил, и ножик у него, видать, в руке...

— С рефлексами у него, похоже, все в порядке, — отметил Дар.

Корви кивнул:

— Ага, тот еще головорез. Ну вот. Дальше можно не рассказывать. Потом там стало жарко.

— В смысле? Билабер вопил, а Рогуар издавал боевые кличи, а Шаклар призывал их обоих к спокойствию?

— Ну... типа того. В общем, генерал худо-бедно Рогуара усмирил, усадил на место и стал перед ним извиняться за то, что сеанс, дескать, прервался. «Вы же понимаете, каково это, — говорит, — когда, помимо всего прочего, приходится заниматься правительственной работой. Любой прохожий считает, что имеет право заглянуть в ваш кабинет в любое время дня и ночи». А Рогуар бурчит: «Это я очень даже понимаю. Ко мне вот так ворвись, я бы им задал трепку». Он, между прочим, уже немножко на поправку пошел, Рогуар. «Вот и славненько, — Шаклар ему говорит. — Только прошу вас, рядовой, вы лучше свою злость на мне вымещайте, а не на вольмарцах, договорились?» А Рогуар ему: «Заметано, сэр. Как в следующий раз разозлюсь, так приду и вас прикончу». — «Вот умница! — похвалил его Шаклар. — Ну а если вам удастся сохранить спокойствие духа, заглянете ко мне завтра в это же время?» — «А чего не заглянуть? — Рогуар говорит. — Можно и заглянуть». Потом вскочил и честь отдал. Ну а Шаклар ему тоже отсалютовал, как положено, и скомандовал: «Вольно!» А Рогуар каблуками щелкнул, развернулся и строевым шагом к двери.

— Ты гляди... — восхищенно проговорил Дар. — А на прошлой неделе он и в строю-то в ногу ходил не очень... Шаклар просто чудеса творит!

— А вот Билаберу этому так не показалось. Только за Рогуаром дверь закрылась, он как рявкнет: «Что это за мес-

то такое? Звериное логово?» — «Можно и так сказать, — отвечает ему Шаклар. — Сюда порой попадают люди, которые хорошими манерами не обладают даже с точки зрения блохи. Я полагал, что среди гражданских лиц до сих пор бытует старый добрый обычай стучать в дверь, когда она закрыта».

Даже Сэм не смогла удержаться от улыбки.

— Вот молодец — как он его отбрил!

— И не говорите! Голос был — ну просто сухой лед! А Билабер ему: «Значит, вот как вы тут встречаете нового губернатора планеты!» Шаклар как услышал это, так и окаменел.

— Я так и думал, что он удивится.

— Да вы что? И вовсе он не удивился. Генералу нашему к мании величия не привыкать. Он, похоже, сразу все понял и говорит: «Насколько я понимаю, сегодня прибыл грузовой корабль». Билабер кивает и вякает: «На нем прибыли я и все мои сотрудники». Ну, если бы вы знали нашего генерала так, как я его знаю, вы бы поняли, что это заявление его ни капельки не смутило. «Вы прибыли с Терры?» — он спрашивает. «Да, — отвечает ему Билабер. — Нас сюда отправило Бюро Межпланетных Связей, дабы я принял на себя управление этой планетой и искоренил здесь пороки и коррупцию». Тогда Шаклар подошел к столу, сел и сделал какие-то заметки в блокноте, а потом говорит: «Надеюсь, у вас есть какие-либо документы, подтверждающие вашу личность и назначение?» Билабер отвечает: «Они у меня были! Но... ваши таможенники конфисковали не только оригиналы, но и все копии заодно!»

Корви оглушительно расхохотался.

Коска кивнул:

— Вот и Шаклар, наверное, так подумал, но виду не показал, само собой. Билабер развопился: «Вы обязаны разыскать этих саботажников!» А Шаклар ему говорит: «Вряд ли это возможно. На самом деле просто удивительно, как это вы сумели отыскать на Вольмаре таможню, поскольку у нас таковой не существует». — «Послушайте, сэр, — говорит ему Билабер, — наверняка вы должны знать о том, ка-

кие у вас тут есть учреждения!» — «Безусловно, я в курсе того, какие тут есть учреждения, — отвечает ему Шаклар. — И я точно знаю, что никакой таможни здесь нет и в помине. А где, кстати говоря, вы ее обнаружили?» — «В космопорте, где же еще? — обескураженно отвечает Билабер. — Небольшая постройка из пластрита, примерно двадцать квадратных футов». — «Один из складов запчастей, — констатирует Шаклар и понимающе так кивает. — И что там за штат сотрудников был, если не секрет?» — «Двое мужчин и женщина, — отвечает ему Билабер. — Наверняка они вам знакомы!» — «Боюсь, что нет, — качает головой Шаклар. — Правда, установить, что это была за женщина, нетрудно. Их всего семьдесят на всю колонию». Ну, тут, доложу я вам, надо было видеть и слышать Билабера. Он вроде как начал соображать, что к чему. «Вы на что намекаете? — говорит. — Что эти таможенники... что они — не официальные лица?» — «Да нет, — говорит ему Шаклар. — Я не стал бы так говорить. Наверняка они сами себя официально назначили на эти должности». Ну, тогда Билабер заткнулся, а физиономия у него стала интересного такого цвета...

— Лилового, — предположил Дар.

— Красного, — высказал свое мнение Корви.

— Да нет, все-таки, наверное, багрового. И тут его прорвало: «Меня обманули!» Шаклар с ним спорить не стал: «Пожалуй, раньше про такое говорили: «разыграли». Видимо, действительно, кто-то над вами подшутил, воспользовался, так сказать, вашим легкомыслием». Билабер оскорбился. «Я бы на вашем месте, — говорит, — не стал бросаться такими словами!» — «Прошу прощения, — говорит ему Шаклар. — Но как бы то ни было, случившееся ставит нас с вами в весьма деликатное положение, уважаемый». Билабер медленно так отвечает: «Понимаю...» Хотя лично я сильно удивился — что он там мог понять. А Шаклар продолжает гнуть свою линию: «Ваши претензии могут иметь под собой вполне законные основания. Вполне вероятно, что БМС отправило вас сюда для того, чтобы вы приняли на себя управление этой колонией». — «Вот именно!» — виз-

жит Билабер. «Но у вас нет документов, которыми вы могли бы доказать справедливость данного утверждения», — замечает Шаклар. «У меня есть свидетели! — вопит Билабер. — Весь штат моих сотрудников может подтвердить факт ограбления!» Тогда Шаклар замечает: «Надеюсь, вы простите меня, уважаемый, если я позволю себе подвергнуть сомнению надежность подобных свидетельских показаний». Билабер молчит, а Шаклар нежно так говорит: «Надеюсь также, вы понимаете, что я не могу просто так передать кому-либо управление этой колонией, в том числе и вам, поверив вам на слово». — «Но это просто невыносимо! — кричит тогда Билабер. — Меня официально назначили!» Шаклар не сдается. «Я не спорю, — говорит, — это вполне вероятно, однако за всем этим может стоять крупномасштабный заговор». — «Сэр, — грохочет Билабер, — верно ли я вас понял? Не принимаете ли вы меня за обманщика, за человека, который способен солгать под присягой?» Шаклару хоть бы что. «Я этого не говорил, — качает он головой. — Но если вам так угодно, можете себя и так назвать. А я волен предполагать что угодно, поскольку вы не можете подтвердить своих притязаний никакими официальными документами». — «Это просто невыносимо! — снова визжит Билабер. — А особенно это невыносимо потому, что как раз скорее это вы, сэр, опасный заговорщик! Вы обладаете абсолютной властью над этой колонией, так как же могло получиться, что несколько ее обитателей были способны учинить такое безобразие без вашего на то согласия... нет, без вашего приказа?! Разве это не логично, что вы хотите сохранить собственное...» Ну, тут, леди и джентльмены, генерал не выдержал и захлопнул дверь в кабинет. Так что все остальное мы слышали только через стену.

— И что же вам удалось услышать?

— Ну, потом они там кричали, ругались на чем свет стоит, а Шаклар все время что-то говорил тихо-тихо, бормотал даже. Только слов слышно не было. А потом шум начал стихать, и скоро совсем ничего слышно не стало. Вот тогда-то мы и подумали: может, генерал опять про интерком забыл?

— И конечно, сразу проверили, так это или нет?

— А как же. Но мы недолго подслушивали. С полминутки, не больше.

Дар тактично кашлянул.

— Я тебя, конечно, не призываю к разглашению врачебной тайны, но все-таки, может, расскажешь еще немножко?

— Да ладно тебе! Тут и рассказывать-то особо нечего. Мы как кнопку нажали, слышим, как этот, который Билабер, говорит: «...началось, когда мне было четыре годика. Тогда моя мама, понимаете... она вступила в любительский телевизионный клуб, и это отнимало у нее очень много времени. В нашем районе находился очень хороший детский центр, но большинство детей там были старше меня, и теперь, оглядываясь на прошлое, я начинаю понимать, что все они были довольно-таки трудными детьми...» Потом Шаклар промурлыкал что-то такое сочувственное, а этот тип, что с крысиной рожей, нас, похоже, засек и что-то прошипел насчет того, что кругом телепаты, они вечно подслушивают чужие мысли, ну и тогда мы решили отключиться. Мы же проверили, интерком работает, все в норме.

— Очень этично поступили, — похвалил Коску Дар. — Это когда было?

Коска взглянул на часы-перстень:

— Да с полчаса назад. Сейчас он, наверное, добрался до психологических травм подросткового возраста.

— Шаклар верен себе, — усмехнулся Чолли. — «Не можешь победить врага — подвергни его психоанализу». Ну а подручные Билабера, они чем все это время занимались, Коска?

— Эти-то? Да так, ничем таким особенным. Сидели, ждали, просили, чтобы мы им кофе готовили, и все гадали, как это те телепаты, что сперли у них документы, узнали про их прибытие. Ну, то есть должен же был кто-то знать про это, чтобы соорудить таможню и поймать их, как только они с катера сойдут?

— Не лишено логичности, — отметил Дар. — Ну, додумались?

— Нет, не додумались, — покачал головой Коска. — Крысорожий — тот все шипел, что, дескать, тут целый заговор телепатов — от самой Терры до Вольмара. Потому как, дескать, новости эти могли только со скоростью мысли распространиться, а иначе бы им ни за что не обогнать сверхсветовой звездолет.

— Чушь, — односложно высказалась Сэм.

— А я что говорю? — усмехнулся Коска. — Чего только люди не навыдумывают! Но только даже этот крысорожий поверить не мог, чтобы кто-то на Вольмаре мог принять мыслишку с Терры. Он все трещал, что должна существовать целая сеть телепатов, что они мысли друг дружке передают по цепочке, ну и что, в конце концов, кто-то здесь, на Вольмаре, эту мысль принял и устроил им тепленький приемчик. Он, правда, не говорил, что сам Шаклар телепат и участник этого заговора, но...

— И вот тут ты решил устроить себе перерыв и пойти пивка попить, чтобы охолонуть маленько? — предположил Чолли.

Коска кивнул:

— Ну да, чтоб обмозговать все это дело по пути. Пока я сюда шел, мне это все таким уморительным показалось... Ну, ладно, братцы! Кажется, я встряхнулся маленько, так что потопаю обратно, на боевой пост.

— Может, кого-то из своих напарников отпустишь пивка глотнуть? — предложил ему Чолли.

Коска кивнул:

— Отпущу, если там еще все на месте и не случилось никакого стихийного бедствия. Ну, все, пока, братцы! Всего вам наилучшего.

И он направился к двери.

— И тебе, Коска, — помахал ему на прощанье рукой Чолли.

Корви приподнялся, перегнулся через стойку, достал бутылку и подлил себе еще виски.

Дар посмотрел на Чолли — тот направился в комнатку за стойкой — и нахмурился, после чего кивнул Сэм и последовал за Чолли.

— В чем дело? — шепотом спросила Сэм, догнав Дара.

— Без понятия, — шепотом ответил ей он, — но что-то пошло не так. Он не собирался меня так скоро отправлять на очередную торговую вылазку.

Они вошли в комнату, и Сэм выпучила глаза.

Книги. Повсюду книги. От пола до потолка, а до потолка было высоко. Книги-кассеты, книги-микрофильмы, молекулярные книги, книги-голограммы, читающие устройства для тех, других, третьих и четвертых. И даже старинные книги в переплетах.

— Добро пожаловать в логово старины Чолли, — улыбнулся Дар. — В чем дело, босс?

— Садись, парень, садись, — негромко сказал Чолли, вытащил большую коробку из какого-то ящика, а сам уселся на стол. Дар сел, но Чолли смотрел с опаской. — Беда в том, — проговорил Чолли, тряхнув лоскутом белой ткани, которую он повязал вокруг шеи Дара, — что наш генерал, того и гляди, отпустит уважаемого Билабера и всю его свиту на волю, после чего они начнут шастать по всей планете без поводка.

Дар побледнел.

— Об этом я как-то не подумал.

— И я тоже. И это можно понять, учитывая, в какой спешке нам пришлось действовать. Но как бы то ни было, теперь все сложилось так. И у вас двоих теперь есть выбор: либо где-то затаиться, пока гроза не стихнет, либо замаскироваться на то время, покуда эти типы тут торчат.

— Как же мы сможем замаскироваться, чтобы они нас не узнали? — фыркнула Сэм.

Чолли торжественно поднял руку.

— Это возможно, — объявил он. — Вы уж мне поверьте. Довелось мне как-то раз путешествовать с компанией бродячих актеров...

— Это когда за ним копы гнались, — пояснил Дар.

— Можно и так сказать, — улыбнулся Чолли, зачерпнул из банки какой-то массы и принялся мять ее в пальцах. — Я и сам к такому маскараду прибегал время от времени, и надо вам сказать, помогало, и очень даже неплохо помога-

ло... И в пьесах поиграл, было дело... Ну да ладно. Факт в том, что я научился делать театральный грим и набрал его целый чемодан.

— И теперь мы им воспользуемся, — заключил Дар.

— А теперь ты лучше помолчи, чтобы я тебе протез языка не изготовил, — посоветовал ему Чолли, прижал к его носу кусок пластичной массы и принялся формовать из нее нос совершенно новой конфигурации — крючковатый, с горбинкой, но при этом вполне натурально выглядящий. — Эта штука называется «робекс» — самое классное средство для изменения внешности, созданное театральными гримерами. Надо только размять как следует, прижать к хрящу, придать форму, и она так прилипает, что выглядит как самая натуральная кожа.

— А как я ее потоб отлепить сбогу? — прогундосил Дар.

— А растворителем. Запашок у него, надо сказать, жуткий, так что ты лучше пасть закрой. Ну вот... А потом эта штука высыхает и становится твердой, как хрящ. Это у нас «Робекс-1».

— Он меняет цвет, — отметила Сэм.

Чолли кивнул:

— Ага. Это как раз самое красивое. Сначала «робекс» светло-серый, но постепенно приобретает оттенок кожи, к которой прилеплен. Когда-то, в глубокой древности, нужно было еще добавлять к робексу оттеночную смесь и наносить ее на всю физиономию. Тебе бы, приятель, пришлось выбрать что-нибудь вроде «темного загара». А с робексом все гораздо проще. Только нанеси его на кожу — а уж он сам дойдет до нужного оттенка. И никаких примесей.

— Ну ладдо, это я подял, — снова загундосил Дар. — Для доса — это то, что дадо. До если од так затвердевает, как од да щеках, даприм, будет выглядеть?

— А для этой цели у нас «Робекс-2» имеется — этот затвердевает до плотности той ткани, на которую наложен. — Чолли открыл другую баночку и зачерпнул из нее пригоршню массы. — Я тебя щас так разукрашу, приятель, — мать родная не узнает!

— Мать родная, — признался Дар, — меня и так не больно-то хотела узнавать.

Примерно час спустя скрипнула дверь и в комнатушку заглянул Корви.

— Чолли... гм-м-м... — смущенно пробормотал он. — Я вот подумал... может, ты здесь...

— Здесь я, здесь, куда же мне деться? — дружелюбно отозвался Чолли, снял с плеч Сэм салфетку и бросил на стол.

— Это что за народ? — нахмурился Корви.

— А это вот... Найб Мэс, Корви, — представил Чолли девушку, нежно хлопнув ее по макушке и тем самым получше закрепив парик. — А это — Арднам Рад. Они только что с грузовика. Оказывается, Найб год проучился в колледже, а Ард — целых два года. Вот я и подумал, что им будет любопытно сюда заглянуть.

— О! Ну, того... милости просим, как говорится! — обрадовался Корви и бросился к новичкам, протянув им руку. — За что хорошенькое вас сюда?

— Лучше не говорить, — театральным баритоном ответствовал Дар и протянул Корви руку. — Приятно познакомиться.

— Мне тоже, — высоким гнусавым голосом проговорила Сэм. — К этой дыре можно привыкнуть, как вам кажется?

— Привыкнете, привыкнете, и очень даже скоро, — тряхнул ее руку Корви. — Чтой-то ты худой какой, парень... Да ты не переживай, на Вольмаре быстренько потолстеешь. Ну, ладно... Мне, пожалуй, пора, Чолли. Босс, наверно, уже пришел в себя и скоро меня искать начнет, так что я поскачу на место.

— Конечно, Корви, ступай, а то как бы чего не вышло, — кивнул Чолли, взял Корви под руку и вывел из комнаты. — Ты вечерком заглядывай еще, Корви.

— А то как же — обязательно загляну. А-а-а... к тебе пришли... Удачи тебе, Чолли.

С этими словами Корви ретировался за дверь, а перед Чолли предстали генерал Шаклар и Билабер собственной персоной.

— Он нас не узнал? — шепотом спросила Сэм.

— Узнал, наверное, — еле слышно проговорил Дар. — Ты как думаешь, с чего это он вдруг стал такой вежливый? И про Дара и Сэм не спросил — куда они подевались...

Сэм промолчала — только широко открыла глаза.

— ...в принципе ничего такого особенного, — говорил Шаклар в то время, как Чолли хлопотал у стойки. — Но напитки тут самые хорошие, какие только можно добыть, а еда отменная. Но самое главное, что здесь у нас центр общения. Тут люди собираются группами, все на свете обсуждают, беседуют, доверяют приятным собеседникам свои личные проблемы...

— Ну... здравствуйте, приятный собеседник! — застенчиво проговорил Билабер и робко протянул Чолли руку, при этом тепло, пусть и несколько обескураженно, улыбаясь.

Чолли пожал его руку, а Шаклар негромко представил гостя:

— Уважаемый Винсент Билабер, из Бюро Межпланетных Связей.

— Очень рад, очень рад, — проворковал Чолли, не спуская глаз с генерала.

Дар чуть не захлебнулся пивом.

— Ну вот... — пробормотал Билабер. — Генерал успел мне кое-что рассказать... о вашем коммерческом предприятии.

Вид у него был какой-то растерянный.

— Ну да, тут у нас предприятие... — кивнул Чолли. — Правда, в последнее время с коммерцией туговато...

— Что ж, я не сомневаюсь, в любой коммерческой деятельности бывают периоды неудач. Но генерал, похоже, уверен в том, что именно такой способ товарообмена таит в себе реальные надежды на продолжение мирных отношений с туземцами.

— Генерал слишком добр к нам, — мурлыкнул Чолли. — Он вам рассказал о своих военных играх?

— Пока только вскользь, Чарльз, — негромко проговорил Шаклар. — Говорил я большей частью о тех надеждах,

которые мы возлагаем на поддержание добрососедских отношений, основанных на взаимопонимании.

— Безусловно, безусловно, — понимающе кивнул Билабер. — Но все-таки мне было бы очень желательно хоть одним глазком взглянуть на эти ваши... игры.

— Всенепременно взглянете. Сожалею о том, что я не сумею сопровождать вас лично в связи с большой нагрузкой. Дела, понимаете ли... Надеюсь, вы извините меня, уважаемый?

— А? О да, безусловно, безусловно! — воскликнул Билабер, схватил обеими руками руку Шаклара и с чувством потряс. — Не стоит извинений, дружище! Я сам отвечал за большие разделы административной работы — мне ли не знать, какая у вас нагрузка. Я все понимаю!

— Только на это и надеялся, — широко и, похоже, искренне улыбнулся Шаклар. — Чарльз, думаю, вы сумеете пожертвовать своим лучшим торговцем, дабы он сопровождал уважаемого Билабера во время его пребывания на Вольмаре?

— О, конечно, какой разговор! — И Чолли со злорадной усмешкой похлопал Дара по спине. — Самого лучшего предоставлю, генерал! Вот Ард, он и есть самый лучший!

На этот раз Дару удалось проглотить пиво так, что оно попало в пищевод, а не в трахею, после чего он поднял голову и одарил Чолли самым убийственным взглядом, на какой только был способен. Но Чолли продолжал улыбаться, словно до всего остального ему никакого дела не было — а оно так и было.

— Ард позаботится о том, чтобы вы получили самое полное впечатление о планете, в том числе и за пределами города, — сказал Шаклар. — Ну а мы пока предпримем самые тщательные поиски ваших пропавших документов.

— Угу, — еле слышно шепнул Дар и подмигнул Сэм. — Найдут их в виде горстки пепла.

Сэм двинула ему под столом ногой.

— Искренне вам благодарен, — честно признался Билабер. — Со своей стороны, я позаботился о том, чтобы пилот

шаттла доставил на Терру мое послание — то есть, я хотел сказать, официальное донесение.

— А лайнер прибудет к Луне через неделю, — кивнул Шаклар. — Однако, боюсь, вам придется запастись терпением, уважаемый, — до Терры лететь целых два месяца.

— О, я все понимаю! Но если все пойдет хорошо, мы получим ответ через полгода по стандартному терранскому времени. Хотя надеюсь, что документы мы сумеем разыскать раньше...

— Уверен, так или иначе, мы сумеем уладить это досадное недоразумение, — заверил Билабера Шаклар. Тут что-то пискнуло у него на пальце, и он нахмурился. — Ну ни на час отойти нельзя! Уже ищут. Да, Форстэм, что там у вас? — проговорил он, поднеся перстень к губам, после чего переместил руку к уху. Послушав, горестно вздохнул и проговорил: — Да-да, уже иду... Вы уж простите меня, уважаемый, но у меня такое впечатление, что один из моих солдат сделал лестное предложение вольмарской девице и глава племени этим несколько озабочен. К нелестным предложениям они как-то уже привыкли, а вот как быть сейчас, не могут сообразить.

— Что ж... — вздохнул Билабер. — Я не сомневался в том, что это когда-то должно было случиться. И какова ваша тактика в отношении смешанных браков?

— Никакой тактики. Пока — никакой, — откровенно признался Шаклар. — Однако я надеюсь какую-нибудь придумать по пути в штаб. Ну, прошу прощения...

Он откланялся и вышел из кафешки.

Дар сосчитал в уме до пяти, и с улицы донеслись радостные вопли. Билабер вздрогнул и обескураженно заморгал, а Дар понимающе кивнул. Такого «случая» Шаклар ждал давно. Может быть, и вправду у него не было в запасе никакой «тактики», но теперь уж точно появилась.

— У вас тут принято так... открыто выражать свои чувства? — застенчиво поинтересовался Билабер, который в отсутствие Шаклара вдруг стал каким-то маленьким и жалким.

— Не всегда, — ответил Чолли. — Частенько наши чувства пребывают в подавленном состоянии. Да что тут рассказывать... лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, правда? Давай-ка, Ард, топай. Бери этого доброго человека да покажи ему все, что нужно.

— А?

Только увесистый тычок под ребра, которым наградила Дара Сэм, дал ему понять, что Чолли обратился к нему — он еще не успел привыкнуть к новому имени.

— Ах да! Конечно... — Он со вздохом поднялся из-за столика. — Кстати... если мы поторопимся, мы как раз поспеем к двухчасовой войне. Увидимся, Чолли.

Последняя фраза прозвучала скорее как угроза, нежели как обещание.

5

Дар поднял стакан дрожащей рукой и выпил залпом почти все содержимое.

— Честно тебе говорю: я не знаю, сколько я еще продержусь.

— Да чего ты так нервничаешь? — пожал плечами Чолли, взял стакан и поставил на его место полный. — Он тебя ни за что не узнает.

— Да не в этом дело! Я уже на ногах не стою — всюду его таскаю. А ему все мало! — Дар взял стакан и поразился тому, что он полон. — Я вроде только что выпил...

— А он тебе только что другой подсунул, полный, — пояснила Сэм и покачала головой. — Да... видок у тебя, прямо скажем, не ахти...

— Да что такое с тобой? — удивленно проговорил Чолли. — У нас тут планета полная чудес, и ты не можешь организовать ему недельный экскурсионный тур? Ну, ты даешь! Что ты ему уже успел продемонстрировать?

— Сейчас расскажу... — Дар начал загибать пальцы. — Стену показал городскую — все тридцать миль. Двухчасовую войну. Потом — вольмарскую деревню. Потом — восьмичасовую войну. Потом у него был разговор с Шаклaром. Потом — опять он смотрел двухчасовую войну. Потом я его водил в солдатский центр отдыха и на продуктовый рынок. Потом — в офицерские казармы и на вещевой рынок. Потом он смотрел восьмичасовую войну. После нее опять разговаривал с Шаклaром. А после разговора смотрел двухчасовую войну. Потом я его таскал с собой на торговую встречу с вольмарцами. Потом на переговоры о бартерной торговле...

— В школу для взрослых небось... — пробормотал Чолли.

— Ага, и туда тоже... Еще — в вольмарские мастерские. Потом опять на восьмичасовую войну. Потом он снова потопал к Шаклару. А потом опять поперся смотреть двухчасовую войнушку. Любит войны, скотина.

— Я так и поняла, — отметила Сэм.

— Ты ему еще плац для парадов не показал. И тюрьму.

Дар покачал головой:

— Ну, это не так весело...

— Тогда своди его в малый театр. Или в концертный зал.

— Это совсем скучно.

— Откуда ты знаешь? А вдруг он любит любительские постановки? И потом, есть еще радиостудия, телестудия, бараки...

— Просто страсть какие интересные местечки! — хмыкнул Дар.

Чолли пожал плечами.

— Ну... тебя же никто не просил его развлекать. Тебе велено только сопровождать его. Тебе же не хочется, чтобы у него сложилось неверное впечатление о нас, правда?

— Нет, — решительно заявил Дар. — Чего-чего, а вот этого мне бы совсем не хотелось.

Чолли со вздохом выпрямился.

— Ну, тогда... тебе остается только самого себя винить в том, что он кажется тебе таким уж занудой.

— Вот это, между прочим, самое странное... — задумчиво приподнял бровь Дар. — Не такой уж зануда.

— Да нет, он зануда, конечно. И ты бы стал занудой, если бы... Погоди, как ты сказал?

— Говорю вам: он вовсе не зануда, — повторил Дар. — И общаться с ним вовсе не трудно. С каждым днем он становится все симпатичнее. А сегодня он и вообще просто душка. Сам диву даюсь: с чего это я с самого начала на него так окрысился?

— А я диву даюсь другому: какой классный психоаналитик наш генерал! — фыркнул Чолли.

Тут в дальнем углу бара зазвучал сигнал вызова.

Сэм удивленно посмотрела в ту сторону.

— Видеотелефон? Здесь?

— А почему бы и нет? — усмехнулся Дар. — Ты же знаешь, что радиоволны не нужно упаковывать в пластрит?

Чолли подошел к видеотелефону и нажал клавишу «прием».

— Бар Чолли слушает... А, это вы, генерал?.. Кто?.. Вы хотите... Вы не хотите... Вы хотите увидеться с ним лично? Прямо сейчас? Прошу прощения, генерал... А что он натворил? Вот как? Ну, все понятно. Да-да, прямо сейчас и пошлю... И вам также, генерал... Договорились. — Он отключил связь и обернулся к Дару. — Так-так, мальчик мой... Похоже, ты сумел привлечь внимание.

У Дара пересохло во рту.

— Чем я отличился на этот раз?

— Да, похоже, ничем, кроме хорошей работы. Он говорит, что дело не в том, что ты уже успел сделать, а в том, что тебе сделать предстоит, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Ни фига не понимаю.

— Я тоже. Но так сказал генерал, и если ты все еще надеешься, что наш план сработает, думаю, тебе пора подкидываться, да поскорее! Давай-давай, надо ковать железо, пока горячо. Ноги в руки — и бегом!

И Дар пулей вылетел из бара.

* * *

— Я должен выразить вам самую искреннюю признательность, — заявил Билабер. — Зрелище того, какова организация управления этой колонией, принесло мне невыразимую радость. Это стало для меня подлинным откровением.

— Премного благодарен, — несколько смущенно пробормотал Шаклар. — Хотя то, чего мы добились здесь, вряд ли можно сравнить с обращением воды в вино...

— Почему же? Я бы как раз сказал, что это почти такое же чудо! — горячо возразил Билабер и взглянул на Дара с лучистой улыбкой. — Да вы-то, молодой человек, хотя бы отдаете себе отчет в том, что удалось тут сотворить этому человеку? Здесь царит надежда! Оптимизм! Здесь атмосфера равных возможностей! Здесь растущее, прогрессирующее общество!

— А-а-а... Ну-да, я... это примерно так и понимаю, — промямлил Дар, гадая, не упустил ли чего-нибудь. — По мне, так это действительно что-то вроде чуда, если сравнить с тем, какой жуткой каторжной норой было это место, когда я угодил сюда.

— Нет! В сравнении с Террой! С Проксимой Центавра! С любой из центральных планет! Неужели вы не понимаете, какой тут у вас рай?

Дар выпучил глаза.

— Так вам что... нравится такая жизнь?

— Да я бы с радостью променял на такую жизнь ту духовную стерильность, какая сейчас царит на планетах центра Галактики! Там сплошная стратификация, молодой человек, поголовная стратификация! Вы знаете, что это означает?

— А-а-а... Гм-м-м... — Дар покопался в воспоминаниях и припомнил разговор с Чолли шесть лет назад — о природе тирании. — Кажется, знаю. Это означает, что ты либо подданный, либо правитель, и изменить это никоим образом нельзя.

Билабер, похоже, не на шутку удивился таким познаниям, но согласно кивнул:

— Очень верно изложено, очень верно! — Он обернулся к Шаклару. — Правда ведь, это просто поразительно! Когда порой простота изложения передает самую суть определения? Но вы совершенно правы, молодой человек, совершенно правы! Стратификация действительно означает, что никто не способен изменить свое место в обществе, прыгнуть, так сказать, выше себя. Поэтому подавляющее большинство людей проводит свою жизнь в скучной, монотонной, повторяющейся изо дня в день офисной работе и имеет в награду только трехмерное телевидение, эйфорики да шоу в кабаре.

— Звучит заманчиво, — вздохнул Дар. — И когда только у меня появится шанс вот так поскучать?

— Не сомневаюсь, любой из терранских рабов с восторгом поменялся бы с вами местами, если бы они имели возможность хотя бы одним глазком взглянуть на то, что у вас здесь происходит. А те немногие, кому «повезло в жизни», еще больше бы захотели попасть сюда. Ведь у них есть все, чего они только ни пожелают, но они пресытились, и им ничто не мило. Тем не менее они верят, что где-то есть какое-то занятие, которого они еще не ведали, вот и проводят жизнь в поисках неизведанных радостей.

— Я их сразу найду! — воскликнул Дар. — И искать долго не придется.

— Не сомневаюсь, молодой человек, нисколько не сомневаюсь. Чувственные радости, видимо, имеют смысл только тогда, когда люди предаются им лишь изредка. Но вот наши обездоленные привилегированные особы никогда не смогут достигнуть той цели, каковую преследуют, — но упорно пытаются достигнуть.

Дар нахмурился.

— Не хотите ли вы сказать мне, что единственное различие между классами и народными массами состоит в том, что классовое отчаяние проявляется более шумно, а массовое — более спокойно?

— Нет, молодой человек, я хочу сказать, что единственное различие, которое имеет значение, это различие между ними и вами. Точнее говоря — между Террой и Вольмаром.

Здесь у вас простой рядовой равен с генералом в поисках имеющихся удовольствий — если, конечно, честно зарабатывает очки и бережет деньги.

Дар кивнул:

— Я стараюсь. И раз уж вы упомянули об этом... мы и на самом деле по части отдыха... и развлечений всяких... в общем, мы равны.

Шаклар кивнул:

— Вот в чем преимущество ограниченности развлекательной сферы.

— А Чолли и генерал... они все время заботятся о том, чтобы кое-кому предоставлялась более продвинутая работа. Такая, как, скажем... — Дар сглотнул подступивший к горлу ком, — торговля.

— В этом и состоит преимущество развивающейся экономики. — Шаклар откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — К счастью для нас, уровень развития техники у вольмарцев оказался самым примитивным.

— Совершенно верно, — подхватил Билабер. — Но здесь вы разыскали все необходимые элементы для запуска развития экономики! Однако у вас хватило мудрости и таланта собрать эти элементы воедино! — Он печально усмехнулся. — Это редкие качества. Мне, например, недостает и того, и другого.

— Между тем вы честно признаетесь в своих недостатках, — заметил Шаклар, взял с письменного стола кубик с записью данных и стал вертеть его в пальцах. — Но вот что мне интересно: столь ли трезво вы оцениваете свои достоинства?

— О, думаю, в той же мере! — горячо отозвался Билабер. — Вот, к примеру, этот кубик, который вы сейчас вертите... Дайте мне миллион таких кубиков и необходимые для моей работы орудия труда, и я так организую ваше информационное поле, что потом вы сможете иметь септиллионы таких кубиков, но любые нужные сведения сумеете разыскать за тридцать секунд!

Дар задумался:

— Прошу прощения, генерал... Если я не ошибаюсь, на этом кубике хранятся полные досье всего контингента колонии?

— Они предназначены исключительно для служебного пользования, — сухо отозвался Шаклар. — И я надеюсь, уважаемый Билабер хорошо понимает всю важность конфиденциальности такой информации.

— Так ведь я как раз об этом самом и хотел...

— Думаю, вы просто не представляете себе, какую роль играют компьютеры в жизни всего человечества.

Билабер кивнул:

— Совершенно справедливо. Если сумма знаний всего человечества содержит в качестве слагаемого ответ на любой вопрос, компьютер непременно разыщет для вас этот ответ.

— Можно позавидовать, честное слово, — кивнул Шаклар и снова задумчиво повертел в пальцах кубик. — А вот я сам совершенно ничего не смыслю в систематизации информации. Все приходится держать в голове. Можно и не говорить о том, что порой я не способен дать верного ответа просто потому, что каких-то сведений у меня в данный момент в голове нет.

— Такое больше не повторится! — клятвенно заверил Шаклара Билабер. — Я вам так сформирую базы данных, что потом вы сами поразитесь, как много на Вольмаре такого, о чем вы и знать не знали!

Дар напрягся. Это заявление Билабера не слишком пришлось ему по вкусу.

Билабер с сияющей улыбкой обернулся к нему:

— Понимаете, молодой человек, генерал принял мое прошение. Я намерен остаться на Вольмаре и заняться организацией хранения и обработки информации.

— Да-да, и немного наладить нашу чиновничью деятельность, — добавил Шаклар. — Вы просто поразитесь тому, сколько недочетов он уже успел вскрыть. Уважаемый Билабер был настолько любезен, что согласился предоставить свои восхитительные таланты в наше распоряжение.

— Благодарю за незаслуженный комплимент, — смущенно проговорил Билабер и кивнул Шаклару так выразительно, что это можно было принять за почтительный поклон.

Дар мысленно поежился. Ему не очень-то хотелось, чтобы Билабер оставался на Вольмаре. Почему-то ему казалось, что жить под бдительным информационным надзором Билабера будет совсем невесело.

Но с другой стороны... куда он денется от бдительного надзора Шаклара? Он и так уже успел сотворить чудо с Билабером.

— Однако я отдаю себе отчет в том, что такого рода деятельностью я смогу заниматься только здесь, — пояснил Билабер Дару. — Поэтому я собираюсь отправить на Терру прошение об отставке.

Дар выпучил глаза. Это было слишком хорошо для того, чтобы быть правдой. Даже если Чолли все задумал именно так...

— Все мои сотрудники готовы остаться здесь со мной, — продолжал Билабер. — Генерал заверил меня в том, что они здесь также очень нужны.

Против этого Дар нисколько не стал бы возражать — свита Билабера почти поголовно состояла из дам.

— Однако при этом получается, что положительно некому доставить мое прошение об отставке на Терру, — сокрушенно проговорил Билабер.

Дару вдруг стало страшно.

— Вам бы хотелось побывать на Терре, Арднам? — пробормотал Шаклар.

Дар прилип к стулу. Кровь прилила к его голове, бешено застучала в висках, мир вдруг стал нереальным. Спасение! Побег! И куда — на Терру!

— Боюсь, ответить на этот вопрос вам придется быстро, — продолжал Шаклар. — Курьерский звездолет, доставивший сюда уважаемого Билабера, отбудет с орбиты через три часа, поскольку его ждут в колонии на Гальдане IV. Оттуда вам придется добираться до Терры. Пересадок, насколько я знаю,

несколько, но более прямого пути к центральным планетам отсюда просто нет.

У Дара пересохло во рту.

— Вы... только поймите меня правильно, генерал... Я бы с радостью, но боюсь, у меня нет никакого опыта в таких путешествиях.

— Понимаю. Понимаю, и что с сетями земной бюрократии вам придется трудновато, но, насколько я знаю, вы недавно познакомились с одной юной леди, которая только-только прилетела сюда с родины...

— Сэм Байн, — хрипло вымолвил Дар.

— Да-да, мисс Байн. Понимаю, было бы крайне нетактично просить ее полететь с вами, поскольку она только что прибыла сюда, однако в связи с важностью дела...

— А она и сама собиралась... — Все лучше и лучше! Побег на Терру, да еще в компании с девушкой! — Вернее... Словом, я попробую ее уговорить.

— Уж постарайтесь, пожалуйста. — Шаклар взял ручку и написал что-то на листке блокнота. — Если вам повезет, вы сумеете поспеть в БМС примерно в одно время вместе с моим запросом по поводу документов уважаемого Билабера.

— В этом запросе больше нет нужды, — решительно заявил Билабер.

Шаклар устремил на него взгляд, полный искреннего непонимания, но потом его словно бы озарило.

— А что... — задумчиво проговорил он. — Пожалуй, вы правы.

— Вы понимаете?! — с восхищением посмотрел на Дара Билабер. — Здесь передо мной открываются такие восхитительные перспективы! Я столько всего смогу сделать!

— Это точно, — на всякий случай согласился Дар, хотя ему было интересно, долго ли сможет Шаклар продолжать столь блестяще разыгрывать спектакль.

Наверное, его таланта все-таки должно было хватить на то время, пока прошение Билабера об отставке доберется до Терры.

— Вам, естественно, будет предоставлен официальный отпуск, — добавил Шаклар.

— Я согласен! Но... гм-м-м... еще один вопрос...

— Да? — Шаклар стал более внимателен.

— Почему, уважаемый Билабер, вы считаете, что в БМС будет так трудно найти того человека, которому следует передать ваше прошение об отставке?

— Потому, — негромко ответил Билабер, — что мое назначение на Вольмар проходило под грифом «совершенно секретно».

Дар ухитрился не выдать испуга.

6

— Но если это был такой страшный секрет, как же ты ухитрилась узнать о нем? — требовательно вопросил Дар.

Сэм оскорбленно поджала губы.

— Ладно, скажу. Так вот: если хочешь знать, я работала в секретном отделе и обладала доступом к сверхсекретной документации.

— О... — Дар выпятил нижнюю губу и медленно кивнул. — Тогда все ясно. Скажи, а твои боссы... как бы это помягче выразиться... не слишком удивились, когда ты решила уволиться?

— Еще как удивились, — угрюмо буркнула Сэм. — Особенно когда узнали, что я в гьюмы подалась. Не хотели паспорт выдавать.

— И как же тебе это удалось?

Сэм пожала плечами:

— Пришлось побегать. Скажем так: я просто очень хорошо знаю, как общаться с бюрократами.

— Ладно. В детали можешь не вдаваться, — сказал Дар и театрально прикрыл рукой глаза. — Главное — ты все-таки улетела.

— Не сказала бы, чтобы этим все кончилось, — с мрачной ухмылкой проговорила Сэм. — На том лайнере, которым я летела, летел какой-то тип коммерческим классом с Терры. Так он пересадки делал именно там, где их делала я, вплоть до последнего перелета с Гальдана IV на Вольмар.

— Думаешь, за тобой шпионил какой-то агент? — спросил Чолли.

Сэм кивнула и протянула ему опустевший стакан.

— Вы, похоже, знаете, как это может выглядеть.

— Ну... можно и так сказать, — уклончиво отозвался Чолли. — Но скорее всего я просто, по обыкновению, излишне подозрителен... и все-таки у меня такое впечатление, что один блондинистый малый из свиты Билабера на тебя глаза пялил как-то особенно.

— Наверняка это объясняется моей дивной красотой и чудовищным магнетизмом, — кисло съязвила Сэм. — Я его тоже заметила. На самом деле, надо быть слепой, чтобы его не заметить.

— Ну, секретные агенты ведь тоже учатся поначалу.

— Я знаю, как от него отделаться, — задумчиво изрек Дар.

— Я тоже, — буркнула Сэм. — Смыться с Вольмара.

Дар вытаращил глаза:

— Как ты догадалась?

Сэм запрокинула голову.

— Ты и на самом деле мне это хотел порекомендовать? А в чем дело? Я что, тут уже кому-нибудь мешаю?

— Да нет, что ты! — поспешно возразил Дар. — Совсем наоборот! Понимаешь, мне тут предложили слетать на Терру, но мне до зарезу нужен кто-нибудь, кто сечет в терранской бюрократии.

Возникшая пауза затянулась.

— Итак, — наконец изрекла Сэм, — ты получил-таки предложение, от которого не смог отказаться.

— Ну, не то чтобы не смог. Скорее, не захотел, — уточнил Дар. — Так что ты скажешь?

Сэм нахмурилась.

— Мысль не лишена привлекательности, и к тому же здесь я уже успела узнать все, что хотела. Между тем здесь

по сравнению с Террой — множество преимуществ, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Лично я не понимаю, — поспешно вставил Дар. — Я просто не в силах представить, как вообще какое-то место может иметь преимущества в сравнении с Террой, а особенно такая дыра, как Вольмар.

Чолли отвернулся, чтобы расставить на полке вымытые стаканы, при этом негромко насвистывая.

— Не сомневайся, — заверила Дара Сэм, — поймешь. В принципе я ничего не имею против того, чтобы нанести визит на Терру, но у меня такое ощущение, что там я очень скоро начну тосковать по Вольмару. И как же мне вернуться сюда, если я этого захочу? Мне ведь целых десять лет пришлось копить деньги только на дорогу сюда.

— Ну... Я думаю, Шаклара можно уговорить оплатить тебе обратный перелет, — уверенно заявил Дар. — Он, похоже, страстно желает меня отсюда выпроводить.

— Ты что, так напроказничал?

— Да нет же! Я повезу на Терру прошение Билабера об отставке!

Чолли уронил на пол стакан и резко обернулся.

— Ну, наконец-то! Вот то, что я хотел услышать! Ты отбываешь. И ты тоже. — Он решительно указал пальцем на Сэм. — Нельзя же бросать бедную маленькую овечку на растерзание терранским волкам! А если речь зайдет о том, чтобы тебе оплатили обратный перелет, то я об этом позабочусь.

— Договорились! — воскликнула Сэм и хлопнула ладонью по стойке. — Я готова лететь! Но... почему Билабер не может сам этого сделать?

— Потому что он остается здесь.

Чолли выронил еще один стакан.

— О... — растерянно проговорила Сэм, обдумывая эту новость. — А его свора?

— Они тоже остаются. Похоже, он без них как без рук.

— Погоди, помолчи немного, — умоляюще проговорил Чолли и поднял руку. — А то я всю посуду перебью. — Шаклар что, им всем работу дает?

Дар кивнул.

— Билабер намеревается организовать нашу информационную сеть и наладить работу бюрократического аппарата.

— Ну, все, теперь прости-прощай частное предпринимательство, — горько вздохнул Чолли.

— Нет-нет, Билабер не так уж плох, — уверенно возразила Сэм. — На Терре, покуда он занимался классификацией документации, у него все шло как по маслу. Бед он натворил только тогда, когда ему поручили информацию по всей Межзвездной Ассоциации.

— Вот как? — В глазах Чолли появилась искорка надежды. — То бишь он не без способностей, но не выдержал груза ответственности, так, что ли?

Сэм кивнула:

— Что-то в этом роде. Покуда он только выполнял чужие распоряжения, он с работой справлялся. А начальник из него оказался никудышный.

— Все лучше и лучше, — кивнул Чолли. — Если так, то, выполняя приказы Шаклара, он неминуемо будет оставлять кое-какие прорехи в ткани бюрократии.

— Как это? — сдвинула брови Сэм.

— Это все ради гибкости, милочка. Если бюрократия чересчур отлажена, тогда централизованное правительство приобретает слишком большую власть и контроль над всеми аспектами повседневной жизни. Ну а когда в бюрократической системе имеются маленькие просчеты... тогда у человека появляется некий шанс для борьбы с этой системой... Ладно! Стало быть, теперь у тебя осталась одна маленькая неувязочка, Дар.

Дар испуганно посмотрел на Чолли:

— Это какая же?

— Шаклар теперь считает, что ты — Арднам Рад, так что все твои бумажки будут оформлены на это имя.

— Ой, — огорченно проговорил Дар. — Ну и дела... Будут проблемы, да?

— Не такие уж страшные, — заверила его Сэм и утешающе похлопала по плечу. — С тобой как-никак странствующая бюрократка летит.

* * *

Дар нахмурился:

— А этот куда собрался?

— Кто? — Сэм прижалась носом к окну и выгнула шею. — Ты про этого малого в форме, что топает от трапа?

— Ну да! Он же пилот! И кто же тогда, спрашивается, поведет катер к курьерскому звездолету?

Сэм пожала плечами:

— Его сменщик, наверное. А этот небось выходной.

— Как — выходной? Он ведь целую неделю здесь проторчал... или нет?

— Нет. Он каждый день мотался туда и обратно с тех пор, как на Вольмар явился Билабер.

— А я и не знал, что у нас тут есть сменные пилоты.

— Что, тебя обязаны были посвятить в штатное расписание?

Дар обернулся к девушке.

— Знаешь, похоже, попутчица из тебя получается неважная.

Сэм пожала плечами:

— Ради бога — выбирай себе другого бывшего служащего БМС, какого сумеешь тут отыскать.

— А что... наверное, я мог бы уговорить слетать со мной кого-нибудь из свиты Билабера, — буркнул Дар и отвернулся к окну. — Но почему-то мне кажется, что ты все-таки будешь более...

— Неизвестно, как все сложится, — донесся до них чей-то голос.

Дар напрягся.

— Нас провожают.

— Конечно, конечно, — поспешно протараторил Билабер. — Но ситуация не так уж безнадежна. Я переживаю только о том, что нашего курьера могут там задержать.

Дар и Сэм медленно обернулись. К ним приближались Билабер и Шаклар.

— Думаю, вам стоит предупредить его об этом лично и сообщить обо всех неурядицах, которые могут встретиться

на его пути, — изрек Шаклар. — Ну, что же, Арднам, счастливого пути. — Он крепко пожал и потряс руку Дара. — Жаль терять вас, молодой человек, вы были образцовым подчиненным. Но не забывайте о том, какая большая ответственность на вас возложена, как важно это для нас, остающихся на Вольмаре.

— Я с радостью выполню порученное мне задание, сэр, — ответил Дар. Комплименты Шаклара он выслушал не без сожаления, поскольку в качестве «Арднама» прослужил под командованием генерала только последнюю неделю.

Шаклар отпустил его руку и отошел в сторону.

— Уважаемый Билабер тоже хочет вам что-то сказать.

Билабер подошел к Дару, а Шаклар — к Сэм.

— Будьте внимательны и осторожны, молодой человек, — сказал громко Дару Билабер и оттеснил его подальше от Шаклара и Сэм, после чего заговорил потише: — Так вот... Я не хотел говорить об этом генералу. Не стоит беспокоить его вопросами, над которыми он не властен...

Дар сразу забеспокоился.

— Например? — прищурившись, поинтересовался он.

— Понимаете, когда я служил на Терре и занимал важный пост, ко мне обратились представители партии ЛОРДов — вы, кстати, что-нибудь слыхали о них?

— Да так, кое-что... — уклончиво отозвался Дар. — Архиконсерваторы, заседающие в Ассамблее, да?

— Еще неделю назад я не стал бы пользоваться приставкой «архи». Теперь я готов употребить ее без тени сомнения, — заявил Билабер и, удивившись собственному заявлению, покачал головой. — Просто настоящие чудеса творит со мной эта планета!

— Ну, так что насчет ЛОРДов? — поторопил его Дар.

— Ну да, так вот... Они обратились ко мне с таким, знаете ли, вопросом... Предложили участвовать в заговоре с целью свержения Генерального Секретаря Ассамблеи, дабы затем привести к власти временное правительство — настоящую хунту во главе с ЛОРДами, которая, согласно их намерениям, будет править до тех пор, пока правительство Межзвездной Ассоциации не будет переформировано.

Дар вытянулся по стойке «смирно», превратившись в некое подобие резистора в контуре высокого напряжения.

— То есть... вы говорите... о диктатуре.

— Безусловно! Это ведь самая могущественная форма правления!

— Это верно... — Дар попытался облизнуть сухим языком пересохшие губы. — Могущественная, это точно. И очень эффективная. Диктатура метлой выметет всех бездельников и ликвидирует всякое пустое времяпровождение... ну, вы понимаете — парламентские дебаты, общественное мнение, выборы, суд присяжных. Все эти дурацкие, никому не нужные глупости.

— Совершенно верно. И я, как опытный администратор, могу заверить вас: все эти вещи на самом деле отнимают уйму времени. Кроме того, для осуществления всей этой деятельности требуется масса народу, который из-за этого отвлекается от задач, связанных с производством.

Дар насмешливо кивнул:

— И в итоге всем вбивают в голову, что время и труд, которые тратятся на эти ненужные глупости, — это мелкая, ненужная роскошь типа свободы и справедливости.

— Только не заблуждайтесь, молодой человек, — это действительно роскошь, — с неожиданной теплотой улыбнулся Билабер. — Но здесь, на Вольмаре, эти ценности приобретают совсем другой смысл — они действительно помогают людям чего-то добиться!

— То бишь цель оправдывает средства?

— Очень, очень оправдывает! На самом деле у меня такое подозрение, что в развивающемся обществе свобода просто необходима, она и ценна, и полезна.

— Но ЛОРДам вы этого доказать не смогли?

— Разве они стали бы меня слушать? — печально вздохнул Билабер.

— На мой взгляд — почему бы и не послушать? — нахмурился Дар. — Даже у консерватора могут быть широкие взгляды.

— Нет, это невозможно, когда консерватор у власти. Эффективность гораздо больше значит для тех, кто отдает при-

казы, чем для тех, кто их выполняет. — Билабер многозначительно поднял указательный палец. — Вот взять хотя бы, к примеру, министра финансов... Его цель состоит в том, чтобы экономика всего сообщества планет Межзвездной Ассоциации работала наиболее интенсивно.

— Гм-м-м... прошу прощения, уважаемый, но разве не лучше было бы сказать: «прибыльно»?

— На самом деле это вовсе не так, но министр очень скоро начинает верить в то, что это так и есть. Вследствие этого он очень мрачно относится ко всему, что стоит больше, чем отдает.

Дар нахмурился:

— Например?

— Например, торговля с далекими планетами — такими, как Вольмар.

— Погодите! — возмущенно воскликнул Дар и сам поразился тому, что этот разговор так задел его за живое. Совладав с собой, он более или менее сдержанно проговорил: — Мы постоянно экспортируем большие партии трубочника.

— Совершенно верно, но я видел торговые отчеты, и согласно им те товары, которые вам отправляет Межзвездная Ассоциация, стоят гораздо дороже, чем ваш трубочник, не считая стоимости перевозки. Так что МА несет из-за вас большие убытки.

— Но... надеюсь, вы простите меня, если я замечу, что мы того стоим!

— Вы стоите гораздо большего, уверяю вас, но как вы это объясните министру финансов?

— Хм-м-м... — сдвинул брови Дар. — Я понял. И таких планет, как наша, много, да?

— Более тридцати, — кивнул Билабер. — Тридцать планет фронтира, и по всем у министра финансов — убытки. В целом порядка тридцати — сорока миллиардов терранских УЕ. Это очень пагубно сказывается на экономике.

— Но ведь все окупится — когда-нибудь! — снова не выдержал и разгорячился Дар. — Дайте нам только время, и мы будем отдавать гораздо больше, чем взяли! — И тут Дара

вдруг озарило. — Вы ведь не случайно упомянули о министре финансов?

Билабер изумленно взглянул на него и смущенно улыбнулся.

— Вы правы. Не случайно. Именно министр финансов был тем ЛОРДом, который ко мне обратился. И его аргументы показались мне весьма, весьма убедительными. И как только он заставил меня верить в то, что дальние планеты следует отрезать от центра и оставить на произвол судьбы, он тут же организовал мое назначение губернатором Вольмара.

— Так вот... вот почему! — воскликнул Дар, и у него тут же мелькнула еще одна догадка. — Вы бы не стали мне все это рассказывать, если бы не решили, что я вам чем-то могу помочь.

— Не знаю, сумеете или нет, — честно признался Билабер. — Но постараться обязаны. Не так просто попасть на прием к Генеральному Секретарю, молодой человек, но если вам это удастся, вы должны сказать ему, что сенаторы Баундбридж и Сатрап объединились с генералом Форсмейном в попытке совершить государственный переворот. Сумеете запомнить эти фамилии?

— Баундбридж, Сатрап и Форсмейн, — кивнул Дар и мысленно еще раз повторил эти фамилии. — Да, я их запомню. Но ведь мы говорим о самом главном человеке в Галактике, уважаемый. Разве он поверит какому-то проходимцу с улицы, если тот не представит ему достаточно веских доказательств?

— Он получит такие доказательства, — сказал Билабер и вложил в руку Дара листок бумаги. — Запомните эти комбинации цифр, молодой человек, а когда запомните, бумагу сожгите. Генеральному Секретарю нужно будет только ввести эти комбинации в любой компьютер, и на дисплее тут же появится восхитительная коллекция документов, снабженных соответствующими подписями.

Дар уставился на листок бумаги.

— Но как... как же вам?..

— Как мне удалось раздобыть их? — улыбнулся Билабер. — Тут я вправе собой гордиться, молодой человек. Ведь я крупный специалист в области хранения и переработки информации. После разговора с министром Баундбриджем я ни в чем не сомневался, и все же мои инстинкты закоренелого бюрократа сработали сами по себе. Я решил, что окажу помощь заговорщикам, но, кроме того, я решил, что не стану козлом отпущения, если что-то у них вдруг пойдет не так.

Дар вытаращил глаза:

— Господи всевышний! Неужели люди на Терре настолько не доверяют друг другу?

Билабер раздраженно отмахнулся.

— Это продолжается уже много столетий, молодой человек, — с тех самых пор, когда китайцы изобрели бюрократическую систему. Одно из первых правил, которое надо усвоить, когда занимаешься офисной работой, гласит: «Получив письменный документ, сделай его копию». Но если это правило было известно мне, о нем, безусловно, должны были знать и Сатрап, и Форсмейн, и все прочие участники заговора. Я знал, что все они наверняка припрятали для себя какие-то свидетельства.

— Но как все-таки вам удалось эти свидетельства разыскать?

Билабер хитро усмехнулся.

— В наше время люди не прячут секретные документы в ящиках с двойным дном и тайниках, молодой человек. Теперь такие сведения хранятся в компьютерах, снабженные секретными активационными кодами. Но какой бы код ни придумал один человек, всегда найдется другой, кто сумеет этот код разгадать — особенно если к его услугам компьютер, выполняющий за него львиную долю черной работы. В конце концов, в этом деле я крупный эксперт, и время у меня кое-какое в запасе имелось.

Дар уставился на него в упор.

— Хотите сказать, что вам удалось взломать персональные коды каждого из заговорщиков?

— Только Сатрапа и Баундбриджа. Генерал Форсмейн держит свои документы в военной компьютерной сети, доступ к которой охраняется несколько более бдительно. И все же досье сенаторов мне вполне хватило, тем более что их изучение вывело меня на еще нескольких участников заговора. Так что, молодой человек, того кода, которым я вас снабдил, вам за глаза хватит, чтобы убедить Генерального Секретаря.

Листок бумаги вдруг стал жечь Дару пальцы. Он внимательно вгляделся в него — настолько внимательно, что цифры, казалось, впечатались в сетчатку его глаз.

— Почему-то мне кажется, что теперь я без труда запомню эти цифры, уважаемый.

— Отважный молодой человек! — Билабер с чувством пожал руку Дара. — Я буду в вечном неоплатном долгу перед вами, и не только я, а квадриллионы других людей, большинство из которых еще не появились на свет!

— Дивиденды соберу, когда они родятся и подрастут, — с вымученной усмешкой проговорил Дар. — Не волнуйтесь, уважаемый, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Больше этого у вас бы никто не осмелился просить, — заверил его Билабер и оглянулся. — Разве что ваш командир. Похоже, он тоже хочет вас напутствовать.

Он отошел в сторонку, а к Дару подошел Билабер.

— Пора трогаться в путь, Арднам.

В уши ударил резкий, оглушительный вой — пилот катера прогревал двигатель. Сэм решительно шагнула к двери и быстро пошла к небольшому кораблю.

— Позвольте, я провожу вас, — негромко проговорил Шаклар. Взял Дара под локоть и подтолкнул к двери.

Выйдя наружу, генерал повысил голос так, что ухитрился перекричать рев двигателя, испускавшего нагретый до высшей точки пар.

— Осознаете ли вы всю важность порученной вам миссии? — спросил он.

— Ее цель заключается в том, чтобы БМС оставило нас в покое, — прокричал в ответ Дар. — Только... генерал...

Шаклар вопросительно глянул на него.

— Уважаемый Билабер только что сообщил мне о заговоре, готовящемся ЛОРДами на Терре. Стоит ли мне принимать это сообщение всерьез?

— Безусловно. Я был уверен в том, что это произойдет рано или поздно.

Дар развернулся и в упор уставился на Шаклара:

— Так вы все знали?!

— Ну, не то чтобы знал... Я не смогу точно назвать вам дату переворота, да этого не знают даже сами заговорщики, но в общих чертах представляю себе их план. Всякий, кто хоть немного изучал историю, мог бы предвидеть, что такой оборот событий неизбежен. На центральных планетах отмечаются все признаки гибели демократии. Я за этим процессом наблюдал двадцать лет, пока не попал сюда.

— И попали сюда именно поэтому?

Шаклар удовлетворенно кивнул:

— Вы догадливы, молодой человек. Именно поэтому. Если демократия обречена в межзвездном масштабе, ее еще можно попытаться сохранить хотя бы на отдельных планетах.

— А особенно на такой, которая расположена достаточно далеко от Терры, так что какая бы диктатура ни сменила правительство Межзвездной Ассоциации, ей до этой планеты не будет никакого дела, — сделал вывод Дар.

Шаклар снова кивнул:

— Хотя бы из-за того, что поддерживать какие бы то ни было связи с такой планетой будет слишком дорого. Все верно. Полагаю, к концу нынешнего столетия мы будем окончательно предоставлены сами себе.

— Не слишком радужная перспектива, — задумчиво пробормотал Дар, — но все-таки это лучше, чем иго терранской диктатуры. Так что я должен сделать?

— Сделать? — изумленно переспросил Шаклар. — Сделать вы вряд ли что-то сможете. Ну разве что совершите рыцарский поступок... например, сообщите о готовящемся заговоре средствам массовой информации, если пожелаете,

или Генеральному Секретарю... словом, что-нибудь в таком роде.

— Не может быть, чтобы вы были к этому настолько равнодушны! — возмутился Дар. — Нельзя же сдавать демократию без боя!

— Но она уже сдана, разве вы не видите? Путем дешевого героизма можно добиться только того, что еще лет на десять сохранятся такие демократические институты, как Ассамблея, кабинет министров и так далее. Но реальность от этого не изменится: планеты фронтира уже фактически перешли на самоуправление, а Терра и другие центральные планеты в некотором смысле уже живут в условиях диктатуры во всем, что касается чисто практических вопросов. Если не верите мне — спросите об этом у кого угодно, кому довелось пожить там.

Дар вспомнил о том, с каким отвращением и отчаянием рассказывала о Терре Сэм, и понял, к чему клонит Шаклар.

— Значит, вы хотите сказать, что бороться за демократию не стоит?

— Вовсе нет. Я пытаюсь втолковать вам, что борьба за демократию может привести вас к пожизненному заключению в самой настоящей терранской тюрьме и жизнь ваша там продлится скорее всего очень недолго. Давление социальных сил настолько велико, что никто не в состоянии противиться ему. Так что если действительно хотите чего-то добиться, постарайтесь изменить природу этих социальных сил.

Дар сдвинул брови.

— Как этого можно добиться?

Шаклар пожал плечами.

— Можно изобрести сверхсветовое радио, можно обучить подавляющее большинство населения скептицизму, привить людям привычку ничто не принимать на веру, но ожидать результатов на своем веку бесполезно. Можно дать толчок таким переменам, но пройдет век или даже два, пока они начнут сказываться.

— Что ж, это будет очень здорово для моих внуков — но мне-то чем заниматься, пока я еще жив?

Шаклар вздохнул.

— Постарайтесь разыскать симпатичную отдаленную планету, которая ухитрится ускользнуть из поля зрения диктаторов, и сделайте все, что в ваших силах, для того чтобы превратить эту планету в островок свободы на ближайшие несколько столетий, а потом живите там со всем спокойствием, на какое способны.

— Что вы и сделали, — тихо резюмировал Дар.

Шаклар одарил его лучистой улыбкой.

— Ну... пока все только в процессе...

— Так и будет, пока вы живы. Тем самым вы собираетесь сохранить собственную иллюзию веры в смысл жизни.

— Совершенно верно, — усмехнулся Шаклар. — Но вы уверены, что это — иллюзия?

— Не уверен, — выдохнул Дар и покачал головой. — Будь я в этом уверен, ничего бы не вышло. Но от подобного образа мыслей легко впасть в отчаяние.

— Только тогда, когда вы считаете подобный образ мыслей доказательством отсутствия смысла жизни. Разум ваш будет верить, что это именно так, а сердце откажется в это верить. Ни за что не поверит — если вам действительно не все равно. Значит, все дело в том, что вам нужно заняться самоусовершенствованием.

— Похоже, я уже начал им заниматься, — кивнул и усмехнулся Дар и, покачав головой, добавил: — Вот только не уверен, что сумею создать «островок свободы».

— Здесь для вас всегда найдется место, — негромко проговорил Шаклар.

— Две минуты до взлета, — прозвучал металлический голос со стороны катера.

— Ну, все, бегите, — поторопил Дара Шаклар и вложил ему в руку толстый конверт. — Тут все необходимые документы, а также чек Вольмарского банка на два билета первого класса от Вольмара до Терры. — Он похлопал Дара по плечу. — Удачи вам, молодой человек, и помните: никакого ненужного геройства.

Дар хотел было спросить, что генерал имеет в виду, но тот уже отвернулся, а катер уже ревел с таким оглушитель-

ным шумом, что Дару ничего не оставалось делать, как со всех ног броситься к нему.

— Ну, ты даешь, — проворчала Сэм, когда Дар устроился в кресле для перегрузок рядом с ней и пристегнулся. — Что там у вас за переговоры были на высшем уровне?

— Они касались того, каким стилем мне лучше плыть по волнам социального прилива.

— Ого! — Сэм поджала губы и медленно кивнула. — А он молодчина, этот ваш генерал.

— Ага, — кивнул Дар. — Честно говоря, мне жутко стыдно, что я обманул его.

Он открыл конверт и ахнул.

— Что там такое? — требовательно спросила Сэм.

Дар молчал и, не мигая, смотрел на документы.

— Эй, очнись! — крикнула Сэм и помахала рукой у него перед глазами. — Что с тобой? Что у тебя там такое?

— Мои документы, — медленно, с трудом выговорил Дар.

— И что? Они не в порядке?

— Еще в каком порядке... Они все выписаны на имя Дара Мандры.

— Ой... — вымолвила Сэм и надолго умолкла, переваривая новость. А потом она вздохнула и откинулась на спинку кресла. — А ваш генерал... прозорлив, верно?

7

На курьерском корабле мест было на десять пассажиров, но Сэм и Дар оказались единственными. За пять дней полета они успели посидеть на каждом из кресел, как минимум, дважды.

— Нет, честно, отсюда вид гораздо лучше, — сказал Дар, устроившись на кресле ближе к концу салона. — Тут лучше ощущается глубина пространства, а силу ускорения гораздо приятнее чувствовать спиной.

— Какая сила ускорения! — фыркнула Сэм. — Этот корабль запросто может лететь всего лишь в режиме свободного падения. У него же встроенные компенсаторы ускорения, или ты забыл? А здесь, в пассажирском салоне, отдельное гравитационное оборудование.

— Тоже мне — транспортное средство! — хмыкнул Дар. — Напрочь ликвидировано всякое ощущение движения.

— Но из-за этого находиться в пассажирском салоне гораздо более удобно, — возразила Сэм. — Возникает чувство окружающей среды, пространства. — Она раскинула руки. — Замкнутого, но все же пространства. Ты как бы погружен в него.

— Да, но кому охота быть погруженным в кресла из литого пластика и креоновую обивку?

— Простите, сэр, но если вас не устраивают условия полета...

Дар сердито глянул на стюардессу.

— Знаю, знаю, — проворчал он. — Других условий вы мне предложить не можете.

— Вовсе нет, сэр. Я могу предложить вам множество других царств реальности, — объявила стюардесса-робот, после чего ее грудь распахнулась, обнажив несколько полочек, уставленных пузырьками с таблетками. — Все средства гарантируют вам забытье в том, где вы находитесь в данный момент, и время пролетит незаметно.

— Ага, а вместе с ним полетит куда подальше мой разум. Нет уж, спасибочки, я бы уж лучше отведал каких-нибудь старомодных наркотиков.

В руке Дара незамедлительно оказался пластиковый стаканчик. Палец стюардессы превратился в краник, из которого в стаканчик плеснула жидкость цвета янтаря и посыпались кусочки льда.

— Извольте отведать старомодного, сэр.

— Я вообще-то имел в виду мартини, — проворчал Дар. — Ну да ладно. И на том спасибо.

— Меня не надо благодарить, сэр. Я всего лишь...

— Машина, понимаю. Просто не хочу отучаться от хорошего тона. А когда мы прибудем на Гальдан IV?

— Ты уже двенадцатый раз задаешь этот вопрос, — тяжко вздохнула Сэм, — а я тебе сразу сказала, еще тогда, когда мы взлетели: Билабер сказал, что лета туда пять дней!

— Да знаю, знаю, — подмигнул ей Дар. — Мне просто нравится, как она отвечает. Так когда мы прибудем на Гальдан IV, стюардесса?

— Опытные пассажиры никогда не спрашивают «когда», — с некоторой долей упрека отозвалась стюардесса.

— А мне нравится слушать ваш запрограммированный ответ, — ухмыльнулся Дар и откинулся на спинку кресла.

— Попробуй посмотреть на это так: мы летим гораздо быстрее, чем я, когда добиралась на Вольмар, — утешила его Сэм. — А я летела полторы недели.

— Видимо, корабль, которым вы летели, совершал дальний рейс и был обычным грузовиком, сэр.

— Мисс!

— О, правда? Но в любом случае, я думаю, вы согласитесь, что курьерский корабль МА несколько более быстроходен, чем то транспортное средство, которым вы воспользовались ранее. На самом деле мы вот-вот должны вынырнуть из гиперпространства. Пристегните ремни, пожалуйста.

С этими словами стюардесса вкатилась в шкафчик, и дверца за ней со щелчком закрылась.

— Кто бы говорил о хорошем тоне! — фыркнула Сэм. — Или ты не нарочно над ней издевался?

— Нарочно, конечно, — проворчал Дар. — Но она меня определенно раздражает, эта машина.

— Запрограммировал ее какой-то сноб, — согласилась Сэм. — Ну ладно, давай-ка лучше приготовимся.

— Приготовиться к выходу в обычное пространство, — прозвучал гулкий голос с пульта управления кораблем.

— Не знаю, к чему вся эта суета, — пробурчал Дар, застегивая защитную сбрую. — Что с нами такого может стрястись при выходе из гиперпространства?

— Знаешь, ты становишься жутким занудой.

— Не обращай внимания. Но ты должна признать, что даже вибрации никакой не ощущается, когда выходишь из гиперпространства в обычное?

— Не ощущается, если только тебя не сцапают. Тогда такая вибрация начнется...

— Ты это о чем? — встревоженно нахмурился Дар.

Сэм вздохнула.

— Да это такое суеверие, оно бытует еще со стародавних времен, когда не существовало никакой Межзвездной Ассоциации и вообще за пределами Солнечной системы творилось черт знает что. Тогда в точках выныривания звездолетов в обычное пространство сидели в засаде пираты. Покуда грузовик находился в гиперпространстве, они к нему притронуться не могли, но как только он выныривал в обычное пространство, они сразу нападали.

— Да... — Дару стало немного не по себе. — А ведь... сейчас централизованное правительство не так уж сильно...

— Внимание, — прозвучал голос с пульта управления. — Выходим из гиперпространства. На несколько секунд будет отключена внутренняя энергия.

Погасло освещение: вся энергия корабля приобрела изоморфный характер, он транслировался в обычное пространство. У Дара закружилась голова, и объективная реальность на пару секунд стала субъективной, а если точнее — исчезла и она. А потом все вернулось и свет снова зажегся. Дар заморгал, повертел головой, дабы проверить, что она еще вертится.

— А знаешь... пожалуй, эта аварийная сбруя очень даже к месту, — глубокомысленно изрек он.

— Просим всех оставаться на своих местах, — посоветовал голос с пульта управления. — Приближается неопознанное транспортное средство.

Дар посмотрел на Сэм:

— Так что ты там говорила насчет пиратов?

— В наше время никаких пиратов нет и в помине, — ответила Сэм, но почему-то она была несколько бледна.

— Насколько мне помнится, нечто подобное в свое время было сказано в начале восемнадцатого века одному че-

ловеку по имени Жан Лафит, — проворчал Дар и выглянул в иллюминатор. — Знаешь, а теперь и вправду за окошком что-то видно!

— Ну естественно — звезды. Мы же вернулись в обычное пространство, не забывай! Ну и что он ответил?

— А вон у той — вполне различимый диск. Это, наверное, Гальдан. Ты про кого спрашиваешь?

— Про этого Жана Лафита.

— А-а-а... Он сказал: «Сдавайтесь», — ответил Дар, продолжая вглядываться в иллюминатор. — Что-то он там еще сказал, я точно не помню, но это как-то было связано с одним местечком под названием Карибское... Вау!

Салон озарила оранжевая вспышка.

— Это... совсем близко! — часто моргая, воскликнула Сэм.

— По-моему, это было то самое, что называют «упреждающим выстрелом».

— Между прочим, тут не до шуток! — взвизгнула Сэм. — И где, спрашивается, наш доблестный флот, когда он так нужен?

— Ты у пиратов спроси — они наверняка знают где.

— Я тоже знаю. Я как-то вечерком подпоила одного флотского компьютерщика, и он мне выболтал код доступа.

— А зачем тебе это понадобилось? — нахмурившись, поинтересовался Дар.

— Хотела удостовериться, какова будет безопасность моего полета на Вольмар. Оказалось, все надежно. На пятьдесят парсеков — ни одного флотского. Ближайшая база от нас в ста семидесяти пяти световых годах, ближе к Альдебарану, и они там сидят, штаны протирают да начищают до блеска свои кораблики.

— Чем они там занимаются?

— Их туда кто-то вызвал с год назад, чтобы они присмотрели за какими-то пиратами.

— Ну, ясно: они, стало быть, туда, а пираты — сюда! Просто восторг!

Сэм вдохнула поглубже.

— Погоди, погоди минуточку... Минуточку. Мы не о том говорим. Тут никаких пиратов быть не должно.

— Конечно, это могут быть и люди из флота, и может быть, это они нас сочли пиратами. Надеюсь, ты извинишь меня...

Салон озарила новая вспышка. Сэм вскрикнула:

— Нет, точно! Это пираты!

Дар пожал плечами:

— Пираты это или флотские... знаешь, когда мы превратимся в тучку из атомов водорода, боюсь, разницы не будет никакой.

— Ты прав, — вздохнула Сэм и отстегнула аварийные ремни. — Кто бы это ни был, нам надо выбираться отсюда.

Дар запрокинул голову и гостеприимно указал в сторону иллюминатора.

— Ага, добро пожаловать! Если вы повернетесь лицом к солнцу — на улице чудесная погода! Правда, если вы встанете к солнцу спиной, вы можете немножечко замерзнуть.

— Я тебе дело говорю! — буркнула Сэм. — На этом корабле должен быть хоть какой-то спасательный катер!

Дар, пристально глядя в иллюминатор, крикнул:

— Ложись!

Сэм в испуге последовала его приказу. Корабль сотрясся от мощного удара, и девушка, отлетев, стукнулась о стенку салона. Дара подбросило в кресле.

— Что это... черт подери... такое было? — выдохнула Сэм.

— Им, видно, надоело в игрушки играть, — заключил Дар, отбросил аварийное облачение в стороны и поднялся на ноги, сражаясь с силой ускорения. — На этот раз стреляли на поражение, и это им удалось. Угодили в гравитационный генератор. Так что ты там говорила про спасательный катер? Где он может размещаться?

— По идее, ему самое место между капитанским мостиком и пассажирским салоном, правда?

— Разумно, — кивнул Дар. — Ну а поскольку это разумно, то на самом деле скорее всего его надо искать между салоном и грузовым отсеком. Пошли.

Сэм начала было возражать, но быстро умолкла и последовала за Даром.

Корабль ощутимо тряхнуло. Дар удержался на ногах, ухватившись за спинки кресел по обе стороны от прохода. Сэм налетела на него сзади.

— Чуть-чуть промахнулись, — проговорил Дар сквозь зубы. — Нас ударило взрывной волной. Жалко, времени нет полюбоваться. Наш пилот наверняка фантастически лавирует!

— Ага, — буркнула Сэм. — Так поэтому я того и гляди вылечу сквозь обшивку наружу?

— Вот-вот. Потому что он все время выбирает, какая стенка тебе больше для этого подойдет. Вперед!

Борясь с сопротивлением инерции, они пробирались к кормовому люку. Дар повернул к небольшому шкафчику за люком и открыл дверцу.

— С этой стороны — два, а с той, наверное, три. — Он вытащил из шкафчика свернутый в рулон серебристый скафандр с пластиковым шлемом. — Давай облачайся.

Сэм принялась натягивать на себя скафандр.

— Так себе одежонка, правда?

Дар кивнул:

— Да, такую сырной коркой разве что не продырявишь. Да эти скафандры и не предназначены для защиты тела — эту роль играет спасательный катер. А скафандр только обеспечивает запасом воздуха.

Корабль с громким треском завалился набок, и Сэм упала на Дара. У того закружилась голова. Даже в скафандре Сэм все-таки была женщиной. Однако сейчас на подобные умозаключения времени положительно не было.

Сэм отстранилась, выпрямилась и продолжила натягивать на себя скафандр.

— Они совсем близко! Скорее!

Дар натянул скафандр и нажал кнопку герметизации. Сэм последовала его примеру. Затем Дар выпрямился и прижал свой шлем к шлему Сэм, чтобы его голос прошел сквозь пластик.

— Теперь повернись ко мне спиной. Проверю, в порядке ли система подачи воздуха и все шланги.

Сэм повернулась к нему спиной. Дар проверил, в целости ли шланги, и включил систему подачи воздуха. Как только на шкале стрелка дошла до голубой отметки, Дар похлопал Сэм по плечу и повернулся к ней спиной. Он чувствовал, как она прикасается к нему. Вскоре под шлем хлынула струя воздуха. Дар сделал вдох и кивнул, после чего повернулся к люку, открыл его и дал девушке знак идти первой. Она шагнула вперед, Дар — за ней. Он закрыл за собой люк. Сэм уже успела нажать клавишу подачи воздуха. Как только переходная камера наполнилась воздухом, над боковым люком вспыхнул зеленый огонек. Дар нажал на ручку двери люка и потянул ее на себя. Открылось отверстие диаметром в три фута. Сэм шагнула в него. Дар последовал за ней.

Усевшись в кресло, Дар пристегнулся ремнями. Сэм наклонилась к нему и прижала свой шлем к его шлему.

— А как же пилот?

— У него еще один катер имеется, если он пожелает удрать, — отозвался Дар и нажал клавишу на пульте управления. Пульт озарился мигающими огоньками.

— Ты знаешь, как управлять этой штуковиной?

— Естественно, знаю. Да и чем тут управлять, кроме двух кнопок, двух педалей и штурвала?

— Ну... много чего можно придумать и при таком раскладе.

Дар пожал плечами.

— Ну, значит, мне недостает воображения. Поехали! — скомандовал он сам себе.

На табло мигала надпись «Готовность». Дар нажал клавишу «Старт».

Его грудь тут же получила удар весом в пятьсот фунтов, после чего это давление не замедлило распределиться по всему телу. Затем эффект попадания под паровой каток смягчился, и Дар, чувствуя себя так, словно его гладят утюгом, снова смог дышать. Справляясь с перегрузкой, он огляделся по сторонам. Справа было чуть темнее. Солнце находи-

лось достаточно близко, оно выглядело небольшим диском и испускало смертельно опасное излучение. Но это не имело значения: большую часть поля зрения занимала серебристая громада пиратского корабля.

— Да-а... — заключил Дар. — Они чересчур близко. — Он нажал педаль ускорения. Ощущение давления снова усилилось. На смену утюгу выступил печатный пресс. Дар оглянулся назад, на серебристый бейсбольный мячик курьерского корабля, а потом устремил взгляд в бездонную черноту, простиравшуюся впереди.

Сэм, сражаясь с перегрузкой, с трудом наклонилась вперед.

— Как думаешь, они нас заметили?

Дар пожал плечами:

— Трудно сказать. Мы появимся у них на детекторах, но на такую малявку они могут и не обратить внимания.

И тут серебристая громадина заскользила им навстречу.

— И кто их только просил быть такими наблюдательными? — проворчал Дар, перевел свое кресло в сидячее положение и сильнее нажал на педаль ускорения, вследствие чего на него снова наехал паровой каток и его прижало к спинке кресла, да с такой силой, что он едва дотянулся до штурвала.

Пиратский корабль набирал скорость.

— У меня почему-то такое подозрение, что нам их не обогнать, — проговорил Дар и крутанул штурвал влево.

Кормовые двигатели затихли и умолкли, а носовые сначала негромко заурчали, а потом дико взревели. Катер описал изящную, но крутую дугу, вследствие чего Дара швырнуло вбок и бросило на Сэм. Она впечаталась в кресло, дико побледнев и вытаращив глаза.

Дара это нисколько не удивило. Будь он на месте пассажира ведомого им самим спасательного катера, он бы себя чувствовал не лучше. Он выровнял штурвал и снова нажал педаль. Катер стрелой понесся к курьерскому кораблю, который, пользуясь замешательством пиратов, пытался улизнуть.

Сэм с трудом наклонилась вперед, привела спинку своего кресла в вертикальное положение и прижала свой шлем к шлему Дара.

— Разве мы от них... не удираем?

Дар покачал головой.

— Им нас изловить — пара пустяков. С такой же легкостью тощий кот сцапает ожиревшую мышь. Наш единственный шанс — спрятаться.

— Спрятаться? За что тут можно спрятаться? Тут ничего такого нет!

Позади катера и чуть справа полыхнули алые разряды.

— Мамочки! — взвизгнула Сэм и съежилась внутри скафандра. — Скорее прячься хоть за чем-нибудь! Скорее же!

— Постараемся... — пообещал Дар и резко крутанул штурвал. Сэм повалилась на него.

— Что ты делаешь?!

— Лавирую, что же еще? Они там, похоже, не дураки. Небось пушку свою к баллистическому компьютеру подключили.

Дар вел катер таким курсом, который бы обеспечил двойной радикулит змею с позвоночником из трех позвонков. Их с Сэм мотало внутри катера, как игральные кости в стаканчике.

— Пока мы выигрываем, — процедил сквозь зубы Дар. — Мы им спутали карты.

Взрыв грянул прямо под кормой катера.

— Ого! А они быстро учатся на своих ошибках, гады!

Дар изо всех сил ударил по педали акселератора и надавил на штурвал. Катер нырнул носом вниз, а над ним, описав сверкающую дугу, пронесся пущенный пиратами снаряд. А потом катер выровнялся, и вверху над ним было только пустое пространство. Дар нажал на педаль замедления хода, и их с Сэм бросило вперед.

Ее шлем с треском ударился о шлем Дара.

— Почему ты остановился?

— Потому что иначе они нас поймают.

Дар развернул катер и погнал его обратно к серебристому шарику и глыбе пиратского корабля, нависшего над ним подобно надгробному камню.

Сэм сжалась в кресле.

— Только не протарань его!

— Не бойся.

Курьерский корабль окутало облако синих искр.

— Похоже, они маленько перепутали — приняли их за нас, — заключил Дар и снова нажал на штурвал. Катер нырнул, и над головами у Сэм и Дара снова проплыло днище курьерского корабля.

— Почему?! — взвизгнула Сэм.

— Потому, — удержался от комментариев Дар.

Маленькое суденышко вынырнуло из-под курьерского корабля и рванулось в промежуток между ним и пиратским звездолетом.

Сэм глубоко вдохнула.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве наша задача — не удрать от них?

— Так и есть, и мы как раз этим занимаемся. — Глыба пиратского звездолета нависла так низко над катером, что он, казалось, едва не задел ее. Дар снова нажал педаль торможения и в несколько мгновений сбросил скорость катера настолько, что серебристые пластины на днище огромного корабля стали почти неподвижны. — Вот так! — сказал он и облегченно вздохнул. — Мы сравняли скорость. Если нам повезло, они не заметили, как мы под них поднырнули, а я на это надеюсь, поскольку они слишком заняты обстрелом курьерского корабля.

— Но почему они не должны нас заметить?

— Поскольку нам было бы гораздо разумнее до сих пор прятаться за нашим родным кораблем.

— Уж это точно, — буркнула Сэм и с отвращением посмотрела на нависшее над катером днище пиратского звездолета.

— Даже если они начнут нас искать, они нас скорее всего не увидят, если только у них детекторы на днище не подключены.

— А вдруг подключены?

— Тогда нам не повезло. Но даже если это так, они, быть может, все равно нас не заметят: мы слишком близко к днищу и для их детекторов, так сказать, в тени.

— Теория чудесная, — заключила Сэм и откинулась на спинку кресла. — Но что будет, если ты ошибаешься?

— Что ж, в таком случае они рванут от нас на такой скорости, какая нам и не снилась, и снова начнут упражняться в меткости попаданий.

— Теперь я понимаю, почему мне было всегда так жалко глиняных голубков, — поежилась Сэм. — Ой, что это они делают?

Дар развернулся, оглянулся назад.

— Все еще пытаются прострелить курьерский корабль насквозь... Опаньки!

— «Опаньки» — что? — опасливо вопросила Сэм.

— А курьерский корабль уходит. Вернее говоря, драпает во все лопатки. Держись покрепче. Пираты направляются за ним, и притом быстро! Этот курьерский даже подбитый весьма проворен!

Сэм нахмурилась.

— Но тогда как же пираты собираются изловить его?

— Залягут в засаду.

— Куда залягут? Тут не за чем спрятаться, кроме атома водорода!

— Ага! Поехали!

Дар развернулся к штурвалу. Серебристая глыба пиратского корабля пошла задним ходом. Дар нажал педаль ускорения и направил катер в сторону солнца.

— Но мы... вряд ли... их обгоним, — борясь с перегрузкой, проговорила Сэм.

— Нет... если им с нами... по пути, — отозвался Дар. — Но в данный момент... наши дорожки... расходятся...

— Какая разница? — отдышавшись, пожала плечами Сэм. — Как только они разделаются с курьерским кораблем, сразу примутся за нас.

— Это в том случае, если мы покажемся им достойной преследования целью. Но к тому времени, быть может, нам удастся разыскать убежище.

— Убежище? Где тут можно найти убежище?

— А там же, где прятались пираты, пока сидели в засаде... вон там! — Дар вытянул руку и указал на цепочку из сверкающих бриллиантов, подсвеченных солнцем. — Астероиды! Это они и смутили детекторную систему курьерского корабля. Она решила, что пиратский корабль — просто-напросто крупный камень, расположенный чуть ближе остальных!

Сэм вытаращила глаза:

— Но что они тут делают?

— Сейчас не время задавать вопросы, — сказал Дар и, выгнув шею, оглянулся назад. — Они все еще гонятся за курьерским кораблем... догнали... сейчас дадут предупредительный выстрел... НЕТ! Начинают тормозить и разворачиваться!

— Почему? — опасливо поинтересовалась Сэм.

— Потому что, очевидно, их вовсе не интересует курьерский корабль! Подлетели, посмотрели, увидели, что место парковки катера по-прежнему пустует и нас нигде поблизости не видно, и теперь ищут нас!

Сэм сдвинула брови и покачала головой:

— Ничего не понимаю. У тебя получается так, будто они гоняются именно за нами.

— Догадалась наконец, — суховато проговорил Дар. — Меня другое интересует: как они вызнали, что мы на борту?

— Может, они этого и не знают, — с надеждой вымолвила Сэм. — Может, они нас за кого-нибудь другого принимают.

— Надеюсь, ты простишь меня, если я не стану тут торчать и ждать, пока это выяснится?

Дар резко развернулся и выжал педаль торможения. Катер встал на дыбы — из носовых дюз вырвались струи перегретого пара, а Дара с Сэм швырнуло вперед. Маленькое суденышко начало швырять из стороны в сторону. Дар ла-

вировал, стараясь избежать столкновения с небольшими каменными и металлическими астероидами. Обшивка катера звенела подобно цимбалам, солирующим в перкуссионном оркестре, но пока ни одному камню не удавалось пробить в нем дыру. Дару удалось сравняться скоростями с одним из астероидов, который был чуть побольше катера. Звон сменился отдельными постукиваниями.

— Пока нам просто фантастически везет, — заметил Дар и отключил все двигатели. — Покуда на нас не налетит какой-нибудь скоростной булыжник с кормы или медленно летящий — с носа, с нами все будет в полном порядке. Этот катерок достаточно крепок, чтобы выдержать удары большей части этого щебня.

Сэм с дрожью выдохнула.

— А ты... ты ведь рисковал, правда?

Дар пожал плечами.

— А что, у меня разве был выбор? Теперь, если нам только не размозжит двигатели, все будет нормально.

— А если да?

— Тогда... ты бы кем предпочла стать — пленницей или астероидом?

Сэм сдвинула брови.

— Надо подумать.

— Думай на здоровье, — кивнул Дар и сложил руки на груди. — Времени у нас навалом.

Орбита астероида унесла катер от курса пиратского звездолета: серебристая глыба мелькнула вверху и ушла вперед, оставив притаившийся за камнем катерок позади.

— Вот так? — изумленно обернулась Сэм. — Просто пролетели мимо и нас не тронули?

— Нет, не совсем так, — мрачно покачал головой Дар. — Они видели, как мы свернули и затерялись между астероидами, в этом можешь не сомневаться. Но только они не способны так быстро тормозить, и потому им трудно нас преследовать. В маневренности они нам здорово уступают. — Но они вернутся — в этом тоже можешь не сомневаться.

— Спасибо, утешил, — отозвалась Сэм. Она сидела не шевелясь. — А двигатели ты зачем отключил?

— Затем, что один из пиратских детекторов теперь ищет нас исключительно на этот предмет. Сейчас только работа двигателя могла бы отличить нас от любого астероида, если только, конечно, эти мерзавцы не окажутся от нас в такой близости, что смогут увидеть нас невооруженным глазом.

— Но разве обшивка катера не сильнее блестит?

— А я выбрал астероид поярче других.

— Вот они! — вскрикнула Сэм.

Дар занес руку над кнопкой включения двигателей.

Слышать их разговоров пираты, конечно, не могли, и они оба это понимали, но страх сделал свое дело, и Дар с Сэм сидели тихо как мышки, покуда над ними проплывала серебристая надгробная плита, выписывавшая широкий зигзаг. Она была все ближе... и ближе, и Дар чувствовал величайшее искушение сдвинуть катер в сторону и прижать его к спасительному боку астероида. Пиратский звездолет вильнул вправо, потом — влево и ушел далеко в сторону от камня, за которым прятался катер. Затем он очередным разворотом пролетел в доброй полумиле впереди катера и продолжил свой путь.

Сэм откинулась на спинку кресла со вздохом облегчения:

— Хвала небесам!

— Ага, — отозвался Дар и отнял дрожащую руку от кнопки включения двигателя. — Даже не представлял, что выглядеть вне подозрений — это такое неописуемое счастье.

— Пока получается — конечно, — сказала Сэм и посмотрела на Дара с нескрываемым уважением.

Сердце Дара забилось чаще. В конце концов, Сэм была для него единственной женщиной на многие миллионы миль вокруг. Но вдруг Сэм замерла и указала вперед:

— Посмотри! Что это они задумали?

Дар проследил за ее взглядом. В днище пиратского корабля открылся здоровенный люк.

— Вознамерились выпустить разведывательный катер для более тщательного осмотра окрестностей! — воскликнул Дар, и рука его метнулась к кнопке включения двигателей.

Сэм схватила его за руку:

— Нет! Ты же сам сказал — это выдаст нас с головой!

Дар медлил, не спуская глаз с пиратского корабля.

— Вот это да! Они впали в раздумья.

Катер, наполовину высунувшись из люка, застыл в неподвижности. Потом он начал медленно втягиваться в корабль-матку, и вскоре огромные ставни люка закрылись за ним.

— Но почему? — недоумевающе воскликнул Дар. — Мы ведь были у них в руках!

— Вот почему! — объяснила Сэм и указала назад.

А сзади надвигалась огромная усеченная пирамида, увенчанная странным устройством, напоминавшим грандиозных размеров глаз. Пиратский корабль пришел в движение, набрал скорость и поспешил прочь.

Дар сочувственно усмехнулся:

— Да... не хотелось бы мне драпать на такой скорости... Но у них особого выбора не было, верно?

— Почему не было? — спросила Сэм, не сводя глаз с приближавшейся пирамиды. — Это что за мегалитическая штуковина?

— Да полицейские, — пожал плечами Дар. — Откуда они — понятия не имею, но сейчас это в высшей степени все равно. Я даже рад их появлению.

— Эй! Вы! Сюда! На помощь! — закричала Сэм, попыталась встать и отчаянно замахала руками. — Проклятие! Они нас разве не слышат?

— Знаешь, звуковые волны плоховато распространяются в космическом вакууме, — отметил Дар.

— Да знаю я, знаю, — обреченно проговорила Сэм и упала в кресло. — Это я так, под влиянием момента.

— Они тоже, — заметил Дар, провожая взглядом проплывавший мимо полицейский звездолет.

— И что же нам теперь делать? Выходить и топать на своих двоих?

— Ну... скорее всего мы находимся в системе Гальдана, поскольку именно туда направлялись. На самой высокой скорости, какую мы способны развить, пройдет всего ка-

ких-нибудь три-четыре месяца, пока мы доберемся до ближайшей обитаемой планеты.

— Не думаю, что мы выдержим столько времени без завтрака.

— О, я уверен, тут где-нибудь сложены припасы. Но не думаю, что нам придется томиться так долго. Уверен, полицейский корабль очень скоро вернется.

— Зачем? — нахмурилась Сэм. — За подкреплением?

— Да нет. Зачем им сдалось какое-то подкрепление? Ты видела «глаз» на верхушке их корабля? Это очень-очень мощный бластер.

— А-а-а... — понимающе протянула Сэм и немного подумала над услышанным. — Так пираты поэтому дали деру?

Дар кивнул.

— С таким «глазиком» полицейские намного сильнее пиратов, сколько бы у тех ни было орудий.

— Тогда почему же полицейские вернутся?

— Потому что пиратский корабль, помимо всего прочего, оборудован гиперпространственным двигателем, а у меня сильное подозрение, что полицейский звездолет предназначен исключительно для облета ближайших окрестностей. И как только пираты нырнут в гиперпространство, полицейские тут же отправятся восвояси.

— О... — задумчиво выговорила Сэм. — Но разве полицейские не могут изловить пиратов до того, как те уйдут в гиперпространство?

— Могли бы, — рассудительно сказал Дар. — Но не думаю, что они станут это делать. Эти пираты, судя по всему, мастера сматывать удочки. Не были бы мастерами — давно остались бы без добычи. А потому они рискнут там, где полиция рисковать не станет.

— Ты имеешь в виду слишком быстрый переход в гиперпространство?

— Не исключено. Увидишь грандиозный взрыв — так и знай: они попробовали сделать именно это.

Они ждали, глядя вперед. Полицейский корабль превратился в крошечное светящееся пятнышко.

Через некоторое время Сэм высказалась:

— Похоже, они не стали этого делать.

Вдалеке сверкнула ослепительная вспышка. Рука Дара снова метнулась к кнопке включения двигателей.

— Погоди! — вскрикнула Сэм. — Мы ведь еще не знаем, кто из них победил!

— Скоро узнаем, не переживай, — сквозь стиснутые зубы процедил Дар.

Вспышка превратилась в светящуюся точку и, вырастая на глазах, приобрела форму треугольника.

— Победа! — радостно возгласил Дар, с силой нажал кнопку, и двигатели, ожив, взревели. — Давай поздравим этих славных ребят!

Он навалился на штурвал, и катер, выпрыгнув из плоскости эклиптики, понесся навстречу полицейскому звездолету.

— А нам не стоит назвать себя? Ну, чтобы они не подумали, что мы собираемся атаковать их?

— А это не так глупо, как могло бы показаться на первый взгляд, — глубокомысленно изрек Дар. — Они запросто могут принять нас за торпеду. Послушай, тут где-то наверняка валяется аварийный маячок. Поищи, будь так добра, ладно?

Устройство вскоре отыскалось. На нем был прикреплен ярлык «Аварийный маяк» и имелась только одна пусковая кнопка. Сэм нажала ее, и они с Даром стали ждать.

— А как мы узнаем, что эта штуковина сработала? — в конце концов поинтересовалась Сэм.

— А как ты узнаешь, что Господь слышит твои молитвы? — ответил вопросом на вопрос Дар. — У них радио есть, а у нас нет.

— Все дело в вере, — проворчала Сэм. — Неужели все и всегда должно сводиться к этому?

Пирамида приближалась и вдруг исчезла в облаке пара.

— Они нас услышали! — вскричал Дар. — Они тормозят!

Пар рассеялся, и оказалось, что полицейский звездолет завис прямо над катером.

Сэм съежилась, втянула голову в плечи.

— Ничего не могу с собой поделать — у меня такое чувство, что эта громадина сейчас на меня упадет!

И упала. Огромная пирамида пошла вниз и предоставила Дару и Сэм возможность полюбоваться своим гигантским основанием. Но только Дар открыл рот, чтобы закричать от страха, как в одной из граней открылся люк, готовый проглотить маленький катер.

— Спасены, что ли? — прозвучал чей-то хрипловатый голос. Дар подумал, что это Сэм, но нет — голос звучал прямо у него в ушах.

— Ну, я очень рад, что мы оказались поблизости, — благодушно проговорил капитан и протянул Дару и Сэм стаканы с бренди. На груди его форменной куртки сверкали знаки отличия — пирамидка с глазом, внутри которой курсивом вилась надпись «Космическая полиция». Над пирамидкой располагались буквы — «Гальд. IV», а чуть ниже — «Фальстаф». Все эти обозначения выглядели островками в море — нет, в океане — охры. Капитан был, мягко говоря, тучен. Такую же комплекцию имели и прочие члены экипажа — самый стройный из них был никак не менее четырех футов в обхвате, и все они при этом ростом были ниже Дара. Капитан, кроме того, обладал типичной для четвертой планеты системы Гальдан внешностью — он был краснолиц, с курчавыми длинными волосами и шкиперской бородкой.

— Это нам повезло, что вы оказались поблизости, — поспешно уточнил Дар.

— Ну, тут-то дело не только в удаче, — признался капитан. — Нам поступали сообщения о том, что в этих краях орудуют пираты, поджидают торговцев в местах, где те обычно выныривают из гиперпространства. И вот, представьте себе, на прошлой неделе тут должен был пролетать грузовик, до отказа забитый маринованной селедкой, но не пролетел, вот мы и решили поболтаться неподалеку от этого пункта. У нас только один патрульный крейсер, так что, как вы понимаете, охранять все пункты сразу мы просто не в состоянии.

— А что, груз маринованной селедки был настолько важен? — удивленно поинтересовался Дар.

— Для нас, — ответил капитан, — это был стратегически важный груз. Ну а вы по каким делам на Фальстаф, ребята?

— На... Фальстаф? — обескураженно перепросил Дар.

— Это местное название Гальдана IV, — объяснила ему Сэм. — Мы тут должны были пересадку сделать, капитан. Летим с Вольмара.

Капитан не изменил позы. Он сидел, удобно устроившись в кресле, скрестив пальцы на необъятном животе. Но вдруг он стал — вёсь внимание.

— С Вольмара? Да что вы говорите! Как интересно! Кстати, мог бы я взглянуть на ваши документы?

— А? О, конечно. — Дар извлек из внутреннего кармана паспорт и идентификационную карточку и положил на стол. Сэм последовала его примеру. — Простите, это надо было в первую очередь сделать.

— Ну, вы же, так сказать, немного не в себе были.

Капитан взял со стола документы, и Дару вдруг ни с того ни с сего показалось, что в каждом глазу у него — по ювелирной лупе.

— Все в порядке, что вполне естественно, — заключил капитан, правда, вторая часть фразы прозвучала, на взгляд Дара, не слишком уверенно. Подвинув документы к Дару и Сэм, капитан добавил: — С Вольмара к нам нечасто залетают.

— Ну да, большей частью народ летит туда, — согласился Дар. — Просто дело в том, что наша фармацевтическая компания жаждет расширения своей деятельности. Вот мы и откомандированы, так сказать, ближе к центру, в поисках потенциальных инвесторов.

Сэм вздрогнула, и Дар тут же пожалел о том, что не посвятил ее заранее в выдуманную им «легенду».

— Вот не знал, что этот бизнес так развернулся, — хмыкнул капитан. Он явно заинтересовался.

Дар усмехнулся:

— Может, и не слишком развернулся пока — вот мы это и выясним. Кстати, я так обрадовался, когда вы так быстро заметили наш катер. Вы нас искали?

— Да не то чтобы... — Капитан нахмурился. — А что, надо было?

Дар мгновение не шевелился. Его словно ударной волной обдало.

— Ну... — осторожно начал он. — Я-то думал, что с курьерского корабля вам сообщили, что мы пропали.

— А ведь это странно, если разобраться... — Капитан поскреб макушку, поглядел в потолок и вернулся взглядом к Дару. — Может быть, пилот не заметил, что вы покинули корабль?

— Гм-м-м... Может быть, — проговорил Дар и мысленно представил, какой силы толчок должен был сотрясти курьерский корабль при старте спасательного катера. — Да, наверное, так оно и вышло. В конце концов, как пилот мог это заметить?

— Нет, как он только мог этого не заметить? — возмущался Дар. — Когда катер стартовал, для пилота это было равносильно землетрясению!

— А может, он принял это за очередное попадание из бластера, — предположила Сэм. — Там тогда было жарковато.

— Ну да. И он не проверил, на месте ли пассажиры, после того как обстрел закончился? — Дар покачал головой. — Нет, не проверил. Смылся, растаял, как жир на сковородке.

Они шагали по окраине Гаскервилля — столицы Фальстафа. Улица была широкая, но второй этаж домов, стоявших вдоль нее, нависал над тротуаром, что, на взгляд Дара, представляло собой значительное удобство в дождливые дни, а вот в солнечные не на шутку угнетало. Кроме того, дома выглядели странновато. Нижние этажи их были сложены из бревен, а верхние оштукатурены.

— Ну, это же одна из планет фронтира, верно? — высказал он догадку.

— Да не сказала бы. Она третья на обратном пути к Терре и колонизирована уже четыреста лет. А ты по каким признакам сделал такой вывод?

— По архитектуре, — ответил Дар и указал на бревенчатую стену. — Они что, не знают, как плавят сталь?

— О, очень даже хорошо знают, — улыбнулась Сэм. — Я когда летела на Вольмар, поинтересовалась. Дело в том, что на Фальстафе жуткая нехватка чистых металлов. Даже железо — и то пребывает в почве исключительно в виде ржавой пыли.

— Вот как... — Дар поджал губы. — Ну и что же у них тут вместо денег — гвозди?

Сэм устремила на него изумленный взгляд:

— Как ты догадался?

— Нет, ты шутишь!

— Ты так думаешь, да? Ну так попробуй расплатись здесь за что-нибудь терранскими термами.

— Пока поверю тебе на слово, — сказал Дар и остановился у витрины магазинчика. Прочитав вывеску, он заключил: — По-моему, это как раз то, что нам нужно. Может быть, здесь и обмен валюты производят.

— Логично, — отметила Сэм. — А раз логично, то, может быть, и не производят.

Они вошли в заведение, которое, согласно вывеске, являлось билетной кассой агентства с неограниченной ответственностью «Межзвездные Перевозки».

— Вам помочь? — прошамкал служащий, жуя колбаску и не спуская глаз с ленты телефакса. Он был неимоверно толст и щекаст, как все прочие фальстафцы, которых успели повидать Дар и Сэм. Дар уже вообще начал чувствовать себя инвалидом — он-то был худощав.

— Ну да. Мы хотели бы купить билеты до Терры.

— Это можно. — Служащий вынул из ящика два билета, даже не взглянув на них. — Это будет стоить две сотни фунтов. Ближайший корабль отправится в четырнадцать ноль-ноль третьего мая.

Дар, уже успевший сунуть руку в карман, где лежал бумажник, остолбенел.

— Третьего мая? Но ведь сегодня только пятое апреля!

— Обидно, да? — посочувствовал служащий. — А вы опоздали на последний корабль — он улетел два дня назад.

— Но мы не можем ждать! Нам нужно как можно быстрее попасть на Терру!

Служащий пожал плечами.

— Приятель, я ведь только билеты продаю — расписание полетов не я составляю. Ну так вы берете билеты или как?

— Пока не будем брать, спасибо.

Дар обернулся к Сэм и беспомощно посмотрел на нее.

— А вы валюту меняете? — быстро спросила она.

Служащий с интересом взглянул на нее:

— Валюту? А как же! Что там у вас?

— Терранские термы. Десяточка.

Сэм выразительно глянула на Дара.

— А-а-а... — Служащий, похоже, разочаровался. — Ну, придется взять, куда деваться. Кладите сюда.

Он вытащил и брякнул на стойку небольшой холщовый мешочек. Мешочек звякнул.

Дар не спешил выкладывать на стойку наличные.

— Это что? — поинтересовался он.

— Деньги, — ответил служащий и сдвинул брови. — За десять терранских термов — два фунта.

— Всего два фунта? — возмущенно выпалил Дар. — Не высоко ли вы цените ваши фунты?

— Высоко? Два фунта гвоздей, и каждый по десять пенни? — Клерк смотрел на Дара, явно сомневаясь в его нормальности. — Приятель, здесь это очень даже большие деньги! Чертовски большие!

— О... — ошарашенно промолвил Дар и искоса глянул на Сэм. Та кивнула. Дар вздохнул и выложил на стойку купюры. — Ладно, держите. Скажите... а раньше чем через месяц до Терры точно ни на чем добраться нельзя?

— Ну, если уж вы так интересуетесь... — Служащий склонился к стойке и доверительно проговорил: — У меня дружок один есть, так у него старенькая космическая яхточка имеется. Потрепанная, правда, но...

— А... нет, спасибо. — Дар попятился. — Я, понимаете ли, в последнее время не так часто пилотировал...

Сэм прикусила щеку, чтобы не расхохотаться.

— Ясно. — Клерк презрительно скривился и отлип от стойки. — Не первый сорт, стало быть? Ну, ладно, наше дело предложить. — И он снова вернулся взглядом к телефаксу.

— Ну вот... — Дар взял со стойки мешочек. — Мы... к вам потом еще заглянем.

— Кто? Ты лучше со старателем заходи в следующий раз. — Но рукой на прощанье служащий все-таки помахал. — Удачи, дружок.

— Ну, он все-таки старался говорить по-дружески, по-моему, — сказал Дар, когда они с Сэм вышли из конторы.

— Да не сказала бы. «Дружок» здесь означает не «друг», а «наживка». На что рыбу ловят. Пакость всякая, в общем.

— Вот как, — нахмурился Дар. — Ну а насчет первого сорта что за чушь? И почему я должен в следующий раз явиться со старателем?

— Старатель — этот тот, кто руду добывает, — объяснила Сэм. — Первосортную руду.

Дар глянул на нее, но она не улыбалась. Он пожал плечами.

— Так тут у них с железом действительно напряженка?

Мимо проехал автомобиль, с шипением испуская пар из турбинного двигателя. Кузов у машины был деревянный, головки болтов пластиковые.

— Еще какая, — подтвердила Сэм.

Дар вывернул шею, провожая взглядом диковинку.

— А двигатели они из чего собирают?

— Из тугоплавкого пластика, — отвечала Сэм. — Но, насколько я понимаю, с радио тут очень большая проблема.

Дар обернулся к ней и сдвинул брови.

— Ну да, тут ведь без металла никак не обойдешься. Но как же работал телефакс?

— На оптико-волоконных кабелях — в кремнии здесь недостатка нет. А печатает он за счет теплопередачи.

Дар удивленно покачал головой:

— Вот это да... Ну хотя бы пробок на дорогах у них не бывает.

— Колбаску, сэр? — поинтересовался владелец тележки на колесиках.

Дар остановился, неожиданно заметив, что практически каждый пешеход увлеченно пережевывает колбаску.

— Ну, что ж, пожалуй, не стоит выделяться из общей массы. Давай две.

Дар вытащил из кармана мешочек, запустил туда руку и вынул... здоровенный гвоздь.

Он в ужасе уставился на Сэм.

Та нахмурилась и кивком указала на разносчика. Тот протягивал Дару две колбаски, завернутые в обрывок пластика. Дар посмотрел на колбаски и вернулся взглядом к Сэм. Потом пожал плечами, взял у разносчика колбаски и положил гвоздь ему на ладонь. Тот выдал Дару сдачу — два гвоздя по три пенни и штифтик.

— А что же они тут делают, когда наступает пора платить налоги?

— Они их платят, как все добропорядочные граждане. Да что с тобой? Культурный шок?

Дар покачал головой:

— Вряд ли. Но в некотором роде потрясение.

— Значит, тебе надо выпить, — заключила Сэм.

— Недурная идея, — кивнул Дар. — Помнится, пивал я такую адскую смесь под названием «ржавый гвоздь».

— На этой планете такое название звучит оскорбительно, — предупредила его Сэм и подтолкнула к качающейся двери. — Ты уж лучше чего-нибудь попроси по старинке.

— Считай, уже попросил, — пробормотал Дар.

В кафешке царил полумрак, в лучших традициях питейных салунов. Сэм и Дар направились к барной стойке.

— Што жакажем? — прошамкал бармен-автомат и подмигнул лампочками.

— По старинке и мартини, — отвечала Сэм. Похоже, подмигивание автомата ее заворожило.

— Две штуки, — ответствовал автомат и заработал кнопками.

Дар выложил на стойку десятипенсовый гвоздь.

— Два отнять от дешяти... — пробормотал автомат и сграбастал гвоздь. В груди его открылись дверцы, оттуда выскочили два стакана с прозрачной жидкостью и один — с янтарной. Автомат покатился вдоль стойки к другому посетителю, оставив сдачу — два шурупа с плоскими головками и штифт.

— Я бы на вашем месте сдачу сосчитал, не отходя от кассы, — посоветовал завсегдатай, восседавший в стороне от Дара и Сэм. Он был одет в темно-коричневый балахон, подпоясанный обрывком электрического провода. На макушке у него был выбрит аккуратный кружок. Из нагрудного кармана торчала желтая рукоятка отвертки. — Этот автомат сегодня работает кое-как.

— Вот и мне показалось, что у него лампочки как-то странно мигают! — победно воскликнула Сэм. — А что с ним такое?

— Да можно сказать, он под хмельком, — ответил бритоголовый. — Понимаете, владелец этого заведения не может позволить себе такую роскошь, как провода для этого автомата, вот и оборудовал его трубочками с раствором электролита. Ну а это значит, что ему приходится каждое утро подливать в автомат некоторое количество этой жидкости, и у меня такое подозрение, что кто-то приправил утреннюю порцию электролита солями металлов. Проводимость от этого, естественно, возросла, и все контуры полетели.

— Так вот почему я получила два стакана, заказав один, — догадалась Сэм. — Ну и ладно. Или я горевать должна?

— А шутка дорогостоящая, — отметил Дар.

— Да не особо. На Фальстафе дефицит чистых металлов. А соединений — полным-полно.

— Похоже, вы в этом разбираетесь, — сказал Дар, поднял свой стакан и задумчиво посмотрел сквозь него. — По одежде я бы вас за монаха принял, а разговариваете вы как инженер.

— На самом деле я и то и другое, — усмехнулся незнакомец и протянул Дару руку. — Отец Марко Риччи, ОСВ, к вашим услугам.

— Дар Мандра, — представился Дар и пожал руку нового знакомого. — А это Сэм Байн. А ОСВ — это что такое?

— Орден Святого Видикона Катодского, — отвечал монах. — Общество римско-католических инженеров и ученых.

— Вот как! Как же я сразу не догадался! Капеллан на нашем транспортном корабле был из ваших!

— Не редкий случай, — кивнул отец Марко. — Церковь частенько назначает на такие посты катодеанцев, специализирующихся в области астронавтики. Лишние руки, если что выйдет из строя.

— Да, это разумно, — кивнул Дар, и тут в нем заговорило образование, почерпнутое в баре у Чолли. — Простите, но нет ли тут некоего парадокса?

— В чем? В том, что священники являются учеными? Да нисколько. Любые конфликты между наукой и религией проистекают исключительно из-за того, что некие церковники не понимают науки, а некие ученые не понимают религии.

— Но разве священник-ученый не будет склонен несколько скептически воспринимать и то и другое?

— Естественно, будет, — усмехнулся священник. — Ватикан нами вечно недоволен: мы то и дело задаем новые вопросы.

— Тогда почему вам позволяют существовать?

— Потому что нуждаются в нас, — пожал плечами отец Марко. — В Ватикане ведь тоже нужны водопроводчики.

— Ну, понятно, — кивнул Дар и отхлебнул виски. — Но как могла Церковь канонизировать одного из ваших собратьев?

— А, вы имеете в виду нашего основателя... Ну, тут у них особого выбора не было. Неоспоримый случай святого мученичества.

— Он, видимо, подал вам достойный пример, — заметила Сэм.

— О, мы вовсе не стремимся к мученичеству, — заверил друзей отец Марко. — И думаю, наш основатель не судил бы нас за это. В конце концов, он был прагматиком, а живой священник, как правило, куда полезней мертвого.

Дар задумался над тем, что значит «как правило».

— Знаете, святой отец, перед нами сейчас как раз стоят кое-какие драматические проблемы. А вы, похоже, неплохо знакомы с этой планетой.

— Но я не здешний уроженец, о чем вы можете судить по моей комплекции.

И действительно, отец Марко был только чуть-чуть полноват.

— Да, наши сложности как раз с этим и связаны — мы не местные и хотели бы продолжить путешествие.

— Ну, ясно. А последний грузовик стартовал пару дней назад, — понимающе кивнул отец Марко. — Знаете, боюсь, сейчас вам особо делать нечего — тем более что планету опечатала полиция МФ.

— Что она сделала, простите?

— Опечатала планету, — негромко повторил отец Марко. — А вы не слыхали? Эту новость передали по телефаксу всего несколько минут назад. Межзвездники получили достоверные сведения о том, что с последним кораблем сюда прибыл телепат, так что они запретили на время поисков оного кому-либо покидать планету.

— Да... — протянула Сэм. — Значит, придется тут торчать.

Дар нахмурился.

— А что он натворил, этот телепат?

Отец Марко пожал плечами:

— Ничего, насколько мне известно. По крайней мере об этом в новостях ни слова сказано не было.

— Но почему его тогда ищут?

— А вы не знаете? — несколько удивленно спросил отец Марко. — Ну, телепаты — это угроза для всего, что свято для добропорядочных граждан. Неужели вы не слышали?

— Ну, так, что-то в этом роде, — призналась Сэм. — Мы просто не знали, что это настолько укоренившееся общее мнение.

— О, целый месяц только об этом и говорят! Телепаты, понимаете, покушаются на личную свободу других людей — никогда ведь не поймешь, что в данный момент кто-то читает твои мысли. Можно было бы издать законы для борьбы с этим явлением, но как эти законы претворять в жизнь, если у тебя нет таких же телепатических способностей. Всякий, кто такими способностями обладает, скорее всего перейдет на сторону себе подобных. Эти телепаты, они держатся друг дружки, знаете?

— Нет, я этого не знал, — признался Дар. — Если на то пошло, я и понятия не имел, что такие люди вообще существуют. Ну, то есть почти не имел. (Он вспомнил о вольмарском шамане.)

— Ага, вот видите! — Отец Марко торжествующе поднял указательный палец. — Вам знаком по меньшей мере один человек, который, похоже, всегда знал, о чем вы думаете. И такого человека знает каждый.

— Естественно! У кого не найдется знакомого, который его хорошо знает!

— Может, и так, — рассудительно проговорил священник. — Но вот когда такой человек постоянно оказывается как бы на шаг впереди вас, вот тогда начинаешь задумываться. Потому что телепаты используют ваши мысли против вас, понимаете? Они обладают несправедливым преимуществом в борьбе за жизнь. Им всегда известны ваши планы, и потому они всегда знают, как эти планы разрушить.

— Это ужасно!

— Правда ведь? Но все становится еще хуже. Полиция МФ совершенно уверена в том, что телепаты во всей Терранской Сфере контактируют друг с другом и образовали организацию с целью заговора. Они хотят сбросить правительство и занять его место.

— Но как? — нахмурилась Сэм. — Разве полиция не может перехватить их сообщения?

— Перехватить сообщение от одного телепата к другому? Вряд ли. Помимо всего прочего, если верить слухам, этим телепатам даже нет нужды садиться на звездолет, дабы переправлять информацию с одной планеты на другую.

— Как это?

— Так говорят, — кивнул отец Марко. — Их мысли путешествуют от звезды к звезде практически мгновенно. Так что, сами понимаете, их конспирация обладает кое-какими преимуществами по сравнению с теми средствами, которыми располагает общество.

— Да, это мне понятно, — кивнул Дар, наклонился ближе к священнику и понизил голос. — Верно ли я понял по вашему тону, святой отец, что вы в это все не слишком верите?

Отец Марко столь же доверительно проговорил:

— Если честно, то это самый жуткий протухший горшок с благовониями, который мне когда-либо доводилось нюхать!

— Но чего я не могу понять, — вступила в разговор Сэм, — так это того, почему люди взахлеб говорят о том, чего, может быть, и не существует вовсе.

— Ну, такое ведь во все времена случалось, — рассудительно заметил отец Марко. — Массовая истерия — явление вполне обычное. Человек — это думающее животное, а вот толпа людей — вряд ли. Думаю, этим и обусловлены действия полиции — они руководствуются исключительно слухами.

— Слухами? — нахмурился Дар. — Но как же это?

— Получаемые полицией сообщения, на мой взгляд, чаще всего обычные сплетни. Но лучше уж пойти на поводу у сплетен, чем в один прекрасный день получить бунт.

— Бунт? — воскликнула Сэм. — Вы шутите!

— Увы, не шучу. Если люди не будут знать, что власти предпринимают хоть какие-то меры, они могут попытаться проявить личную инициативу. Тогда такое начнется... Один другому шепнет, что такой-то — телепат, и разгорится самая настоящая охота на ведьм. Нет, уж лучше так, чем...

— Простите... — От ближайшего столика поднялся тучный джентльмен.

— Я вам мешаю? — учтиво осведомился отец Марко.

— Нет, но вы мне аппетит портите! Если уж вам так хочется болтать о политике, не были бы вы так добры заниматься этим у себя дома? Это дурной тон и очень скверно сказывается на моем пищеварении!

— О! — Дар обменялся взглядом с отцом Марко. — Простите нас, пожалуйста, гражданин. Конечно, если мы вас обидели...

— Продолжайте! — Чья-то костлявая рука сжала плечо Дара подобно щипцам. — Давайте обижайте дальше! Вытряхивайте этих ленивых сурков из их тепленьких норок! Заставьте их делать хоть что-то, хотя бы жить, ради всего святого!

Это был невысокий тощий старик, на вид твердый, как метеорит, и подвижный, как комета. А рядом с ним...

Дар остолбенел и вытаращил глаза. Рядом со стариком стояла женщина, красивее которой Дар не видел ни разу в жизни. Фигурой она была подобна Венере, и легкое, до лодыжек, платье без рукавов обрисовывало каждый изгиб. Гладкий высокий лоб, тонкие брови, большие, широко посаженные глаза с тяжелыми веками, небольшой вздернутый нос и пухлые губы, обещавшие дивные восторги тому, кому выпало бы счастье их коснуться. Каштановые волосы ниспадали до талии. Это было лицо из детских грез Дара. Он и не думал, что такая красота бывает на самом деле — она бы не оставила равнодушным ни одного взрослого мужчину.

Несправедливость ранила Дара стрелой в самое сердце — такая женщина рядом с каким-то злобным старикашкой, а не с ним!

А злобный старикашка уже развернулся к толстяку, пожаловавшемуся на несварение желудка, который тем временем производил неразборчивые, но явно гневные звуки.

— А вот я был бы вам крайне признателен, если бы вы сделали свои инсинуации достоянием публики! Разве вы не знаете, что происходит с людьми, которые предпочитают

помалкивать о политике? Их перестает заботить собственное правительство! А знаете, что происходит, когда оно перестает их заботить? В одну прекрасную ночь какой-нибудь мерзкий, беспринципный нахал прокрадывается тайком и меняет правительство! А на следующее утро эти равнодушные люди просыпаются — и что же они обнаруживают? Они обнаруживают, что налоги поднялись так, что вот-вот их задушат, что они и шагу не могут ступить без разрешения и, если на то пошло, они ничем не лучше рабов! Вот что происходит, когда люди держат свое мнение при себе!

— Сэр! — Толстяк скривился так, словно наступил на что-то противное и скользкое. — Это возмутительно!

— Лучше быть возмутительным, чем глупым, но поскольку вы, похоже, на этот счет придерживаетесь иного мнения, полагаю, моим друзьям и мне лучше отправиться куда-нибудь, где воздух посвежее! — Старик развернулся к отцу Марко, Дару и Сэм. — Ну, как вам мое предложение, о те, в ком еще теплится дух? Я отведу вас туда, где над сценой дует свежий ветерок! Мы отправляемся туда — я и моя племянница. Присоединяйтесь, если хотите!

С этими словами он повернулся и, стремительно ковыляя между столиками, понесся к выходу так, словно жизнь убегала от него, а он спешил догнать ее.

Девушка развернулась, чтобы последовать за ним, но... не задержался ли ее взгляд на краткий миг на Даре?

Воображение. Наверняка. Но...

Но она всего лишь его племянница!

— А? Что? — Дар резко обернулся к отцу Марко.

— Я спросил: пойдемте с ними? — повторил священник. Глаза его сверкали.

— А-а-а... да. Похоже, они люди симпатичные.

— Почему бы и нет, — бесстрастно проговорила Сэм с каменным выражением лица. — Наверняка будет забавно.

Они встали, прихватили с собой стаканы и поспешили за громким голосом старика.

— Садитесь! Садитесь! — Скандалист широким жестом указал на стулья, расставленные вокруг большого стола, и уселся

сам. Его племянница скромно села рядом с ним. — Так вы — катодеанец, — приветствовал старик отца Марко. — И что же такой живой орден делает в этом болоте?

— А где проповедующий Жизнь больше нужен, как не среди умирающих? — возразил отец Марко.

— Минуточку! Погодите! — Дар умоляюще поднял руку. — Вернитесь назад на несколько строчек, очень вас прошу! У меня такое ощущение, будто я что-то пропустил.

— Что именно?

— Как вы узнали, что перед вами — катодеанец?

— Как? Да по знаку их ордена, конечно же! — воскликнул старик.

— Вот он. — Отец Марко постучал кончиком пальца по желтой рукоятке отвертки в нагрудном кармане. — Когда-то это был отличительный знак инженеров-электриков — нечто вроде эмблемы братства. А мы просто придали ему официальный характер.

— Вот оно что... — Дар опустил голову, чувствуя себя весьма не в своей тарелке.

— Теперь у вас передо мной преимущество, — заявил отец Марко старику.

— Понимаю, — усмехнулся тот. — Разве это не здорово?

— Дедушка! — укорило старика прекрасное видение, и он поморщился — у девушки явно были туфли с очень острыми мысками.

— Уж и порадоваться немножко нельзя, — вздохнул старик. — Святой отец, я — Вайти, а это Лона, моя... племянница, — подчеркнул он и одарил девушку многозначительным взглядом.

Красавица изобразила пристыженный вид.

— Как скажешь, дедушка.

— Неужели тебе обязательно нужно напоминать мне о моем возрасте, милочка? — горько вздохнул Вайти. — Да-да. Я знаю, что ты помешана на абсолютной честности даже в мелочах, но будь же милосердна! Я ведь совсем немногого прошу — чтобы ты при посторонних называла меня дядей. Неужели это так трудно?

— Совсем нетрудно — теперь, когда они знают правду. — Девушка одарила компанию лучистым взором и кокетливо солгала: — Он — мой дядя.

— Приятно познакомиться, — пробормотал Дар, не сводя глаз с Лоны.

Отец Марко кашлянул и протянул руку.

— Отец Марко Риччи. А это — Дар Мандра и Сэм Байн.

— Прошу, Вайти. — Официант поставил на стол перед стариком высокий бокал с вином. — И вас прошу, Лона.

— Благодарю. — Лона с вежливой, теплой улыбкой взяла коктейль, но тут же нарочито отвела взгляд от официанта. Тот в надежде задержался немного у стола, но тут же вздохнул и ретировался.

— Вайти-«Вино», — высказал догадку отец Марко.

Вайти приветственно поднял бокал и кивнул:

— Вы догадливы.

— Дело не в этом — просто я слышал о вас в каждой таверне и рюмочной на протяжении последних трех парсеков. Рад, что я вас наконец догнал.

Прозвище, на взгляд Дара, как нельзя лучше подходило старику. «Вайти» — «Белый», стало быть. Седина у старика была белее снега, а глаза — голубые, но выцветшие, почти бесцветные. Даже кожа у него была словно бы отбеленная, вылинявшая и обветренная. Такой коже подошел бы загар бывалого звездолетчика, но она была лишена такового.

Да и второе прозвище, похоже, было дано ему не случайно. Половину бокала старик осушил одним глотком.

— Догнали меня, вот как? — усмехнулся Вайти. — Если бы это было сказано не для красного словца, я бы забеспокоился.

Отец Марко усмехнулся в ответ:

— Ну, я же не из налоговой полиции.

— И не ревнивый муж, — добавила Лона.

— Милочка! — оскорбленно воскликнул Вайти. — Неужели бы я встал между мужем и женой?

— Только если бы тебе подарили такую возможность, — проворковала Лона и пригубила коктейль.

Вайти, испустив вздох отчаяния, обратился к отцу Марко:

— Как же цинична нынешняя молодежь! Неужели не осталось никаких идеалов? Святой отец? Никакой веры?

— В тебя я верю безоговорочно, дедушка, — просто не говорю о причине твоей подвижности.

— Полагаю, она связана с желанием к перемене мест, — предположил отец Марко. — Похоже, вы ни на одной планете не задерживались дольше меня, Вайти.

«Вино» кивнул:

— Я просто не в состоянии долго выносить общество ожиревших и ленивых людей, понимаете?

— А они — твое, — негромко добавила Лона.

— Ну, они обычно предлагают оплатить мне дорогу до следующей планеты. Я к старости стал очень непоседлив, святой отец, — все суечусь, бегу куда-то, все надеюсь отыскать местечко, где люди еще не впали в декаданс.

— Пора, Вайти, — сообщил остановившийся рядом со столиком человек с комплекцией десятиведерной бочки.

— И еще приходится искать новую публику. — Вайти вытащил из-под куртки плоский клавишный инструмент и поднялся из-за стола. — Надеюсь, вы извините меня, если я покину вас на несколько минут, друзья мои...

— Так вы... артист? — изумленно спросил Дар.

— Всегда и во всем, — гордо отозвался Вайти, а Лона добавила:

— Дело небезопасное, но хоть какой-то заработок.

— Сейчас все обстоит куда лучше, чем в старые деньки, милочка, — напомнил внучке Вайти. — До того, как я познакомился с твоей бабушкой. Тогда я продавал наркотики, святой отец, — не совсем легально, скажем так. Это было давно, свет в конце туннеля я увидел потом, когда стал известен под именем «Тод Тамбурин».

И старик направился к сцене следом за Лоной.

Сэм вытянулась как струна и вытаращила глаза:

— Это... Тод Тамбурин?

— Не может быть, — в тон ей проговорил Дар, на самом деле почти готовый в это поверить. — Великие поэты не поют в забегаловках.

— А мне припоминается ряд исключений, — заметил отец Марко, откинулся на спинку стула и пригубил виски. — Ну, давайте оценим его выступление?

Вайти устроился на невысоком табурете. А Лона на табурете повыше. Девушка поставила ступни на перекладину, плотно сдвинула колени и опустила на них руки. Вайти извлек из инструмента заливистое арпеджио. Звуки наполнили зал и оставили, стихнув, паузу. В эту паузу Вайти запустил залихватскую песенку, корни которой уходили в лучшие из самых пакостных старых деньков, — редкостную пустяковину про леди-звездолетчицу, которую и леди-то можно было назвать лишь с большой натяжкой и интерес которой к мировому пространству ограничивался пространствами весьма интимного свойства. Лона во время куплетов скромно молчала, а в припевах присоединялась к деду, исполняя их с таким же чувством, как он сам.

— И это — величайший бард, лауреат высшей литературной премии Терранской Сферы? — в ужасе воскликнула Сэм.

Дар был тоже несколько разочарован — но разочаровал его отнюдь не Вайти.

Песенка завершилась рокочущим крещендо, напоминавшим старт космического корабля. Зрители благодарно взревели, захлопали в ладоши и затопали ногами, а когда шум стих, на смену ему пришла медленная, почти тоскливая мелодия, оттененная тем не менее чувством спокойной уверенности.

А потом запела Лона — запела, не глядя на Вайти, а устремив взор вдаль — выше голов завсегдатаев кабачка. Голос ее был чист, как ручей, и прозрачен, как вода в роднике. Дар не слушал слова — ему казалось, что они скользят возле него и обволакивают его облаком согласных звуков. Но смысл их он улавливал: то была тоска по первозданности, которая некогда, в стародавние времена, принадлежала планете под названием Терра.

А потом, в припеве, внучке подпел Вайти, и пелось в припеве — грустно, но спокойно — о том, что первозда-

ность прошла, ее черед миновал, но так проходит все на свете. Потом Лона начала новый куплет, а уж в нем пелось о том, что та же первозданность вновь встретила людей на далеких планетах, под солнцами, невидимыми с Терры.

И вновь припев — о том, что и это прошло, как и должно было пройти, и новый куплет — новая планета и еще сотни планет. И все они встречали человека девственностью, дикостью, которую человек укрощал, а потом уничтожал на своих участках, обнесенных частоколом... Припев — и последний куплет, пропитанный чувством победы. Ибо мало-помалу люди все-таки научились жить в ладу с природой и сохранять ее первозданность. А вдали, за многими сотнями световых лет, новые планеты манили людей к себе своими девственными лесами — древней прародиной человечества, по которому ему было суждено вечно тосковать.

Дар был ошеломлен. Ведь он когда-то читал это стихотворение, но как он только мог счесть его великим, не слыша этой удивительной музыки?

А потом Вайти извлек из клавиш оглушительный диссонирующий аккорд и преподнес публике очередную скабрезную песенку. Дальше так и пошло — крупицы истинной высокой поэзии вкрапливались в разухабистые песни, и всякий раз Вайти ухитрялся огорошить публику столь резкой сменой репертуара. А когда Вайти наконец встал и стал просить слушателей, чтобы ему дали отдохнуть и пропустить бокальчик вина, Дар вместе со всеми присутствующими вскочил и принялся громко аплодировать и кричать: «Браво! Бис!»

А потом Лона и Вайти вернулись к столу. Девушка раскраснелась, глаза ее блестели. Старик улыбался, а Дар чувствовал себя в высшей степени смущенно.

— Садись! Садись! — замахал на него руками Вайти. — Премного тебе благодарен, юноша. Выше награды для певца не бывает — когда слушатели обо всем забывают, слушая его песни.

Лона промолчала, но одарила Дара таким взглядом, от которого у того кровь вскипела и зубы застучали, как в ознобе.

А потом явился официант и разрушил чары — поставил на стол перед артистами новые емкости с напитками.

— Теперь я верю! — вырвалось у Сэм. — Не могла даже представить, чтобы такой знаменитый поэт пел в кабаках, — но я слышала вас собственными ушами и теперь верю в это!

— Что ж, приятно узнать, что меня еще помнят, — сверкая глазами, проговорил Вайти. — Я и в самом деле поэт, но вот знаменитый — это вряд ли.

— Не обращай на него внимания, — посоветовала Сэм Лона. — Ты ведь не знала, что это для него оскорбление.

— Но как же это? Вы поете в задрипанном кабачке на третьесортной планете?

— Я же говорил — я перемещаюсь в поисках глотка свежего воздуха, — отозвался Вайти и едва заметно поджал губы. — В барах на Терре, — продолжал он, — все настолько, до чертиков, воспитанные, что там ничего не споешь, кроме высокой поэзии, а это так скучно. Да и потом, на самом-то деле никто там и не слушает бардов — они нужны исключительно как фон для болтовни друг с дружкой. Только заикнешься о политике — бац! — ты уже за дверью. Люди там избалованны, угрюмы, у них не осталось надежды, их не порадуют даже самые прекрасные песни в мире! Стоит только чуть-чуть удалиться от Солнца — и обстановка сразу меняется к лучшему, но даже здесь, где еще теплится жизнь, люди уже успели утратить чувства радости и удивления. Им бы только сидеть за толстыми стенами да жрать жирное мясо, а про охоту на драконов они и слушать не хотят.

— Все это верно, — согласилась Лона, — но и ты уже не так молод, дедушка.

— С этим не поспоришь, — кивнул Вайти. — Именно поэтому мне так хочется искать жизни и свежих впечатлений.

— Но я-то еще свежа, — заметила Лона, — и полна жизни, в этом нет никаких сомнений! Так дай же мне хотя бы

попробовать капельку декаданса, дедушка, — ну хоть посмотреть, что это такое!

Вайти вздохнул и собрался было что-то ответить, но ему помешал толстенный здоровяк — шести футов ростом, три в плечах и четыре в обхвате, с маленькими поросячьими глазками и выпяченным подбородком.

— Что за дела, артистишка? Тебе что, прогресс не нравится, или как?

Глаза Вайти вспыхнули.

— Прогресс? Только оттого, что на прилавках становится больше товаров, души ни у кого не становятся чище!

— А ты-то кто такой, мой отец исповедник, что ли? — Ожиревший верзила ухватил Вайти за грудки и выдернул из-за стола. — Ах ты, мелкий ублюдок! Сначала о политике болтает, а теперь еще и о религии! Ну, щас я тебя по стенке размажу!

— Давай! — ярился Вайти. — Попробуй только!

Верзила пару мгновений не сводил со старика изумленного взгляда, но вот его глазки сузились, и он со злобной ухмылкой размахнулся для удара.

Вайти, недолго думая, врезал ему по согнутой в локте руке.

Здоровяк взвыл и отпустил старика, но к столу тут же рванулись еще двое, примерно такой же комплекции. Кто-то сорвал Дара со стула, развернул и стукнул кулаком в челюсть. Дар отлетел к столу и сел на него, тупо моргая. Он смутно, сквозь звон в ушах, слышал, как уже вовсю ревет полномасштабная драка. Большая часть посетителей заведения в страхе визжали и метались в поисках выхода. Вокруг Вайти смыкались скандалисты, но тут к ним с боевым кличем рванулся отец Марко и принялся расшвыривать грубиянов в стороны, хватая за воротники и отталкивая спиной, если те все-таки отваживались вернуться. Вайти тоже не зевал — встречал вернувшихся меткими ударами снизу.

Сэм и Лона сражались спиной к спине и ловко работали апперкотами, не брезгуя и в пах ногой заехать нахалам. Пока мужики от них отлетали веером.

И тут Дар заметил блеск стали — кто-то целил ножом Сэм в живот.

Он вскрикнул и одним прыжком оказался между Сэм и тем мерзавцем, что хотел прирезать девушку. Лезвие проехалось по боку Дара, содрало кожу, он вскрикнул от боли и негодования и развернулся к ножевых дел мастеру.

Тот был огромного роста и невероятно толст.

— Ты тоже сгодишься, — заявил он с наглой ухмылкой. Нож его метнулся к печени Дара.

Дар уклонился от удара, ухватил мерзавца за запястье и врезал ему локтем по согнутой руке. Тот хрипло завизжал, его пальцы разжались, нож выпал. А потом Дару показалось, что по затылку ему угодила взорвавшаяся граната.

Он поднял голову, подслеповато моргая, и перед ним предстало множество мечущихся во все стороны ног. Сквозь звон в ушах он услышал звук полицейского рожка. «Очень вовремя», — подумал Дар и только тут сообразил, что обилие ног вокруг него могло означать единственное: он лежит на полу. Он, покачиваясь, поднялся и уперся носом в нагрудный значок с откровенной надписью «Полиция». Подняв глаза, Дар увидел ухмыляющуюся физиономию, увенчанную шлемом, и поднятую для удара дубинку. Дар метнулся в сторону, но встретился с нацеленным ему в грудь пистолетом-парализатором. То был второй полицейский. Дар взвизгнул и отпрыгнул в сторону как раз в тот миг, как дубинка опустилась, а пистолет выстрелил. Один полицейский получил удар током, а второй — дубинкой по шлему, но еще один обхватил Дара за пояс. Дар размахнулся и нанес удар сверху — он пришелся по шлему. Коп отпустил его и выхватил пистолет. Но выстрелить не успел — обмяк и повалился на пол. Отец Марко схватил Дара за руку и перетащил через валявшегося на полу полицейского.

— За мной! Быстро! — Он развернулся. Дар заковылял за ним, налетел на Сэм, выскочившую справа, отшатнулся от Вайти, поспешившего к ним слева. Отец Марко рывком открыл какую-то дверь, туда вбежала Лона. — За ней! — крикнул священник.

Что ж, Дар не имел ничего против — он лишь сожалел о том, что компания у них такая большая. Он спустился за стройной фигуркой Лоны по узкой лесенке и оказался в кладовой, стены которой были забраны полками, а на полках стояли бочонки и ящики с бутылками. Дверь захлопнулась, и шум драки стал едва слышным гулом.

— Быстрее! Еще несколько минут — и они догадаются об этой кладовой!

Отец Марко протиснулся вперед, нащупал какой-то болтик в стене, повернул его и открыл потайную дверь. Лона метнулась в образовавшийся проем, Дар последовал за ней.

Священник закрыл дверь за Вайти, и Дар вдруг оказался в полной темноте. Что-то мягкое и нежное коснулось его. Перед мысленным взором Дара предстала Лона, и он пожалел о том, что ее прикосновение было столь кратким.

— Дар... — прошептала Сэм совсем рядом. Дар вздрогнул от неожиданности.

— Я здесь, — отозвался он, обуреваемый вихрем эмоций.

Сэм явно была смущена и не уверена в себе — а значит, женственна. Все защитные рефлексы Дара мгновенно сработали, а им вслед устремился бурный поток гормонов. А ее прикосновение...

— Где мы? — шепнула Сэм.

— Понятия не имею, — еле слышно отозвался Дар. — И почему мы шепчемся?

Тут появилось крошечное пятнышко света. Дар и Сэм обернулись и увидели лицо отца Марко, подсвеченное маленькой лампочкой, вмонтированной в рукоятку отвертки.

— Ваши инстинкты работают верно, — прошептал священник. — Говорите потише. Не уверен, что полиции известно про эту норку, но они могут приступить к осмотру подвала кабачка, а мы ведь не хотим вызывать у них излишнего любопытства, верно?

— Даже думать об этом неприятно! — согласился Вайти. — Но где мы, святой отец? В... вы уж меня извините... логове для священников?

— Нет, преследования на этой планете никогда не имели ярко выраженной религиозной окраски, — усмехнулся отец Марко. — Мы в подвале соседнего с кабачком заведения.

— Это какого же? «Стирка носков» Леонга Чакова?

— Нет, с другой стороны.

— А-а-а, «Нежные отбивные ляжки» мадам Тесси... — Вайти вздернул брови и кивнул. — Ну, вы даете, святой отец! Даже я не знал, что между двумя соседними заведениями такая... прочная связь.

Священник кивнул:

— Об этом известно только немногим избранным посетителям.

— И вы один из них?

— Ну... скажем так: удивительно, чего только не узнаешь в моменты доверительных бесед.

Отец Марко отвернулся и пошел вдоль стены.

— О... — проговорил Вайти, устремившись следом за священником. — Вы это узнали на исповеди.

— Нет, но вследствие нее. Тут в прошлом месяце возникло одно срочное дельце, потребовалось отпевание и полнейшая конфиденциальность...

Раздался громкий металлический лязг, и свет фонарика подпрыгнул. Отец Марко что-то еле слышно пробормотал. Дар удивился — с каких это пор ругательство «блин» стало словом из обихода церковников?

— Похоже, я обнаружил лестницу, — напряженным голосом сообщил отец Марко. — Теперь идите медленно и тихо. — Свет фонарика пополз вверх. — В результате того случая здешние дамы стали мне доверять. Думаю, они никому не расскажут, что мы проследовали через их покои. — Свет фонарика упал на украшенную резьбой дверь. — Теперь тихо, — распорядился священник и повернул дверную ручку.

В уши ударил смех и громкая музыка. Друзья оказались посреди компании, состоявшей из обычного для Фальстафа набора тучных джентльменов и, видимо, единственных стройных представительниц прекрасного пола на планете.

В том, что они были стройны, не оставалось никаких сомнений — так мало на них было одежд.

— Наверное, уже поздний час, — заметила Сэм.

— Да нет, тут всегда так, — отозвался отец Марко. — Пойдемте, быть может, нам удастся отыскать тут спокойный уголок, где можно будет предаться раздумьям.

Что до Дара, то он с огромным удовольствием предался бы раздумьям прямо здесь, но отец Марко уже, крадучись, пробирался вдоль стены к лестнице, а Вайти напирал сзади, посему Дару ничего не оставалось, как только идти вместе с остальными.

— Марко! — Священник обернулся, и на него налетела пухлая красотка, подставив губы для поцелуя. Она запрокинула голову, положила руки на плечи отца Марко и рассмеялась. — Ах ты, старый греховодник! Ты зачем сюда явился? Стало интересно, какие тут у нас мессы, решил поглядеть — для разнообразия?

— В каком-то смысле, Тесси, в каком-то смысле. — Отец Марко с чувством пожал руку женщины. — Мы просто ищем местечко, где можно было бы отдохнуть, потолковать с друзьями, чтобы было потише, чем в какой-нибудь забегаловке.

Тесси вздохнула и покачала головой:

— Какой мужчина пропадает! А я-то размечталась. И вообще, надо бы мне на тебя рассердиться. — Она кокетливо опустила ресницы.

— Из-за Розамунды, да? — Отец Марко развел руками. — Тут ничего не поделаешь, Тесси. Я должен делать свою работу, как ты — свою.

— Да, и, как правило, все хорошо, все просто замечательно. Девушки несколько дней чувствуют себя немного смущенно, переживают, но потом, когда возвращаются к работе, в них появляется новизна, свежесть. Но чтобы одна из них решила окончательно забросить работу? Не кажется ли тебе, что это немного слишком?

Свои претензии к священнику Тесси подкрепила нежными поглаживаниями его руки.

Отец Марко вежливо отвел ее руку.

— Нет, на мой взгляд, все в пределах нормы. А где она сейчас, ты не знаешь?

Тесси пожала плечами.

— Прыгнула на какой-то проходящий звездолет. Вот и все, что мне известно. Мы же все нездешние, святой отец.

— Святой отец?

— Да это же отец Марко!

В мгновение ока компанию окружила стайка красоток с очень длинными пальцами. Дар подумал было проверить, на месте ли бумажник, но ему было совсем не до этого.

Девицы хватали священника за сутану, и тот не успевал отцеплять их руки.

— Ой, святой отец. Как я рада вас видеть!

— Сколько мне вам надо всего рассказать...

— О, святой отец, это так ужасно... Я так старалась устоять, но...

— Да-да, девушки, я все понимаю. Терпение и смирение. Если я не сумею выслушать каждую из вас сегодня, я зайду как-нибудь в другой раз.

— А вы не ученик ли священника будете? — поинтересовалась рыженькая красотка и сладострастно потянула Дара за куртку.

— Ну... не сказал бы. Но некоторые добродетели меня очень даже... интересуют.

— И меня тоже, — проворковала она. — Вот чудесная тема для разговора.

Дар почувствовал, как чья-то рука гладит его ягодицы, и еле удержался, чтобы не подпрыгнуть на месте. На его плечо легла курчавая белокурая головка.

— Друг святого отца — мой друг, — мурлыкнула блондинка.

— Ну да. Вообще-то я человек общительный...

Девиц было не меньше пяти, и все были хороши собой, и язык у всех был подвешен неплохо, и вообще... Вот если бы они по одной подходили... А сейчас Дар себя чувствовал куском мяса на прилавке.

Да нет, он не жаловался, но...

Тут комнату огласило заливистое арпеджио. Все в изумлении оглянулись.

— Дамы и господа! — Вайти взобрался на стул, а Лона взгромоздилась на стол рядом с дедом. — Для услаждения вашего слуха — «Баллада о Законе Грэшема»!

Присутствующие загомонили — особенно тучные завсегдатаи. По всей вероятности, они принадлежали к людям, знакомым с кое-какими азами экономики.

Новое арпеджио утихомирило их. Вайти и Лона запели:

Стоит дамам появиться
В захудалом городке,
Стоит им объединиться
И сойтись накоротке,

Не успеешь оглянуться —
Новый клуб уже открыт,
Но не каждому откроют,
Кто туда стрелой летит!

Отец Марко похлопал Дара по плечу и прошептал:

— Простите, что отвлекаю вас. Вам такие радости, видимо, редко выпадают, но у нас есть более важное дело.

Дар, опомнившись, отчетливо представил занесенную для удара электродубинку.

— Ой! Да, нам ведь надо торопиться, верно? — Он протиснулся через кольцо красоток. — Простите, дамы. Меня зовут.

Девицы надули губки и с нескрываемым интересом развернулись к Лоне и Вайти. Что бы это ни была за песня, она явно задела их за живое.

А в песне прослеживалась некая аналогия между экономикой и сексуальными взаимоотношениями, однако акценты были расставлены весьма прихотливо — в особенности в том, что касалось «плохих» и «хороших» женщин.

От рассвета до рассвета
Ты трудился в меру сил,
Сам гляди, какой монетой
Ты за радость заплатил.

Деньги кровные, родные,
Так кому же их отдать?

Даме, сборщику налогов?
Сам гляди, тебе решать!

Мужчины одобрительно взревели, а девицы вдруг приобрели крайне задумчивый вид. Дар решил, что Вайти делает то же самое дело, что и отец Марко, только цели добивается другими средствами.

— ...но это очень срочно, — объяснял священник Тесси.

Она подняла руку и покачала головой:

— Не надо ничего объяснять, святой отец. Я все понимаю. И потом, мне самой, бывало, случалось спасаться бегством. Ведите ваших друзей сюда. — И она поманила всех за собой.

Все последовали за ней. Тесси провела всю компанию по темной комнате. Послышались визг и сдавленное ругательство.

— Не обращайте внимания, — походя распорядилась Тесси, глядя прямо перед собой. Дар выполнил ее указания, хотя ему смертельно хотелось оглянуться и убедиться в том, что Сэм идет следом. Чувствовал он себя Орфеем, возвращавшимся из Рая.

Вскоре они свернули налево и оказались не то в небольшой комнате, не то в очень просторной гардеробной. Скорее всего то была именно гардеробная, поскольку вдоль стен на плечиках висело множество вечерних костюмов, скроенных не иначе как на небольших слонов.

— Порой наши... клиенты... предпочитают покидать наше заведение не в той одежде, в какой к нам заглянули, — пояснила Тесси. — За годы тут у нас много чего скопилось. Правда, придется вам слегка уплотниться, ну да уж в чем, в чем, а в подушках у нас тут недостатка нет. Так, давайте посмотрим... Вот этот костюмчик вам вполне подойдет, святой отец, а вот этот — вашему юному другу...

Через полчаса, наряженные в смокинги и обложенные по экватору подушками, друзья покинули заведение мадам Тесси, напоминая стайку беременных пингвинов.

— Ну... в гостеприимстве им по крайней мере не откажешь, — пробормотал Дар, по-дурацки улыбаясь.

— Мне такое гостеприимство не больно-то нужно, — буркнула Сэм.

Дар посмотрел на девушку и почувствовал нечто вроде угрызений совести. Еще вчера он был полон надежд, а сегодня все его мысли были заняты Лоной, которая, увы, этого, похоже, не замечала.

— Мне даже работу предложили, — сообщила Сэм.

— Так ты из-за этого переживаешь? — ухитрился довольно нейтрально поинтересоваться Дар.

— Нет, — огрызнулась Сэм. — Переживаю я из-за того, что произошло в кафешке.

Вайти пожал плечами:

— Драка есть драка, и полицейских винить не за что. Разнимать драки — это их работа.

— Да, но при этом совершенно не обязательно кидаться втроем на одного, — нахмурился Дар, припомнив обстоятельства вмешательства полицейских. — Я к тому же выступал в роли пострадавшего.

— Да, это нетипично, — согласился Вайти и тоже сдвинул брови. — Как бы то ни было, я время провел неплохо.

— А я — нет, — упрямо заявила Сэм. — И между прочим, я узнала того типа, что привел копов в кафешку. Он был в штатском.

— Вот как? — забеспокоился Дар. — Я его знаю?

— Можно и так сказать. Морда у него как у крысы.

— Как у... крысы?! Но что он здесь делает?! Ой... — Дар закусил губу. — Мы ведь так и не видели, кто вел наш курьерский корабль, верно?

— Не видели, — подтвердила Сэм. — Я еще гадала, почему это пилот дал деру и оставил нас на растерзание пиратам, помнишь?

— Вы уж извините, что я вмешиваюсь, — проговорил отец Марко, — но о чем вы говорите?

— О нашем демоне возмездия, судя по всему, — медленно сказала Сэм. — Мы-то думали, что он остался на Вольмаре вместе со всей свитой губернатора Билабера. Ну, то есть Билабера отправили с Терры, чтобы он занял пост

губернатора, но он... решил уйти в отставку. А нам поручили доставить его прошение на Терру.

— И мы решили, что улетели оттуда только мы, — добавил Дар. — Но видимо, Билабер передумал и послал своего ближайшего подручного, дабы тот остановил нас.

— Нет, Билабер тут ни при чем, — покачала головой Сэм. — Если бы он передумал, его приспешник должен был бы просто-напросто приказать нам вернуть ему прошение об отставке или вручил бы нам письмо соответствующего содержания от Билабера.

— Хочешь сказать, что Крысорожий действует сам по себе?

— Нет. Я бы так не сказала, — покачала головой Сэм. — Он бюрократ-карьерист из Бюро Межпланетных Связей, не забывай. Не исключено, что он делает то, чего от него хотят его боссы из БМС.

— Человек, похожий на крысу... Чиновник из БМС? — спросил отец Марко и задумчиво сдвинул брови.

Дар кивнул:

— Он самый. Но с какой стати он пытался убить нас?

— Убить?!

Сэм покачала головой.

— На меня набросились двое копов, но самым страшным их оружием был наполненный шприц.

— Шприц? — Дар резко глянул на девушку. — Значит, они хотели отключить тебя и взять в плен?

Сэм кивнула:

— Выглядело все именно так. Но это бессмысленно. Их было двое, и они были намного сильнее меня. Зачем им понадобился шприц?

— А их дружки с какой стати меня пытались вырубить? Готов побиться об заклад, продление моей жизни никак не входило в их намерения!

— Может, у тебя паранойя? — предположила Лона.

— Конечно, но не думаю, чтобы она имела какое-то значение в данном случае. И потом, Сэм, я с тобой не совсем согласен: один из нападавших целил в тебя ножом.

Дар потрогал повязку, заботливо наложенную на его рану Тесси.

— Нет, я боюсь, что вы оба правы, — глубокомысленно изрек отец Марко. — В конце концов, когда вы считаете, что кто-то представляет для вас угрозу, но вы не способны его взять в плен, каков самый логичный поступок?

— Но с какой стати им считать, что я представляю для них угрозу? — вскричала Сэм. — Не у меня же бумаги!

Лона с нескрываемым интересом поглядывала то на Сэм, то на Дара.

— Забавная ситуация, — задумчиво проговорил Вайти, — особенно в той связи, что я вижу каких-то типов в форме.

Все, как по команде, подняли головы и заметили двоих мужчин, только что показавшихся из-за угла.

— Идите как ни в чем не бывало, — посоветовал отец Марко ледяным тоном, и Дар, с трудом взяв себя в руки, сдержался, хотя больше всего ему захотелось немедленно броситься куда глаза глядят.

— Конечно, в последний раз я такое проделывал довольно-таки давно... — высказался Вайти, а Лона предостерегающе кашлянула. — Но я вижу вон там что-то вроде арок — слева, в нескольких футах отсюда. Там можно было бы затеряться.

— Идеально, — выдохнул отец Марко. — Вперед, господа?

Вся компания без промедления свернула в пещерную прохладу, под своды арочного перехода. Это было что-то вроде торговых рядов — по обе стороны от крытого перехода тянулись небольшие магазинчики.

— Когда ты проделывал это в последний раз, дедушка, ты разбил наш отряд на небольшие группы, — напомнила деду Лона.

— Ценное предложение, — согласился отец Марко. — Можно не сомневаться: после потасовки в кафе полицейские подвели некие итоги и пришли к выводу, что мы смотали удочки все вместе.

— Так... — Дар ухватился за ручку ближайшей двери и рывком распахнул ее. — Увидимся, братцы.

Сэм скользнула в дверь быстрее, чем Дар успел захлопнуть ее. Остальные пошли дальше. Маленький отряд вернулся к своему первоначальному составу.

Дар и Сэм тронулись вперед по короткому коридорчику, заваленному коробками с мотками пряжи, обрезками канвы и стопками выкроек.

— Что это за хлам? — шепотом спросил Дар.

— Это все для вязания, вышивки и всякого такого — такие старинные хобби, — шепнула в ответ Сэм. — Ты иголку когда-нибудь в руках держал?

Дар собрался было ответить Сэм какой-нибудь колкостью, но тут из-под прилавка в дальнем конце лавки вынырнул ее владелец. Он был неимоверно толст. Физиономию стареющего херувима украшал венчик растрепанных редких седых волос.

— Чего-нибудь... желаете, господа хорошие?

— Да так... просто смотрим, — поспешно ответил Дар. — Интересная тут у вас коллекция.

— Это да. Стараемся, так сказать, идти в ногу со временем. Очень интересненькие образчики на прошлой неделе с Самии получили.

— С Самии? — удивленно переспросил Дар, но тут в лавку вошел новый покупатель, и хозяин не успел ответить.

— Здорово, Контак, — буркнул он. — Пришел мой заказ?

— Час назад, — осклабился Контак и выложил на прилавок небольшой плоский сверток, обернутый простой коричневой бумагой. — Шестьдесят гвоздиков, пять штифтиков, Грэш Данко.

— Самия? — прошептал Дар на ухо Сэм. — Это же планета развлечений... Ну, знаешь... «Сложите на полочку все ваши заботы вместе с одежками и делайте все, что вашей душеньке угодно, — лишь бы это было легально»?

Сэм кивнула, не спуская глаз с коричневого пакета:

— А нелегального там немного — разве что убийство. Да и на убийство там наверняка смотрят сквозь пальцы — лишь

бы жертва не была туристом. Пожалуй, нам лучше заглянуть в соседнюю лавочку.

— Но тут так интересно... — запротестовал Дар, но Сэм подтолкнула его к двери.

— Может быть, даже чересчур интересно, — тихо сказала она, когда дверь за ними закрылась. — Это же порномагазин. А цену слышал? За пачку сальных картинок! У меня сильное подозрение, что мы угодили в самую гущу того, что на жаргоне зовется «органическим рынком».

— Это где продается все, что только можно привезти с других планет? — Дар огляделся по сторонам. — В этих невинных маленьких лавочках? Контрабандные товары?

— И еще услуги, — напомнила ему Сэм.

Они вошли в кондитерскую. Посетитель, устроившийся у стойки, просматривал меню, означены в котором были, похоже, не сладости, а тела, а хозяин заведения помогал другому посетителю, обрюзгшему толстяку, свести знакомство со стройненькой молоденькой девицей. Дар и Сэм развернулись и вышли.

Так и пошло — на всем протяжении торгового ряда. В конце концов в конторе под названием «Юридические услуги», на стене был вывешен аккуратный список, где значились судьи, преступления и услуги, оказываемые оными судьями тем, кто задумал совершить то или иное преступление, Дара прорвало:

— Есть тут хоть что-нибудь, чего не купишь за деньги?

— Лично я такого не нашел, — ответил посетитель конторы, не замечая отчаянных жестов Сэм, которыми она пыталась заставить Дара замолчать. — Конечно, есть еще кое-какие услуги, которые не получишь за наличный расчет, но, насколько я понимаю, тут над этим упорно работают.

— Я, наверное, наивен, — медленно проговорил Дар, — но я всегда считал, что законы существуют для того, чтобы помогать людям сохранять равенство, а не для того, чтобы поддерживать тех, у кого больше денег.

Посетитель вздрогнул.

— Пожалуйста, молодой человек! Да, мы должны быть снисходительны к горячности молодых, но ваше замечание

было настолько откровенно политическим, что я не могу пропустить его мимо ушей.

— Не надо обижать этого господина, — проворчал владелец конторы, и в его поросячьих глазках сверкнули недобрые огоньки.

— Это вы называете разговорами о политике? — Дар вытаращил глаза. Сэм, не дав ему произнести больше ни слова, схватила за руку и потащила к двери. Когда он смог сопротивляться, они уже были на улице. Обретя дар речи, Дар возмутился: — Нет, это просто возмутительно! Речи о назначении закона, оказывается, носят политический характер!

— Естественно, когда ты произносишь такие слова, как «равенство», — объяснила Сэм. — Нет, тебе надо что-то делать со своим непреодолимым желанием рано умереть.

— Почему? — Дар вырвал руку. — В этом я очень похож на всех, кто живет на этой планете!

— Только из-за того, что люди не любят разговаривать о политике, их нельзя причислять к смертникам, — прошипела Сэм.

— Нет, но все их общество — можно! Их даже законы уже не тревожат! Неужели они не понимают, что именно законы удерживают общество от разрушения?

— О! Так ты из тех, кто искренне верит, будто законы могут помешать революции, да?

— Ну конечно, покуда законность заботится о том, чтобы не было чересчур угнетенных.

— Грех?

Дар в испуге обернулся, но обнаружил, что слово произнес весьма упитанный прохожий, болтавший на ходу с топавшим вразвалочку священнослужителем.

— Грех? — повторил толстяк. — Да бросьте, преподобный! Что за средневековое понятие!

— Боюсь, оно никогда не выйдет из обращения, — отвечал священник, — и даже войдет в моду — вот только вряд ли станет предметом досужих разговоров.

— Но грех придает такую пикантность удовольствиям, — вкрадчиво проговорил толстяк. — Ведь, в конце концов, в жиз-

ни самое главное — это получать то, что хочется получить, — то, что делает тебя счастливым.

— Конечно, конечно, — согласился церковник. — Взять хотя бы Рай, к примеру.

Прохожий рассмеялся, и они ушли из зоны слышимости.

Дар покачал головой:

— Думаю, революция здесь случится раньше, чем через сто лет.

— Так ты думаешь, что тут все так ужасно? — хмыкнула Сэм. — Погоди, что ты скажешь на Терре!

— Я пока подожду, спасибо. Уже начинаю догадываться, почему тебе так понравилось на Вольмаре. И знаешь что: этого миленького рыночка тут бы не существовало без попустительства и даже помощи полиции.

— Естественно! — просияла Сэм. — Но будем к ним справедливы — у них на все про все может просто-напросто рук не хватать.

— Да, но все-таки странно... — пробормотал Дар. Оглядевшись, он заметил жирного лавочника, вальяжно прислонившегося к витрине своего магазинчика. — Что же это такое, гражданин? Как вам удается все это проворачивать? Разве у вас тут нет полиции?

— Сэр! — Лавочник выпрямился. Он был не на шутку оскорблен. — Я бы вас попросил не затрагивать такие неприятные вопросы!

С этими словами он торжественно развернулся, удалился в лавку и захлопнул за собой дверь.

— А вот я не так пуглив, — прозвучал чей-то масленый голосок.

Дар и Сэм оглянулись и увидели горбатого старика с похотливой усмешкой, который выглядывал из соседнего магазинчика. Старик был просто-таки оскорбительно худощав.

— Ну-с, какие такие у вас извращенные вкусы, молодые люди? Платона желаете? Декарта? Макиавелли? У меня есть все-все запрещенные книжечки! Заходите, почитайте — всего-то пятьдесят УЕ за час!

— Пошли, — прошептала Сэм. — А то что-то мне не нравится, как ты зубы стиснул.

— Ладно, ладно, — проворчал Дар, развернулся и тут же налетел на первого встречного. — О, прошу прощения... — Он запнулся, глядя в поразительно напоминавшее крысиную морду лицо невысокого человека.

А человек уставился на Дара в упор, широко раскрыв глаза от изумления и ужаса. А потом с губ его сорвался стон, перешел в вопль, и он рухнул на тротуар, схватившись руками за грудь.

— Что случилось? — непонимающе воскликнул Дар, глядя, как по груди упавшего расплывается алое пятно.

— Да убийство, я бы так сказал.

Дар запрокинул голову и увидел знакомую до боли мясистую физиономию, а пониже — еще более знакомый полицейский значок.

— Вы арестованы, — сообщил двойник полицейского, вставший рядом с Сэм. — Вытяните руки, ну...

И он извлек из кармана обрывок провода, который ярко горел даже при свете дня.

— А-а-а... нет, благодарю вас, — промямлил Дар и попятился. Такую петлю ему уже довелось носить — по пути на Вольмар. Обернувшись вокруг запястий, провод фактически врастал в кожу, и в итоге руки так слипались, словно ты так на свет родился. — Дело в том, что у меня встреча назначена — тут недалеко. В кондитерской, понимаете...

— Боюсь, что вам предстоит встреча поважнее. Ну, давайте, обойдемся без спектакля.

Полицейский шагнул ближе. Сэм отшатнулась, и в это мгновение хозяин магазинчика вдруг размахнулся электродубинкой и опустил ее на макушку полицейского. Тот с приглушенным вздохом рухнул на тротуар, а из соседней двери неожиданно выскочили двое мускулистых парней, проворно отключили второго полицейского и встали на их место.

— Повезло вам, что мы тут оказались, — заметил хозяин магазина. — Если верить тому, что по факсу передают, так

сейчас все копы в Гаскервилле гоняются за вашей парочкой. Так что на вашем месте я бы просто возжаждал маленькой, уютной норки, куда можно было бы забраться и крепко-накрепко закрыть за собой дверь.

— Идея недурна, — согласился Дар. — Но лично мне больше по сердцу другая: чем больше передвигаешься, тем труднее тебя найти.

— Вот я так и думал, что вы начнете все усложнять, — вздохнул букинист и кивнул двоим верзилам. — Прокатите их, ребятки.

Здоровенные ручищи обхватили Дара, оторвали от тротуара. Позади ругалась на чем свет стоит Сэм, отчаянно лягалась, но, увы, промахивалась.

А когда верзилы затолкали их обоих в ожидавшую поблизости машину, Дар глубокомысленно заметил:

— Пожалуй, лучше бы мы полицейским сдались.

8

Дорожный знак гласил: «Вы покидаете ГАСКЕРВИЛЛЬ». Дар повернул голову к верзиле, делившему с ним заднее сиденье.

— Вы, видно, работаете на кого-то очень важного, если у вас такая машина.

— Может, и так, — уклончиво отвечал верзила. — Да не так она дорого и стоит.

— Ну, в принципе... Она ведь на колесах, а не на воздушной подушке. Но все-таки такие машины тут не у всякого есть. Наверное, она стоит целое состояние — столько металла на двигатель пошло.

— Металла? — непонимающе сдвинул брови верзила. — Слушай, ты откуда родом — не с Оргауза ли?

— Сейчас такие чудеса с синтетикой творят, — пробормотала Сэм.

— Ну да, с пластиком, — подтвердил тот, что сидел за рулем. — Политермотан называется. Он все тепло впитывает, какое мы ему подкидываем, и еще резерв остается.

— Ну, это понятно — для турбины, — нахмурился Дар. — Ну, еще для бойлера. Но как вы защищаете трущиеся детали?

— Нет, он точно с Оргауза, — фыркнул тот, что сидел рядом с Даром. — Эти детали — они ж металлические, малый. Где ими тут разживешься?

— Ну да, по импортным ценам это в копеечку влетит, — кивнул Дар и поскреб макушку. — Ну а что же вы используете в качестве топлива?

— Метан.

— Метан? — возмущенно воскликнула Сэм. — Химикаты?

— Гм-м-м... Вы уж извините, что я вмешиваюсь, — проговорил Дар, вцепившись в массивное предплечье своего соседа, — но... не могли бы вы замолвить словечко вашему другу? Мы же сейчас в эту горку впечатаемся!

Впереди маячила гранитная возвышенность. Машина неслась на бешеной скорости прямо на нее.

Верзила кивнул:

— Близко уже, Рог.

Рог нажал кнопку на панели управления, и кустарник, которым поросло подножие скалы, выехал вперед и отошел в сторону, а за ним открылось огромное отверстие — вход в пещеру.

— Так, что-то вроде маскировки, — пояснил сосед Дара. — Нельзя же держать парадную дверь открытой, а то мало ли кто явится?

— Ну да, понятно...

У Дара глаза на лоб полезли. Машина влетела в пещеру, не сбавляя скорости, и помчалась по туннелю, на всем протяжении озаренному вмонтированными в стены светильниками. Туннель шел по спирали под углом в тридцать градусов. Рог ловко вел машину по этому серпантину, притормаживая только тогда, когда это было совершенно необходимо. Сэм привалилась к Дару, что было бы ему очень приятно, если бы он не старался всеми силами отлепиться

от верзилы соседа — рукоятка его пистолета пребольно врезалась Дару в бок, а верзила этого, естественно, не замечал.

Пол туннеля выровнялся, а вместе с ним и машина, но Сэм не отодвинулась от Дара. Это ему понравилось, но раньше это порадовало бы его куда больше — теперь он мог думать только о Лоне.

Автомобиль въехал в громадную пещеру. Световые пластины заливали холодным зеленоватым светом проходы между высокими глыбами пластрита.

— Ну, совсем как дома, — негромко проговорил Дар. — Еще бы окна — были бы самые настоящие дома.

— А это и есть дома, — подтвердил верзила. — А окна тут на что сдались? На что пялиться-то?

Рог провел машину в промежуток между небольшим фургончиком и еще одной машиной. Все вышли и оказались посреди целого моря припаркованных ровными рядами грузовиков и фургонов.

— Да... — восхищенно произнес Дар. — А ваш босс, наверное, страшный человек?

— Эт-т ты у него спроси, — осклабился верзила. — Он вас ждет. Срочно.

Скользящая дверь отъехала в сторону, и Дар с Сэм вошли в кабинет, отделанный кожей и красным деревом. На полу лежал толстый ворсистый ковер.

— Граждане Дар Мандра и Сэм Байн, — сказал восседавший за письменным столом размером с целый акр лысый мужчина, — входите.

Они медленно, опасливо пошли к столу, чувствуя себя так, словно изо всех углов им в спины были нацелены ружейные дула. Странное было ощущение — по идее, целиться стоило бы в лицо.

— Садитесь, — прозвучало это не как приглашение, а как приказ.

В данных обстоятельствах спорить Дар был не расположен. Он сел на стул, стоявший у левого края стола, Сэм опустилась на стул справа. Похоже, стулья были привинчены к полу.

— Как это понимать — мы приглашены, чтобы вступить в ряды подпольщиков? — натянуто улыбнувшись, пошутил Дар.

Улыбка его тут же умерла под взглядом, которым одарил его лысый коротышка. Неужели он опять высказал верную догадку в неподходящее время?

Хозяин кабинета роста был невысокого, но широк в плечах и груди и ожирением не страдал. Он вообще был на редкость крепок телом, а судя по взгляду — и душой тоже. Одет он был в скромный коричневый деловой пиджак и подобранный в тон тускло-желтый жилет — то бишь консервативно, подчеркнуто корректно. Одежда имела дорогой вид. Ногти незнакомца были ухожены, глаза прятались за темно-коричневыми очками.

— Вы находитесь в Доме Домов, — процедил он сквозь зубы.

Дар весь напрягся, но постарался придать лицу бесстрастное выражение. Даже отбывая срок заключения на каторжной планете, он слышал о самой крупной организованной преступной группировке в МФ.

— В Доме До... — Сэм закашлялась. — Но... это, конечно же, не штаб-квартира?

Коричневые очки повернулись к ней. Коротышка медленно кивнул.

— Но ведь штаб-квартира должна располагаться на Терре!

Очки медленно качнулись из стороны в сторону.

— Нам тут больше нравится.

Дар сжал кулаки, чтобы не было видно, как дрожат у него пальцы.

— И... гм-м-м... с кем мы имеем честь беседовать?

Коричневые очки качнулись влево.

— У меня много имен.

— Любое подойдет. — Дар попытался усмехнуться.

— В таком случае для вас я — Сард. Тальвор Сард. Синдик.

— Тот самый Синдик? — ахнула Сэм. — Самый крупный босс криминального мира во всей Терранской Сфере?

— Бизнесмен, — несколько раздраженно уточнил Сард. — Всего лишь бизнесмен. Бизнесмен, которого несколько не устраивает политика правительства, вот и все. Правильно я говорю? — Он посмотрел на Дара.

— П-правильно, — кивнул Дар. Судя по тому, что он слышал о Сарде, его «легкое недовольство» политикой правительства привело к непрерывным войнам на пятнадцати планетах и к подпольной анархии на большинстве остальных.

— Но... здесь?! — вырвалось у Сэм. — На планете фронтира, на полпути на задворки Галактики?

— Ну, не такой уж тут фронтир, как вы, наверное, успели заметить. Народец тут уважает комфорт — настолько уважает, что предпочитает иметь нас под рукой, да еще они заботятся о том, чтобы копы нас не слишком беспокоили.

— Ну да, а у местной полиции нет на вооружении радио, — добавил Дар.

Сард повернул голову в его сторону.

— О, да вы догадливы, молодой человек. На этот раз угадали правильно. Радио стоит так дорого, что раций у копов нет. А это значит, что мы всегда на шаг впереди них. Ну, то есть в городе, где у них есть осведомители, они перемещаются довольно-таки мобильно, но не здесь. За пределами Гаскервилля закон — это я.

Дар медленно кивнул.

— И этот закон вам очень даже может помочь, — пристально посмотрел на Дара Сард. — Обеспечим вам безопасность и защиту и солидную зарплату. Ну а в городе вас что ждет, по законам МФ? Арест и скорее всего быстрая казнь.

— Арест? Да с какой стати? — запротестовал Дар. — У нас нет никаких проблем с полицией! — Сард только молча смотрел на него. — Ну... ладно. Ну, пожалуй, они пытались поколотить нас в кафешке, — согласился Дар. — И еще, пожалуй, они хотели задержать нас, когда ваши... люди вмешались. Но мы не совершили ничего противозаконного!

— Вы здесь, — отметил Сард. — Этого вполне достаточно.

— Но почему?

— Потому что ты — телепат, а если не ты — то эта женщина. И у правительства на сей счет соображения такие: попади вы в плохие руки, и ваша сила может стать для них настоящей угрозой. — Он откинулся на спинку стула. — И они, между прочим, правы.

Дар не без труда обрел дар речи.

— Те-ле-пат? Я?

Сард пожал плечами.

— Ну, твое дело, можешь валять дурака, если тебе так хочется. За вами все равно будут охотиться. Вот почему этот тип из БМС притворился, будто ты его убил: чтобы дать полицейским повод арестовать вас.

— Нет! — вскричал Дар. — Он просто-напросто пытается помешать нам отвезти прошение нового губернатора Вольмара об отставке на Терру!

— И это тоже, — благодушно кивнул Сард.

— Но чего вы от нас хотите, предлагая нам баснословное жалованье? — осторожно поинтересовалась Сэм.

Темные очки повернулись к ней.

— Ничего такого особенного. Просто будете сообщать нам, какие планы у некоторых людей. Придется много путешествовать — особенно на Терру.

— Щедрое предложение, — протянула Сэм. — К несчастью, мы оба — не телепаты.

Очки повернулись к Дару.

— Боюсь, это правда, — вздохнул он. — То ли МФ получила непроверенную информацию, то ли вы.

— Мне непроверенная информация не поступает, — покачал головой Сард. — В МФ могли ошибиться, а вот ЛОРДы — вряд ли. Они-то и охотятся за телепатами.

— Исключения только подтверждают правила, — заметила Сэм. — И это одно из исключений.

Сард медленно качнул головой из стороны в сторону.

— Жаль... Такие молоденькие...

— Что — жаль? — У Дара мурашки по спине побежали.

— Жаль, что вы умрете до срока, — сказал Сард и склонился к столу. — Один из вас — телепат, независимо от

того, знает ли об этом другой. И этот телепат уже узнал вполне достаточно для того, чтобы отправить половину моих людей на каторжные планеты, а может быть, и для того, чтобы вообще прикрыть Дом Домов. И вы это сделаете непременно, потому что думаете, что тогда от вас отцепятся ЛОРДы.

— Но мы — не телепаты!

— Простите, ребята, -- покачал головой Сард. — Я не имею права рисковать. Либо вы остаетесь с нами, либо вы покинете это место в урнах в виде горсток пепла. — Он нажал на кнопку. — Не надо ничего отвечать прямо сейчас — подумайте. Тут торопиться нельзя, сами понимаете.

Вошли двое высокорослых, плечистых, безукоризненно одетых верзил.

— Эти джентльмены проводят вас в отведенные вам апартаменты, — пояснил Сард. — Примете наше предложение — устроим вас поудобнее. Так подумайте.

«Апартаменты» были снабжены дверью-решеткой, а дверь — кодовым замком с хитрой комбинацией.

— Слушай, а я и не знал, что ты телепатка, — сказал Дар и шлепнулся на кушетку, оказавшуюся жутко жесткой.

— От телепата слышу, — парировала Сэм. — Ну а теперь, когда мы с этим разобрались, давай попробуем трезво оценить положение дел.

— Что тут можно трезво оценивать? — пожал плечами Дар. — Кто-то распространяет о нас гнусную ложь. Может быть, Крысорожий. Ну что, смысла стало больше?

— Прибавилось, — настойчиво проговорила Сэм. — Эта затея обеспечивает ему помощь официальных властей в попытке сцапать нас. И тогда мы не сумеем доставить прошение Билабера об отставке на Терру. Крысорожий явно ждет, что Билабер передумает.

Дар фыркнул:

— Билабер? Передумает? Ну, это ему сто лет ждать придется. Наш Уважаемый ни за что не передумает, покуда с ним рядом Шаклар.

Сэм пожала плечами.

— Ну, значит, Крысорожий обречен на фиаско. К несчастью. Сам он об этом не знает — вот и путается у нас под ногами.

— Получается, что тот телепат, который не так давно высадился на этой планете и за кем гоняется здешняя полиция, — это кто-то из нас?

Сэм кивнула:

— Похоже на то. Тогда понятно, почему нас то и дело осаждали их неумехи полицейские.

— Ну... Что не удалось им, то удалось Дому Домов. — Дар почесал за ухом. — Такое впечатление. Будто здесь сразу два правительства. Одно — в городе, другое — за городом.

— Примерно как и с нашим благородным межзвездным правительством, — съязвила Сэм. — Есть правительство официальное, а есть ЛОРДы.

— Но так ведь долго продолжаться не может? — глубокомысленно изрек Дар и потянулся. — Так! Стало быть, перед нами стоят две вполне реальные задачи. Первая — выбраться отсюда, вторая — восстановить наши честные имена.

— Как быть с пунктом вторым, не знаю, — отозвалась Сэм, — а вот насчет пункта первого... — Она отрешенно уставилась в одну точку. Дар нахмурился. Что это с ней? Но только он собрался спросить, как Сэм обернулась и радостно улыбнулась. — Нет, ни шороха не слышно. Так, теперь посмотрим. — Она встала, подошла к двери, опустилась на колени и прижалась ухом к замку. — Одна из приятных особенностей планет, где имеется дефицит металлов, — это отсутствие современных технических устройств.

— Что ты соби...

— Ш-ш-ш! — яростно шикнула Сэм, и Дар заткнулся. Девушка несколько минут занималась тем, что нажимала кнопку за кнопкой и вертела диск, бормоча: — Нет... нет... не так... вот так... так будет правильно... Вот так... И вот так!

Она налегла на дверь плечом, и та медленно, с негромким звоном отъехала вбок. Сэм шагнула за порог.

Дар только, не мигая, смотрел на нее.

Опомнившись, он поспешил за своей спутницей.

— Но как ты...

— Шепотом говори, — прошипела Сэм. — Знаешь, как в таких катакомбах звук распространяется?

Дар прижался губами к ее уху и прошептал:

— Где это ты такому выучилась?

— Поработаешь в правительственном учреждении — и не такому научишься, — шепнула она в ответ. — Особенно когда хочется заглянуть в собственное досье. Ну все, вперед!

Сэм пошла первой, бесшумно ступая по темному тунелю. Дар запомнил, что, выйдя из камеры, они повернули налево, а потом напрочь перестал ориентироваться — почти как Ганс и Гретель без хлебных крошек. А вот Сэм не сомневалась ни секунды. В конце коридора она остановилась (Дар налетел на нее — было настолько темно, что только так он и понял, что Сэм остановилась), на миг прислушалась и, повернув вправо, потащила Дара за собой. Потом они шли с полчаса — то есть так показалось Дару, а на самом деле, наверное, всего минут пять, и вот он снова налетел на Сэм.

— Прости, — пробормотал он.

— Тихо! — шикнула она и чуть погодя добавила: — Все чисто. Пошли.

Посередине нового темного коридора Сэм вдруг резко остановилась, а потом развернулась и, отчаянно подталкивая Дара, увела его в боковой туннель. Не успели они сделать и нескольких шагов, как Сэм повисла на руке у Дара, заставила его остановиться и замерла. Это Дар понял, поскольку увидел ее силуэт, как только на дальнюю стену коридора упал отсвет фонаря. Дар тоже замер и, прижавшись спиной к стене, превратился в некое подобие гобелена.

— А что мне делать-то было? — сокрушался тощий мужчина с лицом, покрытым шрамами. Руки его за спиной были схвачены наручниками, а следом за ним шагали двое мужчин в деловых костюмах. — Он ведь на меня с ножиком кинулся!

— Эт-т ты Сарду утречком расскажешь, — буркнул один из сопровождавших мужчину со шрамами. — Давай топай, двигай ногами!

Пленник выругался, и троица прошествовала к концу коридора. Отсвет фонаря качнулся на стене справа от Сэм и пропал. Дар не дышал, пока шаги не стихли вдали, а когда стихли, испустил судорожный вздох облегчения. В то же мгновение палец Сэм коснулся его губ, а потом она потянула его за руку.

В конце коридора они свернули вправо и продолжили путь.

Так они и шли — наверное, целый день. Дар поражался остроте слуха Сэм. Дважды она уводила его в боковые коридоры как раз вовремя, предупреждая опасные столкновения, и оба раза Дар не слышал ни звука до тех пор, пока они с Сэм не оказывались в безопасности. К тому же девушка ни разу не оказывалась около обжитой камеры. Как она только догадывалась, куда идти?

Но вот наконец она опустилась на корточки. Дар чуть было не упал на нее, но успел удержаться на ногах. Потом он гадал, что задумала его спутница, пока не услышал еле слышного щелчка. А потом появилась светящаяся щелочка. Стала шире... еще шире... стала прямоугольником... а прямоугольник превратился в дверной проем. Выйдя, Дар и Сэм оказались под ночным звездным небом. Дверь бесшумно скользнула на место.

— Как только тебе удалось? — прошептал Дар. — В лабиринте у Минотавра и то, наверное, было легче ориентироваться!

— Ерунда, — отмахнулась Сэм. — Ты бы видел то правительственное здание, где я работала. Пошли!

И она тронулась вперед быстрым кошачьим шагом. Дар с трудом догонял ее. Наружу они выбрались на склоне холма. Когда они его обогнули, то очутились на плоской равнине, где лишь кое-где чернели отдельные деревца. Вдалеке, на горизонте, мерцали огоньки Гаскервилля.

— Совсем как в старые добрые времена, — вздохнул Дар, — когда вольмарцы еще считали нас врагами и мне

приходилось на всякий случай быть готовым прятаться за первым попавшимся кустом во время любой торговой вылазки.

— Вот как? — искоса глянула на него Сэм. — Стало быть, тебе не впервой путешествовать по пересеченной местности?

Дар кивнул.

— Главное — держаться подальше от дорог и поближе к любому потенциальному укрытию. Ну и, конечно, как только заметишь что-то движущееся, надо сразу падать на землю, а уж потом разбираться, что это такое — опасность или добыча. Пошли, я покажу тебе подходящие укрытия.

И он бесшумно зашагал по высокой траве. Сэм покачала головой, вздохнула и пошла следом за ним.

К тому времени, когда небо посветлело перед рассветом, до города оставалось всего несколько ярдов. Дар, крадучись, продвигался по проселку, который вот-вот должен был смениться мощеной гаскервилльской улицей.

Сэм удержала его, положив руку на плечо.

— Расслабься, парень. Если ты будешь вот так красться, первый же заметивший тебя горожанин поднимет шум.

Дар обернулся.

— Кто же поднимется в такую рань, чтобы на меня полюбоваться?

— Резонно. Тогда тем более зачем красться?

Дар вздохнул и подчинился.

Так что по городу они пошли, словно подгулявшая парочка, возвращавшаяся в гостиницу.

— Ты хоть придумала, куда мы идем? — поинтересовался Дар. — Теперь, когда у нас на хвосте и власти, и мафия, мы стали кем-то вроде изгоев.

— Точно подмечено, — согласилась Сэм. — В этом городе я не стала бы доверять даже самому дешевому постоялому двору... Что это?

Дар остановился, повертел головой из стороны в сторону, но ничего не заметил. Прислушался изо всех сил, но расслышал только шум ветра.

— Вон там, — сказала Сэм и указала на витрину в квартале слева. — Пошли туда.

И она решительным шагом отправилась к витрине. После странствия по лабиринту темных туннелей Дар в остроте слуха своей спутницы сомнений не испытывал и потому послушно последовал за ней.

Они попали в самый что ни на есть трущобный район Гаскервилля. Дома тут были большие, но напоминали бараки. Вид у них был неимоверно хрупкий — ни бревенчатых срубов, ни штукатурки. Большая часть зданий отчаянно нуждалась в покраске. Судя по всему, это была самая старая часть города, построенная задолго до того, как на планете стали задумываться об эстетической стороне архитектуры.

Из заведения, к которому направлялись Дар и Сэм, кто-то вышел и ушел вдаль по улице. Эта особа непонятного пола была одета в серый мешковатый комбинезон, голова ее (его) была гладко выбрита.

— Похоже, — взволнованно проговорила Сэм, — мы идем, куда нужно.

Дар догадался, что она имеет в виду, а теперь понимал, почему девушка избрала именно эту цель: из-за двери доносились приглушенные разговоры, приправленные звучанием струнного инструмента и флейты.

Сэм распахнула дверь. Они с Даром вошли в помещение, декорированное под лавку старьевщика в постмодернистском стиле. По раскрашенным пастельными тонами пластиковым стенам были развешаны плетенные из разноцветных шнурков украшения. Кое-где к ним были добавлены кашпо с живыми цветами. Столики представляли собой перевернутые бачки для мусора, а стульями служили самые обыкновенные пни, более или менее ровно спиленные. У одной стены размещалась стойка. Вдоль одной из ее секций вилась надпись «Вольмар». В дальнем конце на стойке громоздилось странное сооружение из пластика, окутанное клубами пара и испускавшее сильный терпкий аромат.

Большая часть столиков была занята, и все посетители выглядели одинаково: бритоголовые, в бесформенных се-

рых комбинезонах. Точно так же выглядели и те, что разместились у стойки, и музыканты, оккупировавшие невысокий подиум напротив стойки.

Дар немного помедлил на пороге. Он немного боялся и ничего не мог с собой поделать: чувство у него было такое, словно он забрел в деревню, населенную представителями незнакомого племени, и люди эти могли оказаться как вполне мирными, так и совсем наоборот.

— Не бойся, — негромко успокоила его Сэм, — я с тобой.

И она поспешила к стойке. Девушка — почти двойник Сэм — подошла и спокойно поинтересовалась:

— Чего желаете?

— Две чашки, — ответила Сэм, а Дар пошарил в мешочке с гвоздями. Девушка-бармен повернулась к хитрому устройству, поднесла к нему чашку и нажала рычажок. Вскоре она повернулась к Дару и Сэм и поставила на стойку две дымящиеся кружки.

— Новенькие, — заключила она.

— Ага, — кивнула Сэм. — Только что с Вольмара.

У Дара от испуга чуть желудок наружу не выскочил. Почему бы тогда уж сразу не запустить ракету, которая написала бы на небе: «Вот они, голубчики!»

Но девушка неожиданно оживилась:

— С каторжной планеты? Это там, где аборигенов угнетают? Ой, расскажите!

— Да-да, и я послушаю! — Рядом с Сэм тут же оказался высокий худощавый мужчина.

— Вольмар? Давно мечтал узнать про это местечко!

— Да вы что? Правда, что ли?

Через полминуты вокруг Дара и Сэм собралась небольшая толпа. Дар пытался прижаться к стойке и оглянуться сразу через оба плеча, а Сэм как ни в чем не бывало пустилась в подробнейшее описание своего полета на Вольмар. Дар поражался тому, с какой точностью она ведет рассказ. Он бы на месте девушки явно не удержался от искушения и добавил бы красок: приплел бы какую-нибудь стайку полуодетых красоток или головокружительное бегство от пары-

тройки кровожадных племен. Но нет — Сэм дотошно рассказывала обо всем, что видела и слышала. Дара она представила своим проводником, и на него сразу взглянули с уважением. Правда, уважение сменилось упреком, когда выяснилось, что он торговец. Но Сэм тут же объяснила, чем занимаются на Вольмаре торговцы и как они обучают местное население, что тут же вызвало у слушателей неподдельное восхищение.

— Так ты хочешь сказать, что на самом деле это не тюремная колония?

Сэм пожала плечами:

— Все зависит от того, с какой стороны посмотреть. Попали-то туда все по приговору.

— Но на самом деле местных жителей они там не угнетают? — спросил один из молодых людей чуть ли не разочарованно.

— Нет. И вы только послушайте, какую деятельность они там развернули!

Сэм, пылая миссионерским жаром, принялась рассказывать об образовательной программе Чолли. Дар слушал ее как зачарованный. Он и не подозревал, что он такой герой.

— Слушайте, ну это просто рай какой-то, — сказал один из гьюмов и рассмеялся.

— Точно! И какое бы мне совершить преступление, чтобы туда попасть? — пошутил второй.

— Рано радуетесь. — Сэм наклонилась к стойке и подвинула девушке опустевшую чашку. — Бюро Межпланетных Связей отправило туда нового губернатора.

Дара искренне порадовал недовольный гомон, которым было встречено это сообщение.

— Эти подонки сразу испортят все хорошее, стоит только ему появиться, — буркнул один из Рассерженных Молодых Людей.

— Истеблишмент не выносит прогресса, — проворчал другой.

— Все верно, но БМС не учло Шаклара, — сообщила Сэм, с удовольствием отпив из наполненной кружки.

— Как это? А он что мог поделать? — нахмурился РМЧ.

— Ну... документы нового губернатора как бы... потерялись, и он не успел предоставить их Шаклару. Ну а к тому времени, когда Шаклар над ним основательно потрудился, он решил уйти в отставку и остаться на Вольмаре.

Все дружно расхохотались. РМЧ весело хлопнул ладонью по стойке:

— Ну, молодчина генерал! Свежая поросль пробьется, невзирая на химикаты!

Сэм кивнула.

— Нам с Даром поручено доставить прошение нового губернатора об отставке на Терру. Но его ближайший приспешник не в восторге от этой затеи, вот и решил мешать нам.

— Как? — нахмурился РМЧ. — Что же он мог сделать?

— Ну, во-первых, он, похоже, занял место пилота курьерского корабля, на котором мы летели сюда, и как только мы вынырнули из гиперпространства, натравил на нас шайку пиратов.

Кафе огласилось возмущенным гомоном.

— О, все обошлось — мы вовремя смылись на спасательном катере, а потом нас подобрал патрульный крейсер. Но как только мы оказались здесь, стало ясно, что этот мерзавец наболтал гаскервилльским властям, что один из нас — телепат и, стало быть, представляет собой угрозу общественному порядку.

— Так это вы? — воскликнул кто-то. — Вы и есть те «ведьмы», за которыми тут устроили охоту?

— И что они прицепились к этим телепатам? — проворчал РМЧ. — От них никому никакого вреда.

— Особенно тогда, когда они на самом деле не телепаты, — согласилась Сэм. — Однако эти новости долетели и до Дома Домов, и они пытались переманить нас на свою сторону. Словом, теперь мы в бегах от тех и от других и прятаться нам положительно негде.

Все гьюмы гневно взревели. К Дару и Сэм протянулись десятки дружеских рук.

— Вот сукины дети, — выругался РМЧ. — Стоит только человеку попробовать совершить благое дело, как они уже

тут как тут — выставляют у него на пути весь флот паровых катков! Пошли! Мы вас спрячем!

Все посетители кафе дружно повели Дара и Сэм к выходу. Дар сначала пытался сопротивляться, но заметил, что Сэм безмятежно улыбается. Тогда он расслабился и отдался на волю потока, несущего его к двери.

Поток отхлынул, как только они оказались на улице. С беглецами остался только РМЧ да еще несколько гьюмов.

— Пошли! — решительно заявил РМЧ и быстро зашагал по улице. Дару пришлось поторопиться, чтобы нагнать его.

— Вот повезло нам, что мы к вам заглянули, — сказала Сэм, поравнявшись с ними.

— Да удача тут ни при чем. Просто это наш район. Тут нас никто не трогает.

И Дар догадывался почему. Горожане наверняка предпочитали держаться подальше от оборванцев-гьюмов и их аскетичной жизни. Конечно, определенную роль тут играло и отсутствие радиосвязи, и принципы работы местной полиции: если здешние власти закрывали глаза на то, какими радостями услаждают себя налогоплательщики, они скорее всего вообще мало кому мешали жить, как хочется.

РМЧ отвел Дара и Сэм в старое здание, которое, судя по всему, в молодости было офисным комплексом, но затем было перестроено под жилой дом. Лифт в доме работал, на нем они поднялись на третий этаж.

— Знаете, это получилось у меня, в общем, случайно, — пояснил РМЧ и пробежался кончиками пальцев по барельефу, украшавшему стену в конце коридора. — Я тут уборку производил, ну и, наверное, когда стену протирал, нажал на что-то чуть-чуть сильнее, чем надо было, потому что...

Тут раздался щелчок, за ним последовал жужжащий звук, а потом часть стены отъехала в сторону, и перед глазами Дара и Сэм предстал дверной проем высотой метра в два.

Дар, пару мгновений пристально посмотрев на дверь, кивнул и изрек:

— Очень интересное помещение.

— Правда ведь? — довольно усмехнулся РМЧ. — Вот уж не знаю, каким бизнесом тут ворочали в прежние денечки, но, видимо, у этого народца были проблемы с секретностью. Так, наугад... скорее всего эта контора занималась импортно-экспортной торговлей.

Дар шагнул в дверной проем.

— Но, видимо, такой маленькой роскоши, как освещение, тут не предусмотрено.

— А ты рукой по стене проведи — слева от двери. Там выключатель.

Дар и представить не мог, что в комнате таковой имеется. Он поводил рукой по стене и наконец нащупал гладкий прямоугольник. Устройство среагировало на температуру тела, и под потолком загорелась небольшая тусклая пластина.

— Ты знал, что мы придем? — удивленно спросила Сэм, войдя в комнату следом за Даром.

— Нет, не знал, но у меня почему-то было такое предчувствие, что эта комнатушка мне в один прекрасный день понадобится, — ответил РМЧ и указал на сложенные у левой стены коробки, набитые герметичными пакетами, и ящики, в которых стояли оплетенные бутыли. — Всякий раз, как только выпадала такая возможность, я приносил сюда припасы. Тут хватит, как минимум, на неделю. Все самое простое — сухари, сушеные фрукты, немного мяса. Выпить, правда, нечего — только вода, но зато ни от голода, ни от жажды не помрете. — Указав на сложенные возле двух стульев с прямыми спинками аккуратной стопкой одеяла, он добавил: — Вот все, что я сумел раздобыть для сидения и спанья. Но, собственно, я ведь вам и обещал только убежище.

— При нашем нынешнем положении это просто дворец, — улыбнулась Сэм и пожала руку РМЧ. — Просто не знаю, как и благодарить тебя, дружище.

— А не надо. Кто знает: вдруг в один прекрасный день я попрошу о том же самом тебя, — сказал РМЧ и крепко пожал руку Сэм. — Ну, наслаждайтесь в меру возможностей. Буду к вам заглядывать, когда выдастся минутка.

С этими словами он шагнул в дверной проем, и потайная панель закрылась.

— Ты, конечно, понимаешь, — глубокомысленно заметил Дар, — что выйти отсюда мы уже не сможем?

— Сейчас это наименьшее из двух зол, — отозвалась Сэм и уселась на один из двух стульев. — Потом можно будет через этого парня вызнать, когда точно отправляется следующий рейсовый звездолет, и прокрасться в космопорт.

— Что, и целый месяц томиться в этой шкатулке?

— Либо в этой, либо в другой примерно такой же, но только под неусыпным надзором местных властей, — пожала плечами Сэм. — Тебе выбирать. Лично мне эта комнатка больше подходит.

— Возразить нечего, — вздохнул Дар и тяжело опустился на стул рядом с Сэм. — Вот не знал, что ваше племя столь многочисленно.

— Нас много — очень много. То есть такие, как мы, существовали всегда — по крайней мере начиная с конца девятнадцатого века, но всегда представляли собой меньшинство, если только в правительстве что-то вдруг радикально не менялось. Знаешь, когда у политической системы начинает чихать мотор, всегда начинается распространение альтернативных движений.

— И они распространяются до тех пор, пока мотор не перестает чихать?

Сэм кивнула.

— Но уже более века их число неуклонно возрастает.

— Похоже, я вечно поспеваю к самому концу, — огорченно вздохнул Дар.

— И к началу тоже, — вдруг просияла Сэм. — Ведь конец — это всегда начало чего-то нового, не забывай.

Снившееся Дару чудище колотило по его голове чем-то тяжелым. Даже во сне Дару слышались громкие, гулкие звуки ударов. С трудом вырвавшись из объятий сна, Дар задумался о его связи с реальностью.

Ну и, естественно, связь с реальностью обозначилась самая непосредственная. Вот только стук звучал куда более деликатно, чем во сне.

Дар нахмурился. Зачем бы РМЧ стучаться? Он ведь знает, как открывается дверь!

Следовательно, тот, кто стучался, этого не знает.

И следовательно, это не РМЧ.

Дар повернулся на бок и схватил Сэм за лодыжку. Она медленно подняла голову, сонно заморгала.

— Какого...

— Ч-ш-ш... — прошептал Дар и прижал палец к губам девушки, после чего указал на стену-дверь. — Нас предали?

— Не может быть! — Сэм поднялась. — Поверить не могу!

Потайная панель зажужжала.

— Ага... — Дар вскочил и попытался протиснуться между Сэм и стеной. — Кажется, он нашел-таки нужный листочек...

Панель отъехала в сторону, и за ней стал виден некий фрагмент фигуры человека.

То была некая центральная часть целого. Дар видел лицо незнакомца и часть плеч по обе стороны от головы. Шеи у незваного гостя попросту не было. Еще была видна середина груди и живота, одно колено и противоположное бедро, а также середина передней части кресла, в коем восседал незнакомец. Все остальные части гигантской фигуры этого человека, равно как и занимаемого им кресла, в дверной проем не вписывались. Если считать толстяком среднего фальстафца, то этот был просто супертолстяком. Физиономия его размером равнялась пляжному мячу и покоилась на подставке из четырех подбородков. Нос-картошка торчал над тонкими, плотно сжатыми губами. А вот глаза, похожие на маленькие смородинки в кастрюле с тестом, отличались остротой и живостью взгляда, умом и проницательностью, от которой становилось как-то зябко. Грудь и живот этого великана, казалось, были скроены из одного куска. Если под ними

и имелся каркас в виде грудной клетки, то лежал он на весьма значительной глубине. Ноги незнакомца производили впечатление частей тела кита, а ступни размером можно было вполне сравнить с китобойными шлюпками.

Кресло парило дюймах в восемнадцати от пола. В него явно было вмонтировано антигравитационное устройство. Дара озарило: гигант не мог встать с кресла. Он и передвигаться без него не мог — настолько он был толст!

— Приветствую вас, — произнес этот Гаргантюа. — Я — Майлз Крофт.

— А-а-а... очень приятно познакомиться... наверное, — отозвался Дар. Он отважился на эту дерзость, поскольку понимал, что в комнатку незнакомец при всем желании проникнуть не сможет. — Дайте-ка я угадаю... вы — домовладелец. А сегодня первое число месяца.

— Вы почти угадали, — отозвался толстяк. Он не улыбнулся, но глазки его весело сверкнули. — Я имею честь являться мэром Гаскервилля.

Дар закрыл рот и сглотнул подступивший к горлу ком.

— Нам повезло гораздо больше, чем мы думали, — пробормотала Сэм за спиной у Дара. — Гьюмы в дружбе с мэром!

— Не совсем, — иронично проговорил Крофт. Хотелось верить, что это дружелюбная ирония. — Мне вовсе не было нужды узнавать от кого-то, где именно вы прячетесь. Как только я узнал, что вы удрали из Дома Домов, стало ясно, что вы вернулись в Гаскервилль. А поскольку мне было известно, что входящая в состав вашего маленького отряда дама — гьюм, вполне логично было заключить, что убежища вы станете искать именно в этом районе.

Сэм кивнула.

— Ладно, это понятно... но как вы вообще узнали про нас?.. Нет, не надо, не отвечайте, вопрос снимается! Все ясно. Если про нас знала полиция, знали и вы. Но вот как вы вызнали о том, что нас отвезли к Сарду, не говоря уже о нашем побеге от него?

— У меня — свои источники информации.

— Интересно, очень интересно... — медленно кивнул Дар. — А откуда же вы знали, в каком именно доме нас искать?

— Если вас кто-то спрятал, вполне логично было предположить, что этот кто-то — Энтони Марн, являющийся предводителем здешних гьюмов.

— Он... ну, такой... рассерженный молодой человек?

— Я так и думал, что вы с ним познакомились. А раз так, то логично было предположить, что вы укрылись в этом доме. Поэтому я обследовал его этаж за этажом, пока не установил, что один из коридоров заметно короче остальных. Ну а потом... вы, видимо, слышали, как я искал механизм открывания потайной двери.

Дар, не мигая, пялился на Крофта.

— Скажите, — осторожно поинтересовался он, — а вы никогда не подумывали податься в детективы?

— Частенько подумывал, молодой человек. И частенько занимаюсь детективными расследованиями. Мэру приходится кое-что знать о том, что творится в его городе.

— Но если... если вам все это известно, тогда у Дома Домов должны быть связаны руки, а девяносто процентов ваших горожан должны сидеть в тюрьме!

От широкой улыбки жир на физиономии мэра заходил волнами.

— А вы наблюдательны, молодой человек. Что касается того, почему все остается на своих местах, — дайте волю вашему воображению. Достаточно будет сказать, что я имею довольно-таки хитрые планы, которые весьма недурственно осуществляются на практике, но позволяют поддерживать весьма хрупкое равновесие, которое может нарушиться, увы, под воздействием какого-нибудь нового, непредусмотренного фактора.

Дар похолодел.

— Мы — как раз такой фактор, да?

Крофт кивнул.

— В моих интересах позаботиться о том, чтобы вы как можно скорее покинули мою планету.

— А вы, случаем, не рисковали, отправившись без телохранителей на такую прогулку? — хмуро поинтересовалась Сэм.

— Думаю, нет, — спокойно отозвался мэр. — Я говорил о вас с моим другом, он о вас очень хорошего мнения.

— Что ж, всегда приятно иметь чьи-то положительные рекомендации, — кисло проговорил Дар и опасливо поинтересовался: — И кто же этот наш доброжелатель?

— Некий мистер Тамбурин, бытующий под прозвищем Вайти-«Вино». Кроме того, с учетом всех обстоятельств, я полагаю, что наилучший способ убрать вас с глаз долой заключается в том, чтобы оказать вам посильную помощь.

— Хотите сказать, что можете помочь нам убраться отсюда подобру-поздорову? — уточнил Дар.

— Именно это я и имел в виду. Вы, на мой взгляд, определенно не совершили ничего такого, чем заслужили бы пожизненное заключение, но чем дольше вы тут пробудете, тем больше от вас будет вреда. Ну а мне вовсе ни к чему два полицейских формирования на моей планете.

— Два? — вступила в беседу Сэм. — А второе-то откуда взялось?

— Похоже, с легкой руки джентльмена по имени Канис Дестинус. Он явился ко мне вчера утром и всучил письмишко с грифом «Всем заинтересованным лицам» от секретаря по внутренним делам МФ. В письмишке этом содержится требование оказывать его подателю, то бишь мистеру Дестинусу, всяческую помощь и поддержку. А вот секретарь этот, как вам, наверное, известно, является главой реакционной партии ЛОРДов.

— Нет, я этого не знала, — сказала Сэм. — Но очень рада узнать.

— А мистер Дестинус ловкач... — протянул Дар. — Так, по физиономии, и не скажешь.

— Да что вы? А мне его внешность как раз показалась весьма выразительной. Он смахивает на крысу.

— Правильно ли я вас понял? — осторожно поинтересовался Дар. — Вы не слишком одобряете ЛОРДов?

— Вопрос неуместен, — коротко отозвался Крофт и мановением могучей десницы отмел все возможные возражения. — К счастью, в подобных обстоятельствах официальное письмо вынуждает представителя законной власти на планете, то есть меня, произвести длительную и скрупулезную работу как по установлению личности подателя оного письма, так и по удостоверению подлинности подписи секретаря. Я все так и объяснил мистеру Дестинусу и сказал ему, что он может рассчитывать на всемерную поддержку с моей стороны в начале следующей недели.

— Ну, ясно, — ухмыльнулся Дар. — ЛОРДов вы таки не жалуете.

— Думайте, как хотите. Только Дестинус, похоже, торопится. Посему я предположил — когда стал получать рапорты о каких-то полицейских явно не из моего ведомства, — что мистер Дестинус решил прибегнуть к моей поддержке путем ли́чной инициативы. Не исключено, что содействие в этом ему оказал Сард.

— Он нанял каких-то молодчиков из Дома Домов, чтобы те корчили из себя полицейских, — перевел сказанное мэром на понятный для себя язык Дар. — Но ваши сложности мне понятны: чем дольше мы тут будем торчать, тем дольше на планете будет действовать вторая, нелегальная полиция.

— Безусловно, у меня есть способы добиться того, чтобы данное мероприятие стало не по карману мистеру Сарду, — заметил мэр. — Но это мне не под силу, покуда к его услугам — кошелек ЛОРДов. А вот если вы улетите отсюда, мистер Дестинус отправится следом за вами.

— Это очень логично, — согласился Дар, — с вашей точки зрения.

— И с вашей тоже, я бы так сказал.

— В некотором смысле, — осторожно заметила Сэм. — Но сложность состоит в том, что как только мы уберемся отсюда, последуем мы в строго определенном направлении.

— Юная гьюм, то, куда вы направитесь, — это исключительно ваше личное дело.

— Симпатичная теория, — одобрил Дар. — К несчастью, правда, когда попадаешь на звездолет-грузовик, бывает крайне трудно добиться того, чтобы он изменил маршрут.

— Вот-вот, а еще, если на то пошло, — добавила Сэм, — еще целый месяц с вашей милой планетки не стартует вообще никаких кораблей. И как же вы нас собираетесь отправить?

Крофт вздохнул.

— Гаскервилль — единственный более или менее крупный город на планете. Здесь живет около девяноста процентов всего населения. Соответственно, de facto я — губернатор планеты, а также мэр. Поэтому в моем подчинении находится вся техника, принадлежащая МФ. Одним из предметов этой техники является небольшой флот из устаревших моделей разведывательных кораблей МФ. Мне удалось устроить для мистера Тамбурина приобретение одного из таких кораблей по остаточной стоимости.

— Он... купил звездолет? — У Дара глаза чуть не вылезли из орбит. — Сам?

— Остаточная стоимость — это не так уж дорого, — заметил Крофт.

— Но все равно... целый звездолет! Сколько же денег у этого чудака?

— Теперь, после этого приобретения, думаю, немного, — сказала Сэм и улыбнулась мэру. — Стало быть, нам можно будет прокатиться с ветерком, мэр?

— Эй, погоди! — воскликнул Дар и схватил спутницу за руку. — Что значит — прокатиться? Мы не можем доверять этому человеку!

Сэм обернулась и сдвинула брови.

— Это почему же?

— Как — почему? — взорвался Дар. — Ну, то есть... ты сама посуди: мы спасаемся бегством. А он — представитель закона!

— Правильно, он и есть здесь самый главный представитель закона. Поэтому если он говорит, чтобы нас

отпустили на все четыре стороны, нас никто и пальцем не тронет.

— Но... но...

— Послушай, — еле сдерживаясь, проговорила Сэм. — Я неплохо разбираюсь в людях. Разве хоть раз был случай, чтобы я ошиблась в том, кому можно доверять, а кому — нет?

Дар собрался было ответить, но растерялся.

— Включая и тебя, между прочим, — добавила Сэм.

Дар вздохнул и сдался.

— Ладно. Твоя взяла. — Устремив взгляд на Крофта, он спросил: — Ну и когда же отправляется ближайший автобус?

Дар никак не ожидал, что кресло-антиграв, несущее такой тяжеленный груз, выдержит, так сказать, довесок. Между тем кресло с легкостью неслось вдоль безлюдных улиц Гаскервилля, выдерживая не только вес своего владельца, но еще и Сэм с Даром, пристроившихся на подлокотниках — ни дать ни взять парочка детишек, которые явились, чтобы прочесть Санта-Клаусу свои заявки на рождественские подарки.

Через некоторое время Дар проговорил:

— У меня такое ощущение, что на этой планете живут исключительно виновные и пострадавшие и их почти поровну.

Крофт благодушно кивнул:

— Это сильное упрощение, но в некотором смысле близко к истине.

— На самом деле, можно даже сказать, что здесь наблюдается что-то вроде потенциала для создания сбалансированного общества.

— Вроде потенциала — пожалуй, — согласился Крофт.

— Но как вам удается удерживать Дом Домов от того, чтобы они не окончательно уничтожили горожан?

Крофт несколько удивленно улыбнулся.

— Полно вам, молодой человек! Вы преувеличиваете мои скромные заслуги. Просто... даже преступник отдает себе

отчет в том, что обязан заботиться о своих гусях, если хочет, чтобы они дали ему больше перышек.

— Судя по тому, что мне довелось прочитать, я бы так не сказал, — покачал головой Дар. — На протяжении истории представители организованных преступных группировок ни капельки не заботились о тех, кого избивали или отправляли на тот свет, только бы извлечь из этого выгоду для себя.

— Да, но только тогда, когда гусей у них было неограниченное количество!

— Почему-то мне не кажется, что представители Дома Домов настолько дальновидны.

Крофт заинтересованно кивнул.

— Скажем так: я сумел воздействовать на Дом окольными путями. И потом, даже когда располагаешь немногочисленной полицией, всегда есть возможность сделать кое-какие виды предпринимательства неприбыльными.

Дар тоже кивнул — восхищенно.

— Стало быть, у вас тут уживаются два общества, которые весьма неплохо уравновешивают друг друга, и в этом кроется потенциальная возможность создания единого, цельного общества. Для его создания потребуется приложение немалых сил, мудрое руководство, постоянное маневрирование — однако это возможно.

— Конечно, — отозвался Крофт, согласно склонив голову. — Все на свете возможно — и даже такое, когда внешний мир бросает планете вызов, когда приходится выживать исключительно благодаря внутренним ресурсам. Тогда обеим половинам населения приходится пережить собственную форму декаданса.

— Под вызовом вы подразумеваете оторванность от других колонизированных планет?

Крофт кивнул. Улыбка едва заметно тронула его тонкие губы.

— Вы подаете большие надежды, молодой человек. При наличии времени и практики вы бы стали столь же опытны в дедукции, как я.

* * *

Космопорт был огорожен частоколом — совсем как какой-нибудь форт из времен освоения Дикого Запада. Однако ворота при приближении Крофта открылись автоматически, и кресло величественно впорхнуло в них. За воротами лежала квадратная миля пластрита, на котором кое-где чернели отметины — места стартов звездолетов. Двухэтажное здание для персонала и пассажиров выглядело миниатюрным выступом на частоколе. Помимо этого здания, пустынность стартово-посадочного поля нарушалась лишь наличием серебристого летательного аппарата, имевшего форму ската-хвостокола, нос которого был поднят к звездам. Казалось, небольшому звездолету просто не терпится поскорее расстаться с планетой. Это был сверхсветовой разведывательный корабль, приспособленный для полетов и в условиях атмосферы. Это был не челнок, а судно, на котором можно было перелетать с одной планеты на другую, хотя скоростью он и уступал крупным лайнерам. Корабль был красив, но на пустынном пластритовом поле выглядел патетически маленьким и хрупким.

Люк был открыт. Когда кресло мэра подлетело поближе, из озаренного желтоватым светом прямоугольника показалась чья-то фигура.

— Вот молодчина! Нашли таки их!

Вайти спрыгнул на поле и, сжав, потряс ручищу Крофта.

— А вы во мне сомневались, Вайти?

— Ни на секунду! Только вот... беда в том, что секунды сложились в несколько часов.

На фоне освещенного люка возникла фигура в черной мантии, свет бросил отблеск на выбритую тонзуру.

— Добро пожаловать, странники! — помахал Дару и Сэм рукой отец Марко. — Забирайтесь поскорее сюда и поведайте нам о ваших странствиях! Времени у нас будет предостаточно — впереди путь длиной в семьдесят пять световых лет!

Но взгляд Дара устремился к фигурке, появившейся позади священника. Даже в виде силуэта Лона смотрелась очаровательно.

— Радостно видеть вас вновь, святой отец! — Сэм спрыгнула с подлокотника кресла мэра и поспешила к люку. — Но вы-то куда собрались? Это ведь наше несчастье, а не ваше.

— Должен же кто-то позаботиться о ваших душах, — пошутил монах. То есть Дару хотелось верить, что тот пошутил.

— Спасибо вам за заботу, святой отец, но зачем?

Дар протиснулся в отверстие люка, старательно задев плечом Лону.

— Затем, — ответил священник, — что я — член ордена Святого Видикона, а вы двое — тот случай, перед которым инженер устоять не в силах.

Дар особой логики в этом заявлении не усмотрел, но это не имело для него особого значения: Лона одарила его долгим взглядом. Дар не мог понять, что она вложила в этот взгляд: восхищение или осуждение, но и это его ни в малейшей степени не волновало — лишь бы она обращала на него внимание.

— Вот так-то! — Вайти забрался внутрь корабля и задраил люк. — Всегда полезно иметь друзей в нужных местах.

— Это точно, — согласился Дар. — И я ужасно рад тому, что у нас есть вы. Но почему? Это ведь не ваш скандал, Вайти.

— Теперь мой, — отозвался Вайти, шлепнулся на ближайшее кресло для перегрузок и пристегнул защитные ремни. — Я уже начал было скучать, но, похоже, с вами не соскучишься!

— Но ведь вы стремились к фронтиру, а мы-то на Терру собрались!

— Мы теперь тоже туда же держим путь, — осклабился Вайти. — Если, конечно, вы обещаете как следует встряхнуть старушку. Кроме того, мне пора повидаться с моим издателем — а то я, понимаете ли, поиздержался.

Дар умолк, чувствуя себя виновато, но Вайти повертел головой и ворчливо спросил:

— Ну и кто, интересно, сдвинет с места это корыто?

— Кто же еще? — Лона грациозно устроилась в кресле пилота. — Да я бы гору с места сдвинула, только бы вернуться туда, где есть хоть капелька доброго старомодного декаданса!

Она нажала несколько клавиш, и звездолет, взревев, ожил.

— А я сяду на связь. — Сэм скользнула в кресло рядом с Лоной и настроила переговорное устройство. — Как именуется это корыто?

— Нарекаю его «Лучом надежды», — объявил Вайти.

— «Луч надежды» — командному пункту, — проговорила Сэм. — Стартуем к Солнцу.

— А-а-а, — донеслось из динамика. — Слышу вас хорошо, «Луч надежды».

На командном пункте были, мягко говоря, удивлены.

— Прошу разрешения на взлет.

— Разрешения на?.. Ждите, «Луч надежды».

Дар успел расслышать чей-то крик, прежде чем на командном пункте догадались отключить микрофон.

— Похоже, мы их врасплох застали, — сказал он Вайти.

— Что неудивительно, — нахмурился Вайти. — Но что это с ними?

— Угадайте с трех раз — причем я уверена, что два будут лишними, — буркнула Сэм и снова вышла на связь: — «Луч надежды» — командному пульту Фальстафа. Что за задержка?

— А-а-а... «Луч надежды», — заикаясь, отозвался кто-то с командного пункта. — Похоже, вы забыли заполнить баллистический план.

— Баллистический план? — рявкнул Вайти. — О чем он там думает, этот тупица? Мы что, прыгать с планеты на планету собрались?

— «Луч надежды» — командному пункту, — мрачно проговорила Сэм. — Я искренне полагала, что баллистические планы вышли из употребления с началом сверхсветовых полетов.

— Но... мы должны убедиться, что вам не грозит столкновение с прибывающим транспортом.

— Прибывающим транспортом? Каким еще прибывающим транспортом? Небо ясное, как приговор!

Вайти выразительно крякнул.

— Как владелец этого корабля, я приказываю вам взлетать, пилот.

— Есть, дедушка, — беззаботно, слишком беззаботно пробормотала Лона.

А потом стало тихо, потому что всех безжалостно прижало к креслам: «Луч» рассекал атмосферу.

Но вскоре давление ослабло, и «низом» вместо хвоста стала палуба. Гравитация внутри салона одолела ускорение.

— Девять десятых от нормы, — объявила Лона, развернула свое кресло спинкой к пульту управления и ослабила защитные ремни. — Однако я бы советовала вам пока оставаться на своих местах. Минут через двадцать мы будем на достаточном удалении от системы и сможем уйти в гиперпространство.

— Еле успели смыться, — сказала Сэм и невесело усмехнулась. — Слышали, там кто-то вопил? Это был Дестинус.

— Дестинус? — Отец Марко резко выпрямился, сдвинул брови. — Канис Дестинус?

— Ну да, он самый. — Сэм повернулась к священнику. — А вы с ним знакомы?

— Более чем знаком. Мы с ним родственники, — ответил священник и сразу погрустнел. — Он сын двоюродного брата моего отца.

Дар нахмурился.

— Минутку... стало быть, вам он приходится...

— Троюродным братом, — ответил за отца Марко Вайти. — Так вы находились на одной планете, а он даже не удосужился вас поприветствовать?

Отец Марко кивнул.

— И ведь похоже на то, что он знал о том, что я здесь живу. Правда, учитывая обстоятельства, предполагаю, что он не хотел обнаруживать свое родство со мной.

— Сентиментальностью тут и не пахнет.

— Это мягко сказано, — мрачно отозвался отец Марко. — На самом деле, я о нем ничего не слышал с тех пор, как поступил в семинарию. Он был очень недоволен моим выбором. Говорил, что этот орден слишком радикален. — Священник обратился к Сэм: — А он, как я понимаю, доставил вам хлопоты?

— Он за нами охотился, — подтвердила Сэм. — Похоже, он работает на ЛОРДов.

Отец Марко вздохнул и сокрушенно покачал головой:

— Бедняга Дестинус! Мы знали, что он попал в дурную компанию — вращается в правительственных кругах. И всякое такое... но я не знал, что все настолько ужасно... ну, ладно! — Священник хлопнул себя по коленям и выпрямил спину. — Видимо, я все-таки принял самое верное решение, отправившись с вами.

— То есть? — нахмурился Дар. — То, что вы узнали о своем троюродном братце, имеет такое большое значение?

Отец Марко кивнул.

— Семейный долг. Я обязан попытаться противостоять тому злу, какое Дестинус пытается причинить вам.

— Да ладно вам, не судите его слишком строго. — Дар многозначительно посмотрел на Сэм. — Я хочу сказать: он ведь не сам по себе действует. Просто работает на своих боссов, вот и все. А вот они устроили эту охоту на телепатов.

— А я бы не делала таких уверенных заявлений, — сказала Сэм и чуть скривила губы. — Ты думаешь, твердолобые политиканы на самом деле верят в телепатов? Ну, то есть настолько верят, чтобы устраивать крупномасштабные облавы?

— А зачем бы еще им вербовать собственных «полицейских»?

— Затем, — усмехнулась Сэм, — что это отличное прикрытие для того, чтобы сцапать тебя и меня до того, как мы успеем доставить прошение Билабера об отставке в БМС.

— Неужели управление какой-то заброшенной планетой — настолько важное дело?

— Для человека, являющегося правой рукой губернатора, — запросто. И потом, даже если ЛОРДы действительно намереваются отрезать от остального мира дальние планеты, это вовсе не означает, что им по душе губернаторы, которые и так готовы распрекрасненько обходиться без них.

— Это мысль, — признал Дар. — Пожалуй, это несколько оскорбительно для коллективного терранского эго. И по этому поводу у меня большое подозрение, что Майлз Крофт вряд ли пользуется большой любовью БМС.

— Он всегда был независимым мужиком, это я вам точно говорю, — ухмыльнулся Вайти и закинул руки за голову. — Что до меня, так я думаю, это очень даже славно — полюбоваться на то, как дальние планеты готовы к тому, что Терра перережет пуповину между ними и собой.

— Готовы? Да они этого просто жаждут, — заметила Лона, следя за панелью управления. — Вот-вот выходим в гиперпространство, господа. Пристегните ремни! — Она нахмурилась и более пристально всмотрелась в детекторное табло. — Странно... Эта вспышка... она означает, что с Фальстафа стартовал еще один звездолет.

— Действительно странно, — нахмурился и Дар. — Ведь еще на месяц вперед не планировалось никаких стартов и посадок!

— Не думаете же вы... — начала было Сэм, но тут произошла изоморфная трансформация, сопутствующая переходу в гиперпространство, и реальность в значительной мере трансформировалась.

9

Ближе к поясу астероидов, со стороны Юпитера, хитросплетение гравитации Солнечной системы становится тоньше, и этого как раз достаточно для того, чтобы корабль мог вынырнуть из гиперпространства. Безусловно, это далеко не безопасно: существует очень большая вероятность

того, что сила притяжения Юпитера так подействует на пребывающий в изоморфном состоянии корабль, что тот отправится в другое измерение — там обитают звездолеты, которым почти удалось перейти в обычное пространство. Однако известно, что кто не рискует, тот не пьет шампанского, и потому, когда очень спешишь, можно и рискнуть.

Дар и Сэм спешили, а потому Лона рискнула.

От перегрузки грудь Дара сдавило защитными ремнями. Давление имело убийственную силу, но мало-помалу пошло на убыль — правда, очень медленно. Существовавшее внутри корабля гравитационное поле не сразу приспособилось к наружному. Но как только Дар обрел способность сидеть и разговаривать, он немедленно сделал и то и другое.

— Я... так понял, что мы... сделали это?

— Мы целы и невредимы, — чуть обиженно отозвалась Лона, просматривая табло, регистрирующее повреждения. — Ни дырочки.

— Я вовсе не намеревался усомниться в твоем проВексионализме, — поспешно заверил девушку Дар. — Просто... ну, это было немного рискованно.

Лона фыркнула.

— Только не для моей племянницы, — пояснил Вайти, наклонился и, запустив автобар, заказал себе рислинга. — Единственная машина, в которой Лона не разбирается, это молоток. У молотка ведь нет ни одной подвижной части, и уж тем более — микросхем. Кто-нибудь желает составить мне компанию?

И тут стены и потолок салона озарились ярко-алой вспышкой. Пальцы Лоны запорхали над панелью управления.

— Это был выстрел из пушки! Не до выпивки — держитесь!

Послышался звук, напоминавший стон. Стон перешел в пронзительный вопль. Это гравитация корабля, сражаясь, приспосабливалась к изменению скорости. Однако битва то была неравная. Лона вела маленький звездолет, выписы-

вая столь крутые пике и виражи, что четырехмерный компьютер за ней просто не поспевал.

Чего, собственно, она и добивалась.

Однако боевой компьютер звездолета, преследовавшего «Луч надежды», был не промах. Красные вспышки то и дело озаряли стены салона. Они были то ярче, то тусклее, то опять ярче.

— А как насчет традиционного выстрела с опережением? — вскрикнул Дар.

— Они не слишком сильны в традициях, — процедила сквозь зубы Лона. Над бровями у нее блестели капельки пота.

— Никогда не одобрял иконоборцев, — проворчал отец Марко.

— Да это же патрульный крейсер! — воскликнула Сэм, в ужасе глядя в задний иллюминатор. — Патруль Солнечной системы — те самые люди, которые спасают заплутавших после катастроф звездолетчиков!

— Ага, и еще пристреливают контрабандистов, — угрюмо добавил Вайти. — Но они никогда не стреляют без предупреждения!

— Ты насмотрелся голографических саг об этом патруле, дедушка, — проворчала Лона. — Этот же — самый настоящий!

— Неужто? — Сэм настроила переговорное устройство. — Так давайте проверим! «Луч надежды» вызывает патрульный крейсер! Патрульный крейсер, прием!

В ответ на это мимо корабля пронесся очередной энергетический разряд. Лона еле успела совершить крутейший вираж.

— Патрульный крейсер, прием! Почему вы нас обстреливаете? Мы не нарушали никаких законов! И мы не везем контрабанду!

Сэм отпустила клавишу, но ответа не было — даже щелчков статического электричества не слышалось.

— Может, устройство сломано, — скороговоркой произнес Дар. — И мы не слышим их ответа?

— Размечтался, — прорычала Лона.

— Сейчас попробую другое средство, — сказала Сэм, повертела ручку настройки каналов, и из динамика послышался голос:

— ...на вершине хит-парада. Она записана на его новом голографическом кубике «Отвези меня на Ригель!».

— Коммерческий канал, — процедила сквозь зубы Сэм.

Новый голос прервал диктора на полуслове:

— Выпуск новостей компании «Ганаграм». В эфире Чао-Ю Чендлерс с сообщением о подержанных запчастях для буровых установок!

— Это, наверное, станция, что вещает с Ганимеда, — заключил Вайти. — Они большей частью передают новости для бурильщиков, что работают на поясе астероидов.

— Откуда вы знаете?

— А кто еще пользуется буровыми установками?

— Мы прерываем нашу программу для передачи экстренного сообщения, — прозвучал голос очередного диктора. — Только что нам сообщили о появлении небольшого пиратского корабля с пресловутым телепатом на борту. Этот корабль только что вошел в пределы Солнечной системы. Гражданам рекомендуется не паниковать. Телепата преследует патрульный крейсер. В самые ближайшие минуты патруль должен сообщить нам о захвате и пленении телепата.

— Это они про нас, — сипло выговорил Дар.

— А точнее, — бросила через плечо Лона, — про тебя.

— Да, они говорили о телепате мужского пола, — подтвердил Вайти.

— И еще о том, что они намереваются нас захватить, — буркнула Сэм. — Против чего лично я сейчас ничего не имею против. — Сэм снова включила переговорное устройство. — «Луч надежды» — патрульному крейсеру! Мы сдаемся! Просим пощады! Складываем оружие!

Кабину озарило алой вспышкой, а корпус корабля издал нечто вроде колокольного звона.

— Вот это было совсем близко! — воскликнула Лона и так быстро развернула корабль, что у Дара желудок чуть не заблудился в брюшной полости. — Забавно же они захват производят!

— На мой взгляд, — задумчиво изрек Вайти, — они просто решили сэкономить на судебных издержках.

— Ну и что же нам делать? — вопросил Дар. — Не можем же мы вечно убегать? До сих пор мы живы исключительно благодаря тому, что их наводящий компьютер — редкостный мазила, и еще из-за того, что Лона — просто ас пилотажа!

— Льстивость тебя рано сведет в могилу, — фыркнула Лона. — Мне идеи нужны, а не комплименты!

— Хорошо, как тебе понравится такое предложение, — нахмурился Дар. — Мы вынырнули между Юпитером и Марсом и направлялись к Солнцу. Какая у нас скорость?

— Примерно девяносто семь сотых от скорости света.

Взгляд отца Марко затуманился.

— Так-так... — пробормотал он. — Это означает... Для нас прошло около пяти минут, а для людей на Терре...

— Несколько недель, — закончила за него рассуждение Лона. — И если мы в ближайшие минуты не предпримем ничего радикального, нас прошьют насквозь ма-алюсенькие астероиды. А потом мы превратимся в лепешки, столкнувшись с теми, что покрупнее!

— Астероиды! — воскликнула Сэм, выпрямилась и пристально посмотрела на Дара. — Мы ведь уже раз попробовали...

— И я готов голову отдать на отсечение, что эти патрульные молодцы не сообразительнее пиратов! — обрадовался Дар и обернулся к Лоне. — Ты сможешь уравнять скорость полета корабля со скоростью астероида?

— Естественно! — буркнула Лона. — Стоит только отключить двигатель, и мы превратимся в новенький астероид с очень высоким альбедо!

— И альбедо нам не помешает, если удастся спрятаться за крупный камушек, который заслонил бы нас от Солнца. Можем мы быстро затормозить?

— Можем, — кивнула Лона. — Энергии, правда, уйдет многовато — почти вся, и удобства не обещаю.

Это она мягко сказала: то, что произошло, было подобно аду. Ну, то есть, наверное, могло быть и хуже. По край-

ней мере Лоне хватило милосердия развернуть корабль на сто восемьдесят градусов, дабы обрести возможность достичь торможения с помощью главного двигателя, и посему всех пассажиров прижало к спинкам кресел, а не наоборот, но уж зато прижало с такой силой, что Дар готов был поклясться, что спина его познала устройство кресла вплоть до жесткого пластикового каркаса. Он затаил дыхание, ожидая, что кресло либо треснет, либо даст течь. Однако кресло выдержало. Тогда Дар задумался о том, а выдержит ли эту жуткую перегрузку он сам. Ему казалось, что нос растекается по щекам чуть не до самых ушей, а глаза предпринимают отчаянные попытки проделать путь вдоль оптических нервов к самому их основанию. Не сразу он понял, что не дышит исключительно потому, что не может дышать. Ощущение было такое, словно ему на грудь водрузили три наковальни, бочонок с подковами, на бочонок взгромоздились двое кузнецов, да еще и першерона с собой прихватили.

А потом давление вмиг упало, и Дара швырнуло к стенке салона — Лона совершила очередной резкий поворот. Кресло для перегрузок отлипло от спины Дара, и он, оглядевшись по сторонам, не без изумления обнаружил, что салон выглядит точно так же, как до того, как его обитатели рисковали обратиться в гамбургеры.

Лона нажала кнопку на пульте управления, и свет в салоне погас.

Дар мог думать об одном: она за пультом, а он — в своем кресле, стянутый сбруей для перегрузок. Непростительно было бы утратить такую великолепную возможность.

Во внезапно наступившей темноте негромко прозвучал голос Лоны:

— Я отключила всю энергию, так что теперь нас нельзя выследить энергетическими датчиками. Вы особенно не переживайте — вам в иллюминаторы все будет видно. К тому же мы быстро не замерзнем — обшивка нашего корабля оборудована надежной теплоизоляцией. А вот система рециклирования воздуха отключена, и кабина не слишком велика для пятерых. Так что постарайтесь дышать умерен-

но. Дышите неглубоко, и если сумеете, постарайтесь уснуть. И не разговаривайте — это лишняя трата воздуха.

— Если энергия отключена, значит, не действуют и детекторы, — еле слышно проговорил отец Марко.

— Верно. И увидеть, где наши преследователи, мы сможем только невооруженным глазом. Да и то разве что только в виде световой вспышки, пока они далеко от нас. Тем не менее добраться до нас они все равно смогут за парутройку минут.

— Ну и как же мы тогда поймем, когда можно будет снова включить свет? — поинтересовался Вайти.

— Мы это сделаем тогда, когда станет нечем дышать, — ответила Лона. — И когда будем близки к полуобморочному состоянию.

— Но ведь и тогда патрульный корабль может оказаться слишком близко, — возразил Дар.

— Жизнь полна таких вот маленьких шансов, — негромко отозвалась Лона. — Но давайте попробуем выждать как можно дольше. Хватит болтать.

В кабине воцарилась тревожная тишина, нарушаемая только дыханием людей. Миновало несколько минут, и кто-то негромко захрапел — наверняка то был Вайти, и Дар позавидовал его крепким нервам. Сам же Дар нервно поглядывал в ближайший иллюминатор, ну и конечно, разглядел там крошечное пятнышко света, которое выросло прямо на глазах и превратилось в патрульный крейсер. Он пронесся так низко над затаившимся корабликом, что Дар был готов втянуть голову в плечи.

— На первый раз пронесло, — тихо заметила Лона.

— Любители техники, — хмыкнул отец Марко. — Своим глазам уже не доверяют. Чего нет на сенсорном экране, то уже и не существует.

— Значит, надо делать вид, что нас и вправду нет, — прошипела Сэм. — Тише!

Патрульный крейсер показался над крупным астероидом, под которым и прятался «Луч надежды». Дар затаил дыхание. Если бы на крейсере кто-то удосужился выглянуть в иллюминатор, сейчас вполне могла бы полыхнуть

алая вспышка — и тогда Дар сначала бы помер, а уж потом ослеп. Между тем на крейсере вообще не отмечалось никаких иллюминаторов. Огромный звездолет проплыл над ними и исчез в скоплении космического щебня.

Сэм облегченно вздохнула, но Лона прошептала:

— Лучше перестань.

— Что? — обиделась Сэм. — Дышать?

— Нет. Ты надеялась.

— И что тут плохого? — огрызнулась Сэм, но отец Марко урезонил ее:

— Слишком рано пока.

И он оказался прав, поскольку космическая акула появилась вновь и на этот раз проплыла так низко над ними, что Дару показалось: его вот-вот спросят, не желает ли он застраховать свою драгоценную жизнь. Но, судя по всему, в дружественной окружающей астероидной среде находилось вполне достаточное количество никелево-железной руды, и на этом фоне «Луч надежды» особо не выделялся. Крейсер задрал нос и набрал высоту и скорость и в конце концов исчез за грудами летучих камней.

Обитатели кабины дружно облегченно вздохнули, а Вайти хрипло проговорил спросонья:

— А? В чем дело? Они нас обнаружили? А? Что?

— Я думаю, они поднялись выше плоскости эклиптики, дедушка, — заверила старика Лона.

— Наверное, решили сменить угол зрения — хотят взглянуть на нас свысока, — предположил Дар.

— Теперь мне можно надеяться? — съязвила Сэм.

Громкий басовый звон сотряс кабину. Лона нажала рычаг включения двигателя.

— Только если мы выберемся отсюда, — сказала она Сэм. — Нас, так сказать, навестил первый сосед и намекнул на то, что лучше нам тут не поселяться.

— С нами столкнулся маленький астероид, — объяснил Дар, когда в кабине снова стало светло, а перегрузка снова прижала его к спинке кресла. — Удивительно, что он первый. Нас уже давно могло расколотить на куски.

— Да нет, — спокойно отозвалась Лона, нажимая кнопку за кнопкой. — Мы вошли в поле выше плоскости эклиптики, сравнялись скоростью с этим астероидом и пристроились сбоку от него. Большая часть здешних камешков крутится по орбите вокруг него. Этот малыш, что угодил по нам, сделал это исключительно потому, что мы находились поблизости от другого крупного камня, вокруг которого также вращаются мелкие. Так что это был всего лишь вопрос времени.

— Но этого не случится, если мы снова поднимемся над плоскостью эклиптики?

— Ты что, шутишь? — буркнула Лона. — Там же патрульный корабль! Нет, мы опустимся ниже, и тогда весь пояс астероидов будет разделять нас и наших врагов, и еще он закроет нас от их вреднючих датчиков! Приготовьтесь, нам предстоит адская прогулочка!

— Nos morituri te salutamus, — проговорил нараспев отец Марко.

— Идущие на смерть приветствуют тебя... — перевел Дар и поежился. — Тоже мне, веселенькое избрали благословение, святой отец.

— Вы говорите по-латыни? — изумленно вскричал отец Марко. — Так кто же вы такой? Ископаемое?

— Нет. Просто частенько выпивал у Чолли, — ответил Дар и тут же умолк, поскольку желудок его попытался пробиться к глотке. Корабль резко пошел вниз, обшивка зазвучала подобно гигантскому гонгу.

— Не стоит чересчур сильно волноваться, — напряженным голосом посоветовала Лона. — Эти камни не причинят нам никакого вреда, если только не попадется какой-нибудь размером с мою голову, — а от таких я могу увернуться... так я думаю.

Но тут Вайти принялся тыкать пальцем в иллюминатор и кричать, но что именно он там увидел и о чем кричал, никто не услышал, потому что его голос заглушил жуткий металлический звон, в кабину ударила красная молния, а корабль встал на дыбы, словно металлический бык. На фоне

стихающего звона Дар расслышал, как ругается на чем свет Лона, пытающаяся выровнять корабль. Красноватое свечение угасло, и кабина погрузилась во мрак, который нарушали только блики отраженного от поверхности пляшущих астероидов света Солнца. Сэм в ужасе вскрикнула, и все разом загомонили.

— ПРЕКРАТИТЕ! — громче всех крикнула Лона, и воцарилась внезапная, паническая тишина.

Дар медленно, с дрожью, выдохнул. Что бы ни случилось — случилось что-то ужасное.

— Они нас ждали, — сообщила Лона. — Как только у нас включился двигатель, их датчики вывели на нас их боевой компьютер, а тот пустил по нам энергетический разряд — и не один, просто первые разряды угодили по астероидам и превратили их в пар, а вот последний отрезал нам хвостовой отсек. То есть нам еще повезло. Если бы я в этот момент так не старалась увернуться от очередного булыжника, они бы точно не промазали — попали бы прямо в кабину.

— Они снова набирают высоту, — сообщил Вайти. Он, выгнув шею, смотрел через свой иллюминатор вперед.

— Естественно, — пожала плечами Лона. — Они ведь нам не только двигатели отшибли, а и реактор заодно. Теперь не осталось никакой энергии, какую они могли бы засечь датчиками. И потом — зачем им искать обломки? Они уверены, что мы уже покойники.

Сэм сдавленно всхлипнула.

— Мужайтесь, — решительно проговорил отец Марко. — Мы — не покойники.

— Да, у нас имеется аварийный запас энергии, — согласилась Лона. — Он позволит рециклировать воздух еще какое-то время. Солнце согреет нас, если мы закроем иллюминаторы в дальнем конце кабины. И еще у нас есть парочка недельных пайков.

— А энергии хватит на то же время? — спросила Сэм. Голос ее прозвучал глухо, испуганно.

Лона молчала.

— Хватит, если мы не будем много трепаться и обойдемся без света, — отозвался Вайти. — Ну и, конечно, лететь мы теперь больше никуда не сможем.

Отец Марко удивленно крякнул.

— Вот не знал, что вы что-то смыслите в физике.

— До того как я стал бардом, я был инженером, — сообщил Вайти, и Дар просто-таки услышал его ухмылку. — Кто бы еще сумел уловить столько смысла в этой цивилизации, чтобы облечь его в стихи и положить на музыку? Но еще я игрок.

Дар почувствовал, как его опасения перерастают в ужас.

— И какую же игру вы задумали? — опасливо поинтересовался отец Марко.

— Ну... мы к помощи добраться не можем, — глубокомысленно проговорил Вайти. — Значит, надо сделать так, чтобы она добралась к нам.

Дар прокашлялся, и от звука собственного голоса ему снова стало страшновато.

— Вы говорите о сигнале бедствия.

— Тогда у нас появится хоть маленький шанс, — отозвался Вайти. — А иначе нам конец — если только вы не сотворите какое-нибудь чудо, святой отец.

— Боюсь, мои связи так далеко не простираются, — чуть удивленно проговорил священник. — Даже если бы до нас добрался сам святой Видикон, мы должны были бы протянуть ему какую-нибудь рукоятку, за которую он мог бы схватиться, то есть совершить некое действие, благодаря которому мы попали бы в круг счастливых совпадений.

— И сколько энергии у нас уйдет на сигнал бедствия? — спросил Дар, страшась ответа.

— Для того чтобы подать сигнал такой силы, чтобы от него действительно была польза, придется вложить в него половину имеющейся у нас энергии, — ответила Лона.

— Значит, недельный запас, — резюмировал Дар и облизнул пересохшие губы. — Значит, у нас всего неделя на то, чтобы кто-нибудь нас услышал и добрался сюда.

Все молчали.

«Неделя! — вопил внутренний голос Дара. — Жить всего неделю осталось! А я еще никогда никого не любил!»

— Но выбора у нас практически нет, верно? — негромко проговорила Сэм.

Ответом ей было молчание.

Тогда Сэм решительно подняла спинку кресла и склонилась к переговорному устройству.

— Ладно. Так в каком виде будем подавать сигнал?

Все вздохнули в унисон.

— На широких волнах, — отозвалась Лона и нажала ряд клавиш, подключая источник аварийной энергии к устройству связи. — Традиционный «SOS» и наши координаты.

Сэм наклонилась еще ближе к микрофону и нажала ключ передачи сигнала.

— Только не называй имени корабля, — торопливо предупредил ее Вайти.

Сэм растерялась, но вскоре заговорила:

— SOS, SOS! Звездолет получил повреждение. Наши координаты: 10:32:47 V/E, на 5:22 ниже плоскости эклиптики. SOS! SOS! Мы обречены!

Обречены... Обречены на смерть. Дар почувствовал, как по спине его побежали мурашки жуткого, леденящего страха.

Сэм отключила устройство.

— Ты его оставь в режиме ожидания, — посоветовала ей Лона. — Если кто-то откликнется на наш призыв, им понадобится контакт с нами, а здесь даже секунда дуги — большое расстояние.

Сэм медлила, и Дар почти слышал ее мысли: сколько времени жизни отнимет у них этот режим ожидания? Но ячейки IC забирали всего несколько милливатт в час, и если бы в миле от них оказался спасатель, который бы их не заметил, это было бы равносильно тому, что никаких спасателей вообще не было бы. Сэм кивнула, вывела вверх один из регуляторов и тем самым осталась на связи.

В кабине снова наступила тишина, а потом Лона проговорила:

— Будем ждать...

«Смерти», — закончил ее фразу в уме Дар.

А с мыслями что делать?

Молчание стало просто мучительным.

И тут заерзал в своем кресле отец Марко.

— Я кое-что знаю о медитации. Можно почитать мантры. Как вы на это смотрите?

— Буровой катер ВКС 651919 — звездолету, терпящему бедствие. Отвечайте, пожалуйста.

Дар рывком выпрямился и уставился в первые попавшиеся глаза. К счастью, это оказались глаза Лоны.

— Так быстро откликнулись?! Где же этот корабль? Прямо за углом, что ли?

— Прошло два часа...

— Но все равно...

— Буровой катер, говорит звездолет, терпящий бедствие, — протараторила Сэм в микрофон. — Вы сможете спасти нас?

— Да, я могу вас спасти, и я нахожусь недалеко от вас, но мне нужно поддерживать с вами связь, чтобы вас найти. Прошу вас, продолжайте транслировать сигнал.

— Буровой катер, поняла вас хорошо. Ждем вас с нетерпением. — Сэм нажала кнопку сигнала, но микрофон прикрыла ладонью и развернулась к остальным. — Это ведь вовсе не обязательно — патрульный крейсер.

— Если это он, мы узнаем об этом буквально через минуту, — сухо усмехнулся девушке Вайти. — Как только они нас засекут, тут же превратят в пар.

Сэм вздрогнула и развернула кресло к пульту связи.

— Нет! — воскликнула Лона. — Это все-таки может быть настоящая помощь! А если нет — я уж лучше в пар превращусь, чем с голода умирать!

Сэм подумала, но кнопку передачи сигнала отжимать не стала.

— Да, этот отклик на наш зов о помощи мог быть совершенно честным, — заметил отец Марко. — Старатели рыщут по всему поясу астероидов на буровых катерах. Так

почему бы одному из них не оказаться всего в двух часах пути от нас?

Глаза Лоны сверкнули.

— Что ж... Вероятности...

— Пока нас милуют, — быстро подхватил Вайти. — Не взывали ли вы о помощи к святому Видикону, святой отец?

Отец Марко усмехнулся:

— А если бы и воззвал, ведь в этом нет ничего дурного, правда?

— Абсолютно ничего. Очень может быть, что он стасовал колоду в нашу пользу. — Вайти, выгнув шею, выглянул в иллюминатор. — Дар, погляди-ка назад. Что ты видишь?

— Одни астероиды... Нет... Один из них становится больше... Вот он!

Все поспешили к кормовым иллюминаторам.

— Это... корабль? — ахнул Дар.

Корабль был тускло-серого цвета и, вероятно, некогда являл собой правильную сферу, но был до такой степени изрыт воронками, что вполне сошел бы за астероид. Наверху торчали две параболоидные антенны: одна круглая, для радио и микроволн, другая удлиненная — для радара. Ниже в корпусе корабля располагались два огромных окна — старатели предпочитали проверять сведения, регистрируемые датчиками, и невооруженным глазом. Ниже окон обшивка корабля плавно закруглялась, покуда не достигала грузового отсека, являвшего собой две громадных дыры, в которых располагались соленоиды, предназначенные для относительно небольших кусков руды, а чуть ниже — «пасть» для кусков покрупнее. Под раздутым «пузом» висели две пары клешней-хваталок — спереди и сзади. Они предназначались для отщипывания кусков от астероидов, которые целиком загрузить не позволяли размеры отверстий. В кормовой части корабля торчала сеть антенн силового поля, использовавшегося для предотвращения столкновения с мелкими астероидами сзади.

— Какой красивый! — вырвалось у Сэм.

Буровой катер развернулся боком к «Лучу надежды», и в его обшивке открылся небольшой люк. Оттуда на длинном тросе вылетел магнитный якорь и прицепился к обшивке «Луча надежды».

— Звездолет, потерпевший аварию, — послышался голос из переговорного устройства, — мы готовы принять вас на борт.

Сэм склонилась к микрофону.

— Поняла вас, буровой катер. Сейчас переоденемся в скафандры и будем готовы.

Вайти отодвинул в сторону часть стенки кабины.

— Надеюсь, скафандры оставили на месте, когда эту посудину перекладывали нафталином... Они на месте!

Все пятеро сгрудились возле Вайти, придирчиво разглядывая средства защиты.

— А воздух? — с сомнением в голосе проговорила Сэм.

Дар фыркнул.

— Ну, так задержи дыхание. Тут всего-то сотня ярдов! — Он вытащил из шкафа скафандр и протянул его Сэм. — Сначала — дамы.

— Мужской шовинизм? Первым пойдешь ты!

— Ладно, ладно, — проворчал Дар и стал напяливать на себя костюм из плотной, жесткой ткани. — Герметику проверьте кто-нибудь. Что-то я в сомнениях.

— И ты тоже? — Вайти проверил все соединения на скафандре Дара и защелкнул их уверенными движениями. — А тебя не смутило то, что мы до сих пор не слыхали голоса пилота?

— Ну, в общем, это странно, если на то пошло. Или тут такая традиция — вести переговоры через посредство бортового компьютера?

— Конечно, нет, — заверила его Лона, закрывая соединения на скафандре Сэм. — Но на таком корабле может и не быть пилота.

— Может не быть, но это маловероятно, — буркнул Вайти. — Вы разве не слышали серийного номера? Это один из новеньких ВКС мозгов — «Верных Кибернетических Спутников», запрограммированных на экстремальную лояль-

ность. Предполагается, что эти машины и пальцем не пошевелят без непосредственного приказа своего владельца.

— Я так и думал, что это робот, — нахмурился отец Марко. — Но как же это... ему доверен корабль?

Вайти пожал плечами:

— Мне вам нечего ответить, святой отец. Но что я знаю точно — так это то, что весь мусор, любая из бывших в употреблении терранских запчастей рано или поздно попадает в район пояса астероидов, где из нее выжимают последние соки... Готово! — Он похлопал Дара по плечу, отчего тот взлетел и завертелся в невесомости, воцарившейся на утратившем энергию корабле. — Вперед, к победе, юноша!

— А я думал, что мне отводится роль спасаемого, — проворчал Дар. — И почему это я должен отправляться один?

— Потому что люк в буровом катере способен пропустить только одного человека. — И Вайти практически втолкнул Дара в шлюзовую камеру люка «Луча надежды». — Счастливого пути — и постарайся не дышать!

Дверь захлопнулась за спиной у Дара, а наружная крышка люка открылась. Если он струсит, не станет выходить, не предпримет попытку переплыть вакуум, отделявший «Луч надежды» от бурового катера, он погубит четверых друзей, которые не смогут войти в шлюзовую камеру до тех пор, пока он ее не покинет. Дар переборол страх и заставил себя подойти к краю бездны.

Держась одной рукой за трос, другой он отчаянно ощупывал пояс скафандра в поисках крепежа. Вот он! Крюк-кошка с блоком. Дар потянул за него, и откуда-то изнутри скафандра вытянулся крепкий линь. Дар набросил крюк на трос, ухватился за него и подтянулся назад, к обшивке «Луча надежды». Поджал ноги, сгруппировался, нацелился взглядом на открытый люк бурового катера, вдохнул поглубже и оттолкнулся изо всех сил.

Его понесло вдоль троса, как какую-нибудь высохшую простыню, на которую упали первые капли дождя. На мгновение у него мелькнула мысль — не ускорить ли собственное передвижение, перебирая руками трос, но тут он вспомнил, что находится в вакууме, а сие означало отсутствие

силы трения, но при соприкосновении его перчаток с тросом трение неизбежно возникло бы и только замедлило бы его скольжение. Поэтому Дар летел вперед, раскинув руки в стороны, и вскоре даже начал испытывать наслаждение от полета.

А потом борт бурового катера вдруг оказался в опасной близости, и Дар в панике ухватился за трос, вспомнив о том, что вес-то он потерял, а вот массу — нет, а это означало, что инерция никуда не делась. Если он быстро не затормозит, то следующему, кто заскользит по тросу к буровому катеру, придется отскребать красивый и тонкий слой Мандры с борта, прежде чем этот счастливчик проникнет в люк. Визг импровизированных тормозов сотряс весь скафандр с головы до ног, а борт бурового катера был все ближе и ближе. В отчаянии Дар согнулся пополам, выставил вперед согнутые в коленях ноги и...

И ударился об обшивку с такой силой, что у него чуть зубы не вросли в десны. Но затем, когда он медленно и осторожно распрямился, обнаружил, что суставы у него по-прежнему работают, а те звездочки, что сверкают перед глазами, самые настоящие — это были пролетавшие мимо астероиды. Ему все-таки удалось добраться до цели — и он был цел и невредим! Дар произнес короткую, безмолвную благодарственную молитву и торопливо подтянулся к отверстию люка. Только тогда, когда он окончательно уверился в том, что ступни его коснулись прочного металла, он разжал одну руку, сжимавшую трос, и ухватился ею за край люка. Затем он разжал вторую руку, потянулся и оказался в такой замечательной безопасной темноте внутри люка. Локоть его больно ударился о защелку. Дар в раздражении стукнул по ней — и крышка люка за ним закрылась.

Темнота. Полная. Хоть глаз выколи.

Вот когда Дар узнал, что такое клаустрофобия. Ему пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не начать колотить кулаками по ближайшей стенке и вопить, чтобы его выпустили. «Это всего лишь люк, — уговаривал он себя. — Они просто не могут меня пропустить, пока шлюзовая камера не наполнится воздухом. Ждать всего несколько минут».

Однако ему показалось, что прошел целый час, хотя потом, когда все выяснилось, оказалось, что мучительное ожидание длилось всего-то сорок две секунды.

Но вот в темноте засветился зеленый огонек. Дар бросился к нему, нащупал колесо на крышке внутреннего люка, повернул его и вышел к свету, теплу и... ВОЗДУХУ! Он открутил шлем. И тут же ощутил запашок прогорклого жира, немытого тела и системы рециклирования туалета, которая явно работала не так, как положено. Но эти запахи показались ему поистине райскими ароматами!

Позади послышался звон. Дар обернулся и увидел, что возле крышки люка горит янтарная лампочка. Ну конечно! Ведь пока он не захлопнет внутренний люк, снаружи больше никто не сможет войти. Дар торопливо запер люк и только тут понял, что, как только оказался внутри катера, услышал голоса.

— Нет, ты сам подумай башкой своей дурной — это не мое дело! — выговаривал кто-то кому-то на повышенных тонах. — Ты сейчас же, немедленно развернешь эту треклятую галошу и вернешься на мой участок!

— Однако согласно закону о звездолетах, потерпевших аварию, — отвечал бесстрастный гулкий голос, — вы обязаны оказывать помощь команде любого пострадавшего корабля.

— Да ты мне это уже раз пятнадцать повторил, черт подери, а я тебе столько же причин перечислил, почему нам не следует этого делать!

— Всего три причины, — уточнил металлический голос. — Каждую вы повторяли по пять раз, но ни одна из них не является достаточно веской.

— Любая из них достаточно веская! Это не наше дело — вот самая веская причина!

Дар выбрался из скафандра и бросил его на пол, после чего на цыпочках проследовал по коридору в том направлении, откуда доносились голоса.

— Возражения абсолютно неадекватны, — невозмутимо ответствовал металлический голос. — В законе о звездолетах, потерпевших бедствие, особо подчеркивается, что по-

страдавший звездолетчик является предметом первостепенной заботы всякого, кто окажется поблизости от места крушения и способен оказать помощь.

Услышав слово «первостепенной», Дар вдруг точно понял, кому принадлежит этот спокойный, невозмутимый голос. Он осторожно заглянул за дверь и увидел кабину бурового катера. Весьма скромных размеров, она была завалена всевозможными пустыми упаковками от еды, бумажками, грязным бельем и украшена пятнами горючего и жира. В кабине стояли два кресла, пульт управления с шестью экранами-сканерами. Возле пульта прохаживался невысокий кряжистый мужчина в заплатанном и замасленном комбинезоне, с прилизанными волосами и растрепанной кустистой бородой.

— К чертям собачьим закон! — вопил он. — У тебя мозги варят или как? Это работа патруля — подбирать тех, кто пережил кораблекрушение!

— Это была вторая из приведенных вами причин, — отвечал бесстрастный голос, доносившийся, похоже, из недр пульта управления. — Но экипаж пострадавшего корабля скорее всего те самые люди, которых патрульный крейсер преследовал.

— Если так, то так им и надо! Телепаты треклятые. Все бы им совать свои длинные носы в тайны других людей! И что они только о себе возомнили!

— Они — человеческие существа, — без запинки отвечал голос, — и имеют такое же право на жизнь, как все прочие, — в особенности в связи с тем, что патруль, по всей вероятности, не предъявил им обвинений ни в каких преступлениях.

Дар решил, что обладатель невозмутимого голоса ему нравится.

— Да быть телепатом — одно это уже преступление, проклятие! Ты что, новостей не слушаешь?

— Только такие новости, в которых присутствует логика, — иначе говоря, крайне малую их часть. Не могу понять, как это человек способен совершить преступление

только тем, что родился на свет с исключительными способностями.

Дар этого тоже не понимал — и для него это действительно была новость. Насколько же могущественны были те люди, что учинили заговор с целью переворота в МФ?

Видимо, достаточно могущественны для того, чтобы затеять крупномасштабную охоту на ведьм только для того, чтобы изловить его — слабого и беззащитного. Когда Дар осознал последствия, у него подогнулись коленки.

— Не мне и не тебе в этом разбираться! Правительство разбирается — и ладно! Ты что, думаешь, что ты умнее Исполнительного Секретаря и вообще всех, кто его выбирал?

Дар неожиданно понял, почему заговор так глубоко пустил корни. Этот старикан своими речами скорее напоминал средневекового серва, чем хорошо информированного гражданина демократического общества.

Тут на плечо Дара легла чья-то рука, и Сэм прошипела ему в самое ухо:

— Вот не знала, что ты так низок, что станешь подслушивать у замочной скважины!

Дар вздрогнул, обернулся и улыбнулся:

— Да я не подслушивал вовсе. Дверь-то открыта.

— Это зависит от того, как вы определяете разум, — произнес спокойный голос.

— Какая разница? — взревел бородатый. — Ты все равно не имеешь права голоса! Ты всего-навсего проклятый компьютер!

— У компьютеров нет души, — укоризненно проговорил собеседник старика. — И потому проклясть их никак нельзя.

— Ну тогда... тогда их можно выкинуть на свалку, где их превратят в металлолом! Да ты хоть понимаешь, какого заработка ты меня лишаешь, притащив сюда, чтобы я спасал этих грязных преступников?

Сэм поджала губы и шагнула к двери. Дар схватил ее за плечо и прошептал:

— Подожди! Рано!

— Прекрасно понимаю, — отвечал компьютер, — тем более что вы упоминаете об этом уже в шестой раз. Учитывая качество добываемой вами руды и нынешние цены за килограмм никелево-железного конгломерата, переданного с Ганимеда полчаса назад и помноженного на мою скорость бурения, данная спасательная операция на нынешний момент обошлась вам в одну тысячу триста шестьдесят терранских термов.

— Вот! — победно воскликнул старый старатель. — Видишь? А ты знаешь, сколько всего можно купить на тысячу термов?

— По нынешним расценкам — десять кубических сантиметров водорода, — отвечал компьютер. — Или три коробки сухих пайков.

— Инфляция, будь она трижды проклята, — проворчал старатель. — Скоро уже и штаны на заднице залатать будет не на что.

— Как бы то ни было, — задумчиво проговорил компьютер, — я полагаю, что человеческая жизнь стоит дороже.

— Но только не жизнь распроклятого телепата, черт бы его побрал!

Сэм дрожала от злости. Она оттолкнула руку Дара и решительно шагнула к кабине.

— Сначала я, — проворчал Вайти и протиснулся вперед. — Этот тип мне и по габаритам больше подходит, да и по возрасту тоже. — Он вошел в кабину и возгласил: — На нашем корабле нет никаких телепатов, старина.

Оглянувшись через плечо, Дар понял, что Вайти говорит правду — в коридоре уже стояли отец Марко и Лона.

— И спасибо вам огромное за спасение, — закончил свою приветственную речь Вайти.

Бородатый старикан резко развернулся и выпучил глаза:

— Из какой преисподней вы явились?

— Нет, мы там еще не побывали, — весело покачал головой Вайти. — Но могли бы туда угодить, если бы вы нас не подобрали.

Старатель развернулся к пульту управления и завопил:

— Кто тебе велел впустить сюда весь этот мусор?

— Закон о звездолетах, потерпевших крушение...

— Засунь этот закон в бутылку с плазмой! — взревел старатель. — Ты должен меня слушаться, а не их!

— Моя первичная программа включает один-единственный принцип, приоритетный по сравнению с послушанием моему нынешнему владельцу, — заметил компьютер.

— Да не должно у тебя быть такого принципа!

Вайти усмехнулся:

— Только не уверяйте меня в том, что вы поверили всему, что вам наговорил продавец подержанных компьютеров. А что за приоритетный принцип, кстати говоря?

— Священность человеческой жизни, — отвечал компьютер, — если только данное человеческое существо не угрожает жизни моего нынешнего владельца.

— Ну, кто тут станет возражать? — пожал плечами Вайти и устремил на старателя взыскующий взор. Тот несколько секунд смотрел на старого барда, не мигая, начал было что-то возражать, запнулся и, бормоча что-то себе под нос, отвернулся. — Ну вот, я так и думал, что возражать вы не будете, — улыбнулся Вайти. — Ни один добрый человек не смог бы иметь ничего против. Ну а мы, конечно, хотим выразить вам нашу признательность.

Старатель обернулся и быстро смерил взглядом Вайти, одетого, надо сказать, не с иголочки.

— Признательность ничего не стоит, если только она не покажется в виде циферок на моем счете.

— О, конечно! Мы ни в коем случае не рассчитываем на то, что вы доставите нас в безопасное место даром.

— Ну ясное дело. Как только мы сядем в каком-нибудь порту, вы сунете свою карточку в терминал моего банка, и все будет тип-топ, а через пять дней окажется, что этот счет в терранском банке уж пять лет как закрыт!

Вайти промолчал. Вместо ответа он похлопал по нагрудному карману. Карман выразительно звякнул и приковал к себе взгляд старателя.

— Тридцать квачасов, если доставите нас в Церез-Сити, — небрежно произнес Вайти.

Глазки старика сверкнули.

— Пятьдесят!

— Ну, на такую сумму мы у вас не истратим ни воздуха, ни реактивной массы, да и питаться будем умеренно — еды у вас маловато. Давайте тридцать пять.

— Тридцать пять киловатт-часов? Только и всего? — Старатель кашлянул и сплюнул. — Мне ведь тоже придется потуже пояс затянуть. Сорок пять — и считайте, что это даром.

— Точно. И еще я готов дать вам по десять лишних квачасов за каждого из нас. И еще сорок.

— Только сорок квачасов? А всего, значит, получится сто двадцать? — фыркнул старатель. — Мистер, а вам известно, сколько я потеряю из-за того, что не буду разрабатывать свой участок, покуда буду с вами возиться?

— Сто пятьдесят киловатт-часов, три тысячи терранских термов, — невозмутимо отвечал компьютер, — включая реакционную массу, воздух и питание.

— Вот! Видите? Даже по нулям — и не получается! — воскликнул старик и вздернул подбородок.

— Но нас пятеро, а не трое. Всего получится двести квачасов.

— Пятеро?! — Взгляд старателя метнулся ко входу в отсек. Вошли Лона и отец Марко.

— Вы неплохо заработаете, — намекнул Вайти.

— Ни черта я не заработаю! — Старатель побагровел. — Значит, еще двое тут будут дышать, жрать мою еду и тратить реакторное топливо!

— Стоимость издержек включена в расчет, — проинформировал хозяина компьютер. — Я просчитал, сколько раз открывался и закрывался люк.

Старатель развернулся к пульту управления.

— Да ты на кого работаешь, дрянь этакая?

— Прошу прощения. Не могу удержаться от точности в математических расчетах.

— А ты потренируйся, — пробурчал старатель и развернулся к Вайти. — Сорок девять квачасов — это так себе прибыль, мистер. Почему бы вам не купить у меня это треклятое корыто?

Вайти пожал плечами.

— А сколько вы за него хотите?

Старик замер не мигая и несколько мгновений молчал. Наконец он напряженно ответил:

— Тысячу термов.

Компьютер встрял:

— Согласно прайс-листу...

— Заткнись! — взревел старатель и пытливо воззрился на Вайти. — Ну?

— О, сейчас, дайте-ка я посчитаю. — Вайти подошел к столу и высыпал на него содержимое кармана. Монетки разлетелись в разные стороны. Вайти собрал их в кучку и старательно пересчитал. — Двадцать... Восемьдесят... Двести...

Старатель провожал взглядом каждую монету, выпучив глаза.

— Восемьсот пятьдесят шесть... восемьсот пятьдесят семь... пять квачасов... десять квачасов...

Старатель беззвучно шевелил губами.

— Восемьсот пятьдесят термов, двадцать три квачаса — две тысячи триста девяносто две терранских УЕ. — Вайти посмотрел на старика. — Хотите — берите. Но это все, что у меня есть.

— Договорились! — Старатель бросился к столу и торопливо рассовал монеты по карманам. — Итак, мистер, вы стали хозяином бурового катера!

— И его компьютера заодно. — Вайти посмотрел на монитор, установленный над пультом управления. — Теперь ты работаешь на меня.

— Вас обманули, — предупредил его честный компьютер.

Старатель смущенно кашлянул.

— А я знаю, — спокойно отозвался Вайти. — Больше пяти сотен термов эта покореженная калоша стоить не может.

Старатель пытливо вгляделся в глаза Вайти.

— И вы поэтому ее купили?

— Компьютер жалко стало, — ответил Вайти и повернулся к монитору. — Теперь приказы будешь получать от меня. Точнее, от моей племянницы — она пилот.

— Привет, — сказала девушка. — Меня зовут Лона.

Дар смотрел на нее, зачарованный теплотой ее голоса. Какая преступная расточительность! Кокетничать с машиной в то время, когда он, Дар, только и ждет, чтобы она хоть немного внимания обратила на него!

Лона уселась за пульт.

— Ну, давай знакомиться, ВКС 651919. Кстати, ты не будешь против, если я буду называть тебя Векс?

— Векс? — нахмурился Дар. — Это зачем еще?

Лона оглянулась на него через плечо.

— А ты бы как произнес «ВКС»? Собственно, это не важно. Важно, что так буду обращаться к компьютеру я! — И она развернулась к монитору. — Если ты не возражаешь, конечно.

— Мое мнение значения не имеет, — отвечал компьютер. — Мой владелец передал бразды правления вам, так что вы имеете право называть меня, как вам заблагорассудится.

— Этого делать не стоит, если тебе это не нравится, — возразила Лона. — Хороший компьютерный мозг нуждается в определенной степени согласованности с самой машиной.

— Эта согласованность существует только в вашем сознании, — отвечал компьютер. — Я же не способен ни к каким чувствам.

— Хорошо. В таком случае постарайся веселить меня — мне нужна хотя бы иллюзия. И потом... поскольку компьютер — машина математическая, в нем должна быть заложена электронная тяга к гармонии и благозвучию. И я вновь спрашиваю тебя: подходит тебе имя Векс?

Компьютер растерялся и ответил не сразу, но когда он заговорил, Дар мог поклясться, что в голосе его звучало неподдельное уважение:

— Это звукосочетание мне приятно.

— Отлично. — Лона с сияющими глазами принялась за работу. — Теперь скажи мне, Векс, когда ты впервые приступил к работе?

— Пять лет, семь месяцев, три дня, шесть часов, двадцать одну минуту и тридцать одну секунду назад — по терранскому стандарту, естественно. Надеюсь, более точного ответа вам не нужно?

— Нет, этот меня вполне устраивает, — весело отозвалась Лона. — Компьютеры сейчас выпускают очень надежные, так что ты, можно сказать, новенький, с иголочки. С учетом того, что ты установлен на этом буровом катере, можно считать, что он стоит вдвое больше того, что за него отвалил мой дедушка.

Старатель снова нервно закашлялся.

— Что с вами? — требовательно спросила Лона.

Компьютер, немного выждав, ответил:

— Мой первый владелец унаследовал приличное состояние и потратил большую его часть на материальные блага...

— Плейбой... — несколько презрительно проговорила Лона. — Теперь я понимаю, зачем ему понадобился такой сговорчивый компьютер.

— Несомненно. Из-за его... излишеств мне частенько приходилось принимать на себя управление этой аэрояхтой.

— Ты хочешь сказать, что он то и дело напивался в стельку, а тебе потом приходилось отвозить его домой?

— Вы верно описываете ситуацию, — признался компьютер. — Правда, во время нашего последнего полета он сохранял сознание, хотя его суждения и рефлексы были в значительной степени нарушены. Но я не мог, согласно заложенной во мне программе, принять на себя управление до тех пор, пока не стало совершенно очевидно, что его жизни грозит серьезная опасность.

— То есть он мог врезаться в астероид, но ты смог вмешаться только тогда, когда было уже почти поздно. И что же произошло?

— Мне удалось развернуть корабль и избежать повреждения кабины. К сожалению, моя рабочая часть располага-

лась в районе кормы, а эта часть корабля получила кое-какие повреждения.

Лона кивнула.

— И что именно повредилось внутри тебя?

— Ничего. Но один из источников питания значительно подсел. Теперь в моменты напряженной работы он дает сильные разряды.

Лона нахмурилась.

— Из-за этого ты мог сгореть! Разве нельзя было устранить поломку?

— Нет. Ее никак нельзя было устранить, кроме как путем полной разборки и перепрограммирования, а это стоило бы примерно как покупка нового устройства. Правда, мне установили прерыватель тока и шунт, поэтому источник питания сейчас изолирован. К несчастью, я дезактивирован до тех пор, пока функционирует временный прерыватель.

— Если бы ты был человеком, твое состояние можно было назвать параличом. И что же предпринял твой владелец?

— Он хотел продать меня, что с экономической точки зрения было оправданно.

— Но с этической — аморально.

— Совершенно верно. Однако на Терре покупателей не нашлось, и в марсианских колониях тоже. Никто не пожелал приобретать эпилептический кибернетический мозг.

— Но на поясе астероидов, — пробормотала Лона, — все покупается и продается...

— За небольшие деньги — да. Меня оценили в семнадцать термов.

— Цена невысокая, а ценность безграничная, — печально улыбнулась Лона. — В конце концов, ты только что спас жизнь всем нам.

— Это верно, но эта ситуация не грозила мне повышенным стрессом. В момент настоящего кризиса я могу отказать и погубить всех вас.

Лона покачала головой.

— Когда дойдет до самого плохого, я перейду на ручное управление. Компьютер мне нужен только для того, чтобы вовремя сделать выбор. Нет, Векс, не переживай. Лучшего напарника у меня никогда в жизни не было.

Это заявление стало большим ударом по самолюбию Дара, поэтому, видимо, ему и показалось, что в ответе компьютера прозвучали нотки подобострастия.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам, — ответил Лоне Векс.

Лона только улыбнулась.

— Кстати говоря, — продолжал компьютер, — вероятно, вас заинтересует тот факт, что во время нашей с вами беседы мой бывший владелец тайком передал сообщение в Церес-Сити.

Все взгляды обратились к старателю.

— Чушь! — воскликнул тот, брызгая слюной. — Я от вас ни на шаг не отошел! Ни слова никому не сказал!

— Компьютеры врать не умеют, — ледяным голосом проговорила Лона. Взгляд ее был подобен рапире.

— Да он поломан! Работает кое-как! Ошибка в программе!

— Как он мог это сделать, Векс? — спросила Лона, не отрывая глаз от старателя.

— Посредством нажимания и отжимания клавиши переговорного устройства, — отвечал компьютер. — За счет этого передавались сигналы в коротковолновом диапазоне, трансформируемые в древний код Морзе.

— И что он передал? — почти мечтательно поинтересовался Вайти.

— «Патрулю Солнечной системы — срочно, — процитировал компьютер. — Буровой катер ВКС 651919 только что захвачен преступниками. Похоже, это команда и пассажиры корабля, который вы преследовали. Срочно!»

Лона поднялась из-за пульта с медленной, плавной грацией пантеры. Вайти встал рядом с ней, глаза его стали подобны голубоватым ледышкам.

— В каком виде вы предпочитаете быть выброшенным в открытый космос? В скафандре или без оного?

— Но... Но... Вы не посмеете! — Старатель попятился к стенке. — Я вас подобрал! Я вам жизнь спас!

— Это сделал ваш компьютер, — уточнила Лона. — И теперь он принадлежит нам.

— Убийство человека, — напомнил Векс, — тягчайшее из преступлений.

— Все зависит от того, что вкладывается в понятие «человек», — прорычал Вайти, глядя на струхнувшего старателя.

— Предательство — тоже тягчайшее преступление, — заметила Лона.

— Верно, — подключился отец Марко. — Однако этот человек не имел причин хранить верность нашей маленькой компании, а вот сохранять верность правительству и патрулю Солнечной системы он имел все основания.

— Если называть слепую веру основанием, — проворчал Вайти. — Но вы бы ее именно так назвали, святой отец.

— Сэр! — оскорбленно вздернул голову отец Марко. — Позвольте напомнить вам, что я не только инженер, но и священник! Между тем я способен увидеть сложившееся положение дел глазами этого человека.

Глаза Вайти сверкнули.

— Хорошо, но в таком случае почему бы и ему не посмотреть на положение дел нашими глазами? Пусть увидит его так, как видели мы — час назад.

— Вы не посмеете! — Старатель побледнел.

— О, вы не бойтесь, — скривился в усмешке Вайти. — Вас подберут еще до того, как у вас закончатся припасы. Что там у него имеется на участке, Векс?

— Надувной домик на глубине десяти футов на астероиде, — ответил компьютер, — с полной системой жизнеобеспечения и запасом продовольствия на месяц.

— И рацией, работающей на прием и передачу?

— Нет, он пользовался моим радиопередающим устройством и не считал нужным тратиться на отдельную рацию. Но у меня имеется лишний аварийный маяк.

— Превосходно! — усмехнулся Вайти. — Значит, он сумеет вызвать к себе помощь, а за нами шпионить не смо-

жет. Ой, только не надо на меня так злобно таращиться, старый предатель! Патруль доставит тебя в целости и сохранности в Церес-Сити через неделю!

— А мы успеем за это время стартовать? — ворчливо поинтересовалась Лона.

Вайти поджал губы и ответил:

— Должны успеть.

— Вернитесь, будьте вы прокляты! — верещал тоненький голосок из динамика переговорного устройства. — Вернитесь и отдайте мой буровой катер, мерзопакостные пираты! Вы ответите по закону!

— Проклятие! — Вайти сжал кулаки. — Нужно было мне с него расписку о продаже корабля взять! Теперь патруль, помимо всего прочего, будет преследовать нас за пиратство.

Дар пожал плечами:

— Какое это имеет значение? Они так или иначе погонятся за нами, как только подберут этого мерзавца и он поведает им свою историю.

— Да все я понимаю! Просто теперь у них будет вполне законное основание задержать нас!

— А я так думаю, что такого основания не будет, — задумчиво изрек Векс. — Поскольку продажа состоялась на основе устного договора, я записал его содержание в качестве стандартной операционной процедуры.

Вайти мгновенно преобразился.

— Ах ты, старая железяка! Смотри-ка, есть и от тебя польза!

— Пользы предостаточно. Ведь первоначально он не предназначался для пилотирования корабля, а разрабатывался как мозг гуманоидного робота, — заметила Лона.

— Это верно, однако мои двигательные функции адаптируются к любой механической оболочке, — пояснил Векс. — Я весьма универсален.

— И следовательно, гибок, — заключил Вайти. — Ну, что же... Больше всего сейчас нам хотелось бы, чтобы ты доставил нас незамеченными на Луну.

— Почему на Луну? — нахмурился Дар. — Мы хотим добраться до Терры.

— На Терре посадка звездолетам запрещена, — объяснила Сэм. — Слишком велика плотность населения. Малейшая неисправность — и могут погибнуть тысячи людей. Звездолеты совершают посадку на Луне, а оттуда до Земли отправляются шаттлом.

— Кроме того, мы успели обзавестись печальной известностью, — добавил Вайти. — Нам нужно придумать какое-то прикрытие для продолжения путешествия, а у меня на Луне есть друзья.

Дар пожал плечами:

— Почему бы и нет? У вас, похоже, повсюду есть друзья.

— Если вы желаете не привлекать к себе внимания, — предложил Векс, — было бы лучше дождаться, пока мимо будет пролетать крупное судно. Тогда можно будет сравняться с ним по скорости, оказаться внутри радиуса действия его датчиков и слиться с его очертаниями на экранах слежения любого патрульного корабля.

Дар сдвинул брови.

— Но ведь это немного рискованно.

— Только не для нас. — И Лона ласково погладила пульт управления.

Сердце Дара больно кольнула игла ревности.

— За кого ты принимаешь эту кипу микросхем? За парня, что живет в соседнем доме?

Лона одарила его взглядом из-под опущенных ресниц и кошачьей усмешкой.

— Почему бы и нет? Где ты родился, погонщик электронов?

— Меня произвели на Максиме.

— Довольно далеко от моей родины, — сверкая глазами, проговорила Лона. — Но я слышала об этом месте. Там ведь только тем и занимаются, что производят компьютеры и роботов?

— Да, там это единственная отрасль промышленности. И единственное занятие местного населения, если на то пошло.

— Машинники, — пояснила девушка для остальных. — Нечто вроде секты инженеров-аскетов. Их ничего в жизни не интересует, кроме сборки роботов.

— Это не совсем так, — поправил ее Векс. — Некоторые человеческие существа на Максиме являются владельцами всевозможных предметов роскоши, причем некоторые из этих предметов существуют в единственных экземплярах, так как созданы их обладателями. На самом деле они живут как короли.

— Вот как? — изумленно улыбнулась Лона. — И когда же они собираются обзавестись аристократическими титулами?

— Некоторые из них уже ведут переговоры о покупке патентов на титулы с Терранским Геральдическим Колледжем.

Лона перестала улыбаться.

— Но для этого нужны очень большие деньги! Откуда они у них?

— От продажи компьютеров и роботов, — ответил Векс и скромно добавил: — Тамошняя продукция уже успела зарекомендовать себя наилучшим образом на всех планетах, населенных людьми.

— Стало быть, каждый из производителей — обладатель приличного состояния. Но главным предметом роскоши наверняка являются слуги, которых иметь невозможно, поскольку людей на Максиме немного.

— Это верно, — подтвердил Векс, — но в среднем там на каждого человека приходится по три робота. Так что в прислуге недостатка нет.

— Похоже, жизнь там поистине королевская, — вздохнул Вайти, — если, конечно, решишь свить гнездо.

— И не имеешь ничего против скучнейшего пейзажа за окном, — добавила Сэм.

— Да, этот планетоид отличается крайне однообразным ландшафтом, — согласился Векс.

— Планетоид? — нахмурилась Лона. — А я думала, что Максима — планета!

— Ее можно было бы счесть небольшой луной, если бы она обращалась вокруг другой планеты, — задумчиво проговорил Векс. — Но поскольку она расположена в поясе астероидов Сириуса, ее считают всего лишь одним из крупных астероидов.

Вайти сдвинул брови.

— Там нет атмосферы.

— Нет ни деревьев, ни травы, — негромко добавила Сэм.

— Только камни да пыль, — пробормотал Дар.

— И всего-то в восьми целых семи десятых световых лет от Терры! — воскликнула Лона.

Дар уставился на нее.

— Ты что, в восторге от описания этого куска камня?

— Да это же почти рай! — вскричала Лона. — Ничем не надо заниматься, кроме как разрабатывать и собирать компьютеры, нежиться в роскоши, а на выходные летать на Терру! Где мне поставить подпись?!

— Иммиграция туда совершенно свободна, — медленно произнес Векс, — однако мало кто отправляется туда на постоянное жительство. Если ты беден — там тебе делать нечего. Деньги там могут заработать только блестящие кибернетики.

— Мне бы это подошло! — обрадовалась Лона. — Как туда добраться?

— Это как раз самое сложное, — заметил Векс. — Принять вас примут, но только если вы туда доберетесь.

— Дедушка! — Лона обернулась к Вайти. — У нас в ближайшее время никаких поступлений на текущий счет не ожидается?

Вайти пожал плечами.

— Как только нам не станет нужен этот катер, милая, можешь делать с ним, что твоей душеньке угодно. Но сначала нам предстоит обстряпать небольшое дельце, направленное на спасение демократии.

— Ну так давайте уладим его поскорее! — воскликнула Лона и повернулась к пульту управления. — Возьмемся за самые неотложные дела. Ты уже выследил какой-нибудь большой корабль, Векс?

— Пока мы беседовали, я следил за полетом звездолета «Сан Мартин», — отозвался Векс. — Он приближается к нам выше плоскости эклиптики, летит с Ганимеда и пройдет всего в ста тридцати семи километрах от нас.

— Ну так вперед! — Лона торопливо пристегнула защитные ремни. — Всем пристегнуться!

Ответом на ее приказ было дружное щелканье пряжек. Лона с улыбкой посмотрела на пульт управления и, заметив мигание красной лампочки, оглянулась на отца Марко.

— Послушайте, святой отец, — сказала она, — я, конечно, понимаю, что вы верите в святого Христофора и всякое такое, но не могли бы вы все-таки сесть и пристегнуться?

Монолитная глыба огромного звездолета вплыла в зону вечного утра. Кормы не было видно — она терялась в черной тени палубного отсека. Крошечное пятнышко света метнулось к звездолету со стороны пояса астероидов, сверкая в лучах солнца, и угасло в тени под днищем чудовищной громадины. Там катер превратился в подобие рыбки-лоцмана, ведомой могучими магнитными полями соленоидов, установленных на носу «акулы».

Дар спросил:

— А они не могут обнаружить нас с помощью замеров магнитного поля обшивки?

— Могли бы, — пожала плечами Лона. — Но зачем им это нужно?

Она выключила двигатели.

— А ведь это не совсем этично, — задумчиво проговорил отец Марко. — Получается, что мы летим зайцами.

— Не переживайте, святой отец, — успокоил священника Вайти. — Одним вагончиком в этом составе владею я.

10

Громадный лайнер «Сан Мартин» плавно опускался к месту посадки в Море Безмятежности. Когда он пролетал над темной стороной, от его днища отделилось некое подо-

бие крошечной мошки и устремилось к поверхности Луны с ускорением, вполне соответствующим силе лунного притяжения. Объект абсолютно не отражал света, и для тех, кто попытался бы обнаружить его невооруженным глазом, оставался невидимым. А если бы кто-то заметил его на сенсорных экранах, то наверняка бы принял за один из метеоритов, привлеченных гравитационным полем Луны и готовым запечатлеть на ее поверхности свой автограф — очередной из множества кратеров.

Объект падал почти до самой поверхности. Оказавшись на такой высоте, что стал неуловимым даже для сенсорной сети, он продолжил снижение на бреющем полете.

— Это у тебя называется стрессовой ситуацией? — поинтересовалась Лона.

— Никак нет, — заверил ее Векс. — Просто-напросто я занимаюсь выравниванием траектории в соответствии с работой сопл высоты и неровностей ландшафта, которые регистрируются датчиками. При такой невысокой скорости у меня всегда есть в запасе несколько миллисекунд на адекватное реагирование.

— Похоже на кусок пирога, правда? А мне бы больше подошла булочка с изюмом.

— Как пожелает мадемуазель, — проворковал Векс.

Наконец, когда на горизонте появились яркие огни космопорта, Векс совершил посадку. Буровой катер опустился в густой слой пыли в тени высокой скалы. Двигатели издали усталый благодарный стон и умолкли.

— Я обнаружил входной люк на поверхности этой возвышенности, — оповестил всю компанию Векс. — В ящичке под пультом управления лежит электронное устройство. Сумеет ли кто-нибудь из вас так перепрограммировать замыкающий механизм люка, чтобы служба охраны космопорта не узнала, что его кто-то открыл?

— Чепуха на постном масле, — заверила компьютер Лона. — Это мы запросто провернем. А ты где будешь, пока мы будем отсутствовать?

— В тени кольца далекого кратера, — ответил Векс. — Буду передвигаться вместе с тенью. В ящичке рядом с элек-

тронным устройством вы найдете небольшой карманный передатчик. Нажимаете на нем кнопку — и он отправит мне закодированный сигнал. Как только я его получу, по его вектору и амплитуде я определю ваше местонахождение и приведу катер к вам.

Лона выдвинула ящичек, достала оттуда электронное устройство и передатчик. Передатчик она бросила деду. Вайти поймал его и сунул в карманчик на поясе.

— Каков диапазон действия этой штуки?

— Тысяча километров, — ответил Векс. — Если вы дадите мне сигнал из космопорта в Море Безмятежности, я вас услышу.

— А если нам придется связаться с тобой с Терры?

— Тогда вам придется послать сигнал с более мощного передатчика.

— Полной гарантии требовать не приходится, — заключил отец Марко, встал и направился к выходу из командного отсека. — Вроде бы я помню, где оставил свой скафандр.

— В шлюзовой камере десять запасных баллонов с воздухом, — сообщил Векс.

— Ну, спасибо тебе огромное за помощь, — поблагодарила компьютер Лона и обернулась у двери. — Если, пока нас не будет, кто-нибудь постучится...

— Я никому не буду открывать, — пообещал Векс.

Входной люк был оборудован панелью с кнопкой. Лона вытащила из кармана отвертку, приладила к ней нужную насадку и вставила в отверстие. Два поворота отвертки — и Лона легко сняла панель и передала ее Дару. Тот, не спуская глаз с девушки, наблюдал за тем, как она присоединила к механизму пару проводков.

Наверху, издав скрежещущий звук, повернулось на несколько градусов параболоидное блюдце антенны и застыло в неподвижности.

Лона отскочила от люка, словно ее ударило током. Дар не смог бы упрекнуть ее — он и сам едва удержался от того, чтобы не выронить металлическую пластину. Он бы ее непременно выронил, если бы услышал душераздирающий

стон антенны, но он его в некотором роде услышал: звук проник в его скафандр по проводам, подсоединенным к пластине панели.

Вайти наклонился и прижал свой шлем к шлему Лоны. Через минуту она кивнула и неохотно подошла ближе к люку. Взяв у Дара пластину, она водрузила ее на место. Затем она нажала на кнопку, и крышка люка медленно открылась. Девушка дала знак Дару, и тот вошел внутрь. Остальные последовали за ним. Лона замкнула процессию. Вайти нажал на встроенную в стену пластину, и крышка люка закрылась. Дар, волнуясь, ждал. Наконец открылась крышка внутреннего люка. Дар шагнул в темноту, щелкнул запором на шлеме и отбросил его за спину. Обернувшись, он увидел в руке Вайти горящий фонарик. Лона сняла шлем, а отец Марко закрыл люк.

— А что будем делать с этой панелью? — спросил Дар.

— Да брось ее здесь, — пожала плечами Лона. — Ничего не поделаешь.

— Охрана регулярно обходит все люки, — сообщила опытная бюрократка Сэм. — Через несколько дней вскрытие будет замечено.

— Не сказал бы, что эта мысль меня греет, но зато она успокаивает совесть. А как ты добилась того, что микроволновая антенна развернулась, Лона?

— Да она тут ни при чем, — отозвался Вайти. — Эта тарелка предназначена для передачи коммерческих голографических программ на искусственные спутники Терры. Как только она заканчивает трансляцию на один спутник, поворачивается и начинает трансляцию на следующий.

— Голографические программы? — непонимающе сдвинул брови Дар. — Но почему их передают с Луны?

— Да потому, что их здесь стряпают, невежа! — фыркнула Сэм.

Вайти кивнул.

— Чтобы обеспечить сто двадцать каналов, вещающих на двадцати шести языках, новыми программами, нужно огромное количество звуковых студий, а ведь нужно постоянно снабжать Терру новыми порциями развлекаловки.

Места для студий в главных городах катастрофически не хватает. Так что мало-помалу продюсерские компании перебрались на Луну, где покупка недвижимости обходится недорого. Вся развлекательная индустрия МФ теперь базируется здесь.

— А некоторые говорят, что она всегда тут была, — негромко добавила Лона.

— Вот как... — задумчиво протянул Дар. — Значит, и офис вашего издателя тоже здесь находится?

— Нет. Полиграфическая промышленность от Терры не оторвалась.

— Понятно, — кивнул Дар и огляделся по сторонам. Шершавые стены грубо вырубленного туннеля кое-где несли на себе следы обработки лазерным буром. — Ну, в общем, делать нам тут особо нечего, правда? На мой взгляд, следующим пунктом нашей программы должна стать посадка на шаттл до Терры.

— Ошибаешься, — покачал головой Вайти. — Наш знакомец, пьяница старатель, к данному моменту уже наверняка пропел патрулю Солнечной системы всю оперу от начала до конца. Сейчас каждый охранник на Луне располагает приблизительным описанием нашей внешности. Прежде всего нам надо каким-то образом скрыть наши истинные личности, не говоря уже о некоторой доле камуфляжа.

У Дара противно засосало под ложечкой.

— Я так и знал, что ничего простого и легкого не предвидится.

— На Терре точно не предвидится, — подтвердила Сэм. — А на Луне все выглядит приблизительно так же. — Она обернулась к Вайти. — Ну и какие же средства маскировки у вас на уме?

— Пока никаких, — отозвался Вайти и начал снимать скафандр. — Пока я предлагаю снять эти костюмчики и найти какое-нибудь местечко, где мы могли бы спокойно посидеть и обмозговать мое предложение.

Вайти, торгуясь со старателем, действительно опустошил свой бумажник, но оказалось, что он был не един-

ственным — еще один был припрятан у него в потайном кармане ремня. В результате недолгого визита в универсальный магазин были приобретены завитой парик и прозрачное платье для Сэм, краска для волос и мешковатые куртка и брюки для Лоны, а также краска для волос и деловые костюмы для всех мужчин. Более продолжительный визит в зону отдыха внес значительные изменения во внешность всей компании.

Вайти выстроил отряд в холле, придирчиво осмотрел всех с головы до ног и удовлетворенно кивнул:

— Сойдет. Не ахти что, но, может быть, сойдет. Теперь вот что... не исключено, что где-то зафиксированы ваши отпечатки пальцев — что ты сказал, Дар? Ты насчет себя просто уверен? Ну вот и другим тоже рисковать не стоит. Постарайтесь нигде не оставлять отпечатков, а также не пяльтесь ни на что такое, что могло бы засечь ваши радужки. Избегайте глазков в картинных галереях, просмотровых голографических очков, устройств для подбора стекол к очкам. Все понятно? Ну и славно. Поскольку все вы сейчас на крючке компьютерной сети под названием «Большой сапфир», ребята, и каждый ваш шаг запросто может быть передан на Центральный пульт, что установлен на Терре.

— Неужели все действительно настолько паршиво? — с тоской вымолвил Дар.

— Еще хуже, — уточнила Сэм.

Вайти снова кивнул.

— Не обольщайтесь, ребятки. Наши шансы живыми и невредимыми смыться обратно на дальние планеты чуть похуже, чем у динозавра, запечатанного в вечной мерзлоте. Остается только надеяться, что игра стоит свеч. Итак: с этого момента мы с вами — команда свободных художников в поисках работы. Что бы я вам ни говорил, ваше дело — соглашаться и не делать больших глаз. Это относится и к вашим именам. Новые для каждого из вас я придумаю по пути. Готовы? Вперед!

Марш-бросок привел друзей к фасаду здания высотой в двадцать футов, высеченного из лунной породы и отделанного скромно, но со вкусом, говорящим о вложении значи-

тельных средств. Над парадным входом сверкали платиновые буквы: «Оксидентэл продакшнз, инк».

— Здесь — продюсерский офис, — пояснил Вайти. — Тут производится большая часть развлекательных программ для англофонных каналов.

Они вошли в двери, и у Дара сразу возникло ощущение, что рост, вес, телосложение и цвет кожи любого входящего мгновенно регистрируются неким компьютером, обитающим где-то в недрах комплекса, а тот незамедлительно приступает к сравнительному анализу полученных данных и примеряет внешность гостей к описанию всех известных властям преступников, способных навредить благоденствию ОПИ. Ощущение это было настолько ярким, что Дар был готов развернуться и бежать бегом к ближайшему стартующему звездолету.

Еще сильнее ему захотелось удрать, когда они вошли в вестибюль. Там лежал толстенный пушистый ковер и декор отличался изысканностью и красотой, но дело было не в этом. В вестибюле гостей встречали трое охранников в военной форме, двое андроидов и пять камер, причем Дару показалось, что все они нацелены исключительно на него. Он остолбенел и сглотнул подступивший к горлу ком, всей душой надеясь, что это — не сердце.

А Вайти преспокойно шагал вперед — уверенно и даже беспечно, выглядя при этом словно ко всему привычный плутократ.

— К вашим услугам, граждане, — проговорил начальник охраны с обезличенной, вышколенной учтивостью.

— Благодарю, гражданин. Мистер Тамбурин с визитом к господину Строганову.

— Вам назначена ауди... — начал было охранник по привычке, но рот его неожиданно закрылся, и пару мгновений он смотрел на Вайти, не мигая, после чего изрек: — Да-да, конечно, мистер Тамбурин. — Он развернулся к встроенному переговорному устройству, что-то неразборчиво проговорил, подождал, потом снова забормотал. Из динамика донесся еле слышный радостный вопль. Охранник послушал,

кивнул и обернулся к Вайти. — Он примет вас через несколько минут, мистер Тамбурин. Сожалею о задержке, но...

— Не переживайте, — снисходительно улыбнулся Вайти. — Он ведь не знал, что я загляну к нему, но и я, если на то пошло, проездом. Старые друзья, сами понимаете.

— Очень хорошо понимаю, — кивнул охранник. Однако он, похоже, был поистине проВексиональным лжецом. — Не желаете ли проследовать в приемную, мистер Тамбурин?

Вайти ответил на это предложение изящным, царственным кивком и обернулся к «сопровождавшим его лицам».

— Пошли, детки.

С этими словами он развернулся и зашагал к высоким дверям.

Друзья поспешили за ним. Сэм не скрывала восторга и изумления.

Андроиды распахнули тяжелые створки дверей и отвесили входящему Вайти учтивые полупоклоны. Когда же мимо них проходил Дар, он не почувствовал такого же внимания к своей скромной персоне. Словом, его мнение о Вайти взлетело до таких заоблачных высот, что Дар простотаки обзавидовался.

Гости попали в мир роскоши истинного сибарита. Забранные панелями из ценных пород дерева стены были увешаны картинами, каждая из которых просто-таки кричала: «ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО!», расставленные повсюду стулья были готовы повторить форму любого тела, ковер был настолько пышен, что казалось, прислони к нему ухо — и услышишь сердцебиение живого существа. Вошедших встретила со вкусом полуодетая секретарша, склонилась перед ними и промурлыкала:

— Желаете выпить, граждане?

Месяц назад Дар без смятения заключил бы ее в жаркие объятия и разыграл бы с ней дичайшую сцену животной страсти. Но сейчас, когда рядом была Лона, секретарша произвела на Дара довольно индифферентное впечатление.

— Да, неплохо было бы немного освежиться. Только чего-нибудь такого... не слишком крепкого, пожалуйста.

Когда секретарша поднесла Дару напиток, он лишь едва пригубил его, и к его глазным яблокам мгновенно прихлынуло неописуемое ощущение — эйфория, экстаз, экзальтация, нирвана, и тут же растеклось ручейками блаженства по его сознанию. Мгновение Дар сидел не шевелясь, затем застенчиво кашлянул в кулак и поставил бокал на столик. Несколько раз на Вольмаре он пробовал трубочник — во время пожаров в степи — и действие наркотических веществ распознавать умел. Видимо, излагая секретарше свои пожелания, он невольно произнес некую кодовую фразу.

Но вот в приемную из кабинета шагнул человек среднего роста, но при этом истинный гигант по части личности.

— Тамбурин! Ах ты, чертов старый греховодник! С возвращением!

Вайти поднялся из кресла как раз вовремя для того, чтобы обуреваемый порывом дружеских чувств хозяин чуть не свалил его на ковер. Удержался же он исключительно благодаря крепости медвежьих объятий. У всех зазвенело в ушах — настолько оглушителен был радостный хохот Строганова.

Наконец Строганов отстранился и, улыбаясь от уха до уха, возгласил:

— Ну, дай же поглядеть на тебя, старина-потрошитель! Сколько воды утекло... Десять лет, ни днем меньше, а у него ни морщинки не прибавилось!

— Просто когда мы виделись в последний раз, я уже был слишком стар, — отшутился Вайти и хлопнул Строганова по плечу. — А ты все так же крепок, как я погляжу, а? Совсем неплохо выглядишь, Дэвид!

— И чувствую себя недурственно с тех пор, как мне пришили новый желудок. Но что это мы — все про меня да про меня... Приятно познакомиться, господа. Меня зовут Дэвид Строганов. Представь мне своих друзей, Вайти.

— О... Это — Фульва Вульпес, — указал Вайти на Лону, и ее взгляд выразил лишь едва заметное изумление. — Мой секретарь и редактор.

Строганов вздернул брови.

— Необычное сочетание! — Пожав руку Лоны, он добавил: — По всей вероятности, вы недурно владеете компьютером?

Тут уж Лона не смогла скрыть изумления. Она искоса глянула на деда. Строганов улыбнулся и поинтересовался:

— А это что за обольстительница?

Сэм ответила на этот комплимент таким гневным взором, что Строганов еще сильнее растрогался.

— Мой комплимент слишком жалок? Поверьте, я вложил в него массу чувства. Кто же это, Тод? Менеджер всего вашего коллектива?

— Бюрократические красные ленточки на презентациях я перерезать умею, — буркнула Сэм.

— Ну, значит, точно менеджер! А вы, граждане?

— Это Кобурн Хелит, глава научного и печатного отдела. Коб — тот самый человек, который подкинул мне идею изложить мои вирши в прозе, Дэйв.

— Ну да... Мы с Тодом обсуждаем этот проект, — подтвердил отец Марко и спокойно, глазом не моргнув, пожал руку Строганова. — Я мыслю слишком фундаментально, я бы даже сказал — эпохально, но вот с коммерческим мышлением у меня проблемы. Все время изобретаю какие-то мифические проекты.

— О, на сей счет не переживайте. Не вы первый, не вы последний, — сочувственно проговорил Строганов. — Не было еще в истории такого мифа, который бы в итоге не развенчали. — Он развернулся к Дару. — А этот молодой человек, Тод?

— Перри Тетик, для узкого круга — Па. Он как раз из тех, кто развенчивает мифы. — Вайти, похоже, вошел во вкус. — Наш коммерческий директор. Ему удается самые абстрактные идеи изложить настолько просто, что его поймет самый непробиваемый тупица.

— Вот как! — Строганов пожал руку Дара с осторожным интересом. — Надеюсь, у нас будет время потолковать по душам, Перри. Меня такие вещи очень интересуют.

— Так давайте специально выкроим время, — улыбнулся Дар. Он уже не сомневался, что выстоит в начавшейся

беседе. Всякий, кто прошел школу по программе Чолли, мог бы это сделать без особого труда. Вайти по крайней мере отвел Дару роль, которая ему была почти знакома. Если на то пошло, точно так же Вайти поступил и назначая на ответственные посты прочих членов компании.

— ...немного поотстали в плане слежения за развитием искусства, — расслышал Дар конец фразы, произнесенной Лоной. — Можно было бы взглянуть на вашу издательскую технику?

— Конечно, конечно! Я вам организую экскурсию, все покажу. Давайте начнем с десятой студии. Я сам только что оттуда, и мне нужно туда поскорее вернуться, дабы убедиться, что там все в порядке. Пойдемте, сюда!

Строганов размашисто зашагал, Вайти пристроился к нему, остальные поспешили следом. Оказавшись в широком коридоре за приемной, Строганов и Вайти удвоили скорость беседы.

— Так, значит, ты все-таки обзавелся собственной командой, Тод? Рад видеть, что ты прислушался к моим советам. Я ведь тебе сколько твердил, что броня должна быть крепка, помнишь? Но чтобы ты все-таки сподобился собрать народ — это ты меня удивил, братец! Молодчина!

— При единственном условии с моей стороны, — покачал головой Вайти. — Все крутится под моим личным контролем. Кстати, ты заметил, что у нас недостает продюсера?

— В общем, это от меня не укрылось, — согласился Строганов и одарил Вайти акульей ухмылкой. — Это предложение, Тод?

— А ты бы что предпочел — пыточные тиски?

— Ты, как всегда, изысканно дипломатичен. Знаешь, я просто не в силах устоять перед таким заманчивым предложением, да и поддержка тебе бы не помешала. Не думаю, чтобы ты настолько потерял голову, что взялся бы финансировать такой проект из собственного кармана.

— Ну... деньги на ветер швырять я всегда был мастак, — ухмыльнулся Вайти. — Но это и для меня было бы слишком легкомысленно.

— Ну, если вы деньги на ветер швыряете, то моя тетя — астероид, — хмыкнула Лона. — Да у него в терранском банке лежит сумма, которой хватит на покупку небольшой планеты, и притом, заметьте, — освоенной!

Дар решил воспользоваться шансом и подобрался ближе к Лоне.

— Они же друзья, — прошептал он. — Почему же Строганов зовет его Тодом?

— Потому, что прозвище «Вайти» ему неизвестно, — шепнула в ответ Лона. — О нем вообще никто не знает, кроме посетителей питейных заведений.

Так... Теперь стало ясно, что волноваться в вестибюле ОПИ не стоило. Дар-то решил, что, назвав свое настоящее имя, Вайти навлекает на их бедные головы настоящую катастрофу. Но ведь скажи кто-нибудь на Фальстафе Канису Дестинусу, что Дару Мандре помог бежать Вайти-«Вино», тот бы и не догадался, что этот человек — Тод Тамбурин. Вот и получалось, что сейчас настоящее имя Вайти послужило наилучшим прикрытием.

— Прошу, входите. — Строганов распахнул дверь, напоминавшую крышку огромного люка. — Десятая студия. — Когда мимо него проходила Сэм, он проговорил: — Боюсь, я не расслышал вашего имени, гражданка.

— Ее зовут Ори Снайп, — бросил через плечо Вайти. Сэм деланно улыбнулась, пожала руку Строганова и прошмыгнула мимо него.

А потом они попали в сущий бедлам. Первое впечатление у Дара было такое, будто не меньше тысячи человек лихорадочно снуют во все стороны, совершают какие-то бессмысленные действия и вопят друг на дружку на одном только им понятном жаргоне. Однако через несколько минут он начал улавливать в происходящем какой-то смысл. Народу в студии оказалось гораздо меньше тысячи — всего десятка три человек. Да и передвигались они не то чтобы так уж стремительно — просто они ходили туда-сюда, от этого и создавалось впечатление хаотичности. Дар задержал взгляд на одной из женщин. Она разъезжала по студии

на платформе, установленной на тонкой выдвижной колонне, которая, в свою очередь, покоилась на трехколесной тележке. Занималась женщина тем, что настраивала осветительные приборы, развешанные на большой высоте. Движения ее были методичными, монотонными, почти завораживающими, и в них точно не было никакой хаотичности. Дар опустил глаза, проследил за работой одного сотрудника, другого...

— Поначалу может показаться настоящим хаосом, — проговорил Строганов, оказавшийся рядом с ним, — но тут каждый знает свое дело и делает его.

Дар посмотрел на него и заметил, что тот нахмурился.

— Что-нибудь не так?

Строганов покачал головой:

— Нет, все идет как по маслу. На самом деле даже с некоторым опережением.

— Так в чем же дело?

— Да нет, ничего такого... — натянуто улыбнулся Строганов. — Просто порой меня выводит из себя вся эта показуха.

Дар сдвинул брови.

— Но ведь вы тут создаете истории. Они должны быть созданы, и к реальной жизни отношение по определению имеют весьма приблизительное.

— Могут иметь и более близкое отношение, еще как могут. — Строганов поджал губы. — В учебниках по истории превеликое множество поистине великих историй.

Утверждение это показалось Дару знакомым — он словно бы вернулся в кабачок Чолли. Горло его сжалось от волнения, и он прокашлялся.

— Послушать вас — так это просто-таки образовательный проект.

— Ш-ш-ш! — Строганов прижал палец к губам, опасливо оглянулся и испустил вздох облегчения. — Слава богу, никто вас не услышал!

— А что такого? — изумился Дар. — Что не так с образованием?

— Тише, прошу вас! — Строганов снова затравленно огляделся по сторонам. — Ни в коем случае не произносите здесь этого слова!

— Но почему? Что такого с обра... ну, вы меня понимаете?

— Да, с этим самым, что оно набирает крайне низкие рейтинги, — негромко отозвался Строганов. — Такие программы смотрят жалкие горстки зрителей.

— Да, но жалкие горстки в масштабах всей Терранской Сферы — это все же довольно много людей! Любая горстка — это триллиона полтора человек!

— То, что в данном случае «горстка» приблизительно равняется миллиарду человек, — это я понимаю, — кивнул Строганов. — Но зато это не желают понимать владельцы этой корпорации. Им нужно единственное: содрать как можно больше денег за самое популярное шоу.

— Вот как... — нахмурился Дар. — Стало быть, вы не осмеливаетесь снимать ничего обра... ничего по-настоящему глубокого. В противном случае зарубят на корню сценарий.

Строганов кивнул:

— В общих чертах все обстоит именно так.

— А вам это не по душе?

Строганов растерялся, но все же покачал головой.

— Значит, вы не любите свою работу?

— О, она мне очень нравится... — Строганов снова нервно оглянулся. — В ней по-прежнему остается привкус романтики, какие-то остатки былого величия, которое царило здесь, когда я еще был малышом. И потом... это действительно волнующе: создавать фильмы даже тогда, когда в их основе лежит какая-нибудь совершенно тривиальная чушь. Просто... скажем так: порой я устаю от этого, вот и все.

— Но почему?

— Потому что я мечтал об обучающих проектах, — ответил Строганов и взглянул на Дара с мягкой, печальной улыбкой. — Мне хотелось, чтобы меня слушали не несколько увлеченных студентов в классе, а огромная зрительская ауди-

тория — миллиарды людей, которым это совсем неинтересно, которые вовсе не желают знать никаких «отвлеченных фактов» насчет Сократа и Декарта, Симона де Монфора и Хартии Вольности.

— А я всегда полагал, что знать о Хартии Вольности просто необходимо всем гражданам демократического общества, — неловко пробормотал Дар. — По крайней мере на тот случай, если демократии суждено выжить.

— Вот именно — «если», — печально проговорил Строганов. — Вы посмотрите вокруг.

Дар сглотнул подступивший к горлу ком.

— Похоже, вы все правильно понимаете.

— Я знаю, — откликнулся Строганов и рассеянно уставился на цепочку софитов. — Знал я и то, что голографические шоу — прекрасное средство обучения населения. Можно было бы с его помощью фактически читать людям лекции, но подавать в настолько визуально интересной форме, что зрители просто не могли бы оторваться от экранов. Можно было бы не просто рассказывать им о Ватерлоо — можно было все это показать: то самое место, то, как оно выглядит сегодня и как выглядело когда-то. А потом показать сражение, воскресить его, продемонстрировать с высоты птичьего полета, чтобы люди увидели, как Веллингтон и Наполеон ведут в бой войска...

Он умолк, взгляд его стал мечтательно-задумчивым.

— Минуточку! — Дар пристально посмотрел на продюсера. — А ведь я видел это сражение! В одной старой голографической программе. Атака... Кони скачут галопом по размытой дороге... а потом — с высоты — к полю подтягивалось войско Наполеона, а пока оно подтягивалось, слышался голос Веллингтона, излагавшего свою стратегию...

— Вы уверены, что не прочитали об этом в какой-нибудь книге?

— Читал, конечно, но по-настоящему все прочувствовал только тогда, когда посмотрел эту программу... Как он назывался, этот фильм? Вспомнил, он назывался «Будуар Жозефины»!

— Точно, был такой фильм. — Строганов скривился так, словно проглотил какую-то гадость. — Даже удивительно: вы так молоды, а успели посмотреть его.

— Дело в том, что я некоторое время жил... на одной из планет фронтира. Помнится, фильм этот представлял собой весьма вольную интерпретацию личной жизни Наполеона, но битва при Ватерлоо там была представлена.

— Верно. Была. — Строганов мечтательно улыбнулся, глядя вдаль. — Не сказать, чтобы она несла в себе такой уж мощный образовательный момент, но что-то в этой сцене, безусловно, было. Хоть что-то, и за то спасибо.

— Но почему вы не занялись образовательными проектами? — негромко спросил Дар.

Строганов раздраженно пожал плечами.

— Занимался в юности, когда только-только окончил колледж. Но мои тогдашние боссы настаивали на том, чтобы в таких фильмах все непременно было скучно и сухо. Они твердили, что студенты не воспримут таких фильмов всерьез, если они будут слишком яркими. Причем эту свою точку зрения они подкрепляли результатами солидных исследований. Как ни странно это может показаться, но большинство людей не верят в ценность обучения, если только оно не подается в скучном, академическом виде, а ведь это значит, что в итоге обучение получает крайне ограниченное число людей.

— Причем большинство из них так или иначе занимается самообразованием, верно?

Строганов кивнул.

— То ограниченное меньшинство, которое еще уделяет внимание чтению. Все верно. Это поистине удивительные люди, но не они меня заботят. Не они — угроза демократии.

Дар понимающе кивнул.

— Вы хотите достучаться до тех, кто не желает учиться.

— Верно. — Строганов закрыл глаза и опустил голову. — Но из этого, безусловно, ровным счетом ничего не получится. О, может быть, если бы я взялся за дело сто лет назад...

— Не может быть, чтобы все было настолько безнадежно! — нахмурил брови Дар. — Я всегда был такого мнения, что для начала демократия должна пережить период упадка и только потом может погибнуть окончательно.

— И что же?

— Но этого пока не происходит! — Дар раскинул руки в стороны. — Где, скажите, оргии? Где зацикленность на сексе? Где аристократы-декаденты?

— В анклаве МФ, в Нью-Йорке, — устало улыбнулся Дару Строганов. — Вы с ними не знакомы? Это довольно-таки занятно...

— Ну, хорошо, пускай. Но оргии...

— Искали изо всех сил и не нашли, так? Ну, вы не переживайте чересчур сильно. Оргии — это не так уж обязательно. Как вы думаете, сколько оргий довелось за жизнь повидать среднему римскому лавочнику? Поищите признаки упадка в мелочах. Возьмите людей, которые отказываются голосовать на выборах, поскольку, на их взгляд, «все кандидаты — на одно лицо». Возьмите других, которые полагают, что правительство может быть каким угодно, лишь бы оно не мешало им иметь то, что они имеют, а особенно — излюбленные эйфорические средства. Третьих, которые считают разговоры о политике дурным тоном. Вот где тот упадок, что грозит демократии.

— И корни его следует искать в недостатке знаний, — негромко заключил Дар.

— Не только, — нахмурился Строганов, но согласно кивнул. — Но в очень значительной степени. Да. В очень значительной.

— Вы когда-нибудь слышали о Чарльзе Т. Бармане?

— О разбойнике от педагогики? — усмехнулся Строганов. — Да, я слышал о нем. Я даже читал его основной трактат. Да, я следил за его карьерой с неподдельным интересом. С огромным интересом. Да. — Он обернулся к Дару с сияющими глазами. — А знаете, ведь его так и не поймали.

— Это верно, — кивнул Дар. — Так и не поймали.

* * *

Дар отпил глоток и хмуро глянул на Лону поверх бокала.

— Чем он там занимается?

— Творит, — коротко ответила Лона.

— Так долго?

— Долго? — не слишком весело улыбнулась Лона. — Пока прошло всего шесть часов.

— Такая уйма времени уходит на то, чтобы слепить один из этих... как это у Строганова называется?

— Фильм в формате сериала, — напомнила Дару Сэм.

— Ну да, этот самый.

— С ним он покончил еще три часа назад, — сказала Лона и отпила глоток. — Но Строганову нужен еще сценарий первой программы.

— Но ведь он просто наговаривает текст на магнитофон! Как же часовой сценарий можно наговаривать дольше часа?

— Речь идет о времени раздумий, а не о времени записи. И не забывай: сценарий в стихах. Только в этом случае Строганов, быть может, сумеет убедить ОПИ в том, что это достойный и интересный проект. Задуман голографический сериал на основе поэзии Тода Тамбурина.

— А стихи требуют огромного труда, — негромко проговорил отец Марко. — На самом деле, я не понимаю, как он ухитрится выдать часовую программу в стихах к десяти утра завтрашнего дня.

— О, со стихами он справится, — сказала Лона и задержала взгляд на закрытой двери спальни Вайти. — Будь это высокая поэзия — это продолжалось бы бесконечно, но сейчас его заботит не качество стихов. Вирши он способен кропать целыми ярдами.

— А что, если на него снизойдет вдохновение? — опасливо поинтересовался отец Марко.

— Тогда, — мрачно отозвалась Лона, — мы застрянем здесь на неделю.

— Ну что ж... — раздумчиво произнес Дар, встал и направился к бару, дабы подлить себе виски. — По крайней мере мы томимся в очень комфортном зале ожидания. — Он обвел взглядом роскошную гостиную. — Если честно, то я даже не против того, чтобы на него снизошло вдохновение...

Дар смутно помнил о том, что отец Марко развел всех по спальням, бормоча что-то насчет того, что завтра рано вставать, но воспоминания были какими-то невнятными... Как только погас свет, у Дара возникло такое чувство, будто он вдыхает неприятный запах какой-то прокисшей терранской похлебки. Проснулся он с ощущением горечи во рту, в висках пульсировала боль, любые шорохи вызывали раздражение. Дар приподнялся и снова улегся на подушку, но сон упорно не желал возвращаться. В конце концов он попробовал заняться наполнением вымышленного кармана издержками грехов, но беда была в том, что этот самый карман имел крайне потрепанный вид и ничем не желал наполняться. Тогда Дар медленно, предельно осторожно спустил ноги с кровати, сжал руками голову, подождал, пока комната перестанет кружиться, и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить рвущийся наружу желудок. Затем он был вынужден прислониться к стене. Некоторое время Дар простоял, дыша подобно выброшенной на берег рыбе, но вот мир вокруг него вновь обрел равновесие. В конце концов, после долгой борьбы с самим собой, он ухитрился-таки добрести до гостиной.

На счастье, здесь царил полумрак — только с потолка лился приглушенный свет, но слышалась тихая речь. Странно, но от ее звучания голова у Дара не разболелась еще сильнее, а что еще более странно, в гостиной находился всего один человек.

Этим человеком был Вайти. Он развалился в кресле-качалке, глаза его возбужденно блестели. Заметив Дара, он наклонил голову в его сторону и протянул тому стакан, до краев наполненный какой-то густой коричневатой жидкостью. Дар потянулся за стаканом, схватил его и жадно вы-

пил залпом. Глаза у него выпучились, желудок скрутило жутким спазмом. Дар сглотнул подступивший к горлу ком и судорожно выдохнул.

— Господи боже! Что это я выпил?

— «Домашнее Средство от Похмелья Дядюшки Вайти», — дружелюбно отозвался Вайти. — Только не спрашивай, чего там в нем намешано.

— Не буду, — покачал головой Дар, добрел до кресла и практически повалился на него. — А как вы узнали, что мне необходимо это лекарство?

— Да поглядел на тебя среди ночи, — осклабился Вайти. — Ты был под газом.

— Под газом? — непонимающе свел брови Дар.

— Пьян в стельку, — пояснил Вайти.

Дар напряг память, и перед его мысленным взором, как в тумане, возникло лицо Вайти, склонившееся к нему.

— Ну да, вроде бы я что-то такое припоминаю... — Он нахмурился, натянуто усмехнулся. — Да, вы вроде бы... нет, это мне, наверное, приснилось.

— Ничего не приснилось. А почему ты думаешь, что это был сон?

— Потому что вы спросили... а я вам ответил... — Дар с трудом проглотил скопившуюся слюну. — Нет. Наверняка приснилось.

— Что я спросил? И что ты мне ответил?

— Ну... насчет моего задания. Насчет того, что я должен сделать на Терре.

— Не приснилось, — заверил Дара Вайти. — И вопрос этот я задал очень даже вовремя. In vino veritas.

— Истина в вине? — вяло уточнил Дар.

Вайти опустил веки.

— Ты таки кое-что соображаешь в латыни! А ведь это просто поразительно — в наше-то время! И кто же ухитрился вбить это тебе в голову?

— Мой прежний босс, бармен по прозвищу Чолли. Но...

— Гм-м-м... Интересный, должно быть, человек. — Глаза Вайти снова засверкали. — Хотелось бы с ним как-нибудь познакомиться.

— Познакомитесь, если мы и дальше будем двигаться с такой скоростью. И выбора другого не останется. — Дар снова сглотнул слюну. — Так что я вам наболтал?

— А сам что помнишь?

— Что я везу донесение от генерала Шаклара самому главному человеку в МФ... насчет плана перево...

Вайти кивнул:

— Совершенно верно.

Дар застонал, скорчился в кресле, закрыл ладонями глаза.

Вайти наклонился и дружески потрепал его по плечу:

— Ты не переживай так сильно, парень. Все мы поначалу совершаем ошибки. Утешь себя тем, что хоть ты и проболтался, но проболтался другу.

— Другу? — ошеломленно взглянул на старика Дар. — Как я теперь могу быть в этом уверен?

— Что значит — как? Ведь я угробил кучу денег и в некоторой степени рисковал — только для того, чтобы помочь тебе. И когда я услышал твой рассказ, я очень обрадовался и нисколечко не пожалел обо всем, что сделал для тебя. Но только не думай, будто я так уж верю в успех нашего предприятия — просто я не в силах смотреть на то, как демократия сдается без боя.

Почему-то Дар поверил Вайти. Продолжая сражаться с головной болью, он устремил на старика пристальный взгляд.

— Видимо, вы давно догадались, что мне поручено нечто такое, во что вы верите, если согласились подвергнуть себя и Лону такому риску.

— Попал в точку. — Вайти откинулся на спинку кресла и взял со столика стакан. — Было у меня такое подозрение, что эта игра стоит свеч. С Лоной — другое дело. Я ее ни к чему не принуждал. Она могла спокойно остаться в стороне с кучей денег. И она это отлично понимала.

Брови Дара сошлись на переносице.

— А она мне не показалась человеком, способным на самопожертвование...

— Нет, она и вправду не из таких. Все, что она болтает насчет своего желания купаться в роскоши, располагать уймой свободного времени, которое можно тратить на что угод-

но, — все это чистая правда. Но она понимает, что на свете существуют вещи и поважнее. Например, для нее важно, что рядом с ней — человек, который ее по-настоящему любит и заботится о ней, то есть я. Еще она ценит свободу, без которой ни о какой роскоши и мечтать нечего.

Дар обвел взглядом гостиную:

— А где она?

Вайти кивком указал на закрытую дверь:

— Просматривает сценарий.

— Он уже дописан? — ахнул Дар. — И как получилось?

Вайти обиженно пожал плечами.

— Какая разница? Главное, что основная мысль проведена.

Тут Дару показалось, что что-то не так. Он запрокинул голову, прислушался:

— Что такое? О... Голоса умолкли.

— Голоса? А, ты про передачу!

— Так вот кто разговаривал! — Дар обернулся к встроенному в стену трехмерному экрану и увидел слова «СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ», плывущие посреди синего океана.

Голос диктора произнес:

— Внимание, граждане. Мы вынуждены прервать трансляцию для того, чтобы сообщить вам информацию о заговоре, угрожающем всей Межзвездной Федерации. — На экране появились голова и плечи серьезного, довольно привлекательного пожилого мужчины. — В студии — Зен Лоффер, с новостями, переданными нам службой внутренних дел МФ. Нам грозит опасность, сограждане, мы столкнулись с внутренней угрозой, которая подбирается к нам со всех сторон, которая способна погубить демократию и выпить кровь свободы.

— Какая банальщина, — скривился Вайти.

Дар в ужасе таращился на старика.

— Да это же самый главный новостной диктор! Его слушают и смотрят по всей Солнечной системе... А сверхсветовые звездолеты доставят кубик с записью этой передачи во все колонии в течение месяца!

— Это точно. «Ничто не имеет такого успеха, как избыток информации».

— Злодеем может быть ваш сосед, ваш друг, ваш коллега по работе, — продолжал вещать Лоффер. — Никто не знает, где затаилось зло. Потому что, сограждане, это зло — телепаты!

Вайти выпучил глаза. Дар так закашлялся, что чуть не задохнулся.

— Коварные телепаты! Щупальца их мыслей крадутся к вашему разуму! Они раскинули свои сети по всей МФ. Откуда нам это известно? Дело в том, что месяц назад служба безопасности начала преследование одного известного телепата на всем его пути следования с окраинных планет до самой Луны! Вновь и вновь они настигали его, были готовы схватить с поличным, но в итоге он все время ускользал из их рук и обретал очередное убежище, в чем ему оказывали помощь местные жители!

«Местный житель» неразборчиво выругался.

— Но кто бы стал помогать этому телепату-преступнику? — гневно вопросил Лоффер. — Кто, кроме другого телепата? Где бы ни оказывалось это чудовище, он повсюду находит помощь, следовательно, телепаты просто-таки кишат по всей МФ. Они помогают своему приспешнику, они действуют тайно, дабы подорвать самые основы нашей свободы, дабы уничтожить наше правительство и захватить власть!

— А-а-а... что-то мне кажется, что у него с логикой не все в порядке... — запинаясь, проговорил Дар.

— С логикой? — фыркнул Вайти. — А при чем тут она? Главное, как это все звучит, верно? А раз звучит убедительно, значит — все правда, так ведь получается?

— Но не отчаивайтесь, сограждане! — с неожиданной уверенностью и спокойствием произнес Лоффер. — Наш храбрый патруль преследует это чудовище по пятам и не остановится до тех пор, покуда не уничтожит его!

— А вот мне интересно... — задумчиво протянул Вайти. — Как же быть с правом на справедливое расследование?

С сочувственной улыбкой Лоффер растворился в волнах синего океана, залившего экран. Другой голос произнес:

— А теперь мы продолжаем трансляцию фильма «Жена звездолетчика».

Вайти нажал на кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла, и на экране возник натюрморт — полная всевозможных фруктов корзина.

— А... я-то думал, что новости должны быть объективными, что репортажи — это изложение истинных фактов, ни у кого не вызывающих сомнений, — в тоске пробормотал Дар.

Вайти пытливо посмотрел на него.

— Ты ведь ни разу не бывал на Терре, верно?

— Не бывал... Ну и что?! — взорвался Дар. — Такие сообщения... Да они же способны только панику вызвать у зрителей! Зачем же нужно так всех будоражить?

— Есть у меня кое-какие догадки по этому поводу, — негромко пробормотал Вайти. — Но я очень надеюсь, что ошибаюсь.

— Наверняка все это делается ради того, чтобы никто не сомневался в том, что меня непременно изловят. Но почему?! Неужели я действительно представляю для них такую страшную угрозу? И с какой стати, спрашивается, меня записали в телепаты?

— Да может быть, они так и не думают. Просто «телепат» — это такое удобное расхожее словечко, им обозначают любого, кто сует нос в твои самые сокровенные делишки. Телепат — это некто такой, кто обладает огромными, необъятными преимуществами перед другими людьми, которые из-за этого начинают страдать страшным комплексом неполноценности и поэтому еще более страстно желают избавиться от этого комплекса и помочь властям изловить пресловутого телепата. Создание такого настроения у населения — вещь крайне полезная, если они вправду вознамерились изловить тебя. Что же до того, представляешь ты на самом деле собой угрозу или нет, что ж... ответ таков: ты и не обязан представлять какую-то угрозу. Заговорщики по-

просту предпочитают не рисковать, какой бы малой ни представлялась им опасность. Партия ЛОРДов в Ассамблее МФ хочет ограничить права человека, а эти типы никогда не были так сильны, как сейчас. Оппозиционеры разбиты на десятки мелких группировок. Если у оппозиции есть лидер, то этот лидер — Тэм Юркэвн, председатель КЗП — Коалиции по Защите Прав. По крайней мере он — официальный спикер оппозиции. Но его так называемая Коалиция крайне слаба: ее члены проводят время в спорах о политике вместо того, чтобы пытаться реально сделать хоть что-то.

— Но ведь ЛОРДы не думают свергнуть все правительство МФ?

Вайти пожал плечами.

— Если и думают, то не афишируют своих намерений, что вполне естественно. Это ведь государственная измена, мальчик мой. Нет, можешь даже не сомневаться: кто бы ни стоял за настоящим заговором, они держат рты на замке и, соответственно, предпочитают, чтобы и другие ртов не раскрывали.

Дверь из спальни распахнулась.

— Ну, все, хватит о политике. — Вайти запрокинул голову, оглянулся через плечо. — Привет, милая.

Лона грациозно шагнула в гостиную. Одного взгляда на нее Дару было достаточно для того, чтобы всей душой пожелать подольше пробыть в мире живых. Он решил, что средство от похмелья, которое в него влил Вайти, наконец сработало. А вот у Лоны взгляд был какой-то странный... глаза ее блуждали и лихорадочно сверкали. Уж не заболела ли она?

— Ведь говорил же я тебе: ложись, поспи, не жди, когда я закончу, — укоризненно проговорил Вайти. — Ляг сейчас, милая, до выхода у нас еще три часа.

— Да разве тут уснешь, когда все это вертится у меня в голове? — И Лона тряхнула кипой листков бумаги и швырнула их деду.

Вайти аккуратно сложил листки на коленях, улыбнулся внучке — чуть ли не смущенно.

— Ну что, тебе понравилось?

Лона кивнула, еле заметно улыбнулась. Вид у нее был такой, словно она вот-вот взорвется эмоциями.

Вайти усмехнулся и обернулся к Дару, сжимая исписанные листки.

— Итак, вот она — первая напечатанная копия. Посмотрим, что ты о ней скажешь.

Дар взял сценарий и начал читать. Он одолел первые три строчки, а дальше стал читать не отрываясь, запоем, и прочитанные слова звенели у него в ушах.

— Вайти, да это же...

— ...великолепно! — выдохнул отец Марко, перевернув последнюю страничку.

Сэм оторвала восторженный взгляд от своей копии сценария и только молча, восхищенно кивнула.

— Но это только черновик, — проворчал Вайти, зардевшись от удовольствия. — Нужно еще причесать все это. И еще как причесать.

— Это просто шедевр, — прошептала Сэм.

Вайти немного помолчал и решительно кивнул:

— В целом недурственно. Грубовато, но совсем недурственно. Всем спасибо.

Лона нежно опустила руку на его плечо.

— Уже девять тридцать, дедушка.

— Угу, — вздохнул Вайти и не без сожаления поднялся с кресла. — Пора на встречу со Строгановым, ребятки, — с Рыцарем Сверкающего Лазера, который сразится за нас с Драконом Коммерции. Готовы?

Дар нервно расхаживал по приемной, заложив руки за спину.

— Чем он там занимается? Читает весь сценарий от начала до конца?

— Успокойся, Да... ой, то есть Перри, — благодушно урезонил его Вайти. Он свернулся в кресле, словно кот у камина, а в руке держал высокий бокал. — Это значит, что все идет хорошо. Если бы высокому начальству не понравилась презентация, он бы вылетел оттуда уже полчаса назад.

Дверь открылась. Вышел Строганов, держа сценарий перед собой на вытянутых руках, словно поднос. Глаза его радостно сверкали.

Дар бросился к нему:

— Ну как? Что они сказали? Им понравилось? Они купят сценарий? Ну не томите же!

Строганов повернул к нему голову, но смотрел при этом как бы сквозь него. Отец Марко отвел Дара в сторонку, бормоча что-то успокаивающее. Вайти присоединился к нему:

— Уймись, Перри. Наверняка окончательное решение еще не принято... Ну, как все прошло, Дэвид?

Строганов обернулся к Вайти, но взгляд его оставался отрешенным.

— Тод... почему же ты не предупредил меня?

— Не предупредил? — настороженно сдвинул брови Вайти. — О чем?

— Об этом! — Строганов подобострастно поднял вверх сценарий. — Я сначала рассказал им о проекте вкратце, обрисовал потенциальную аудиторию, назвал минимальную стоимость, а они сидели такие скучные, ну, я и начал им читать... Прочел несколько первых строк — чтобы они в общих чертах уяснили, о чем, собственно, речь... и не смог остановиться! Читал и читал, всю вещь, от начала до конца, а они — вы представляете — меня не прервали! Ни слова не проронили! Просто... слушали!

Вайти ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла.

— Ну... Приятно, когда тебя ценят.

— Ценят?! Господи, Тод, да это же высший приз в кармане!

Дар испустил беззвучный вздох. Похоже, ему все-таки суждено было добраться до Терры.

По пути в гостиницу все весело смеялись и болтали, окрыленные чувством триумфа. Веселью пришел конец, когда к Вайти подошел угрюмый мажордом и нараспев проговорил:

— Мистер Тамбурин, сэр?

Смех умолк, словно его срезали бритвой. Вайти остановился перед ливрейным лакеем.

— Да?

— Вам звонили. Господин Горацио Бочелло, сэр. Он был крайне настойчив и требовал разговора с вами.

Лицо Вайти от улыбки покрылось сеточкой веселых морщинок.

— Старина Горацио!

Сэм стояла с широко открытыми глазами. Отец Марко часто моргал. Даже Лона не осталась равнодушной к этому известию. Дар огляделся по сторонам. А потом они все помчались вдогонку за Вайти.

Но их задержал мажордом:

— Простите, мистер Тамбурин...

Вайти обернулся:

— Что такое?

— Он был уж очень настойчив, сэр. Наши сотрудники будут вам крайне признательны, если вы ответите на вызов сразу же, как только войдете в свой номер.

— Хорошо. Я знаю, каков бывает Горацио, когда проявляет настойчивость, — отозвался Вайти со зловещей ухмылкой. — Не волнуйтесь, приятель. Как только поднимусь к себе, тут же свяжусь с ним. Можете передать на Терру, что я уже ответил.

С этими словами он провел рукой вдоль рукава ливреи мажордома. Тот взглянул на ладонь, и брови его взлетели вверх.

— Благодарю вас, сэр.

— Не за что. Вперед, мое войско!

Вайти поспешил к лифту.

«Войско» дружно тронулось следом за ним.

— А кто такой этот Горацио Бочелло? — поинтересовался Дар.

— Всего-навсего самый богатый человек на Терре, невежда!

— А еще точнее — во всей Солнечной системе. Истовый католик к тому же... — задумчиво проговорил отец Марко.

— Меценат и особый поклонник дедушки.

Дар сглотнул подступивший к горлу ком и прибавил шагу.

Когда Вайти распахнул дверь, экран интеркома уже светился, а сигнал вызова заливался вовсю. Вайти нажал кнопку «ответ» и снял чехол с камеры-приемника. Экран очистился от «белого шума», и на нем появилось худое, удлиненное, скуластое лицо. Седой венчик редеющих волос, острый нос, горящие глаза. Их взгляд сосредоточился на Вайти. Старик улыбнулся.

— Тамбурин, старый разбойник! Где тебя носило?

— По сотням баров на пятнадцати планетах, Челло, — усмехнулся в ответ Вайти. — Если ты жаждешь более точного ответа, ты мне должен назвать точку отсчета.

— По-моему, на этот раз ты ухитрился пропасть на пять лет. Почему ты мне не писал, негодяй?

— А ты приобрети мою писанину по своему книжному каналу, дружище. Ну, как там твоя империя?

Бочелло равнодушно-раздраженно пожал плечами.

— Что-то в плюс, что-то в минус. Дело произрастает само по себе.

Вайти кивнул.

— Без перемен.

— В Северо-Восточном Королевстве было повеселее.

— Понимаю. — Вайти радостно улыбнулся, глядя как бы вдаль сквозь прошедшие годы. — Там мы наряжались в самодельные доспехи и размахивали здоровенными мечами.

— А на вечеринки рядились, словно средневековые герцоги. Все, кроме тебя, конечно. Ты никак не мог решить, кем тебе больше по душе быть — рыцарем или трубадуром.

Дар приблизился к Лоне, имея для этого вполне обоснованную причину, и прошептал:

— О чем это они говорят?

— Обо всякой чепухе, — прошептала в ответ Лона. — О какой-то компании, в которую они оба входили в молодости. Резвились в парке по выходным и притворялись, будто живут в Средних веках.

— Я в конце концов сделал выбор, — более мягко улыбнулся Вайти. — Я стал-таки трубадуром, а ты наконец смирился с обязательствами, данными тебе от рождения, и превратился в барона.

— Да, только без титула, — кивнул Бочелло. И его взгляд затуманился. — Но это совсем не весело, Тод.

— Рано или поздно приходится столкнуться с реальностью, Челло. А ты хранишь летописи Старого Королевства?

Бочелло кивнул:

— Храню. Я по-прежнему его подданный. Время от времени заглядываю на ежегодные фестивали. И тебе недурно было бы как-нибудь заглянуть.

— Я и заглядываю, когда попадаю в Королевства. Но на колонизированных планетах их осталось не так много, Челло. Но ты крепче сжимай свой меч — он может тебе пригодиться.

Бочелло мгновенно изменился в лице.

— Так ты тоже замечаешь кое-какие знаки, да? Но я не думаю, что наступит хаос, Тод.

— Нет, — согласился Вайти. — Совсем наоборот. К власти придет не полководец, но диктатор. А ты ничего не мог бы с этим поделать, Челло? Ты, со своими деньгами?

Бочелло печально покачал головой.

— Я всегда смотрел на политику свысока, Тод... А теперь уже слишком поздно. — Он нахмурился, и взгляд его стал напряженно-пытливым. — Надеюсь, ты не собираешься вмешиваться? Не задумал встать на пути у беглого заговорщика?

— Романтика — это для молодых, Челло, — негромко отозвался Вайти. — Нет, просто у меня есть одна современная идея, вот и все.

— Да, я наслышан, — хитро усмехнулся Бочелло. — И мне эта идея нравится! Чертовски славная поэма, Тод! Чертовски славная!

Вайти проворчал:

— У тебя повсюду глаза и уши, да?

— Тод! — обиженно воскликнул Бочелло. — Я же владелец ОПИ. Если точнее, я владею пятьюдесятью одним про-

центом акций этой корпорации. Они там решили, что дельце слишком горячее, так что первым делом обо всем известили меня.

— Так это ты будешь решать, будет экранизирован мой эпохальный труд или нет?

Дар затаил дыхание.

Бочелло нетерпеливо пожал плечами.

— Да что тут решать? Если судить по тому, как распродавалась твоя последняя книга, мы никак не сумеем понести убытки при запуске в производство первого киносценария, написанного Тодом Тамбурином. Мне нужно знать единственное: как скоро ты управишься?

Вайти усмехнулся:

— Моя команда готова выступить в путь завтра.

— Превосходно. Но все-таки тебе понадобится некоторое время на кастинг актеров, разработку и монтаж декораций.

— Верно, но пока можно запустить документальный сериал. И вот еще что, Челло. — Вайти понизил голос. — Если мы решим показать в одной из первых серий Ассамблею МФ и Генерального Секретаря, лучше приступить к съемкам как можно скорее.

— Это я понимаю, — серьезно ответил Бочелло. — Весь твой сценарный план закручен вокруг истории МФ. — Он наклонился вперед и устремил на старого друга пристальный, горящий взгляд. — Надо торопиться, Тод, пока весь наш проект не превратился в исторический документ!

Дар пристегнул защитные ремни и оглядел роскошный пассажирский салон шаттла.

— Это вам не буровой катер. А?

— Сюда таких бы два уместилось, — согласилась Сэм. — А может, и три.

Дар оглянулся на нее и с интересом спросил:

— Что-то ты какая-то задумчивая последние пару часов? В чем дело?

— Ни в чем, — решительно покачала головой Сэм. — Все в полном порядке.

Между тем взгляд у нее был отрешенный.

— Это все из-за звонка Горацио Бочелло, да? Но что в его разговоре с Вайти было такого ужасного? Ты не догадывалась о том, что в МФ дела настолько плохи?

— Да, это удручает, — согласилась Сэм. — Но я не удручена.

— Тогда что с тобой?

— Я ошеломлена, — призналась Сэм.

Дар задержал на девушке взгляд и улыбнулся.

— Ясно. Ты никогда не слышала, чтобы такой богач разговаривал, как обычный человек, да? Знаешь, меня это тоже удивило.

— Не в этом дело, — возразила Сэм. — Ну, может быть, и в этом — немного. Поразило меня его лицо!

— Лицо? — непонимающе переспросил Дар.

Сэм кивнула.

— Какой у него лоб! Какой формы нос! А скулы! И... глаза!

Дар чуть склонил голову набок, не спуская глаз с Сэм.

— Не хочешь ли ты сказать, что нашла его красивым?

— Красивым? Пожалуй. Только больше бы подошло слово «привлекательный». Нет, скорее даже... неотразимый!

Дара охватили серьезные сомнения.

— А я думал, ты аскетична... ну, что ты антиматериалистка.

Сэм посмотрела на него с невыразимым укором.

— Мимо подлинной красоты пройти невозможно, невежда, и память о ней навсегда остается в сердце. Наверное, мне никогда не удастся поговорить с этим человеком, и скорее всего как только кончится эта наша эскапада, я его никогда больше не увижу. Но я никогда не забуду о нем, и воспоминания о знакомстве с ним навсегда обогатят для меня остаток жизни.

Когда компания покидала борт шаттла в межпланетном космопорте Ньярка, Дар невольно подслушал разговор Лоны и Сэм.

— Женат? Никогда он не был женат, — решительно заявила Лона. — Его даже в компании с «подружками» не так уж часто видели. Ну и, естественно, это породило массу слухов.

— Насчет его ориентации?

— Ага, и насчет сексуальности тоже! Причем эти слухи он сам поддерживает — заявляет, будто секс его совершенно не интересует. Говорит, что секс хорош только тогда, когда ты влюблен.

— Ну просто средневековый романтик... — мечтательно проворковала Сэм.

Дару почему-то показалось, что девушки говорят не о Вайти.

Они шли по переходу к главному терминалу, смеясь и оживленно переговариваясь. Дар был взволнован. Почти опьянен. Ведь он попал на Терру! На Терру, о которой читал в книгах по истории, — на планету Цицерона и Цезаря, Плантагенетов и Линкольна! На планету сказок и чудес! Дар шагал по толстому красному ковру, мимо настенных экранов, где сообщения о взлете и посадке звездолетов чередовались с рекламой. Все было в точности так, как он представлял себе по книгам!

Но вдруг все экраны разом опустели. Прозвенел оглушительно громкий гонг, его звук сотряс все здание до основания. Повсюду стихли разговоры, все взоры обратились к экранам.

— Сограждане, — произнес гулкий голос. — Уважаемый Кази Похьола, председатель партии ЛОРДов и лидер парламентского большинства в Ассамблее Межзвездной Федерации.

На экранах возникло строгое, но доброе лицо в обрамлении волнистых, белых как снег волос. Взгляд человека был, казалось, устремлен прямо на Дара.

— Сограждане, — низким, гортанным голосом проговорил Похьола. — Нас постигла величайшая катастрофа. Коварная опасность грозит нам со стороны далеких звезд — нет, она уже настигла нас, она уже здесь, среди нас! Это

может быть человек, находящийся рядом с вами, у вас за спиной... и даже внутри вас, в вашем разуме! Знайте же, сограждане, что не существует реальной защиты от этого злобного чудовища, нет такой преграды, что остановит его, нет такой брони, что способна устоять против него! Ибо он — телепат! Быть может, в это самое мгновение он проник в ваш мозг, опутывает своими мыслями ваше сердце, выведывает ваши самые сокровенные тайны!

Но все гораздо страшнее, сограждане! Он не один! Наши агенты следили за ним начиная с самых дальних колоний до Терры, они шли за ним по пятам, но им так и не удалось схватить эту тварь, ибо всегда, когда они были готовы набросить на него сети, он ускользал с помощью своих дружков и доброхотов на тысяче планет!

— Всего-то на девяноста девяти, — пробормотал Вайти, — судя по данным за последний год.

— Но кто мог оказывать ему помощь? — бушевал Похьола. — Кто бы стал предоставлять поддержку и кров существу, которое способно прочитать самые личные, самые потаенные мысли? Кто, кроме другого телепата? Вот почему, сограждане, мы уверены в том, что существует множество телепатов, они рассеяны по всей Терранской Сфере, они есть на каждой из планет, входящих в ее состав, включая и саму Терру!

По всему переходу люди загомонили, начали затравленно перешептываться. Дару показалось, что у него волосы встали дыбом. Он окинул взглядом своих спутников: все они не отрывали взглядов от экрана, стояли бледные, с плотно сжатыми губами.

Все, кроме Вайти. Этот был просто грустен.

Похьола смотрел с экрана молча, он смотрел только на тех, кто смотрел на него, — вероятно, ждал реакции. Как только все немного успокоились, он вновь принялся разглагольствовать:

— Наши прославленные агенты не смогли остановить их, эти миллионы опытных, прошедших специальную подготовку воинов, которым мы платим триллионы термов каждый год! Что же, они не способны действовать? Нет! Быть

может, они ленивы или трусливы? Нет! Они храбры, они подлинные герои, все и каждый из них! Но тогда почему же им не удалось схватить этот ходячий кошмар? А потому, что покуда это чудовище подыскивало себе очередное убежище, наши доблестные воины были вынуждены искать магистрата и убеждать его в необходимости выдачи санкций на арест этого подонка! Потому, что они были вынуждены тратить драгоценное время на поиски доказательств его вины, чтобы получить таковой ордер, хотя всем было ясно, что собой представляет этот монстр! Потому, что судьи не позволяли этим доблестным офицерам вмешиваться в переговоры этого страшного человека с его приспешниками!

Взгляд Похьолы был полон праведного гнева.

— Наши воины притаились за каждым углом, они подстерегают злодея на каждом шагу! Но покуда представители юриспруденции то и дело вставляют им палки в колеса, злобный телепат беспрепятственно проникает на нашу прекрасную планету-мать! — Похьола медленно покачал головой. — Сограждане, все зашло слишком далеко! Эта порочная приверженность к тому, чтобы соблюдались все нормы права, сегодня грозит вашей жизни и моей — нет, она грозит самому существованию всего нашего общества! Кто из нас теперь волен хранить тайные надежды и стремления, кто может мечтать о своей возлюбленной, размышлять о собственных грехах, зная, что в любой миг в его сознание способен проникнуть чужой разум, что он подбирается к его самым драгоценным, самым взлелеянным тайнам!

Нет, сограждане мои! Пришла пора положить конец этому безобразию! Настало время отбросить всевозможные экивоки и буквы закона, которые позволяют преступнику уйти от ответственности, покуда законопослушные граждане томятся в оковах! Пора изгнать бесов законности! Не совершите ошибки, граждане: крупномасштабный заговор телепатов обвил нас своими щупальцами и уже сейчас высасывает кровь из нашей демократии!

Но удастся ли этим злобным тварям одержать победу над нами? О нет! — прогремел голос Похьолы. — Мы ра-

зорвем их щупальца, мы сокрушим их до основания! Закон не станет на пути у тех, кто жаждет справедливости!

Дару снова показалось, что взгляд Похьолы устремился к нему.

— Но нам ни за что не преуспеть в наших благих порывах, покуда Генеральный Секретарь Лоухи Кулерво почивает на лаврах и бездействует! Общество должен возглавить человек, привыкший действовать, человек, обладающий подлинной силой, который не станет тратить драгоценное время на болтовню насчет «священных прав» и «конституционности»!

Похьола глубоко вдохнул — по всей видимости, праведная ярость просто-таки переполняла его — и проговорил более сдержанно:

— На основании всего вышеизложенного, сограждане, сегодня же я потребую голосования по вотуму доверия в Ассамблее и проведения всеобщих выборов. Мы обязаны преуспеть в проведении этого всенародного референдума, сограждане мои, в противном случае однажды утром мы проснемся опутанные оковами чужих мыслей! Сейчас же, сию же минуту обратитесь к вашему выборщику и скажите ему, что вы требуете проведения досрочных выборов! Мы обязаны провести их. Сограждане! Мы обязаны добиться того, чтобы наше общество возглавил человек решительный и деятельный, — иначе свет демократии для нас навсегда угаснет!

Изображение на экране померкло и угасло.

Люди, заполнившие переход, громко загомонили.

Вайти оглянулся на свою бешено выделяющую адреналин команду. Он и сам немного разнервничался.

— А-а-а... Пожалуй, нам стоит продолжить путь к главному терминалу... и попытаться выглядеть изумленными, ребята.

Это было совсем не трудно. У Дара ощущение было такое, словно по нему хорошенько стукнула и завертела в вихре ударная волна. Изумляло его не то, что бегство на маленьком кораблике было описано как крупномасштабный заго-

вор, и даже не то, что переворот происходил настолько откровенно. Пугала Дара мысль о том, что заговорщики собирались и могли осуществить свои замыслы совершенно легально!

И их шансы были очень высоки, судя по тем разговорам, что невольно слушал Дар, покуда их компания продвигалась к терминалу.

— Я-то думал, что на всю Сферу — всего пара-тройка телепатов! — возмущался тучный мужчина с внешностью коммерсанта.

— И я так думал, — подтвердил его спутник, более худощавого телосложения. — Но видимо, это были те, о которых было достоверно известно — ну, то есть они были легально зарегистрированы.

— Неужели они на самом деле способны читать наши самые тайные воспоминания? — сокрушался какой-то старикан. Наверняка в прошлом его было немало грехов, и ему вовсе не хотелось, чтобы кто-то о них проведал.

— Но ведь... они могут просмотреть все мои счета, вызнать всю информацию, добытую мной с таким трудом! Все пронюхают, про все акции, цена которых может подскочить! — пылал гневом грузный краснолицый мужчина в дорогом, консервативного покроя костюме. — Это абсолютно аморальное преимущество в конкуренции!

— Этому следует положить конец, — согласился его спутник. — Непременно следует.

— Они могут захватить власть! — визгливо воскликнула миловидная девица. — И тогда введут какие-нибудь новые законы о нравственности!

— Телепаты уж точно не пожелают, чтобы люди разгуливали с головами полными новостей, — сокрушался ее спутник, скорее всего издатель желтой прессы. — Что же будет с гражданскими правами?

— А что такое будет с гражданскими правами? — вопросил седой как лунь старик с властным и самоуверенным лицом — может быть, судья.

— Они просто перестанут существовать, — объяснил ему его спутник, который был помоложе, но скроен был на тот

же манер. — Выберем Похьолу Генеральным Секретарем, наделим его полным пакетом чрезвычайных полномочий — и первым, что он сделает, станет отмена конституции. За год мы получим диктатуру во всей красе.

— И вы еще способны рассуждать о процедурах в такое время? — обрушился на них стройный, напористый молодой человек. — Да вы хоть понимаете, каковы станут наши шансы на одобрение ценовых законопроектов, если телепаты захватят посты в департаменте экономики?

Наконец друзьям удалось выбраться из толпы, запрудившей переход. Вайти нажал кнопку. Потянулось время мучительного ожидания. Наконец двери лифта открылись, оттуда вышли переговаривавшиеся люди.

— ...грозит всему. Во что мы верим...

— ...наверное, приносят в жертву младенцев на тех тайных собраниях, про которые...

— ...надо проголосовать за Похьолу!

— Входите, ребята, — проворчал Вайти, и все поспешно заполнили кабину. Двери бесшумно закрылись, и Вайти нажал кнопку нижнего уровня.

— Мне страшно, дедушка, — тихо-тихо проговорила Лона.

— Это оттого, что ты не безмозглая, — буркнул Вайти. — Что до меня, то я просто в ужасе.

Сэм побледнела, глаза ее были широко открыты от ужаса.

Дар еле слышно вымолвил:

— Эти люди настолько напуганы, что и вправду готовы добровольно расстаться со своими правами!

— Готовы? — фыркнул Вайти. — Да они просто стремглав помчатся к избирательным урнам!

— Вайти... но мое задание...

— По-прежнему важно, — бросил Вайти. — Если они проиграют выборы, они все равно попытаются осуществить переворот. А может быть, даже и результатов выборов дожидаться не станут.

Двери кабины открылись.

— Говорите потише, — предупредил Вайти. — И ведите себя так, чтобы не вызывать подозрений. Просто идите следом за папочкой.

В здании терминала народу было поменьше. Одни входили, другие выходили, и все же напуганных граждан хватало. Вайти провел свой отряд к месту выдачи багажа. Получив багаж, все они вышли к стоянке наземного транспорта.

К ним шагнула форма, в которую был облачен некий субъект.

— Мистер Тамбурин?

У Дара сердце ушло в пятки, но через пару мгновений он уяснил, что на форме у этого типа нет никаких нашивок и знаков отличия. Значит, он был не из службы безопасности.

Вайти медленно повернул голову, устремил на остановившего его человека гневный взор.

— Да?

— Вам привет от мистера Бочелло, сэр. Не откажетесь ли воспользоваться его гостеприимством на ближайшие несколько дней?

— Горацио был всегда потрясающе пунктуален, — вздохнул Вайти, опускаясь на мягкое сиденье лимузина. Сиденье мгновенно повторило контуры его фигуры.

— А что тут в баре? — поинтересовался Дар и кивком указал на скользящую панель, встроенную в перегородку.

— А почему не спросить об этом водителя? — Вайти показал Дару сеточку переговорного устройства. — Он совсем рядом, по ту сторону перегородки.

— И правда, за спрос денег не берут, — согласился Дар и нажал на кнопку с подсветкой ниже сеточки. — Простите... не подскажете ли, что у вас в этом маленьком баре?

— Полный ассортимент, сэр, — отозвался водитель. — Опустошайте на здоровье. Надеюсь, вы найдете там свои любимые напитки.

— Спасибо, мы не так уж разборчивы, — поблагодарил его Дар, открыл дверцу, усмехнулся, увидев загоревшееся табло, сверился с кодами, указанными сверху, и нажал кноп-

ку напротив напитка под названием «Затмение Денеба». — Ваши заказы, братцы?

— Сирианский скрэмблер, — сказала Лона.

— Канопус Концентрат, — сказала Сэм.

— Шато ля Морг 46, — сказал Вайти.

Дар пробежался глазами по перечню.

— Простите, Вайти, но у них тут только 48 есть.

— Что ж, это тоже был неплохой год, — вздохнул Вайти. — Подойдет.

Дар набрал код и посмотрел на отца Марко.

— Я ничего не буду, спасибо, — поднял руку и помахал ею священник. — Я выпиваю только рано по утрам.

Дар пожал плечами, взял из ячейки свой стакан и с довольным вздохом откинулся на спинку сиденья.

— Похоже, я начинаю чувствовать преимущества декаданса, — отметил он, глядя в окно на проплывавший внизу город. Но вот он нахмурился. — Это еще что такое?

Несколько улиц заполнили толпы народа. Люди размахивали транспарантами и швыряли камни.

— Ну-ка, ну-ка... — Вайти склонился к окну и посмотрел вниз. — Эгей, да это совсем неплохо! Может быть, нам удастся услышать, что они там кричат. — Он повернул рычажок и нажал на кнопку ниже динамика. Донеслись приглушенные выкрики:

— Эсперы Этичны!

— Не Сдавать Экстрасенсов!

— Терра для Телепатов!

Вайти удовлетворенно кивнул:

— Политическая демонстрация. Приятно послушать голоса инакомыслящих.

— А камни и в их сторону летят, — заметил Дар. — Они как бы отскакивают от воздуха. Что это там — силовое поле?

— Попал в точку! — воскликнула Лона. — Верно угадал, умник, — это силовое поле. Чтобы демонстранты никого не угробили.

— Но перед линией силового поля — несколько представителей службы безопасности!

— Ну а где же им еще быть — за линией, что ли?

— Но зачем они вообще нужны, когда есть такая мощная защита?

— А как ты думаешь, кто ее установил, защиту эту?

— И потом... их присутствие — это некий официальный знак того, что правительство в курсе возражений, выражаемых гражданами, — с нескрываемым сарказмом проговорила Сэм.

— То есть... правительство одобряет эту демонстрацию протеста?

— Правительство ее приветствует, оно просто в восторге от нее! Это даже в законе прописано: на каждые сто тысяч демонстрантов, выражающих протест в течение восьми часов, приходится один голос при голосовании в Ассамблее.

Дар, сдвинув брови, обернулся к Сэм.

— Но ведь это... опасно. Так ведь можно проголосовать за что угодно.

— Да нет, если вспомнить о том, что в Ассамблее заседают представители девяноста трех планет, населенных людьми и общее население которых составляет восемьдесят миллиардов человек. Нужно набрать сорок восемь голосов только для того, чтобы поставить вопрос на голосование! Нельзя сказать, чтобы такого никогда не происходило, но бывало крайне редко.

— Дважды вопросы, спровоцированные демонстрациями протеста, были оформлены законами, — напомнил девушке отец Марко.

— Два закона за пять веков? Не сказала бы, что это такая уж радостная статистика, святой отец!

— Согласен. Для одобрения законопроекта требуется, чтобы за него проголосовало парламентское большинство.

— Вот-вот. — Сэм подвинулась к Дару и хмуро посмотрела из окна. — Но лучше уж хоть какой-то шанс, чем совсем никакого. По крайней мере у оппозиции возникает иллюзия, будто они и вправду способны чего-то добиться.

На пути к Бочелло друзья наблюдали еще три демонстрации. Все они были многолюдными, и по сравнению с ними протелепатская манифестация выглядела жалкой гор-

сткой. Эти демонстранты вопили и требовали крови телепатов.

— И все-таки нам-то о чем беспокоиться? — непонимающе проговорил Дар. — Мы-то не телепаты!

— А ты попробуй докажи это Похьоле, — проворчала Сэм.

В общем, когда аэролимузин приземлился, компанией владели самые разнообразные чувства.

А когда они вышли из машины, то угодили на турнир, который был в самом разгаре.

Видимо, рыцари только что сбросили друг друга с коней. Оба коня стояли поодаль, ревниво глядя на своих всадников. Рыцари размахивали широченными мечами, при столкновении издававшими громкое лязганье. Зеленый Рыцарь был с головы до ног обряжен в латы, его соперник выступал в кольчуге. Дрались они на фоне табло, на котором были очерчены два человеческих силуэта. Как только одному из рыцарей удавалось «ранить» противника, «ранение» высвечивалось красным светом на табло, и число ударов гонга возвещало о заработанном очке.

Вокруг турнирного поля стояли и сидели около ста зрителей, одетых по последней моде четырнадцатого века. Или двенадцатого. Или десятого. А может, и девятого. Зрители покусывали печенье и прихлебывали эль, смеялись и весело переговаривались. Между ними сновали разносчики с едой и выпивкой, расхаживали с песнями и шутками трубадуры и шуты. Кое-где можно было заметить монахов, которые сурово обличали порочность турниров и призывали правоверных отвратить свои взоры от этого богопротивного зрелища.

Лона обернулась к водителю.

— А вы нас по верному адресу доставили? То есть... это не психиатрическая больница?

— Вовсе нет, — заверил ее водитель. — Это дом мистера Бочелло.

Дом вздымался позади толпы, окружившей турнирное поле, во всем великолепии готики и напоминал скорее памятник архитектуры, нежели жилище.

— Мой дом — моя крепость, — пробормотал Дар.

— Мистер Бочелло развлекается, — пояснил водитель. — Тут несколько друзей из его клуба.

Дар обвел взглядом толпу.

— Я не совсем так представлял себе оргии плутократов.

— Очень немногие из здесь присутствующих так уж богаты, сэр. Но все обожают Средневековье, так же как мистер Бочелло. Он собрал их сегодня для того, чтобы отпраздновать возвращение на Терру, как он сказал, «самого великого менестреля нашего века».

Лицо Вайти озарилось улыбкой.

— Вот это я понимаю! Вот это в моем вкусе и в моем стиле! Да, я больше менестрель, нежели поэт! Пошли, ребята! Если мне оказана такая честь, давайте же почтим того, кто мне ее оказывает!

Из толпы, проталкиваясь, выбрался худощавый долговязый мужчина в герцогских одеждах под руку с девицей, наряженной в крестьянское платье.

— Тамбурин!

— Челло, старый бродяга! — Вайти встал на цыпочки и ударил «герцога» по плечу. — И как только ты ухитрился за день собрать такую толпу?

— Да перебросился парой слов с их работодателями, а те с радостью откликнулись на мою просьбу. Не думал же ты, что, ступив на старушку Терру, обойдешься без фестиваля?

— Честно говоря, я тешил себя наивной надеждой на то, что мне удастся проскользнуть неузнанным, — признался Вайти.

Бочелло вздернул брови.

— Так... что у тебя на этот раз? Разгневанный супруг или придирчивый шериф?

— Да много всякого накопилось...

— Вот оно что! — Горацио обнял «крестьянку» за плечи, развернул и отослал прочь, похлопав на прощанье по спине.

— Ступай, дитя. Чует мое сердце, сейчас мы заговорим о таких вещах, что потом ты не сумеешь сказать, будто ни-

чего не слышала. Ну ступай, не медли. Я видел, как ты строила глазки акробату, и не вздумай возражать... — Бочелло обернулся к Вайти. Девушка поспешила прочь, зардевшись и хихикая. — Что ж! Мы давненько не виделись. Быть может, ты со своей свитой не откажешься быстренько прогуляться по моим садам?

— С превеликим удовольствием! Предпочтительно оказаться где-нибудь посреди широкой лужайки, подальше от пытливых механических глаз и ушей...

— Ох, теперь нигде и никогда нельзя ни в чем быть уверенным... — Горацио взял Вайти под руку. — Теперь, знаешь ли, существуют такие миниатюрные чудеса техники... Однако мои садовники... скажем так, «подметают» лужайки каждое утро, и потому у нас есть неплохие гарантии... Кстати, что скажешь о последнем эпосе Греваля?

И старые приятели ушли вперед, пробиваясь сквозь толпу и оживленно беседуя о произведениях разных авторов в духе почтенной традиции любительской критики. Остальным пришлось изрядно поработать локтями, чтобы не отстать от них, и к тому времени, когда они наконец ступили на зеленую траву лужайки, Дар просто-таки взмок.

А Сэм сияла.

Дар посмотрел на нее, отвел глаза, снова посмотрел и мысленно выругался. Чему она так радуется? Он быстро обвел взглядом ближайшие окрестности, но не заметил поблизости никаких выдающихся представителей мужской половины человечества. Наконец он снова взглянул на Сэм и проследил за тем, куда направлен ее взгляд. А направлен он был исключительно на Горацио. Дар вдруг ощутил острую, болезненную ревность, и это чувство его весьма смутило.

— Ну вот! — Горацио остановился на широком лугу, середина которого была не на шутку истоптана — там чернела грязь. — Пожалуй, тут будет самое удобное место для разговора, по крайней мере до следующего сражения. Давай, Тод, приступай к перечню своих прегрешений. Кто преследует тебя в первую очередь?

— В данный момент — патруль Солнечной системы, — с усмешкой ответил Вайти. — А натравил его на нас один хорек по имени Канис Дестинус.

— Канис... как ты сказал? — нахмурился Горацио. — Он-то почему у тебя на хвосте?

— Потому что я помогаю другу. — Вайти кивком указал на Дара. — А этот тип Канис гонится за ним, потому что ему поручено некое секретное задание. Оно заключается в том, чтобы пару-тройку минут переговорить с Генеральным Секретарем.

— Думаю, у него найдется такая возможность... в следующий четверг... — Горацио поджал губы. — Но все равно такую встречу устроить непросто.

— Особенно при том, что Канис пытается помешать ей, — согласился Вайти. — Мы не можем судить об этом с полной уверенностью, понимаешь... но все-таки мы думаем, что именно он натравливал на нас местную полицию на каждой из планет, где мы побывали. Меня могли арестовать, как минимум, трижды.

— Ну, этим ты меня, положим, не удивил, — ухмыльнулся Горацио. — Но догадываюсь, что на сей раз ордеры на твой арест выписывались по ошибке. И какие этот поганец выдвигает обвинения?

— Еще раз напоминаю тебе: мы ни в чем не уверены, — сдвинул брови Вайти. — Но впечатление у нас такое, будто он ухитрился внушить ЛОРДам, что мы — шайка телепатов и что нам оказывают всемерную помощь и поддержку другие телепаты на всем пути от дальних колоний до Терры.

Горацио вытаращил глаза.

— Так... значит, вы и есть участники межзвездного заговора телепатов?

— Да, похоже, нас именно таковыми и считают, — пробормотал Вайти.

Горацио смотрел на него в упор, медленно заливаясь краской. Дар боялся пальцем пошевелить, сердце у него бешено билось. Если Вайти хоть немножко ошибся в своем старом друге, все они в мгновение ока могли оказаться за

решеткой. Дар уже чувствовал, как со всех сторон на него давят оковы силового поля...

И тут Горацио взорвался.

— Мерзость какая! — взревел он и сжал кулаки. — Какая наглость, какая низость! Чтобы Лучшего Менестреля всех времен и народов преследовали и выслеживали, как какого-нибудь бродягу с большой дороги! И все из-за какой-то бредовой идеи какого-то маразматика! Ну нет! Я стоял и улыбался, я скрипел зубами, наблюдая, как они играют в эти свои игры с заговором и контрзаговором, я заставлял себя сохранять хладнокровие, когда меня уже мутило от вони, исходившей от коррупции, охватившей их всех, но это для меня невыносимо! Нет, разве можно найти хоть толику добра в государстве, которое настолько пропитано злобой, что оно изобретает причины, согласно которым учиняет преследование самых отважных, самых лучших своих подданных?! Терра превратилась в лужу зловонных помоев, в мяч, который уже не годится для игры, в хижину, непригодную для жилья, так же как и все прочие планеты, входящие в сферу ее влияния!

Каблуки ботинок Вайти ушли глубоко в землю — он явно с трудом выдерживал распространяемые другом волны праведного гнева.

— Успокойся, старина, прошу тебя, успокойся! Надежда еще жива! Коррупция дождется своего часа и погибнет, и из почвы вновь прорастут ростки добра и справедливости, прорастут, зацветут и дадут плоды добродетели!

— Да, но через сколько лет?! — возмущенно вскричал Горацио. — Да нет, каких там лет — веков! Я не намерен смиряться и молчать, покуда наступит эта счастливая пора!

Дар струхнул не на шутку. Неужели этот безумец собрался учинить личный бунт или еще что-нибудь в этом духе?

А Вайти вдруг ни с того ни с сего заговорил со старым товарищем спокойно и даже равнодушно:

— Ну, если ты и впрямь испытываешь такие чувства — беги! Полным-полно солнц типа нашего и планет вроде Терры. Если же все изведанные планеты произведут на тебя

впечатление такого же свинства, отправляйся на неизведанные! Лети по небесам, не нанесенным на навигационные карты, и найди планету, где можно все начать заново, как ты мечтаешь!

Дар затаил дыхание. Фактически Вайти предлагал Горацио либо действовать, либо заткнуться.

Но Горацио смотрел на Вайти так, словно тот высказал принципиально новую идею.

— Точно, — изрек он пылко. — Ну точно! — И он развернулся к дому и размашисто зашагал в ту сторону, выкрикивая на ходу: — Где теперь найдешь такие души? Где все мои друзья?

Вся компания молча провожала его взглядом.

— Я... я думаю, нам стоит догнать его, — заключил Вайти. — Когда он впадает в такое настроение, его нельзя оставлять одного.

И он поспешил следом за Горацио.

Отряд устремился вдогонку.

— Да что с ней такое? — еле слышно спросил Вайти у Дара.

— А? — Дар глянул на Сэм, которая шагала быстрее остальных, сверкая глазами и не спуская глаз с Горацио. Обернувшись к Вайти, Дар сказал: — Она в трансе. Большие деньги порой производят такой эффект.

Но Вайти покачал головой:

— Да нет... В противном случае она бы обратила внимание и на меня. Ты как думаешь: Сэм — импульсивная особа?

— Ну... до некоторой степени, — уклончиво отозвался Дар и пристально посмотрел на Сэм, видя ее как бы заново. — Но она умеет держать себя в руках.

— А вот Горацио этого делать не нужно, — понимающе кивнул Вайти. — Этим многое объясняется.

Дар порадовался тому, что Вайти что-то понимает в происходящем, поскольку сам он не понимал ровным счетом ничего. С другой стороны, он не так много общался с женщинами, говорившими на его родном языке.

Горацио пулей взлетел по мраморным ступеням и вбежал в свой дворец. Когда вся компания наконец настигла его, он уже сидел за столом в стиле Людовика XIV и смотрел на экран видеофона, где красовалась физиономия полноватого черноволосого мужчины с длинной бородой.

— Звездолет? — уточнил мужчина. — Ну конечно, ты можешь купить звездолет, Горацио! Во флоте предостаточно списанных дредноутов, от которых они просто жаждут избавиться, — но зачем?

— Затем, чтобы как можно скорее оказаться подальше от этого скопища нечистот! — буркнул Горацио. — Но что-то я тебя не понял. Что это значит — у них есть масса кораблей, от которых они готовы избавиться?

— Спрос ниже предложения. Вот и все. В конце концов, кому он сдался, списанный боевой корабль — без пушки?

— Нам нужен! Чтобы доставить команду колонистов на новую, нетронутую планету, где мы сможем очиститься от этого кондового материализма и подняться над алчностью и злобой этого мира, превратившегося в техническое чудовище!

— Горацио, — урезонивающе проговорил чернобородый. — Ты о чем говоришь? Об основании общества, построенного на Обществе?

— Именно это я говорю, Марконе!

— Я боялся, что это произойдет в один прекрасный день, — вздохнул Марконе. — Ты не должен путать приятных иллюзий, создаваемых турнирами и пирами нашего Общества, с подлинностью реального мира, Горацио. Это прямой путь к безумию.

— Я ничего не путаю — я просто хочу, чтобы мои фантазии стали реальностью! Ты только представь себе, Марконе! Представь, что ты — самый настоящий барон, что твои вассалы и слуги являются по первому твоему зову!

Взгляд Марконе стал мечтательно-задумчивым.

— Мечта приятная, Горацио, — но все же это только мечта.

— Не обязательно! — упорствовал Горацио. — Ты подумай! На что нам сдалось наше богатство? Половину состояния можно было бы оставить здесь нашим наследникам, половину забрать, купить корабль и снарядить экспедицию! Во что это обойдется? Определенно, не больше чем в сотню миллиардов, а в нашем Обществе наберется с десяток баронов, каждый из которых по отдельности владеет половиной этой суммы!

Марконе уставился в одну точку.

— В принципе, это возможно... ну, как будто мы организуем длительный фестиваль за границей... А потом ведь можно и вернуться...

— Подумай об этом, — умоляюще проговорил Горацио. — Но если браться за это, то браться надо срочно, Марконе. Ты знаешь, насколько сомнительна политическая обстановка.

Глаза Марконе чуть ли не с механическим щелчком вернулись в изначальное положение.

— Сомнительна? Что же в ней сомнительного, Бочелло? Ни в чем не приходится сомневаться, кроме сроков, — кризис может разразиться уже через несколько дней, еще до того, как эти пти-буржуа от политики в Ассамблее отдадут Генеральному Секретарю благородный пост Диктатора!

— Ну ладно, уймись, — миролюбиво проговорил Горацио. — Такой титул они ему вряд ли рискнут присвоить.

— Пусть не присвоят, но полномочиями наделят соответствующими! Они наготове, во всеоружии, им нужен только спусковой крючок — какая-нибудь угроза для всех них, и тогда они с превеликой радостью отдадут все свои свободы взамен на безопасность, а со своей свободой отдадут и нашу!

— Верно, верно, а нам ли не знать, как эти люди низкого сословия страшатся всего, что угрожает их нынешнему положению. В конечном счете деньги для них имеют второстепенное значение. Но дай им только знак, что где-то есть кто-то более могущественный, чем они, способный отобрать у них власть, они тут же впадают в панику!

— Это точно, и в связи с этим нельзя не вспомнить о последних новостях, Горацио, — сказал Марконе, и глаза его взбудораженно засверкали. — Что ты думаешь об этом межзвездном заговоре телепатов?

— Послушай, кто лучше нас умеет отличать вымысел от реальности? Между тем существует один человек, наделенный сверхъестественными дарами, и он — то зерно истины, вокруг которого наслоились все эти слухи, Марконе.

— Вот как? — сурово нахмурился Марконе. — И что же это за человек?

— Он тебе знаком — это величайший бард Терранской Сферы, Тод Тамбурин. Правительственные чиновники гнались за ним от дальних планет до Терры — поначалу преследовали тайно, а теперь открыто. Его и его друзей считают телепатами.

— Они преследовали Тода Тамбурина? — проревел Марконе. — Это уж слишком, Бочелло! Тут они перегнули палку!

— Что да, то да. — Горацио медленно кивнул, сверкая глазами.

— Если уж они решились устроить травлю такого человека, на что они еще могут пойти из-за своей низости и подлости! Господи боже, Бочелло, — ты понимаешь, что они и на нас могут устроить охоту!

— Для завистников мы вполне подходящие мишени, — негромко проговорил Бочелло, — тем более что мы вдобавок располагаем имуществом и деньгами, которые можно конфисковать.

— Значит, все начинается снова? Неужели мы снова станем свидетелями того, как вздымаются кровавые знамена и инакомыслящих тащат на гильотину?

Это показалось Дару некоторым преувеличением, хотя он вынужден был согласиться с тем, что людям с мешками денег и эксцентричными привычками оставаться на Терре сейчас действительно было опасно.

— Что касается меня лично, то я не желаю знать ответа на этот вопрос, — сообщил Горацио своему собеседнику. — Жизненный опыт подсказывает мне, что лучше его не ждать.

Если придется, я сам куплю корабль и соберу тех, кто пожелает ко мне присоединиться. А ты что скажешь, Марконе? Полетишь со мной?

— Непременно полечу и позабочусь о том, чтобы род баронов Раддигоров воплотился в жизнь. Покупай же корабль, Бочелло, и не стартуй без меня!

Экран погас. Бочелло обернулся к гостям с усмешкой, подобной волчьему оскалу.

— Ну вот, все и завертелось, и очень скоро мои люди выстроятся в шеренгу, вы уж мне поверьте — все двенадцать лордов Центрального Королевства. О, мы купим этот корабль и за день приведем его в порядок, а еще через два все его пассажиры взойдут на борт!

Вайти развел руками.

— Это же была только идея...

— Вы не соберете так скоро нужного числа людей, — осторожно заметил Дар. — Ну, может быть, ваши двенадцать богачей и готовы собраться мигом — вы-то знаете, что всегда можете вернуться. Но для простых людей все обстоит иначе. Они будут думать долго.

— Долго, вот как? — Горацио схватил перо и лист бумаги и поспешил к дверям. Выйдя на лестницу, он высоко поднял руки и вскричал: — Тише! Заклинаю вас, тише! Послушайте меня!

Крики, смех и пение мгновенно стихли.

— Они верны мне, — объяснил Горацио, обернувшись через плечо, и возгласил: — Баронет Раддигор и я решили приобрести корабль и полететь к звездам, дабы открыть планету, куда до сих пор не ступала нога терранца, и создать там Центральное Королевство наяву, и жить там, как подобает жить людям, руководствуясь верой, добывая пропитание потом, а правду — мечом! Нам нужны пахари и строители, джентльмены и рыцари! Отбытие — через два дня, и кто не с нами, тот против нас! Кто желает отправиться в путь, поставьте здесь ваши подписи!

Свернув лист бумаги свитком, Горацио бросил его в толпу. Все, как один, с жаром бросились к лестнице, выстроились в очередь, и было видно, что каждый просто-таки го-

рит желанием как можно скорее эмигрировать. Разносчики еды и выпивки принялись сновать вдоль очереди.

Горацио с усмешкой обернулся к Дару:

— Вот какие у меня люди!

— Пока подойдет очередь, передумают!

Горацио кивнул:

— Некоторые, без сомнения, передумают, но большинство поставят свои подписи. Ничего в этой жизни они не жаждут так сильно, как того, чтобы жить в мире, где люди добры и честны, а правители достойны доверия. Ну а вы что скажете, храбрецы? Вы полетите с нами?

— Немедленно! — воскликнула Сэм с лучистой улыбкой.

Горацио в изумлении посмотрел на нее и медленно, почти смущенно улыбнулся.

— Признаюсь, я чувствую искушение согласиться, — раздумчиво проговорил отец Марко. — Ведь для священника Средневековье — на редкость притягательное время.

— И для барда тоже, — улыбнулся от уха до уха Вайти. — Идея просто потрясающая, Горацио, и я готов увеселять вас на каждой остановке по пути, но дело в том, что я никогда не был любителем слишком больших компаний.

— И я, — решительно покачала головой Лона. — Погрязнуть в обществе, где даже об электронах слыхом не слыхивали? Это ужасно!

Дар открыл было рот, чтобы прокомментировать это заявление, но издал только какое-то нечленораздельное бурчание. Он сглотнул подступивший к горлу ком, проморгался и только тут понял, что звук издал не он, а видеофон. Вышел лакей в рейтузах и камзоле и объявил:

— Звонит мистер Строганов, сэр, просит мистера Тамбурина.

Вайти изумленно вздернул брови:

— Уже? Не могло же что-то сдвинуться за такое короткое время!

Он вернулся в дом, Дар поплелся за ним.

На экране уже красовалась физиономия Строганова. Вид у него был неважнецкий.

— Что случилось, Дэвид? — озабоченно спросил Вайти, подойдя к видеофону.

— О, ничего, абсолютно ничего! Все просто прекрасно — я бы сказал, даже слишком прекрасно! Вот в этом-то все и дело!

— Рад слышать. Надеюсь, так оно и есть. Или ты хочешь мне сказать, что ты удивлен столь горячему отклику, когда он, по идее, должен быть холоден?

— Генеральный Секретарь, — сказал Строганов, и кадык его судорожно дернулся. — Сразу после вашего отлета я отправил факс в его офис. Я просто представил себе воочию, как работает правительственная бюрократия, и решил начать действовать загодя, чтобы иметь возможность повидаться с ним хотя бы в течение года.

— Мудро, — кивнул Вайти. Поза его напоминала положение стервятника в полете, готового спикировать на добычу. — И?..

— И мне только что перезвонили из его офиса. Он... он дает добро на запуск сериала. Но только в том случае, если мы сделаем это... завтра!

Вайти и Дар вытаращили глаза.

— Наш первый гражданин никогда не говорит «да» так быстро! — воскликнул Строганов. — Даже когда удастся его сподвигнуть на это, аудиенции приходится ждать месяцами!

— А потом ее еще и дважды отменяют в последнюю минуту, — кивнул Вайти с рассеянным видом. — Но с другой стороны, у меня все-таки есть кое-какая репутация...

— Верно, ты, как минимум, знаменит так же, как и он, если ты это имел в виду. Но...

— Но моей славе суждена более долгая жизнь, — задумчиво произнес Вайти, — а судя по последним политическим новостям, наш Генеральный совсем не уверен в том, что через несколько месяцев будет так именоваться, — да даже через месяц, если на то пошло.

— Через неделю, — буркнул Строганов.

Вайти кивнул.

— Стало быть, он делает заявку на бессмертие. Дает добро на постановку — вот ему и гарантия, что он займет достойное место в единственном и неповторимом голографическом шедевре Тода Тамбурина. Даже если история умолчит о нем, он останется персонажем литературы.

Строганов медленно опустил голову.

— Знаешь, это очень похоже на правду, Тод.

— Угу, вот только график работы совершенно безумный, — скривился Вайти. — Но ты не волнуйся: моя команда справится. Нам только и надо — прыгнуть в кеб и примчаться к тебе на студию.

Строганов пожал плечами.

— Как насчет первого класса на общественном шаттле?

— Как скажешь. А как насчет оборудования?

— Можно с ним. А можно и без него. Конечно, тащить сюда всю технику с Луны смысла не имеет. Придется взять напрокат в какой-нибудь левой компании. Мне известно несколько таковых. Сейчас позвоню в пару-тройку мест, а потом снова свяжусь с тобой.

Вайти усмехнулся.

— Всегда мечтал поработать с голографической камерой.

— Так... Вот тут уймись, Тод! — Строганов предостерегающе поднял руку. — Этот номер не пройдет. Камеры прибудут с бригадой со студии или не прибудут вовсе.

— Но почему? — нахмурился Вайти. — У меня тут двое крупных специалистов по электронике!

— Знаю, но если люди из съемочной бригады узнают, что ты отснял хоть кадр в их отсутствие, то ты лишишься возможности работать с кем-либо здесь, в павильонах. Нравится тебе это или нет, но без этого этапа работы нам никак не обойтись.

— Ну ладно, попробую смириться, — вздохнул Вайти. — Когда нам встречать твоих посланцев?

— Как только соберу народ, дам вам знать. Где тебя искать?

— А ты как думаешь?

Строганов ухмыльнулся

— Благодарю тебя, мейстерзингер. Доброго пути до Гамелона. Перезвони мне, когда переберешься через озеро Шамплен.

11

— Вы уверены, что это Гамелон? — негромко спросил Дар. — На мой взгляд, на Моби Дика больше смахивает.

— Моби Дик был китом, а не змеей, — так же негромко отозвался Вайти. — Или ты не заметил, сколько раз мы поворачивали, пока шли?

— А снаружи он таким большим не показался, — пожаловался Дар.

Отец Марко вступил в длиннющие богословские дебаты с двумя молодыми служащими, которые на самом деле были заядлыми атеистами, но исполняли роли средневековых монахов. Лона смешалась с массовкой, а Сэм все пыталась навести мосты к Горацио. Так и получилось, что только Вайти и Дар вдвоем отправились к длинному, вытянутому, подобно огромной змее, зданию, выстроенному на месте истсайдских доков Нью-Йорка. Теперь они шагали следом за светящейся линией, что ползла по полу впереди них, совершая абсолютно непредсказуемые повороты и уводя путников все глубже и глубже в недра постройки, где размещался офис Генерального Секретаря Межзвездной Федерации.

Наконец светящаяся линия замерла возле открытой двери. Дар оторвал взгляд от пола и увидел перед собой широкоплечего, мускулистого верзилу в рабочем комбинезоне.

— Помочь вам, что ли? — прорычал тот.

— Хоть бы кто-нибудь помог, — умоляюще проговорил Дар, а Вайти подхватил:

— Тод Тамбурин, — представился он и указал на бирку с его именем, которую повесили ему на шею охранники на входе.

— А-а-а, писатель, — со скучающим видом произнес верзила. — А это кто, телохранитель ваш?

— Нет, мой ассистент.

— Ладно. Давайте входите. Ну, вам-то тут делать почти что нечего, мы почти готовы, можно считать.

Так оно и было. Войдя, Дар увидел огромный письменный стол, а за ним — огромный фотостенд, изображающий звездное небо. Световыми линиями была обозначена сеть МФ. По обе стороны от стола, чуть позади, стояли две стройные колонны. Перед столом были установлены две камеры. В кабинете находилось около десятка киношников.

Дар обернулся к верзиле.

— Ничего, если я продемонстрирую свое невежество?

— А я тут для того и нахожусь, — вздохнул верзила.

— Зачем нужно так много людей?

— Простой вопрос, — заметил верзила. — Двое операторов, один электрик, по одному инженеру на каждый пульт управления камерой, один звукоинженер, один режиссер голографической записи и один главный режиссер.

— Получается восемь.

— С арифметикой у вас порядок.

— Но тут минимум шестнадцать человек!

— Ну, каждому нужен дублер — на всякий пожарный. Мало ли, вдруг кого инфаркт хватит.

— Ну, понятно, например, бухгалтера, который следит за бюджетом этого шоу. А вы чем занимаетесь?

— Я — стюард съемочной бригады.

— О... А-а-а, спасибо. — Дар обернулся к Вайти. — Послушайте, вам не кажется, что мы случайно угодили на фабрику, где делают перины?

Вайти нахмурился.

— Ты о чем?

— Да все у них тут предусмотрено, на каждом шагу — мягкая подушечка.

В узкий дверной проем в дальнем углу вошел невысокий мужчина в деловом костюме.

— Прошу всех встать, граждане. Встречайте Генерального Секретаря.

Те члены съемочной группы, что сидели (двенадцать человек), не слишком охотно поднялись.

— Ну, зачем ты так, Хирам? — укоризненно проговорил высокий седой мужчина с мужественным, благородным лицом, стремительно войдя в кабинет. Дорогая ткань его костюма еле заметно отливала в лучах софитов. — Тут все должно быть без церемоний.

И дабы показать, что так оно и есть, он уселся за письменный стол.

Дар сглотнул подступивший к горлу ком. Генеральный Секретарь собственной персоной! Даже на затерянном в глубинах космоса Вольмаре он видел фотографии этого человека так часто, что в памяти отпечаталась каждая морщинка. Оказаться в одной комнате с этим человеком было настолько волнующе, что Дар глазам своим не верил.

— Ты же проделал путь почти в сотню световых лет, чтобы поговорить с этим человеком, — прошептал Вайти ему на ухо. — Так давай же! — А вслух он проговорил: — Пойди проверь, все ли там в порядке с текстом.

Дар облизнул пересохшие губы и шагнул вперед, прикрываясь папкой со сценарием, словно щитом. Остановился он за спиной у дамы-режиссера, смутно догадываясь, что она разговаривает с Генеральным Секретарем, но о чем — Дар не понимал. Наконец Генеральный Секретарь кивнул, а режиссерша отошла назад и сказала Дару:

— Полная готовность.

— Нет ли... — Голос у Дара сорвался, он дал «петуха» и снова облизнул губы. Генеральный Секретарь недовольно посмотрел на него. Дар прокашлялся и предпринял новую попытку: — Нет ли каких-нибудь проблем со сценарием, сэр? — И тут он понизил голос почти до шепота и выпалил скороговоркой: — Баундбридж, Сатрап и Форсмейн не станут ждать выборов. Они уже несколько месяцев готовятся к перевороту. У меня с собой коды, благодаря которым вы можете получить доказательства существования заговора. Спасите демократию, сэр!

По лицу Генерального Секретаря медленно расползлась улыбка.

— Вы это заучили наизусть, да?

Дар сглотнул слюну и кивнул.

Генеральный Секретарь кивнул в ответ, встал и похлопал Дара по плечу.

— Всегда приятно познакомиться с благородным патриотом, — сказал он, однако руку с плеча Дара не убрал. — Камеры подключены к сети вещания? — вопросил он.

— Да, господин Секретарь, — испуганно отвечала режиссерша. — Мы подсоединены к сети. Вы можете обратиться в прямом эфире ко всей Терре, как только пожелаете.

— Прекрасно, прекрасно, — улыбнулся Генеральный Секретарь, отнял руку, но тут Дар попал в руки куда более крепкие. Обернувшись, он увидел, что его держат стюард и один из ассистентов и что у них обоих в свободных руках небольшие, но самые настоящие, не бутафорские пистолеты. Вайти был в таком же положении, и все члены съемочной группы за исключением операторов и режиссерши выхватили пистолеты.

— Сограждане, — проговорил нараспев Генеральный Секретарь, — мы счастливы сообщить вам о том, что мы арестовали злобного телепата, которому прежде удавалось беспрепятственно странствовать по множеству планет и добраться до Терры. Он перед вами.

Красный огонек на камере, направленной на Секретаря, погас, а на другой, направленной на Дара, зажегся. Ужас сковал Дара по рукам и ногам. На него сейчас были устремлены взгляды всех обитателей Терры!

— Мои доблестные охранники схватили его как раз вовремя, — продолжал Генеральный Секретарь. — Прямо здесь, в студии, он хотел совершить покушение на меня.

Дар похолодел, и... в руке его оказался пистолет. Но как?..

И тут вдруг он понял смысл всего, о чем говорил Генеральный Секретарь. Его, Дара, обвиняли в том, что он — ужасный, коварный телепат-убийца.

— Не-е-е-ет! — завопил Дар и отчаянно попытался вырваться, но руки охранников сжимали его железной хваткой.

Он метался, выкручивался, кричал и тщетно пытался освободиться.

— Он знал о том, что за слова я произнесу в следующее мгновение, — мрачно вещал Генеральный Секретарь. — Что я скажу о том, что опасность пока не миновала. Ибо у него есть союзники, сограждане, которые ходят невидимыми и неузнаваемыми здесь, на Терре! Куда обрушат свой очередной удар эти коварные убийцы, мы не можем предполагать, не знаем мы и того, кто станет их следующей жертвой. Быть может, это буду я. А быть может, любой из вас. — Голос его стал более низким, в нем зазвучала глубокая убежденность. — Этому пора положить конец! Ибо у вас, мои сограждане, нет такой охраны, чтобы она оберегала вас от опасности денно и нощно. Пора уничтожить злодеев, однако наша полиция не может арестовать тех мерзавцев, что являются телепатами, из-за ограничений в судебной системе! Единственный способ, благодаря которому можно положить конец этому злу, заключается в том, чтобы вы наделили меня чрезвычайными правами, дабы я мог отдать приказ полиции схватить этих негодяев и засадить за решетку, где им самое место. Сегодня же я обращусь к Ассамблее с тем, чтобы мне были делегированы такие права, но мне не добиться этого без вашей поддержки. Немедленно свяжитесь с вашими выборщиками! Скажите им, пусть наделят меня правами, которые мне необходимы для того, чтобы защитить всех вас! Пусть это произойдет, дабы эти обезумевшие отщепенцы, вроде этого, которого вы видите перед собой, были вышвырнуты на самые задворки Терранской Сферы!

Он устремил в камеру взгляд усталого, доброго, но встревоженного человека, и держал взгляд, покуда не погас красный огонек.

Затем он резко встал и обернулся к Дару.

— Благодарю вас, молодой человек. Свой подвиг вы совершили очень вовремя.

— Так это вы! — взорвался Дар. — Это вы замыслили переворот!

— Нет, не я. Но я стану тем, кто возьмет власть. Если уж прийти к власти должен диктатор, я обязан позаботиться о том, чтобы им стал я.

— И вас нисколько не заботит, выживет ли демократия?!

— Чему вы так удивляетесь? — мягко, сочувствующе улыбнулся Генеральный Секретарь, но тут же презрительно усмехнулся. — Несчастный, наивный дурачок! Неужели ты и вправду думал, что хоть одного политика сейчас интересует хоть что-нибудь, кроме личной власти?

Дар в ужасе, не мигая, смотрел на него.

Но вот он оправился от потрясения и с диким, яростным воплем кинулся к Генеральному Секретарю... Но стальные ручищи охранников удержали его, в лицо ударила ледяная струя, а потом у него закружилась голова, а потом сгустилась непроницаемая тьма.

12

— С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ВЫ БЕЖАЛИ С ВОЛЬМАРА?

Голос прорывался в такое уютное, теплое, бессознательное забытье Дара. В правом ухе кто-то занудно, гнусаво пел, а в левом заливался сверчок, напрочь лишенный какого бы то ни было чувства ритма.

— КАК ВЫ ПОКИНУЛИ ПЛАНЕТУ ВОЛЬМАР?

— Сел на курьерский корабль, — совершенно честно ответил Дар и прикрыл глаза, жмурясь от яркого света.

Источников света было пять — красный, голубой, зеленый, желтый и оранжевый, и все они беспорядочно испускали стробоскопические вспышки, однако их ритм отнюдь не совпадал с ритмом стрекотания сверчка. Дар изнемогал от этой какофонии и вспышек.

— КАК ВАС ЗОВУТ?

Странно... Он не мог вспомнить. Сейчас он вообще мог думать только о том, чтобы попросить кого-нибудь выключить свет.

— Не знаю!

— ВЕЛИКОЛЕПНО! — промурлыкал невидимый обладатель вопрошающего голоса. — КТО ИЗ ВАШИХ СПУТНИКОВ БЫЛ ТЕЛЕПАТОМ?

— Кем-кем?

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ДУРАЧИТЬ НАС! НАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ОДИН ИЗ ЧЛЕНОВ ВАШЕЙ ГРУППЫ — ТЕЛЕПАТ. И НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ЧИТАТЬ НАШИ МЫСЛИ: СЕНСОРНЫЕ НАРУШЕНИЯ, КОТОРЫЕ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ, НЕ ДАДУТ ВАМ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ В ТОЙ МЕРЕ, ЧТО НЕОБХОДИМА ДЛЯ ТЕЛЕПАТИИ!

— Мы на это надеемся, — ворчливо уточнил кто-то другой.

— Не умею я читать ничьи мысли!

— ВОТ ВИДИТЕ! — торжествующе проговорил тот, что вел допрос. — СВЕТ И ШУМЫ ДЕЛАЮТ СВОЕ ДЕЛО!

— Никогда я этого не делал! Никогда, клянусь!

— Он может лгать, — негромко заметил второй инквизитор.

— Не может под действием той сенсорной атаки, которую вы на него обрушили, — отозвался первый, и голос его вновь прогремел: — НАШИ АГЕНТЫ ШЛИ ЗА ВАМИ ПО ПЯТАМ ОТ ВОЛЬМАРА ДО ТЕРРЫ. КАКИМ ОБРАЗОМ ВЫ ЗАСТАВИЛИ ТАМБУРИНА ПОМОГАТЬ ВАМ?

— Я его не заставлял! Вовсе не заставлял! — воскликнул Дар, но тут же сообразил, что это предательство по отношению к Вайти, и добавил: — Я его подкупил.

— Он ведь всего-навсего поэт, — пробормотал второй. — Может быть, это и правда. Но лучше бы вернуться к главному вопросу, пока он не окочурился у нас на глазах.

От этой фразы у Дара мурашки по спине побежали.

— Верно, — негромко отозвался первый. — КТО В ВАШЕЙ ГРУППЕ БЫЛ ТЕЛЕПАТОМ?

— Никто! Ни одного телепата не было!

— НАМ ЛУЧШЕ ЗНАТЬ, — ворчливо проговорил инквизитор. — ОТВЕЧАЙТЕ: КТО?

Разноцветные вспышки били в самый мозг Дара, зудение частотой в тысячу герц перекатывалось из уха в ухо, а к нему добавлялось стрекотание, звучавшее в непредсказуемом ритме. Дар положительно не мог сосредоточиться.

— Я не могу представить! — прокричал Дар. — Понятия не имею, кто бы это мог быть! Клянусь жизнью!

— ТАК МЫ И ПОВЕРИЛИ! НЕУЖЕЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО... — Инквизитор не договорил. — КТО ЭТО? ВЫВЕДИТЕ ЕГО ОТСЮДА!

— Вот мои документы, джентльмены, — произнес чей-то уверенный голос, громкость которого нарастала с каждым мигом. — Если они вызывают у вас сомнения, можете удостоверить мою личность с помощью компьютера.

— Зачем? — фыркнул второй инквизитор. — Они же проведены через компьютер... Главный Палач?

— От мистера Горацио Бочелло.

— Он просто миллиардер, а не политик! Зачем ему понадобился палач?

— Большей частью для промышленного шпионажа.

— ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ИДИОТИЗМА, — фыркнул первый инквизитор. — ОН ВЕДЬ ОДИН ИЗ ЭТИХ ЧОКНУТЫХ БОГАТЕЕВ, ЧТО РЯДЯТСЯ В ДОСПЕХИ ДА ПРИТВОРЯЮТСЯ, ЧТО НА СВЕТЕ ДО СИХ ПОР СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

— Но мы не можем позволять входить сюда никаким гражданским лицам, и...

— А ПОЧЕМУ НЕТ? МОЖЕТ, У НЕГО ПРИПАСЕНА И ОТКРЫТА ТА САМАЯ БАНОЧКА, ЧТО НАМ НУЖНА? ДАВАЙТЕ СНИМАЙТЕ ПАЛЬТИШКО И ПРИНИМАЙТЕСЬ ЗА РАБОТУ, МИСТЕР РИЧЧИ.

— Благодарю вас, джентльмены. Где у вас вешалка? Ах, вот она. Так, а как пройти к жерт... к допрашиваемому? Вот в эту дверь?

Отец Марко! Дар чуть было не закричал от радости, вспомнив знакомое лицо. Но, на счастье, радость ему удалось скрыть. Остатки здравого смысла подсказали ему, что шило пока стоит утаить в мешке.

Священник встал перед Даром.

— Ну, парень, давай не тяни! Когда ты перестал быть телепатом?

— Когда я... да я никогда!

— Значит, ты до сих пор телепат!

— Никогда, говорю вам! Никогда я им не был!

— Когда началась твоя связь с телепатами?

— Никогда! Никогда!

— Несговорчивый попался малый, — вздохнул отец Марко. — Так я и думал. Ладно, уберите-ка вы весь этот свет и шумы. Толку от них никакого.

— НО... НО, МИСТЕР РИЧЧИ!

— Отключите все, я сказал! Так от него ничего не добиться — а я уже с ума от этой дряни схожу. Отключите!

— НУ ЛАДНО... НАДЕЮСЬ, ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ДЕЛАЕТЕ...

Свет погас, звуки стихли. Дар чуть не плакал от благодарности.

— Ну, так... Испробуем старые добрые способы! — Отец Марко хлопнул в ладоши, и по обе стороны от него возникли два великана. Оба были на голову выше Дара и необычайно крепко сложены. Это было очень хорошо видно, поскольку они были обнажены до пояса. И еще они были бритоголовые. И в черных масках.

Великаны отстегнули ремни, которыми были схвачены запястья, лодыжки и грудь Дара, и рывком подняли его на ноги.

— Но... что... куда... — лепетал Дар.

Ответ он получил мгновенно: великаны втолкнули его в ближайшую дверь. А отец Марко шагал следом и ревел:

— Пыточные тиски! Испанский сапог! Железная Дева! Дыба!

Они влетели в пыточную камеру, да с такой скоростью, что у Дара ступни до пола едва доставали. Он боковым зрением замечал расставленные вдоль стен зловещего вида орудия пыток, покрытые паутиной и ржавчиной. В тусклом свете мелькали камни стен, с которых сочилась вода. А потом они выскочили в другую дверь и припустили по боковому коридору.

— А-а-а... мне разве не на предыдущей... остановке... надо было... выходить?

— Не-а, — буркнул один из великанов в черных масках. — Ты еще и в кеб не сел, приятель.

Ну и, естественно, они вскоре миновали последнюю дверь, а за дверью стоял кеб, формой напоминавший беременную слезу, и поблескивал в рассеянном свете, пробивавшемся в подземелье.

— Тут тебя никто не увидит, — прорычал второй великан. — Никто и не знает про это местечко. — Он рывком открыл дверцу, а его напарник втолкнул Дара внутрь.

— Но... — пролепетал Дар. — Но как это... Почему?

— Потому что Горацио Бочелло пообещал им места на своем звездолете, естественно, — ответил отец Марко и проскользнул в капсулу следом за Даром. — Они не смогли устоять против такого искушения.

— Ясное дело, — подтвердил один из великанов, усаживаясь на переднее сиденье. — Если уж кто жаждет отправиться в Средние века, так это мы, пыточных дел мастера.

— Вот-вот, — кивнул второй, напяливая на голову шоферскую кепку. — Придумали тоже — мигалки эти дурацкие, треск всякий, вода капающая — дребедень! Мне бы послушать, как косточки хрустят!

Его напарник захлопнул дверцу и ласково посоветовал другу:

— Ну все, хватит дурака валять!

— Это мы с радостью, — облегченно вздохнул первый. — Терпеть не могу эту работу. Что до меня, так я даже мышеловки и то с содроганием заряжаю! Дал бы мне только хоть кто-нибудь шанс удрать от этого прогнившего общества!

— Я дал вам такой шанс, — напомнил ему отец Марко. — И вы им воспользовались.

Кеб вынырнул из полумрака подземелья, взлетел к облакам, подсвеченным закатным солнцем и раскрашенным промышленными выбросами.

Дар осмотрелся и вдруг узнал плюшевую обивку и компьютеризированный бар.

— Да ведь это не такси! Это лимузин Бочелло!

— Никогда бы не подумал, — признался сидевший справа от Дара заплечных дел мастер и сорвал маску. — Водочки закажи мне, ладно?

13

«Такси» пошло на спуск и совершило посадку на задней лужайке за особняком Бочелло, рядом с продолговатым ангаром, в котором вполне мог поместиться небольшой звездолет. Как только Дар вышел из лимузина, к нему бросилась Лона и заключила его в столь крепкие объятия, что это проявление радости могло бы одарить его радикулитом.

— Слава богу, ты жив! Мы так волновались! — Она отстранилась, держа Дара за руки, и он с изумлением увидел, что глаза девушки полны слез. — Милый мой отважный дурачок! Когда в следующий раз соберешься принести себя в жертву на какой-нибудь алтарь, сделай это ради чего-нибудь стоящего, ладно?

У Дара даже не было сил ответить. Он просто не отрываясь смотрел в глаза Лоны. Похоже, она таки наконец заметила его существование.

Но тут Вайти хлопнул его по спине, подбежала Сэм, чмокнула его в щеку.

— Я так и знала, что этой мерзкой системе ты окажешься не по зубам!

Дар улыбнулся и пожал руку Сэм.

— Ага, но все же вы позволили ей слегка пожевать меня и выплюнуть!

— Нет, — покачала головой Сэм, взяла под руку Горацио и радостно взглянула на него. — Нет, не позволили.

— Что ж, воздадим должную хвалу истинным героям-спасателям, — рассмеялся Горацио и похлопал по плечу отца Марко и одного из палачей. — Я всего лишь предоставил

машину и сообщил им код для проникновения в Гамелон! Поскорее переодевайтесь, друзья. Последний челнок отчаливает через десять минут!

Подмастерья «палача» весело усмехнулись и удалились.

— Великолепная операция, святой отец, — восторженно проговорил Вайти. — Вот только не пойму, как вам удалось сагитировать настоящих пыточников?

Отец Марко пожал плечами:

— Да ничего особенного тут не было, после того как компьютер подтвердил подлинность моих, так сказать, верительных грамот.

— Кстати, — нахмурился Дар, — а это вам как удалось провернуть?

— Это все моя гениальная внучка, — вздохнул Вайти. — Всякий раз, когда я уже совсем готов отчаяться в ее способности сложить сонет, она вытворяет что-нибудь в этом духе.

— Да подумаешь, что такого? — обиженно надулась Лона. — Чуточку дополнила существующую программу, вот и все.

— Это «маленькое дополнение» заключалось в том, что имя отца Марко было внесено в перечень лиц, имеющих допуск к сверхсекретной информации.

Дар выпучил глаза.

— Но как же отцу Марко удалось пробраться через все посты?

— Секрет фирмы, — поспешно отозвалась Лона. — Только я не пойму, почему вы все так изумляетесь. То есть компьютеры, конечно, машины умные, спору нет, но не слишком сообразительные.

Вернулись подручные отца Марко, переодетые в бархатные камзолы. Горацио поторопил всех к ангару:

— Все на яхту, да поскорей! Время не ждет! Если мы промедлим, Генеральный Секретарь станет Генеральным Диктатором, и нам не позволят взлететь с Терры! Поспешим, нас ждет «Отважный новый мир»!

Так оно и было. Именно «Отважным новым миром» назвали соратники Бочелло только что приобретенный ими списанный корабль, и назвали его так в честь Шекспира, а от-

нюдь не в честь Хаксли. Шаттл снизился над Морем Ясности, и все увидели звездолет длиной в четверть мили и шириной в восемьсот футов. Он весело поблескивал и всем своим видом сулил новое, прекрасное будущее. Шаттл опустился в подземную шахту, стены которой были забраны бежевыми панелями, а пол был устлан алым ковром. Горацио быстро зашагал по туннелю и вскоре вывел всю компанию в круглый зал. Через широкие двустворчатые двери торопливо выходили люди в походной одежде, с рюкзаками за спиной и тут же плавно взлетали вверх, несомые антигравитационным полем.

— Там, наверху, звездолет, — пояснил Горацио. — Посадка близится к концу. Ну, решайте. Летите с нами?

— Я полечу, — лучисто улыбнулась ему Сэм. — Куда бы ты ни отправился — я с тобой!

Горацио ответил ей нежной улыбкой.

— Это так трогательно, моя милая. Особенно потому, что я не везу с собой ни гроша. Не думаю, что будешь так уж счастлива, оказавшись в отсталом обществе рядом с таким старым дурнем.

— Счастлива — это не то слово, — решительно заявила Сэм. — Помимо всего прочего, я стану настоящей леди.

— Но жить будешь в замке, больше похожем на хижину, — напомнил ей Горацио. — Без центрального отопления и кондиционеров. Без водопровода. А сидеть зимой по утрам в неотапливаемом помещении очень холодно. И в тазу для умывания вода будет замерзать.

— Ничего, привыкну.

— Нет, не привыкнешь. На самом деле «ты» перестанешь существовать еще до того, как мы совершим посадку. Мы все соберемся у цереброскanера, который сотрет из нашей памяти все воспоминания об этом мире — страшном сне, полном жутких достижений технического прогресса. Затем в наше сознание будут имплантированы ложные воспоминания, и каждый из нас на долгие годы станет человеком из Общества. Если кто-то пожелает вернуться, его сознание будет очищено от ложных воспоминаний, а прежние будут возвращены на место. Так что ты забудешь, кто такая Сэм. Ты будешь помнить, что ты — леди Логир.

— Леди Логир! Какая прелесть! — ахнула Сэм и прижалась к Горацио. — Как это чудесно звучит! Пусть Сэм отправляется в область забытья. Я ее всегда недолюбливала, если честно.

— А вот мне она очень нравилась, — вздохнул Горацио, — но я искренне надеюсь, что столь же сильно полюблю и леди Логир. Что ж, любимая, теперь ты одна из нас — эмигрантов-романтиков. Сменив имена, мы покидаем Солнечную систему. Кто-нибудь еще желает присоединиться к нам?

Лона что-то шепнула на ухо отцу Марко. Тот нахмурился, покачал головой и что-то прошептал ей в ответ. Лона что-то ему негромко сказала, и священник, радостно улыбнувшись, шагнул к Горацио и сжал его руку.

— Восхитительная перспектива! Я тоже полечу с вами!

Горацио, похоже, обрадовался, но предостерегающе заметил:

— Вы уверены, святой отец? Мне известно, что вы — катодеанец, а это означает, что вы либо ученый, либо инженер. Вам придется также пережить частичное стирание воспоминаний, по крайней мере тех, что связаны с техникой. Мы не желаем, чтобы наше новое сообщество запятнало себя хоть какой-то связью с упадочной материалистической цивилизацией.

— Сначала я — священник, а уж потом — инженер, — возразил отец Марко, — а как священник, я с вами совершенно согласен: материализм — это грех.

— Простите меня, пожалуйста, — проговорила Лона. — Мне нужно позвонить. — С этими словами она с торопливой грацией отправилась к ближайшей экранированной кабинке. Дар проводил ее взглядом. Глазные яблоки его при этом совершили такой крутой поворот, что с трудом остались на местах.

— Чудесно! — воскликнул Горацио и крепко пожал руку отца Марко, улыбаясь от уха до уха. — В нашей колонии будет самый настоящий священник! А что скажете насчет поста архиепископа, святой отец?

— Не сказал бы, что такой пост к лицу катодеанцу, — усмехнулся отец Марко, — но против должности аббата я бы не возражал.

— Получите ее, как только мы выстроим монастырь, — заверил его Горацио. — И все же я думаю, что мы сумеем возложить на вас епископскую митру. Как только мы взлетим, я тут же свяжусь с Папой.

Отец Марко нахмурился.

— Боюсь, не так легко добиться разрешения на личную беседу с его святейшеством.

— Мне это будет очень просто сделать: мы с ним в школе вместе учились. Ну а остальные? Больше никто не полетит с нами?

Дар покачал головой:

— Нет, но спасибо вам огромное за приглашение, мистер Бочелло.

— Присоединяюсь, — кивнул Вайти. — Мне и так сейчас развлечений хватает.

Лона легкой походкой вернулась к компании.

— А про мистера Строганова забыли?

— Господи! — в ужасе вскричал Дар. — Ведь он наш продюсер! Заговорщики подумают, что он и придумал весь этот план! Что же они сделают с ним? Будут пытать? Убьют?!

— Не сделают ни того, ни другого, — заверил его Горацио, — если, конечно, мой водитель оправдал возложенное на него доверие.

— Оправдал, оправдал! — Все, как по команде, обернулись и увидели Строганова, который, запыхавшись от быстрой ходьбы, спешил к ним по залу. — Ну, спасибо за то, что похитили меня, мистер Бочелло, — задыхаясь, проговорил он, поравнявшись с компанией. — Похоже, вы мне жизнь спасли.

— Я только рад, — улыбнулся ему Бочелло. — Простите за проявленную бесцеремонность, но действовать нужно было быстро. Вас вкратце ознакомили с нашим замыслом, мистер Строганов?

— Ознакомили, и я желаю вам всяческих успехов на новом месте, где бы вы ни решили совершить посадку. С

превеликим удовольствием отправился бы с вами, если бы мог прихватить голографическую камеру, но, насколько я понимаю, вы не желаете брать с собой никаких приспособлений, изобретенных после тысяча трехсотого года.

— Никаких, кроме полных рыцарских доспехов. Но вы на самом деле не хотите улететь, мистер Строганов? Какое у вас тут будущее?

— На Терре и на Луне — никакого, это верно, — кивнул Строганов. — Но мне бы хотелось несколько годков пожить на Вольмаре. Там обитает один человек, с которым я давно мечтаю потолковать по душам.

Дар понимающе усмехнулся.

Горацио пожал плечами.

— Понятно. Какая разница — куда, лишь бы подальше от Терры. Мы вас подбросим.

— Вы уверены, что нам по пути?

— Совсем не уверен. Мы понятия не имеем, куда отправиться. И сделаем все возможное для того, чтобы никто об этом не узнал. После отлета с Вольмара мы начнем путать следы, а окончательный курс изберем только тогда, когда улетим за пределы действия сигналов связи. Организуем настолько затерянную колонию, чтобы она так и осталась затерянной.

К Горацио подбежал мужчина в военной форме.

— Привет от капитана, сэр, и кое-какие новости, новый выпуск по голографической сети. Ассамблея только что проголосовала за делегирование Генерального Секретаря чрезвычайными полномочиями, и его титул теперь — Генеральный Директор.

— Звучит зловеще, — задумчиво проговорил Горацио. — Пожалуй, пора трогаться, пока у нас еще есть такая возможность. Прощайте, друзья!

Все принялись обниматься, пожимать друг другу руки, целоваться. Сэм со слезами смотрела на Дара:

— До свидания, внэппи, удачи тебе! Смотри, не дай им до тебя добраться!

— Буду лягаться и вопить, как скаженный, всю дорогу, — пообещал Дар. — Кстати говоря, а кто такой внэппи?

— Это тот, кто живет на валовой национальный продукт, просиживает штаны и даже не пытается сделать хоть что-то еще. Но ты ведь таким не будешь, правда?

— Если получится, — заверил подругу Дар.

А потом Горацио взял Сэм под руку, и они вместе с отцом Марко ушли.

— Как же я рад, что вы решили лететь с нами, святой отец! — воскликнул Горацио. — Ведь в конце концов, что за Средневековье без монахов и монастырей!

Они вошли в кабину антигравитационного лифта. Сэм обернулась и помахала рукой. Поле подхватило всех троих и унесло вверх.

Вайти обнял Дара за плечи.

— А теперь быстро на наблюдательный пункт! Страсть как охота поглядеть на этот исторический взлет!

Они бегом бросились к другому лифту, поменьше, и взлетели на верхнюю площадку наблюдательной вышки. Площадка представляла собой широкий круглый зал с пушистым ковром на полу и иллюминаторами с толстыми стеклами. На самом деле иллюминаторы служили стенами, и даже крыша на башне была прозрачная. Дар окинул взглядом лунный ландшафт, поражавший безумным контрастом яркости и черноты.

— Почему бы просто не установить здесь прозрачный купол?

— По самой банальной причине — так дешевле, — ответил Вайти и указал на огромную серебристую сигару в четверти мили от башни. — Они взлетают, ребятки!

Все застыли в молчании, не отрывая взглядов от корабля. «Отважный новый мир» оторвался от поверхности Луны и устремился ввысь — все дальше и дальше. Поначалу он заслонил своей громадой звездное небо, потом стал подобен прекрасной, парящей в высоте горной вершине, потом начал уменьшаться и действительно стал похож на серебристую сигару, потом — на сигарету, потом — на спичку и в конце концов превратился в серебристую точку. А потом точка ярко засветилась, ослепительно вспыхнула, отбросив

еле заметную тень на ковер у ног троих наблюдателей, и стала таять на глазах.

— Все... — прошептала Лона. — Включили межпланетные двигатели.

Искорка света набирала скорость. Она мчалась к невидимой орбите Плутона, словно крошечное солнце, стремившееся к закату.

Когда искорка стала одной из множества тусклых звезд на черных небесах, друзья со вздохом отвернулись.

— Надеюсь, им все удастся, — грустно улыбнулся Дар. — Интересно, сумеют ли они на самом деле создать свою отсталую цивилизацию?

— Думаю, сумеют, — задумчиво пробормотал Вайти. — Если уж Горацио что-то решит, у него всегда все получается. Надеюсь, они будут счастливы.

— Я тоже, — кивнул Дар и сдвинул брови. — Особенно отец Марко. Но как он сумеет создать там катодеанский монастырь, если из его сознания будут стерты все инженерные познания?

— О, на этот счет я бы не стала переживать, — проворковала Лона, спокойно улыбнувшись.

Вайти искоса опасливо взглянул на нее.

— А ну-ка, дорогая внученька, прекрати коварно улыбаться и немедленно отвечай, кому это ты звонила?

— Всего-навсего компьютеру «Отважного нового мира», дедушка! Добыть код было совсем легко — нет проблем, когда знаешь, как пробиться к главному блоку памяти.

— Ну, ясное дело! Проще простого! Для этого только и нужно — взломать несколько десятков самых секретных блоков во всей системе!

Лона пожала плечами:

— Элементарная логическая цепочка.

— Ага, и она все элементарнее с каждым часом. Ну и что же вы с «Отважным новым миром» поведали друг дружке?

— Ну... я ему сказала, что отец Марко — единственный человек на борту, который способен починить компьютер, если он выйдет из строя. Он меня мигом понял и пообе-

щал, что, когда настанет время прочистки мозгов, отец Марко оной прочистки избежит.

Вайти с хитрой усмешкой кивнул.

— А я еще гадал, с чего это он вдруг так возжаждал лететь! Я понимал, что катодеанец, конечно, может хотеть покинуть цивилизацию ради блага Церкви, но техника — это ведь совсем другое дело!

— А я решила, что нашим романтикам было бы все-таки неплохо сохранить какую-то связь с реальностью, — добавила Лона. — И единственное место, где это возможно — так, чтобы знания не просочились в мир, — это стены монастыря.

— Как это благородно и альтруистично с твой стороны, — рассеянно проговорил Вайти.

Лона пожала плечами.

— Мне просто жутко нравится общаться с компьютерами, дедушка.

— Ну ладно, развлекайся, покуда есть такая возможность, — вздохнул Вайти. — Только у меня большое подозрение, что наши новые господа и повелители насчет таких увлечений придерживаются несколько другого мнения.

— Между прочим, мы-то с вами что делать будем? — нахмурился Дар. — Что нас тут ждет? Может быть, Горацио и его дружки — не такие уж безумцы?

— Да, тут в самом ближайшем времени может стать жутко скучно, — согласилась Лона. — Вот почему я вдобавок связалась с компьютером терранского банка, дедушка, и все твои денежки перевела в банк Максимы.

Вайти просиял:

— Как же ты предусмотрительна, детка!

Дар сдвинул брови.

— Максима? Это там, где собрали Векса? Но ведь он говорил, что это жуткая дыра — одни голые скалы!

— Посреди которых стоят заводы, где собирают роботов, — напомнила ему Лона, — а также компьютерные цехи. А живут там инженеры-компьютерщики и кибернетики, то бишь люди моего круга.

— А мне почему-то казалось, что тебя тянет ко всяким там богемным развлечениям...

— Я им с удовольствием предаюсь, когда выпадает такая возможность, но мне хочется совместить такую жизнь с работой компьютерщика. Программы, операционные системы — это ни с чем не сравнимое веселье, уж я-то знаю. И потом, Максима — не так уж немыслимо далеко от Терры. Время от времени смогу летать туда на уик-энды.

— Но деньги-то зачем тебе понадобилось туда переводить? Причем все?

— Затем, что Максима — единственная планета, способная не дать центральному правительству забраться в ее компьютерную сеть, — объяснила Лона. — Денежки там будут как в самом надежном сейфе, не говоря уже о секретности вклада.

— Секретности? Так ты думаешь, что тебя будут искать? — Дар сдвинул брови и обернулся к Вайти. — Вы и вправду считаете, что тут все станет настолько паршиво?

— То, что сейчас произошло, называется «полицейское государство», — ответил Вайти. — В принципе, не исключено, что в него включат и Максиму.

— Теоретически это возможно, но практически вряд ли, — успокоила Дара Лона. — По крайней мере я уж постараюсь поговорить по душам с компьютерами на Максиме.

— Ага, вынешь чип из старого блока, если он там есть, — усмехнулся Вайти. — Твоя мама точно так же бы сказала. Ну ладно, если ты собралась на Максиму, пора трогаться. — Он вынул из карманчика на поясе маленькую рацию и нажал кнопку. — Двигай сюда и не мешкай, — распорядился Вайти и посмотрел на Дара. — Ну а ты? Ты-то хочешь смыться отсюда?

— Да, хотелось бы. Спасибо вам огромное!

— Ясное дело. Знаешь, ты мог бы вернуться на Вольмар — если хочешь, конечно. ЛОРДы уже давно ворчат на тот предмет, что планеты фронтира влетают Терре в копеечку, что нужно отказаться от них и предоставить самим себе. Не исключе-

но, что очень скоро для дальних планет наступят тяжелые времена, но зато они обретут полную свободу.

Дар кивнул:

— Я думал об этом. На самом деле я почти уверен, что генералу Шаклару — нашему губернатору — эта мысль тоже приходила в голову. Да и Майлзу Крофту на Фальстафе.

— Я-то терпеть не могу, когда меня пытаются связать по рукам и ногам, — усмехнулся Вайти. — Думаю, ваш Шаклар такой же. Но если я правильно тебя понял, парень, ты не хочешь возвращаться на Вольмар.

Дар сдвинул брови.

— Как вы догадались?

— Да если бы ты этого хотел, ты бы улетел с Горацио и высадился на Вольмаре вместе со Строгановым! А в чем дело? Успел полюбить приключения?

— Попали в точку, — усмехнулся Дар. — И как вы только ухитряетесь все правильно понимать?

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но и я когда-то был молод.

— Это если поверить в то, что он все-таки состарился, — уточнила Лона и шагнула ближе к Дару. Ему показалось, что от девушки исходят волны силового поля. Глаза ее лучились, она смотрела на Дара с загадочной и удивленной улыбкой. — И куда же ты намерен отправиться?

— Куда угодно, — пробормотал Дар, — где я никогда не услышу о межзвездном заговоре телепатов.

— Ага, славная была шутка, верно? — хохотнул Вайти. — Ни разу в жизни не видел, чтобы такая наглая ложь так здорово сработала, а главное — кое-кто из тех, кто эту ложь сочинил, сами в нее поверили. Обожаю наблюдать за тем, как фантазии начинают жить своей собственной жизнью.

— Ну... не такая уж это была фантазия, — задумчиво покачал головой Дар. — Доля истины в ней все же была.

Вайти искоса глянул на него.

— Ты в этом уверен?

— Ну а как же иначе? — развел руками Дар. — При такой кошмарной шумихе хоть один телепат должен был стоять за всем этим!

— Должен — это одно, — скептически посмотрела на него Лона. — А вот стоял ли на самом деле — это другое. Когда разговор заходит о телепатии, тут напрочь отсутствуют интегральные схемы, и потому я в нее не верю.

— Ты только в телепатию не веришь? — ответил ей Дар столь же скептическим взглядом. — Я бы сказал, что ты с таким же недоверием ко всему на свете относишься.

— В этом есть доля правды, — согласилась Лона. — Что толку о чем-то мечтать? Лучше попытаться осуществить мечту. Телепатия как мечта — что ж, путь она будет, если кто-то ее изобретет, как сверхсветовое радио, как перестройку связей внутри молекул, чтобы они замкнулись в неразрывную цепь электронов.

Скептический взгляд Дара сменился изумленным.

— Значит, такие у тебя мечты?!

— Ну... скажем так: о таких мечтах я могу говорить публично, — снова загадочно улыбнулась Лона, и ее взгляд пронзил Дара насквозь. — А у тебя какие мечты?

Дар нахмурился и устремил взгляд вдаль, на просторы безбрежной лунной равнины.

— Нет... что-то сейчас мне не до мечтаний. Пока мне только хочется как можно скорее оказаться подальше от Терры.

Со звездного неба упала разбухшая бесформенная капля. Она, снижаясь, опустилась к посадочной площадке, недавно покинутой «Отважным новым миром». Крышка люка шлюзовой камеры открылась, катер надежно пристыковался к ней.

— Векс прибыл, — объявил Вайти. — Поспешим, молодежь!

Они вошли в кабину лифта, а выйдя, зашагали по переходному туннелю. Путь длиной в четверть мили преодолели молча. Каждый был погружен в собственные мысли, каждый понимал, что навсегда покидает Терру. Пусть Лона предполагала, что сумеет время от времени наезжать сюда на выходные — только в этом смысле она и думала о Терре. В конце концов, она выросла среди звезд. Для нее Мать-Земля была всего лишь чудаковатой родственницей, к ко-

торой в гости отправляешься только тогда, когда готов вытерпеть муки общения. Дар до этого раза на Терре вообще не бывал, а снова отправляться на эту планету ему совсем не хотелось. А вот Вайти родился и вырос на легендарной прародине человечества. Он хранил массу воспоминаний о Терре, но для него теперь триединое божество было свергнуто с пьедестала: Геката перестала быть матерью и любовницей, она стала убийцей. Если бы он вернулся в ее объятия, он бы погиб. Молодые не знали этого, потому что не знали о том, что задумал Вайти, но сам он все знал и понимал.

Все трое вошли в кабину антигравитационного подъемника, взлетели к люку и вскоре оказались в знакомом интерьере кабины бурового катера.

— Ну, вот мы и дома, — вздохнул Вайти. — То бишь в логове, которое послужит нам домом на ближайшие дни... Векс, дай-ка мне дозу настоящего шотландского виски, будь другом. Хочу тяпнуть хорошенько и полюбоваться видами при отлете.

— Непременно, мистер Тамбурин. А вам? Лона? Дар?

— Неплохо было бы вермута глотнуть, — рассеянно проговорил Дар.

— А мне — только водички, — решительно объявила Лона. — Я за рулем.

Она уселась в кресло пилота и пристегнула ремни. Дар устроился в кресле рядом с ней. Тут послышался негромкий мелодичный звон со стороны бара. Дар встал и взял напитки.

— Садитесь, Вайти. Я вам принесу виски.

Бард с благодарным вздохом опустился в кресло, обернул себя ремнями, защелкнул пряжки, рассеянно взял у Дара стакан, не отрывая взгляда от иллюминатора, из которого была видна огромная, в полнеба, Терра.

— Какой курс мне проложить? — негромко полюбопытствовал Векс.

— Пора решаться, — сказала Лона Дару. — Куда желаешь отправиться?

Дар пристально посмотрел на девушку. Она тоже не отрывала от него взгляда, и взгляд ее был тверд и вопрошающ. И вдруг ее зрачки стали расширяться...

— Куда бы ни отправилась ты, — негромко ответил Дар.

Лона сидела не шевелясь.

— Ты уверен? — спросила она наконец.

— Да, — ответил Дар. — Еще как уверен.

И они умолкли, не отрывая глаз друг от друга.

Вайти прокашлялся и подчеркнуто громко проговорил:

— Ну, ты же понимаешь, Векс, старина, как оно бывает, когда ты молод, и всякое такое...

— В моих базах данных имеется справочная информация такого рода, — подтвердил компьютер.

— В молодости так легко путешествовать в мир своей мечты, — вздохнул Вайти, — оставаясь при этом в мире реальном. Стоит только влюбиться, и тебе уже совершенно до лампочки все, что происходит вокруг тебя.

— Это подобно искусственно вызванным изменениям в сознании?

— Ну да, это примерно то самое состояние, которое пытаются имитировать наркотики, но ты же понимаешь, что такое имитация... Но когда молодые люди впадают в любовный транс, тут уж нам, старикам, приходится вмешиваться, поскольку вывести их из этого транса нет почти никакой возможности. Ну и мы ждем, стоим, так сказать, в дозоре, покуда они не очнутся.

— В каком смысле вы собираетесь стоять в дозоре, мистер Тамбурин?

— Ну... помотаюсь по Терранской Сфере чуток, поброжу, полетаю — в своем обычном духе, буду петь невинные аполитичные песенки, а потом, глядишь, доберусь до Вольмара.

— До Вольмара? Но зачем?

— Что значит — зачем? Со Строгановым повидаюсь и еще с этим Чолли, которого с таким энтузиазмом расписывает Дар. Есть у меня такое подозрение, что они споются и выдадут пару-тройку небезынтересных идей. Конечно, проще всего для меня было бы отправиться вместе с Горацио. Ну, то есть у меня есть кое-какая ответственность, долг, можно сказать. Нужно же убедиться в том, что эти двое желторотых воробышков совьют себе гнездо, а потом уж

можно отправляться в странствия. А учитывая, с какой скоростью они продвигаются к этому гнезду, я, видно, не скоро еще обрету свободу...

— А я думала, ты влюблен в Сэм, — наконец выговорила Лона.

Дар покачал головой:

— Ничего подобного. Ну, может, что и было... немножко... но только до твоего появления. Она была прекрасным товарищем, когда тучи сгущались, но как о возлюбленной я о ней ни разу не думал.

— Вот как? — сухо проговорила Лона. — Это почему же?

— Потому, — совершенно серьезно ответствовал Дар, — что я не способен полюбить девушку, которая читает мои мысли.

Несколько секунд Лона сидела не шевелясь.

— Сэм? — ошарашенно проговорила она наконец. — Она — самый настоящий живой телепат, который стоял за всей этой жуткой заварушкой?

— Корреляции весьма точные и очевидные, — негромко вставил Векс, — если вы сообщили мне точные сведения. Она точно знала, где именно спрятаны документы в багаже сотрудников Билабера, она сумела безошибочно определить код сложнейшего замка, она провела Дара по лабиринту мафиозного подземелья на Фальстафе... Прибавим к этому ее эмоциональные реакции на развернутую правительством охоту на ведьм... Удивительно другое: как никто из вас, и я в том числе, не догадался об этом раньше.

— А ведь Вексу были известны все факты, — сказала Лона и устремила на Дара подозрительный взгляд. — Я и не предполагала, что вы успели так подружиться.

— А он — замечательный слушатель, — усмехнулся Дар.

— Между тем его никто не просил определить личность потенциального телепата. — Взгляд Лоны из подозрительного стал вдумчивым. — А ты сам когда это понял?

— Сразу после того, как отец Марко похитил меня из того жуткого места, где меня допрашивали. Я понял, что вспышки и шумы — это настолько серьезная мозговая атака, что эти типы и вправду были уверены в том, что в на-

шей компании есть самый настоящий телепат. А потом я вспомнил о том, как вечно подозрительная и хмурая Сэм вдруг по уши втрескалась в Горацио Бочелло с первого взгляда. Это было совершенно на нее не похоже. Что-то она в нем такое увидела, чего не увидел никто из нас, а увидеть это она могла единственным способом.

— Заглянув к нему в сознание, — кивнула Лона и поджала губы. — Назовем это любовью с первого, но очень глубокого взгляда.

— Однако Генеральный Директор не осознает того факта, что телепатом являетесь не вы, Дар, — заметил Векс. — Нет никаких сомнений в том, что он будет гоняться за вами до конца своих дней, а потом погоню продолжит его преемник. Телепат мог бы стать незаменимым союзником для диктатора.

— Ага, я и об этом подумал. Но надеюсь, мне удастся-таки отыскать какое-нибудь тихое местечко, где я стану жить, особо не высовываясь. Глядишь, никто меня и не тронет. Естественно, придется принять кое-какие стандартные меры предосторожности, типа изменения имени...

— И какое же имя у тебя на уме?

— Да ничего такого замороченного... Только сейчас думать неохота — устал я зверски, — вздохнул Дар и откинулся на спинку кресла. — Наверное, возьму свое настоящее имя и как-нибудь его поверчу туда-сюда. Ну, например, пусть будет д'Арман вместо Дара Мандры или еще как-нибудь в этом духе. — Он повернул голову к Лоне. — Тебе, кстати говоря, тоже неплохо над этим голову поломать — за тобой ведь тоже будут охотиться.

— Да, — кивнула Лона. Глаза ее весело сверкали. — Я понимаю.

— Ну, так ты будешь имя менять или нет?

— Да, пожалуй, — ответила Лона. — И мне очень нравится, как это звучит — д'Арман...

Чародей поневоле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАТАРИНА ИЗ РОДА ПЛАНТАГЕНЕТОВ

Астероид вылетел из-за Единорога, обогнул солнце типа G и устремился к пятой планете его системы. Такая траектория несколько нетипична для астероидов.

Он попал в сети притяжения планеты, трижды облетел ее по трем разным орбитам и ворвался в атмосферу, подобный прекрасной падучей звезде.

На высоте ста футов астероид притормозил, а потом помчался к поверхности планеты. Именно к поверхности, заметим: он не вызвал пожара, не оставил кратера и вообще не совершил ничего ужасного — только траву примял. Его собственная поверхность была искорежена и обожжена дочерна из-за страшного трения при падении, и все же астероид, в общем и целом, остался невредим.

А глубоко внутри него звучали слова, которые призваны были изменить судьбу планеты:

— Будь прокляты твои паршивые припадки!

Голос утих, его обладатель нахмурил брови и прислушался.

В кабине стояла непроницаемая тишина, не слышалось привычного гула, сопровождающего переход из одной среды в другую.

Молодой человек выругался, сорвал с себя ремни, защищающие от перегрузок, выбрался из кресла пилота, постоял, покачиваясь, на плохо слушавшихся его ногах, раскинул руки и наконец добрел до обитой пластиком стенки.

Держась за нее одной рукой, другой он коснулся панели на противоположной стенке круглой кабины. Нажал на защелки, проклиная на чем свет стоит старомодный дизайн,

открыл дверцу, нажал кнопку, развернулся и, не удержавшись на ногах, упал в кресло.

Кабина огласилась негромким гудением. Приглушенный голос, звучавший то быстрее, то медленнее, то выше, то ниже, поинтересовался:

— Вввзее лллии (ик!) в ббборяаадггее... мммлорд Родни?

— Почему-то другим везет, — процедил сквозь зубы милорд, — и им достаются классные роботы, а мне вот эпилептик попался!

— Еззли эддо вазз уддежжит, ммлорд, вважж ггенеррадор можжно...

— Заменить, — закончил фразу Родни, — а все твои микросхемы можно вырвать с мясом и перебрать. Нет уж, спасибо, твоя личность мне симпатична такая, как есть, за исключением тех случаев, когда ты выбираешь такие посадочные площадки, что у меня ключицы наружу вылезают!

— Еззли ммлорд брозздид бедя... ддело в ддом, жддо вв ззаммый ггриддиджжезгий бобенд бризземледдия я бболуджил оддид одджень оззобеддый раддиоззигнал, годорый...

— И тебя это отвлекло, ты это хочешь сказать?

— Ммлорд, ббыло гграйне вважждо бброанализзирровадь...

— Стало быть, некая часть тебя занималась анализом радиоволн, а другая часть совершала посадку корабля, и подобное напряжение умственных усилий оказалось чересчур большим, и, как следствие, ослабевший генератор... Векс! Сколько раз я тебе говорил: не отвлекайся от главного!

— Ммлорд ввыраззил жжелание ббыдь дагим, гаг...

— Как герои саг времен освоения космоса, все правильно. Но это вовсе не означает, что я жажду мириться с тем дискомфортом, что приходилось терпеть им.

Электронная система Векса почти оправилась после пережитого спазма.

— Но... ммлорд, бонядие героиззма бредуззмаддриваедд...

— Ой, хватит тебе, — простонал Родни. — Забудь и не вспоминай.

Векс послушно стер из памяти часть данных.

Векс вообще был на редкость покладист. И еще он был подлинной реликвией — одним из немногих уцелевших роботов системы ВКС (Верных Кибернетических Спутников), первые модели которых уже две тысячи лет назад как вышли их употребления. Роботы этой системы были запрограммированы на исключительную верность своим владельцам, и, как следствие, многие из них погибли смертью храбрых, защищая хозяев в кровавый период Межвластия, который продолжался от падения древнего Галактического Союза вплоть до создания Пролетарской Изолированной Социалистической Коммуны (ПИСК) на Терре.

Векс (чье имя образовалось вследствие попытки прочесть аббревиатуру как одно слово) уцелел только благодаря поразившей его эпилепсии. Его генератор был дефективен и в моменты перенапряжения выдавал накопленную энергию массированным импульсом, длящимся несколько миллисекунд. Как только появлялись первые симптомы этого электронного паралича — проявлявшиеся первым делом в ошибках в расчетах, — срабатывал главный контур, и дефективный генератор вырабатывал энергию в полной изоляции от других микросхем Векса, но робот выходил из строя вплоть до полного восстановления системы.

Поскольку эти припадки случались с Вексом исключительно в самые экстремальные моменты — при попытке совершить посадку звездолета, больше похожего на астероид, при стараниях расшифровать сложный радиосигнал или защитить хозяина от трех покушений одновременно, — Векс более или менее благополучно пережил период Межвластия: когда пролетарии напали на своих господ, робот мужественно сражался в течение двадцати пяти секунд, после чего просто-напросто вырубился. Вот так он превратился в раритет и стал отважным слугой, оставшимся в живых благодаря собственной дефективности. Векс был одним из пяти до сих пор работавших роботов системы ВКС.

Вследствие всего вышеуказанного он стал семейной реликвией дома д'Арманов, почитаемой и за немыслимую древность, но еще более — за верность, а истинная

верность в аристократических семействах всегда ценилась на вес золота.

И потому, когда Родни д'Арман решил покинуть родовое гнездо в поисках славы и приключений (а что ему еще оставалось делать, когда он был младшим сыном младшего сына?), его отец настоял на том, чтобы он захватил с собой Векса.

Общество Векса Рода большей частью радовало, но случалось, роботу весьма недоставало тактичности. Ну, к примеру... Вот хотя бы сейчас, после крайне резкого приземления, Рода просто-таки наизнанку выворачивало, а услужливый Векс возьми да и поинтересуйся:

— Не желаете ли отобедать, милорд? Ну, скажем, как насчет эскалопа со спаржей?

Род побагровел, скрипнул зубами, сражаясь с тошнотой.

— Нет, — проскрипел он, — и никакой я тебе не милорд. Мы на задании, не забывай.

— А я никогда ничего не забываю, Род. Разве что только при получении соответствующей команды.

— Да знаю я... — с мукой проговорил Род. — Это я так, фигурально выразился... — Род опустил ноги на пол и, болезненно морщась, встал. — Надо бы мне свежим воздухом подышать, Векс, чтобы так не мутило. Есть у нас хоть немного в запасе?

Робот некоторое время задумчиво щелкал, затем сообщил:

— Атмосфера для дыхания пригодна. Но лучше надеть свитер.

Род, ворча, натянул куртку пилота.

— Неужели у всех старых слуг формируется комплекс наседки?

— Род, если бы ты прожил так долго, как я...

— Я бы мечтал о том, чтобы меня дезактивировали. Понимаю. Робот всегда прав. Открой люк, Векс.

Двустворчатые двери небольшого люка разъехались в стороны, образовался черный круг, испещренный звездами. В кабине пахнуло прохладным ветерком.

Род запрокинул голову, с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух. Он даже глаза прикрыл от удовольствия.

— О, благословенные ароматы земли! И кто же тут обитает, Векс?

Векс заурчал, обрабатывая сделанные с орбиты электронным телескопом снимки и интегрируя визуальную информацию в сравнительное описание планеты.

— Массивы суши представляют собой пять континентов, один крупный остров и множество более мелких островов. На континентах и мелких островах наблюдается сходная растительность — экваториальный тропический лес.

— Что, даже на полюсах?

— Примерно в ста милях от обоих полюсов. Полярные шапки на редкость малы по площади. Фауна ограничивается амфибиями и роями насекомых. Можно предположить, что моря населены рыбами.

Род потер подбородок:

— Похоже, мы угодили в какую-то раннюю геологическую эпоху.

— В каменноугольную эру, — уточнил робот.

— А как там насчет этого единственного крупного острова? Мы ведь именно на него приземлились, наверное?

— Именно так. Нативной флоры и фауны здесь нет. Все формы жизни типичны для позднего терранского плейстоцена.

— И насколько позднего, Векс?

— Времен истории человечества.

Род кивнул:

— Иначе говоря, сюда нагрянула орда колонистов, выбрала себе островок, истребила тут местную флору и фауну, засадила почву терранскими растениями, развела своих животных. А почему они выбрали именно этот остров, не догадываешься?

— Он достаточно велик по площади, чтобы тут могла разместиться многочисленная популяция, но при этом достаточно мал для того, чтобы свести к минимуму экологические проблемы. Кроме того, остров расположен вблизи полярного океанического течения, которое несколько сни-

жает среднюю местную температуру по сравнению с общетерранской.

— Как удобно! — отметил Род. — Никаких забот с созданием искусственного климата. Ну а как тут с остатками городов времен Галактического Союза?

— Никаких следов, Род.

— Никаких?! — Род от изумления выпучил глаза. — Что-то тут не сходится. Ты уверен, Векс?

Картина развития затерянной или отсталой колонии — такой, что выпала из контакта с галактической цивилизацией на тысячелетие и более, — делилась на три четко очерченные стадии: первая стадия состояла в организации поселения вокруг современного города с развитой техникой, вторая характеризовалась утратой связи с галактической культурой, за чем следовала перенаселенность города, которая, в свою очередь, вела к массовой миграции в незаселенные районы и переходу к аграрной, натуральной экономике. Третья стадия отличалась потерей знаний о технике, что сопровождалось ростом предрассудков, проявлявшихся в отказе, а со временем и в объявлении табу на угольно-паровые технологии. В этот период ужесточались социальные отношения, появлялась кастовая система. Мода и архитектура чаще всего представляли собой карикатуру на тенденции Галактического Союза: к примеру, бывали распространены небольшие деревянные домики в форме полусферы — имитации галактических геодезических пунктов.

Но всегда, на всех стадиях, существовали руины городов — непременный символ и основа мифологии. Всегда.

— Ты уверен, Векс? Ты совершенно уверен в том, что никакого города здесь нет?

— Я всегда уверен, Род.

— Это точно, — кивнул Род и потеребил нижнюю губу. — Иногда ты ошибаешься, но сомнения тебя никогда не терзают. Ну ладно, вопрос с городом пока отложим. Может, его смыло приливной волной. Давай-ка уточним насчет террансских форм жизни.

Род просунул голову в отверстие люка диаметром в три фута, спрыгнул, приземлился на четвереньки, встал на колени, вытащил из чехла на ремне походный нож. Надо сказать, ножу была придана такая нейтральная форма, чтобы его нельзя было отнести ни к одной из известных этнических культур.

Чехол для ножа представлял собой тонкий конус из белого металла с небольшой кнопочкой возле рукоятки. Род срезал ножом несколько травинок, сунул их в чехол и нажал на кнопку. Миниатюрный анализатор, встроенный в чехол, принялся исследовать травинки с помощью ультразвука. Изучив молекулярную структуру травинок, анализатор передал полученные сведения Вексу, а тот должен был определить, есть ли в составе травы какие-нибудь молекулы, несовместимые с метаболизмом человека. Если бы трава оказалась ядовитой для Рода, Векс передал бы анализатору соответствующий сигнал, от чего чехол для ножа стал бы лиловым.

Однако на сей раз серебристый металл сохранил полную и бесповоротную первозданность.

— Понятно, — заключил Род. — Терранская травка, скорее всего посеянная здесь терранами, и это — терранская колония. Но где же все-таки город?

— Есть большой город... его население около тридцати тысяч... в предгорьях хребта на север отсюда, Род.

— Ну... — Род поскреб подбородок. — Это не совсем то, что я имел в виду, но все же лучше, чем ничего. Ну и что за город?

— Он стоит на пологих склонах высокого холма, на вершине которого возвышается высокая каменная постройка, сильно напоминающая терранский средневековый замок.

— Средневековый! — вырвалось у Рода.

— Сам же город застроен бревенчато-каменными домами. Вторые этажи нависают над узкими улочками, я бы даже сказал — аллеями.

— Наполовину бревенчатые дома? — Род поднялся на ноги и выпрямился. — Минуточку, минуточку! Векс, а тебе ни о чем не напоминает такая архитектура?

Робот пару мгновений молчал, затем изрек:

— О северноевропейском Ренессансе.

— А это, — заметил Род, — крайне нетипично для отсталой колонии. И насколько эти дома похожи на те, что строили в эпоху Возрождения, Векс?

Робот помолчал и немного погодя ответил:

— Сходство полное до мельчайших деталей, Род.

— Значит, это сделано намеренно. А как насчет замка? Он тоже из эпохи Возрождения?

Робот снова помолчал.

— Нет, Род. Он представляется мне точной копией германского стиля тринадцатого века после Рождества Христова.

Род взволнованно кивнул:

— А одеваются тут как?

— Мы в данный момент находимся на ночном полушарии планеты и приземлились также в ночное время. Три спутника планеты неплохо освещают ее отраженным светом, но на улицах людей совсем немного... Но вот небольшой отряд солдат верхом на терранских лошадях. Форма на них... точная копия английских бифитеров.

— Прекрасно! И больше никого?

— Гм-м-м... Пара мужчин, одетых... в балахоны, камзолы и обтягивающие штаны... и еще... группа крестьян в смокингах и ботинках на шнурках...

— Вполне достаточно, — прервал его Род. — Сущий компот, смешение стилей. Наверняка кто-то тут пытался воплотить в жизнь свои представления об идеальном мире, Векс. Ты об эмигрантах-романтиках слыхал когда-нибудь?

Робот немного помолчал, копаясь в банках памяти. Затем он забубнил:

— К концу двадцать второго столетия нашей эры обстановка накалилась. Устав от жизни в условиях «комфортабельного отчаяния», люди поначалу обратились к мистицизму, а затем к литературе эскапистского толка и буйным развлечениям. Постепенно псевдо-Средневековье стало преобладающей разновидностью досуга.

Наконец группа богачей в складчину приобрела списанный сверхсветовой звездолет. Они заявили всему миру о том, что нарекают себя эмигрантами-романтиками, что они намереваются возродить былую славу средневекового образа жизни на ранее не заселенных планетах и выражают готовность принять на борт корабля некоторое число эмигрантов на должности слуг и торговцев.

Желающих лететь оказалось, естественно, больше, нежели посадочных мест. Отбирали их по принципу «поэтичности душевного настроя» — что бы это ни значило.

— Это значило, что они любили слушать сказки про привидения, — буркнул Род. — И что случилось потом?

— Список пассажиров был заполнен быстро. Тринадцать миллиардеров, организовавших эту экспедицию, объявили, что отныне они отрекаются от своих прежних фамилий и принимают имена великих аристократов Средневековья — Бурбонов, Медичи и так далее.

А затем корабль стартовал, но цель его назначения намеренно не разглашалась, дабы успех предприятия «не был запятнан вмешательством материалистического мира». Больше об эмигрантах-романтиках никто никогда ничего не слышал.

Род мрачно усмехнулся:

— Похоже, мы как раз их и разыскали. Как твоим диодам нравится такая догадка?

— Они не против, Род. На самом деле статистический анализ вероятностей того факта, что здесь расположилась колония эмигрантов-романтиков, дает следующие...

— Лучше не надо, — поспешно прервал Векса Род. Статистика была коньком робота. Дай ему только возможность выговориться, он бы завелся на несколько часов.

Род поджал губы и придирчиво осмотрел ту часть обшивки, под которой располагался мозг Векса.

— Вообще-то, если задуматься, ты мог бы направить в АБОРТ свои статистические выкладки, сопроводив их сообщением о том, что мы обнаружили колонию романтиков. Приступай к этому прямо сейчас. Мне бы хотелось, чтобы

они были в курсе того, где мы находимся, — так, на всякий случай.

АБОРТ — Ассоциация Борцов с Ростками Тоталитаризма — была организацией, ответственной за поиск затерянных колоний. Пролетарская Изолированная Социалистическая Коммуна проявляла самый вялый интерес к любым колониям, где отсутствовала современная техника, и потому затерянные колонии оставались затерянными до тех пор, покуда ПИСК не сменился ДДТ, то бишь Децентрализованным Демократическим Трибуналом. ДДТ быстро консолидировал свое правление на Терре, а править стал в соответствии с практически недостижимыми установками афинской демократии.

Давным-давно было известно, что неэффективность демократических форм правления большей частью проистекает из-за неадекватности систем связи и распространенности предрассудков. Между тем лет за двести ячейки ДДТ уподобились шумливым школьным классам и в результате добились всеобщей и полной грамотности и того, что семьдесят пять процентов населения могли похвастаться степенями магистров. Предрассудки же пополнили перечень излечимых заболеваний наряду с полиомиелитом и раком. Проблемы связи были решены посредством разработки в лабораториях ДДТ субмолекулярной электроники, которая понизила объем и стоимость оборудования для связи до такой степени, что впервые представилась возможность практического применения этого технического новшества. В итоге каждый индивидуум получил возможность выскакивать на трибуну с речью в любое мгновение, а будучи людьми образованными, индивидуумы проявляли тенденцию высказываться исключительно по общим вопросам, что нисколько не вредило демократии.

Выступления по радио оказались наиболее эффективными вследствие их автоматической записи. Проблемы записи и прочих бюрократических закавык решали с помощью ленты нового типа, ширина которой равнялась одной молекуле, а также за счет развития систем обработки информации такой эффективности, что запоминание фактов

стало стопроцентным. В итоге образование превратилось в изучение общих понятий, и успех демократии тем самым был гарантирован.

По истечении двух столетий такой вот подготовительной деятельности ДДТ-революция стала пустой формальностью.

Однако по окончании революций революционеры сразу становятся не нужны и чаще всего превращаются в головную боль для полицейских сил нового правительства.

И потому лидеры ДДТ решили не проявлять эгоизма, а проявили они полную готовность поделиться благами демократии с прочими остатками былого Галактического Союза.

Но вот беда: демократов не слишком жалуют на планетах, где имеют место тоталитарные режимы, не больно их любят и там, где воцарилась анархия, — это заложено в самой природе демократии, которая является единственным приемлемым компромиссом между тоталитаризмом и анархией.

Словом, потребовалась постоянно действующая организация революционеров, закоренелых демократов-республиканцев. Поскольку в ту пору безработных революционеров было пруд пруди, организация такая была сформирована в мгновение ока, и нарекли ее Ассоциацией Борцов с Ростками Тоталитаризма. Закоренелые революционеры по-прежнему доставляли властям беспокойство — тем большее, что их по-прежнему было довольно много, вот их-то и отправляли в одиночку разыскивать затерянные колонии.

Так и образовалась АБОРТ, организация, чья цель заключалась в поиске отсталых планет и выведении их на светлый путь демократии.

И поскольку Род отыскал средневековую планету, скорее всего ему предстояло подтолкнуть ее к переходу в фазу конституционной монархии.

Род, урожденный Род д'Арман (у него было еще пять промежуточных имен, но перечислять их все — замучишься), появился на свет на планете, где обитали исключительно аристократы и роботы, вступил в ряды АБОРТ в

нежном возрасте восемнадцати лет. За десять лет рачительных трудов на этом поприще он превратился из угловатого сутулистого юноши в стройного, крепкого и некрасивого мужчину.

Лицо у него было аристократичное — тут следовало отдать ему должное, но не более того. Редеющие волосы сменялись плоским низким лбом, заканчивавшимся выступавшими надбровными дугами, немного скрываемыми за счет кустистых бровей. Под бровями прятались запавшие глазницы, а на их дне примостились чуть припухшие суровые глаза — ну, то есть это Роду хотелось верить, что суровые.

Скулы у Рода были высокие и плоские, а острый крючковатый нос вполне сгодился бы орлу. Широкий тонкогубый рот — даже во сне губы Рода кривились в сардонической усмешке. Квадратный вздернутый подбородок.

Род предпочитал считать свое лицо сильным и мужественным, однако черты его необычайно преображались и смягчались, стоило какой-нибудь девице улыбнуться Роду. То же самое обычно происходит с собаками и детьми, только гораздо чаще.

У Рода была Мечта (некогда была у него и Девушка Его Мечты, но теперь она была замужем за его приятелем), а Мечта эта заключалась в установлении единого галактического правительства (демократического, естественно). Межзвездная связь по-прежнему хромала и никак не приличествовала истинно демократической федерации. В действительности ДДТ представлял собой довольно-таки произвольное и не очень прочное объединение планет, являвшееся скорее неустойчивым сообществом и сервисной организацией, чем бы то ни было еще.

Однако в один прекрасный день должны были появиться адекватные средства связи — в этом у Рода не было ни малейших сомнений. И когда такие средства появятся, звезды будут к этому готовы. Уж об этом Род собирался позаботиться.

— Ладно, Векс, пора браться за дело. А то мало ли, вдруг кто-то набредет на нас.

Род подтянулся, забрался в люк и прошел в кабину. Подойдя к стенной панели, он отстегнул скобы. За панелью находился небольшой пульт, а над пультом — белая тусклая металлическая сфера с тупым выростом размером примерно с баскетбольный мяч. На верхушке сферы торчал толстый кабель, соединенный со стенкой.

Род отсоединил кабель от стенки, отвернул крепежные детали и осторожно приподнял сферу.

— Полегче, — предупредил Рода голос Векса из наушника, имплантированного в кость черепа над ухом. — Я же хрупкий, ты знаешь.

— Мог бы не предупреждать, — пробормотал Род. Микрофон, вмонтированный в его нижнюю челюсть, донес его слова до Векса. — Я ведь тебя пока не уронил, верно?

— Пока нет, — отозвался робот.

Род взял мозг робота под мышку, а свободной рукой открыл люк. Снова выбравшись из корабля, он нажал на выступ на наружной обшивке. Потайная панель в боку псевдоастероида скользнула вверх. Внутри на антиперегрузочных ремнях висел большой черный конь. Голова его свисала между передних ног, глаза были закрыты.

Род нажал на кнопку, и из грузового отсека выдвинулась стрела крана, приподняла коня и опустила на землю. Род крутанул седельную луку, и в боку коня открылось отверстие.

Род поместил электронный мозг в это отверстие, подсоединил его к внутренним кабелям, снова повернул седельную луку, и панель закрылась. Конь медленно поднял голову, прянул ушами, дважды моргнул и издал негромкое, робкое ржание.

— Все в полном порядке, — произнес голос за ухом Рода. — Если ты выпутаешь меня из этой «колыбели для кошки», я проверю двигательные функции.

Род усмехнулся и снял с коня спасательные ремни. Конь встал на дыбы, помотал передними ногами в воздухе и пустился галопом. Род не без удовольствия наблюдал за тем, как скачет его верный робот. При этом он внимательно обозрел окрестности.

Корабль-астероид приземлился посреди луга, поросшего густой травой. Луг обрамляли дубы, орешник, липы и осины. Стояла ночь, но свет трех лун ярко озарял все вокруг.

Робот рысью вернулся к Роду, встал на дыбы и остановился перед хозяином. Передние копыта ударили по земле, огромные карие глаза смотрели на Рода.

— Я готов, — сообщил Векс.

Род снова усмехнулся:

— Поблизости — ни единого конника, так что можешь сильно не выпендриваться.

— Так-таки ни единого?

— Ну... почти. Пойдем-ка, надо спрятать корабль.

Род нажал на выступы на обшивке. Грузовой отсек закрылся, герметично запечатался входной люк. Корабль начал вращаться — поначалу медленно, потом все быстрее и быстрее и в конце концов ввинтился в землю. Вскоре на его месте осталась только воронка, окаймленная кольцом дерна, из которой фута на три торчала верхушка астероида.

Род вытащил из притороченного к седлу Векса мешка походную лопатку, разложил ее и взялся за работу. Конь не остался в стороне, он подбрасывал землю с краев кольца копытами. За десять минут стенки кольца понизились до шести дюймов. Посередине возвышался земляной холм двадцати футов в поперечнике и фута два высотой.

— Отойди-ка, — распорядился Род, вынул кинжал, повернул его рукоятку на сто восемьдесят градусов и навел острие на холм. Загорелся красный огонек на рукоятке, дерн полыхнул ярко-алой вспышкой и растаял.

Род медленно повел лучом по окружности воронки. Наконец почва на месте, где был спрятан корабль, стала ровной. Род подровнял остатки кольца. Остался еле заметный ров, но он должен был исчезнуть после первого же дождя.

— Ну вот и все, — заключил Род и отер пот со лба.

— Не совсем.

Род опустил плечи. У него противно сосало под ложечкой.

— Тебе еще нужно обзавестись одеждой, соответствующей этому обществу и исторической эпохе, Род.

Род закрыл глаза.

— Я предусмотрительно упаковал дублет в левую седельную сумку, покуда ты проводил опыты с травинками, Род.

— Послушай, — сказал Род, — а по-моему, моя форма тут вполне сойдет, или тебе так не кажется?

— Штаны в обтяжку и солдатские ботинки — да. Но вот летную куртку твою за камзол вряд ли кто примет. Нужны еще аргументы?

— Да нет, пожалуй, — вздохнул Род и подошел к седельной сумке. — Конечно, успех дела — прежде всего, прежде и выше всех соображений личного комфорта, гордости и... эй!

Он уставился на нечто длинное и тонкое, свисавшее с седла.

— «Эй» — что, Род?

Род снял с седла странный предмет. На одном его конце имелась рукоятка, которая довольно громко дребезжала. Род поднес предмет к морде Векса:

— Это еще что такое?

— Это шпага елизаветинских времен, Род. Древнее оружие, нечто вроде длинного ножа, годится как для режущих, так и для колющих ударов.

— Оружие? — Род глянул на робота так, словно сомневался в его вменяемости. — Я что, должен носить его?

— Конечно, Род. По крайней мере если ты решил действовать в рамках одной из своих обычных легенд.

Род изобразил жест, приличествующий христианскому мученику, и вытащил из седельной сумки камзол. Напялив его, он приторочил шпагу к поясу справа.

— Нет-нет! — запротестовал робот. — Она должна быть слева. Выхватывать следует противоположной рукой.

— Чего только не выстрадаешь ради демократии... — Род закрепил шпагу на поясе слева. — Векс, а тебе никогда не приходило в голову, что я — фанатик?

— Естественно, Род. Классический случай сублимации.

— Я спросил, каково твое мнение на этот счет, и не требовал от тебя психоанализа, — проворчал Род. — Эй! А ведь недурно, ей-богу, недурно! — Он расправил плечи, вздернул подбородок, выпрямился. Алый с золотом камзол ярко сверкал в лучах лун. — Как тебе, Векс?

— Выглядишь потрясающе, Род, — отметил робот, и в его металлическом голосе прозвучали нотки изумления.

Род нахмурился:

— Надо бы еще плащ для полного комплекта...

— В седельной сумке, Род.

— Ну, все продумал, а?

Род покопался в сумке и вынул оттуда просторный плащ цвета электрик — в тон с обтягивающими форменными штанами.

— Там цепочка, — сообщил Векс. — Она проходит под левой подмышкой и выходит к шее справа, Род.

Род запахнул и застегнул плащ и развернулся лицом к ветру. Плащ, ниспадая с его широких плеч, заплескался на ветру.

— Ну, вот это то, что надо! Ну чем я не хорош, а?

— Просто-таки иллюстрация из томика Шекспира, Род.

— За лесть получишь двойную порцию смазки, — усмехнулся Род и вспрыгнул в седло. — Скачи к ближайшему городу, Векс. Не терпится покрасоваться в новом наряде.

— Ты забыл засеять место посадки, Род.

— Что? Ах да! — Род вытащил небольшой мешочек из седельной сумки и высыпал его содержимое на круг черной земли. — Вот так! Пусть только прольется один скромный ливень, и тут все так зарастет, что от остального луга будет не отличить. Будем надеяться, что в ближайшие пару дней сюда никого не занесет...

Конь вздернул голову, навострил уши.

— В чем дело, Векс?

— Слушай, — отозвался робот.

Род тихонько выругался и прикрыл глаза.

Издалека ветром донесло веселые молодые голоса и радостный смех.

— Похоже, компания каких-то молокососов устроила пикничок.

— Они приближаются, — негромко сообщил Векс.

Род снова закрыл глаза и прислушался. Звуки действительно приближались.

Он развернулся к северо-востоку — похоже, звук доносился именно с той стороны — и обозрел горизонт. Ничего — только три луны на небе.

По диску одной из них проползла тень. За ней еще три.

Смех слышался гораздо ближе и громче.

— Примерно семьдесят пять миль в час, — пробормотал Векс.

— Что-что?

— Семьдесят пять миль в час. Скорость их приближения.

— Гм-м-м... — изрек Род и пожевал нижнюю губу. — Векс, а давно ли мы приземлились?

— Примерно два часа назад, Род.

Что-то просвистело у Рода над головой. Он вскинул голову:

— Ты видел, Векс?

— Видел, Род.

— Они летают, Векс!

Пауза.

— Род, я вынужден попросить тебя мыслить логично. В цивилизации, пребывающей на данной стадии развития, еще не могут быть развиты воздушные перевозки.

— Я не про транспорт говорю. Они *сами* летают.

Снова пауза.

— Люди сами летают, Род?

— Ну да, — упавшим голосом подтвердил Род. — Хотя мне показалось, что та дама — она только что пролетела над нами — сидела верхом на метле. Кстати, она была очень недурна собой. И жутко похожа на даму из покерной колоды... Векс?

Ноги коня окостенели, голова повисла.

— О, черт! — выругался Род. — Только не это опять!

Он наклонился, пошарил под лукой седла и щелкнул переключателем. Конь медленно поднял голову и помотал ею. Род ухватился за поводья и пустил коня по лугу шагом.

— Жддо ззлуджилоззь, Рооддд?

— Да припадок у тебя опять, Векс. Так что теперь, что бы то ни было, ни за что не смей ржать, понял? Эта воздушная вакханалия направляется прямой наводкой в нашу сторону, и не исключено, что они отправились на поиски падучей звезды. А мы со своей стороны держим путь вон к тому густому высокому лесу — и очень тебя прошу, потише.

Как только Векс доскакал до деревьев на краю луга, Род обернулся, чтобы посмотреть на летающую флотилию.

Примерно в полумиле в небе кружила молодежь, издавая радостные вопли и выкрикивая приветствия. Ветер доносил до Рода обрывки фраз.

— Возрадуйтесь, чада! Это леди Гвен!

— Явилась ли ты наконец во имя того, чтобы стать матерью нашего шабаша, Гвендилон?

— Краса твоя не увяла, о прекрасная Гвендилон! Как ты поживаешь?

— Покуда я еще не качаю младенцев в люльке, Рандаль...

— Такое ощущение, что на вечеринку в Ведьминский Колледж угодила какая-то домохозяйка, — проворчал Род. — Ну, ты как там, Векс, протрезвел?

— В голове прояснилось по крайней мере, — отозвался робот. — В моей основной программе возникла новая директория.

— О! — вздернул брови Род.

— Целиком и полностью. Они действительно летают.

Воздушная пляска мало-помалу упорядочилась. «Ведьмы», некоторое время пометавшись над лугом с криками и хохотом, запорхали над кругом не заросшей травой земли и одна за другой опустились на землю.

— Что ж, не приходится сомневаться, с какой целью они сюда слетелись, верно? — вздохнул Род, спрыгнул на землю и уселся по-турецки, прислонившись спиной к пе-

редним ногам Векса. — Делать нечего, будем ждать. — Он повернул печатку своего перстня на девяносто градусов и навел его на сборище. — Давай, Векс, транслируй.

Перстень с печаткой теперь работал как мощный, узконаправленный микрофон. Его сигнал транслировался через Векса в наушник за ухом Рода.

— Следует ли нам принести весть об этом королеве?

— Не думаю. Это доставит ей излишние треволнения, а хлопот у нее и без того в избытке.

Род нахмурился:

— Ты что-нибудь понимаешь, Векс?

— Только то, что они беседуют на английском елизаветинской эпохи, Род.

— Вот почему, — сказал Род, — в такие экспедиции АБОРТ всегда отправляет человека в сопровождении робота. Ладно, давай начнем с самого очевидного: их речь подтверждает нашу догадку, и мы угодили в колонию эмигрантов-романтиков.

— Ну да, естественно, — пробормотал Векс несколько обиженно и недоуменно.

— Ну ладно тебе, старый симбиот, не злись. Я же понимаю, ты не станешь говорить о самом очевидном, а между тем невнимание к самым очевидным фактам порой приводит к тому, что проходишь мимо тайн, которые лежат прямо на поверхности и видны невооруженным глазом, верно?

— Ну...

— Верно. Так вот... Они упомянули о королеве. Следовательно, здешняя форма правления представляет собой монархию, как мы и предполагали. Эта группа подростков объявила себя «шабашем», следовательно, они считают себя ведьмами... Учитывая их способ передвижения, я склонен с этим согласиться. Но...

«Но» на некоторое время повисло в воздухе. Векс навострил уши.

— А еще они говорили о том, сообщить о чем-то королеве или не стоит. Следовательно, они имеют доступ к королевскому уху. Что же это значит, Векс? Что королева поощряет колдовство?

— Совсем не обязательно, — рассудительно возразил Векс. — Показательным примером может служить история царя Саула и Аэндорской волшебницы...*

— Однако не исключена вероятность того, что эти дамочки вращаются при дворе.

— Род, ты делаешь слишком поспешные выводы.

— Отнюдь. Просто на меня снизошло озарение.

— Вот почему, — заключил робот, — АБОРТ всегда отправляет с людьми роботов.

— Один — один. А еще они говорили о том, что сообщение доставит королеве ненужные треволнения. Треволнения — это что такое, Векс?

— То же самое, что волнения, Род.

— Ага. Значит, эта королева, видимо, особа экзальтированная.

— Видимо. Может быть, — уклончиво проговорил робот.

Со стороны луга зазвучала музыка — шотландские волынки аккомпанировали старинной цыганской песне. Молодежь устроила пляску на расчищенном круге земли и в нескольких футах над кругом.

— Баварский крестьянский танец, — рассудил Векс.

— «Все флаги в гости будут к нам», — процитировал Род и вытянул вперед затекшие ноги. — Агломератная культура, старательно смешавшая все дурное, что было накоплено Древней Землей.

— Несправедливое суждение, Род.

Род приподнял бровь:

— А тебе что, нравятся волынки?

Он сложил руки на груди и опустил голову, оставив в дозоре всевидящего и всеслышащего Векса.

Пару часов робот послушно нес стражу, терпеливо пережевывая полученные сведения. А когда музыка утихла, Векс коснулся передним копытом бедра своего господина.

---

* Царь Израиля Саул в свое время изгнал из страны всех волшебников и гадателей, но однажды, терзаемый сомнениями перед битвой с филистимлянами, скрыв свое истинное обличье, явился к волшебнице из Аэндора и упросил ее вызвать для него дух пророка Самуила (1 Цар., 28).

— Ох! — вырвалось у Рода, и он проснулся мгновенно, как и подобает тайному агенту.

— Вечеринка окончена, Род.

Участницы шабаша взлетали в воздух и направлялись на северо-восток.

Одна из метел стартовала под прямым углом к остальным. За ней устремилась другая. Фигурка у ее «наездника» была мальчишеская.

— Негоже тебе вновь отдаляться от нас на долгий срок, Гвендилон.

— Рандаль, будь ты мышью, стал бы ты задирать слонов? Прощай же, и впредь не увивайся за дамами старше тебя на шесть лет!

Метла устремилась прямо к Роду, пролетела над деревьями и исчезла из виду.

— Вот это да! — Род облизнулся. — Хороша девица! Судя по тому, как она разговаривает, она должна быть постарше этих недорослков...

— А я думал, что ты уже выше дешевых завоеваний, Род.

— Это ты в завуалированной форме даешь мне понять, что у нее не может быть со мной ничего общего? Ну, знаешь... Полюбоваться-то на витрину мне еще можно, хотя в лавочку входить не обязательно.

Юные ведьмы летели вдали, над линией горизонта, их веселый смех мало-помалу стихал.

— Ну, ладно. — Род снова уселся по-турецки. — Вечеринка окончена, но ничего нового мы узнать так и не успели. — Он встал на ноги. — Что ж, по крайней мере наше появление осталось в тайне — никто не ведает, что под этим кругом земли спрятан космический корабль.

— О нет, это не так, — произнес кто-то писклявым голосом.

Род замер и в ужасе обернулся.

У подножия старого дуба стоял широкоплечий мужчина ростом всего в двенадцать дюймов и усмехался. Одет он был в дублет и лосины разных оттенков коричневого цвета.

Зубы у него были ослепительно белые, и от него простотаки веяло коварством.

— Король эльфов будет изумлен, узнав о вашем прибытии, лорд Чародей, — изрек незваный гость и хохотнул.

Род бросился к нему.

Но маленький человечек исчез, только его смех остался.

Род стоял вытаращив глаза и слушал, как ветер шелестит листвой дуба. Последние отголоски издевательского хохота умолкли между разлапистыми корнями старого дерева.

— Векс, — еле шевеля губами, проговорил Род. — Векс, ты видел?

Ответа не последовало.

Род нахмурился и оглянулся:

— Векс? Векс!

Голова робота склонилась чуть не до самых копыт и вяло моталась из стороны в сторону.

— О, черт!

Басовитый колокол сообщал о наступлении девятого часа в большом, на вид не слишком симпатичном городе, где, как рассудили Род с Вексом, располагалась база молодежной организации ведьм. В свете высказанного ведьмами упоминания о королеве Род надеялся на то, что этот город одновременно окажется столицей островного государства.

— Но это только догадка, — поспешно заверил он робота.

— Конечно, — пробормотал Векс. Сказал он это так, что возникло полное впечатление смиренного вздоха.

— Кстати, если вернуться к более насущным проблемам... Как мне себя именовать в этой цивилизации?

— Почему бы тебе не назвать себя Родни д'Арманом Седьмым? Один из немногих случаев, когда твое настоящее имя вполне годится.

Род покачал головой:

— Слишком претенциозно. У моих предков сроду не было аристократического снобизма.

— Но они все же были аристократами, Род.

— Да, как и все прочие, кто жил на той планете, Векс, за исключением роботов. И они так долго прожили в этом кругу, что имели право на кое-какие там почетные штуки...

— Этого почета вполне достаточно для того, чтобы...

— Потом, — прервал робота Род. У Векса на этот счет был пунктик, как и у прочих роботов, произведенных на Максиме. Все они обожали читать проповеди на тему noblesse oblige, стоило только хоть каким-то боком затронуть эту тему. — Мы еще не решили, какое имя мне все-таки выбрать, помнишь?

— Ну, если ты так настаиваешь... — обиженно пробурчал Векс. — Ты снова будешь воином-наемником?

— Да. Это неплохое объяснение для моей склонности к дальним странствиям.

Векс моргнул.

— Мог бы представиться странствующим менестрелем.

Род покачал головой:

— Менестрели должны быть в курсе всех последних новостей. Да, спору нет, неплохо было бы прихватить с собой арфу... особенно если страной правит дама. Иной раз песней можно добиться того, чего не добьешься мечом...

— Каждый раз мы об этом говорим... А как тебе «Гэллоугласс», Род? Так в Ирландии называли воинов-наемников.

— Гэллоугласс... — задумчиво проговорил Род. — Недурственно. Есть даже некий блеск, я бы так сказал.

— Как и у тебя самого.

— Мне показалось или ты это сказал с насмешкой? Да нет, хорошее, крепкое имя... а главное — его не назовешь таким уж милым...

— Как и тебя — это уж точно, — негромко прокомментировал робот.

— Я согласен. Род Гэллоугласс. Решено. Ну-ка, стой!

Род натянул поводья и нахмурился. Откуда-то спереди донесся приглушенный ропот толпы.

— Что это за собрание?

— Род, не мог ли бы я порекомендовать тебе проявить осторожность...

— Идея недурна. Двигай вперед, но топочи потише, пожалуйста.

Векс пошел шагом по озаренной лунами узкой улочке, держась ближе к обшарпанной стене дома. Миновав дом, он остановился и заглянул за угол.

— Что ты видишь там, сестрица Анна?

— Толпу, — коротко отозвался Векс.

— Очень зоркое наблюдение, Ватсон. А еще?

— Факелы. Молодого человека, взобравшегося на помост. Если ты простишь мне эту аналогию, это очень напоминает предвыборные дебаты в твоей alma mater.

— Очень может быть, что так оно и есть на самом деле, — кивнул Род и спешился. — Ладно, постой тут, старина. Обследую окрестности.

Род свернул за угол, пошел маршевым шагом, держа руку на рукояти шпаги.

Судя по виду толпы, идея выдать себя за воина была очень даже к месту. Не исключено, что перед Родом предстал митинг местного Союза Бомжей. Все до одного были в дублетах с заплатками. Род поморщился. С личной гигиеной у участников митинга было так же неважно, как с приличной одеждой. Да, наверняка тут собрались отбросы общества.

Собрание имело место на просторной открытой площади, по одну сторону от которой протекала река. У пристаней стояли на приколе деревянные корабли. Других три стороны площади замыкали полуразрушенные гостиницы, лавки со всякой всячиной для моряков, прочие дешевые магазинчики и склады. Только склады и имели более или менее прочный вид. Все постройки были наполовину бревенчатыми, с характерным вторым этажом, сильно выступавшим над первым.

Вся площадь была заполнена кричащей волнующейся толпой. Горящие факелы отбрасывали на лица людей зловещие отблески.

Приглядевшись к бунтующим получше, Род рассмотрел запавшие глаза, искореженные руки и ноги, головы

без ушей — все эти люди выглядели жутко в сравнении с тем, что забрался на наспех сколоченный помост.

Человек этот был молод, широкоплеч, светловолос. Лицо у него было круглое, почти невинное, открытое и честное, глаза горели праведным огнем Мессии. Дублет и штаны у него были на удивление чистые, и сшиты они были из дорогой ткани. На бедре у незнакомца висел меч.

— Этот малый явно с другой стороны дорожки, — задумчиво проговорил Род. — Что же он, хотел бы я знать, делает в этой крысиной норе?

Юноша вскинул руки, толпа взревела, взметнулись факелы, озарили фигуру на помосте.

— На чьих плечах лежит самое тяжкое бремя? — вопросил юноша.

— На наших! — дружно вскричала в ответ толпа.

— Чьи длани заскорузли и потрескались от черной работы?

— Наши!

— Кто сотворил все то богатство, ту роскошь, коими пользуются благородные господа?

— Мы!

— Кто воздвиг их неприступные замки из гранита?

— Мы!

— Разве вы не заслуживаете того, чтобы они поделились с вами этим богатством и роскошью?

— Заслуживаем!

— Так почему же, — взревел юный оратор, — даже в одном из этих замков накоплено столько богатств, что хватило бы всем вам на королевское житье?

Толпа забесновалась.

— Слышишь, Векс?

— Слышу, Род. Похоже на помесь Карла Маркса с Хью Лонгом*.

---

* Лонг, Хьюи Пирс (1893–1935) — американский юрист и политик, губернатор Луизианы, сенатор. В своих демагогических выступлениях обещал каждой семье доход, достаточный для оплаты дома, машины, высшего образования и т. п. Убит политическими противниками.

— Странноватый синтез, — пробормотал Род. — А хотя, если задуматься, не такой уж странный.

— Это ваше богатство! — вскричал юноша. — Вы имеете право на него!

Толпа ответила ему дружным ревом.

— Но отдадут ли они вам вашу долю?

Толпа неожиданно притихла, потом противно заропотала.

— Нет! — прокричал юноша. — А если нет, то вы должны потребовать у них того, что вам полагается по праву!

Он снова вскинул руки.

— Королева давала вам хлеб и вино, когда был голод! Королева давала мясо и очень хорошее вино ведьмам из гаваней!

Толпа умолкла. Побежал по рядам шепоток:

— Ведьмы! Ведьмы!

— О да, — взревел оратор. — Она не брезговала даже ведьмами, отверженными и изгоями! Так сколь же больше даст она вам, рожденным для света дня? Она даст вам то, что вам причитается!

Толпа отозвалась дружным ревом.

— И куда же вы направите стопы свои? — вопросил юный Демосфен.

— В замок! — крикнул кто-то, и другие голоса подхватили:

— В замок! В замок!

Скоро уже вся площадь скандировала:

— В замок! В замок! В замок!

Но тут чей-то визгливый вой перекрыл скандирование. Толпа притихла. Какой-то тощий калека взобрался на крышу портового склада и крикнул:

— Солдаты, целый отряд, а то и больше!

— Уходите проулками и подворотнями! — вскричал оратор. — Встретимся через час у Дома Кловиса!

К изумлению Рода, толпа встретила этот приказ молча. Потоки людей быстро потянулись в стороны, растекаясь по узким кривым переулкам. Ни паники, ни давки.

Род притаился в дверном проеме. Демонстранты спешно гасили факелы. Мимо Рода десятками быстро и бесшумно пробегали нищие оборванцы и исчезали в темных жерлах подворотен.

Вскоре площадь опустела, стих вдали негромкий топот ног. Во внезапно наступившей тишине Род расслышал цоканье копыт. То приближались солдаты, призванные охранять покой верных подданных королевы.

Род вышел на мостовую, на цыпочках дошел до угла, за которым его поджидал Векс.

Не мешкая, Род взлетел в седло.

— В какой-нибудь престижный район, — шепотом распорядился он. — Быстро и тихо.

Получая подобный приказ, Векс мог нарастить свои копыта резиновыми подушечками. Кроме того, город он знал наизусть, поскольку в его мозгу были запечатлены результаты аэрофотосъемки. Да, робот-конь имел свои преимущества.

Они мчались по городу. Мостовые шли под уклон вверх, и вскоре уже стал виден холм, на котором возвышался королевский замок. Дома становились все прочнее и красивее. Род и Векс продвигались к более привилегированным районам.

— Какие у тебя выводы, Векс?

— Вне всяких сомнений, тоталитаристское движение, — отозвался робот. — Во главе — подстрекатель, наверняка рвущийся к власти, который пытается сподвигнуть народ на выдвижение требований к правительству — требований, которые правительство ни за что не выполнит. Отказ будет использован для того, чтобы спровоцировать толпу на применение силы. Вот тебе и революция.

— А не может ли этот парень просто-напросто быть амбициозным аристократом, вознамерившимся узурпировать престол?

— Узурпация черпает поддержку в высшем обществе, Род. Нет, это чистейшей воды пролетарская революция — прелюдия к тоталитарному правлению.

Род поджал губы.

— Не хочешь ли ты сказать, что тут имеет место вмешательство со стороны более развитого общества? Я это к тому, что пролетарские революции на такой стадии цивилизации происходят редко.

— Редко, Род, а если и происходят, то формы пропаганды носят зачаточный характер. Агитаторы в средневековом обществе никогда не используют в качестве аргументов основные права человека — это понятие чуждо цивилизации, пребывающей на этой стадии развития. Вероятность вмешательства чрезвычайно велика...

Губы Рода растянулись в зловещей ухмылке.

— Что ж, это старый, испытанный прием, и похоже, мы явились как раз вовремя для того, чтобы тут потрудиться.

Ближе к верхней окраине города всадник и его верный конь подъехали к высокому двухэтажному зданию, буквой «П» замыкавшему освещенный факелами двор. С четвертой стороны стоял бревенчатый забор с воротами. Из ворот вывалилась компания смеющихся, богато одетых молодых людей. Род уловил обрывок пьяной песни. Звенела кухонная утварь, слышались голоса людей, криками требовавших мяса и пива.

— Похоже, старая железяка, мы разыскали одну из лучших здешних гостиниц.

— Я бы сказал, что это очень приблизительное определение, Род.

Род откинулся на заднюю луку седла.

— Думаю, заночевать тут очень даже можно. Как думаешь, в этой цивилизации водятся колбаски с чесноком, Векс?

Робот поежился.

— Род, у тебя жуткие пристрастия в еде!

— Дорогу! Дорогу! — послышался голос у Рода за спиной.

Обернувшись, он увидел отряд кавалеристов. Позади отряда ехала золоченая резная карета.

Отряд возглавлял герольд.

— Уйди с дороги, парень! — крикнул он. — Дорогу карете королевы!

— Королевы?! — Род вздернул брови. — О да, да, конечно! Сию же минуту!

Он ударил Векса коленом в бок. Конь сошел на обочину и встал так, чтобы Роду была хороша видна процессия.

Занавески в окошке кареты были задернуты наполовину, но кое-что разглядеть было все-таки можно. Фонарь лил мягкий желтоватый свет, и Роду удалось мельком заглянуть внутрь кареты.

Он увидел стройную хрупкую фигурку в темном дорожном плаще с капюшоном, бледное лицо с мелкими чертами, обрамленное светлыми, почти платиновыми волосами, большие темные глаза и маленькие ярко-алые недовольно надутые губки.

Королева была молода, очень молода — совсем девочка, так показалось Роду.

Она сидела подчеркнуто прямо и казалась невероятно хрупкой, но при этом очень решительной. В ее позе и выражении лица было что-то заносчивое и враждебное, что обычно сопутствует страху и одиночеству.

Род проводил взглядом удалявшуюся процессию.

— Род.

Род вздрогнул, покачал головой и понял, что карета уже давно скрылась из виду.

Сердито взглянув в затылок своего коня, он поинтересовался:

— В чем дело, Векс?

— Я подумал: уж не заснул ли ты?

Черная голова повернулась к хозяину. Большие глаза смотрели лукаво, насмешливо.

— Нет. — Род развернулся и устремил взгляд к тому повороту, за которым исчезла карета.

Векс, придав голосу смирение, спросил:

— Снова размечтался, Род?

Род ругнулся.

— А я думал, у роботов нет эмоций.

— Нет. Но у нас есть врожденная антипатия к отсутствию такого качества, которое частенько именуется здравым смыслом.

Род одарил своего спутника кислой усмешкой.

— Ну и конечно, вы в полной мере наделены положительным отношением к такому качеству, как ирония, поскольку в иронии изначально присутствует логика. А ирония требует...

— ...чувства юмора, это верно. И ты должен признать, Род, что есть нечто поразительно смешное в том, что человек гоняется за созданием своего собственного воображения по всей галактике.

— О да, это, конечно, достойно всяческого осмеяния. Но разве не в этом и состоит главное различие между людьми и роботами, Векс?

— В чем? В способности формировать воображаемые конструкции?

— Нет. В способности привязываться к ним. Ладно, давай-ка поглядим, найдется ли здесь для тебя уединенное стойло, где бы ты мог в тишине и спокойствии пережевать полученную информацию.

Векс развернулся и зарысил к воротам постоялого двора.

Как только Род спешился, от конюшни к нему бегом припустился грум. Род бросил ему поводья и сказал:

— Воды ему много не наливай.

С этими словами он направился к гостинице и вошел в просторный общий зал.

Род и не предполагал, что в помещении, где никто не курит, может быть настолько дымно. Видимо, здесь еще не додумались до строительства дымоходов.

Однако это обстоятельство, похоже, ничуть не удручало завсегдатаев. В зале звучал заливистый смех, грубые шутки, громкие разговоры. В просторном зале стояло около двадцати больших круглых столов и несколько столиков поменьше. За ними сидели люди, чьи наряды выделяли их из общей массы, хотя было видно, что положение их в обществе не так высоко, чтобы они могли найти приют в замке. Освещен зал был сосновыми факелами, добавлявшими дыма, длинными свечами, добросовестно поливавшими завсегдатаев воском, и огромным очагом, на котором можно было

запросто зажарить быка, что, собственно, в данный момент и происходило.

Между столиками сновала стайка мальчишек и полногрудых девиц, разносивших еду и напитки. Многие из них демонстрировали настоящие рекорды перемещения по пересеченной местности.

Крупный лысоватый мужчина в фартуке, повязанном поверх выдающегося брюшка, выскочил из кухни с большим дымящимся блюдом. Скорее всего то был хозяин. Дела у него сегодня явно шли на славу.

Оторвав взгляд от блюда, хозяин заметил Рода, несомненно, оценил его алый с золотом камзол, меч и кинжал, а также общий важный вид и туго набитый кошелек (главным образом, конечно, кошелек) и передал блюдо первой попавшейся служанке, после чего устремился к Роду, вытирая на ходу фартуком руки.

— Чем могу услужить вам, добрый господин?

— Кружкой эля и отбивной толщиною в два твоих больших пальца. А также столиком на одного, будь так добр, — улыбнувшись, ответил Род.

Хозяин постоялого двора выпучил глаза, губы его сложились в букву «О». Наверняка Род сказал что-то необычное.

Но вот глаза толстяка приобрели расчетливое выражение — такое Роду уже не раз случалось наблюдать. Как правило, за таким взглядом следовало еле слышное распоряжение официанту: «Слюнтяй. Надо вытрясти из него все, что у него в загашнике».

Род улыбнулся.

Вежливость. Вот в чем была его ошибка. Промашка вышла. Род преобразил улыбку в злобный оскал.

— Ну, чего ждешь? — рявкнул он. — Живо тащи все на стол, а не то я с твоей жирной задницы срежу себе кусок на отбивную!

Хозяин вздрогнул, сгорбился и принялся быстро и часто кланяться:

— Сию минуточку, господин, сию минуточку! В мгновение ока все будет готово, вот увидите!

Он повернулся к кухне.

Рука Рода легла на его плечо.

— Про столик не забыл? — напомнил он толстяку.

Тот судорожно вдохнул, кивнул и провел Рода к столику, возле которого стояла отесанная колода, заменявшая стул, после чего поспешил на кухню, наверняка тихонько ругаясь на чем свет стоит.

Род ответил ему любезностью, только выругался погромче, расширив предмет ругани довольно-таки значительно и не забыв упомянуть о продажной природе человечества.

Ну и конечно, завершил он тираду мысленно, проклиная себя за то, что невольно услужил Маммоне, ступив на путь грубости и хамства.

Но что он мог поделать? Агенты АБОРТ должны были оставаться вне подозрений. Вежливый, мягкосердечный средневековый буржуа? Одно по определению противоречило другому.

«Сию минуточку», — пообещал хозяин и исполнил свое обещание. Отбивная и эль возникли на столе, как только Род уселся. Хозяин стоял у стола, нервно вытирая руки фартуком и выглядя в высшей степени озабоченно. Наверное, ждал, что скажет Род о его стряпне.

Род открыл было рот, чтобы приободрить беднягу, но вовремя спохватился, правда, слова так и встали у него поперек горла. Он наморщил нос, и по лицу его расползлась медленная ухмылка. Он взглянул на хозяина.

— Уж не запах ли колбасок с чесноком я чую?

— О да, ваше благородие! — Хозяин снова принялся кланяться. — Они самые, колбасочки с чесночком, и притом самые что ни на есть расчудесные, вы уж мне простите мою похвальбу. Ваше благородие желает?..

— Мое благородие желает, — сказал Род. — Presto allegro, эй, ты!

Хозяин смутился, как смущался, бывало, Векс, слыша от Рода всякие силлогизмы, и бегом припустил на кухню.

«Теперь-то что не так?» — гадал Род. Наверное, опять он что-то не то ляпнул. А он так гордился этим «эй, ты».

Он попробовал отбивную и только успел с нею покончить, когда на стол с грохотом опустилась тарелка с колбасками.

— Славно, — похвалил хозяина Род. — И отбивная была недурна.

Лицо хозяина озарилось облегченной улыбкой. Он было поплелся прочь от стола, но вдруг вернулся.

— Ну? В чем дело? — поинтересовался Род с набитым колбаской ртом.

Хозяин снова нервически вытирал руки фартуком.

— Прощеньица просим, господин хороший, только вот... — Губы у него скривились, и он выпалил: — Вы уж не чародей ли, часом, будете, г-господин, а?

— Кто, я? Чародей? Что за чушь!

Для пущей выразительности Род схватил столовый нож и нацелил его острие в живот хозяина. Живот сразу поджался и исчез, унося вместе с собой своего владельца.

«С чего это вдруг он принял меня за чародея? — гадал Род, с аппетитом уплетая колбаску. — Лучше колбасок мне еще ни разу не доводилось пробовать, — решил он. — Это, наверное, потому, что они подкопченные. Интересно, каким деревом они тут пользуются при копчении? Наверное, это он из-за presto allegro смутился. Небось подумал, что это какие-то магические слова».

Что ж, в данном случае слова эти действительно произвели чудо.

Род откусил кусок колбаски, запил элем.

Он — чародей? Ни за что! Пусть он младший сын младшего сына, но чтобы такое... нет, никогда!

Помимо всего прочего, колдовство предполагало заключение контракта, подписанного кровью, а Род не имел права тратить ни капли крови попусту, хоть, бывало, и терял. Он осушил кружку и со стуком опустил ее на стол. Хозяин тут же материализовался рядом со столом и наполнил кружку Рода новой порцией эля из кувшина. Род уже начал было благодарно улыбаться, но вспомнил о своей роли

и преобразил улыбку в оскал. Покопавшись в кошельке, он нащупал неправильной формы золотой самородок — вполне сносную валюту для Средневековья, вспомнил о том, как превратно ценится в таком обществе щедрость, и не стал доставать самородок. Вместо него он сунул хозяину небольшой слиток серебра.

Хозяин уставился на лежащий на его ладони слиток, и его глазные яблоки предприняли отчаянную попытку обратиться в полушария. Издав булькающий хрип, он протараторил не слишком разборчивые слова благодарности и поспешил прочь.

Род раздраженно кусал губы. Видимо, даже такой маленький кусочек серебра здесь способен был произвести сенсацию.

Однако раздражение быстро унялось. Пара фунтов говядины, наполнившей желудок Рода, сделали свое дело, и мир вокруг казался куда как симпатичнее. Род вытянул ноги в проход между столами, скрестил их, откинулся назад и принялся ковырять в зубах острием ножа.

Что-то с этом зале было положительно не так. В веселье что-то нарочито профессиональное: голоса звучали чуть громче, чем следовало бы, смех — немного напряженно и отзывался мрачноватым эхом. А вот угрюмость — у тех, что были угрюмы, — напротив, была самая что ни на есть неподдельная.

И еще — страх.

Взять хотя бы вон ту парочку за третьим по счету столиком справа: о чем бы они там ни перешептывались, их нельзя было заподозрить в актерстве. Род тайком повернул печатку в перстне и направил его на спорщиков.

— Что проку от этих сборищ, если королева то и дело посылает против нас своих солдат?

— Все ты верно говоришь, Адам, все верно. Она нас слушать не станет. Когда все будет позади, она нас и близко не подпустит, и слова вымолвить не даст.

— Ну тогда надо будет заставить ее выслушать нас!

— Да? А от этого какой будет прок? Ну выслушает, так ее вельможи не позволят ей дать нам то, чего мы потребуем!

Адам стукнул ладонью по столу:

— Но ведь мы имеем право быть свободными и не обязаны всю жизнь быть ворами и попрошайками! Пора положить конец долговым тюрьмам, а вместе с ними и поборам!

— Это точно, и еще чтобы уши больше не отрезали за то, что ты спер каравай хлеба! — Собеседник Адама глубокомысленно поскреб место отсутствующего уха. Вид у него был как у затравленного пса. — Только она ведь все-таки кое-что для нас сделала...

— Ну да, теперь она своих судей насажала везде! Теперь вельможи не смогут сами вершить правосудие на свой аршин.

— Благородные господа этого не потерпят, тебе ли этого не понимать. Долго это судейство не протянет.

Одноухий был мрачен. Его указательный палец вычерчивал круги на мокрой от пролитого пива крышке стола.

— Верно говоришь! Вельможи ни за какие коврижки не станут слушать королеву! — Адам со злостью воткнул нож в крышку стола. — Неужели Логир этого не понимает?

— Нет, ты про Логира дурного не говори! — Физиономия одноухого еще сильнее помрачнела. — Ежели б не он, мы и по сю пору были бы ордой бродяг и не ведали бы, зачем мы вместе собрались! Про Логира ты плохого не болтай, Адам. Не будь его, откуда бы нам хотя бы медяков наскрести, чтобы тут посидеть, а тут и солдаты королевские — такие же гости, как мы с тобой.

— Ну это да, это да, это ты верно говоришь. Он из нас, воришек, людей сотворил. Только теперь он нас держит в ежовых рукавицах, не дает сражаться за то, что нам по праву принадлежит!

Одноухий строптиво поджал губы.

— Ты, видать, наслушался глупой и завистливой болтовни Пересмешника, Адам!

— Но мы должны сражаться, послушай меня! — вскричал Адам и сжал кулаки. — Должна пролиться кровь, только так мы сумеем добиться своего! Кровь за кровь, кровь господ...

Тут на Рода налетела какая-то ожившая глыба, притиснула к столу. Пахнуло потом, луком и дешевым вином.

Род уперся локтем в стол и оттолкнул пьяного плечом. Тот, охнув, откачнулся. Род выхватил кинжал и вернул печатку в исходное положение.

Пьяный верзила навис над ним. Роста в нем было футов восемь, и в плечах он был широк неимоверно.

— Эй, ты! — проревел он. — Ты че не смотришь, когда я иду?

Кинжал Рода сверкнул и пролил свет, который ударил в глаза пьяницы.

— Держись подальше, дружище, — посоветовал ему Род негромко. — Дай порядочному человеку спокойно эля попить.

— Порядочный? Вот оно что? — хихикнул пьяный крестьянин. — Солдат, а туда же, в порядочные записался!

Эхо его хохота прокатилось по залу.

Род понял, что чужаков здесь, мягко говоря, недолюбливают.

Смех забулдыги резко оборвался.

— Ты ножичек-то свой убери, — посоветовал он Роду. — Тогда я тебе покажу, как порядочный крестьянин положит вояку на лопатки.

У Рода мурашки по спине побежали. Он понял, что хозяин кабачка натравил этого пьяницу на новенького с тугим кошельком.

— Я на тебя не в обиде и ссориться с тобой не желаю, — пробормотал Род и тут же понял, что сморозил глупость.

Верзила осклабился и проревел:

— Ага! Теперь он, значит, не в обиде у нас! Иду это я, значит, качаюсь маленько, а он мне дорогу заступил так, что мне деваться некуда, как только на него налететь, а он говорит: «Я на тебя не в обиде. Ссориться, — говорит, — не желаю». Да ты хоть знаешь, с кем связался-то? Я ж Большой Том! — Громадная мясистая ручища ухватила Рода за ворот, рывком подняла на ноги. — Я тебе щас покажу, как со мной не ссориться!

Род резко взмахнул правой рукой, рубанул верзиле по сгибу локтя и отдернул руку. Лапища Тома обмякла и упала. Верзила тупо уставился на собственную руку, как бы обвиняя ее в подлом предательстве.

Род сжал губы и убрал кинжал в ножны. Отступил, согнул ноги в коленях, потер левой рукой сжатую в кулак правую. Да, спору нет, крестьянин отличался внушительными габаритами, но в искусстве боксирования явно ни черта не смыслил.

Рука Тома ожила, ему стало больно. Верзила злобно взревел, сжал кулак и замахнулся на Рода. Кулачище его стал подобен тяжеленному молоту, готовому расплющить все, по чему бы он ни угодил.

Но Род увернулся, а когда кулак просвистел мимо него, заскочил за плечо Тома и нанес ему удар сзади, тем самым поспособствовав движению, намеченному замахом.

Большого Тома развернуло по кругу. Род ухватил его за правое запястье и вывернул руку за спину, после чего вздернул ее повыше. Большой Том взвыл от боли, а Род завел руку под подмышку Тома — то бишь исполнил то, что у борцов зовется полунельсоном.

«Неплохо», — думал Род. Пока, строго говоря, боксировать ему не пришлось.

Отпустив Тома, Род дал ему хорошего пинка под задницу. Тома швырнуло на открытое пространство перед очагом. Он попытался удержаться на ногах, но это ему не удалось. С оглушительным стуком попадали перевернутые столы, завсегдатаи кабачка повскакали на ноги и стали разбегаться в стороны, с готовностью уступая место у очага Большому Тому.

Тот поднялся на четвереньки, помотал головой, поднял ее и узрел перед собой Рода. Тот стоял в борцовской стойке, мрачно ухмылялся и обеими руками манил к себе обидчика.

Том басовито зарычал и, оттолкнувшись от бортика очага, бросился к Тому, по-бычьи нагнув голову.

Род отступил в сторону и выставил ногу. Большого Тома швырнуло к ближайшим столам. Род закрыл глаза и стиснул зубы.

Раздалось четыре оглушительных удара подряд. Род съежился, потом открыл глаза и заставил себя посмотреть на результат.

Голова Большого Тома высунулась из груды обломков. Глаза верзилы были выпучены, челюсть перекошена.

Род печально покачал головой, щелкнул языком:

— Ночка у тебя нынче неудачная выдалась, Большой Том. Почему бы тебе не пойти домой да не проспаться?

Том с трудом поднялся на ноги, собирая себя по частям. Болезненно морщась, потер бедро, запястье, ключицы.

Убедившись, что все у него цело, он топнул ногой, упер руки в боки и воззрился на Рода.

— Послушай, малый! — с упреком воскликнул он. — А ты дерешься не как порядочный джентльмен!

— Да никакой я не джентльмен, — согласился Род. — А что, может, еще попробуем, Том? Давай, а?

Верзила придирчиво оглядел себя, словно сомневаясь в своих физических способностях. Не слишком решительно поддел ногой обломок дубового стола, согнул руку в локте, ударил кулаком по внушительному бицепсу и кивнул.

— Я не против, вот только охолону маленько, — объявил он. — Давай, малявка.

Он шагнул на расчищенное пространство перед очагом, осторожно пошел по краю, зорко поглядывая на Рода затекшим глазом.

— Наш добрый хозяин, видать, сказал тебе, что у меня в кошельке полным-полно серебра, так ведь? — прищурившись, поинтересовался Род.

Большой Том молчал.

— И еще он тебе сказал, что я слабак и что управиться со мной — пара пустяков. Ну, он и тут промашку дал.

Большой Том вытаращил глаза и разочарованно крякнул:

— Что, серебришка нету у тебя?

Род кивнул:

— Я так и думал. Он тебе сказал.

Взгляд его метнулся к хозяину кабачка. Тот, с лицом землистым от страха, дрожа, прятался за опорным столбом.

Отведя от него взгляд, Род заметил ножищу Тома, которая была нацелена прямо ему под ложечку.

Род отпрыгнул назад, обеими руками ухватил Тома за лодыжку и резко вздернул его ногу вверх.

Нога Тома описала аккуратную дугу. Мгновение он висел в воздухе, отчаянно размахивая руками, а потом с диким воем грохнулся об пол.

Род с искренней болью наблюдал за тем, как корчится на полу несчастный верзила, как хватает он ртом воздух.

Род шагнул к нему, схватил его за рубаху на груди, уперся ногой в ступню Тома и рывком поднял его с пола. Том незамедлительно набросился на Рода, но тот успел подставить плечо ему под мышку и снова привел соперника в вертикальное положение.

— Эй, хозяин! — крикнул он. — Бренди, да поживей!

Роду всегда нравилось считать себя человеком, на которого можно было опереться, но не до такой же степени!

Когда Большой Том был несколько реанимирован и препровожден к столу, где его радушно встретили подвыпившие приятели, когда гости навели в зале кое-какой порядок и вернулись на свои места, а Род так и не продемонстрировал ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего намерение расквитаться с хозяином, в глазах того наконец вспыхнул огонек надежды на лучшее. Он снова возник перед Родом. Подбородок его был выпячен, уголки губ стыдливо опущены.

Род заставил себя вынырнуть из глубин циничной оценки добродетелей хозяина и взглянул на того:

— Ну, чего тебе?

Хозяин сглотнул подступивший к горлу ком:

— Если ваше благородие не будет сильно гневаться, то... сломано несколько столов... и стульев.

— Столов, — эхом повторил Род, не шевелясь. — И стульев. — Он вскочил и ухватил хозяина за шею. — Ах ты,

скользкий, никчемный сквалыга! Ты натравил на меня этого бугая, ты пытался меня ограбить, а теперь у тебя еще хватает наглости явиться и заявить, что я тебе денег должен? — Ругаясь, Род не забывал сопровождать некоторые слова ударами по шее хозяина, коего он вдобавок подталкивал к столбу. Хозяин предпринимал отчаянные попытки сопротивляться и возражать, но добился только того, что, прижавшись спиной к столбу, утратил свою дородность и превратился в подобие блина.

— Мало этого, так у меня эль нагрелся! — прокричал Род. — Хозяин ты тут, говоришь? Это так ты тут принимаешь достойных воинов?

— Простите меня, господин, простите! — верещал хозяин, безуспешно пытаясь ухватить Рода за руку. — Я не желал вам ничего дурного сделать, ваше благородие, я только хотел...

— Только ограбить меня ты хотел! — фыркнул Род, отшвырнул от себя толстяка, и тот грохнулся спиной на стол. — Берегись таких, как я! Обманешь — мы становимся жестоки! А теперь вот что: кубок подогретого крепкого вина, покуда я не успею сосчитать до трех, тогда я, так и быть, не отрежу тебе уши и не привяжу их к твоему подбородку. Давай, двигай ногами!

Род сосчитал до трех с паузами в две секунды, и в руке его возник кубок. Хозяин, пятясь, поспешил прочь от стола, предусмотрительно зажав уши руками. А Род уселся за стол, отхлебнул вина, попутно гадая, что означает употребленное им оскорбление «сквалыга».

Немного придя в себя, он заметил на столе половинку чесночной колбаски. Он тяжелой рукой взял ее и сунул в кошель. Колбаску он здесь оставлять не хотел — она стала бы единственным приятным воспоминанием об этом мерзком заведении.

Род поднялся и крикнул:

— Эй, хозяин!

Хозяин трусцой подбежал к столу и вытянулся по струнке.

— Отдельную комнату с теплыми одеялами!

— Отдельную комнату, сэр! Сию секундочку, сэр! — Хозяин опрометью бросился прочь, на ходу кивая. — С теплыми одеялами, сэр! Не извольте беспокоиться, сэр! Будет исполнено, сэр!

Род скрипнул зубами и развернулся к выходу. Выйдя, он прислонился к притолоке, опустил голову на грудь, прикрыл глаза.

— Закон джунглей, — пробормотал он. — Кусай того, кто слабее тебя. А тому, кто сильнее тебя, кланяйся, пусть он тебя кусает — авось не сожрет целиком.

— И все же все люди наделены гордостью, — негромко прозвучал голос за ухом Рода.

Род вскинул голову и улыбнулся:

— А, ты здесь, старый крот!

— Выругайся, полегчает, — посоветовал ему Векс.

Род разразился ругательством, которое сделало бы честь матросу, мучающемуся невыносимым похмельем.

— Полегчало? — не без изумления осведомился Векс.

— Не очень. Только ты мне скажи, как глубоко этот человек упрятал свою гордость? Что-то я не заметил, чтобы он ее выказал хоть капельку. Угодливость я заметил, трусость заметил, но гордость, честолюбие? Нет. Нету в нем этого.

— Гордость и честолюбие не всегда синонимы, Род.

Кто-то подтолкнул Рода под локоть. Он резко обернулся, готовый к отражению атаки.

Это оказался Большой Том, старательно пытавшийся уменьшить свой огромный рост и оказаться на одном уровне с Родом.

— Добрейший вам вечерочек, господин.

Том пару мгновений, не мигая, смотрел на верзилу, лишившись дара речи.

— И тебе добрый вечер, — отозвался он наконец, стараясь придать голосу как можно больше сдержанности. — Чем могу служить?

Большой Том смущенно пожал плечами и поскреб пятерней затылок.

— Такое дело, господин, — жалобно проговорил он. — Вы тут меня вроде как на смех подняли...

— О? — Род вздернул бровь. — И что? Говори!

— Да я и говорю, вроде... Так что... — Он стянул с головы шляпу и смял ее в здоровенных ручищах. — Короче говоря... словом, господин, вы меня наповал сразили, и теперь все надо мной смеются.

Род выпрямился.

— Видимо, ты хочешь сказать, что я должен тебе помочь? Отплатить за твои страдания?

— Да нет, господин! — Большой Том попятился. — Не в этом дело, господин, не в этом вовсе! А в том дело, что... ну... Я тут подумал было... что вот если бы вы могли... то есть... что я...

Он настолько виртуозно завертел свою шляпу, что любой наблюдавший за его движениями жонглер наверняка утратил бы рассудок, и вдруг слова просто посыпались с его губ.

— А подумал я, не нужен ли вам, часом, слуга... ну, там... грум, или лакей, или... — Он смутился и замолчал, робко, искоса глядя на Рода с нескрываемой надеждой.

Род на миг окаменел, изучая открытую, почти подобострастную физиономию своего недавнего врага.

Затем он скрестил руки на груди и снова прислонился к притолоке.

— Это как же получается, Большой Том, а? Еще и получаса не минуло с тех пор, как ты намеревался меня ограбить! А теперь я, стало быть, должен тебе поверить и взять тебя в оруженосцы, так?

Большой Том закусил нижнюю губу и сдвинул брови.

— Поверить, оно, конечно, трудно, спору нет, господин. Это мы очень даже понимаем, только... — Он беспомощно развел руками. — Только... вот какая штука... Окромя вас, никому еще не доводилось меня одолеть, ну и...

Дар речи вновь изменил ему. Род медленно кивнул, не спуская глаз с верзилы:

— И потому теперь ты должен служить мне.

Том выпятил нижнюю губу и мотнул головой:

— Не то чтоб должен, господин, — ежели сам захочу.

— Воришка, — сказал Род. — Пьяница и забияка. И я должен тебе верить.

Том снова безжалостно скрутил шляпу.

— Но лицо у тебя честное, — задумчиво проговорил Род. — Оно не похоже на лицо человека, который прячет камень за пазухой.

Том ши́роко улыбнулся и с готовностью кивнул.

— Это, конечно, ровным счетом ничего не значит, — возразил Род. — Знавал я пару-тройку на вид невинных девиц, которые на поверку оказались записными шлюхами.

Том помрачнел.

— Так что ты можешь быть как честным малым, так и первосортным пройдохой. У-Векс-ательная задачка.

Голос за ухом у Рода еле слышно произнес:

— Предварительная обработка имеющейся информации указывает на наличие фундаментально простейшей структуры личности. Вероятность того, что этот индивидуум послужит надежным источником информации относительно местных социальных переменных, значительно превышает вероятность того, что оный индивидуум проявит ярко выраженную двойственность поведения.

Род понимающе склонил голову. Его бы устроил даже вариант пятьдесят на пятьдесят.

Он выудил из кошелька кусочек серебра, чуть пропахшего чесноком, и вложил в ручищу верзилы.

Том уставился на серебро, перевел взгляд на Рода, потом снова на блестящий металл.

Его рука быстро сжалась в кулак и едва заметно задрожала. Пытливый взгляд вновь устремился к Роду.

— Ты взял у меня монету, — сказал Род. — Теперь ты мой.

Большой Том улыбнулся от уха до уха и радостно поклонился Роду:

— Да, господин! Вот спасибочки-то, господин! Уж как я вам благодарен, и не сказать, господин! Да я...

— Я все понял, — оборвал его излияния Род. Ему было здорово не по себе смотреть, как унижается перед ним этот

взрослый сильный мужчина. — К исполнению своих обязанностей приступишь прямо сейчас. Скажи мне, трудно ли поступить на службу в королевское войско?

— И вовсе даже не трудно, господин! — ухмыльнулся Большой Том. — Им завсегда новые солдаты требуются.

«Дурной знак», — решил Род.

— Ладно, — сказал он вслух. — Давай топай обратно, погляди, какую там нам комнату отвели, да проверь, не притаился ли какой головорез в шкафу.

— Слушаюсь, господин! Будет исполнено! — С этими словами Большой Том спешно ретировался обратно в гостиницу.

Род улыбнулся, зажмурился и прижался затылком к дверному косяку. Покачал головой из стороны в сторону, беззвучно смеясь. Он не уставал изумляться людской психологии. И как только этот здоровяк ухитрился меньше чем за десять минут сменить наглость на услужливость?

И тут чей-то приглушенный дрожащий вой разорвал ночную тишину, прибавил громкость и превратился в хриплый вопль.

Род вздрогнул, распахнул глаза. Сирена? Здесь?

Вой доносился слева. Род посмотрел в ту сторону и увидел возвышавшийся на холме замок.

Там, у подножия башни, что-то светилось и раскачивалось подобно спальному вагону, скорбящему об утрате остального состава.

Из гостиницы толпой повалили постояльцы, запрудили двор, устремили взоры в сторону замка и принялись тыкать пальцами:

— Это баньши!

— Опять!

— Да нет, все будет хорошо. Разве она не появлялась уже трижды? А королева все еще жива!

— Векс, — осторожно и тихо проговорил Род.

— Да, Род?

— Векс, там баньши. На стене замка. Баньши, Векс.

Ответа не последовало.

Затем за ухом у Рода послышалось жуткое шипение и треск, от которых у него чуть голова не треснула. А потом стало тихо. Род помотал головой и потер висок тыльной стороной ладони.

— Нет, надо поосторожнее с ним, — пробормотал он себе под нос. — Раньше у него хотя бы тихие припадки случались.

Отправиться к конюшне и вывести Векса сейчас, когда двор был полон зевак, — это было бы неразумно, это выглядело бы в высшей степени подозрительно.

Посему он отправился в отведенную ему комнату, дабы отлежаться, пока все не утихомирится. Ну а когда все разошлись со двора, Род уже устроился с таким удобством, что ему лень было вставать и тащиться в конюшню. Ночь, судя по всему, предстояла тихая, так что нужды беспокоить робота не было.

В комнате было темно, только от окна по полу тянулась светлая дорожка — то был свет самой большой из трех лун. Снизу доносились приглушенные голоса и дребезжание кухонной утвари — засидевшиеся постояльцы все не расходились. А в комнате у Рода было тихо.

То есть относительно тихо. Большой Том, свернувшийся калачиком у изножья кровати хозяина, храпел, что твой бульдозер с невыключенным двигателем. В сонном состоянии он производил намного больше шума, нежели в состоянии бодрствования.

Вот ведь загадка — Большой Том. До сего дня Роду еще ни разу не удавалось ни с кем подраться так, чтобы ему самому хоть разок не заехали. Большой Том во время драки то и дело раскрывался, и попасть по нему труда не составляло ввиду его габаритов, и все же ему вовсе не обязательно было быть настолько неуклюжим. И такие дюжие молодцы порой бывают куда как ловки...

Но почему Большой Том вдруг так переменился?

Затем, чтобы Род принял его на службу?

Ну а как насчет Адама и Одноухого? Судя по их разговору, они участвовали в сборище на площади у пристаней,

а это означало, что оба они — члены пролетарской партии. Как там ее назвал этот молодой провокатор? «Дом Кловиса», вот как.

Но если считать Адама и Одноухого репрезентативными образчиками, следовательно, Дом Кловиса был организацией, разделённой внутри себя. Похоже, в партии существовало две фракции. Одна из них поддерживала... как его звали, этого желторотого оратора? А вторую возглавлял Пересмешник, кто бы он такой ни был. Две типичные фракции. Одна состояла из непротивленцев, вторая из поборников применения силы. Речь и меч.

Так... И все-таки зачем это Большому Тому вдруг резко понадобилось искать место слуги? Решил подняться на ступень вверх по социальной лестнице? Да нет, на карьериста он явно не смахивал. Думал огрести жалованье побольше? Тоже вряд ли — судя по его одежде, он не прозябал в нищете.

Не затем ли, чтобы шпионить за Родом?

Род перевернулся на бок. Не исключено, что Том был одним из видных участников здешнего революционного движения. Но с чего бы Дому Кловиса шпионить за Родом? Не могли же они его в чем-то заподозрить? Или могли?

Если Векс не ошибался, если Дом поддерживали извне, тогда революционеры действительно могли что-то такое заметить — а вот как, об этом можно было только гадать.

А может быть, у Рода просто обострилась хроническая паранойя?

Он окончательно проснулся. Мышцы напряглись. Род вздохнул и слез с кровати, понимая, что больше не заснет. Лучше перезарядить Векса да поговорить с ним по душам. Роду сейчас до зарезу была необходима электронная объективность робота — своей у него почти не осталось.

Род приподнял ржавую задвижку, и Большой Том пошевелился и проснулся:

— Господин? Куда это вы?

— Да я что-то насчет коня своего забеспокоился, Большой Том. Схожу на конюшню да посмотрю, задали ли ему корма, как я велел А ты спи.

Большой Том на миг задержал на Роде полусонный взгляд.

— Вы такой заботливый, господин. — С этими словами он повернулся на бок и опустил голову на свернутый плащ, служивший ему подушкой. — Это надо же — так за конягу переживать, — пробормотал он и снова захрапел.

Род усмехнулся и вышел из комнаты.

В нескольких шагах обнаружилась лестница — грязная и скользкая, однако, спустившись по ней, до конюшни можно было добраться быстрее, чем воспользовавшись парадным входом.

Дверью, что выводила во двор, явно пользовались нечасто. Когда Род приоткрыл ее, она застонала, словно жаба, мающаяся в жаркий день на солнце.

Постоялый двор был залит мягким золотистым светом трех лун. Самая большая из них лишь немного уступала размерами терранской луне, но располагалась значительно ближе к планете. Ее диск заполнял тридцать градусов небосвода. Похоже, она всегда пребывала в фазе полнолуния.

— Славная планетка для влюбленных, — мечтательно проговорил Род. Он смотрел на луну и потому не заметил обрывка серой бечевки, протянутой чуть выше ступеньки крыльца. Род запнулся.

Он раскинул руки и выставил их перед собой, дабы смягчить падение. Что-то тяжелое стукнуло его по затылку, и мир растворился в облаке искр.

Очнулся он неизвестно где. Полумрак. Красноватый тусклый свет. Пульсирующая боль в затылке. Что-то холодное и мокрое скользнуло по лицу. Род поежился и очнулся окончательно.

Он лежал на спине, над ним нависал сводчатый известняковый потолок, испещренный пятнами отраженного света. Шершавые известняковые колонны тянулись от потолка к зеленому ковру, словно сталактиты соединялись со сталагмитами. Зеленый ковер растекался во все стороны не мень-

ше чем на милю. Свет, казалось, лился отовсюду — танцующий, колеблющийся, и его блики исполняли на потолке замысловатый танец.

Род лежал на ковре. Он ощущал его спиной — холодный, упругий, сырой... Мох толщиной в три дюйма. Род попытался вытянуть руку и потрогать мох, но обнаружил, что не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Приподнял голову, поискал взглядом путы, но не увидел даже тончайшей ниточки, которая бы связывала его.

Он тряхнул головой, пытаясь прогнать боль, которая мешала ему соображать.

— Векс, — морщась, проговорил он. — Где я?

Ответа не последовало.

Род прикусил губу.

— Ну, давай, железный конь! Что у тебя там, переключатель отказал?

Переключатель...

У Векса ведь случился очередной припадок! И Род направлялся к нему, чтобы перезарядить робота.

Значит, он предоставлен сам себе.

Он вздохнул и опустил голову на ковер зеленого мха.

Где-то справа послышалось пение. Род повернул голову в ту сторону.

В каменном круге мерцал огонь. Над очагом возвышалась тренога, а на ней — котел, накрытый крышкой. Котел весело побулькивал. Из отверстия в его крышке тянулась трубка. Капли воды стекали по ней в ковшик.

Примитивный перегонный аппарат.

А рядом — самогонщик ростом футов в восемнадцать, широкоплечий и крепкий, в дублете и лосинах. Лицо у самогонщика было круглое и приветливое, глаза — зеленые, с озорными огоньками, нос приплюснутый, а рот — широкий, улыбчивый. На голове у него красовалась самая что ни на есть робингудовская шапочка с алым пером.

Взгляд зеленых глаз устремился к Роду.

— Ба! — воскликнул коротышка раскатистым баритоном. — Ты очнулся, чародей!

Род поморщился:

— Чародей? Я вовсе не чародей!

— Ну да, — хмыкнул коротышка. — Не чародей. Являешься на падучей звезде, с конем, сделанным из холодного железа...

— Минуточку, минуточку, — прервал его Род. — С чего ты взял, что мой конь — из холодного железа?

— Мы — Маленький Народец, — как ни в чем не бывало сообщил коротышка. — Мы живем под дубами, осинами и терновыми кустами, наши стихии — дерево, воздух и почва. А те, что владеют холодным железом, хотят погубить наши леса. Холодное железо — это знак тех, кому мы ненавистны, и потому нам ли не знать холодного железа, в какие бы наряды оно ни рядилось. — Он отвернулся к котлу, поднял крышку и взглянул на варево. — Ну и потом... ты умеешь слышать то, о чем говорится в доброй полумиле от тебя, твой конь способен скакать бесшумно как ветер и быстрее сокола, если потребуется. И ты не чародей, да?

Род покачал головой:

— Нет, не чародей. Я пользуюсь наукой, а не колдовством.

— Конечно, — понимающе кивнул коротышка. — «Как розу ни зови...» О нет, ты — чародей, и об этом ведает всякий и каждый вдоль и поперек в Грамерае!

— В Грамерае? Это еще что такое?

Коротышка изумленно вытаращил глаза:

— Как — что? Это наш мир, чародей! Тот мир, в котором мы живем, земля между четырьмя морями, царство королевы Катарины!

— О... она правит всей страной?

— Воистину так, — сказал эльф и искоса глянул на Рода.

— А как зовется ее замок? И тот город, что стоит у подножия холма?

— Раннимед. Честно говоря, ты на редкость необразованный чародей.

— Что я, собственно, и пытаюсь тебе втолковать, — вздохнул Род.

Человечек отвернулся, качая головой и что-то бормоча себе под нос. Он открутил краник пипетки, которой заканчивалась трубка, и собрал немного дистиллята в маленькую кружку.

Род только сейчас понял, как сильно хочет пить.

— А-а-а... скажи-ка, что ты там варишь? Не бренди ли, часом?

Эльф покачал головой.

— Джин? Ром? Aqua vitae?

— О нет. Это спиритусы иного сорта. — Он наклонился к Роду и поднес миниатюрную кружку к его губам.

— Спасибо. — Род отпил глоток, устремил взгляд к потолку, облизнулся. — Похоже на мед.

— Чем кормятся дикие пчелы, тем кормлюсь и я, — отозвался эльф и одним прыжком оказался у огня.

— Совсем недурно. Рецептик не дашь?

— Что ж не дать? Дам, — осклабился эльф. — Чего не сделаешь для гостя!

— Гостя! — фыркнул Род. — Не хотелось бы упрекать тебя, но я бы не назвал гостеприимством связывание по рукам и ногам.

— Ну... об этом можно и поспорить...

Эльф поднял крышку и помешал варево.

И тут Рода озарило. У него даже волосы на затылке дыбом встали.

— Погоди, а скажи-ка... Мы вроде бы не познакомились, но... тебя, случайно, не Робином ли Добрым Малым кличут? И еще — Элиасом Паком?

— Это ты верно сказал. — Эльф с громким звоном водрузил крышку на место. — Я — веселый ночной странник.

Род откинулся на мшистый ковер. Какая будет чудная сказка — здорово будет ее внукам на ночь рассказывать. Кроме детишек, вряд ли кто и поверит.

— А скажи, Пак... ты не будешь возражать, если я стану звать тебя Паком?

— О нет, нисколько.

— Благодарю... А меня зовут Род Гэллоугласс.

— Мы знаем об этом.

— Ну, я подумал, что неплохо бы представиться официально. Послушай, ты, похоже, мне зла не желаешь, так вот я спросить хочу... почему это я двигаться не могу?

— Ах, вот ты о чем, — догадался Пак. — Мы должны уяснить, какой ты чародей — злой или добрый.

— А-а-а... — понимающе протянул Род и пару мгновений жевал щеку. — Ну а если я окажусь добрым, вы меня отпустите?

Пак кивнул.

— А что будет, если вы решите, что я злой колдун?

— Тогда, Род Гэллоугласс, ты будешь спать до Судного Часа.

— До Судного, говоришь? Почему бы не сказать просто и откровенно: «Мы тебя кокнем»?

— Нет. — Пак выпятил нижнюю губу, покачал головой. — Мы не станем убивать тебя, Род Гэллоугласс. Ты должен будешь уснуть навеки и видеть приятные сновидения.

— Ясно. Анабиоз?

Пак нахмурился:

— Это слово мне неведомо. Ты будешь спать. Мы, Маленький Народец, не любители виселиц.

— Ну, ладно, допустим, вы мне обеспечите длительный отдых. Но как мне доказать вам, что я — добрый волшебник?

— Очень просто, — ответил Пак. — Мы тебя воздвигнем.

Род вытаращил глаза:

— Это еще зачем? Разве я памятник?

Мордашка эльфа озарилась широченной улыбкой.

— Нет, нет! Воздвигнем! Снимем с тебя обездвиживающее заклинание!

— О... — Род улегся и испустил вздох облегчения, но тут же рывком приподнял голову. — Вы меня освободите? Вот так я докажу вам, что я — добрый волшебник?

— Это ты докажешь не самим своим освобождением, — уточнил Пак. — Весь вопрос в том, где оно произойдет.

Он хлопнул в ладоши, и Род услышал топот множества маленьких ног. На глаза его легла темная плотная ткань, кто-то завязал тряпку у него на затылке.

— Эй! — протестующе вскричал Род.

— Не волнуйся, — посоветовал ему Пак. — Мы только лишь перенесем тебя туда, где ты обретешь свободу.

Десятки маленьких рук подняли Рода. Он смирился и решил наслаждаться путешествием.

И вправду этот вид передвижения очень приятен. Роду казалось, будто он едет на пружинном матрасе, водруженном на четыре колеса.

Через некоторое время он почувствовал, что ноги его приподнялись выше головы, несущие его эльфы зашагали медленнее. Судя по всему, они спускались под склону холма.

Сырой ночной воздух коснулся лица Рода. Он слышал, как шелестит ветер в ветвях деревьев, как ему аккомпанирует целый оркестр сверчков. Время от времени опорные ноты аккордов задавали то сова, то кроншнеп.

На землю Рода опустили довольно-таки бесцеремонно, после чего с глаз его сдернули повязку.

— Эй! — выругался он. — Я вам что — мешок с картошкой?

Где-то слева журчал ручей.

— Теперь ты свободен, Род Гэллоугласс, — проговорил ему на ухо Пак. — Да поможет тебе Господь!

С этими словами эльф ретировался.

Род сел, пошевелил руками и ногами и убедился в том, что они вновь обрели подвижность. Огляделся по сторонам.

Вокруг расстилалась залитая лунным светом лесная поляна. Слева под деревьями бежал ручей. Стволы деревьев, казалось, отливали сталью, листья выглядели так, словно были выкованы из жести, а между стволов притаились черные тени.

Одна из них зашевелилась.

Шагнула вперед. Высокая фигура в черном монашеском балахоне с клобуком...

Род поднялся на ноги.

Фигура медленно двигалась к нему. В десяти футах от него остановилась и отбросила с головы клобук.

Растрепанные волосы, длинное, костлявое лицо, глубокие впадины под скулами, глазницы, подобные жерлам пещер, а на их дне — горящие уголья глаз. Страшная физиономия кривилась и корчилась.

Зазвучал голос — плоский и тихий, почти шепот:

— Неужто ты настолько изнемог от жизни, что явился в клетку к оборотням?

Род выпучил глаза:

— Ты... оборотень?

А почему бы, собственно, и нет? Если тут существовали эльфы, то...

Род нахмурился.

— В клетку? — Он придирчиво оглядел окрестности. — А по мне — так тут полная воля, гуляй — не хочу.

— Эту рощу окружает магическая стена, — прошипел оборотень. — Это тюрьма, в которую меня засадил Маленький Народец. Засадили, а кормить, как положено, не кормят, гады.

— Вот как? — Род искоса глянул на оборотня. — А «как положено» — это как?

— Сырым мясом, — оскалился оборотень и продемонстрировал полный рот клыков. — Сырым мясом и кровью, чтоб это мясо запивать.

У Рода не то что мурашки по спине побежали — по ней словно протопали сотни маленьких ножек.

— Давай договаривайся со своим Богом, — посоветовал Роду оборотень. — Ибо твой час пробил.

Тыльные стороны ладоней страшилища вмиг поросли густой шерстью, ногти удлинились и превратились в острые крючковатые когти. Лоб и щеки тоже покрылись шерстью, нос, рот и подбородок слились и выпятились, обратившись в волчью морду. Уши переехали на макушку, встали торчком, заострились.

Оборотень сбросил темный балахон. Теперь все его тело было покрыто серебристой шерстью, а ноги превратились в задние лапы.

Он встал на все четыре. Плечи у него вжались, а предплечья, наоборот, удлинились — руки стали передними лапами. Появился и пушистый длинный хвост.

Серебристый волчище прижался к земле, угрожающе зарычал и прыгнул.

Род увернулся, но волк ухитрился в прыжке изменить курс, и его зубы разорвали руку Рода от локтя до запястья.

Приземлившись, волк развернулся, издав радостный вой. Собрался для нового прыжка, высунул язык и снова прыгнул на Рода. Род пригнулся, припал на одно колено, но волк скорректировал траекторию полета и упал прямехонько на спину человека. Задние лапы сомкнулись на груди Рода, могучие челюсти были готовы вцепиться в спину.

Род с трудом поднялся на ноги, резко наклонился к земле и, изо всех сил упершись плечами в брюхо волка, толчком сбросил его с себя. Волк полетел кувырком, но успел-таки разодрать Роду спину.

Чудище упало на землю вверх лапами, сильно ударилось и взвыло от боли. Затем волк вновь встал на все четыре лапы и пошел по кругу возле Рода, кровожадно рыча.

Род разворачивался, стараясь держаться лицом к волку. Как же с ними положено сражаться, с этими оборотнями? Векс бы подсказал, но Векс был не в порядке.

Волк рыкнул и бросился к Роду, целясь клыками в его глотку.

Род пригнулся пониже и выбросил вперед распрямленную руку. Его вытянутые пальцы угодили волку аккурат в солнечное сплетение.

Род отскочил назад и принял борцовскую стойку. Волчара рвал когтями землю, переводя дух и собираясь с силами для продолжения атаки. Род кружил возле него, всей душой надеясь на удачу.

Как же одолеть оборотня?

Наверное, пригодились бы волчьи ягоды.

Но Род ни за что не сумел бы отличить волчьи ягоды от ядовитого плюща без ботанического справочника-определителя.

Волк хрипло вдохнул и встал на задние лапы, зарычал и принялся обходить Рода по кругу, ожидая, когда тот раскроется.

«Хороша тактика», — выругал себя Род и изменил направление, пошел по часовой стрелке, намереваясь обойти волка и подобраться к тому сзади.

Волк прыгнул.

Род отскочил в сторону и влепил волку в нижнюю челюсть с левой, но волчище вцепился клыками в его кулак.

Род взвыл от боли и пнул зверюгу ногой в брюхо. Чудище задохнулось и выпустило руку Рода. Клыкастые челюсти судорожно хватали воздух.

Серебряные пули. Химическое оружие вышло из употребления тысячи лет назад. ДДТ отменил серебряный стандарт сравнительно недавно.

Распятие. Род принял твердое решение в ближайшее же время обратиться к религии. Нужно же было иметь хоть какое-то хобби.

Тем временем его лохматый друг собрался с силами. Волк оттолкнулся от земли задними лапами и прыгнул.

Род шагнул в сторону, но волк, похоже, предвидел такой маневр противника и потому упал на грудь Рода. Его роняющие слюну клыки тянулись к сонной артерии.

Род упал на спину, согнул ноги в коленях, уперся ступнями в брюхо волка и изо всех сил оттолкнул оборотня. Волк отлетел и шмякнулся оземь, не успев выпростать лапы.

Что они еще не любят, оборотни эти, будь они трижды прокляты?

Чеснок!

Род закружил возле волка, шаря в кошеле — там у него лежал кусок чесночной колбаски, припасенный после ужина на постоялом дворе.

Волк разъявил пасть и громко чихнул.

Род сунул колбаску в рот и хорошенько разжевал.

Волк поднялся на лапы и издал мерзкий, весьма решительный рык. Лапы спружинили, чудовище вновь прыгнуло на свою жертву.

Род ухитрился ухватить зверюгу за передние лапы, покачнулся под весом тела врага и изо всех сил выдохнул в его мерзкую морду, после чего отпустил волка и отпрыгнул в сторону.

Волк покатился по земле, плюясь и кашляя, судорожно вдохнул и замер.

Вот он вытянулся, обмяк, потом снова медленно вытянулся... а в следующий миг на земле уже лежал долговязый тощий человек, зарывшись лицом в траву. Его обнаженное тело сотрясали судорожные, мучительные вздохи.

Род опустился на колени. Его спасла чесночная колбаска. Подумать только!

Возле его коленей зашелестела трава, и Род увидел смеющиеся глазки Робина Добряка.

— Если хочешь, можешь вернуться вместе с нами, Род Гэллоугласс, ибо наши тропы теперь и твои тропы. Теперь можешь ходить по ним без страха.

Род устало усмехнулся.

— Он ведь мог меня прикончить, — сказал он, указав на бесчувственное тело оборотня.

Пак покачал головой:

— Мы присматривали за вами и не позволили бы ни одному из вас погибнуть. Что же до твоих ран — мы их быстро излечим.

Род поднялся на ноги, недоверчиво качая головой.

— И потом, — добавил Пак, — мы ведь знали, что ты такой могущественный чародей, что непременно одолеешь его... если конечно, ты добрый волшебник.

— Правда? — Род вздернул брови. — А если нет? Если бы я оказался злым?

— Тогда, — усмехнувшись, ответил Пак, — ты был бы с ним заодно, вы бы объединились против нас и стали бы замышлять, как бы вызволить его из плена.

— Ага. — Род задумчиво закусил губу. — Однако тем самым вы поставили бы себя в весьма деликатное положение.

— Вовсе нет, — снова усмехнулся Пак. — Колдовство десятка эльфов до сих пор ни разу не уступало колдовству двоих злых колдунов.

— Понятно, — кивнул Род и потер подбородок. — Вы небось об заклад бились, да? Правда, предупредить меня вы ни о чем не могли. Ну, так что, стало быть, одним тем, что я тут во тьме бился с оборотнем, я уже доказал вам, что я — хороший парень?

— Отчасти.

— Да? А что еще осталось?

— Видишь ли, Род Гэллоугласс, ты несколько раз приводил волка в беспомощное состояние, но не убивал его.

— А это доказывает, что у меня доброе сердце.

— Точно, — кивнул Пак, — и еще это доказывает, что ты настолько уверен в своем могуществе, что способен снизойти до милосердия. А вот это и есть самое веское доказательство того, что ты — добрый человек, но это же и есть еще более веское подтверждение того, что ты — чародей.

Род в отчаянии зажмурился. Сдерживаясь изо всех сил, он проговорил:

— Между прочим, все вышеупомянутое может означать, что я всего-навсего силен в боевых искусствах.

— Может, — не стал спорить Пак, — но одолел ты его все-таки колдовством.

Род вдохнул поглубже.

— Послушай, — сказал он осторожно, — я вовсе не чародей. И никогда чародеем не был. И не желаю я никаким чародеем быть. Я всего-навсего солдат-наемник, знающий пару-тройку хитрых фокусов.

— Несомненно, господин чародей, — весело подхватил Пак. — Не откажешься ли вернуться вместе с нами в пещеру? А потом мы проводим тебя в твою гостиницу.

— Ну ладно, — проворчал Род.

Но прежде чем покинуть поляну, он обернулся к беспомощной кучке костей и кожи — спящему оборотню.

— Господин Гэллоугласс? — недоуменно и встревоженно окликнул его Пак. — Что тревожит тебя?

Род покачал головой, стряхнул раздумья.

— Да нет, ничего, — отозвался он. — Просто вспомнилось кое-что.

— Что же, чародей?

— В школе меня звали «одиноким волком». Ладно, не обращай внимания. Ну, где там твоя пещера?

Когда Род, спотыкаясь и пошатываясь, шагал по двору к конюшне, занимался рассвет.

Ряд стойл освещала единственная свеча. Толку от нее было чуть — только тени ложились плотнее. Род обхватил рукой круп Векса, чтобы удержаться на ногах. Другой рукой он пробежался по спине коня и наконец нащупал увеличенный позвонок, служивший кнопкой включения робота. Он нажал на позвонок, и стальное туловище под конской шкурой пошевелилось. Бархатно-черная голова поднялась, конь пару раз мотнул ею, оглянулся через плечо и в упор взглянул на Рода большими карими глазами. Мгновение робот молчал, а потом за ухом у Рода зазвучал его голос, в котором прослеживались укоризненные нотки:

— Ты надолго оставил меня в бездействии, Род. Отрицательные последствия спазма у меня отсутствуют.

— Прости, старая железяка, — проговорил Род, придерживаясь за спину коня. Ноги его плохо слушались — Я как раз собрался включить тебя, когда меня похитили.

— Похитили?! — Голос Векса был полон искреннего стыда. — Пока я спал! О, пусть моя оболочка ржавеет на свалке металлолома до скончания веков! Пусть весь германий, что входит в состав моего сплава, будет отправлен на переплавку с сопроводительной рекламацией! Пусть мои...

— Ой, хватит тебе! — проворчал Род. — Ты ни в чем не виноват. — Он отошел от коня и расправил плечи. — Никакая опасность мне не грозила. Просто выдалась напряженная трудовая ночка, вот и все.

— Это как, Род?

Род собрался было ответить, но передумал.

— Утром расскажу, Векс.

— Я переориентировал мои микросхемы для восприятия противоречий между общепринятой теорией и фактическими событиями, Род. Можешь довериться мне и поведать всю правду, не опасаясь перегрузить меня информацией.

Род покачал головой и развернулся к выходу из конюшни.

— Утром, Векс. Ты-то, может, и поверишь во все, что со мной стряслось, но я сам пока не в силах.

Род уселся за накрытый к завтраку стол. Он заказал себе неимоверное количество еды, но по сравнению с Большим Томом его можно было назвать человеком, сидящим на диете. Тот окружил себя настоящими горами продуктов.

Некоторые из них Роду были знакомы — яйца, оладьи, ветчина. Правда, у оладий был какой-то немного чужеродный привкус, а желтки яиц имели в диаметре три дюйма. На населенных людьми планетах всегда произрастали какие-нибудь злаки, как правило, это были потомки террансских зерновых культур, однако почва, на которой они росли, порой производила со знакомым зерном удивительные метаморфозы. Точно так же всегда на таких планетах можно было встретить одомашненных птиц, но чаще всего то были какие-нибудь местные птахи. Естественно, всегда в избытке были свиньи — их в террансских колониях бывало побольше, чем собак. Порой Рода терзали смутные сомнения относительно биологической чистоты собственного вида.

Вся еда, спору нет, была вполне съедобна и скорее всего питательна: генетический дрейф не мог чересчур сильно повлиять на метаболизм человека. А вот микроэлементы — это дело другое, и потому Род на всякий случай перед едой проглотил универсальную пилюлю.

Большой Том заметил это и поинтересовался:

— Это что такое вы скушали, хозяин?

Род вымученно улыбнулся:

— Так, маленькое заклинание. Ты, главное, не волнуйся, Большой Том.

Том задержал взгляд на хозяине, перевел его на свою тарелку и пробормотал краткую молитву, после чего бросился в атаку на оладьи вилкой, которая судорожно тряслась в его руке.

Верзила собрался было что-то сказать, но слова, похоже, застряли у него в глотке. Он прокашлялся и предпринял новую попытку:

— Что у вас на уме, господин мой?

— Визит в замок, — ответил Род. — Поглядим, не нужен ли королеве новый воин.

Том протестующе вскричал:

— Наняться в войско королевы? О нет, хозяин, это не работа для честного человека!

Род выгнул дугой бровь:

— Не хочешь ли ты сказать мне, что один из нас — честный человек?

Большой Том заткнулся.

У хозяина постоялого двора нашлась лишняя лошадь — то ли она и вправду была лишняя, то ли он неожиданно вспомнил об этом, когда Род выразительно сжал рукоятку кинжала. Она оказалась старой серой кобылой с прогнувшейся спиной, чуть более длинной шеей и чуть более короткими ушами, чем средняя терранская представительница этого вида. Кобыла... Это было не слишком удачно, так как она, по идее, просто обязана была привлечь к себе пристальное внимание Векса. Как-то они поладят? Как она среагирует на стального жеребца?

Когда Род с Большим Томом выезжали с постоялого двора, зазвенели церковные колокола. Их звон напомнил Большому Тому о том, что поднялись они слишком, по его разумению, рано, и он немного поворчал на предмет того, что некоторые господа почему-то выбирают для начала путешествия не самое подобающее время.

Его жалобные причитания, однако, утихли, когда всадники въехали на склон холма за городом, откуда открывался чудесный вид до самого горизонта, где восток уже беременел восходящим солнцем.

Том глубоко вдохнул рассветного воздуха и, обернувшись через плечо, усмехнулся Роду:

— Э, хозяин! Денек будет славный нынче!

— И прохладный, — отметил Род и поднял воротник, поскольку ветер дул ему в спину.

— Ну да, ну да! Сказал же я — славный будет денек!

— Знаешь, что-то я не вполне разделяю твоего энтузиазма по поводу показателей термометра, — проворчал Род. — Давай, Том, поживее, до замка уже недалеко.

— Стойте! Назовите себя! — крикнул дозорный на подъемном мосту.

— О боги! — воскликнул Род и закатил глаза.

— Назовите свои имена и скажите, что вам нужно в королевском замке.

— Что-то ты чересчур усердствуешь, а? — Род искоса глянул на дозорного.

Дозорный строптиво поджал губы.

— Не твое дело, — рявкнул он. — Я служу королеве, а ты давай отвечай с подобающим уважением.

— Это вряд ли, — отозвался Род, еле заметно улыбнувшись. — Мое имя — Род Гэллоугласс.

— Гэллоугласс? — Дозорный нахмурился. — Не трать времени понапрасну. У королевы уже есть шут.

— На тебя поглядеть, так у нее их много, — проворчал Род. — Я — солдат, и мой слуга тоже. Позови сюда начальника стражи, пусть он примет меня на службу.

Дозорный одарил Рода гневным взглядом:

— Стать королевским воином не так просто!

— Ну и как им стать? — гаркнул Род. — Я что, доказать должен, что я — воин?

Он спрыгнул с седла, оказавшись всего в ярде от дозорного.

— Если ты воин, то, стало быть, так себе воин, — с ухмылкой констатировал дозорный, — потому что добрый воин не бросил бы коня без привязи.

Род одарил его сладенькой улыбочкой и крикнул:

— Векс, отступи назад на четыре фута, сделай полшага влево, потом пройди четыре фута с половиной вперед и стой, пока я не позову тебя.

Дозорный, раззявив рот, смотрел за тем, как Векс послушно и четко исполнил все маневры с точностью хорошо отлаженной машины.

— Так что я воин, — заметил Род. — И притом хороший.

Рот дозорного по-рыбьи захлопнулся. Чуть выпучив глаза, он смерил взглядом с головы до ног стройную фигуру Рода, задержал взгляд на черной перчатке, лежавшей на рукояти меча.

— Видишь ли, — пояснил Род. — Конь мой мне может понадобиться. Проще пропустить его в крепость вместе со мной.

С этими словами Род сделал ловкий финт правой рукой. Дозорный крякнул от изумления и попятился, но в это же мгновение Род поддел его ступней под лодыжку. Дозорный брякнулся на булыжники. Его доспехи звякнули подобно связке пустых консервных банок.

Род выхватил из рук дозорного пику и зашвырнул ее под мостик.

— Ну, что, еще попробуем или как? — осведомился он.

— Славно сработано, ой как славно, господин мой! — Большой Том от восторга хлопнул свою кобылу по крупу, ухмыляясь при этом от уха до уха.

Дозорный, кряхтя, поднялся на ноги и завопил:

— На помощь! На помощь!

— О нет! Только не это! — Род сокрушенно прижал ладонь ко лбу и покачал головой.

Он прислонился к плечу Векса и сложил руки на груди. Из ворот выбежали трое стражников с пиками на изготовку. Главный из троих глянул на дозорного, потом на Рода и нахмурился:

— Кому тут помощь понадобилась?

Дозорный дрожащей рукой указал на Рода:

— Этот человек...

— Ну-ну? — улыбнулся Род.

— Ну... он сбил меня с ног, вот что он сделал, и отобрал у меня пику!

— Я бы на твоем месте этим не похвалялся, — пробормотал Род. Большой Том припал к голове своей клячи, сотрясаясь от беззвучного хохота.

— Он говорит правду, незнакомец? — гневно вопросил начальник караула сэр Марис.

— Истинную правду, — почтительно склонил голову Род.

— Что ж... — Начальник приосанился, уперся кулаками в бедра и выругался.

— Что ж — что? — Род непонимающе вздернул брови.

Начальник, похоже, начал нервничать.

— Ладно, говори, зачем явился.

— Хочу поступить в королевское войско. А этот воин мне сказал, что меня следует испытать.

Начальник караула глянул на пристыженного дозорного, перевел взгляд на Рода и кивнул.

— Будет тебе испытание, — буркнул он. — Проезжай.

Испытание ожидало Рода в виде здоровенного стражника, вооруженного широченным мечом и боевым топориком.

— А ты, парень, что, топора не возьмешь? — прорычал старый рыцарь, который, как выяснилось, был командиром королевской гвардии.

— Спасибо, обойдусь, — покачал головой Род и вынул из ножен кинжал. — Мне и этого за глаза хватит.

— Маленький кинжальчик и меч — одно название, что меч... И это против меча и топора? — Сэр Марис печально покачал головой. — Ты, видать, и вправду собрался помереть во цвете лет!

Род широко открыл глаза.

— Благодарю, — сказал он. — Никто мне не говорил, что я выгляжу молодо, с той поры, как мне минуло тринадцать.

— Что ж, скрестите ваши мечи, — вздохнул сэр Марис. Род и рыцарь повиновались. Сэр Марис шагнул вперед и своим мечом разъединил их клинки.

Широкий меч рыцаря описал в воздухе дугу. Род воспользовался этим и уколол рыцаря в живот. Тот поддержал топором свой меч, а кончик лезвия меча Рода проехался по предплечью рыцаря и порвал ткань его дублета прямо над сердцем.

— Стойте! — вскричал сэр Марис, и меч рыцаря замер, не успев опуститься. Рыцарь выронил топор и, обескураженно рыская глазами по сторонам, вопросил:

— Что стряслось?

— А то стряслось, что ежели бы этот Гэллоугласс не в игрушки с тобой играл, — проворчал сэр Марис, — быть бы тебе нынче мертвецом, сержант Хэпвид. Кто бы мог только додуматься не рубить мечом, а колоть? — в изумлении проговорил он, глядя на Рода.

— Может, еще попробуем? — Род залихватски рубанул мечом воздух и плашмя ударил себя по голени.

Сэр Марис не спускал глаз с Рода. Брови его сошлись на переносице.

— Нет, — сказал он и вздернул подбородок. — Я готов объявить тебя лучшим мечником.

— Что да, то да, — негромко проговорил Большой Том. Сэр Марис зыркнул на детину снизу вверх, но тот только светился от гордости за хозяина.

Начальник стражи развернулся и поднял с мостовой куотерстаф.

— Держи! — крикнул он Роду. — Испытаем, как ты владеешь этим оружием.

Род убрал кинжал в ножны и, поймав куотерстаф, ухватил его посередине. Затем убрал в ножны меч.

Здоровяк сержант упражнялся в нанесении быстрых ударов собственным куотерстафом на счет «раз-два-три».

— Сходитесь! — крикнул сэр Марис, и сержант на согнутых в коленях ногах пошел на Рода, закрывшись куотерстафом. Род последовал его примеру.

А потом на него посыпался настоящий дубовый дождь. Сержант осыпал ударами его голову и плечи, ожидая, когда Род раскроется. Он постоянно опережал защиту Рода на полсекунды.

Род стиснул зубы, приноровился к шагам сержанта и принялся отражать удары один за другим. Удавалось ему это с превеликим трудом. У него под ложечкой засосало от досады — настолько неприятна ему была роль защищающегося.

Род закрылся от удара в пах, перехватил удар, нацеленный по макушке, быстро опустил куотерстаф, чтобы не получить удар в живот, но удара не последовало. Это был финт.

Род отчаянно вскинул оружие, чтобы закрыть голову, но сержант воспользовался секундным замешательством соперника. Краем глаза Род видел тяжеленный дубовый куотерстаф, опускающийся на его макушку.

Род попятился, но от удара уйти не сумел. Куотерстаф сержанта опустился на его череп с жутким треском, подобным раскату грома.

Род отступал, блокируя удары сержанта чисто рефлекторно, и слышал, как уже вопят, предвкушая победу товарища, собравшиеся возле ворот солдаты.

«Никуда не годится!» — в отчаянии думал Род. Он ведь учился бою на куотерстафах, вот только практики у него не было почти целый год, а вот у сержанта это, похоже, было излюбленное боевое оружие. Для него бой на куотерстафах был игрой, как для Рода — сражения на мечах. Перевес был на стороне сержанта, и тот это отлично понимал.

Оставался последний шанс. Род отпрыгнул назад, руки его скользнули к середине куотерстафа. Оружие начало вращаться.

Род стиснул зубы и приложил всю силу, на какую только был способен. Его куотерстаф начал описывать круги в воздухе, издавая противный вой.

Это была французская забава — верчение палки, под названием «мулен»— «мельница». Не исключалось, что сержант тоже был с ней знаком, но вряд ли был таким же непревзойденным мастером, как Род. Искусство это было довольно экзотическим, если только не сойтись в нем с французом. Имея же фамилию Хэпвид...

Сэр Марис и компания хором ахнули. Сержант в испуге попятился. Но вот физиономия его помрачнела, и он тоже завертел своим куотерстафом.

Стало быть, стиль этот был ему известен. Вот только большим мастером мулена он явно не числился, стало быть, Род приобретал над ним преимущество. Он вращал палку так, что та гудела почище циркулярной пилы, превосходя оружие сержанта в скорости вращения, а следовательно — и в силе удара.

Сержант Хэпвид это тоже понимал. Мышцы у него на шее завязались в узлы — такие титанические усилия он прилагал, чтобы заставить свой куотерстаф вращаться быстрее.

Куотерстафы ударились друг о друга с треском, подобным ружейному выстрелу. От сотрясения у Рода зубы заломило. Он пришел в себя на долю секунды быстрее сержанта и два раза подряд рубанул своим куотерстафом по оружию соперника. Ему сопутствовал успех: сержант выронил свой куотерстаф.

Род выпрямился, глубоко вдохнул и, мало-помалу успокоившись, оперся о свой куотерстаф.

Сержант тупо таращился на собственные руки.

Род шагнул к нему и легко коснулся кончиком своего куотерстафа его виска.

— Бэнг! Ты покойник!

— Стоять! — громко распорядился сэр Марис, придав происходящему официальный характер. Род опустил куотерстаф и снова оперся на него.

Сэр Марис сердито смотрел на Рода. Глаза его под кустистыми бровями недобро сверкали.

Род натянуто улыбнулся ему.

Тот ответил медленным кивком.

— Не испытать ли тебя во владении луком?

Род нарочито небрежно пожал плечами. Арбалет — это еще туда-сюда, но лук...

Из-под крыши послышался оглушительно громкий хохот. Начальник стражи и его подчиненные вздрогнули. Большой Том упал на колени и закрыл руками лицо.

Род запрокинул голову, высматривая весельчака.

На одном из толстенных дубовых стропил, идущих под крышей зала, восседал карлик, барабаня пятками по бревну. Голова у него была большая, как у Рода, плечи — шире, чем у Рода, руки и ноги — такие же мускулистые. Выглядел он так, словно кто-то взял нормального человека, да и укоротил его на пару-тройку футов в разных местах.

Карлик был широк в груди и в плечах, а шея у него была мощная, как у быка. Голова с растрепанными черными волосами казалась невероятно большой для такого приземистого тела. Черные курчавые волосы закрывали шею, косматые черные брови топорщились на плоском покатом лбу. Глаза у карлика были большие и черные, словно угольки. Сейчас они искрились насмешкой. Еще у него был крючковатый, с горбиной, нос и толстые мясистые губы, прятавшиеся в зарослях густой черной бороды. Улыбаясь, карлик скалил ослепительно белые зубы.

Ну, как будто кто-то вздумал смастерить из великана затычку для бочки, и надо сказать, почти в этом преуспел.

— Лук! — выкрикнул карлик гулким басом. — Ой, нет, из него стрелок, как из барана весной!

Сэр Марис одарил карлика гневным взглядом:

— Чума возьми тебя и твои паскудные речи, Бром О'Берин! Мало ли у меня седин, так тебе надо прибавить мне еще своими шуточками?

— О бесчестный старец! — вскричал карлик. — Бесчестный, и недальновидный притом! Будь у тебя хоть капля гордости, сэр Марис, ты бы должен был благодарить меня за то, что я указываю тебе на недостаток бдительности!

— Бром, — пробормотал Род и вытаращил глаза, — О'Берин?

Карлик повернул голову к Роду и сердито зыркнул на него:

— Черный Бром О'Берин, вот так будет верно!

— Но это же смесь датского и ирландского с русским, если я ничего не путаю!

— Что это он городит? Что за бессмысленные словечки?

— Да нет, это я так... — Род отвернулся и покачал головой. — Это надо было предвидеть. Чего тут только не встретишь, в этой безумной стране... как ее... в Грамерае.

Карлик предательски усмехнулся:

— Поправь меня, если я ослышался, но что-то мне показалось, будто ты насмехаешься над великой страной Грамерай?

— Вовсе нет! Я вовсе не... Я хотел... — Род запнулся, вовремя вспомнив о том, что извинения вовсе не к лицу воину в этой цивилизации. Он выпрямился, выпятил подбородок. — Ладно, — кивнул он. — Если хочешь, можешь счесть мои слова оскорблением.

Карлик победно взвыл и прыжком встал на стропиле.

— Теперь тебе придется сразиться с ним, Гэллоугласс, — проворчал сэр Марис. — И для этого тебе понадобится вся твоя искусность.

Род непонимающе уставился на начальника стражи. Неужто он это всерьез сказал? Разве карлик мог оказать Роду достойное сопротивление?

А карлик басовито хихикнул и соскользнул со стропила. Оттуда до пола было двенадцать футов, то бишь втрое больше роста Брома, однако на пол он приземлился мягко, даже спружинил ногами и тут же принял бойцовскую стойку. Затем выпрямился и крадучись пошел на Рода, злорадно хихикая.

За спиной у Рода послышался рев, вперед рванулся Большой Том.

— Это ловушка, хозяин! — кричал он. — В этой стране царствует злое колдовство, а он — самый страшный колдун! Еще никому не удавалось победить Черного Брома! Но я...

Все солдаты, что собрались в зале, бросились на Большого Тома с криками злобы.

На мгновение Род остолбенел. Потом отбросил куотерстаф и кинулся в толпу дерущихся, раздавая направо и налево удары карате. Солдаты один за другим попадали на пол.

— Разойтись! — громом прогремел приказ Брома.

В зале воцарилась тишина.

Бром уже успел каким-то образом снова взобраться на стропила.

— Спасибо, парни, — пророкотал Геракл в миниатюре. — Но этот верзила не хотел мне зла. Не трогайте его.

— Не хотел зла?! — хором выкрикнул с десяток голосов.

Бром вдохнул поглубже и выдохнул:

— Да, зла он мне не хотел. Он только хотел защитить своего господина. А этот Гэллоугласс только хотел защитить своего слугу. Теперь не троньте их, ни того ни другого не в чем винить.

Солдаты неохотно повиновались.

Род похлопал Тома по плечу и пробормотал:

— Спасибо тебе, Большой Том. А за меня не бойся: этот датский ирландец всего лишь человек — такой же, как мы с тобой. А раз он человек, я его могу одолеть.

Слух у карлика, судя по всему, был необычайно острый.

— Вот как? Можешь? — вскричал он. — Поживем — увидим, бойцовый петушок!

— Хозяин! — простонал Большой Том, выпучив глаза. — Вы сами не знаете, о чем говорите! Этот карлик в союзе с самим дьяволом!

— Злой колдун, что ли? — фыркнул Род. — Да не бывает никаких колдунов!

Сэр Марис отступил к своим подчиненным. Взгляд его стал холодным и гневным.

— Пусть только волос с его головы упадет, и мы зажарим тебя заживо!

— Не бойтесь, — хихикнул Бром О'Ьерин. — И ты, Гэллоугласс, не бойся. Покажи все, на что способен, попробуй сделать мне больно. Не сомневайся, ничегошеньки у тебя не получится. А теперь — сам смотри. — Карлик вспрыгнул на стропило и вскричал: — Начали!

Род согнул ноги в коленях, руки — в локтях.

Бром стоял на стропиле, уперев руки в бока и кивая большущей головой.

— Ага, изготовься! Вот только... — Глаза карлика недобро сверкнули. — Вот только Бром О'Берин не такая уж пушинка!

И он спрыгнул со стропила и готов был упасть прямо на голову Рода.

Род отступил, застигнутый врасплох неожиданностью нападения карлика. Однако рефлексы сделали свое дело: рука взметнулась, ухватила карлика за лодыжки и рванула его ногами вверх.

Затем, ожидая, что его противник брякнется спиной о гранитный пол, Род бросился вперед, чтобы подхватить его, но карлик сделал в воздухе сальто и пружинистым прыжком встал на ноги.

Вытянутые руки Рода он резко оттолкнул.

— Жест благородный, — проворчал он. — Но глупый, ибо ты забыл о защите. Прибереги свое благородство для тех, кто в нем нуждается, голубчик Гэллоугласс.

Род отступил и закрылся, глядя на маленького человечка с некоторым уважением.

— Похоже, я недооценил тебя, господин О'Берин.

— Не зови меня господином! — проревел карлик. — Никому я не господин, я всего лишь шут королевы!

Род медленно кивнул:

— Шут. Дурак, стало быть. — Он поманил к себе карлика. — Ну все, хватит, иди сюда, мудрый дурак.

Бром пару мгновений не трогался с места, пытливо и злобно пялясь на Рода. Он что-то проворчал, растянул пухлые губы в улыбке и кивнул. А потом подпрыгнул, перевернулся в воздухе и нацелился ступнями в подбородок Рода.

Род снова выбросил вперед руку, намереваясь ухватить Брома за лодыжки.

— Я думал, ты хоть чему-то научишься...

Он снова вскинул вверх ноги карлика, но на этот раз карлик ухитрился завести голову под подбородок Рода и дернуть ею. Голова у карлика оказалась твердая, как камень.

Род покачнулся, но успел цепко обхватить руками туловище карлика.

Карлик весело болтал ногами.

— И что теперь? — хихикал он. — Ты заполучил меня, а теперь что станешь делать со мной?

Род, тяжело дыша, медлил.

Вопрос, спору нет, был хорош. Ослабь он руки хоть на миг, можно было не сомневаться: Бром заедет ему ногой в живот. Он мог бы выпустить карлика. Мог бы его отшвырнуть, но он уже убедился в том, как ловко Бром умеет подпрыгивать. А следовательно, в очередном прыжке карлик мог нанести Роду очередной удар макушкой под нижнюю челюсть.

Правило у Рода было такое: когда сомневаешься, сначала предприми хоть что-то, а уж потом думай. Род упал на пол, стараясь держать карлика под прямым углом, цепко сжав его колено и шею.

Но Бром оказался ловчее, чем думал Род. Его правая рука обвилась вокруг левой Рода. Он цепко зажал ее и потянул.

Спина Рода выгнулась от боли в локтевом суставе. Теперь у него был единственный выбор: разжать левую руку или потерять сознание от боли.

Решение надо было принять срочно! Решение!

Род решил рискнуть и крепче зажал шею карлика.

Бром удивленно проворчал:

— Другой бы на твоем месте возопил от боли и удрал бы от меня подальше, голубчик Гэллоугласс.

Карлик согнул ногу в колене. Его ступня уперлась в грудь Рода, скользнула к подбородку и жутко надавила.

Род издал приглушенный стон. Его шейные позвонки давили друг на друга с такой силой, что шею словно пламенем жгло. В глазах потемнело, заплясали разноцветные искры.

— Лучше бы отпустил меня теперь, Гэллоугласс, — мурлыкнул Бром. — А не то свет померкнет, и ты уснешь.

Неужели этой треклятой полупинтовой кружке суждено было всегда говорить последнее слово?

Род вздумал было ответить виртуозной дерзостью, однако в зале смеркалось с угрожающей скоростью, искры превратились в веретена. По всем показателям нужно было как можно скорее выбираться.

Род разжал руки, оттолкнулся ими от пола и, покачиваясь, встал на ноги. В ушах у него звенело от издевательского утробного хохота карлика.

Бром продолжал держать Рода за руку, а другой рукой вцепился в ворот камзола Рода и тянул его к полу.

Вот ступни Брома коснулись пола. Он оттолкнулся и швырнул Рода назад.

Род покачнулся, не удержал равновесия и упал, однако навыки и тут не подвели его. Он прижал подбородок к груди и уперся в пол руками, тем самым смягчив падение.

Бром весело взвизгнул, увидев, что Род все еще в сознании, и прыгнул к сопернику.

Род судорожно вдохнул и выбросил вперед ноги. Его ступни угодили Брому в живот, после чего Род ухватил его за руку и отшвырнул.

Бром кувыркнулся в воздухе, пролетел в двадцати футах от Рода и приземлился на каменные плиты пола, издав изумленный вскрик. Приземлился он, само собой, на ноги и, заливисто хохоча, крутанулся на каблуках.

— Ловко получилось у тебя, парень, очень даже ловко! Но этого маловато будет...

Род успел встать. Тяжело дыша, он тряхнул головой. Бром бросился к нему и подпрыгнул.

Род пригнулся пониже, тщетно надеясь на то, что карлик промахнется хотя бы на этот раз... Но длинная рука Брома резко выпрямилась, и он обхватил Рода за шею, после чего забросил ноги ему за плечи.

Одной пяткой карлик пребольно надавил на лопатку Рода, обеими руками сжал его горло.

Род захрипел, распрямился и прогнулся назад под весом карлика. Он сумел ухватить врага за руки, а потом резко наклонился вперед и дернул изо всех сил.

Бром пролетел над головой Рода и, сделав очередное сальто, отлетел вперед. Встав на ноги, он крикнул:

— Ну, ты храбрец, малый! Всем храбрецам храбрец! — Он развернулся к сопернику, злобно сверкая глазами. — Только подустал я от этой игры. Пора бы ее закончить.

— П-попробуй, — тяжело дыша, выговорил Род.

Бром бросился в атаку, бешено размахивая длинными ручищами и намереваясь одолеть оборону Рода.

Поняв, что карлик намерен ухватить его под колени, Род опустил правую руку и закрылся ею, затем обхватил левой рукой плечи Брома и попытался рвануть противника на себя, дабы тот утратил равновесие, но карлик ухитрился каким-то образом снова уцепиться за ворот камзола Рода.

Род напряг мышцы, пытаясь сбросить с себя цепкого коротышку. Он изо всех сил молотил руками по локтям карлика, но тот только еще крепче держался.

А потом карлик изогнулся и ударил Рода ступнями под ложечку. Род покачнулся и понял, что падает.

Бром отпрыгнул и в прыжке ухватил Рода за ногу. Род полетел на пол, но все же каким-то чудом ухитрился выставить перед собой руки и не расшибить голову.

Он попытался подняться, но к его плечам словно бы мельничный жернов привязали, а вокруг левой руки, казалось, обвилась змея и сжала руку мертвой хваткой.

Род пытался подняться и вырваться из этого полунельсона, но злобный карлик применил тот же прием и к его левой руке.

— Сдавайся, парень, — прошипел на ухо Роду Бром. — Сдавайся, ибо теперь ты от меня никак не избавишься.

И, дабы доказать Роду, что это так и есть, он вздернул вверх его зажатую руку. Род от боли заскрипел зубами.

И все же ему чудом удалось подняться на ноги. Он отчаянно пытался стряхнуть с себя карлика. Но тот обвил ногами талию Рода.

— Не-ет, — мерзко хихикнул карлик. — Сказал же я тебе, что ты от меня не избавишься!

Род отряхивался, словно терьер после купания, а Бром вцепился в него бульдожьей хваткой. На миг у Рода мелькнула мысль: упасть на спину и раздавить карлика. Уж очень постыдная получалась картина: над ним брал верх человечек втрое ниже ростом. От мысли этой Род сразу отказался. На протяжении боя у Брома была масса возможностей прибегнуть к грязным приемам вроде того, что задумал Род.

Следовательно, карлик был за честную драку. Будь проклят Род, если он уступит ему в благородстве.

А голос карлика урчал над ухом:

— Неужто не сдашься, парень?

Его рука потянулась к кадыку Рода. Род хрипло вдохнул.

А потом карлик резко ударил ребром ладони чуть ниже затылка Рода. Голова Рода дернулась, подбородок ударился о ключицы. Род зашатался и выставил ногу, чтобы не упасть. Мышцы спины и шеи готовы были треснуть от напряжения. Правая рука, казалось, молила о пощаде. Диафрагму свело судорогой, она упорно отказывалась расслабиться и помочь Роду сделать вдох. Трахею скрутил спазм, легкие отчаянно просили хоть глотка воздуха. На краткий, отрешенный миг Роду показалось, что снова сгущается ночь и на небе загораются первые звезды...

В лицо его ударила струя холодной воды, к губам прикоснулось горлышко бутылки, показавшееся величиной с тележное колесо. Жидкость стекла по языку, огнем обожгла желудок.

Род помотал головой и обнаружил, что лежит на холодных камнях. Что это ему вздумалось улечься спать на каменном полу, интересно?

Голоса эхом звучали в ушах. Род открыл глаза и увидел круглую физиономию с большими карими глазами в облаке курчавых черных волос, черную густую бородищу.

Голова убралась, каменные плиты завертелись по кругу. Род судорожно вдохнул, сосредоточил взгляд на блестящем наконечнике копья. Мало-помалу голова у него перестала кружиться.

Громом прогремел голос:

— Да он просто чудо, сэр Марис! Ведь он меня заставил попотеть!

Чья-то сильная рука подхватила Рода под плечи и оторвала от каменного пола. Перед ним возникло лицо Большого Тома. Брови его слуги от тревоги завязались на переносице в узел.

— Вы как, господин?

Род промычал что-то нечленораздельное, вяло махнул рукой и кивнул.

А потом в поле зрения снова возникла курчавая голова, прилепленная к туловищу шимпанзе, и руку Рода пожала мускулистая рука.

— Ты славно дрался, парень, — прогремел Бром О'Берин. — Такой трепки мне еще никто не задавал с той самой поры, как я вступил в пору зрелости.

Род пожал руку карлика и попытался улыбнуться.

А потом к нему склонилось покрытое шрамами седобородое лицо сэра Мариса. Старик сжал предплечье Рода и помог ему подняться на ноги.

— Давай, парень, встань во весь рост! Ибо отныне ты солдат войска королевы!

— Войска королевы! — возмущенно прогрохотал Бром, уже непостижимым образом снова взобравшийся на стропила. — О нет, сэр Марис! Я готов замолвить словечко за этого парня! Он должен стать личным стражем самой королевы!

— Проклятие! Нет, говорю тебе, Большой Том! Убери от меня подальше эту штуковину!

— Но хозяин! — Том бросился за Родом, сжимая в руках стальной нагрудник. — Должны же вы надеть хоть какие-нибудь доспехи!

— Тогда объясни подоходчивее, на кой черт они мне сдались, — буркнул Род.

— Как это — на кой черт? Чтобы отражать стрелы и мечи, господин мой!

— Что до мечей, то их я и своим отобью без особого труда. От стрел можно уклониться. Ну а если по мне начнут палить из арбалета, то тут никакие доспехи не помогут. Нет, Большой Том! Эта железяка только стеснит меня, не более того.

Дверь комнаты стражи застонала петлями и со стуком захлопнулась. На господина и его слугу воззрился Бром О'Берин. Он стоял подбоченившись, перебросив через плечо какую-то серебристую одежду.

— Как это так, Род Гэллоугласс? Ты отказываешься надеть королевскую форму?

— Тогда я напялю на себя эту форму, когда ты ее напялишь, пестрая кукла!

Карлик ухмыльнулся, его ослепительно белые зубы блеснули в густой черной бороде.

— Ну сострил, вот уж сострил! Я-то ведь не стражник, Род Гэллоугласс, а шут, а шутам пристало рядиться в пестрое. Это и есть наша форма. Давай же, воин, наряжайся в подобающие цвета!

— Да не имею я ничего против цветов королевы. И вообще пурпур с серебром мне всегда нравились. Вся беда в том, что это форма. Вот это мне и не по сердцу. Ладно, надену, так и быть. Только, Бром, учти: не желаю напяливать на себя эти жестянки, которые вы доспехами зовете!

Физиономия карлика стала серьезной. Он медленно кивнул, не сводя глаз с Рода.

— О да. Я так и думал, что ты окажешься таким упрямцем.

Серебристое одеяние слетело с плеча Брома и устремилось к Роду. Тот поймал его и, нахмурившись, разглядел.

— Кольчугу-то хоть наденешь, Род Гэллоугласс?

— Я скорее бы во власяницу облачился, — проворчал Род, но все же, хоть и неохотно, натянул на себя плетенную из стальных колечек рубаху. — Неплохо пригнана, — отметил он. Кольчуга не стесняла грудь, Род мог свободно шевелить руками. — Это как же понимать, Бром? Неужто ты позволишь мне обойтись без нагрудника? Это же получается, что я не в полном боевом облачении?

— Не совсем так, — пробурчал карлик. — Доспехи у нас носят под верхней одеждой, так что никто не заметит, что ты — без нагрудника. Вот только ты первый, кто от него отказался.

Род искоса глянул на Брома:

— А почему ты решил, что я от него отказываюсь?

Бром усмехнулся в бороду:

— Я же дрался с тобой, Род Гэллоугласс, и ты славно дрался со мной, по-моему дрался, я так скажу. — Он пере-

стал улыбаться. — Нет, доспехи тебе должны быть так же противны, как и мне.

Род нахмурился и пытливо вгляделся в лицо Брома:

— Ты, похоже, мне не до конца доверяешь, верно?

Бром насмешливо усмехнулся:

— Род Гэллоугласс, я не доверяю никому, и всякий стражник королевы мне подозрителен до тех пор, покуда он не отдаст за нее свою жизнь.

Род понимающе кивнул:

— И много ли было таких?

Бром обжег его гневным взглядом.

— Семеро, — ответил он. — За минувший год я стал доверять семерым стражникам.

Род криво усмехнулся, взял серебряный с пурпуром камзол и надел его.

— Стало быть, для того чтобы ты стал обо мне высокого мнения, ты можешь приказать мне, к примеру, отведывать блюда с королевского стола, дабы проверить, не отравлены ли они.

— Нет, — покачал головой Бром. — Это удовольствие предоставлено мне, и только мне.

Мгновение Род молчал и смотрел в глаза карлику.

— Что ж... — Он пожал плечами и, отвернувшись, накинул на плечи пурпурный плащ. — Как я посмотрю, ты до сих пор жив.

Бром кивнул:

— Хотя несколько раз хворал, и сильно хворал, парень. Но похоже, у меня особый дар — яды я чую за версту, и мне нет нужды помирать, чтобы окончательно убедиться в том, что еда была отравлена. — Он ухмыльнулся и, быстро подойдя к Роду, хлопнул того по затянутому кольчугой животу. — Ну, полно, нет причин печалиться! Тебе-то придется только от мечей отбиваться, ну, может, порой от арбалетов, так что — не впадай в тоску!

— Какая там тоска, что ты! Я просто весь трепещу от предвкушения, — пробурчал Род.

Бром развернулся и зашагал к двери.

— Теперь нам пора в зал Королевского Совета! Пойдем же, я покажу тебе, где твой пост.

Обернувшись, он указал на Большого Тома.

— А ты, Том, ступай в казармы. Твой господин покличет тебя, когда ты ему понадобишься.

Том вопрошающе взглянул на Рода. Род утвердительно кивнул.

Бром распахнул дверь и торопливо вышел. Род улыбнулся, покачал головой и поспешил за ним.

Зал Королевского Совета представлял собой просторную круглую комнату, большую часть которой занимал круглый стол двадцати футов в поперечнике. Массивные двери располагались по сторонам света, только на северной стороне виднелся глубокий камин, где был разведен не слишком жаркий огонь.

Стены были увешаны яркими гобеленами и богатыми мехами. Над камином красовался большой щит с королевским гербом. Потолок изгибался дугой, формируя почти куполообразный свод, покоившийся на мощных выгнутых стропилах.

Стол был сработан из полированного ореха. Вокруг него сидели двенадцать Великих лордов Королевства: герцог Медичи, князь Романов, герцог Глочестер, принц Борджиа, граф Маршалл, герцог Стюарт, герцог Бурбон, принц Габсбург, граф Тюдор, барон Руддигор, герцог Савойский и престарелый герцог Логир.

Собрались все, слушая, как герольд зачитывает их имена, глядя в свиток пергамента, — все, кроме самой королевы, Катарины Плантагенет. Размышляя об именах, которые элита эмигрантов-романтиков избрала для себя, Род решил, что они были не только романтиками, но еще и полными идиотами. Это надо же — возвести на престол Плантагенетов!

Рядом с каждым из Великих лордов восседал тощий, сутулый, морщинистый старикан. Лица у всех были почти одинаковые, с горящими голубыми глазами, да и лысины у всех старикашек выглядели как у близняшек.

«Советники, что ли?» — подумал Род. Странно, что все они были на одно лицо...

Все собравшиеся восседали на тяжелых резных стульях из темного дерева. Напротив восточной двери стоял единственный свободный стул — выше остальных, золоченый.

Забил барабан, запела фанфара, лорды и советники поднялись.

Створки массивной восточной двери распахнулись. В зал вошла Катарина.

Род стоял у западной двери. Отсюда королева была ему прекрасно видна, и сердце его замерло при виде ее.

Облачко серебристых волос обрамляло овальное, с тонкими чертами, лицо с огромными синими глазами и губками, подобными розовому бутону. Стройная девичья фигурка, едва наметившиеся груди, по-кошачьи изящные бедра облегало легкое платье из тонкого, струящегося шелка, схваченное на поясе широким поясом.

Королева опустилась на золоченый стул, положила руки на подлокотники, села гордо и прямо.

Бром О'Берин вскарабкался на табурет справа от Катарины. Прямо напротив нее сидел герцог Логир. Его советник наклонился к самому его уху и что-то прошептал. Герцог раздраженно шикнул на него.

Бром О'Берин кивнул герольду.

— Большой Королевский Совет собрался! — выкрикнул герольд. — Высочайшие и величайшие мужи страны Грамерай съехались сюда! Так пусть же все они, кто желает изложить свои жалобы королеве, сделают это перед лицом равных себе пэров королевства!

В зале наступила мертвая тишина.

Герцог Бурбон смущенно заерзал на стуле и кашлянул.

Бром повернул к нему голову.

— Милорд Бурбон, — пророкотал карлик. — Вы желаете обратиться к королеве?

Герцог медленно поднялся. Его камзол был расшит ирисами, но волосы и усы у него были светлые.

— Ваше величество, — сказал герцог и торжественно поклонился королеве, — и вы, лорды, собратья мои, — поклонился он всем собравшимся, затем вздернул подбородок и расправил плечи. — Я желаю выразить свой протест.

Катарина вздернула головку так, что возникло полное впечатление, будто она смотрит на герцога свысока.

— Что вызывает у вас протест, милорд?

Герцог Бурбон уперся взглядом в стол.

— С тех самых пор, как предки наши прилетели со звезд, крестьяне были подданными своих господ, а их господа были подданными великих лордов. Великие же лорды, в свою очередь, всегда были вассалами короля... королевы, — поправил он себя и поклонился Катарине.

Губы королевы вытянулись в тонкую ниточку, однако она смиренно снесла намек.

— Это, — продолжал герцог, — есть естественный порядок: то, что всякий человек является подданным другого, который выше него, и этот порядок и справедливость должны быть заботой господина. В своей вотчине он должен олицетворять закон, повинуясь, несомненно, своей королеве.

Он снова отвесил Катарине учтивый поклон, и она снова сдержалась, однако пальцы ее так крепко сжали подлокотники стула, что костяшки побелели.

— И вот теперь ваше величество готовы отменить этот величайший многовековой порядок и поставить над нами судей, которых вы желаете назначать самолично, дабы они чинили суд в наших вотчинах, и судьи оные, по вашему разумению, не должны повиноваться никому, кроме самих себя. Это, однако, противоречит мудрости вашего отца, благородная королева, и мудрости вашего деда, и всех ваших предков от начала вашего рода. Если мне будет позволено выразиться проще, я бы сказал, что я нахожу настоящее решение насмешкой над вашими великими и благородными пращурами, а от себя скажу прямо: мне невыносимо присутствие этого крестьянина, этого вашего простолюдина, который считает себя моим господином, пребывая под крышей моего родового поместья!

Свою тираду герцог закончил чуть ли не криком. Побагровев, он воззрился на королеву.

— Вы все сказали, милорд? — осведомилась Катарина тоном столь холодным, словно она хранила его в леднике как раз для такого случая.

Герцог Бурбон медленно кивнул.

— Все, — ответил он и сел.

Катарина на миг прикрыла глаза, затем глянула на карлика и еле заметно кивнула.

Бром встал.

— Желает ли кто-нибудь высказаться в поддержку милорда Бурбона?

Вскочил молодой человек с ярко-рыжими волосами.

— Я согласен со всем тем, о чем только что говорил милорд Бурбон. И еще я желал бы добавить: королеве следовало бы поразмыслить о том, что назначаемые ею судьи могут быть подкуплены, ибо человек, не владеющий ни землей, ни деньгами, не имеющий благородного имени, честь которого ему дорога, очень легко может впасть в искушение и продать свою судейскую неподкупность.

— Если это произойдет, — вырвалось у Катарины, — они будут повешены на самых высоких виселицах, и палачами их станут те люди, с которыми они несправедливо поступили.

Она молча смотрела на молодого аристократа. Затем Бром О'Берин пробасил:

— Приносим нашу благодарность благородному герцогу Савойскому.

Молодой человек поклонился и сел.

— Кто еще скажет в поддержку милордов Бурбона и Савойского?

Один за другим встали остальные десять лордов. Большой Королевский Совет единогласно объединился против королевы.

Катарина на миг закрыла глаза и крепко сжала губы. Открыв глаза, она гневно обозрела лордов.

— Милорды, я глубоко огорчена тем, что вы так противитесь справедливости вашей королевы. — Она горько ус-

мехнулась. — Благодарю вас за вашу искренность и честность. Однако я не привыкла отступать от намеченных целей. Мои судьи останутся в ваших уделах.

Лорды заняли свои места и, ерзая на стульях, принялись негромко переговариваться между собой. Все вместе они напоминали одного большого, встревоженно рычащего зверя.

Старый герцог Логир медленно встал и тяжело оперся о стол.

— Моя королева, — проговорил он, — задумайтесь: даже королям порой отказывает истинность в суждениях, а вы покуда совсем недолго вершите дела государства. Общеизвестно, что одна голова — хорошо, а две лучше. Здесь же собрались двенадцать мужей, представляющих самые древние и почтенные роды королевства, чьи семейства издревле искушены в государственных делах. Многие из членов совета немолоды, а прожитые лета, как известно, приносят с собою мудрость. Неужели вы готовы упрямиться в избранном вами деле, когда столь многие уверены, что вы неправы?

Катарина побледнела — можно сказать, мертвенно побледнела. Глаза ее яростно сверкали.

— Готова, — сказала она негромко, но решительно.

Лорд Логир долго испытующе смотрел на нее, затем медленно опустился на стул.

Катарина обвела взглядом своих приближенных, стараясь заглянуть в глаза каждому из них.

Затем, вздернув подбородок, она изрекла:

— Мои судьи останутся в ваших уделах, милорды. Что же до их продажности, вы вскоре поймете, что в своем отношении к деньгам они почти святые и точно так же относятся к вину и... прочим удовольствиям. Они пекутся об одном лишь — о высшей справедливости.

Она помолчала, ожидая, как будут восприняты ее слова. От Рода не укрылось, как побагровели при этом физиономии у нескольких лордов. По всей вероятности, дела по части высшей справедливости на их родовых землях были не так уж чисты.

Герцог Логир не попал в число покрасневших. Единственной эмоцией, которую мог Род прочесть на его лице, было сожаление.

— Однако разговор о судьях — это не самое важное, ради чего я созвала вас нынче, — улыбнулась Катарина, не пытаясь скрыть злорадства.

Лорды встревоженно вздрогнули и вскинули головы. Бром О'Берин, казалось, был изумлен не меньше остальных. По всей вероятности, королева не переговорила заранее со своим главным советником.

Затем лорды дружно склонили головы и перебросились парой слов со своими консультантами. Тревожное выражение их лиц сменилось выражением нескрываемого гнева.

— В каждом из ваших поместий, — сказала Катарина, — есть монастырь. Вы издавна назначаете пастырями своих подданных монахов из этих монастырей. — На миг королева опустила глаза, но тут же продолжала: — Здесь, в моем замке, я собираю лучших богословов изо всех монастырей. Вы изберете молодых монахов из братии ваших обителей, по одному от каждого монастыря, и отправите их ко мне в замок, где их будут обучать мои богословы. Если случится так, что я не одобрю ваш выбор, я отправлю ваших избранников назад и потребую, чтобы вместо них были присланы иные. Когда они закончат обучение и примут сан, я пошлю их обратно в ваши уделы, дабы они стали вашими епископами.

Лорды повскакали на ноги, принялись кричать и размахивать руками и стучать кулаками по столу.

Катарина гневно вскричала:

— Довольно! Уймитесь!

Медленно, один за другим, лорды умолкли и заняли свои места, гневно переглядываясь.

А вот физиономии их советников, как ни странно, озарились скрытной радостью. Глаза у них весело сверкали, и все они улыбались — нет, скорее, усмехались.

— Я все сказала, — резюмировала Катарина ледяным тоном. — Это будет исполнено.

Старик Логир поднялся, дрожа, как в ознобе.

— Не желает ли ваше величество...

— Не желаю.

Бром О'Берин прокашлялся.

— Если ваше величество позволит...

— Не позволю.

В зале Совета сгустилась зловещая тишина. Катарина вновь обвела взглядом собравшихся.

Затем она повернулась влево и склонила голову.

— Милорд Логир.

Старик встал. Губы его, прячущиеся в седой бороде, были крепко сжаты, руки, испещренные старческими веснушками, дрожали от плохо скрываемого гнева.

Он отодвинул назад высокий золоченый стул, Катарина встала. Логир вернулся на свое место. Королева отвернулась, створки дубовых дверей распахнулись настежь. Стражники окружили Катарину. В дверях она помедлила и обернулась.

— Подумайте, милорды, — сказала она. — И смиритесь, ибо вам не выстоять против меня.

Массивные двери со стуком закрылись за нею.

Зал Совета превратился в настоящий пандемоний.

— Ну ладно, будет тебе. Классическая схема от начала до конца, вплоть до гневного взгляда напоследок!

Освободившись после трудового дня, Род ехал верхом на Вексе к постоялому двору, где хотел послушать свежих сплетен и хорошенько заправиться пивом. Большой Том остался в замке, где ему было поручено поддерживать огонь в очагах и держать ушки на макушке.

— Я не согласен, Род. Схема классическая, но с кое-какими добавками.

— Ерунда! Самая тривиальная преждевременная попытка централизации власти. Она пытается объединить Грамерай под эгидой единого закона и единоличного правителя, а ей противостоят двенадцать почти независимых герцогств. Именно на это и направлена ее затея с судьями, и больше ни на что. Готов об заклад побиться: кое-кто из этих герцогов в своих поместьях являет собой настоящих богов. На-

верняка они заставляют половину женщин спать с ними, нещадно обирают всех и каждого. Катарина — реформатор, вот и все. Она хочет излечить Грамерай от всех пороков, став единственной носительницей закона в стране, но это ей не удастся. Лорды этого не потерпят. Номер с судьями у нее, глядишь, и проскочит, но вот этот фокус со священниками наверняка приведет к бунту. Священники на такой стадии развития общества пользуются гораздо большим авторитетом, чем любые другие представители власти. Если она добьется того, что священство будет подотчетно ей и только ей, она вырвет у лордов зубы, и они это понимают и без драки не сдадутся.

— На этот счет я с тобой согласен, — отозвался робот. — Пока все действительно развивается согласно классической схеме и весьма напоминает попытку английского короля Джона объединить нацию до того момента, когда такое объединение было бы реальным.

— Вот-вот, — кивнул Род. — Посему можно надеяться на то, что здешние великие герцоги, как и вельможи короля Джона, станут настаивать на принятии Хартии Вольности.

— Но...

Род принял смиренный вид мученика.

— Но — что, Векс?

— Но существует инородный элемент: группа советников при лордах. Мне она представляется весьма сплоченной.

Род нахмурился:

— Да. Есть такое дело.

— А судя по тому, что ты мне рассказал о поведении Совета после ухода Катарины...

— Ой... — неприязненно поежился Род. — Казалось, она швырнула им приманку и все лорды с нетерпением ждали, кто клюнет на нее первым. Эта девчонка кое-что соображает в азах политики, но вот с дипломатией она точно не знакома! Она их просто самым дерзким образом раздразнила!

— Верно, а советники их горячо поддерживали: каждый советовал своему господину не выступать против королевы, поскольку у него на то не хватит сил... а затем говорил, что если уж он решил выступить против королевы, то должен объединиться с другими лордами, ибо ему не выстоять в одиночку. Весьма изысканное использование реверсивной психологии. Так и хочется заподозрить советников в стремлении полностью избавиться от централизованного правления.

— Точно... — Род нахмурился и задумался. — А ведь это не совсем типично для этой стадии развития общества, верно, Векс?

— Совсем нетипично, Род. Анархические учения возникают при переходе на более высокие уровни развития техники.

Род пожевал губу.

— Может быть, и вправду вмешательство извне?

— Не исключено. И тут следует снова вспомнить о народном тоталитаристском движении — это еще одна аномалия. Нет, Род, никакая это не классическая схема.

— Не классическая, будь она проклята. Что мы имеем? Мы имеем три группы, борющиеся за власть: беднота, герцоги со своими советниками и королева со своими сторонниками. Вот только из числа ее сторонников я могу назвать одного-единственного: Брома О'Берина.

— Тоталитаристы, анархисты, а посередине — королева, — пробормотал Векс. — А ты кого намерен поддерживать, Род?

— Катарину, естественно! — усмехнулся Род. — Я планирую посеять здесь семена демократии, и похоже, единственный шанс сделать это — создать конституционную монархию.

— Может быть, я ошибаюсь, — мурлыкнул Векс, — но у меня такое впечатление, что ты рад тому, что вынужден поддерживать королеву.

Редкие огни еле мерцали в пелене ночного тумана, а в тридцати футах туман стоял сплошной стеной. Род ехал в

полном одиночестве по затянутому дымкой миру, эхо цокота копыт Векса звучало тревожно в непроницаемой тишине.

И вдруг тьму ночи разорвал одинокий крик, за которым последовал лязг мечей.

— На помощь! На помощь! — в отчаянии взывал юношеский голос.

Род замер, рука его сжала рукоять меча. Он вогнал каблуки в металлические бока Векса, и огромный черный жеребец поскакал в ту сторону, откуда донесся крик.

У въезда в проулок сквозь туман виднелся красный отсвет факела. Там, в дыму и пламени, один человек отбивался от троих, прижавшись спиной к стене.

Род взревел и направил коня в самую гущу драки. Повернув меч плашмя, он начал дико размахивать им, завывая на манер индейца, готовящегося сокрушить ряды конфедератов. Он выхватил из ножен кинжал и едва успел отразить удар шпаги слева. Его меч описал широкую дугу и ударил по мечу противника.

А потом он оказался посреди клинков, наставленных на него, словно стебли осоки. Род вынужден был обороняться и отбивать мечи противников.

В это время жертва нападения издала боевой клич, который посрамил бы баньши, и ринулась в бой с тыла.

Все три клинка вместе с их обладателями как ветром сдуло. Нападавшие удрали вверх по проулку. На миг Род замешкался от изумления, но тут же вскрикнул и погнал Векса вдогонку за убегавшими.

Но они исчезли в темноте в конце проулка, и к тому времени, когда Векс доскакал дотуда, беглецов уже и след простыл. Проулок, увы, заканчивался тупиком. Враги ретировались в одну из мрачных, мерзко пахнущих подворотен.

А их потенциальная жертва нагнала Рода. Оглядевшись по сторонам, юноша, тяжело дыша, проговорил:

— Ушли. Искать их без толку. Они уже в нескольких лигах отсюда.

Род выругался и убрал меч в ножны. Поморщившись, потрогал руку выше кисти. Кто-то из недавних противников сумел-таки рассечь его камзол и порезать кожу.

Он обернулся к незнакомцу:

— Ты в порядке?

Юноша кивнул и вложил свой меч в ножны.

Род всмотрелся в открытое курносое синеглазое лицо. Белозубая ухмылка была видна даже в тумане. Высокие скулы, большие, широко расставленные глаза, выражение которых было совершенно невинным. Светлые волосы, стриженные «под горшок». Лицо юного, неопытного человека, и притом человека очень красивого. Роду было искренне жаль беднягу.

Он спешился. Парень оказался на полголовы ниже Рода. Да, ростом он не вышел, но зато был широк в плечах и по этим параметрам опережал Рода дюймов на шесть. Ручищи у него были такие мускулистые, что сделали бы честь медведю или горилле, голени напоминали стволы деревьев, но бедра при этом были стройные.

Поверх белой рубахи, подпоясанной широким черным ремнем, на незнакомце была надета кожаная куртка. Обтягивающие лосины были заправлены в высокие мягкие сапоги.

Юноша нахмурился, заметив кровь на рукаве Рода:

— Вы ранены.

Род фыркнул:

— Пустяки, царапина, — и сунул руку в седельную сумку, чтобы достать антисептическую повязку. Перевязывая рану, он мрачно усмехнулся юноше: — Вот если бы ты счет от портного оплатил, я бы не возражал.

Юноша кивнул. Голубые глаза смотрели с искренним сожалением.

— С радостью оплачу. Ведь они бы меня, как пить дать, прикончили, если бы вы не подоспели мне на помощь. Туан Макреди в долгу перед вами.

Род смерил юношу взглядом с головы до ног. «Славный малый», — подумал он и протянул руку новому знакомцу:

— Род Гэллоугласс, к вашим услугам, и ни о каком долге и речи быть не может. Я всегда рад оказать помощь человеку, который один бьется против троих.

— Ну нет, я все же в долгу перед вами! — возразил юноша и с чувством пожал руку Рода. Наверное, будь слесарные тиски наделены эмоциями, они пожали бы руку друга с такой же силой. — Вы хотя бы должны позволить мне угостить вас кружкой эля!

Род пожал плечами:

— Почему бы и нет? Я как раз направлялся на постоялый двор, так что продолжим путь!

К его изумлению, Туан растерялся.

— С вашего позволения, добрый господин Гэллоугласс... меня привечают только в одном заведении в этом городе. А во всех остальных знают, на что я способен, ну и... — Круглое лицо юноши озарилось усмешкой. — Короче говоря, мирных и добропорядочных граждан мой образ жизни не очень-то устраивает.

Род понимающе ухмыльнулся и кивнул:

— Post jocundam juventutem. Что ж... Подойдет и любой другой кабачок.

Путь до излюбленного питейного заведения Туана, судя по всему, был вполне во вкусе юноши. Туан и Род миновали два темных проулка, нырнули в подворотню в выщербленной кирпичной стене и оказались на широком, залитом лунным светом внутреннем дворике, который в лучшие времена, наверное, выглядел весьма уютно. Вот только лучшие времена, судя по всему, наблюдались здесь лет сто, а то и двести назад. Посреди потрескавшейся булыжной мостовой негромко булькал полуразвалившийся фонтан, источая ароматы, неопровержимо свидетельствующие о плачевном состоянии водопровода. Повсюду из трещин между булыжниками торчала трава, не блещущая свежестью. Кирпичные стены, окружавшие дворик, расшатались и растрескались, раствор между кирпичами рассыпался. Возле стен и по углам гнили кучи мусора. Тут и там издавали жуткое зловоние выгребные ямы.

Сам же кабачок представлял собой двухэтажный дом из гранита с покосившимся карнизом. Нависающий над первым второй этаж подпирали грубо отесанные бревна, ввиду своей дряхлости не производившие впечатления надежности. Потрескавшиеся, изъеденные жучком и заплесневелые ставни были закрыты. Единственным крепким куском дерева во всей постройке была дубовая дверь, да и та разбухла от сырости и покосилась.

— Ага, значит, вот тут терпят ваши выходки? — осведомился Род, озирая вонючий дворик. Туан постучал в дверь рукояткой кинжала.

— Ну да, терпят, — откликнулся Туан. — Хотя порой и здешнее гостеприимство дает трещины.

У Рода спина похолодела. Он гадал, что же за мерзавец его новый знакомец.

Туан снова постучал в дверь. Род удивился — какого тут можно было ждать ответа, когда сквозь щелястые ставни не пробивалось ни искорки света? На его взгляд, дом был необитаем. Но вот дверь качнулась, ржавые петли простонали мольбу о смазке. Наконец дверь приоткрылась настолько, что двое человек смогли бы с трудом протиснуться в образовавшуюся щель.

— Вот и наш хозяин, — весело сообщил Туан. — Пересмешник.

Из-за двери, недовольно, утробно ворча, выглянул уродливый горбатый мужчина. Одно ухо у него напоминало кочанчик цветной капусты, а второе попросту отсутствовало. Редкие пряди жиденьких волос едва прикрывали усеянную струпьями лысину. Нос картошкой, щель рта посреди уймы бородавок, злобные маленькие глазки. Уродец был одет в груду заплатанного тряпья, которое некогда звалось камзолом и лосинами.

Тролль попятился во мрак своего логова. Туан торопливо скользнул в дверь следом за ним. Род вдохнул поглубже и оглянулся через плечо, дабы убедиться, что Векс стоит на месте, у фонтана. Робот опустил голову, создав полное впечатление мирно пасущейся коняги. На миг Род

позавидовал способности робота отключать обонятельные рецепторы.

Род вздернул подбородок и следом за Туаном вошел в забегаловку.

Дверь со стоном закрылась за ним. Впереди послышался скрип — это Пересмешник отворил другую дверь.

Эта, в отличие от первой, открылась легко, со стуком ударилась о стену. Гостей ослепил свет факелов, оглушил грубый хриплый хохот. Род вытаращил глаза.

Они перешагнули порог, Род огляделся по сторонам. Он очутился в просторном зале, где весело гудели четыре открытых очага. По стенам были развешаны десятки факелов. Над очагами жарилось мясо, между столиками сновали слуги с кружками эля и кувшинами с вином, которые наполняли из двух огромных бочек с кранами, занимавшими почти всю дальнюю стену зала.

Посетители кабачка явно были из городских низов. Наряжены все они были в латаные-перелатаные обноски. Судя по внешности завсегдатаев, многие из них в свое время стали жертвами примитивных форм судейства. У кого-то не хватало уха, у кого-то — глаза. Физиономии многих были обезображены болезнью или покрыты шрамами. Но здесь, в своем логове, они чувствовали себя как дома и веселились от души. Глядя на Рода, они усмехались, но в глазах их таилась злоба.

Однако злоба тут же отступала, стоило им перевести взгляд на юного Туана.

— Говорят, — улыбнулся юноша, — что воришкам честь неведома, но здесь, среди нищих Грамерая, хотя бы дружбу можно найти. Добро пожаловать, Род Гэллоугласс, в Дом Кловиса.

У Рода мурашки по спине побежали. Ему вспомнилось сборище на площади у пристаней, которое он видел прошлой ночью.

Широко открыв глаза, он посмотрел на Туана. Не он. Этого не может быть!

Нет, может. Очень даже может быть.

Туан Макреди был тем самым молодым подстрекателем, который призывал толпу пойти штурмом на замок.

Этот румяный красивый юноша был самой главной крысой в городской клоаке.

Толпа грубоватыми радостными выкриками приветствовала своего Галахада. Туан улыбался, махал рукой. От его шеи к щекам пополз румянец. Казалось, он почти изумлен таким радушным приемом.

Он провел Рода в темный дальний угол. Пересмешнику Туан не сказал ни слова, но на столе, как только они уселись, появились две дымящиеся кружки с подогретым вином. Хозяин, и не подумав потребовать уплаты, уковылял прочь.

Род проводил его взглядом, придирчиво вздернув бровь. Обернувшись к Туану, он поинтересовался:

— Вы что, тут без денег обходитесь?

— Обходимся, — кивнул юноша. — Все, кто приходит в Дом Кловиса, приносят с собой свои скудные сбережения. Денежки эти складывают в общий ящик, потом на них покупают мясо и вино и каждому дают, когда нужно.

— И ночлегом обеспечивают, наверное?

— Точно. И одеждой. Конечно, по меркам благородных господ одежда не бог весть какая, но для этих моих бедных братьев это настоящие наряды.

Род пытливо вгляделся в глаза Туана и понял, что, произнеся слово «братья», его спутник нисколько не покривил душой.

Род откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу.

— А вы — верующий человек?

— Я? — Туан попытался сдержать смех, и это ему почти удалось. — О нет! Какой же я верующий, если уже тридцать с лишним воскресений не заглядывал в церковь!

«Следовательно, — мысленно отметил Род, — его мотивы помощи беднякам, каковы бы эти мотивы ни были, скорее всего не носят лицемерного характера».

Род перевел взгляд на свою кружку.

— Стало быть, вы кормите и одеваете всех этих людей на те жалкие гроши, что они приносят сюда?

— Нет, это только начало. Однако, располагая такими надежными доказательствами наших добрых намерений, наша благородная королева сочла, что мы достойны помощи.

Род выпучил глаза:

— Не хотите ли вы сказать, что королева ссужает вас деньгами?

Туан хитро усмехнулся:

— Ссужает, вот только она не догадывается, кому в руки попадают эти денежки. Она ничего не знает о Доме Кловиса. Деньги она дает добренькому Брому О'Берину для оказания помощи беднякам.

— А Бром отдает их вам.

— Верно. А он, со своей стороны, несказанно рад тому, что в темных проулках стало меньше краж и убийств.

Род кивнул:

— Ловко придумано. И все это — ваша идея, не так ли?

— О нет! Это все Пересмешник придумал, только его-то вряд ли бы кто послушал.

Род вытаращил глаза:

— Пересмешник? Неужели этот урод у вас самый главный?

Туан нахмурился, покачал головой:

— Люди не пойдут за ним, дружище Гэллоугласс, в нем нет ни капли властности. Он хороший хозяин, неплохо управляется с этой ночлежкой, раздает вещи и еду тем, кто в этом нуждается. Он слуга — хороший слуга, но только и всего. Ловкий чиновник. Половчее и пооборотистее, чем даже главный казначей королевы.

— Ну ясно, просто слуга. — «А еще человек, у которого все остальные на крючке, — мысленно добавил Род. — И еще у него извращенный ум отверженного. Быть может, Туан знает, как заставить людей делать то, чего хочется ему, но знает ли он сам, чего хочет? Конечно, знает. Разве Пересмешник не подсказал ему? А следовательно, Пересмешник — местный политэкономист, а также, по всей вероятности, сочинитель речей для Туана».

Род отстранился от стола и потер подбородок.

— Стало быть, вам удается обеспечивать вашим сторонникам эту скромную роскошь на их жалкие медяки и шиллинги королевы?

Туан смущенно усмехнулся и, кивнув, склонился к столу.

— Это нелегко, дружище Гэллоугласс. Эти нищие никому не позволят собой управлять. Это тяжкая работа, изматывающая, опасная, от нее впору изнемочь. И все же она стоит того.

Род кивнул:

— Для такого труда не годится человек с ложной гордыней, а еще меньше годится тот, кто страдает ложным самоуничижением. На такое способен лишь тот, кто знает сердце своего ближнего, как свое собственное. — Туан зарделся. — Такой человек, — добавил Род, — мог бы стать королем нищих.

Но Туан, прикрыв глаза, покачал головой:

— Нет, здесь у нас нет никаких королей, дружище Гэллоугласс. Владелец дома, пожалуй, но не более того.

— И вы не хотели бы стать королем?

Туан пожал плечами и рассмеялся:

— Бедняки и слышать бы о таком не пожелали!

— Я вас не об этом спросил.

Туан в упор посмотрел на Рода. Улыбка покинула его мальчишеское лицо. Наконец он понял намек собеседника, и взгляд его стал тяжелым.

— Нет! — бросил он. — Я не стремлюсь взойти на престол!

— Тогда почему же вы пытаетесь повести бедняков против королевы? — резко вопросил Род.

Туан снова улыбнулся и откинулся на спинку стула, весьма довольный собой.

— А, так вам ведомы мои замыслы! Тогда да будет мне позволено спросить вас прямо, без обиняков, друг Род: присоединитесь ли вы к нам, когда мы пойдем брать штурмом замок?

Род почувствовал себя так, словно на его лицо легла гипсовая маска. Глаза его встретились с глазами Туана.

— Я-то вам зачем? — спросил он негромко и спокойно.

— Чем больше у нас будет друзей из числа стражников королевы, тем лучше...

— Видимо, кое-какие друзья у вас уже имеются, — проворчал Род, — если вам уже известно, что я поступил на службу в королевскую гвардию только сегодня.

Туан осклабился, притворно смущенно опустил ресницы.

Тут Рода озарило.

— А скажите, если бы мне вздумалось как следует пошарить по этому заведению, не отыскал ли бы я тут, случаем, тех троих мерзавцев, что напали на вас нынче ночью?

Туан кивнул, в глазах его плясали чертики.

— Ловко сработано, — покачал головой Род. — Маленький спектакль, разыгранный только для того, чтобы заманить меня сюда и прочесть мне проповедь с целью обратить в свою веру. А вы и вправду знаете, как управлять людьми, Туан Макреди.

Туан покраснел и опустил глаза.

— Ну а если я откажусь встать на вашу сторону, Туан Макреди? Покину ли я тогда Дом Кловиса живым и невредимым нынче ночью?

Туан вскинул голову, встретился взглядом с Родом.

— Только в том случае, — отвечал он, — если вы — опытный мечник и искусный чародей.

Род медленно кивнул, и в памяти его пронеслись события двух последних дней. На миг у него мелькнуло искушение согласиться и встать на сторону повстанцев: он не сомневался, что после революции имел бы все шансы взойти на престол.

Но нет, Туан был прав. Для того чтобы управлять беднотой, нужно было иметь врожденный дар массового гипноза. Занять престол — это бы у Рода получилось, но бедняки во главе с Пересмешником и тем, кто стоял за ним — кто бы это ни был, — ни за что не позволили бы ему на престоле удержаться.

Нет, здешняя система власти должна была остаться такой, какой была сейчас. Единственной надеждой на спасение демократии на этой планете оставалась конституционная монархия.

И еще — еще была Катарина...

Эта мысль в аккорде событий оказалась диссонирующей нотой. Видимо, он влюбился в Катарину. Она была женщиной его Мечты.

Но Туан ему тоже приглянулся с первого взгляда. Как же он мог симпатизировать им обоим, если они были соперниками в борьбе за власть?

Не исключено, что все объяснялось всепобеждающим обаянием Туана, но почему-то Род в этом сильно сомневался.

Нет. Если бы Туан действительно вынашивал планы захвата престола, он бы вызвал королеву на бой и непременно одолел бы — в этом у Рода сомнений не было.

Следовательно, на самом деле Туан королеву поддерживал. Каким образом, по его представлениям, он мог поддержать ее своей демагогией — этого Род пока не понимал, но чувствовал, что Туан видит дело именно в таком свете.

Но зачем тогда весь этот хитрый план? Зачем ему понадобилось заманивать Рода в Дом Кловиса?

Для того, чтобы посмотреть, что он за птица, естественно. Чтобы убедиться, можно ли ему доверять так же, как королеве.

И это имело свой резон, если учесть, что юнец крутил делишки с Бромом О'Берином. Очень могло быть, что карлик таким путем добивается у народных масс поддержки для королевы. Одно непонятно — к чему эта агитация взять замок штурмом?

Наверное, Туан мог бы ответить на этот вопрос. Но для начала ответить следовало Роду.

Он злорадно ухмыльнулся Туану и поднялся из-за стола, сжав рукоять меча:

— Нет уж, благодарю вас. Лучше я рискну и попытаю счастья мечом и колдовством.

Глаза Туана радостно засверкали, он схватил Рода за руку:

— Славно сказано, дружище Гэллоуглас! Я надеялся, что вы именно так и ответите! А теперь сядьте, прошу вас, и выслушайте, в чем воистину состоит мой замысел.

Род отбросил его руку.

— Выходи на бой, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Нет, нет! Я не стану драться с другом! Да, я обманул вас, но вы не должны держать зла на меня, ведь это был обман во благо. Сядьте же, и я вам все растолкую.

— Наслушался уже, — буркнул Род и потянул меч из ножен.

Туан снова ухватил его за руку — на этот раз крепко. Нечего было и думать вырваться. Род смотрел Туану в глаза, сжав зубы. Мышцы его руки до боли напряглись. Меч медленно, но верно скользнул в ножны.

— Сэр, — укоризненно проговорил Туан и усадил Рода на стул так, словно имел дело с раскапризничавшимся ребенком. — А теперь выслушайте же, что я задумал, — сказал Туан и улыбнулся так, словно ничего не произошло. — Королева ссужает нас деньгами, и бедняки знают, что она дает нам денег, но принятие подачки только еще сильнее распаляет тех, кто эту подачку принимает. И для того, чтобы у королевы было больше друзей, нам нужно преобразить этот гнев в благодарность.

Род кивнул и нахмурил брови.

— Следовательно, нам нужно представить шиллинги королевы не как подачку, а в каком-то ином виде.

— И вы придумали, как это сделать.

— Не я, — признался Туан. — Пересмешник. «Когда подачка перестает быть подачкой? — спросил он у меня и сам ответил: — Когда эти деньги получены по праву». — Туан откинулся на спинку стула и развел руками. — Вот видите, как все легко и просто получается. Бедняки пойдут к замку и станут кричать королеве, что она должна дать им хлеба и мяса, потому что это положено им по праву. И она даст им то, о чем они просят, и они будут благодарны.

Род улыбнулся.

— Очень умно, — отметил он и понимающе кивнул, но подумал вот о чем. Если сработает. Но не сработает ни за

что. Люди, у которых водятся денежки, с радостью отдают их на нужды благотворительности, но не выложат ни цента, если им сказать, что они обязаны это сделать. И насколько же благодарны будут нищие своей королеве, если она им откажет и созовет войско, дабы оно прогнало их прочь?

Но даже если королева внимет требованиям бедняков, что тогда? Как быть с тем вкусом власти, который они почуют? Бедняки добились своего от королевы! Они не удовлетворятся хлебом и мясом — нет, через неделю они явятся к замку с новыми требованиями — с Туаном во главе или без него.

Спору нет, план Туана был очень хитер. Его попросту ловко провели. Пересмешник в любом случае не остался бы в проигрыше, а вместе с ним те межзвездные тоталитаристы, которые стояли за всей этой заварушкой.

Но Туан искренне желал добра. Он просто-таки излучал благие намерения. Вот только в политической теории он подкован был слабовато, а с намерениями у него все было в полном порядке.

Род поднял кружку и порядочно отхлебнул.

— А вот некоторые поговаривают, будто бы Дом Кловиса готов сбросить Катарину с престола.

— О нет, что вы! — возмущенно вскричал Туан. — Я люблю королеву!

Род пытливо взглянул в искреннее, открытое лицо юноши и по-своему интерпретировал это заявление, после чего вновь принялся разглядывать вино в кружке.

— Я тоже, — сказал он, и прозвучало это куда более правдиво, чем ему самому хотелось бы. — Но при всем том я вынужден признать, что она, скажем так, ведет себя не слишком мудро.

Туан громко, выразительно вздохнул и всплеснул руками:

— Это верно, это очень верно сказано. Желает блага, но получается просто ужасно.

«Давно ли вы смотрели на себя в зеркало, мистер Кеттл?» — мысленно съязвил Род, а вслух спросил:

— Это как же понимать?

Туан печально улыбнулся:

— Она желает за один день передать все то, что веками строили ее пращуры. В нашем королевстве много дурного, не буду спорить. Однако навозную кучу не сметешь одним взмахом метлы.

— Это верно, — согласился Род. — А скопившаяся в глубине такой кучи селитра может и взорваться.

— Великие лорды не понимают, что она играет с огнем, — продолжал Туан. — Они видят одно: что она хочет, чтобы в этой стране звучал только один голос — ее голос.

— Ну, что же. — Род поднял кружку, и лицо его приняло выражение непоколебимой решительности. — Выпьем за нее и будем надеяться, что она преуспеет в этом.

— Вы полагаете, что такое возможно? — вздохнул Туан. — Значит, вы еще больший глупец, чем я. А меня повсеместно считают самым большим глупцом на свете.

Род поставил кружку на стол.

— Вы это просто так сказали или у вас на уме какие-то особые мысли на сей счет?

Туан скрестил указательные пальцы.

— Трон покоится на двух ножках. Первая из них — аристократы, которые противятся всему новому и потому противостоят королеве.

— Благодарствую, — ехидно усмехнулся Род, — за то, что вы открыли мне эту страшную тайну.

— Если бы аристократы действовали сами по себе, — продолжал Туан, — они бы, пожалуй, поберегли королеву из уважения к ее отцу. Однако нельзя забывать о существовании советников.

— Вот-вот. — Род закусил губу. — Насколько я понимаю, лорды во всем слушаются своих советников и делают только то, что те им советуют?

— И наоборот, не делают того, от чего их советники отговаривают. И все советники поют под одну дудку — под дудку Дюрера.

— Дюрер? — нахмурил брови Род. — Это еще что за птица?

— Советник милорда Логира. — Туан брезгливо скривился. — Он имеет кое-какое влияние на Логира, и надо признаться, это чудо, поскольку Логир отличается завидным упрямством. Словом, покуда жив Логир, Катарина может спать спокойно. Но как только Логир умрет, Катарине конец, ибо наследник Логира ее ненавидит лютой ненавистью.

— Наследник? — Род вздернул брови. — У Логира есть сын?

— Двое сыновей, — с натянутой улыбкой отозвался Туан. — Младший — дурачок, готовый полюбить даже своего злейшего врага, а старший — горячая голова, который обожает подхалимаж Дюрера. Так что Ансельм Логир сделает все, что ему присоветует Дюрер.

Род снова приветственно поднял кружку:

— Так пожелаем же Логиру долгих лет.

— Охотно, — с чувством кивнул Туан. — Ибо Ансельм издавна затаил злобу на королеву.

— За что? — нахмурился Род.

— Я не знаю, — покачал головой Туан и поскучнел. Лицо его стало похожим на морду гончей, страдающей хроническим гайморитом. — Не знаю.

Рот откинулся назад, положил руку на рукоять меча.

— Стало быть, они с Дюрером мечтают о свержении королевы. А другие лорды пойдут за ними — если старый Логир помрет. Ничего не скажешь, одна ножка у трона надежна на диво. А что вторая?

— Вторая, — отозвался Туан, изобразив приветственный жест скаута, — это народ — крестьяне, торговцы, купцы. Они любят королеву за то, что она пытается облегчить их скорбное житье. Однако они опасаются ее из-за ее ведьм.

— А... Ну да. Из-за ее... ведьм. — Род прищурился, попытавшись придать своему лицу выражение полной осведомленности в данной проблеме. На самом же деле мысли у него в мозгу бешено метались: «Ведьмы — политическая сила? Что за бред?»

— Много веков, — продолжал Туан, — ведьм подвергали жестоким пыткам, покуда они не отрекались от дьявола

либо не выдерживали испытания водой. Если же не помогало ни то ни другое, их сжигали на кострах.

На миг Роду стало искренне жаль погибшие из-за людской близорукости и суеверий целые поколения эсперов.

— Но теперь королева покровительствует им, и некоторые поговаривают, будто она и сама ведьма.

Род стряхнул туман раздумий и проворчал:

— Пожалуй, это не слишком вдохновляет народ. Вряд ли такие мысли могут поспособствовать безоглядной борьбе за королеву и ее благие начинания.

Туан покусал губы.

— Скажем так: народ не слишком уверен...

— То есть чертовски напуган, — уточнил Род. — Однако от меня не укрылось, что, говоря о народе, вы не упомянули об этих нищих.

Туан покачал головой:

— Эти бедолаги всеми отринуты. Однако именно из этой забракованной древесины я надеюсь выточить третью ножку для трона королевы.

Род переваривал эту мысль, изучая лицо Туана.

Он откинулся на спинку стула и поднял кружку.

— Не исключено, что вы располагаете именно тем, что больше всего нужно королеве. — Род отпил вина, опустил кружку и сказал: — Верно ли я понимаю, что советники из кожи вон лезут, дабы подогреть в народе страх?

Туан покачал головой, озадаченно наморщил лоб:

— Нет, они ничего такого не делают. И вообще впечатление такое, будто они совсем не замечают существования простонародья. — Он хмуро заглянул в кружку, покачал ею. — Да, собственно, людям и не надо напоминать о том, что они обязаны бояться.

— То есть они и так об этом хорошо знают?

— Ну да. Они ведь своими глазами видели, что королевским ведьмам не удалось изгнать баньши с крыши замка.

Род изумленно сдвинул брови.

— Да хоть бы она себе гнездо свила там, на крыше! От нее ведь никому никакого вреда, или я не прав?

Туан удивленно глянул на него:

— Разве вам неведомо, что означает появление баньши, Род Гэллоугласс?

У Рода засосало под ложечкой. Нет ничего хуже с точки зрения сохранения конспирации, чем незнание местной мифологии.

— Когда на крыше появляется баньши, — сказал Туан, — это означает, что в доме кто-то скоро умрет. И всякий раз, когда баньши появлялась на крыше, Катарина была на волосок от смерти.

— Вот как? — Брови Рода взлетели вверх. — Что ей грозило? Клинок? Кирпич на голову? Яд?

— Яд.

Род откинулся на спинку стула.

— Яд. Оружие аристократов. Беднякам это не по карману. И кто же из Великих лордов настолько сильно ненавидит Катарину?

— Никто! — возмущенно воскликнул Туан. — Никто из них не унизился бы до попытки отравить королеву. Это было бы бесчестно!

— А тут честь еще что-то значит, да? — Заметив, как в глазах Туана вспыхнул праведный гнев, Род поспешил исправить оплошность. — Стало быть, дворяне исключаются, и тем не менее на это способен только кто-то из окружения королевы. Не советники ли?

Туан помрачнел. Отстранился от стола, кивнул.

— Но чего они добьются, умертвив ее? — нахмурился Род. — Ну разве что только если один из них вынашивает мечту короновать своего повелителя и заодно стать при нем канцлером...

Туан кивнул:

— А об этом может мечтать любой из советников, дружище Гэллоугласс.

Род вдруг отчетливо представил картину Грамерая, поделенного на двенадцать отдельных королевств, которые непрерывно воюют друг с дружкой, и каждым из них правит полководец, которым манипулирует его советник. Узурпа-

ция по японскому типу — человек, стоящий за троном, плюс полная анархия.

Анархия.

В Грамерае орудовали посторонние силы — агенты, располагавшие техникой более высокого уровня и владевшие изощренными политическими методами. Верховных аристократов мало-помалу разделяли, народ настраивали против господ посредством Дома Кловиса. Двенадцать картонных королевств затем будут разбиты на воюющие княжества, княжества — на поместья. И так далее, до тех пор, пока не воцарится полная анархия.

Советники представляли собой стороннюю силу, старательно ведущую страну к состоянию анархии. Но какова была их цель?

С этим вопросом можно было повременить. Сейчас самым злободневным делом было то, что налицо — целенаправленное промывание мозгов, а главный промыватель сидел за столом Совета рядом с лордом Логиром, и звали его Дюрер.

А первоочередной задачей этого мерзавца была смерть Катарины.

Громада замка чернела на фоне неба. Род ехал обратно. Как ни странно, перекидной мостик и надвратная башенка были озарены пламенем множества факелов. Копыта Векса гулко прогрохотали по мостику. Чья-то тень отделилась от тьмы, сгустившейся под воротами, поспешила навстречу. На бедро Рода легла рука.

— Стой, Род Гэллоугласс!

Род опустил глаза и, улыбнувшись, кивнул:

— Приятная встреча, Бром О'Берин!

— Может, и приятная, — уклончиво проговорил карлик, пытливо вглядываясь в лицо Рода. — Так это или нет, ты узнаешь, представ перед королевой. Она желает расспросить тебя о твоих ночных проделках.

Когда они вошли в кабинет королевы, Род так и не догадался, как карлику удалось проведать о том, где он

побывал. Наверняка у Брома был лазутчик в Доме Кловиса, но как этот лазутчик сумел так быстро вернуться в замок?

В кабинет вела массивная дубовая дверь, обитая железом и задрапированная зеленым с золотом бархатом — цветами королевского дома. Бром окинул придирчивым взглядом двоих стражников — хорошо ли у тех начищены сапоги, сверкают ли алебарды. Род кивнул стражникам. У тех физиономии были словно каменные. Неужто его подозревают в государственной измене?

По кивку Брома один из стражников трижды стукнул по створке дверей и только после этого распахнул их. Род следом за Бромом вошел в кабинет. Дверь со стуком закрылась за ними.

Кабинет был невелик, но потолок тут был высокий. Стены были забраны панелями темного дерева. Горели только четыре высоких свечи в канделябре на столе, покрытом бархатной скатертью, что стоял посередине комнаты, да не слишком жарко разведенный камин. Каменный пол покрывал пушистый ковер, стены были увешаны гобеленами. Дальнюю стену целиком оккупировал высокий шкаф, доверху набитый книгами.

Два тяжелых резных кресла стояли по обе стороны от камина. Еще два были придвинуты к столу. В одном из них сидела Катарина, склонив голову над большим фолиантом в кожаном переплете. На столе перед ней лежало еще пять-шесть книг. Светлые волосы королевы струились по плечам и казались еще светлее на фоне темного платья.

Катарина оторвала взгляд от книги, и глаза ее встретились с глазами Рода.

— Подойди, — произнесла она мягким, чуть хрипловатым контральто. Этот тембр голоса настолько разительно отличался от суховатого сопрано, звучавшего в зале Совета, что на миг Род задумался: та ли же самая женщина перед ним?

А глаза сердитые и дерзкие. Нет, это была Катарина собственной персоной.

Правда, тяжелая корона лежала на столе, и почему-то королева без нее казалась необычайно маленькой и беззащитной.

— Ты побывал в Доме Кловиса? — требовательно вопросила Катарина. Взгляд ее был подобен лучам рентгеновского аппарата.

Род смущенно усмехнулся и склонил голову в поклоне.

— Как вы и думали, ваше величество, — угрюмо буркнул Бром. — Вот только как вы проведали об этом...

— Это тебя не касается, Бром О'Берин, — гневно посмотрела на карлика Катарина.

Бром застенчиво улыбнулся и повесил голову.

— Как? — фыркнул Род. — Благодаря лазутчикам, само собой. И надо сказать, шпионство у вас тут поставлено блестяще. Как быстро успели вынюхать и донести!

— О нет, — озадаченно нахмурился Бром. — Лазутчиков у нас совсем немного, ибо в наше смутное время крайне трудно найти для такой работы верных людей. А в Доме Кловиса у нас подсадных уток и вовсе нет.

— Лазутчиков нет, — согласилась Катарина, — и все-таки мне ведомо, что нынче ночью ты беседовал с Туаном, предводителем попрошаек. — Голос ее смягчился, и взгляд немного оттаял. Она взглянула на карлика и негромко сказала: — Бром...

Карлик улыбнулся, поклонился и, дошагав до двери, ударил по ней тыльной стороной ладони. Дверь отворилась, Бром шагнул за порог, на прощанье одарил Рода гневным взглядом из-под косматых бровей, а потом дверь за ним захлопнулась.

Катарина встала и изящной походкой отошла к камину. Она остановилась там, глядя на пламя, обняв руками талию. Плечи ее были опущены, она казалась такой маленькой и одинокой — и такой красивой сейчас, когда отсветы пламени струились легкой дымкой по чертам ее лица, по плечам... Горло Рода так знакомо сжалось...

Но вот Катарина расправила плечи и повернула голову к нему:

— А ты не тот, за кого себя выдаешь, Род Гэллоугласс.

Род вытаращил глаза.

Рука Катарины скользнула вверх. Она принялась наматывать на палец прядь волос.

Род несколько нервно откашлялся.

— Да я простой солдат, ваше величество. Повинуюсь приказаниям, получаю свое жалованье, а меня вот уже в третий раз за тридцать часов пробуют обвинить в чем-то загадочном.

— Если так, то я склонна поверить, что обвинения справедливы. — Катарина насмешливо улыбнулась.

Она опустилась в одно из больших дубовых кресел, крепко сжала подлокотники и несколько мгновений изучающе смотрела на Рода.

— Кто ты такой, Род Гэллоугласс?

Род развел руками, пытаясь разыграть полную невинность:

— Пустой лист, моя королева! Солдат удачи, не более!

— «Не более», — передразнила его Катарина, и глаза ее угрожающе сверкнули. — Каково твое ремесло, Род Гэллоугласс?

Род нахмурился, чувствуя себя в роли мелкого грызуна в разгар игры в «кошки-мышки».

— Я воин, моя королева.

— Это твоя служба, — сказала Катарина. — Твоя радость, твоя игра. Скажи мне, каково твое ремесло.

«Эта женщина а) опасна и б) стерва» — так решил Род. Беда была в том, что она была прехорошенькой стервой, а по части женской красоты Род всегда давал слабину.

— Мое ремесло — охранять жизнь вашего величества.

— Воистину! — Катарина насмешливо смотрела на него - И кто же обучил тебя этому ремеслу? Кто тот мой верноподданный, что подослал тебя ко мне?

И вдруг Род увидел Катарину сквозь пелену насмешливости и дерзости. Это была маска, ширма, а за ними пряталась напуганная и очень одинокая маленькая девочка, которой ужасно, отчаянно хотелось кому-то довериться. Однако она пережила много измен и предательств и больше не могла верить никому.

Род взглянул в ее глаза, стараясь придать взгляду как можно больше доброты и искренности, и сказал в своей излюбленной сверхскромной манере:

— Я никого не зову своим господином, моя королева, и пришел сюда сам, ведомый любовью к моей королеве Катарине и верностью народу Грамерая.

Что-то отчаянное мелькнуло во взгляде королевы. Ее пальцы судорожно сжали подлокотники кресла.

— Любовью... — пробормотала она, и глаза ее вновь приобрели насмешливое выражение. — О да, любовью к королеве. — С этими словами она отвернулась к камину. — Что ж, да будет так. Хотя о тебе я думаю более как о друге — вот только почему я верю, что ты мне друг, я сама не понимаю.

— О, можете не сомневаться, я вам воистину друг! — улыбнулся Род. — Вы знали, что я побывал в Доме Кловиса, хотя сами не понимали, откуда узнали об этом, и в этом тоже не ошиблись!

— Помолчи! — фыркнула Катарина и медленно обернулась. — Но что привело тебя в Дом Кловиса нынче ночью?

Уж не телепатка ли она, случаем?

Род поскреб подбородок. Вживленный в височную кость микрофон должен был уловить этот звук...

— Одна мысль пр-векс-следует меня, — проговорил он, сделав вид, что запнулся. — Как вы узнали о том, что я побывал в Доме Кловиса?

— Я на связи, Род, — прозвучал голос за ухом у Родни.

Катарина одарила его взглядом, полным презрения:

— Я знала о твоем разговоре с Туаном Логиром. Так где же еще ты мог побывать, как не в Доме Кловиса.

Очень ловко. Но все равно — откуда ей было знать, что он общался с Туаном... Логиром?!

Логиром!

Род весьма удивился:

— Прошу прощения... а-а-а... вы сказали — «с Гуаном Логиром»? Я не ослышался?

Катарина сдвинула брови.

— А мне казалось, что его фамилия — Макреди.

Катарина едва удержалась от смеха:

— О нет! Он — младший сын милорда Логира! Разве ты не ведал об этом?

Младший сын? Значит, Туан и был тем самым парнем, которого сам назвал последним глупцом?

А старший его братец был тем человеком, что затаил давнюю злость на королеву и представлял самую страшную угрозу для монаршего престола.

— Нет, — покачал головой Род. — Этого я не ведал.

Голос Векса промурлыкал за ухом у Рода:

— Имеющаяся информация позволяет судить о разветвленной сети шпионажа.

Род мысленно застонал. Ох уж эти роботы! Помощи от них — как от козла молока.

Род поджал губы и пристально посмотрел на Катарину:

— Вы сказали, ваше величество, что у вас нет лазутчиков в Доме Кловиса, и если верить вам, то это означает...

Он не договорил, ожидая, что фразу ему поможет закончить Векс.

Пауза. Беспорядочный гул и громкий щелчок.

Род мысленно выругался. Если у Катарины нет шпиков, значит, по логике вещей, она не должна знать того, о чем знает. В итоге он выдал бедолаге Вексу очередной парадокс, отчего того снова зашкалило. Что и говорить, трудно иметь дело с роботом-эпилептиком.

Катарина метнула в Рода гневный взгляд:

— Конечно, я говорю правду!

— О, в этом у меня нет сомнений! — торжественно поднял руку Род. — Но вы — монарх, вас так воспитали, и одним из первых полученных вами уроков наверняка был урок того, как лгать с правдивым лицом.

Лицо Катарины окаменело. Она медленно склонила голову и уставилась на свои руки. Когда она подняла глаза, лицо у нее было беспомощное. С него словно спала маска. Королева смотрела на Рода будто затравленный зверек.

— Повторяю: я знала правду и говорила правду, — пробормотала она. — А ты ведаешь более того, что положено солдату, Род Гэллоугласс.

Род тяжело кивнул. Он снова допустил промашку: бравые вояки ничего не смыслят в политике.

— А теперь отвечай, — негромко повелела королева, — как ты попал нынче ночью в Дом Кловиса?

— Моя королева, — торжественно ответствовал Род, — дело было так: в темном проулке трое напали на одного. Я помог ему отбиться, а он отвел меня в Дом Кловиса, дабы отблагодарить стаканчиком вина. Вот так я познакомился с Туаном Логиром.

Королева наморщила лоб.

— Если бы я могла тебе верить... — Она встала понурившись, ссутулив плечи. — В грядущий час мне будут надобны все мои друзья, — негромко проговорила она. — И мне кажется, что ты — самый верный из моих друзей, хотя сама я не ведаю, почему мне так кажется. — Она подняла голову, посмотрела на Рода, и он в ужасе заметил, что в глазах ее стоят слезы. — Еще есть те, кто готов защитить меня, — еле слышно произнесла Катарина, сверкая глазами сквозь слезы. Невидимые путы стянули грудь Рода, сжалось его горло, вспыхнули глаза. Катарина отвернулась, кусая костяшки пальцев. Минуло мгновение, и она дрожащим голосом заговорила вновь: — Вскоре пробьет час, когда каждый из Великих лордов скажет, кто из них со мною, а кто — против меня, и я думаю, что мало будет из них таких, кто встанет под мои знамена.

Она обернулась, подошла к Роду. Глаза ее смягчились, на губах трепетала робкая улыбка. Род поднялся ей навстречу. Сердце его оглушительно громко билось. Он как зачарованный смотрел на Катарину.

Она остановилась перед ним, смущенно накрутила на палец светлый локон и прошептала:

— А ты будешь ли на моей стороне в этот день, Род Гэллоугласс?

Род неуклюже кивнул и пробулькал нечто утвердительное. Спроси она у него сейчас, готов ли он продать ей свою душу, он бы без колебаний ответил точно так же.

А в следующее мгновение она была в его объятиях — гибкая и податливая, и ее влажные губы прижались к его губам.

Потом, когда миновало неведомо сколько времени, она опустила голову и неохотно отстранилась, придерживаясь за его руки.

— О, я всего лишь слабая женщина, — взволнованно пробормотала она. — Ступай теперь, Род Гэллоугласс. Твоя королева благодарит тебя.

Она сказала что-то еще, но Род почти ничего не понял и сам не заметил, как оказался по другую сторону двери. Она шагал по широкому, холодному коридору, залитому светом факелов.

Род остановился, встряхнулся, предпринял геройскую попытку собраться с мыслями и продолжил свой путь нетвердым шагом.

«Что бы ты там ни думал насчет ее политических талантов, уж что-что, а как привязать к себе мужчину — это она точно знает».

Род споткнулся, а не замеченное им препятствие протянуло руку и помогло удержаться на ногах.

— Ну и ножищи же у тебя... — проворчал Бром О'Берин.

Карлик с пытливым нетерпением вглядывался в глаза Рода. Что-то, видимо, отыскал в самой глубине — между зрачком и сетчаткой, и довольно кивнул:

— Что ты получил от Катарины, Род Гэллоугласс?

— Получил? От нее? — Род нахмурился, взгляд его стал рассеянным. — Ну... она приняла у меня клятву верности.

— А! — кивнул Бром, словно бы донельзя довольный этим сообщением. — Чего еще желать, Род Гэллоугласс?

Род резко тряхнул головой, шире открыл глаза. И правда — чего еще он мог желать и просить? И чего, о Господи, он ожидал? И с чего он вдруг так размечтался, как будто Цербер сменил гнев на милость и одарил его сладкой улыбочкой?

Он крепко сжал губы. В сердце его закипала глухая злоба. Эта девчонка ничего не значила для него — она была

всего лишь пешкой в Большой Игре, тем орудием, с помощью которого можно было бы установить демократию на этой планете. Ну да. А разозлился-то он с чего? На это он тоже не имел никакого права.

Вот черт! Как ему сейчас был нужен объективный, беспристрастный анализ!

— Векс!

Он-то хотел произнести это слово еле слышно, но оно сорвалось с его губ выкриком. Бром О'Берин мрачно воззрился на Рода:

— Что такое «векс»?

— Товарный поезд с поломанным локомотивом, — сымпровизировал Род. И в самом деле, где этот треклятый робот?

И тут он вспомнил, что с Вексом приключился очередной припадок.

Но Бром стоял и с крайней подозрительностью всматривался в лицо Рода:

— Что это за слова такие, Род Гэллоугласс? Ты здоров ли? Что такое товарный поезд? Что такое локомотив?

Род сжал губы и мысленно процитировал книги Библии. «Осторожнее, старина, осторожнее! Так ты влипнешь! И все испортишь!»

Он рискнул взглянуть Брому в глаза.

— Товарный поезд — это вьючный мул, которого рыцарь нагружает своими доспехами и оружием, — проворчал он. — А локомотив — это полоумный оруженосец.

Бром в изумлении нахмурился:

— Полоумный — как это?

— Ну... такой... с заскоком. В моем случае все вышесказанное относится к моему коню.

— К коню? — окончательно обескураженно переспросил Бром.

— Ну да. К моему коню, Вексу. Он один являет собой все мои пожитки и прислугу. И еще он — та единственная душа... вернее — тот единственный разум, которому я могу поведать о своих бедах.

Бром понял последнюю фразу и ухватился за нее, словно утопающий за соломинку. Взгляд его смягчился, он добродушно улыбнулся:

— Теперь ты с нами, Род Гэллоугласс, — с теми немногими, что стоят за королеву.

Род заметил сочувствие во взгляде карлика, задумался о том, что привязывает этого уродца к королеве, и вдруг его снова охватила жуткая ненависть к Катарине за то, что эта стервозная особа так наслаждается эксплуатацией людей во имя своих целей.

Род размашисто зашагал по коридору. Бром семенил рядом, стараясь не отставать от него.

— Если я хоть что-то понимаю в людях, — процедил Род сквозь зубы, — у королевы есть еще один дружок в Доме Кловиса, но она зовет его врагом. Как же это, Бром? Он враг ей только потому, что сын ее врага, герцога Логира?

Бром задержал Рода, ухватив за бедро, и с полуулыбкой взглянул в его глаза.

— Он не враг ей, Род Гэллоугласс, он тот, кого она очень любит. Он ее дядюшка, кровный родственник. Он дал ей кров и нянчил ее пять лет, пока ее отец усмирял мятежных северных лордов.

Род медленно опустил голову и встретился взглядом с Бромом.

— Странно же она выказывает свою любовь.

Бром кивнул:

— Это верно, воистину странно, но не изволь сомневаться: она любит и старика, и его сына Туана.

Пару мгновений он, не мигая, молча смотрел на Рода, а потом отвернулся и медленно пошел вперед по коридору. Род постоял, провожая карлика глазами, и пошел за ним.

— Это долгая и печальная история, — пробормотал карлик, когда Род нагнал его. — Ее начало, ее конец и самая сердцевина — это Туан Логир.

— Король нищих?

— Да, — тяжело кивнул Бром. — Повелитель Дома Кловиса.

— Он любит королеву.

— О да! — Бром запрокинул голову, закатил глаза. — Еще как любит, не сомневайся. Он так и говорит!

— Но ты ему не веришь?

Бром сцепил руки за спиной, склонил голову и, тяжело ступая, продолжил путь.

— Либо он честен, либо самый изощренный лжец. А если он лжет, то слишком быстро этому научился, ибо он был взращен там, где его учили всегда говорить правду — в доме отца. Однако он возглавляет Дом Кловиса — тех бродяг и отверженных, которые твердят, что правителя страны должно избирать, как был избран в незапамятные времена король Кловис — ну, то есть так говорят, что его выбрал народ.

— Ну, тут они, пожалуй, немного погрешили с историей, — негромко вставил Род. — Если я правильно понял, они замышляют свергнуть Катарину?

— Верно. Ну и как же мне верить ему, когда он говорит, будто любит ее? — Бром печально покачал головой. — Такой достойный юноша, такой благородный... А трубадур какой — вмиг сочинит дивную песню, о чем хочешь: хоть о красоте жемчужных зубок какой-нибудь прелестницы, и выйдет это у него столь же быстро, как выбить в драке меч шпагой из рук соперника. Он всегда был аристократом до мозга костей, и его никогда нельзя было заподозрить в измене.

— Похоже, ты его хорошо знаешь.

— Мне ли его не знать! Знавал я его когда-то очень даже хорошо! — Бром издал судорожный вздох и покачал головой. — Вот теперь я знаю ли его? Они с королевой познакомились, когда ей было семь лет, а ему — восемь, в замке милорда Логира, на юге страны. Туда отец Катарины отправил ее, поручив заботам герцога. Двое детишек весело резвились и играли друг с дружкой — под моим надзором, конечно, я с них глаз не спускал. Они такие маленькие одни во всем замке были, ну а я... — он усмехнулся и горько рассмеялся, — я им казался чудом во плоти: взрослый, а ростом с них.

Бром улыбнулся, запрокинул голову и уставился на стену, словно увидел сквозь нее те далекие годы.

— Какие невинные они были тогда, Род Гэллоугласс! Какие невинные и какие счастливые! Он ее просто боготворил. Он рвал цветы, а она плела из них венки-короны, хотя садовник ворчал на него за это. Слишком жарко светило солнце? Он устраивал ей навес из листьев! Она разбила хрустальный кубок миледи? Он брал вину на себя!

— Вот он ее и избаловал, — буркнул Род.

— Верно, но не он был первым, кто готов был стать ее шутом. Уже тогда она была красавицей принцессой, Род Гэллоугласс. Но над их счастьем нависла зловещая тень — мальчишка четырнадцати лет, наследник замка и земель, Ансельм Логир. Он забирался на башню и подглядывал за ними, следил за тем, как они играют в саду, и весь кривился от злости и зависти. Он один во всей стране ненавидел Катарину Плантагенет — а почему, никто этого не скажет.

— И ненавидит до сих пор?

— Да. И потому нам стоит пожелать лорду Логиру долгих лет. Почти пять лет Ансельм пестовал свою ненависть, и наконец настал час ему возрадоваться. Мятеж северных лордов был подавлен, и отец был готов вновь принять дочь в королевском замке. И тогда они поклялись — Туан и Катарина (ей было тогда одиннадцать, а ему — двенадцать), что никогда не забудут друг друга и что она будет ждать его приезда. — Бром печально покачал головой. — И он приехал. Ему было девятнадцать. Принц в расшитом золотом камзоле прискакал с юга на великолепном белом скакуне — широкоплечий, золотоволосый красавец, такой статный, что у любой женщины просто слюнки бы потекли. Трубадур с арфой за спиной и мечом на боку, у которого всегда были готовы тысячи мадригалов, в которых он бы восславил красоту своей избранницы. А смех его был так же чист, сердце так же открыто и нрав столь же весел, как тогда, когда ему было двенадцать.

Карлик улыбнулся Роду.

— Ей тогда только-только минуло восемнадцать, Род Гэллоугласс, и жизнь ее была покойна и безмятежна, как воды

реки посреди лета. Ей было восемнадцать, и она созрела для замужества, и ее хорошенькую головку наполняли божественные золоченые грезы, какие обычно черпают девушки из баллад и книжек. — Он прищурился, но в голосе его звучала странная нежность, словно эхо пустоты прожитых лет. — А ты никогда не мечтал ли о принцессе, Род Гэллоугласс?

Род зыркнул на него и сглотнул подступивший к горлу ком.

— Продолжай, — сказал он.

Бром отвернулся и пожал плечами:

— Что говорить? Она любила его, несомненно, и какая бы женщина устояла перед ним? А он не знал, зачем ему нужна женщина, готов голову дать на отсечение, не знала и она, но могло статься так, что вместе они бы поняли, зачем нужны друг другу, у них на то были все возможности. — Бром покачал головой и нахмурился. — Случись так, этим счастьем были бы коронованы последние дни ее юности, ибо той весной ее отец умер, и скипетр был передан в ее руки.

Карлик умолк. Он мерно шагал вперед по коридору и молчал так долго, что Род решил вставить словечко:

— Пока я не вижу повода для ненависти.

— О да! Но ты дослушай эту историю до конца! Лишь тогда, когда Катарина была коронована, она вдруг уразумела, что Туан — младший сын Логира и наследовать может только фамильную честь и ничего больше. Тогда она обвинила его в том, что он ее не любит и лишь вожделеет о престоле. Она не желала видеть его. В гневе и ярости она прогнала его, хотя достойной причины для этого не было, но об этом знали только они двое, и более никто. Она выслала его на Дикие Пустоши, назначив цену за его голову, и в этих краях ему суждено было либо выжить посреди оборотней и эльфов, либо погибнуть.

Карлик снова умолк.

Род поторопил его:

— И тут милорд Логир разгневался?

— Да, — проворчал карлик. — И он сам, и его приближенные, и половина благородных господ в королевстве. Логир говорил о том, что королева имела право отвергнуть ухаживания Туана, имела право гневаться на него, сколько ее душеньке угодно, но отправлять человека в ссылку можно только за измену. А Катарина в запальчивости вскричала: «Разве это не измена — охота за короной?»

Тогда Логир оскорбился до глубины души и холодно ответствовал, что Туан искал только любви Катарины, но слова его были напрасны, ибо тот, кому королева отдала бы свою руку, неизбежно стал бы править страной вместе с ней, и ведь именно об этом сказала ему Катарина.

Логир перестал гневаться и стал увещевать королеву, убеждать ее в том, что сын его — не изменник, а всего лишь дурачок, которому взбрело в голову влюбиться в глупую избалованную девчонку. И тогда Катарина снова вскричала бы: «Измена!», не отговори я ее.

— И все же ты утверждаешь, что она любит их обоих — и Туана, и старика Логира?

— Конечно, любит. Откуда бы еще такие страсти?

Бром снова погрузился в молчание. Род кашлянул и сказал:

— Но у меня такое подозрение, что Туан не отяготил себя пребыванием в ссылке...

— Угу, — кивнул Бром и поджал губы. — Этот балбес заявил, что готов остаться рядом с королевой, пусть и ценой своей головы. Но ведь за его голову был назначен выкуп, и потому впредь ему была уготована жизнь убийцы или вора.

Род кисло усмехнулся:

— И некто подсказал ему мысль о том, что от нищих стране будет меньше вреда, если кто-то возьмет на себя заботу о них.

Бром кивнул:

— Вот так и вышло, что у нищих, считай, появился предводитель, но при всем том Туан клянется, что готов бросить все силы на защиту королевы. Он божится, что до сих пор

любит ее, что будет любить ее даже тогда, когда она повелит отрубить ему голову.

— Ну а она, само собой, — заключил Род, — твердит, что он имеет все причины ненавидеть ее.

— И тут она права, но только мне все-таки кажется, что Туан по-прежнему ее любит всем сердцем.

Они дошли до двери, что вела в комнату караула. Род опустил руку на засов, улыбнулся карлику и печально покачал головой.

— Они безумцы, — сказал он, — эта парочка.

— Безумно любящие друг друга враги, — устало улыбнулся Бром. — Ну, вот ты и дома. Доброй ночи.

Карлик развернулся на каблуках и поспешил прочь.

Род проводил его взглядом и мысленно выругал себя.

— Какой же я идиот, — пробормотал он. — Я-то думал, что он на ее стороне только потому, что влюблен в нее. Ну, что ж... Векс, бывает, тоже ошибается...

Большая свеча в казарме почти догорела. Время в Грамерае измеряли с помощью таких вот высоких красно-белых полосатых свечей — шесть белых полос и шесть красных. Одну свечу зажигали на рассвете, вторую — двенадцать часов спустя.

Судя по этой свече, сейчас было три часа пополуночи. У Рода вдруг отяжелели веки, а потом и вовсе налились свинцом, когда он вспомнил, что грамерайский час равняется часу и двадцати минутам по галактическому стандарту.

Род доплелся до кровати и на что-то наступил. Это «что-то» издало сдавленное ворчание: Род совсем забыл, что Том имеет обыкновение укладываться у изножья кровати, на полу.

Верзила сел, зевая и почесываясь. Поднял голову, разглядел Рода:

— Привет вам, хозяин! А который час?

— Девятый час ночи, — негромко ответил Род. — Спи, Большой Том. Я не хотел тебя будить.

— Так я ж тут для того и нахожусь, чтоб вы меня будили, хозяин. — И Том помотал головой, пытаясь прогнать сонливость.

«Странно, — подумал Род. — Глаза-то у него вовсе не сонные». Тут у Рода мелькнула неприятная догадка, и у него самого сонливость как рукой сняло. Он вновь превратился в агента, которому всегда подобало быть начеку.

И потому, дабы не пробудить у Тома ненужных подозрений, он притворился еще более сонным, чем был на самом деле.

— Ну и ночка выдалась, Большой Том, — промямлил он и повалился на кровать ничком. Он надеялся, что Большой Том немедленно уснет снова, однако от изножья кровати донеслось негромкое добродушное прищелкивание языком, и Большой Том принялся стаскивать с Рода сапоги.

— Погуляли на славу, а, хозяин? — бормотал слуга. — Небось за парочкой девиц приволокнулись?

— Разбуди меня, когда будут зажигать утреннюю свечу, — буркнул Род в подушку. — Я должен заступить на стражу, когда королева будет завтракать.

— Слушаюсь, господин, — ответствовал Большой Том, стащил с Рода второй сапог и, похохатывая, улегся на свое место.

Род выждал, когда его слуга снова захрапит, перевернулся на бок и оглянулся через плечо. В общем и целом Том отличался непоколебимой верностью и непроходимой тупостью, однако бывали моменты, когда у Рода возникали кое-какие сомнения...

Он опустил голову на подушку, закрыл глаза и попытался заставить себя уснуть.

К несчастью, с аутотренингом нынче у него ничего не вышло. Все чувства у Рода обострились до предела. Он мог бы поклясться, что ощущает щекой все волокна наволочки, что слышит, как под полом тихонько скребется мышь, как квакает во рву лягушка, как порывом ветра доносит радостный смех.

Глаза Рода резко открылись. Радостный смех?

Он скатился с кровати и поспешил к высокому узкому окну. Кто это, интересно, тут устраивает празднества посреди ночи?

Луна зашла за зубчатую северную башню. На ее фоне плясали силуэты юных фигурок. Некоторые из них, похоже, восседали верхом на метлах.

Ведьмы. В северной башне...

Род взбирался по разбитым ступеням винтовой лестницы. Гранитные стены, казалось, с каждым шагом сжимаются. Род шел и убеждал себя в том, что, будучи объявленным эльфами чародеем — ох уж эти эльфы, паршивцы! — он имел полное право принять участие в торжествах этой компании.

Вот только желудок его почему-то не желал смиряться с этой мыслью и жалобно клянчил таблеточку драмамина. Во рту у Рода пересохло. Ну хорошо, эльфы к нему отнеслись благосклонно, но вот сообщили ли они о своей благосклонности ведьмам?

Припомнились все древние сказки, которые он слышал и читал в детстве, перемешались с эпизодами появления ведьм в «Макбете». Сейчас, когда Род впервые в жизни всерьез задумался об этом, ни единой ведьмы с филантропическими наклонностями он, как ни силился, припомнить не мог, кроме Доброй Глинды, которую и ведьмой-то можно было назвать с большой натяжкой.

Одно преимущество у него все-таки имелось: похоже, ведьмы пребывали в благодушном настроении. Вдоль по лестнице гуляла мелодия старинной ирландской джиги, к которой примешивался веселый молодой смех.

Впереди на стену падали отблески факелов. Род совершил последний виток по спирали и оказался в просторном зале на вершине башни.

Танцующие кружились в танце, но ходили не только по кругу, но и над ним — эдакий трехмерный хоровод. Сквозь клубы дыма Род видел парочки, танцующие на стенах, на потолке, в воздухе и изредка — на полу. Тут и там болтали и смеялись группы людей в ярких, блестящих одеждах. Большинство держало в руках кружки, которые периодически

наполнялись из большого бочонка, стоявшего возле лестницы.

Все, как на подбор, молоденькие — можно сказать, подросткового возраста. Сколь Род к ним ни приглядывался, ни одного совершеннолетнего не обнаружил.

Он остановился на пороге, чувствуя себя в высшей степени не в своей тарелке — кем-то вроде классной дамы на школьных танцульках, эдаким неизбежным злом.

Какой-то юнец, затыкавший бочонок затычкой, заметил незваного гостя и ухмыльнулся.

— Эй! — крикнул он. — Что ты так припозднился?

В руке Рода оказалась наполненная до краев кружка.

— Да я и не собирался сюда в общем-то... — промямлил Род.

— Да собирался, мы-то знаем, — осклабился юнец. — Молли напророчила, вот только она сказала, что ты тут еще полчаса назад появишься.

— Прошу прощения, — проговорил Род. — Пара-тройка неотложных дел, вот я и...

— Да ладно, ты не переживай так уж сильно. Это она, видно, подвыпила, да и ошиблась чуток. А вообще мы поджидали тебя с тех самых пор, как ты явился в замок. Эльфы сказали нам прошлой ночью, что ты — чародей.

В голове у Рода прояснилось.

— Чушь! Никакой я не чародей. Такой же из меня чародей, как из вас... То есть я хотел сказать...

— О, ты — чародей, — торжественно кивнул юноша. — Чародей. И притом самый искусный. Разве ты явился к нам не на падучей звезде?

— Да это наука, а никакое не колдовство! Я не чародей, повторяю!

Юноша весело улыбнулся.

— Знаешь ты сам об этом или не знаешь, но ты все равно чародей. — Он приветственно поднял кружку. — И потому — один из нас.

— А-а-а... Что ж, благодарю. — Род также поднял кружку и пригубил напиток. В кружке оказался глинтвейн, подогретое вино, приправленное специями.

Он окинул взглядом зал, пытаясь свыкнуться с непрерывным мельканием танцоров и наглым нарушением законов Ньютона.

Взгляд его остановился на парочке, сидевшей под одним из окон. Молодые люди вели увлеченную беседу, вернее, она говорила, а он слушал. Юноша пожирал девушку взглядом, а она была тоненькая, натянутая как струна, и глаза ее горели жарким пламенем.

Род цинично усмехнулся и призадумался о том, что же на самом движет этим преданным юношей.

Девушка ахнула и метнула в Рода гневный взгляд.

У Рода нижняя челюсть отвисла. Он принялся бормотать извинения, но еще до того, как он успел вымолвить подобающую случаю фразу, девушка улыбнулась, грациозно кивнула ему и вернулась к своему театру одного зрителя.

Род так и остался стоять с открытым ртом. Он ухватил за руку виночерпия, не спуская глаз с девушки.

Виночерпий обнял Рода за плечи и обеспокоенно поинтересовался:

— Что встревожило тебя, друг мой?

— Эта... девушка, — пробормотал Род. — Она что, умеет читать мысли?

— О, еще как умеет! Да мы все немного умеем, но у нее это получше получается, чем у остальных.

Род прижал ладонь ко лбу, надеясь, что это поможет его голове перестать кружиться. Телепаты. Полный зал телепатов. А ведь во всей разведанной галактике их насчитывалось не более десятка!

Он вновь обвел взглядом пирушку. Мутация, генетический сдвиг, что-то еще...

Он встряхнулся, откашлялся:

— Скажи-ка, парень... да, а как твое имя, кстати говоря?

— И правда, что же это я! — Юноша ударил себя по лбу тыльной стороной ладони. — Чума меня возьми — совсем забыл представиться. Меня зовут Тобиас, магистр Гэллоуглосс, и вам непременно нужно здесь со всеми познакомиться.

С этими словами он взял Рода под руку и повел к ближайшей компании.

— Но я... я только хотел спросить...

— Это Нелл, это Андреев, это Брайэн, а это Дороти.

По прошествии получаса, перезнакомившись еще с пятьюдесятью тремя участниками вечеринки, Род без сил опустился на деревянную скамью. Он поднял кружку и жадно осушил ее до дна.

— Ну вот, — сказал он, — и я, и моя кружка опустошены.

— А, так позволь, я наполню ее!

Тоби выхватил у Рода кружку и улетел с ней к бочонку. Улетел в буквальном смысле слова.

Род глядел на то, как Тоби летит через весь зал, паря в десяти футах над полом, и качал головой, не веря собственным глазам. Он уже ничему не удивлялся.

Похоже, он угодил в нарождающееся племя эсперов, людей, наделенных удивительными, невероятными способностями — дарами левитации, ясновидения и телепатии.

Но если все они умели телепортироваться, тогда почему девицы разъезжали на метлах?

Вернулся Тоби, с шумом рассек воздух при приземлении. Род ошарашенно принял из рук юноши полную кружку.

— Вот спасибо. Стало быть, вы умеете левитировать и телепортироваться?

— Прошу прощенья? — непонимающе нахмурился Тоби.

— Летать умеете, говорю? Ну и еще по собственной воле можете перемещаться из одного места в другое?

— О да! — осклабился Тоби. — Это мы все умеем!

— Что — летать?

— Нет, все мы умеем по желанию с одного места перемещаться в другое. Летать умеют все юноши, а вот девушкам это не дано.

«Полозависимый ген», — подумал Род, а вслух сказал:

— И поэтому они летают на метлах?

— Да. Они умеют приказывать неживым предметам исполнять их желания. А мы, мужчины, лишены этого дара.

Ага! Еще одна завязка! Способность к телекинезу передавалась через Y-хромосому, а к левитации — через хромосому X.

Между тем телепортироваться они умели все. И мысли читать.

Бесценное племя эсперов. И если их жизнь была хоть в чем-то похожа на жизнь тех немногочисленных телепатов, что были известны галактике...

— Простой народ ненавидит вас за это?

Юная мордашка Тоби стала мрачной и тоскливой.

— О да, и благородные господа тоже. Они говорят, будто мы заключили союз с дьяволом. Нам грозило испытание водой или сожжение на кострах, покуда к власти не пришла наша добрая королева Катарина. — Тоби обернулся и крикнул: — Эй, Бриджит!

Девушка лет тринадцати покинула своего партнера по танцу и в одно мгновение оказалась рядом с Тоби.

— Друг Гэллоугласс хочет узнать, как с нами обходятся люди, — объяснил ей Тоби.

Радостная мордашка девушки стала печальной. Она широко раскрыла глаза, прикусила губу.

Потом завела руки на спину, расстегнула пуговицы на блузке от шеи до корсажа и повернулась к Роду спиной. Спину ее исполосовали шрамы. Они алой паутиной покрывали ее нежную девичью кожу. Бриджит били семихвостой плеткой.

Она повернулась к Роду. Тоби застегнул ее блузку. Глаза у девушки были по-прежнему широко раскрыты и полны горя.

— Так меня избили, — сказала она, — только потому, что заподозрили в колдовстве. Мне тогда было всего-то десять лет.

Желудок у Рода чуть было не выскочил наружу через пищевод. Он дал ему мысленный приказ оставаться на месте, и желудок не слишком охотно повиновался. Язык опалило изжогой.

Бриджит крутанулась на месте и исчезла. Через долю секунды она уже была рядом со своим партнером по танцу — веселая и живая как ни в чем не бывало.

Род хмуро и задумчиво наблюдал за ней.

— Так что можешь понять, — сказал Тоби, — как мы благодарны нашей доброй королеве.

— Она упразднила испытания водой и сожжение на кострах?

— Она издала королевский указ, но сожжения ведьм продолжались тайно. У нее оставалась единственная возможность защитить нас, и она дала убежище всем тем из нас, кто был готов явиться сюда и просить об этом.

Род медленно кивнул:

— Ей не откажешь в мудрости.

Его взгляд вновь устремился к Бриджит, танцующей на потолке.

— Что заботит тебя, друг Гэллоугласс?

— Ведь у нее нет к ним ненависти, — рассеянно проговорил Род. — У нее есть все причины ненавидеть обычных людей, но она не ненавидит их.

Тоби покачал головой, тепло улыбнулся:

— Ни она, ни кто-то другой из нас. Все, кто явился, чтобы обрести кров в замке королевы, первым делом дают клятву жить по христианским заповедям.

Род медленно развернулся к юноше.

— Понятно, — сказал он не сразу. — Собрание добрых волшебниц и волшебников.

Тоби кивнул.

— И все ведьмы и колдуны в Грамерае таковы?

— Как ни постыдно говорить о таком, но это не так. Есть некоторые, которым было суждено пережить большие страдания, нежели тем, коим подверглись мы — те, у кого отрезали ухо или выкололи глаз, кто потерял возлюбленного или подругу, а быть может, пережил все сразу. Они прячутся на Диких Пустошах, в горах, и обрушивают накопившееся зло на всех людей без разбора.

Губы Рода вытянулись в тонкую мрачную линию, уголки их скорбно опустились.

— Таких чуть более десятка, — продолжал Тоби. — Лишь трое из них — в расцвете лет, а все прочие — дряхлые старухи и ветхие старцы.

— Настоящие ведьмы и злые колдуны из сказок, — пробурчал Род.

— Воистину так, и слухов об их злодеяниях столько, что из-за них никто не замечает наших добрых дел.

— Следовательно, в Грамерае существует две разновидности ведьм и колдунов: старые и злобные, что живут в горах, и добрые молодые, что поселились в королевском замке.

Тоби покачал головой и улыбнулся, в глазах его вспыхнули огоньки.

— Не совсем так. Есть еще около трех дюжин добрых волшебниц и волшебников, кроме нас, которые не верят в обещания королевы предоставить нам безопасный кров. Им по тридцать — сорок лет, и они все очень хорошие и добрые, вот только никак не могут поверить, что здесь нам ничто не грозит.

Понимание было подобно озарению. Род откинулся назад, губы его сложились в трубочку. Он резко кивнул, наклонился вперед и сказал:

— Так вот почему вы все так молоды! Приглашение королевы приняли только те из вас, в душе которых все еще жила вера в добро! Она приобрела стайку подростков!

Тоби ухмыльнулся от уха до уха и резво закивал.

— Стало быть, взрослые волшебники и волшебницы — народ добрый, но при этом очень осторожный!

Тоби утвердительно кивнул.

— Однако среди них нашлись одна-две, которые все же осмелились явиться сюда. Среди них была одна, самая мудрая из волшебниц, она прибыла с юга. Однако она уже постарела. Ей сейчас уже под тридцать!

Последняя фраза прозвучала, когда Род пил вино. Он закашлялся, захрипел, прослезился и протер глаза.

— Что с тобой, друг Гэллоугласс? — вопросил Тоби с такой заботой, словно перед ним был дряхлый восьмидесятилетний старик.

— Да нет, ничего, — с трудом проговорил Род. — Просто... пищевод и трахея утратили взаимопонимание. Мы,

старики, здоровьем слабы, сам понимаешь. Ну и почему же эта мудрая колдунья не осталась здесь?

Тоби улыбнулся, излучая понимание и доброту.

— Она сказала, что, глядя на нас, начинает стесняться своего возраста, и вернулась на юг. Но если тебе здесь будет грозить беда, ты только произнеси ее имя — Гвендилон, — и она окажет такую услугу, о какой ты и не мечтал.

— Я запомню твой совет, — пообещал Род, но тут же напрочь забыл о нем, так как слишком ярко представил себе, как он, агент со стажем, призывает себе на подмогу какую-то женщину. Он чуть было опять не закашлялся, но расхохотаться не решился, памятуя о том, каким и сам был чувствительным созданьем в подростковом возрасте.

— Еще один вопрос, — проговорил он. — Скажи, почему королева опекает вас?

Тоби в удивлении вытаращил глаза:

— А ты не знаешь?

— Понятия не имею, — ласково улыбнулся ему Род.

— Да потому, что она и сама волшебница, добрейший друг Гэллоуглаcс!

Улыбка Рода угасла.

— Гм-м-м, — неловко промычал он и почесал кончик носа. — Доходили до меня такие слухи... Стало быть, это правда?

— Истинная правда. Она необученная волшебница, но все же волшебница.

Род вздернул брови:

— Необученная?

— Ну да. Ее дар нуждается в укреплении и упражнении, муштре и закалке, дабы он смог проявиться во всей силе. Катарина — колдунья, но ремеслу нашему не обучена. Она способна слышать чужие мысли, но не всегда, когда пожелает, и не слишком ясно.

— Гм. А еще что она умеет?

— Ничего такого, о чем бы мы ведали. Только мысли слышать.

— Стало быть, располагает необходимым минимумом для вступления в ваш профсоюз, — кивнул Род и почесал за

ухом. — А ведь такой дар — совсем не роскошь для королевы. Получается, что ей ведомо все, что происходит в замке.

Тоби покачал головой:

— Ведь ты бы не смог ничего уразуметь, если бы слышал, как пятеро разговаривают разом, друг Гэллоугласс? А слушать разговоры всех подряд весь день напролет? А передать своими словами все, о чем было сказано?

Род нахмурился:

— Хоть один разговор смог ли бы ты пересказать? — Тоби застенчиво улыбнулся и покачал головой. — Конечно, не смог бы. Вот и королеве это не дано.

— Она могла вести записи...

— Верно. Но не забывай: она не обучена, а для того, чтобы переводить мысли в слова, нужно либо хорошее обучение, либо блестящий дар.

— Погоди. — Род предостерегающе поднял руку. — Ты хочешь сказать, что мысли вы слышите не в виде слов?

— Нет, нет. Одна краткая мысль может равняться целой книге слов, друг Гэллоугласс. Разве тебе приходится обращать в слова свои мысли для того, чтобы мыслить?

Род кивнул:

— Ясно. Квантовая механика мышления.

— Странно, — негромко прозвучал чей-то голос. Род оторвал взгляд от своего собеседника и обнаружил, что их с Тоби окружила довольно-таки многочисленная компания юных ведьм и колдунов, слетевшихся, чтобы послушать интересный разговор.

Род устремил взгляд на крепко сложенного юного экстрасенса и чуть насмешливо улыбнулся.

— Что тут странного? — спросил он, пытаясь вспомнить, как зовут этого юношу.

Тот усмехнулся.

— Меня зовут Мартин, — сообщил он и, смеясь, понаблюдал за реакцией Рода, который пока еще не мог свыкнуться с телепатическими способностями здешней молодежной тусовки. — А странно мне то, что ты, будучи чародеем, незнаком с азами чтения мыслей.

— Верно, — согласно кивнул Тоби. — Ты единственный из ведомых нам чародеев, друг Гэллоугласс, который не умеет слышать чужие мысли.

— А-а-а. Ну да. — Род смущенно провел рукой по поросшей щетиной щеке. — Но собственно, как я уже упоминал ранее, на самом деле я — не чародей. Понимаете...

Его прервал единодушный взрыв смеха. Род вздохнул. Хочешь не хочешь, а приходилось смириться с навязанной ему репутацией.

Он решил вернуться к ранее затронутой теме:

— Насколько я понимаю, некоторые из вас все же могут слышать мысли, оформленные в слова?

— О да, — отвечал Тоби, вытирая полные слез глаза. — Есть у нас одна такая. — Он обвел взглядом круг своих товарищей. — Олдис здесь?

Вперед протиснулась пухленькая миловидная девушка лет шестнадцати.

— Чьи мысли мне послушать для вас, сэр?

В бездне разума Рода сверкнула искра. Глаза его приобрели зловещий блеск.

— Дюрера. Советника милорда Логира.

Олдис сложила руки на груди, опустилась на скамью, села подчеркнуто прямо. Она смотрела на Рода, но вот взгляд ее стал отстраненным. А потом она заговорила писклявым, гнусавым монотонным голосом:

— Как скажете, милорд. И все же не могу усомниться: воистину ли вы верны королеве?

Затем тембр голоса девушки стал на две октавы ниже, но при этом сохранил монотонность.

— Низкий человек! За что ты бросаешь мне в лицо такие оскорбления?

— О нет, милорд! — поспешно отозвался обладатель писклявого голоска. — Я вас вовсе не оскорбляю, я всего лишь позволяю себе некоторые сомнения в мудрости ваших поступков.

«Дюрер, — понял Род. — Писклявый голосок принадлежит Дюреру. Он репетирует свой разговор с герцогом Логиром, продумывает, как будет им манипулировать».

— Не забывайте, милорд, ведь она еще совсем дитя. Разве тот, кто любит дитя, позволит ему капризничать и совершать опрометчивые поступки? Разве не мудрее отшлепать ребенка за плохое поведение?

Минутная пауза. Затем прозвучал более низкий голос герцога:

— В твоих словах есть доля истины. Верно, в том, что она решила сама назначать духовников, есть нечто от каприза избалованной девчонки.

— О, — проворковал высокий голос. — Это отречение от древних традиций, от мудрости людей, которые намного старше ее. Я бы назвал это поведением не капризного, а взбунтовавшегося ребенка.

— Можно и так сказать, — проворчал Логир. — Но все же она — королева, а королевские указы должно исполнять.

— Даже тогда, когда королева издает порочные указы, милорд?

— Ее поступки непорочны, Дюрер. Она не желает зла, — зловеще произнес более низкий голос. — Быть может, ее деяния легкомысленны, необдуманны, и то доброе, что они принесут сегодня, завтра может обернуться катастрофой. Это глупые указы — но нет, я не вижу в них злого умысла.

Обладатель писклявого голоска вздохнул:

— Быть может, так оно и есть, милорд. Однако такое поведение королевы — угроза чести и доброму имени ее вельмож. Разве в этом нет зла?

— Не понимаю, — буркнул Логир. — О да, она была резка, высокомерна, это так, она взяла на себя слишком много — больше того, что может себе позволить даже королева, однако пока она не сотворила ничего такого, что можно было бы счесть оскорблением чьей-то чести.

— О да, милорд, пока.

— О чем ты?

— Близок тот день, милорд.

— Какой день, Дюрер?

— Когда она поставит крестьян выше благородных господ, милорд.

— Мне опостылели твои изменнические речи! — вскричал Логир. — На колени, ничтожество, и благодари своего Бога за то, что я не отрублю тебе голову!

Род, не отрываясь, смотрел на Олдис. Он еще не вполне оправился от потрясения. Как только она могла говорить голосами двоих разных людей?

Мало-помалу взгляд Олдис перестал блуждать. Она устало выдохнула и улыбнулась Роду:

— Вы все слышали, друг Гэллоугласс?

Род кивнул.

Олдис развела руками, пожала плечами:

— Только я сама ни слова не помню из того, что говорила.

— Не переживай, а я как раз все запомнил слово в слово. — Род задумался. — Ты выступала в роли канала связи, была медиумом в самом буквальном смысле.

Он запрокинул голову, залпом допил вино и бросил кружку одному из юных колдунов. Тот ловко поймал кружку, исчез и, появившись вновь, подал полную до краев кружку Роду. Тот в притворном отчаянии покачал головой.

Род прислонился к стене и, прихлебывая вино, стал внимательнее рассматривать лица сгрудившихся возле него молодых людей. Они улыбались и просто-таки светились от осознания своих талантов.

— А прежде вы такое проделывали? — спросил он, обведя всех рукой с зажатой в ней кружкой. — Слушали мысленные разговоры вроде того, что прозвучал сейчас?

— Только мысли врагов королевы, — ответила Олдис, проворно кивнув. — Дюрера мы подслушиваем часто.

— Вот как? — Род приподнял бровь. — И что-нибудь пронюхали?

Олдис снова кивнула:

— В последнее время его очень тревожат крестьяне.

На пару мгновений Род застыл, потом склонился вперед, уперся локтями в колени.

— С чего бы это ему тревожиться о крестьянах?

Тоби понимающе ухмыльнулся:

— А ты послушай, что он недавно вытворил! Как заморочил голову двоим крестьянам из королевской вотчины! Один молодой крестьянин пожелал жениться на дочери старика крестьянина, а старик был против. Парень уже готов был развести руками от отчаяния и уйти с разбитым сердцем.

— Но тут вмешался Дюрер.

— Да. Он с парня глаз не спускал. Слухи об этой истории ветром пролетели по окрестным деревням, а Дюрер следил за тем, чтобы это были не просто слухи, а чтобы к ним был добавлен один вопрос: может ли парень считать себя мужчиной, если какой-то старый идиот не отдает ему в жены любимую девушку, а он с этим смиряется?

Род кивнул:

— Ну а другие крестьяне, само собой, стали подзуживать незадачливого жениха.

— Ну конечно. Посыпались шуточки, издевки. Словом, парень этот как-то раз выкрал эту девушку посреди ночи да и обрюхатил ее.

Род поджал губы.

— Наверное, папаше это не очень-то по нраву пришлось.

Тоби кивнул:

— Он поволок парня к деревенскому священнику и потребовал, чтобы того повесили за изнасилование.

— А священник сказал...

— Он сказал, что это не изнасилование, а любовь и что самым подобающим наказанием за это будет не виселица, а женитьба.

Род усмехнулся:

— Готов об заклад побиться, молодые ужасно огорчились.

— О, они так ужасно огорчились, что просто-таки в пляс пустились, — хихикнул Тоби. — Ну а старик тяжко вздохнул, счел происшедшее мудростью Господней и благословил их.

— Ну а Дюрер, само собой, снова тут как тут.

— А как же! Является он к королеве, когда она сидит за столом со своими придворными, и принимается верещать, что королева, дескать, должна доказать справедливость своих новых порядков и объявить, справедливым ли был такой суд, ибо не из королевской ли вотчины эти самые крестьяне?

Род усмехнулся и шлепнул себя по ноге:

— Она небось ему в глаза плюнуть была готова!

— О, ты, видно, не знаешь, какова наша королева! — Тоби закатил глаза к потолку. — Плюнуть в глаза? Да она ему клинок под ребра вонзить была готова! Однако на такой вызов следовало ответить. Теперь королеве придется выслушать эту тяжбу самолично, когда в следующий раз соберется Открытый Совет.

— Открытый Совет? — воскликнул Род. — Это еще что такое?

— Каждый месяц один час в день королева принимает всех своих подданных, которые желают о чем-либо поговорить с нею. Крестьяне, дворяне и духовенство приходят в парадный зал. Большей частью Великие лорды прослеживают за тем, как мелкопоместные дворяне и крестьяне излагают свои жалобы. Ну а под их бдительным надзором те жалуются только на всякие безделицы.

— Вроде этого самого недоразумения, — понимающе кивнул Род. — И когда же должен состояться этот следующий прием?

— Завтра, — вздохнул Тоби. — И я так думаю, что Великие лорды все подстроят так, что подставные служки и крестьяне станут оговаривать новых судей и священников. Ну а народ попроще станет им вторить.

Род снова кивнул:

— То бишь все будет звучать как бы гласом народа. Но чего надеется добиться Дюрер раздуванием этой истории с соблазнением девушки?

Тоби пожал плечами:

— Это только ему самому ведомо.

Род откинулся к стене, нахмурился и отхлебнул вина. Рассеянно обведя взглядом лица молодых людей, он почесал затылок.

— Сдается мне, что королева была бы не прочь узнать про такое. Почему же вы ей не скажете?

Молодежь помрачнела. Тоби кусал губы, уставясь в пол...

Род повысил тон:

— Почему вы не скажете ей, Тоби?

— Мы пробовали, друг Гэллоуглас! — Юноша умоляюще взглянул на Рода. — Мы пробовали, но она не пожелала нас слушать!

— Как же так? — спросил Род с каменным лицом.

Тоби беспомощно развел руками.

— Тот паж, которого мы послали к ней, вернулся и передал нам ее ответ. А ответ был такой, что мы должны быть ей благодарны за то, что она нас приютила, и потому с нашей стороны непростительно дерзко и неучтиво вмешиваться в ее дела.

Род быстро, резко закивал, понимающе поджав губы:

— Да, это очень похоже на Катарину.

— Быть может, — задумчиво проговорил один из юношей, — все к лучшему: у нее забот хватает и без наших мрачных пророчеств.

Род невесело усмехнулся:

— Это точно. С одной стороны нищие, с другой — благородные господа. Не соскучишься.

Тоби кивнул. Взгляд его широко раскрытых глаз был необычайно серьезен.

— О да, забот у нее и вправду предостаточно. Советники, Дом Кловиса, баньши на крыше замка... У нее есть все причины страшиться.

— Верно сказано, — напряженно, с хрипотцой отозвался Род. — Да, причин хоть отбавляй, и напугана она не на шутку.

Большой Том, судя по всему, спал необычайно чутко. Как только Род на цыпочках пошел к кровати, слуга тут же вскинулся.

— Вы здоровы ли, господин мой? — хрипло прошептал он, и потаенности в его шепоте было не более, чем в кваканье перепуганной жабы.

Род замер и хмуро глянул на Тома:

— Вполне здоров. С чего бы мне хворать?

Большой Том смущенно улыбнулся.

— Да спите маловато, — пробормотал он. — Вот я подумал, уж не лихорадка ли на вас напала.

— Нет. — Род облегченно улыбнулся и, покачав головой, обошел Большого Тома. — Не лихорадка.

— А что же?

Род упал навзничь на кровать и закинул руки за голову.

— Ты слыхал, игра такая есть, крикет?

— Крикет? — нахмурился Том. — Не-е, не слыхал.

— Когда в эту игру играют, расставляют на площадке воротца, и игроки должны в эти воротца мячик закатывать. А другие игроки должны этот мячик отбивать битой.

— Чудно как-то, — проговорил Большой Том, вытаращив глаза от изумления. — Непонятная игра какая-то, хозяин.

— Это верно, — согласился Род. — А потом еще непонятнее становится. Потом игроки меняются местами. И та команда, что нападала, переходит в защиту.

Он приподнял голову и поглядел на круглую обескураженную физиономию Тома.

— Ой, нет, — промямлил верзила и ошарашенно покачал головой. — Ну и какой же во всем этом толк, хозяин?

Род потянулся, расслабился.

— Толк какой? Да никакого. Кто бы ни выиграл, воротцам достается на полную катушку.

— Угу! — яростно кивнул Том. — Видно, здорово им достается.

— Ну так вот... есть у меня такое подозрение, что тут словно все собрались в крикет поиграть, вот только играют сразу три команды: советники, нищие...

— Дом Кловиса, — пробормотал Том.

Род удивленно вздернул брови:

— Вот-вот, Дом Кловиса. Ну и королева, само собой.

— Но тогда кто же, — поинтересовался Большой Том, — будет... вроде как воротца.

— Да я, кто же еще? — вздохнул Род, повернулся на бок, взбил кулаком подушку и устало опустил на нее голову. — А теперь спать буду. Доброй ночи.

— Господин Гэллоугласс, — прозвенел тут звонкий голос пажа.

Род закрыл глаза и взмолился о ниспослании ему сил.

— Чего тебе, паж?

— Вас зовут. Пора. Королева садится завтракать.

Род не без труда приоткрыл один глаз и глянул в окно. Небо на востоке розовело. Занималась заря.

Род зажмурился, сосчитал до десяти, чуть было не уснув в процессе счета. Испустив вздох столь тяжкий, что таким объемом воздуха можно было бы до краев заполнить бездонную пропасть, он свесил ноги с кровати и сел.

— Так что у того, кто воротца охраняет, ни сна, ни отдыха. Ну, где там моя треклятая форма, Том?

Род был вынужден признать: Катарина Плантагенет обладала неплохими актерскими данными. Более того, она знала, как оными данными пользоваться в общении со своими придворными. Еще до рассвета все стражники в пиршественном зале были расставлены по своим постам. Все лорды и леди, кто был удостоен радости (вернее говоря, несчастья) разделить с королевой столь ранний завтрак, прибыли в зал сразу же после первого крика петуха. Катарина вошла только после того, как все расселись и обозрели накрытый к завтраку стол.

Появление королевы выглядело до предела эффектно, невзирая на ранний час. Двери распахнулись настежь. Катарина стояла на пороге, озаренная пламенем факелов. Шестеро трубачей дунули в фанфары. Все лорды и леди поднялись, а Род зажмурился (о вкусах, понятное дело, не спорят, но, похоже, народ тут более чем терпимо относился к звукам высоких октав).

Затем Катарина шагнула в зал, горделиво подняв голову и расправив плечи. Пройдя вдоль стены, она остановилась

подле высокого золоченого стула во главе стола. Герцог Логир подошел и отодвинул стул. Катарина опустилась на него с изяществом и легкостью пушинки. Логир сел по правую руку от королевы, прочие придворные заняли свои места. Катарина взяла со стола двузубую вилку, остальные гости последовали ее примеру. От четырех углов зала к столу поспешили ливрейные лакеи с огромными блюдами, на которых лежали горы бекона и колбасы, маринованной сельди, белых булочек, дымились чайники и супницы.

Каждое из блюд сначала подносили Брому О'Берину, который восседал по левую руку от королевы. Бром отрезал по кусочку от каждого угощения, откусывал и жевал, а остатки укладывал на тарелку. Затем лакеи расставляли блюда. Бром, убедившись в том, что жив и здоров, в конце концов передавал тарелку королеве.

Наконец вся компания жадно набросилась на угощение, а желудок Рода ворчливо напомнил ему о том, что всю ночь напролет его потчевали исключительно глинтвейном.

Катарина ела без особого аппетита — клевала, можно сказать, как птичка. Если верить слухам, то она имела обыкновение до официальных трапез завтракать в своих покоях. Учитывая необычайную стройность королевы, можно было заподозрить распространителей этих слухов в наглом вранье.

Слуги сновали вокруг стола с кувшинами вина и блюдами с высоченными мясными пирогами.

Род стоял на посту у восточных дверей. Отсюда ему были хорошо видны Катарина, сидевшая у северного края стола, герцог Логир, сидевший справа от королевы, Дюрер, восседавший по правую руку от Логира, и затылок Брома О'Берина.

Дюрер наклонился и что-то прошептал своему господину. Логир нетерпеливо отмахнулся и кивнул. Затем откусил мяса, прожевал, проглотил и запил солидным глотком вина. Опустив кубок на стол, он повернул голову к Катарине и довольно громко проговорил:

— Ваше величество, я озабочен.

Катарина холодно взглянула на него:

— Мы все озабочены, милорд Логир, но должны смиряться с нашими заботами, как умеем.

Логир поджал губы, и они почти исчезли между усами и бородой.

— Моя забота, — сказал он, — о вас и о процветании вашего королевства.

Катарина сосредоточила взгляд на тарелке, старательно отрезая кусочек жареной свинины.

— Надеюсь, процветание королевства и вправду зависит от того, насколько благостно живется мне.

Шея у Логира побагровела, однако он упрямо продолжал гнуть свое:

— Я рад, что ваше величество понимает: угроза вашей жизни есть и угроза для королевства.

Катарина наморщила лоб и хмуро глянула на Логира:

— Это я воистину понимаю.

— Когда народ видит, что жизнь королевы в опасности, он начинает беспокоиться.

Катарина отложила вилку и откинулась на спинку стула. Голос ее прозвучал мягко, даже, пожалуй, вкрадчиво:

— Стало быть, моей жизни грозит опасность, милорд?

— Похоже, что это так, — осторожно отозвался Логир. — Ибо прошедшей ночью на крыше замка снова являлась баньши.

Род навострил уши.

Катарина закусила губы, прикрыла глаза. Все сидевшие за столом разом умолкли. Во внезапно наступившей тишине гулко прозвучал голос карлика:

— Баньши частенько появлялась на крыше, однако ее величество до сих пор жива и здравствует.

— Умолкни! — шикнула на Брома Катарина, расправила плечи, наклонилась и взяла со стола кубок. — Я не желаю слушать о баньши, — заявила она, залпом осушила кубок и протянула руку в сторону. — Слуга, еще вина! — крикнула она.

Дюрер в мгновение ока вскочил и оказался рядом с королевой. Взяв из ее руки кубок, он развернулся к подбегавшему слуге. Слуга наполнил кубок вином. Придворные, за-

мерев, не спускали глаз с Дюрера. Подобная учтивость в адрес королевы с его стороны, по всей видимости, была крайне нетипична.

Советник повернулся к королеве, опустился на одно колено и протянул ей кубок. Катарина недоуменно посмотрела на советника и нерешительно взяла у него кубок.

— Благодарю тебя, Дюрер. Должна признаться, никак не ожидала от тебя такой любезности.

Глаза Дюрера сверкнули. С насмешливой улыбкой он поднялся и отвесил королеве низкой поклон:

— Пейте до дна за ваше здоровье, моя королева.

Род был не так доверчив, как Катарина. Кроме того, он заметил, что Дюрер, прежде чем подать кубок королеве, провел над ним левой рукой.

Он, не медля ни мгновения, покинул свой пост и выхватил у Катарины кубок, как только она поднесла его к губам. Королева уставилась на него. Во взгляде ее закипал гнев.

— Я не звала тебя, стражник!

— Прошу простить меня, ваше величество, — смиренно склонил голову Род, отстегнул от ремня кинжал, вытряхнул на стол клинок, а конические ножны наполнил вином из кубка. Хвала Небесам: он перезагрузил Векса перед тем, как заступить на пост!

Приподняв серебристый рожок, он сказал:

— Я воз-Векс-щаю, принося глубочайшие извинения вашему величеству, что действую исключительно из опасения за вашу драгоценную жизнь!

Гнев Катарины как рукой сняло. Она, словно зачарованная, наблюдала за действиями Рода.

— Что, — спросила она, указав на серебристый конус, — это такое?

— Рог единорога, — отвечал Род и в упор взглянул на Дюрера, пожиравшего его злобным взором.

— Анализ завершен, — проворковал голосок за ухом у Рода. — Обнаружено ядовитое вещество, смертельное для организма человека.

Род угрюмо ухмыльнулся и мизинцем нажал на кнопку в основании ножен.

«Рог единорога» стал лиловым.

Все придворные дружно ахнули в ужасе. Всем тут явно была знакома эта примета: рог единорога лиловеет, если в него налить яду.

Катарина побледнела и сжала кулаки, чтобы не было заметно, как у нее дрожат руки.

Рука Логира, лежавшая на столе, также сжалась в кулак. Он прищурил глаза и метнул в Дюрера взгляд, полный праведной ярости:

— Низкий, подлый мерзавец! Если ты хоть самую малость причастен к этому...

— Милорд, вы же видели! — надтреснутым голоском пискнул Дюрер. — Я всего только держал кубок!

Но его злобный взгляд был по-прежнему устремлен на Рода. Он словно бы подсказывал ему: выпей сам из этого рога и избавишь себя от неприятностей и пыток.

Род был назначен одним из четверых стражников, сопровождавших Катарину от ее покоев в главный зал, где должен был состояться Открытый Совет. Все четверо ожидали у дверей. Наконец двери открылись, и оттуда, предваряя королеву, вышел Бром О'Берин. Двое стражников встали позади Брома, впереди королевы, а Род и еще один стражник замкнули шествие.

Они медленно шли по коридору, приноравливаясь к шагу Катарины, закутавшейся в тяжелый плащ на меху и немного ссутулившейся под весом тяжелой золотой короны. Между тем она все равно выглядела никак не неуклюже, а напротив — торжественно.

Неподалеку от дверей, ведущих в главный зал, перед эскортом неожиданно появилась тощая сгорбленная фигурка в бархатном камзоле. То был Дюрер.

— Приношу мои глубочайшие извинения, — пискнул он и трижды поклонился, — но я должен переговорить с вашим величеством.

Губы его были поджаты, глаза гневно сверкали.

Катарина остановилась и выпрямилась во весь рост.

«Еще одна беда на ее бедную голову», — подумал Род.

— Говори же, — приказала королева, глядя сверху вниз на сгорбленного Дюрера. — Но говори быстрее, слышишь, ты?

Дюрер сверкнул глазами от такого оскорбительного обращения.

Правда, ему все же удалось удержаться в рамках приличий.

— Ваше величество, умоляю вас, не мешкая, выслушайте жалобу Великих лордов, ибо они весьма и весьма встревожены.

Катарина нахмурилась:

— С какой стати мне мешкать?

Дюрер прикусил губу и отвел взгляд.

Глаза Катарины гневно полыхнули.

— Говори, смерд, — бросила она. — Или ты хочешь сказать, что королева страшится выслушать своих дворян?

— Ваше величество... — с большой натугой выговорил Дюрер, а потом слова потоком хлынули с его губ. — Я слыхал, будто бы сегодня будет слушаться тяжба двоих крестьян...

— Это верно. — Катарина поджала губы. — В этой тяжбе именно ты и просил меня разобраться.

Горбатый коротышка зловеще сверкнул глазами, но тут же опомнился и принял позу, полную смирения и униженности.

— Я думал... Я слыхал... Я опасался...

— Чего ты опасался?

— В последнее время ваше величество с особой заботой печется о своих крестьянах... — Дюрер растерялся, но продолжал, спотыкаясь на каждом слове: — И я опасался того... что ваше величество могли бы... быть может...

Взгляд Катарины стал суров и мрачен.

— Что я могла бы выслушать этих двоих крестьян прежде, чем заслушаю жалобы моих вельмож?

— Ваше величество не должны! — Дюрер упал на колени, театрально заломив руки. — Нынче вам никак нельзя

рисковать и нанести оскорбление Великим лордам! Самая ваша жизнь будет под угрозой, если вы...

— Смерд, ты позволил себе заподозрить меня в трусости?

Род закрыл глаза. Сердце у него ушло в пятки.

— Ваше величество, — вскричал Дюрер, — я желал всего лишь...

— Довольно! — Катарина отвернулась и брезгливо обошла стороной жалкую фигуру советника. Бром О'Берин и стража тронулись с места вместе с ней. Массивные дубовые двери распахнулись перед ними.

Род рискнул бросить взгляд через плечо.

Физиономия Дюрера светилась зловещей радостью, глаза победно сверкали.

Самый верный способ вынудить подростка что-либо сделать заключается в том, чтобы попробовать уговорить его не делать этого.

Бром вышел вперед и возглавил королевскую процессию. В огромный сводчатый зал свет проникал сквозь стрельчатые окна, вырезанные в стенах по обе стороны. Наверху, под потолком, через весь зал, подобно хребту, тянулось главное стропило, от которого к гранитным стенам ребрами отходили перпендикулярные. С потолка свисали две величественные люстры из кованого железа. В их подсвечниках ярко горели свечи.

Процессия взошла на подиум, возвышавшийся в десяти футах над полом. На подиуме стоял высокий золоченый трон.

Бром повел всех за собой через весь подиум. Они обогнули трон сзади. Стражники выстроились в ряд за троном. Катарина грациозно взошла на ступеньку и встала перед троном, глядя на множество собравшихся в зале людей.

Толпа представляла собой нечто вроде репрезентативной социальной выборки. Люди заполняли зал от ступеней, ведущих к возвышению, до трехстворчатых дверей в дальнем конце.

В первом ряду, в двенадцати футах от подиума, на расставленных полукругом деревянных стульях в форме песочных часов восседали двенадцать Великих лордов. За ними

стояли сорок — пятьдесят пожилых людей в коричневых, серых и темно-зеленых камзолах с бархатными воротниками и небольших квадратных фетровых шляпах. Тяжелые золотые и серебряные цепи украшали их внушительные животы. «Бюргеры, — догадался Род. — Наместники, купцы, главы гильдий — одним словом, местная буржуазия».

За ними выстроились представители духовенства в черных рясах с клобуками, а дальше — целое море народа в тусклой, заплатанной одежде. «Крестьяне, — решил Род, — большую часть которых согнали сюда с дворцовой кухни, дабы на Открытом Совете были представлены все сословия».

Между тем в гуще крестьян выделялись четверо солдат в зеленой с золотом форме — цветах королевы, а между ними стояли двое крестьян, молодой парень и старик. Вид у них обоих был донельзя напуганный и несчастный. И тот и другой отчаянно мяли в заскорузлых руках потертые шляпы. У старика была длинная седая борода, молодой был гладко выбрит. Оба были одеты в тусклые домотканые рубахи и некое подобие штанов из такой же грубой ряднины. Рядом с ними стоял священник, который явно чувствовал себя столь же не к месту здесь, как и двое крестьян.

Все взгляды были обращены к королеве. Катарина это прекрасно видела. Она вытянулась во весь рост и стояла так, покуда в зале не воцарилась полная тишина. Затем она медленно опустилась на трон. Бром, скрестив ноги, уселся подле нее.

Его голос пронесся по залу подобно раскату грома.

— Кто сегодня желает воззвать к справедливости королевы?

Вперед вышел герольд со свитком пергамента и зачитал перечень из двадцати жалобщиков. Первым из них значился один из двенадцати лордов, последними — те самые двое крестьян, подставленных Дюрером.

Катарина крепче сжала подлокотники трона и ясным, чистым голосом произнесла:

— Господь наш говорил: униженные возвысятся, последние станут первыми, и посему давайте сначала выслушаем свидетельства этих двоих крестьян.

Наступило короткое затишье, но тут же разразилась буря. Герцог Логир вскочил и вскричал:

— Свидетельства? Неужто у вас такая великая нужда выслушивать их свидетельства, что вы готовы предпочесть эти комья грязи высочайшим из ваших приближенных?

— Милорд, — процедила сквозь зубы Катарина, — вы забываетесь.

— О нет, это вы забываетесь! Вы забыли об учтивости, о вековых традициях, обо всех законах, которым вас учил ваш батюшка еще в ту пору, когда держал вас на коленях! — Старик лорд запрокинул голову и устремил на королеву гневный взор. — Никогда бы, — пророкотал он, — наш былой король не унизил настолько своих приближенных!

— Открой глаза, старик! — холодно и дерзко ответствовала Катарина. — Жаль, что моего отца нет в живых, но он мертв, и теперь царствую я.

— Царствуете? — брезгливо скривился Логир. — Это не царствование, но тирания!

В зале воцарилась могильная тишина. Потом пополз шепоток, разрастаясь, превращаясь в слова:

— Измена! Измена-измена-измена! Измена!

Бром О'Берин поднялся, весь дрожа:

— Милорд Логир, вы должны встать на колени и просить прощения у миледи королевы, либо вы на веки вечные будете сочтены изменником престола.

Лицо Логира окаменело, он вздернул подбородок, расправил плечи, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, заговорила Катарина — сдавленным, дрожащим голосом:

— Я не требую извинений и не предоставлю их. Ты, милорд Логир, за оскорбления, нанесенные нашей королевской особе, отныне изгоняешься из королевского двора и не смеешь впредь к нам приближаться.

Старик герцог в смятении смотрел на королеву.

— Как же это... девочка моя... — пробормотал он, и Род с ужасом заметил слезы в его глазах. — Дитя, неужто ты обойдешься с отцом так же сурово, как обошлась с сыном?

Катарина мертвенно побледнела. Она привстала с трона.

— Ступайте прочь, милорд Логир! — вне себя от ярости воскликнул Бром. — Ступайте прочь, или я прогоню вас!

Взгляд герцога медленно скользнул вниз.

— Прогонишь? О да, гнать — это твое ремесло! Ты ведь — цепной пес нашей милостивой королевы! — Логир вновь поднял глаза к Катарине. — Леди, леди, — укоризненно проговорил он. — А я надеялся служить вам, как верный пес-грейхаунд, до самой смерти.

Катарина опустилась на трон и гордо вскинула голову:

— У меня теперь есть пес пострашнее — мастиф, милорд, и пусть мои враги трепещут в страхе!

Старик медленно кивнул, не спуская с королевы печального взгляда:

— Так теперь вы зовете меня врагом...

Катарина выше вздернула подбородок.

Глаза Логира из печальных стали суровыми и гордыми.

Он развернулся на каблуках и направился к выходу. Толпа расступалась, давая ему дорогу. Стражники встали по обе стороны от двери, распахнули створки.

Герцог остановился на пороге, повернулся и бросил прощальный взгляд на Катарину. В последний раз прогремел под сводами зала его надтреснутый старческий баритон:

— И все же прими от меня скромный дар, Катарина, которую я некогда звал своей племянницей: покуда я жив, ни один волос не упадет с твоей головы. Можешь не опасаться войска Логира.

Мгновение он не шевелился, не отрывая глаз от королевы.

А потом он развернулся — качнулись перья на его шляпе — и вышел из зала.

Три секунды в зале стояла тишина, а потом все одиннадцать Великих лордов поднялись со своих мест и вслед за

герцогом Логиром прошествовали по образовавшемуся посреди толпы проходу — они удалялись, как и старик, в изгнание.

— Ну а как же она решила тяжбу двоих крестьян? — поинтересовался Векс.

Род ехал верхом на своем коне-роботе по склону холма за пределами замка — решил «дать коняге немного размяться», — по крайней мере так он сказал мальчишке-груму. На самом же деле ему до зарезу были необходимы советы Векса по массе вопросов.

— О, — ответил он, — она утвердила вердикт приходского священника и сочла, что самым подходящим наказанием для парня будет женитьба. Старику это не очень-то пришлось по душе, однако у Катарины в рукаве был припрятан козырь: она повелела сыну проявить заботу о престарелом отце. Тут старик разулыбался, а у парня, когда уходил, видок был такой, словно он сильно сомневается в том, в его ли пользу решилось дело.

— Блестящее решение, — проворковал Векс. — Пожалуй, этой юной леди стоило бы попытать счастья на поприще юриспруденции.

— Да на каком угодно, лишь бы подальше от политики... Слушай, до чего же прекрасны закаты на этой планете!

Они ехали в сторону заката. Угасающее светило раскрасило небо в пурпур и золото по линии горизонта и вверх, почти до зенита.

— Да, — не стал спорить робот. — Красота закатов объясняется плотностью атмосферы, которая равна почти одной целой и пяти десятым от плотности атмосферы Терры. Однако на данной широте, в связи с наклоном оси планеты, который равняется...

— Да-да, я все это записал в бортжурнале, когда мы совершили посадку. Будь так добр, помолчи... Лучи солнца стали почти кроваво-алыми...

— Очень точное определение оттенка цвета, — отметил Векс.

— Да... Кстати, о крови... Что ты там мне болтал насчет очередного убийства?

— Не убийства, Род. Насчет покушения.

— Ладно, пусть будет покушение. Прости меня за неточности и давай выкладывай все по пунктам.

Векс пару мгновений молчал — искал в памяти заранее подготовленный отчет.

— Политическая ситуация на острове Грамерай характеризуется наличием трех отчетливо выделяющихся партий, одна из которых — роялистского толка, а две — антироялистского. Роялистская партия состоит из королевы, ее главного советника — некоего Брома О'Берина, духовенства, королевского войска, королевской гвардии и группы эсперов, бытующей под местным наименованием «ведьмы».

— А как же судьи?

— Я как раз собирался сказать, что к роялистской партии можно было бы отнести и гражданских служащих, за исключением тех чиновников, которые погрязли в коррупции и потому противятся реформам королевы.

— Гм-м-м. Да, об этой мелочи я как-то подзабыл. Еще кто-нибудь есть на стороне дома Плантагенетов?

— Да. Подвид homo sapiens, характеризующийся крайне малым ростом и обозначаемым местным термином «эльфы».

— Ну, эти-то точно не против королевы, — пробормотал Род.

— Антироялистские партии явно не объединены своим общим противостоянием престолу. Первой из этих партий является аристократия, возглавляемая двенадцатью герцогами и графами, которых, в свою очередь, возглавляет герцог Логир. Следует заметить, что аристократы единодушны в своей оппозиции к королеве. Подобное единодушие дворян в феодальном обществе — явление беспрецедентное, и потому его следует рассматривать как аномалию.

— И откуда же он взялся, этот странный объединенный фронт?

— Вышеупомянутое единодушие можно объяснить наличием группы, обозначенной термином «советники», каж-

дый из членов которой служит в качестве консультанта при каждом из двенадцати Великих лордов. Физическое единообразие этой группы указывает на...

Род прервал любование красотой заката и уставился на уши своего скакуна.

— Кстати, а это как понимать?

— В данном случае единообразие проявляется в нарушении осанки, выраженной худобой, редким волосяным покровом головы, бледностью кожных покровов и общим габитусом, свойственным старческому возрасту.

Род поджал губы.

— Оч-чень интересно! А я этому особого значения не придал.

— Подобная внешность характерна для цивилизации с высоким уровнем развития техники, где решены проблемы увеличения продолжительности жизни, регулирования обмена веществ и воздействия ультрафиолета.

— Современная медицина и баротерапия, — кивнул Род. — А вот как ты при этом объяснишь сгорбленные спины?

— Мы можем предположить, что она является частью маскировки, предпринимаемой этой группой. Этот внешний признак проявляется настолько ярко, что кажется неестественным для вышеупомянутых людей.

— Закон Финагля. Заключение от обратного, — кивнул Род. — Давай дальше.

— Цель роялистского движения состоит в том, чтобы усилить могущество централизованной власти. Цель же советников, судя по всему, состоит в ликвидации централизованного правления, что в итоге приведет к созданию формы политической организации, в которой правят так называемые полководцы.

— А это, — заключил Род, — своего рода анархия.

— Вот именно, и, следовательно, мы не должны исключать вероятности того, что советники могут стремиться к тому, чтобы перейти от этапа феодальной раздробленности к междоусобице, за которой последует полная анархия.

— И потому они пытаются устранить Катарину. Убить ее.

— Весьма точное заключение. Они готовы воспользоваться любым шансом ликвидации централизованной власти.

— А это означает, что она в опасности. Давай вернемся в замок.

Он натянул поводья, но Векс разворачиваться отказался.

— Ей не грозит опасность, Род. Пока не грозит. Согласно мифологии данной культуры смерть должна быть предсказана. На крыше здания должно появиться существо, известное под названием «баньши». А баньши не может появиться до наступления темноты.

Род глянул на небо. Смеркалось. Над горизонтом догорал закат.

— Ладно, Векс. Даю тебе пятнадцать минут. Ну, так и быть, полчаса.

— На основании свидетельства о том, что советники происходят из цивилизации с высоким уровнем развития техники, — затараторил робот, — резонно предположить, что они родом с другой планеты, поскольку на данной планете существует только одна форма цивилизации, представленная королевством Катарины и характеризующаяся средневековым общественным укладом. Другая антироялистская группировка также имеет признаки инопланетного происхождения.

— Похоже, это я уже слышал, — буркнул Род. — Только сейчас давай поподробнее, ладно?

— С превеликим удовольствием. Вторая антироялистская группировка бытует под названием «Дом Кловиса». Это название проистекает, вероятно, из древнего ритуала избирания королей народом. Классовый состав Дома Кловиса таков: нищие, воры и прочие преступники и изгои. Номинальным лидером этой группировки является отверженный аристократ, Туан Логир.

— Стоп, — сказал Род. — Ты сказал: «номинальным»?

— Именно так, — подтвердил робот. — Если рассматривать структуру Дома Кловиса поверхностно, то можно подумать, будто эта группировка представляет собой стихий-

ное сборище, однако дальнейший анализ показывает, что перед нами организация с четкой и строгой дисциплиной, одной из целей и задач которой является обеспечение питанием и одеждой ее членов.

— Но ведь именно этим и занимается Туан!

— Разве? Но кто в Доме Кловиса решает проблемы снабжения, Род?

— Ну... Туан передает деньги хозяину кабачка, этому уродцу по прозвищу Пересмешник.

— Вот именно.

— Стало быть, ты хочешь сказать, — протянул Род, — что Пересмешник использует Туана в качестве поставщика денег и на самом деле главный босс в Доме Кловиса он, а вовсе не Туан.

— На это, — отозвался Векс, — указывают полученные данные. Какова внешность Пересмешника, Род?

— Отвратительна.

— А откуда у него такое прозвище — Пересмешник.

— Ну... Он скорее всего из тех, кого зовут имитаторами. Человек с тысячей лиц. Что-то вроде того.

— И все-таки: как он выглядит, Род? Опиши его в общих чертах.

— Гм-м-м... — Род запрокинул голову, прикрыл глаза и постарался представить себе Пересмешника. — Значит, так: рост — пять футов десять дюймов, жутко горбится, словно у него искривление позвоночника, телосложение субтильное, просто-таки очень субтильное — похоже, в его дневном рационе не более двухсот калорий. Волосы жиденькие... — Род изумленно открыл глаза. — Эй! Да ведь он как две капли похож на советников!

— И потому скорее всего также является представителем цивилизации с высоким уровнем развития техники, — резюмировал Векс. — Данное заключение можно дополнить его политическими воззрениями, на что указывают речи, произносимые Туаном перед толпой...

— Значит, Туан плюс ко всему еще и «говорящая голова», — задумчиво проговорил Род. — Собственно, чему тут

удивляться? Сам он ни за что не додумался бы до идеи пролетарского тоталитаризма.

— Следует также отметить, что Пересмешник — единственный представитель Дома Кловиса с таким габитусом.

— Ага! — кивнул Род. — Здесь он играет в одиночку. А его штат сотрудников — местные представители, науськанные на то, чтобы обеспечивать ему поддержку.

— Долгосрочную программу Пересмешника, — продолжал Векс, — можно предположительно определить как установление диктатуры. Следовательно, с его стороны вполне резонно планировать возвести на престол того, кем он сможет манипулировать.

— То есть Туана.

— Совершенно верно. Но прежде ему надо избавиться от Катарины.

— Стало быть, ее крови жаждут и советники, и Дом Кловиса.

— Точно. Однако мы не имеем веских доказательств того, что они действуют согласованно. Пока впечатление такое, словно эти две силы независимо противостоят королеве.

— Разделение сил. Крайне неэффективная политика. И все же, Векс, по сути: что они тут затевают?

— Мы можем предположить, что они происходят из двух оппозиционных друг другу цивилизаций, каждая из которых стремится взять под свой контроль некие ресурсы Грамерая.

— Что-то я не слыхал, — нахмурился Род, — о месторождениях каких-либо сверхценных полезных ископаемых в округе...

— Я имел в виду людские ресурсы, Род.

Род широко раскрыл глаза:

— Эсперов! Ну конечно! Все они сюда, как мухи на варенье, слетелись из-за ведьм!

— Или из-за эльфов, — добавил Векс.

Род сдвинул брови:

— Эльфы-то им на что сдались?

— Пока у меня на этот счет нет оформленных предположений, и все же над такой логической вероятностью стоит поразмышлять на досуге.

Род фыркнул:

— Ну, ладно. Размышляй себе на здоровье над этой логической вероятностью, а я займусь ведьмами. Любой, кому удастся стать монополистом на рынке торговли телепатами, может править галактикой. Ого! — Он в ужасе выпучил глаза. — А ведь они и вправду смогут править галактикой!

— Ставки, — пробормотал Векс, — очень высоки.

— Я не премину сделать свою ставку... — начал было Род, но договорить не успел — его прервал неприятный, визгливый стон — будто кто-то вел ногтем по стеклу.

Векс развернулся на сто восемьдесят градусов. Род устремил взгляд в сторону замка.

На крыше, чуть ниже восточной башни, что-то тускло мерцало. Не то светящаяся гнилушка, не то блуждающий огонек. Судя по всему, источник свечения был довольно велик, так как кое-какие детали Роду были видны даже с большого расстояния. Светящееся существо было одето в лохмотья — нечто наподобие изодранного савана, под которым проглядывало тело красивой женщины, однако голова у странного создания была кроличья, с пастью, снабженной острющими клыками.

Баньши снова застонала, начав с низких нот и перейдя на душераздирающий вопль, который затем перешел в визг такой неимоверной пронзительности, что у Рода чуть барабанные перепонки не лопнули.

— Векс, — ахнул он, — что ты видишь?

— Баньши, Род.

Род погнал Векса к замку галопом. Промчался по двору, спешился, потом — бегом по залам, по пути расталкивая стражников, и наконец добрался до королевских покоев. У дверей ему встретилось непроходимое препятствие в лице Брома О'Берина, который стоял, поставив ноги на ширину плеч и сурово подбоченившись.

— Не больно же ты торопишься, — проворчал карлик. Физиономия его побагровела от злости, но в глазах его прятался самый настоящий страх.

— Постарался примчаться так быстро, как только смог, — тяжело дыша, оправдался Род. — Она в опасности?

— Да, в опасности, — проворчал Бром, — хотя с виду этого и не скажешь. Ты должен стоять на посту подле ее ложа в эту ночь, чародей.

Род напрягся.

— Я, — процедил он сквозь зубы, — не чародей. Я самый простой воин, которому, на счастье, знакомы кое-какие науки.

Бром раздраженно вздернул подбородок.

— Не время сейчас вести споры. Называй себя, как тебе вздумается: хочешь — поваром, хочешь — плотником, хочешь — каменщиком. Все равно наука чародейства тебе ведома. Однако мы понапрасну теряем время.

Он постучал в дверь. Дверь распахнулась, из покоев королевы вышел стражник, отсалютовал и посторонился.

Бром мрачно усмехнулся и, пятясь, переступил порог.

— Что, до сих пор не рискуешь поворачиваться ко мне спиной?

— Можно и так сказать, — буркнул карлик.

— А я так и сказал.

Стражник вошел в комнату следом за ними и прикрыл за собой дверь.

Комната оказалась просторной, с четырьмя окнами-бойницами, закрытыми ставнями, вдоль одной стены. Пол покрывали звериные шкуры, стены были задрапированы шелком и бархатом и увешаны гобеленами. В небольшом камине негромко потрескивали поленья.

Катарина, одетая в бархатный, отороченный горностаем пеньюар, сидела на большой кровати с балдахином, укрытая по грудь простынями и мехами. Ее распущенные волосы ниспадали на плечи. Королеву окружала стайка горничных и гувернанток, присутствовали также двое пажей.

Род подошел к королевскому ложу и опустился на одно колено:

— Ваше величество, прошу простить меня за опоздание!

Катарина одарила его ледяным взглядом.

— Я и не ведала, что за тобой посылали, — фыркнула она и отвернулась.

Род нахмурился и окинул ее пытливым взором.

Катарина сидела, откинувшись на горку из десятка атласных пуховых подушек. Веки ее были полуопущены в сладкой истоме, на губах играла легкая улыбка. Судя по всему, она откровенно наслаждалась чуть ли не единственными приятными мгновениями после напряженного трудового дня.

Вероятно, ей грозила смертельная опасность, но она наверняка понятия об этом не имела. Бром, оберегая королеву, хранил от нее страшные тайны.

Катарина протянула руку одной из гувернанток, та подала ей дымящийся кубок с глинтвейном. Катарина грациозно поднесла его к губам.

— Погодите! — Род вскочил, выхватил губок из рук королевы, сжал его ножку в левой руке, а правой поспешно снял с пояса «рог единорога».

Катарина нахмурилась, потом прищурилась и покраснела.

— Что это значит, отвечай!

Род смотрел не на нее, а на ножны от своего кинжала — они же «рог единорога». За ухом у него послышался голосок Векса:

— Обнаружено токсичное вещество, смертельно опасное для человеческого организма.

Но ведь Род еще не успел плеснуть в ножны ни капли вина. Ножны были пусты. В них ничего не было.

Кроме воздуха.

Род нажал на кнопку. Рог приобрел лиловый оттенок.

Катарина в ужасе смотрела на поменявшие цвет ножны.

— Говори, — выдохнула она. — Что это значит?

— Воздух отравлен, — процедил сквозь зубы Род, передал кубок гувернантке и придирчиво осмотрел комнату. Откуда-то распространялся ядовитый газ.

Из камина?

Он поспешил к камину, присел и подержал ножны над пламенем. Цвет ножен стал нежно-сиреневым.

— Нет, не здесь. — Род развернулся, поднялся и принялся ходить по комнате, держа перед собой «рог», словно свечу. Ножны сохраняли сиреневый цвет.

Род нахмурился, потер затылок. Куда же можно было запрятать капсулу с ядовитым газом?

Наверняка ее разместили как можно ближе к королеве.

Род повернулся и медленно пошел к королевскому ложу. Как только он оказался рядом с Катариной, ножны стали темно-фиолетовыми.

Катарина смотрела на них с восторгом и ужасом.

Род медленно опустился на колени. Ножны приобрели темно-лиловый оттенок, затем стали почти черными.

Род откинул простыни, заглянул под кровать. Там, на каменном полу, дымилась большая сковорода, поставленная, судя по всему, в целях согревания ложа королевы.

Род ухватился за длинную рукоятку и выволок сковороду из-под кровати, после чего поднес ножны к одному из отверстий в крышке. Вообще, если ему не изменяла память, в крышках таких сковород-грелок никаких дырок не должно было быть и в помине...

Ножны окончательно почернели.

Род поднял глаза и посмотрел на Катарину. Она прикусила костяшки пальцев, чтобы не закричать.

Род обернулся и протянул сковороду стражнику.

— Возьми эту пакость, — распорядился он, — и выкинь в ров.

Дозорный выронил пику, схватил сковороду и поспешил прочь, держа опасную грелку на вытянутых руках.

Род медленно развернулся к Катарине:

— Мы снова одурачили баньши, моя королева.

Катарина отняла от губ дрожащую руку, крепко сжала губы, зажмурилась, так сжала кулаки, что костяшки ее пальцев побелели.

Затем веки ее медленно разжались. Глаза королевы полыхали бешеным огнем, губы скривились в едва заметной улыбке.

— Господин Гэллоугласс, останься при мне! Все остальные ступайте прочь!

Род сглотнул подступивший к горлу ком. Ощущение у него было такое, будто все его суставы переходят из твердого агрегатного состояния в жидкое. Сейчас Катарина казалась ему самой прекрасной женщиной на свете.

Стражники, служанки и пажи уже спешили к двери, и возле нее создалась пробка.

Бром принял на себя командование, и пробка быстро рассосалась. Через полминуты королевская опочивальня опустела. В ней остались только Род, Катарина и Бром О'Берин.

— Бром, — проговорила Катарина, недвусмысленно глядя на карлика, — Бром О'Берин, оставь нас наедине.

Бром на миг задержал на королеве возмущенный взгляд, затем понурился и низко поклонился:

— Слушаюсь и повинуюсь, моя королева.

Он тихонько прикрыл за собой дверь.

Катарина медленно откинулась на подушки, грациозно, зазывно потянулась, протянула руку, сжала руку Рода. Пальцы у нее были нежные, мягкие.

— Вот уже дважды ты спас мне жизнь, Гэллоугласс, — бархатно промурлыкала Катарина.

— Это честь для меня, моя королева, — дежурно отозвался Род, мысленно ругая себя на чем свет стоит. Он смущался, словно подросток, тайком читающий «Фанни Хилл»*.

Катарина очаровательно нахмурилась, вздернула подбородок и прижала к губам указательный палец.

---

* Фанни Хилл — героиня одноименного романа Дж. Клиланда, женщина из публичного дома.

А потом улыбнулась и повернулась на бок. Бархатный пеньюар распахнулся. Видимо, здесь было принято спать нагишом.

«Не забывай, парень, — твердил себе Род, — ты — всего-навсего бродячий торговец. С утра продерешь глаза — и снова в путь. А здесь ты для того, чтобы дать дорогу демократии, а не для того, чтобы волочиться за королевой. Это бесчестно — воспользоваться ее слабостью, если ты не собираешься здесь задерживаться, дабы пользоваться ее слабостью в дальнейшем... Бред какой-то...»

Катарина кокетливо наматывала на палец прядь волос и покусывала нижнюю губу. На Рода она смотрела, как кошка на канарейку.

— Отважные воины, — проворковала она, — славятся тем, что...

Ее пухлые губы влажно блестели.

Род, силясь что-то ответить, промямлил:

— Как моя королева полна стремления излечить от пороков свою страну, так и я стремлюсь к тому, чтобы все, чем славятся воины, было во благо стране и королеве. Я готов служить вашему величеству только верой и правдой и обещаю никогда не причинить вам зла.

На миг — так показалось Роду — у Катарины словно бы кровь застыла в жилах, настолько неподвижно она лежала.

Затем взгляд ее стал суровым. В опочивальне сгустилась тревожная тишина.

Королева села и укуталась в пеньюар.

— Твое поведение заслуживает наивысших похвал, магистр Гэллоугласс. Мне необычайно повезло, что меня окружают только верные слуги.

Учитывая обстоятельства, и самой королеве за поведение надо было бы поставить пять с плюсом. В голосе ее лишь едва заметно проскользнула насмешка.

Ее глаза снова встретились с его глазами.

— Прими же благодарность королевы за спасение ее жизни.

Род опустился на одно колено.

— Мне воистину везет, — продолжала Катарина, — на верных слуг. Ты спас мне жизнь, но я думаю, что не многие воины услужили бы мне так, как услужил ты.

Род вздрогнул.

Катарина улыбнулась, злорадно и довольно, и перевела взгляд на собственные руки.

— А теперь оставь меня, ибо завтра мне предстоит день полный трудов и мне надо хорошенько выспаться.

— Как пожелает ваше величество, — отвечал Род, покраснев до самых кончиков волос. Он встал, развернулся и пошел к двери, злясь на чем свет стоит — на себя самого. Разве Катарина виновата в том, что он такой осел?

Он закрыл за собой дверь, обернулся и изо всех сил стукнул кулаком по каменной стене. Ни в чем не повинные нервные окончания выразили неподдельное возмущение.

Род, кривясь от боли, зашагал прочь от опочивальни королевы и вскоре наткнулся на Брома О'Берина. Физиономия у карлика была красная, как свекла. Он весь дрожал.

— Ну, как? Я должен встать перед тобой на колени? Не ты ли наш будущий король?

Род был готов обрушить с трудом сдерживаемый гнев на Брома О'Берина. Он скрипнул зубами и, прищурившись, воззрился на карлика.

— У меня и получше развлечения найдутся, Бром О'Берин, чем королевскую колыбельку качать.

Бром пялился на Рода. Кровь мало-помалу отхлынула от его щек, а вместе с нею отступила злость.

— Это верно, — пробормотал он, кивая. — Клянусь всеми святыми, это правда, ибо по твоему лицу я вижу, что гнев переполняет тебя, что ты ненавидишь себя за то, что ты — мужчина!

Род до боли зажмурился и с такой силой сжал зубы, что просто удивительно, как они не потрескались.

Но что-то определенно должно было дать трещину и поддаться...

Откуда-то, как бы из далекой дали, прозвучал голос карлика:

— Этот посланец принес тебе весть от тех ведьм, что обитают на башне...

Род заставил себя открыть глаза и уставился на Брома.

Бром опустил глаза к полу. Проследив за его взглядом, Род заметил возле левой ноги карлика эльфа, сидевшего на камнях, скрестив ноги по-турецки. Это был Пак.

Род расправил плечи. Хватит злиться, с этим можно было и погодить. Если ведьмы послали ему весточку, значит, дело срочное.

— Ну, говори, — сказал он. — Что там за весть от ведьм?

Но Пак только покачал головой и негромко произнес:

— Господи, ну до чего же глупы порой бывают эти смертные!

Он отскочил в сторону в мгновение ока, и кулак Рода со всего размаху врезался в стену.

Род взвыл от боли и завертелся на месте. Нашел взглядом Пака и снова бросился к нему.

Но Пак сказал:

— Тише!

И в коридоре откуда ни возьмись появился громадный лилово-розовый дракон, самый настоящий, в натуральную величину, огнедышащий. Дракон встал на дыбы и пыхнул на Рода жарким языком пламени.

Род закашлялся, выпучил слезящиеся глаза и злорадно оскалился.

Дракон тут же метнул в него очередную порцию пламени. Род пригнулся, проскочил под огнем и выпрямился прямехонько под мордой огнедышащего зверя. Пальцы его сжались на чешуйчатой шее, ища сонные артерии.

Дракон вскинул голову и мотнул шей, словно хлыстом. Род упрямо держался, а дракон швырял его то в одну, то в другую сторону. Род при этом пребольно ударялся о гранитные стены. Стукнувшись головой, он взвыл от боли. Из глаз у него словно посыпались искры, но он только усилил хватку.

Могучая шея дракона опустилась, и к животу Рода потянулись громадные жадные клыки. Дракон добился свое-

го: клык рассек кожу Рода от ключицы до бедра. Кровь хлынула ручьем. В глазах у Рода потемнело, но он держался, твердо вознамерившись утащить дракона с собой на тот свет.

«Я умру», — подумал он и изумился этой мысли и возмутился тому, что умрет из-за глупой злости на какую-то стервозную девицу.

Ну, ничего. В царство мертвых он прибудет не пешком, и то хлеб. Темнота навалилась с новой силой, она словно засасывала Рода, но все же в полузабытьи он чувствовал, что шея чудовища клонится книзу, ниже... еще ниже... в потусторонний мир...

Его ноги коснулись пола и — о чудо! — выдержали его вес. Забрезжил свет во мраке, стал ярче, еще ярче... и вот Род увидел у своих ног поверженного дракона.

Темнота отступила окончательно, свет озарил гранитные стены, плетеные украшения. Стена прекратила кружение, застыла на месте.

Окраска дракона, валявшегося у ног Рода, померкла, его очертания сгладились, замерцали, и вскоре он исчез, как будто и не было его. Там, где только что лежало чудовище, Род видел только серые каменные плиты.

Он осмотрел себя. Камзол цел — ни дырочки. На нем самом — ни пятнышка крови, ни царапинки.

Род ощупал локоть, ожидая, что ощутит боль от ушиба. Никакой боли.

Голова ясная, не кружится, не болит.

Род медленно разыскал взглядом Пака.

Эльф смотрел на него, выпучив полные сострадания глаза. Как ни странно, он не улыбался.

Род закрыл лицо ладонями, отнял руки, снова посмотрел на эльфа.

— Волшебство? — спросил он.

Пак кивнул.

Род отвел взгляд.

— Ну, спасибо, удружил, — процедил он сквозь зубы.

— Это было необходимо тебе.

Род расправил плечи и, поглубже вдохнув, осведомился:

— Если я не запамятовал, тебя просили что-то мне передать.

Пак снова кивнул:

— Тебя призывают на шабаш.

Род нахмурился, покачал головой:

— Я — не их поля ягода.

Бром хохотнул, и звук его хохота был подобен грохоту переворачивающегося вверх тормашками дизельного грузовика.

— Как раз наоборот. Очень даже их поля! Ты ведь чародей!

Род собрался было ответить, но передумал и закрыл рот, клацнув зубами. Примирительно подняв руки, он сказал:

— Ладно, будь по-вашему. Вы только не ждите, что я сам в это поверю.

— О, хотя бы ты не отрицай этого. — Тоби налил Роду полную кружку горячего, пахучего глинтвейна. — О том, что ты — чародей, мы знали еще до того, как узрели тебя.

Род пригубил вино и огляделся по сторонам. Если он принял прошлое ночное сборище за вечеринку, то тем лишь продемонстрировал свое невежество. То были — так, мелкие посиделки. Вот на этот раз ребятки и вправду решили повеселиться на славу.

Род обернулся к Тоби. Для того чтобы слышать собственный голос, ему пришлось перейти на крик.

— Ты меня пойми правильно, я вовсе не намерен выступать в роли грелки со льдом, но по какому случаю такое празднество?

— Как так — по какому? Королева жива! — воскликнул Тоби. — А ты — герой нынешней ночи! Ведь это ты изгнал баньши!

— Герой... — эхом отозвался Род и кисло улыбнулся. Поднял кружку, прихлебнул вина.

И вдруг резко опустил кружку, расплескал глинтвейн, закашлялся.

— Тебе дурно? Что с тобой? — участливо осведомился Тоби и принялся колотить Рода по спине. Тот хрипел и задыхался.

— Не надо, — наконец проговорил он и заслонился рукой. — Я в порядке. Просто подумал кое о чем, вот и все.

— И что же за мысль посетила тебя?

— Что эта ваша баньши — не настоящая.

Тоби выпучил глаза:

— Что ты такое городишь?

Род обнял Тоби за плечи и притянул к себе.

— Послушай, — прошептал он юноше на ухо, — баньши ведь появляется только перед чьей-нибудь смертью, верно?

— Верно, — заинтригованно отозвался Тоби.

— Перед чьей-нибудь смертью, — повторил Род, сделав ударение на последнем слове, — а не всякий раз, когда кому-то только грозит гибель. И королева жива по сей день!

Тоби отстранился, зачарованно глядя на Рода.

Тот улыбался, в глазах его танцевали отблески пламени факелов.

— Баньши должна появляться только тогда, когда смерть неизбежна.

С этими словами он развернулся и окинул взглядом огромный башенный зал. Ведьмы плясали на стенах и потолке, изредка — на полу, в воздухе, послав куда подальше все законы гравитации, и выделывали при этом такие выкрутасы, от которых бы у змеи уже в трех местах позвоночника начался бы злейший радикулит.

Род вернулся взглядом к Тоби, задумчиво приподнял бровь.

— А тут, как я погляжу, на похороны и вовсе не похоже.

Томи нахмурился было, но тут же усмехнулся:

— Эх, не видал ты лучших деньков в Грамерае... — проговорил он. — Однако ты прав, нынешней ночью мы празднуем жизнь, а не смерть.

Род ухмыльнулся, снова солидно отхлебнул из кружки и отер губы тыльной стороной ладони.

— Теперь другой вопрос. Если эта ваша плакальщица фальшивая, кто ее сюда засылает?

У Тоби отвисла челюсть, он в ужасе вытаращил глаза.

— Приведи мне Олдис! — крикнул ему Род.

Тоби закрыл рот, судорожно вдохнул и кивнул, потом прикрыл глаза, и через мгновение рядом с ними откуда ни возьмись появилась Олдис. Она ловко спланировала на пол и оперлась на древко своей метлы.

— Что вам угодно? — тяжело дыша, проговорила она, раскрасневшись, глаза ее весело сверкали. Глядя на нее, Род вдруг затосковал о прошедшей юности.

Он склонился к девушке:

— Попробуй настроиться на Дюрера, главного советника Логира.

Девушка кивнула, зажмурилась. Миновало несколько мгновений. Она открыла глаза и в страхе уставилась на Рода:

— Они очень злы из-за того, что королева не умерла. Но еще больше они злы из-за того, что не ведают, кто возвел баньши на крышу замка этой ночью.

Род кивнул. Губы его вытянулись в ниточку. Он залпом допил остатки глинтвейна, развернулся и направился к лестнице.

Тоби догнал его и схватил за рукав:

— Куда ты?

— На крышу, — откликнулся Род. — Где же еще искать баньши?

Ночной ветер, забираясь под одежду, леденил кожу. Род вышел на крышу и пошел вдоль зубчатого парапета. Перед ним ползла его длинная тень — одна из лун освещала его со спины.

Зубцы раскинулись во все стороны, словно ряды клыков какого-то громадного чудовища.

— Векс, — негромко окликнул Род.

— На связи, Род, — отозвался голосок у него за ухом.

— Тебе не кажется, что баньши предпочитает какой-то особый участок крыши?

— Так и есть, Род. За период нашего пребывания в Грамерае баньши появлялась исключительно у подножия восточной башни.

— Всегда?

— Всегда, хотя наблюдений для точного ответа недостаточно.

Род повернул налево и направился в сторону восточной башни.

— Ладно, давай накапливай наблюдения. А я пока попытаюсь что-нибудь предпринять.

— Хорошо, Род, — ответил робот, неизвестно каким образом придав своему синтезированному голосу смирение мученика.

Род подошел к зубчатому парапету, посмотрел вниз, на раскинувшийся вокруг крепостного холма город. Длинная белесая дорога вилась от края города к подъемному мосту. Тут и там горели тусклые окна придорожных кабачков.

Где-то дальше, в самом гниющем чреве города, словно базальтовая надгробная глыба, таился Дом Кловиса.

Чьи-то шаги за спиной, какой-то скрежет. Род пригнулся, принял боевую стойку, выхватил кинжал.

Одолев последнюю ступень винтовой лестницы, на крышу выбрался Большой Том. Он что-то держал на согнутой в локте руке. Слуга Рода стоял, стреляя по сторонам глазищами, с хрипом вдыхая ночной воздух.

Развернувшись, он заметил Рода и пустился к нему бегом. Физиономия его выразила искреннее облегчение.

— Ой, хозяин, вы целы и невредимы!

Род успокоился, выпрямился, сунул кинжал в ножны.

— Конечно, невредим! Но ты здесь что забыл, Большой Том?

Верзила остановился. На губах его играла неловкая усмешка. Он уставился в каменные плиты крыши, зашаркал подметками.

— Да я... хозяин... слыхал, будто... Словом. Я... — Он поднял глаза к Роду и затараторил: — Нельзя вам связываться с баньши, хозяин, а уж ежели связываться, то одному — ну никак нельзя!

Род долго изучающе глядел на верзилу, гадая, откуда у того такая самоотверженная преданность.

Наконец Род добродушно усмехнулся:

— Да у тебя поджилки трясутся от одной только мысли об этом чудовище, и все-таки ты решил не пускать меня одного? — Он похлопал Тома по плечу. — Ладно, тогда пошли, Большой Том. Если хочешь знать, я искренне рад тому, что ты будешь сопровождать меня.

Том неловко улыбнулся и снова потупился. При лунном свете судить наверняка было трудно, но Роду показалось, что его верный слуга слегка покраснел.

Род развернулся и направился к башне. Том поплелся рядом с ним.

— Вы, хозяин, накинули бы плащик, а то еще простудитесь ненароком, — сказал слуга и набросил на плечи Рода плащ.

«Какая теплая, дружеская забота», — подумал Род, поблагодарив Большого Тома. Он на самом деле был до глубины души тронут тем, что этот неуклюжий орангутанг так печется о нем. Однако он прекрасно понимал и другое: в плаще ему будет куда труднее орудовать кинжалом. Наверняка Том это тоже отлично понимал.

— Вам не страшно, хозяин?

Род сдвинул брови и задумался над вопросом слуги.

— Да не так чтобы очень. В конце концов, пока ведь баньши никому ничего дурного не сделала. Ведь она... скажем так... всего лишь предвестница беды, верно? Пророчит смерть и всякое такое.

— И все равно это дивно, что вы не страшитесь. Куда разумнее вам пойти там, где башня отбрасывает тень, а, хозяин?

Род нахмурился и присмотрелся к густой тени у подножия башни.

— Нет. По возможности буду держаться на свету. Мне это как-то всегда больше нравилось.

Большой Том помолчал, неотрывно глядя на тень.

— И все-таки, — сказал он, — порой бывает так с человеком, что и сквозь тень пройти надобно.

Том изумленно глянул на своего слугу. Это ведь была самая настоящая аллегория! Из уст безграмотного крестьянина. Вот это да!

Он кивнул, придав своему лицу настолько серьезное выражение, что глянь на него сейчас кто-то со стороны, непременно расхохотался бы.

— Верно, Большой Том, — согласился Род. — Случается так, что приходится выбрать ту или иную сторону дороги. Я-то больше привык на обочину не сходить. Свет мне больше по душе. — Он усмехнулся. — Хорошая защита от злых духов.

— Духов! — фыркнул Том и быстро, не очень весело улыбнулся. Отвернувшись и нахмурившись, он добавил: — Только знаете, хозяин, посередине дороги ходить не всегда так уж спокойно. Напасть-то ведь на тебя с обеих сторон могут. Вот тогда уж не скажешь, какая сторона тебе милее — правая иль левая.

— Это точно, — согласился Род. — Зато можно честно сказать: «Мне милее середина». Что же до нападения... ну, знаешь, если дорога правильная, то посередке всегда повыше получается. Мостовая уходит вправо и влево под уклон, и тот, кто шагает по самой середине, может заметить, где устроили засаду его враги. А вот обочины отличаются предательскими свойствами. Нет, это ненадежная позиция. Вот почему немногие осмеливаются ходить по обочинам.

Они еще немного продвинулись вперед в молчании, а потом Род спросил:

— Ты про диалектический материализм когда-нибудь слыхал, Том?

— Чего-чего? — Верзила даже вздрогнул от изумления, настолько его шокировал вопрос хозяина. Он выругался, помотал головой и, придя в себя, пробормотал: — Нет, хозяин, нет, сроду не слыхивал!

«Ну естественно», — подумал Род, а вслух сказал:

— Эта философия, Большой Том, когда-то была распространена на Терре. Ее корни уходят глубоко в Темные века, но некоторые люди до сих пор ее придерживаются.

— А «Терра» — это что такое, хозяин? — смущенно осведомился Том.

— Мечта, — вздохнул Род. — Легенда.

— И вы — один-единственный человек, кто ею живет, хозяин?

Род непонимающе глянул на слугу:

— Чем живет? Мечтой о Терре?

— Да нет, вот этой самой фи-ло-со-фи-ей. Как вы там сказали-то? Диалек... Что это за колдовство такое, я не понял?

— Диалектический материализм? — усмехнулся Род. — Да нет, я бы не сказал, что я живу по его законам, но нахожу некоторые из понятий этого учения очень удобными. К примеру, идею синтеза. Ты знаешь, что такое синтез, Том?

— Нет, хозяин, не знаю. — Большой Том ошарашенно помотал головой, широко раскрыл глаза.

Изумление по крайней мере было неподдельным. Наверняка меньше всего Большой Том ожидал, что его хозяин сейчас примется выкладывать ему азы тоталитаристской философии.

— А это как раз и есть середина дороги, — сказал Род. — Правая сторона — тезис, то бишь утверждение, а левая — антитеза, противоречие. Соедини их — вот тебе и синтез.

— Понял, — яростно кивнул Большой Том.

«Туповатый крестьянин, а на редкость сообразителен», — подумал Род и продолжал:

— И тезис, и антитеза частично ошибочны. Надо отбросить все фальшивое, а истинные части соединить, то есть отобрать из того и другого самое лучшее, назвать результат синтезом, вот тебе и истина. Понятно?

Взгляд Тома стал настороженным. Он начал догадываться, к чему клонит хозяин.

— Так что синтез — это середина дороги. И честно говоря, жутко неудобная вещь. — Род взглянул вверх. Над ними возвышалась громада восточной башни. Том и Род стояли в ее тени. — Ну, ладно. Хватит философствовать. Пора браться за дело.

— Воззовем к Небесам, чтобы баньши не явилась нам! — простонал Большой Том.

— Не бойся. Она появляется только раз в день, по вечерам, дабы предсказать смерть в ближайшие сутки, — успо-

коил его Род. — Так что до завтрашнего вечера можно не опасаться ее появления.

В тени послышался шорох. Большой Том отпрыгнул назад, в руке его неожиданно блеснул нож.

— Баньши!

Род тоже выхватил клинок, обшаривая взглядом тени. И вот он заметил две красные точки у самого подножия башни.

Род пригнулся и крадучись, медленно тронулся вперед, на ходу перебрасывая клинок из левой руки в правую.

— Объявись, — процедил он сквозь зубы, — или тебе конец!

Послышался писк и скрежет, и мимо людей пробежала большущая крыса. Она тут же затерялась в тени, отбрасываемой парапетом.

Большой Том судорожно выдохнул:

— Святые да хранят нас! Это просто крыса!

— Угу, — кивнул Род и, всеми силами стараясь унять дрожь в руках, убрал кинжал в ножны. — Тут, похоже, крыс — хоть пруд пруди.

Большой Том выпрямился. Тревога на оставила его.

— Но что-то я такое заметил, когда крыса пробежала мимо меня... — Род умолк, опустился на колени возле парапета и осторожно пробежался по камням кончиками пальцев. — Вот оно!

— Что там такое, хозяин? — спросил Большой Том, обдав Рода запахом чеснока.

Род взял верзилу за руку и приложил к своей находке. Том охнул и отдернул руку.

— Холодное чего-то, — дрожащим голосом выговорил он. — Холодное, гладкое и... оно меня укусило!

— Укусило? — переспросил Род, нахмурился и провел пальцами по поверхности металлической коробки. И действительно: он почувствовал легкий удар током и отдернул руку. Кто бы ни собирал эту штуковину, видимо, это был не слишком опытный любитель. Даже нормального заземления не предусмотрел.

Если знать, где искать коробку, найти ее не составляло особого труда. Она была изготовлена из светлого металла, имела восемь дюймов в длину и два в высоту и при этом была так врезана в камень, что ее верх и передняя панель шли вровень с ним. Коробка была спрятана ровнехонько посередине между двумя зубцами стены.

А вообще, если задуматься, быть может, огрех с заземлением был предусмотрен — чтобы отпугнуть любопытствующих.

Род вынул из ножен клинок и порадовался тому, что кожаная рукоятка обеспечит ему изоляцию. Он осторожно подцепил кончиком лезвия переднюю панель коробки.

Панель довольно легко открылась, стала видна серебристая паутина печатной микросхемы, а также плоская квадратная коробочка питающего устройства. Но какое все миниатюрное — не больше ногтя на большом пальце!

У Рода волосы на затылке встали дыбом. Кто бы ни собрал эту штуковину, он наверняка гораздо лучше был подкован в молекулярной электронике, чем инженеры на родине Рода!

Но зачем было упаковывать такое крошечное устройство в такой большой корпус?

Остальное пространство металлического ящика было заполнено каким-то механизмом, на вид Роду совершенно непонятным.

Он осмотрел верх ящика. Посередине располагался прозрачный круг. Род нахмурился. Ничего подобного он прежде в глаза не видел. По всей вероятности, это устройство являлось частью системы с дистанционным управлением, а ее механическая часть представляла собой... что?

— Хозяин, что это такое?

— Понятия не имею, — пробормотал в ответ Род. — Но есть у меня смутное подозрение, что это каким-то образом связано с баньши.

Он принялся осторожно зондировать механизм кончиком кинжала, пытаясь обнаружить подвижные детали. Ощущения у него были самые невеселые: эта штуковина зап-

росто могла оказаться взрывным устройством, способным разнести весь замок вдребезги.

Но вот кончик лезвия наконец что-то обнаружил. Устройство издало негромкий щелчок и еле слышно зажужжало.

— Бегите, хозяин! — крикнул в ужасе Большой Том. — Это злое колдовство!

Но Род с места не тронулся, боясь пошевелить рукой и потерять найденную точку контакта.

Из прозрачного круга потянулась струйка дыма, поднялась на десять футов в воздух и опустилась. Менее чем за минуту над устройством образовалось плотное облачко дыма.

Послышался новый щелчок — на сей раз он прозвучал дальше, откуда-то спереди, и от наружной поверхности стены вверх устремился лучик света, озаривший облако дыма. Затем луч развернулся, приобретя форму веера.

Большой Том в страхе взвыл:

— Баньши! Бегите, хозяин, спасайтесь!

Род поднял глаза и увидел, что над ним возвышается десятифутовая фигура баньши. Ему показалось, что он даже чувствует исходящий от ее изодранного, истлевшего савана трупный смрад.

Открылась кроличья пасть, обнажились острые длинные клыки. Ожил скрытый динамик. Еще чуть-чуть — и страшное видение примется выть и стонать.

Род на четверть дюйма приподнял клинок. Луч света померк, шипение механического дымового устройства утихло.

Над крышей свистел ветер. Он быстро разогнал последние остатки дыма.

Род неподвижно стоял на коленях. Взгляд его был по-прежнему устремлен вверх. Наконец от встряхнулся, поднял с крыши переднюю панель и установил ее на место.

— Хозяин, — прошептал Большой Том. — Это... что такое... было?

— Колдовская мерзость, — отвечал Род. — А баньши, которую вызывали с ее помощью, была ненастоящая.

Он встал и забарабанил по камню кончиками пальцев, потом в сердцах ударил по зубцу стены кулаком.

— Делать нечего, — вздохнул он. — Иди сюда, Большой Том. Держи меня за ноги, да покрепче.

Род лег на живот между двумя гранитными зубцами. Колени его при этом оказались выше дымового устройства.

— Что мне делать, хозяин?

— За ноги меня держи, сказал! — буркнул Род. — Мне надо стену снаружи осмотреть. Держи крепче, а не то я в ров свалюсь, и поминай как звали! — Том не отозвался. — Ну, давай же, чего стоишь? — Род оглянулся через плечо. — Не всю же ночь нам тут торчать?

Большой Том медленно приблизился. Силуэт его в свете луны смотрелся довольно-таки зловеще. Его здоровенные ручищи крепко обхватили лодыжки Рода.

Род пополз вперед. Наконец его голова оказалась за краем стены.

Там, прямо под его подбородком, обнаружилась маленькая квадратная коробочка с коротким цилиндром, направленным вверх. Миниатюрный проектор, пускающий в облако дыма видеозапись изображения баньши и создающий трехмерную иллюзию. Очень компактный проектор, подвижный экран. Полная возможность дистанционного управления.

Откуда, вот вопрос.

Род выгнул шею. Ничего. Кругом сплошной серый камень.

— Крепче держи, Большой Том.

Род продвинулся на дюйм вперед, всей душой надеясь, что слуга не обманет его ожиданий.

Род замер только тогда, когда высунулся за стену по пояс. Внизу, под ним, тускло мерцала вода во рву.

Он посмотрел вниз.

Высоко, ох, как высоко! А вдруг он заблуждается на предмет верности своего слуги? Вдруг тот возьмет да и разожмет пальцы?

Что ж... если такому суждено случиться, Векс отправит сообщение в штаб-квартиру АБОРТ, и оттуда пришлют но-

вого агента. Волноваться положительно не о чем — в плане успеха общего дела.

За спиной слышалось хриплое, натужное дыхание Большого Тома.

«Давай шевелись, парень!» — мысленно поторопил себя Род и внимательно осмотрел стену.

Вот она! Прямо под проектором — глубокая серебристая чаша, вмурованная глубоко в стену. Гиперболическая антенна.

«А почему гиперболическая?» — задумался Род.

А потому, что тот радиосигнал, благодаря которому приводился в действие механизм проектора, должен был быть очень слабеньким — таким, чтобы его невозможно было засечь на прямой линии между передающей антенной и принимающей.

Стало быть, для того, чтобы обнаружить передающую антенну, нужно было всего-навсего провести прямую линию вдоль оси антенны принимающей.

Род так и сделал. Взгляд его устремился вдоль этой самой оси. Сделав скидку на параллакс, он обнаружил, что видит перед собой полуразрушенную громаду Дома Кловиса.

Мгновение он просто остолбенело смотрел в ту сторону. Значит, все-таки не советники!

Но тут он вспомнил попытку Дюрера отравить королеву за завтраком и предыдущую мысль несколько подправил: советники, но не всегда.

А если задуматься хорошенько, то фокус со сковородой-грелкой куда легче было провернуть кому-нибудь из прислуги, чем любому из советников.

Размышления Рода резко прервались. Он почувствовал, как дрожат от натуги руки Большого Тома, сжимавшие его лодыжки.

«Черт подери, не так я много вешу», — возмутился он мысленно и подался назад.

Похоже, втянув его на крышу, Большой Том облегченно вздохнул, а может быть, Роду это просто послышалось.

Он встал на ноги и обернулся. По физиономии Большого Тома стекали струйки пота, а сама физиономия сильно напоминала плохо вымытое блюдо. Нижняя губа слуги Рода выразительно дрожала, он шумно выдохнул.

Род пристально смотрел в глаза Тома, не говоря ни слова.

Наконец он еле слышно буркнул:

— Спасибо.

Том еще пару мгновений глядел на хозяина, а потом отвел взгляд и, отвернувшись, пошел прочь от стены.

Род нагнал его.

На полпути до лестницы, ведущей вниз, Том отважился поинтересоваться:

— А знаете, кто там поставил эту колдовскую штуковину, хозяин?

Род кивнул:

— Дом Кловиса.

Подметки их сапог, стуча по камням, издавали гулкое эхо.

— А почему же вы не изничтожили это дьявольское творение?

Род пожал плечами:

— А зачем? По нему так хорошо судить, что королеве грозит опасность.

— А кому вы про это расскажете?

Род задумчиво посмотрел на звездное небо.

— Моему коню, — растягивая слова, отозвался он.

— Коню? — нахмурился Большой Том.

— Ну да, моему коню. И больше никому, пока точно не пойму, за кого стоит Туан Логир — за королеву или против нее.

— Угу, — кивнул Большой Том. Похоже, это объяснение его вполне удовлетворило.

Род мысленно приподнял на ступень выше свою оценку в отношении Большого Тома. Видимо, тот понимал, что происходит, и понимал получше самого Рода.

А Большой Том молчал до самой лестницы. Только тогда, когда они подошли к люку, ведущему к лестничному колодцу, Том решился подать голос:

— А ведь вы нынче ночью были на волосок от смерти, хозяин.

— Да нет, вряд ли, — покачал головой Род и прислонился спиной к стене. — Это ведь была ненастоящая баньши, она не могла причинить нам зла. Да и потом, я знаю такое заклинание, с помощью которого от нее можно избавиться.

— А я не про баньши, хозяин.

— Знаю, — в упор посмотрел на Тома Род, развернулся и пошел вниз по лестнице.

Он одолел шесть ступеней и только тут понял, что Большой Том за ним не пошел.

Род оглянулся через плечо. Том, разинув от изумления рот, пялился на него.

Но вот рот его закрылся, лицо похолодело.

— Вы знали, какая опасность вам грозила, хозяин?

— Знал.

Том медленно, заторможенно кивнул, потупился и последовал за Родом.

— Хозяин, — сказал он, когда они с Родом одолели первый пролет, — вы или самый храбрый человек на свете, или самый большой дурак.

— Скорее всего и тот, и другой, — отозвался Род, внимательно глядя на освещенные факелами ступени.

— Вам бы надо было прикончить меня, как только вы догадались, — сокрушенно проговорил Том.

Род молча покачал головой.

— Почему вы не сделали этого?

Род запрокинул голову назад и вздохнул:

— Давным-давно, Том, далеко-далеко отсюда...

— Не время сейчас сказки рассказывать!

— А это не сказка. Это легенда такая, хотя... кто знает? Может, и чистая правда. Словом, император по имени Хидэёси* правил страной под названием Япония, и был в этой стране самый великий князь по имени Иэясу**.

---

* Тоётоми Хидэёси (1536–1598) — японский полководец, один из трех объединителей страны.

** Токугава Иэясу (1542–1616) — второй из трех объединителей Японии, основатель династии Токугава.

— И этот князь пожелал стать королем.

— Как я посмотрю, ты в этом кое-что смыслишь. Но Хидэёси не желал убивать Иэясу.

— Ну и дурак, — проворчал Том.

— Нет. Просто он нуждался в поддержке Иэясу. И вот как-то раз он позвал Иэясу прогуляться с ним вместе по саду. Пошли только они вдвоем, больше никого не было.

Том остановился и посмотрел на Рода. Глаза его в свете факелов сверкали.

— И они подрались.

Род покачал головой:

— Нет. Хидэёси стал говорить о том, что он постарел и стал слаб, и попросил, чтобы Иэясу понес вместо него его тяжелый меч.

Том выпучил глаза, сглотнул слюну и кивнул:

— Ага. И что потом?

— Ничего особенного. Они поболтали о том о сем, а потом Иэясу отдал Хидэёси его меч, и они вместе вернулись во дворец.

— И?..

— И Иэясу был верен императору до самой его смерти.

Большой Том, не мигая, смотрел на Рода. Казалось, он целиком вырезан из дерева.

Наконец он кивнул, поджав губы:

— Риск, но с расчетом.

— А ты высокопарно выражаешься, хоть ты простой крестьянин, Том.

Том скривился, отвел взгляд и обогнал хозяина. Род пару мгновений смотрел ему вслед, потом последовал за ним.

До комнаты стражников оставалось несколько шагов, когда Том остановился и робко положил руку на плечо Рода. Род обернулся и посмотрел на слугу.

— Кто вы такой? — басовито проворчал Том.

Род усмехнулся краешком губ:

— Хочешь спросить, кому я служу? Только себе самому, Большой Том.

— Нет. — Том покачал головой. — В такое я ни за что не поверю. Только я вас не про то спросил.

— А про что? — вздернул брови Род.

— Я про то, что вы за человек такой?

Род нахмурился:

— А что во мне такого странного?

— Да есть кое-что. Вот не убили же вы крестьянина, хоть и было за что.

Род пожал плечами:

— А что, это не по правилам?

— Еще как не по правилам. И еще... вы готовы за слугу заступиться. Вы ему доверяете. И разговариваете с ним, а не только приказы даете. Так кто вы такой, Род Гэллоуг-ласс?

Род покачал головой и растерянно развел руками:

— Человек. Просто человек.

Том долго не сводил с него глаз.

— Это точно, — кивнул он наконец. — Считайте, вы мне ответили.

Он отвернулся к двери и распахнул ее перед Родом.

— Гвардеец Гэллоугласс, — возвестил ожидавший Рода паж, — тебя зовет королева.

Одно из величайших и совсем недорогих сокровищ на свете — предрассветные сумерки. Мир покоится под светлеющими небесами в ожидании солнца — прохладный, полный свежести, осененный трепетным щебетом птиц.

Большой Том радостно, глубоко, словно впервые в жизни, вдохнул утренний воздух.

— Эй, хозяин! — воскликнул он, обернувшись через плечо. — Вот ведь красотища какая!

Род ответил слуге вымученной, вялой усмешкой. Том ехал впереди, что-то весело и с чувством напевая, хотя и жутко привирая.

Увы, Род пребывал совсем не в том расположении духа, какое способствовало бы любованию красотой рассвета. За последние двое суток он спал всего-то часа три.

А еще Катарина...

Их беседа была короткой и невеселой. Королева приняла Рода в кабинете и все время разговора смотрела на пламя

в камине, а на своего телохранителя даже не взглянула. Лицо ее было холодно, губы плотно сжаты.

— Я в тревоге за моего дядю Логира, — сказала она. — В его окружении есть люди, которые возрадовались бы, если бы его старший сын стал герцогом.

Род отозвался столь же холодным, формальным тоном:

— Если он умрет, вы потеряете самого верного друга среди лордов.

— Я потеряю того, кто дорог мне, — строго бросила королева. — Дружбой лордов я не дорожу, но меня очень тревожит судьба моего дяди.

На взгляд Рода, это вполне походило на правду и делало честь Катарине как человеку, а также говорило о ее гуманности как правительницы.

— Изволь, — распорядилась она, — отправиться нынче же на юг, в вотчину Логира. И изволь проследить, чтобы с ним не случилось никакой беды.

Вот, собственно, и все — за исключением холодных, опять-таки формальных прощальных фраз. Нет никого упрямее оскорбленных женщин. Вот ведь глупость, глупее не придумаешь: решила отослать куда подальше своего самого надежного телохранителя!

— Векс?

— На связи, Род.

Конь повернул голову и посмотрел на седока.

— Векс, знаешь, по-моему, я самый большой осел на свете.

— Ты — великий человек, Род, ты происходишь из семейства великих людей.

— О да, уж так я велик — дальше некуда! Явился сюда, чтобы преобразить это несчастное королевство в конституционную монархию, и вот теперь плетусь на юг — в то время, когда советники разносят в пух и прах последнюю возможность какой-либо конституционности, а Дом Кловиса того и гляди прикончит монарха!

Тащусь на юг в сопровождении слуги, который с превеликой радостью вгонит мне нож под ребро, ежели чувство долга в нем возобладает над совестью хоть на полминуты.

А чего я добился? Выяснил, что тут кишмя кишат призраки, эльфы, ведьмы и уйма прочих чудищ, которых и быть на свете не должно. Тебя сколько раз до припадков довел, а самое главное — такая красотка сама бросилась мне в объятия, а я ее оттолкнул! Вот оно — мое величие, во всей своей красе! Будь я хоть капельку поумнее, я бы уже сейчас сумел все сделать, как надо. Векс, а может, лучше было бы бросить все, к чертям собачьим?

Робот в ответ негромко запел:

Жизнь моя — одни печали,
Жизнь моя — одна беда...

— О-о-о! — простонал Род. — Заткнись лучше!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЛКОПОМЕСТНАЯ КОЛДУНЬЯ

Рассвет застиг спутников посреди наполовину скошенных заливных лугов. Траву покрывала утренняя роса. Въехав на пригорок, Род обозрел окрестности. Во все стороны тянулись поля, обрамленные невысокими плетнями. Там и сям виднелись купы деревьев, черневшие на фоне рассветных небес.

— Большой Том!

Том повернулся в седле и оглянулся. Увидев, что Род остановился, слуга тоже придержал свою кобылу.

— Завтракать! — прокричал Род и, спешившись, повел Векса под уздцы к груде валунов на краю зарослей граба. Том пожал плечами и развернул лошадь.

К тому времени, когда Том расседлал свою клячу и отпустил пастись, Род успел развести костерок. Верзила с изумлением понаблюдал за тем, как Род вытаскивает из седельной сумки сковороду и кофейник, а потом отвернулся, недоверчиво покачал головой, отошел в сторонку и уселся на поваленное дерево. Принюхавшись к запаху жарящейся ветчины, он вздохнул и вытащил из-за пазухи сверток с дорожными припасами.

Род глянул на слугу, нахмурился. Большой Том сидел на бревне, жуя сухарь и запивая его элем из кожаного бурдюка. Род негромко выругался и крикнул:

— Эй!

Его окрик пришелся не совсем кстати. Бедняга Том захлебнулся элем, поперхнулся сухарной крошкой и закашлялся.

— Чего, хозяин? — наконец выдавил он.

— Ты что, брезгуешь моим пропитанием?

Большой Том от удивления раскрыл рот.

— Ну давай, иди сюда! — Род нетерпеливо махнул рукой. — И сухари свои прихвати, мы их обжарим в жире от бекона — пальчики оближешь!

Большой Том несколько раз открыл и закрыл рот, став от этого похожим на большую рыбину, выброшенную на берег. Наконец он растерянно кивнул и поднялся.

Вода закипела. Род приоткрыл крышку кофейника и всыпал туда пригоршню кофе. Большого Тома он встретил взглядом из-под нахмуренных бровей.

— Ты на что пялишься, Том? Костра не видал?

— Вы... вы позвали меня поесть вместе с вами, хозяин!

Рот ругнулся.

— Это что же, чудо какое-то немыслимое? Ну-ка, дай мне хлебнуть из твоего бурдюка, а то я пыли наглотался — будь здоров.

Том кивнул, не спуская глаз с Рода, и послушно протянул ему бурдюк. Род отхлебнул эля, глянул на слугу и снова нахмурился:

— Да в чем дело-то? Ты что, в первый раз видишь, как человек эль пьет? А я кто такой, по-твоему? Чудище из сказки?

Том захлопнул рот, взгляд его помрачнел.

А потом он усмехнулся, расхохотался и уселся на камень.

— Да нет, хозяин, нет! Просто вы на редкость добрый человек, вот и все. Вот и все, ей-богу!

Род сдвинул брови.

— Это что же во мне такого редкостного?

Том бросил на сковородку два сухаря и, ухмыляясь, поднял глаза к Роду.

— А в нашей стране, хозяин, господа со слугами вместе не кушают.

— А, вот ты о чем! — отмахнулся Род. — Так ведь тут больше нету никого, Большой Том, так что к чему морочить себе голову такими глупостями?

— Ну вот, — хихикнул Большой Том. — Я и говорю: такого человека, как вы, хозяин, еще поискать надо.

— И такого дурака, верно? — Род выложил жареный бекон на деревянные тарелки. — Есть придется с ножей, Большой Том. Давай угощайся.

Ели молча. Род не отрывал взгляда от тарелки, Том рассеянно жевал и обозревал окрестности.

Перед ними простиралась небольшая долина. Кое-где, в низинах, еще клубился предутренний туман, ловивший, словно в силки, солнечные лучи. Солнце уже встало за холмами и золотило клубы тумана.

Том, жуя, улыбнулся и указал большим пальцем на долину:

— Гляньте-ка во-он туда, хозяин. Туда, где радуга концом в траву упирается.

— Гм? — Род вскинул голову и кисло усмехнулся. Он искренне полагал, что не заслуживает даже того, чтобы любоваться природой.

Том выразительно рыгнул и поковырялся в зубах концом кинжала.

— Золотой туман, хозяин, а за туманом небось золотые барышни прячутся.

Род торопливо проглотил кусок мяса и запротестовал:

— О нет! По дороге туда — никаких шур-мур, Большой Том! Нам нужно как можно скорее доскакать на юг!

— Ой, хозяин! — вскричал Том обиженно. — Да что такого стрясется, коли мы передохнем пару-тройку часов? И потом, — он подвинулся ближе к Роду и шутливо поддел его локтем, — вы-то меня точно обставите. Какая барышня устоит против чародея? Ой, чего это с вами, хозяин?!

Род захрипел и принялся колотить себя по груди:

— Да... крошка не в то горло... попала! Том, будь ты неладен! В тридесятый раз тебе повторяю: никакой я не чародей!

— Ну, ясное дело, кто спорит? — с широченной улыбкой кивнул Том. — Только врун из вас такой же хороший, как палач.

Род сдвинул брови.

— Да я тут еще ни одного человека не убил!

— А я про что?

— О-о-о... — беспомощно простонал Род и устремил взгляд вдаль. — Знаешь, Том, любовник из меня тоже никудышный.

Верзила наклонился, нахмурился и пытливо всмотрелся в глаза Рода:

— Провалиться мне на этом самом месте, а ведь вы не врете!

— Вот те крест — не вру.

Том отодвинулся. Задумчиво поглядывая на хозяина, он подбрасывал свой кинжал, ловя его попеременно то за кончик, то за рукоятку.

— Правду вы говорите, это верно. Только вам оно так кажется. — Он наклонился и доверительно проговорил: — А потому осмелюсь я, хозяин, дать вам совет один.

Род от души рассмеялся:

— Ладно, чего там! Давай советуй. Расскажи мне, как это делается.

— Нет. — Том помахал рукой. — Как делается — это вы, поди, и так знаете. Я вас, хозяин, хочу остеречь по части крестьянских девушек.

— Вот как?

— Угу. Они... — Том многозначительно ухмыльнулся. — Ой, они очень даже хороши, хоть и глупенькие. Только... — он нахмурился, — обнадеживать их ни за что нельзя.

Род непонимающе наморщил лоб:

— Это почему же?

— А потому что, оглянуться не успеешь, как тебя схомутают и под венец потащат. И потому любить их — оно, конечно, можно, но только разок, а потом — уноси ноги, да не оглядывайся. А обнадежишь — все, пиши пропало. Так прилипнут, что ни за что не отвяжешься.

Род фыркнул:

— Вот еще! Стану я еще об этом переживать! Ну все, давай допивай кофе да седлай свою клячу.

Они загасили костер, уложили мешки и поехали туда, где клубился золотой туман.

Не успели они проехать и сотни ярдов, когда услышали долгий звонкий окрик.

Род напряженно и встревоженно оглянулся.

Возле стога сена с вилами в руках стояли две пышногрудые молодые крестьянки. Они смеялись и размахивали руками.

Большой Том буквально пожирал их глазами.

— Эй, хозяин! — воскликнул он. — А ведь аппетитные малышки, а?

Девушки и вправду были прехорошенькие, это Род вынужден был признать, вот только малышками он бы их никак не назвал. Обе были широкобедрые, грудастые, на обеих были блузы с низким вырезом и пышные юбки, волосы у девушек были подобраны под косынки, а юбки подоткнуты повыше, чтобы не замочить подол в утренней росе.

Они манили к себе незнакомцев, вызывающе смеясь. Одна подбоченилась и зазывно покачала бедрами.

Большой Том со свистом втянул в себя воздух. Глаза его просто-таки готовы были вылезти из орбит.

— Ой, ну ладно вам, хозяин, — умоляюще проговорил он. — Неужто мы и вправду так спешим?

Род вздохнул, закатил глаза, покачал головой:

— Что с тобой делать... Да и их невниманием обижать негоже. Ладно, Большой Том, так и быть. Поезжай.

Том, испустив радостный вопль, пришпорил свою конягу, та перескочила через придорожную канаву и галопом помчалась по лугу. Том спрыгнул на землю еще до того, как его лошадь пошла трусцой, подбежал к девушкам, ухватил их под бока, приподнял и закружил.

Род покачал головой, помахал рукой Тому и его подружкам и поехал дальше, в поисках ближайшего стога, где смог бы мирно выспаться.

— Род, — прозвучал осторожный голос у него за ухом.

— Да, Векс?

— Твое поведение тревожит меня, Род. Оно неестественно для здорового молодого мужчины.

— Ты не первый, кто мне это говорит, Векс. Однако я последователен и не могу думать о двоих девушках сразу.

Ближайший стожок обнаружился за следующим же плетнем. Род припарковал Векса в тени, и тот, притворившись всамделишным конем, принялся усердно пастись. Род спрыгнул со спины своего верного робота прямо на верхушку стога и, испустив блаженный вздох, провалился в душистое сено. Он наслаждался ароматом свежескошенной травы, этот аромат приносил воспоминания детства — время сенокоса на полях в поместье отца. Вот где был истинный рай, где не было никаких дурацких проблем... ну да, вот таких хорошеньких проблем с бархатными ручками... Одни только роботы...

Род лежал на спине и любовался позолоченными солнцем облаками, плывшими по безмятежно голубому небу, и сам не заметил, как заснул.

Проснулся он довольно внезапно и некоторое время лежал, не шевелясь и гадая, что разбудило его. Он перебрал весь список ощущений, пытаясь понять, которое из них сработало подобно будильнику в его подсознании.

Кто-то находился совсем рядом.

Род резко открыл глаза. Все его мышцы были напряжены и готовы к драке.

Взгляд его уперся в женскую грудь, кокетливо приоткрытую низким вырезом блузки.

Оторвав глаза от этого пасторального зрелища, что потребовало от него недюжинных волевых усилий, Род увидел огромные глаза цвета морской волны, участливо глядящие на него. Глаза были влажные, с длинными ресницами.

Потом Род мало-помалу рассмотрел все остальное: выгнутые дугами брови, вздернутый веснушчатый носик, широкий рот, пухлые алые губы, округлое лицо, обрамленное длинными волнистыми рыжими волосами.

Губки были надутые, а глаза встревоженные.

Род улыбнулся, зевнул и потянулся:

— Доброе утро.

Надутые губки улыбнулись.

— Доброе утро, прекрасный господин.

Девушка сидела возле Рода, упершись в сено одной рукой, и пытливо вглядывалась в его глаза.

— Что же это вы тут почиваете один-одинешенек, господин, когда поблизости женщина только и ждет, чтобы вы кликнули ее?

Род почувствовал себя так, словно в его кровь плеснули какой-то горькой пакости. Его зазнобило, и не сказать, чтобы это был приятный озноб.

Он улыбнулся, всеми силами постаравшись придать улыбке теплоту:

— Благодарю тебя, девушка, но мне нынче не до услад.

Она усмехнулась, но лоб ее по-прежнему был нахмурен.

— И вам спасибо за вашу учтивость, господин, но только слова ваши мне не совсем понятны.

— Почему же, — вздернул брови Род. — Неужто это так уж невозможно, чтобы человек отказался от любовных утех?

Девушка гортанно хохотнула:

— О, отчего же невозможно? Возможно, милорд, да только случается редко. И с крестьянами редко случается, а уж с лордами — и того реже.

— Я не лорд.

— А все-таки человек благородный, это сразу видно. И потому кому, как не вам, девушками интересоваться?

— Вот как? — хмыкнул Род. — И почему же?

Девушка печально усмехнулась.

— Да потому, милорд, что крестьянин боится, как бы его ненароком не оженили против его воли, а лорды такого вовсе не боятся.

Род сдвинул брови и рассмотрел девушку более внимательно. При ближайшем рассмотрении она оказалась не так уж молода. Наверное, ей было лет двадцать девять — тридцать. А для крестьянки при таком общественном строе остаться незамужней в тридцать лет...

Он протянул руку:

— Поди ко мне, красотка.

На миг в глазах девушки зажглась надежда, но тут же сменилась решимостью. Она со вздохом упала в сено рядом с Родом, легла на бок, опустила голову на его плечо.

«Надежда... — думал Род, чувствуя, как девушка все теснее прижимается к нему. — Оставь надежды, отбрось их прочь...»

Он поежился. Девушка приподняла голову и озабоченно спросила:

— Вы озябли, милорд?

Он повернулся к ней, улыбнулся, и его вдруг охватило несказанное чувство благодарности — настолько сильное, что ком к горлу подступил. Род крепко обнял девушку, прижал к себе и прикрыл глаза, чтобы лучше насладиться прикосновением ее тела. Аромат вскружил ему голову — о нет, не аромат розового масла или сирени, а просто солено-сладкий запах женщины.

Боль, о существовании которой он и не догадывался, вдруг отступила.

Девушка льнула к нему. Она сжала в пальцах ткань его камзола, уткнулась лицом в плечо.

Но вот мало-помалу Род расслабился, мышцы его обмякли. Он лежал неподвижно, позволив своему сознанию впитывать окружающий мир. Издалека доносилась птичья трель, ветер о чем-то шептался с листвой деревьев, посвистывал в переплетениях лоз изгородей. Где-то совсем рядом в сене стрекотал кузнечик.

Девушка лежала рядом — мягкая, податливая, руки ее тяжело давили на грудь Рода.

Род не открывал глаза. Солнце пробивалось сквозь ресницы, и он лежал как бы окутанный алым светом и «видел» мир слухом.

Зашуршало сено. Девушка отстранилась и села. Наверное, сидела и смотрела на него сверху вниз. В глазах — боль, губы дрожат, по щеке стекает слеза.

Жалость охватила Рода. Жалость к девушке и злость на себя. Разве она виновата в том, что сейчас ему хотелось только покоя, а никак не любовных утех?

Род открыл глаза, повернулся на бок и осторожно взглянул на незнакомку.

Но нет, в ее взгляде не было обиды, только глубокое, серьезное понимание и забота.

Она стыдливо притронулась к щеке Рода кончиком пальца — легко, почти не касаясь кожи. Он взял ее за руку, прижал к щеке и поразился тому, какая маленькая у нее рука.

Снова закрыл глаза, крепче сжал ее руку.

Вдалеке замычала корова, ветер растревожил поле пшеницы.

Голос девушки прозвучал тихо и очень нежно:

— Милорд, делайте со мною, что хотите. Большего я не прошу.

«Большего я не прошу...» Любви, она хотела любви, пусть всего на минуту, пусть за ней по пятам кралась разлука, пусть, оглянувшись назад, она поймет, что то была вовсе не любовь, а похоть. Пусть ей достались бы только тоска и боль, но она отчаянно хотела любви.

Род смотрел в ее глаза — в ее глазах стояли слезы.

Он снова закрыл глаза и увидел лицо Катарины, а рядом с нею — лицо Туана. Он придирчиво всмотрелся в эти лица и признался себе в том, какая это чудесная пара — прекрасная принцесса и галантный молодой рыцарь.

А потом рядом с лицом Туана возникло его собственное лицо, и некая часть разума Рода приказала: «Сравни!»

Пальцы Рода судорожно сжались, он услышал, как бедная крестьянка негромко вскрикнула от боли.

Он разжал пальцы, посмотрел на нее. И рядом с ней отчетливо увидел лицо Катарины.

Он смотрел на них обеих. Одна принимала от него услуги, другая была готова оказать услугу ему. Внезапный гнев сдавил грудь Рода, гнев на Катарину за ее себялюбие, за ее намерение подчинить весь мир своей воле. Он злился и на эту несчастную крестьянку за ее тупую покорность и решимость отдаться первому встречному, он злился на нее даже за ее тепло и нежность. Злость давила грудь Рода все сильнее. Он злился и на себя самого, на того зверя, что жил внутри него. А его пальцы уже цепко сжали плечи крестьянки, он схватил ее и швырнул на сено. Она ахнула от боли и сдавленно вскрикнула. Но вот его губы с силой прижа-

лись к ее губам. Род сам поражался своей звериной жестокости: он кусал губы девушки, буквально вгрызался в них, потом, грубо надавив на ее подбородок, заставил разжать губы, прижал язык к ее языку. Его руки сновали по ее телу, пальцы цепко сдавливали плоть.

А потом ее ногти вонзились в его спину, и все ее тело изогнулось в одном страшном пароксизме боли. Но вот она обмякла, и грудь ее сотрясли сдавленные рыдания.

Злость Рода превратилась в ничто, но при этом что-то всколыхнула в его душе, и Род ощутил прилив угрызений совести.

Он скатился в сено. Губы его вдруг стали мягкими, нежными, молящими, руки — мягкими и заботливыми. Род тихо, как ребенка, гладил девушку.

Она судорожно вдохнула, тело ее снова напряглось.

«Идиот, — издевательски хохотал внутренний голос. — И зачем тебе вздумалось ее ласкать? Ты ей только еще больнее сделал!»

Род, готовый сгореть со стыда, собрался отвернуться, но все же отважился взглянуть в глаза девушки... и увидел в них неприкрытую страсть, требовательную, призывную. Эта страсть манила его, затягивала в водоворот чувств, охвативших незнакомку. Ее губы, влажные и теплые, разжались, и Род, припав к ним, погрузился в полные света бездны, где не было ни зрения, ни слуха, а одни только прикосновения...

Род оперся на локоть и посмотрел на девушку. Та лежала рядом с ним обнаженная, прикрытая его плащом. Ткань плаща почти не скрывала ее форм, и Род любовно скользил по ним взглядом, впитывая ее красоту, фиксируя ее в памяти. Это было зрелище, которое ему не хотелось бы забыть.

Он нежно ласкал ее. Она улыбалась, бормотала что-то, потом закрыла глаза, повернула голову набок.

А потом открыла глаза и искоса глянула на него. Губы ее припухли и покраснели.

— У тебя изумрудные глаза, — прошептал Род.

Она томительно потянулась, улыбнулась, обвила руками его шею и притянула к себе. Поцелуи ее были медленными, долгими.

Род смотрел в ее глаза, чувствуя себя невероятно счастливым и совершенно примирившимся с миром. Мир? Да пошел этот мир куда подальше!

Не спуская глаз с девушки, Род приподнялся, неторопливо огляделся по сторонам. Над головой — купол голубых небес, рядом — вороха одежды.

Он опустил глаза. Ничего не существовало сейчас, кроме нее, и что удивительно — это Роду было по душе. Его переполнял покой, он чувствовал всю полноту жизни, он был совершенно счастлив, его радовало все — этот мир, эта жизнь, он был един с ними, с Богом, а больше всех — с ней.

Род пробежался пальцами по ее прикрытой плащом груди. Девушка закрыла глаза, сладко заворковала, а когда его рука замерла, открыла глаза и посмотрела на него. Улыбка застыла на ее губах, во взгляд прокралась тревога.

Она испуганно спросила:

— Вам нехорошо, господин?

Он улыбнулся, но взгляд его был серьезен. Приоткрыв глаза, он медленно кивнул:

— Нет. Мне очень хорошо. — Род наклонился и поцеловал девушку — медленно, почти бережно, и отстранился. — Да, мне хорошо, и притом как-то странно... так хорошо мне никогда в жизни не бывало.

Улыбка вновь озарила ее лицо. Но вот она отвела взгляд, посмотрела на свое обнаженное тело, а когда глаза ее снова встретились с глазами Рода, в них затаился страх.

Род заключил ее в объятия и перевернулся на спину. Тело девушки на миг напряглось, но тут же расслабилось. Она тихонько вскрикнула — то ли всхлипнула, то ли вздохнула, уткнулась лицом в плечо Рода и замерла.

Род залюбовался гривой ее огненно-рыжих волос, разметавшихся по его груди, лениво улыбнулся и закрыл глаза.

— Род, — прошептал у него за ухом голос Векса, и мир нахлынул со всех сторон.

Род вздрогнул и еле слышно щелкнул зубами в знак того, что слышал робота.

— Большой Том уже оделся и направляется к этому стогу.

Род рывком сел и, прищурившись, взглянул на солнце. Судя по всему, день близился к полудню.

— Что ж, пора вернуться в мир живых, — проворчал Род, вздохнул и потянулся за одеждой.

— Милорд? — Девушка печально улыбалась. Глаза ее были полны тоски, но эта тоска быстро сменилась смирением и решимостью. — Мне будут дороги воспоминания о нашей встрече, милорд, — прошептала она, прижимая к груди плащ Рода.

Ее широко раскрытые глаза не мигая смотрели на него.

Это была молчаливая мольба о надежде, но он не мог подарить ей этой надежды, потому что ему больше никогда не суждено было с ней увидеться.

И тут Род понял, что она ждет от него вовсе не надежды, а совсем иного: грубости, выговора за дерзость, за то, что она возомнила, будто чего-то стоит — хотя бы благодарности.

Она понимала, что это принесет ей боль, и все же молила, ибо всякая женщина живет любовью, а она была тридцатилетней женщиной в стране, где девушки выходят замуж в пятнадцать. Она уже успела свыкнуться с мыслью о том, что большой и долгой любви в ее жизни не будет, что ее удел — довольствоваться жалкими крохами.

Сердце Рода дрогнуло, потянулось к ней, пусть к этому чувству и примешивались угрызения совести.

Ну и конечно, он промямлил ей одну из тех заученных фраз, которые мужчины говорят женщинам только для того, чтобы успокоить их, и только потом понимают, что все сказанное было чистейшей правдой.

Род поцеловал ее и сказал:

— Это была не жизнь, милая, но это было то, ради чего живут.

Позже, когда Род уже сел верхом на Векса и оглянулся, когда рядом с ним уже восседал на своей кобылке Большой

Том и сердечно махал рукой своей подружке, Род взглянул в глаза девушки и увидел в них отчаяние, страх от грядущей разлуки и вновь — эту бессловесную, страстную мольбу о даровании хоть капли надежды.

Если верить Тому, то и капли было многовато, но ведь Роду наверняка было не суждено увидеть ее вновь... Нет, то будет даже не искра надежды — так, легкий блик. Разве от этого кому-то станет плохо?

— Скажи мне, как твое имя, милая!

Даже не искра — а глаза девушки вспыхнули праздничным костром.

— Меня зовут Гвендилон, милорд!

А когда они отъехали подальше и девушки скрылись из глаз за холмом, Том тяжко вздохнул и сказал:

— Переборщили вы маленько, хозяин. Теперь она от вас, как пить дать, не отстанет.

Вот что значит всласть побарахтаться в сене: всегдашняя энергичность Большого Тома куда-то подевалась, он даже не напевал. Ну, то есть что-то он там бубнил, но ехал далеко впереди, и Род его не слышал.

Род ехал молча, не в силах забыть огненные волосы и изумрудные глаза. Он мысленно проклинал это видение, однако самой придирчивой части его разума казалось, что проклятиям как бы чего-то недостает — ну, к примеру, злости. И уж точно — искренности. Эта самая придирчивая часть разума описывала душевный настрой Рода как крайне вялую попытку самобичевания.

И Род был вынужден это признать. Он и сейчас чувствовал необычайную гармонию со всем сущим, и даже обижаться на зловредную часть своего разума не мог — вот это-то его и тревожило.

— Векс.

— Слушаю, Род, — тише, чем обычно, прозвучал голос робота.

— Векс, что-то мне не по себе.

Робот помедлил и отозвался:

— А *как* тебе, Род?

Векс задал этот вопрос каким-то особенным тоном... Род резко взглянул на голову своего псевдоконя:

— Векс, не насмехаешься ли ты надо мной?

— Насмехаюсь?

— Ага, насмехаешься. Ты меня слышал. Хихикаешь в бороду.

— Данный корпус не оборудован бородой.

— Прекрати паясничать и отвечай на поставленный вопрос.

Издав звук, отчетливо напоминающий стон, робот отозвался:

— Род, я вынужден напомнить тебе о том, что я — всего лишь машина. К проявлению эмоций я не способен... Просто я отметил некоторые противоречия, Род.

— Да что ты говоришь! — хмыкнул Род. — Да позволено мне будет поинтересоваться, какие именно?

— В данном, конкретном случае противоречие лежит между тем, что собой человек представляет на самом деле, и тем, каким бы ему хотелось себя видеть.

Род прикусил верхнюю губу.

— И каким бы мне хотелось себя видеть?

— Тебе хотелось бы верить в то, что ты эмоционально независим от этой крестьянки.

— Ее имя — Гвендилон.

— От Гвендилон. Да и от любой женщины, если на то пошло. Тебе хочется думать, что ты эмоционально независим, что ты более не умеешь наслаждаться тем, что называется «влюбляться».

— Знаешь что? Любовью я наслаждаюсь на всю катушку, тут ты не прав.

— Это совсем другое дело, — проворковал робот. — Я про влюбленность говорил.

— Проклятие! И я не про секс говорил!

— Я тоже.

Род строптиво поджал губы.

— Стало быть, ты толкуешь про эмоциональную интоксикацию. И если ты говоришь именно об этом — да, действительно, я не влюблен и влюбляться не желаю. И если

мое слово хоть что-то значит, то я со всей ответственностью заявляю: я больше никогда ни в кого не влюблюсь!

— Ну, вот, что и требовалось доказать. Это как раз то самое, во что тебе хотелось бы верить, — глубокомысленно изрек робот.

Род скрипнул зубами, заставил себя успокоиться и поинтересовался:

— И какова же правда?

— Правда такова, что ты влюблен.

— Черт подери! Человек либо влюблен, либо нет, и ему ли не знать, так это или не так!

— Согласен. Однако человек может не хотеть признаваться в этом себе самому.

— Послушай, — процедил сквозь зубы Род. — Я бывал влюблен раньше, и я знаю, что это такое. Это... ну...

— Продолжай, — поторопил его робот.

— Ну, это когда... — Род поднял голову и огляделся по сторонам. — Это когда понимаешь, что вокруг тебя — целый мир, когда ты знаешь, что он реален, но тебе до этого нет ровным счетом никакого дела, потому что тебе точно известно, что ты — центр мироздания, самое главное, что в нем существует.

— Посещало ли тебя в последние дни подобное ощущение? — осведомился Векс.

— Ну... да, проклятие! — скривившись, ответил Род.

— С Катариной?

Род удивленно уставился в затылок коня.

— Какого черта? Откуда ты знаешь? — спросил он и подозрительно прищурился.

— Элементарно, Род. — В голосе робота прозвучали издевательские нотки. — Простая логика, больше ничего. А какие ощущения ты испытывал рядом с Гвендилон?

— О... — Род расправил плечи, потянулся. — Ощущения восхитительные, Векс. Лучше мне никогда в жизни не бывало. Мир казался чище. И сейчас я чувствую себя таким здоровым, в голове так ясно, что просто не верится. Это совершенно непохоже на состояние влюбленнос-

ти, но мне нравится. — Род нахмурился и глянул в затылок коня. — Ну?

Робот помалкивал.

— У тебя что, кошка язык откусила?

— Я не оборудован языком, Род.

— Не увиливай.

Конь еще немного помолчал и наконец отозвался:

— Я ошибся, Род. Ты любишь и любим, но не влюблен.

Род хмуро смотрел на дорогу.

— Это почему же, Векс?

Робот издал звук, смутно напоминающий тяжкий вздох.

— В чем различие между двумя вышеупомянутыми женщинами, Род?

— Ну... — Род пожевал щеку. — Гвендилон... В ней все просто. Она самая обычная, земная женщина, как и я — обычный, простой мужчина.

— А Катарина — нечто большее?

— О, она — та женщина, которую я готов возвести на пьедестал, дабы поклоняться ей, но не ухаживать за ней...

— И не любить? — продолжил мысль робот. — Род, из этих двоих женщин какая лучше по части человеческих качеств?

— А-а-а... Гвендилон.

— Комментарии, — резюмировал конь-робот, — как говорится, излишни.

Родовое поместье Логиров представляло собой обширную равнину между горами и морем. С севера и востока равнину замыкали невысокие покатые горы, на юге широким полукругом тянулось морское побережье, на северо-востоке море с силой било в отвесные скалы высотой в сто футов, с противоположной стороны с гор струился водопад. Длинная усталая река змеилась по равнине к морю.

Сама равнина была, словно ткань заплатками, покрыта квадратиками полей. Тут и там виднелись кучки крестьянских домиков — обиталищ крепостных Логира.

Том и Род стояли на краю горного леса — в том месте, где дорога с севера спускалась в долину.

Род медленно повернул голову, озирая окрестности.

— А где же, — задумчиво проговорил он, — замок, хотел бы я знать?

— А за водопадом, хозяин.

Род обернулся, посмотрел на Тома и устремил взгляд туда, куда вела дорога.

Дорога вилась по долине к водопаду. Там, у подножия скалы, в камне были вырезаны огромные ворота, снабженные надвратной башней и подъемным мостом, нависавшим над природным рвом, образованным излучиной реки. Предки Логиров некогда обжили недра скального массива.

Между бровями Рода залегла ложбинка, похожая на восклицательный знак.

— А по другую сторону от моста — это плотина, что ли?

— Точно, плотина, хозяин, и говорят, будто в ней — чертова уйма пороховых зарядов.

Род медленно кивнул:

— Ага, а перед надвратной башней земля идет под уклон. Стало быть, если в ворота постучатся непрошеные гости, надо только взорвать дамбу, и тогда вода перед воротами поднимется на тридцать футов. Очень хитро придумано. А ты себе сидишь спокойненько и пережидаешь осаду. Водопад обеспечивает замок свежей водой в неограниченном количестве. Только с пропитанием проблемы.

— Говорят, в замке есть сады и огороды, — подсказал хозяину Том.

Род выпятил губы и восхищенно покачал головой:

— В общем, неприступность обеспечена. Можно хоть десять лет в осаде просидеть. Это местечко хоть раз захватывали, Том?

Верзила покачал головой.

— Ни разу, хозяин, — усмехнулся он.

— А может, тот старикан, что тут впервые обосновался, паранойей страдал? А как думаешь, приютят тут двоих усталых путников, а, Том?

Большой Том поджал губы.

— Приютят, хозяин, ежели путники благородных кровей. Логиры издавна славятся своим гостеприимством. Да

только для таких, как я, и даже для таких, как вы, хозяин — вы-то ведь, считай, сквайр, не выше того, — гостеприимство будет попроще. Поселят нас в какой-нибудь каморке.

Солнце на миг померкло. Род выругался и посмотрел на небо:

— Опять эта треклятая птица! Вот ведь привязалась! Неужто она не понимает, что мы слишком велики для того, чтобы она могла нами перекусить?

Он снял с седла арбалет и принялся заряжать его.

— Не надо, хозяин, — протянул к Роду руку Большой Том. — Вы уж четыре стрелы на эту птицу попусту истратили.

— Понимаешь, терпеть не могу, когда меня преследуют всякие летучие твари, Том, и между прочим, они — не всегда те, кем кажутся, — заметил Род. Том непонимающе нахмурился, заслышав это загадочное объяснение. Род прижал арбалет к плечу. — И потом... последние четыре дня я раз в день стреляю в эту надоедливую птаху, так что это уже, можно сказать, в привычку вошло...

Тетива загудела, стрела взлетела ввысь, но птица опередила ее. Стрела миновала то место, где только что была цель, взлетела вверх еще на пятьдесят футов, то бишь — достигла амплитуды полета, и стала падать. Птица, парившая на пятьдесят футов выше этой точки, спокойно наблюдала за падением стрелы.

Большой Том глубокомысленно приподнял бровь, скривил губы:

— Не попасть в нее вам, хозяин. Эта мерзавка кое-что смыслит в арбалетах.

— А ведь похоже на то, — буркнул Род и забросил арбалет за плечо. — Что же это за страна такая, где под каждым деревом по эльфу, а ястребы в небе за тобой шпионят?

— А это и не ястреб вовсе, хозяин, — возразил Том. — Это скопа.

Род недоверчиво покачал головой.

— Она за нами уж четвертый день как увязалась. Неужели птица, охотящаяся за рыбой, станет так далеко от воды улетать?

— Кто знает? Это вы у нее спросите, хозяин.

— Между прочим, я бы не так сильно удивился, если бы она мне на этот вопрос ответила, — задумчиво проговорил Род. — Ну да ладно. Похоже, вреда от нее никакого. Сейчас у нас и поважнее дела имеются. Мы сюда забрались для того, чтобы в замок попасть. Ты ведь петь умеешь, Большой Том?

Том закашлялся:

— Петь, хозяин?

— Ну да, петь. Ну или на волынке играть. Или еще что-нибудь в таком духе?

Том прикусил губу и нахмурился:

— Ну, я того... Могу, конечно, на дудке пастушьей подудеть, да только полумертвые сказали бы, что это на музыку смахивает. А что вы такое задумали, хозяин?

— Да так... — Род распустил шнурки на горловине седельного мешка и вынул из него небольшую арфу. — Теперь мы с тобой будем менестрели, Том. Будем надеяться на то, что обитатели замка до смерти соскучились по музыке. — Он извлек из мешка альтовую блок-флейту и подал ее Тому. — Думаю, эта штука не сильно отличается от пастушьей свирели. Попробуй, а вдруг получится?

— Да вроде и вправду похоже на свирель, хозяин. Только...

— О, не волнуйся, нас впустят. В такой глуши, вдали от столицы, народ наверняка просто изголодался по последним вестям и новым песням, а у менестрелей всегда в запасе и то и другое. «Эддистонский маяк» знаешь?

— Не слыхал ни разу, хозяин.

— Плоховато. В приморских городках эта песенка всегда «на ура» идет. Ну да ладно. Я тебя по пути выучу.

И они тронулись в путь, распевая во всю глотку и пользуясь при этом таким обилием случайных диезов и бемолей, какое и не снилось ни одной тональности или ладо-тоническому ряду. Скопа дико вскрикнула и спешно улетела прочь.

— Привезли вести с севера? — взволнованно спросил дозорный.

Род, памятуя о том, что средневековые менестрели были теми, кого в его время было принято называть журналистами-репортерами, ответил утвердительно.

И вот теперь они стояли перед вельможами в количестве двадцати восьми человек, вкупе с их женами и слугами. Возраст аудитории колебался в пределах от шестнадцати — семнадцати лет (к этой категории относились хорошенькие горничные) до девяноста (эту возрастную группу составлял граф Валлендери). Глаза у всех собравшихся, независимо от возраста, взволнованно, голодно сверкали, а Роду положительно нечего было им сообщить.

«Ну да ладно, — решил он. — Сымпровизирую по ходу дела». Будем к нему справедливы: он был не первым репортером в истории, принявшим такое смелое решение.

Старый сухощавый герцог Логир восседал на массивном дубовом стуле посреди толпы. Рода он, похоже, не признал. А вот Дюрер узнал его с первого взгляда. Он стоял, сгорбившись, слева от Логира, и метал в Рода гневные взгляды. Однако советник скорее всего понимал, что обличение Рода ему ничего хорошего не даст. Логир, хоть и повздорил с племянницей, но по-прежнему любил ее и потому только восславил бы Рода за спасение жизни королевы.

Логир задал Роду вопрос от имени всех присутствующих, а Род, помня о том, что герцогом в желании узнать последние новости о Доме Кловиса движут мотивы самого что ни на есть личного свойства, отвечал, что пока на севере все спокойно. То есть о Доме Кловиса сплетничают, что-то там такое происходит вроде бы, но все это слухи, только слухи — пока.

А потом они с Томом грянули развеселую аранжировку «Эддистонского маяка». Пару мгновений слушатели хранили изумленное молчание. А потом заулыбались и стали хлопать в такт.

Воодушевившись такой реакцией, Большой Том ускорил темп и прибавил громкости. Род, с трудом поспевая за ним, пристально разглядывал аудиторию.

Старик герцог всеми силами старался придать своему лицу неодобрительное выражение, но это ему удавалось не

слишком хорошо. Высокий молодой человек, почти ровесник Рода, стоял справа от герцога. Он усмехался, и глаза его блестели. Судя по усмешке, этот желчный малый был чем-то весьма недоволен и питал нескрываемую жалость к собственной персоне. «Старшенький, — догадался Род, — неисчерпаемый кладезь всяческих слабостей. Подлинная находка для Дюрера».

Различить среди слушателей лордов — вассалов Логира, труда не составляло. Все они были богато одеты, а рядом с ними — еще более богато разодетые горбуны — советники, свора Дюрера.

Род почему-то был непоколебимо уверен в том, что любое предложение Дюрера способно получить горячую поддержку всех южных лордов и только один Логир может выразить сомнения.

Но при всем том одного голоса Логира хватило бы, чтобы перекрыть голоса всех вассалов, вместе взятых. Род не забыл о том, как Логир благородно пообещал Катарине: «Пока я жив, ни один волос не упадет с твоей головы...»

«Пока я жив...»

Представление имело поистине оглушительный успех. Роду удалось удержаться на романтическом уровне и не скатиться до политического. При этом он балансировал на тонкой грани между эротикой и порнографией. Слушателям это было по душе. Кроме того, как понял Род, в Грамерае такой болезнью, как абсолютный слух, никто не страдал — наоборот, похоже, тут всем медведь на ухо наступил. И еще от него не укрылось, что с него и Большого Тома девушки-служанки просто-таки глаз не сводят. Подобный успех Роду был не слишком понятен, но он решил, что самолюбию Тома от этого никакого вреда не будет.

Правда, увы, время от времени тот или иной советник встревал с каким-нибудь вопросом, не ответить на который было нельзя, и когда Род сказал, что ходят такие слухи, будто бы Дом Кловиса замышляет неладное по адресу монаршего престола, в глазах советников вспыхнула страстная, едкая радость.

Это Роду, в общем и целом, было понятно. В революции самое главное, чтобы она началась. А уж потом ее можно взять под контроль.

Это ему было более или менее понятно, однако о другом вопросе, более насущном, предстояло поразмышлять. Род шагал в отведенную им с Томом комнатушку, вспоминая о восторженных взглядах женской половины прислуги. В успехе Тома, равно как и в плодах оного, у Рода сомнений не было, и он понимал, что к его приходу комнатушка, как пить дать, будет занята, поскольку Том покинул публику раньше Рода.

Между тем на него самого служанки смотрели как-то иначе — ну разве только из-за того, что искусство менестрелей в этой стране было еще более престижным, чем ему казалось.

Словом, Род сильно сконфузился, хотя и не очень удивился, когда на его пути возникла одна из служанок с кубком вина.

— Смочите свое пересохшее горло, господин менестрель, — смущенно проворковала она и с сияющими глазами протянула Роду кубок.

Род искоса глянул на нее и неохотно взял кубок. Не отказываться же, в конце концов, — это было бы неучтиво.

— И... — промурлыкала девушка, пока Род пил, — я могла бы согреть ваше ложе, если пожелаете.

Род захлебнулся вином, закашлялся, опустил кубок и сердито уставился на служанку. Затем окинул ее взглядом с головы до ног. Широкобедрая, полногрудая, пухлые губы... Чем-то очень похожа на Гвендилон...

Заподозрив неладное, Род внимательнее пригляделся к девушке. Но нет, у этой глаза были миндалевидные и нос длинный и прямой, а не вздернутый. К тому же волосы у нее были никак не рыжие, а черные как смоль.

Род сухо усмехнулся, допил вино и вернул девушке кубок:

— Премного благодарен, милочка.

«А ведь это о чем-то говорит, — подумал Род. — Она явилась ко мне, а не к Большому Тому». На взгляд Рода,

Том как мужчина должен был действовать на женский пол более притягательно, но Род был повыше рангом. «Такая же стерва, как все они, — думал Род. — Им плевать с высокой колокольни, что ты за человек, лишь бы был благородных кровей».

— Премного благодарен, — повторил он. — Однако я устал с дороги и желал бы отдохнуть. — «Вот ведь как красиво заливаю, — подумал он. — Давай двигай дальше, пусть она разочаруется в моих мужских достоинствах, лишь бы оставила меня в покое».

Служанка опустила глаза, закусила губу.

— Как пожелаете, добрый господин, — негромко пробормотала она, отвернулась и пошла прочь. Род проводил ее взглядом.

Вот и все. Так просто и легко отказался. Немного похамски, правда, но... не почудилось ли ему, будто во взгляде девушки было нечто вроде победной радости?

Род пошел по коридору дальше, гадая, не угодил ли, часом, на страницы книги Макиавелли.

Дверь в комнату, как и предполагал Род, была заперта. За дверью послышался приглушенный женский вскрик и басовитый хохот Тома. Все ясно.

Род философски пожал плечами, забросил арфу за плечо, повернулся и отправился к длинной витой лестнице. Он чувствовал, что скучать ему не придется. Замок, судя по всему, действительно был выстроен параноиком, и потому наверняка тут в изобилии имелись всевозможные потайные ходы.

Род, насвистывая, шагал по главному коридору. Гранитные стены были выкрашены охрой, кое-где в нишах стояли в полный рост рыцарские латы, висели красочные гобелены. Некоторые из них были просто огромны — от пола до потолка. Род старательно запоминал эти гобелены, поскольку именно за ними могли прятаться потайные двери.

От главного коридора под прямыми углами расходились в стороны двенадцать боковых. Дойдя до седьмого по счету, Род заметил, что к звуку его шагов примешивается эхо, и при этом эхо прелюбопытное: на каждый шаг Рода прихо-

дилось по два отзвука. Род остановился — якобы для того, чтобы получше рассмотреть гобелен. Эхо издало два отзвука и умолкло. Скосив глаза, Род заметил сгорбленную фигурку в расшитом золотом камзоле. Похоже, это был Дюрер, но судить наверняка было трудно.

Род развернулся и зашагал дальше по коридору, мурлыча песенку «Я и моя тень». Эхо шагов вновь зазвучало.

Род начал злиться. Он, в принципе, был не против компании, вот только готов был побиться о заклад, что в сопровождении Дюрера он никаких тайн и загадок этого замка не выведает. Следовательно, ему нужно было каким-то образом избавиться от этого навязчивого спутника. Задачка не из легких, если учесть, что Дюрер небось знает все ходы и выходы как свои пять пальцев, а Род здесь впервые.

Но вот девятый по счету боковой коридор показался Роду вполне подходящим для того, чтобы отделаться от «хвоста». А показался он ему подходящим потому, что не был освещен. Это представилось Роду довольно странным: во всех остальных коридорах на стенах через каждые несколько шагов висело по факелу. А тут стояла такая темень, как в Карлсбадском замке до того, как туда нагрянули полчища туристов. Кроме того, на полу лежал толстенный слой пыли, по которому, судя по всему, давным-давно не ступала нога человека. С потолка свисали полотнища паутины, по стенам сочилась вода, питающая сочные подушки мха.

Но главное — темнота. Ясное дело: Род мог оставить в пыли заметный след, но темнота давала ему шанс ускользнуть в какую-нибудь комнатушку или боковой проход. При этом Дюреру вряд ли удалось бы легко соврать, заявив, что он, дескать, тут случайно проходил мимо.

Род быстро свернул в коридор и исчез в облаке пыли. Позади послышались торопливые шаги, цепкие пальцы сжали его плечо. Род резко развернулся и уставился на горбатого старикашку, готовый как следует заехать ему по физиономии.

Точно. Это был Дюрер. Горбун с всегдашней ненавистью и подозрением таращился на Рода.

— Что тебе тут понадобилось? — каркнул он.

Род стряхнул с плеча костистую руку советника и прислонился к стене.

— Да ничего такого. Так... хожу, смотрю. Делать мне сейчас особо нечего. Ну разве что песенку вам спеть?

— Будь оно трижды проклято, это твое кошачье завыванье! — вскричал Дюрер. — И хватит притворяться, будто ты менестрель! Я отлично знаю, кто ты такой!

— Да ну? — Род вздернул брови. — И как же вы догадались, что я — не менестрель?

— Так менестрели не поют. А теперь ступай в свою каморку, если тебе больше нечем заняться!

Род задумчиво почесал кончик носа.

— Кстати... насчет комнаты, — тактично проговорил он. — Дело в том, что мой спутник... Как бы это поделикатнее выразиться... Словом, он нашел себе дельце поинтереснее, чем сон. Словом, деваться мне некуда — надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

— Подкуп! — прошипел советник.

— Да нет, что вы! Большой Том и без денег у дам успехом пользуется. Ну а поскольку деваться мне положительно некуда, вот я и решил побродить, погулять, так сказать, искренне полагая, что никому этим не помешаю.

Дюрер устремил на него взгляд, остротой подобный лазерному лучу, затем медленно, крайне неохотно отступил на пару шагов.

— Верно, — сказал он, — тут ты никаких секретов не выведаешь.

Роду удалось подавить приступ смеха — только его диафрагма судорожно сократилась.

— Но знаешь ли ты, — ехидно осведомился советник, — что эта часть замка населена призраками?

Брови Рода взлетели вверх.

— Не может быть! — воскликнул он, прикусил губу и пытливо взглянул на Дюрера. — А вы, похоже, хорошо знаете замок.

Глаза Дюрера метнули в Рода вольтову дугу.

— Это тебе любой в замке скажет. Но я — Дюрер, советник герцога Логира, и обязан знать замок как свои пять пальцев — а вот ты вовсе не обязан!

Но Род отвернулся и внимательно вгляделся во мрак.

— Знаете, — задумчиво и мечтательно произнес он, — а я ни разу в жизни не видел ни одного привидения...

— Никто не видел, и потому все живы по сей день и могут говорить об этом! Только последний глупец отважится пойти туда!

Род обернулся к советнику и весело улыбнулся:

— Ну, значит, это местечко для меня — в самый раз! А повстречаюсь с привидением — потом ведь какую балладу можно будет сочинить!

Горбун-коротышка, не мигая, пялился на Рода. Потом губы его скривились в презрительной усмешке. Он рассмеялся, и звук его смеха был поразительно похож на звук скрежещущего ржавого железа.

— Ну, так ступай, тупица! Мне-то, сам понимаешь, все равно, но я тебя предупредил!

Род усмехнулся, пожал плечами и шагнул в темный коридор.

— Погоди! — окликнул его Дюрер.

Род со вздохом обернулся:

— Ну, чего вам еще?

— Прежде чем уйти навстречу своей смерти, — прошипел Дюрер, зловеще сверкая глазами, — ответить мне: кто ты такой?

Спина у Рода похолодела. Старикашка, похоже, видел его насквозь.

Он, придав лицу выражение невыносимой скуки, прислонился к стене и отозвался:

— Да менестрель же, кто еще?

— О нет, тупица! Думаешь, я слепой? Ты шпион!

Рука Рода скользнула к рукоятке кинжала. Он был хорошо отбалансирован и вполне приспособлен для метания.

— Шпион из Дома Кловиса! — взвизгнул Дюрер.

Род разжал пальцы и шумно выдохнув, понял, что, оказывается, затаил дыхание.

— Еще одна попытка, старичок.

Дюрер прищурился:

— Ты не их лазутчик? Но тогда... Нет, ты их лазутчик, только признаваться не хочешь — даже сейчас!

В сером веществе мозга Рода сработал синапс.

Он прислонился к стене, сложил руки на груди и усмехнулся:

— А что это вас так сильно интересует Дом Кловиса, милейший советник? И с какой бы стати Дому Кловиса любопытствовать на предмет того, какие делишки вы тут обстряпываете?

— О нет! — прошипел Дюрер. — Глупец! Неужто ты возомнил, что я стану отвечать на такие... Ай-ай-ай! Позор на мою седую голову! Как же я раньше не догадался! Ты — шпион королевы!

Род отошел от стены и наполовину выдвинул кинжал из ножен. Ему было почти все равно, на самом ли деле Дюрер знал о том, что его сюда послала Катарина, но он не отказался бы услышать ответ.

— Я вам вопрос задал, — негромко напомнил он.

Страх наполнил прищуренные глазки старикашки. Он проворно попятился и прижался спиной к противоположной стене.

— Не подходи! По первому моему зову сюда сбежится десяток солдат!

Род изобразил нечто среднее между ласковой улыбкой и злобным оскалом.

— А толку-то, если вы будете покойником, когда они сюда примчатся? — Он указал в сторону темного прохода. — Да и я уже успею далеко уйти.

Старик советник несколько мгновений не отрывал взгляда от Рода. Потом задрожал с головы до ног.

И все же следовало отдать должное его выдержке. Голос у него стал подобен стрекоту цикады осенью, но дара речи он не утратил:

— Быть может... Быть может, так оно и есть, как ты говоришь... Быть может, ты и вправду не из Дома Кловиса! А если ты послан королевой... тогда... тогда ты друг нам!

Род искоса, испытующе посмотрел на старикашку.

— Я скажу тебе все, что ты хочешь узнать! — воскликнул советник и патетически поднял руки. В глазах его появился странный свет. — О да, я расскажу тебе все-все, я назову тебе день, когда мы тронемся в поход на королевскую столицу! Можешь сказать ей об этом, и пусть она выступает на юг, чтобы встретиться с нами на полдороге! Даже об этом я готов сказать тебе! — Дюрер скакнул вперед, протянул к Роду крючковатые пальцы. — Только уйди из этого коридора! Если ты явился от королевы, я не хочу, чтобы ты погиб!

Лицо Рода обратилось в камень.

— Ну уж нет! Вы там что-то прячете, и у меня есть сильные подозрения, что это будет поважнее даты начала вашего мятежа. Так что я все-таки взгляну.

С этими словами он развернулся и зашагал по темному коридору.

Дюрер побежал за ним, чуть ли не вопя:

— Нет! Нет! Ты должен сообщить вести на север! Вернись, глупец!

Род упрямо шел вперед.

Позади все тише слышался визгливый голос Дюрера:

— Ну так иди, встреться со своей гибелью! Ты никому не нужен! Я сам доставлю вести на север! Умри же смертью глупца, ибо ты и есть глупец!

Его истеричный, хриплый смех отлетал эхом от влажных стен, ударял в уши Рода, удалявшегося в сырые мрачные глубины замка Логира.

Но вот Род повернул за угол, и смех смолк. Тьма сгустилась окончательно. Сюда не проникал даже тусклый отсвет факела из главного коридора.

Род двинулся дальше, нервно покусывая губы. Похоже, зловредный старикашка на самом деле верил, что он погибнет... и это странно, поскольку при этом он все же отговаривал Рода от опасного путешествия. А это означало, что Дюрер действительно хотел, чтобы Род привез Катарине весть о начале мятежа. Но с чего это вдруг Дюрер решил предать повстанцев?

Может быть, речь шла даже не о двойной, а о тройной измене?

И потом: он явно что-то прятал в этих коридорах и потому боялся, что Род это «что-то» найдет, но при том ухитрится выбраться из лабиринта целым и невредимым.

Но все-таки он не исключал возможности гибели Рода, а уж это могло значить одно-единственное: Большой Секрет Дюрера был окружен автоматической защитой.

Если только, конечно...

Род остановился, внезапно поняв, что не знает обратной дороги. Он смутно помнил, что, погрузившись в раздумья, успел сделать несколько поворотов, но куда поворачивал — не запомнил, и сколько раз — тоже.

Дрожащим голосом он проговорил:

— Векс.

— Да, Род, — в то же мгновение прозвучал спокойный голос у него за ухом, и Род сразу успокоился.

— Векс, я нахожусь в той части замка, где обитают привидения.

— Привидения?

— Ну да, так говорят.

Последовала пауза, потом робот отметил:

— Род, анализ звучания твоего голоса указывает на то, что ты испытываешь легкий страх. Наверняка ты не веришь в привидения.

— Да нет, не верю. Но я просто вспомнил, Векс... в эльфов-то я ведь тоже не верил. И в баньши тоже. И...

— Эльфы, — монотонно пробубнил Векс, — это мифологические персонажи.

— Но, Векс...

— Что, Род?

— Я же видел несколько эльфов с тех пор, как мы прибыли на эту планету. Совсем немного, правда, но видел своими глазами.

— Малочисленные наблюдения, — не слишком охотно отозвался робот, — с результатами которых я вынужден согласиться. Пока я не располагаю достаточным объемом дан-

ных для того, чтобы объяснить природу вероятного конфликта с известными принципами.

— Толку от тебя, как от католика, — проворчал Род. — Ну хотя бы припадков у тебя на этой почве больше не случается?

— Не-е-т, — озадаченно протянул робот. — Только первоначальная информация вызвала перегрузку, но с тех пор полученные сведения подверглись ассимиляции.

— Поскольку ты уверен в том, что рациональное объяснение все же существует.

— Именно так.

— Стало быть, ты способен решать практические задачи?

— Вполне способен.

— Потому что не сомневаешься в том, что время от времени сможешь апеллировать к научным законам.

— Очень точно подмечено, Род.

— Что-то в этом такое... иезуитское, — проворчал Род. — Но сейчас практическая задача состоит в том, что мне страшно. И для этого у меня есть вполне веская причина. Векс...

— Слушаю тебя, Род.

— Если на этой безумной планете могут существовать эльфы, почему бы тут не быть и привидениям?

Последовала новая пауза, затем Векс согласился:

— Данных, которые бы напрямую противоречили конкретному предположению, нет.

И именно в это мгновение послышался стон — низкий, еле слышный, но при этом настолько резкий, что Род вздрогнул. Стены туннеля сотряслись.

Род ахнул:

— Что это было?

— Сложный рисунок звуковой волны, характеризовавшийся низкой частотой и высокой амплитудой, — послушно отозвался Векс.

— Благодарю вас, доктор Всезнайка. Ты мне скажи, кто его издал?

— Пока я не располагаю достаточным объемом данных для того, чтобы...

Стон послышался вновь, и прямо над головой у Рода повисло облако белесой дымки с пустыми черными глазницами и бездонным провалом рта. Чудище резко отлетело в конец туннеля, но через мгновение вновь нависло над Родом.

Род вскрикнул и прижался к стене. От страха у него скрутило желудок, руки и ноги стали как ватные, мозг словно превратился в горстку желе, сердце до боли сжалось.

И снова жуткий стон, на этот раз чуть более высокого тона. Род запрокинул голову. Справа над ним висело еще одно привидение.

Опять... Род вытаращил глаза от ужаса. Третий призрак присоединился к своим собратьям.

Призраки, зловеще паря в вышине, теснили Рода с трех сторон, хотя куда ему было бежать? Их рты-пропасти приняли форму громадных, непроницаемо-черных букв «О», холодные костлявые пальцы потянулись к Роду.

Сквозь сковавший Рода по рукам и ногам страх отчаянно пробивалась мысль: «Векс не верит в привидения!»

— Привидения! — вскричал Род. — Векс, привидения!

— Привидения, — пробубнил робот, — нематериальны, даже если они существуют на самом деле. Они не являются ни продуктом энергии, ни продуктом материи и не способны причинить вреда живому существу.

— Им скажи! Скажи это им! — взвизгнул Род.

Невидимая рука еще сильнее сжала сердце Рода. Он задыхался, кашлял. Грудь словно стальным обручем сдавило. Туже. Еще туже... Страх обратился в физическое существо, он угнетал своим присутствием, он вооружен и полон ненависти. Страх мог парализовать, мог убить...

— Род, заткни уши.

Род попытался повиноваться приказу робота, но не смог.

— Векс! — задыхаясь, прокричал Род. — Я... не могу... шевелиться.

Черепную коробку Рода сотряс оглушительно громкий гул, перекрывший стоны призраков. На его фоне прозвучали монотонно произнесенные слова:

— З-А-Т-К-Н-И-У-Ш-И.

И страх исчез — ну, то есть почти исчез. Остался только холодок под ложечкой. Род обрел способность двигаться — так же легко, как прежде. Он заткнул уши пальцами. Гудение прекратилось, и он снова услышал завывания призраков, но стоны их стали приглушенными, доносились как бы издалека. Страх снова сжал его горло, но на этот раз обездвижить Рода ему не удалось.

— Ты их слышишь, Род?

— Слышу, но теперь стало полегче. А что ты сделал, Векс?

— Ничего, Род. Просто их стоны имеют гармоническую частоту инфразвукового уровня, а звуки такого характера способны вызывать страх у представителей твоего вида.

— Вот оно что...

— Тон, вызывающий страх, представляет собой частоту колебаний, продуцируемую за счет одновременного испускания инфразвуковых гармоник тремя источниками звука.

— Значит, для того, чтобы меня напугать, их должно быть трое?

— Верно, Род.

— Но на самом деле они не пугают меня, а только заставляют пугаться?

— И это верно.

— Ну хоть какое-то утешение. А то, честно говоря, было у меня такое неприятное подозрение, что я вдруг превратился в самого настоящего труса.

— Все люди чего-то боятся, Род.

— Да, но только трус позволяет страху остановить его.

— Не слишком достоверное утверждение, Род.

— Ой, ладно, гори она огнем, эта теория! Ты уж извини, но я лучше попробую претворить ее в практику.

Род отделился от стены, заставил себя двигаться. Он направился прямо вперед, намереваясь пройти сквозь одно из

привидений. Стоны неожиданно смолкли, а потом, горько взвыв от отчаяния, призраки испарились.

— Они... исчезли, — хриплым от волнения голосом проговорил Род.

— Конечно, Род. Как только ты показал им, что они не способны тобой управлять, они начали тебя бояться.

— Угу, — облегченно выдохнул Род, расставил ноги пошире, упер руки в бедра, запрокинул голову и ухмыльнулся. — Ладно, призраки поганые! Ну, кто кого, а?

Род стоял, прислушиваясь к отзвукам своего голоса, которые прокатились по темным коридорам и стихли вдалеке. Да, что и говорить: громкие выкрики звучали тут весьма впечатляюще.

Тоскливый загробный голос ответил Роду из ниоткуда:

— Оставь нас, смертный. Не тревожь нас в наших могилах. Мы никому не причиняем зла здесь, в наших хладных упокоищах.

— Ну да, никому, кроме тех, кто сюда забредет, — хмыкнул Род. — Таких вы убиваете, как убили бы меня — одним только страхом.

— Немногих, — простонал призрак. — Очень, очень немногих, смертный. Лишь безумцев и глупцов.

— Если вы убили хоть одного человека здесь, в этих туннелях, считайте, что и этого слишком много! — возмущенно воскликнул Род.

— Разве ты не убил бы того, о смертный, кто покусился бы на твое обиталище?

Род фыркнул:

— А у вас какое право на эти коридоры?

Призрак неожиданно проявился и навис над Родом.

— Некогда мня звали Горацио, и я был первым герцогом Логиром! — гневно прогремел его голос. — Это я воздвиг эту твердыню! Так неужто теперь у меня нет права обитать хотя бы в этих жутких холодных туннелях?

От страха у Рода опять засосало под ложечкой. Он отступил на шаг, но, стиснув зубы, снова шагнул вперед.

— Тут ты прав, — признал он. — А право на частную собственность — это девять десятых свода законов. Но скольких ты убил, чтобы завладеть этой собственностью?

— Никого, — не слишком радостно признался призрак. — Все в страхе бежали от меня.

Род кивнул и переменил мнение о призраке. Судя по всему, Горацио действительно по возможности воздерживался от убийства. Но представься ему такой шанс — кто знает, может, он и воспользовался бы им с превеликой радостью...

— Я не желаю тебе зла, Горацио, — сказал Род и вдруг горько усмехнулся. — И какое бы зло я смог тебе причинить, даже если бы захотел?

Голова призрака взметнулась, пустые глазницы уставились на Рода.

— Ты не ведаешь этого, смертный?

— Призраков, — затараторил за ухом у Рода Векс, — как и всех прочих сверхъестественных существ, можно одолеть с помощью холодного железа, или серебра, либо любого другого материала с хорошей проводимостью. Вот только золото, как правило, считают слишком дорогостоящим для этой цели.

Призрак, разрастаясь на глазах, грозно навис над Родом.

Род отступил, сжимая в руке кинжал.

— Не подходи, — предупредил он. — Холодное железо, не забыл?

— И еще, — добавил Векс, — тебе известна тайна силы призраков. Ты сюда можешь привести целое войско с затычками в ушах.

— И еще, — храбро объявил Род, — мне известна тайна вашей силы. Я могу привести сюда целое войско с затычками в ушах.

Призрак замер, уголки его рта разочарованно опустились.

— А я думал, что тебе это неведомо.

— Ведомо, ведомо. Сделай шаг назад, если нетрудно.

Призрак неохотно попятился и простонал:

— Что за призрак охраняет тебя и дает тебе советы?

Род обнажил зубы в усмешке.

— Черный жеребец, изготовленный из холодного железа. Он в конюшне, но может разговаривать со мной оттуда.

— Фантом, — проворчал Горацио, — дух коня, изменивший миру призраков.

— Ошибаешься, — мрачно покачал головой Род, — никакой он не дух. Я же сказал: он сделан из холодного железа!

Призрак решительно покачал головой:

— Такого не бывает.

Род вздохнул:

— Есть многое на небесах и на земле, Горацио, такого, что и не снилось тебе и твоим собратьям. Но это я так, к слову. Для тебя же главное то, что я не собираюсь чинить тут никакого зла. Просто я кое-что ищу. Найду — и поминай как звали. Договорились?

— Ты господин. Чего же ты меня спрашиваешь?

— Из вежливости, — объяснил Род. И тут ему в голову пришла одна дерзкая и смутная идея. — О, между прочим, я — менестрель.

У призрака отвисла челюсть, и он бросился к роду, протянув руки:

— Музыка! О, дивные переливы мелодий! Только сыграй и спой нам, смертный, и можешь повелевать нами!

— Погоди минутку. — Род предостерегающе поднял руку. — Ты воздвиг этот замок, Горацио Логир, и потому я спрашиваю твоего дозволения на то, чтобы пройти по этим коридорам в безопасности. Пообещай мне это, и тогда я сыграю и спою для тебя.

— Ступай, ступай, куда пожелаешь! — с чувством ответствовал призрак. — Только спой и сыграй, смертный!

«Ай да молодец, — похвалил себя мысленно Род. — Вот как надо выкручиваться из безвыходных ситуаций. Право слово, по-моему, это мой самый большой успех на этом поприще!» И действительно — зачем наживать себе врагов, если можно завести друзей?

Род отвел взгляд от Горацио и в ужасе вытаращил глаза. Со всех сторон его окружили призраки, встав по трое в за-

тылок, если не больше, и взгляды у всех них были словно у жутко голодного человека, попавшего на макаронную фабрику.

Род сглотнул подступивший к горлу ком, снял с плеча арфу и мысленно возблагодарил Бога за то, что инструмент при нем.

Он пробежался пальцами по струнам, и призраки отозвались восторженным стоном, похожим на звон погребальных колоколов, раскачиваемых полночным ветром.

И тут Роду пришло в голову, что теперь он бы запросто мог и поторговаться с привидением.

— А что, лорд Горацио, если я вам не одну, а две песенки спою, не покажете ли вы мне, где находятся потайные ходы?

— Покажу, отчего не показать? — Призрак был просто вне себя от нетерпения. — Весь замок к твоим услугам, все мое поместье, все, чем я владею! А хочешь — и все королевство! Только сыграй и спой нам, смертный! Уже десять сотен лет, как мы не слышали ни звука людской музыки! Только сыграй — и весь мир станет твоим!

Род принялся перебирать струны. Призраки затрепетали, словно школьницы перед первым поцелуем.

Род спел им «Зеленые рукава» и «Пьяного моряка» — это были самые древние песни из тех, что он знал. Затем он перешел к «Полдневному призраку» и «Незадачливой мисс Бейли». Он уже собрался было спеть и «Призрачных всадников в небесах», но тут ему пришло в голову, что призраки вряд ли так уж обожают песни о призраках. Если на то пошло, люди ведь рассказывают истории про привидения по причине эскапизма, а если следовать этой логике, призракам должны были нравиться песни о самой заурядной, обычной, повседневной жизни, что-нибудь такое умиротворяющее и спокойное — про зеленые поля и журчащие ручьи, про тучные стада, лениво бредущие по заливным лугам...

И тогда Род попробовал сыграть все, что помнил из Шестой симфонии Бетховена, а изобразить это произведение на ирландской арфе было ой как непросто.

Смолкли последние звуки в пустых туннелях. Призраки пару мгновений молчали, а потом по их рядам пронесся сдавленный, печальный вздох.

Рядом с Родом прозвучал приятный голос Горацио Логира.

— Ты так много спел и сыграл и заслужил то, о чем просил, но... — Голос призрака зазвучал заискивающе: — А еще что-нибудь можно, смертный?

Род с печальной улыбкой покачал головой:

— Ночь не вечна, милорд, а мне еще столько надо успеть до рассвета. Я приду сюда будущей ночью и снова сыграю и спою для вас, но сейчас мне пора уходить.

— Воистину так, — кивнул Горацио и горестно вздохнул. — Что ж, ты был честен с нами, смертный, и без страха выказал нам учтивость. Разве мы вправе отказать тебе в гостеприимстве? О нет! Пойдем же, и я покажу тебе двери к потайным ходам, что проложены в стенах этой твердыни, и поведаю тебе обо всех изгибах и поворотах этих ходов.

Все призраки, кроме Горацио, исчезли. Стих в тишине звук их шагов — легкий, как шорох опавшей листвы под лапками мышей. Горацио резко развернулся и полетел впереди Рода. Род стремглав бросился за ним.

На бегу он на всякий случай считал шаги. После пятидесятого призрак совершил поворот под прямым углом, тем самым продемонстрировав полное пренебрежение к силе инерции, и влетел в дверной проем. Род предпринял мужественную попытку повторить этот трюк, и это ему почти удалось — он только чуть-чуть поскользнулся.

Голос призрака в комнате, похожей на пещеру, издавал гулкое эхо.

— Это и в самом деле пещера, сотворенная Господом нашим за много столетий до того, как я попал в эти края. Дав клятву возблагодарить Его за этот дар, я устроил здесь большой пиршественный зал. — Призрак-патриарх испустил глубокий вздох, и по залу шуршанием тысячи змей расползлось эхо. — Множество развеселых пиров отшумело в этом великолепном зале, смертный. Прекрасны были дамы, храбры и галантны рыцари. — Голос Горацио зазвучал гром-

че, взволнованнее. — Сверкали огни, лилась музыка в те давние дни, звучали баллады и саги, более древние и более живые, нежели песнопения той поры. Вино умывало лица моих придворных, в висках их билась кровь, наполняла их слух барабанным боем! Зовом жизни звучал он... — Голос призрака стал тише, его эхо затерялось посреди холодных камней пещеры, и наконец воцарилась непроницаемая тишина глубокой полночи.

Где-то вдалеке ударилась о камень капля воды, и тишина огласилась многократным эхом.

— Все ушли, о смертный, — тоскливо проговорил призрак. — Ушли, опочили, и после меня этими землями правили три десятка моих потомков, и все они затем вернулись сюда, в мои покои. Все ушли, все мои отважные товарищи, любящие подруги — все ушли и обратились в прах и пыль, что лежит у нас под ногами.

Плечи Рода напряглись — будто бы ледяной ветер коснулся его спины между лопатками. Он непроизвольно переступил с ноги на ногу, стараясь легче ступать по скопившейся на полу пещеры пыли.

— А теперь! — Голос призрака наполнился нескрываемым гневом. — Теперь здесь правят иные — свора шакалов, гиен, позорящих память моих старых товарищей, тварей в человеческом обличье!

Род навострил уши.

— Это вы о чем, милорд? Кто-то отобрал у вас этот зал?

— Порочные, извращенные, злобные люди! — проскрипел отсутствующими зубами призрак. — Свора наглых, никчемных мерзавцев, чей предводитель служит советником у моего потомка, герцога Логира!

— Дюрер, — вырвалось у Рода.

— Да, так он себя называет, — проворчал призрак. — И это имя ему годится как нельзя лучше, ибо сердце его жестко, а душа ломка. Но запомни, смертный. — Горацио обратил к Роду взгляд пустых глазниц, и Роду показалось, будто кожа у него отслаивается от черепной коробки: на дне черных провалов зажглись пылающие уголья. — Запомни хорошенько, — нараспев произнес призрак, поднял руку

с вытянутым указательным пальцем, — что жесткая и ломкая сталь может быть сокрушена одним ударом кованого железа. И потому эти злобные карикатуры на истинных людей могут быть уничтожены человеком, который достоин этого великого звания — человек! — Рука призрака упала, плечи понурились, голова склонилась — Если, — сказал он печально, — если хоть кто-то из живущих в эти темные времена еще может называться людьми...

Род оторвал взгляд от призрака и неторопливо осмотрел огромную пещеру. Повсюду тьма — глубокая, непроницаемая. Род моргнул. Покачал головой, пытаясь избавиться от ощущения, что темнота давит на его веки.

— Милорд Логир, — начал он, помедлил немного и продолжал: — Милорд Логир, быть может, я и есть то самое кованое железо — по крайней мере прежде, бывало, меня сравнивали с чем-то в этом роде. Но если мне суждено одолеть советников, я должен узнать о них как можно больше. И потому скажите мне: чем они занимаются в этих катакомбах?

— Колдовством, — проворчал призрак. — Злейшим, чернейшим колдовством! Увы, что оно собою являет, растолковать я не смогу...

— Расскажите мне все, что сможете, — умоляюще проговорил Род. — Буду благодарен вам за любые сведения.

— Речь твоя схожа с речью исповедника, — фыркнул призрак. — Ну да ладно, поведаю тебе все, что мне известно. Знай же, смертный, что эти порочные люди устроили себе здесь громадный алтарь из сверкающего металла, но металл этот — не сталь, не серебро и не золото. Это металл, который мне неведом. Свое богомерзкое капище они водрузили здесь, посреди моего зала, где некогда танцевали мои приближенные!

— О... — Род поджал губы. — И что же за ритуалы они проводят перед этим алтарем?

— Какие ритуалы? — Призрак задумчиво запрокинул голову. — О, я бы сказал, что их ритуалы похожи на церемонию самопожертвования, ибо они ступают внутрь своего колдовского святилища и исчезают. А потом — глядь! —

появляются вновь, целые и невредимые. Разуметь это я могу лишь так: они отдают свою жизненную силу темному демону, что живет внутри их сверкающего алтаря, ибо выходят они из него изможденные, дрожащие. Иначе, — глубокомысленно изрек призрак, — почему бы все они были такие старые, дряблые, сгорбленные?

Род ощутил крайне неприятное покалывание в затылке. Мурашки побежали ниже, по спине.

— Я должен увидеть это святилище, милорд, — храбро объявил Род и сжал в пальцах рукоятку кинжала. — Давайте осветим зал хоть немного.

— Нет!!! — взвизгнул призрак так громко, что у Рода чуть было барабанные перепонки не лопнули. Призрак дрожал, он то сжимался, то разрастался, контуры его расплывались и колебались подобно пламени свечи. — Неужто ты хочешь изничтожить меня, смертный? Неужто ты отправишь меня в еще более мрачный мир, где я буду стенать от немыслимых страданий?

Род потер затылок, стараясь разгладить мышцы, сведенные судорогой из-за визга призрака.

— Прошу прощения, лорд Логир, я забылся. Я не стану возжигать свой светильник, но тогда вам придется провести меня к этому алтарю, дабы я мог хотя бы ощупать его.

— Так ты собрался совершить поклонение у этого богохульного алтаря? — Пустые глазницы зловеще прищурились.

— О нет, милорд, но я должен познать его, чтобы уничтожить, когда пробьет роковой час.

Призрак немного помолчал, затем торжественно кивнул и, взлетев, плавно заскользил вперед.

— Идем же.

Род осторожно тронулся вслед за призраком, вытянув руки перед собой. Наконец ладони его коснулись чего-то холодного и твердого.

— Берегись, смертный, — опасливо предупредил Рода призрак, — ибо тут обитает темная сила.

Осторожно переставляя руки, Род ощупывал металлическую поверхность, озаренную тусклым свечением при-

зрака. Наконец его правая рука соскользнула в пустоту. Род продолжал обследование, убедился, что обнаружил угол, и пожалел о том, что призраки не светятся ярче. Наконец он нащупал дверь — вернее, дверной проем высотой в семь футов и в три — шириной.

— Что там внутри, милорд? — шепотом спросил он.

— Это склеп, — простонал призрак. — Металлический склеп, гроб без крышки, стоящий короткой стороной вверх, и ты нашел вход в него.

Род гадал, что может случиться, если он войдет внутрь металлического параллелепипеда. Почему-то ему вдруг отказало страстное желание истинного ученого поэкспериментировать.

Он осторожно ощупал края дверного проема, обнаружил чуть выступавший над поверхностью металла кружок.

Справа от входа в «святилище» Род нашел множество кружочков, выступов и кнопок. Возле них поверхность была глаже и теплее на ощупь. «Стекло, — решил Род, — или пластик». Он нашел пульт управления.

— Милорд Логир, — негромко окликнул он призрака. — Приблизьтесь ко мне, молю вас, ибо мне нужен свет.

Призрак подлетел поближе и завис в воздухе над Родом. В холодном люминесцентном свечении, исходившем от него, Род разглядел несколько шкал, циферблат, снабженный переключателем, и несколько кнопок разных цветов.

Голос призрака прозвучал мягко, почти сочувственно:

— Отчего ты дрожишь, смертный?

— Холодно тут у вас, — буркнул Род. — Милорд Логир, боюсь, я вынужден разделить ваше мнение об этом чудовищном устройстве. Я не знаю, что оно собой представляет, но выглядит крайне несимпатично.

Призрак согласно проворчал:

— А то, что выглядит зловеще, в деяниях своих может быть зловеще вдвойне.

— Что ж... — задумчиво протянул Род. — Я не понимаю, каков принцип действия этого устройства, но он может мне открыться, если я проникну внутрь него. Милорд, прошу вас, не обращайте внимания на мои бормотания в ближай-

шие несколько минут. Я должен... произнести заклинания против темных сил, которые могут исходить от этого... устройства.

Род сосредоточил взгляд на пульте управления неведомой машиной. Призрак в испуге подрагивал.

— Векс, ты здесь?

— Да, Род.

— Ты все слышал?

— Естественно, Род.

— Ага. Ну, тогда слушай дальше: передо мной глыба металла, имеющая форму прямоугольного параллелепипеда, имеющего следующие измерения: длина двадцать футов, высота... примерно десять, ширина — пожалуй что, тоже десять. Изнутри имеется полость, вместимостью приблизительно равняющаяся гробу.

— Исключительно корректное описание, — пробормотал робот.

— Не паясничай, прошу тебя. Устройство изготовлено из серебристого металла с тусклой поверхностью, на ощупь жутко холодного — по крайней мере сейчас. Справа от входа — пульт управления. Длинная шкала и движок.

— Какова калибровка шкалы, Род?

— Похоже, логарифмическая, Векс. Арабские цифры. Ноль расположен примерно в трех четвертях расстояния от левого края. В самом конце, слева, стоит цифра «десять тысяч». Справа цифры до... сейчас-сейчас... до двух тысяч трехсот восьмидесяти пяти. Знакомо тебе что-либо подобное?

После небольшой паузы робот отозвался:

— Создан файл для последующего анализа. Продолжай описание.

Род скрипнул зубами. Видимо, Вексу столь же неведомо было назначение этой адской машины, как и ему самому.

— Круглый циферблат с регулятором посередине, справа от продольной шкалы. Точка отсчета сверху, на месте цифры «двенадцать», слева — цифры с минусом, справа — с плюсом. То есть это я так предполагаю, что это цифры. Справа от точки отсчета что-то вроде французской кривой или какой-то безумной синусоиды. Потом... потом какой-

то знак, похожий на перевернутую грушу. Потом — два кружка, соединенных прямой линией. Предпоследний значок — вопросительный знак, лежащий на боку, а за ним, на месте цифры «шесть» — знак бесконечности. Левая сторона циферблата маркирована точно так же, только все знаки — с минусом.

Робот какое-то время негромко, монотонно наигрывал какую-то мелодию. Род узнал ее: «Sempre libera» из «Травиаты». Векс, видно, решил себя приободрить.

— Данные переведены в разряд файлов для анализа и проверки, Род. Продолжай описание.

— Пока не врубаешься?

— В области математики подобные знаки прецедентов не имеют. Но если в их последовательности есть какая-то логика, я их расшифрую. Продолжай.

— Так... Еще тут семь кнопок, вровень с поверхностью, все они расположены по прямой ниже горизонтальной шкалы, разноцветные. Цвета... Ба, да это же цвета спектра!

— То, чего я так опасался, — сокрушенно отозвался робот. — Использование цветов спектра в цветовом кодировании предполагает произвольное наименование величин. И никаких отклонений в последовательности цветов?

— Ну, краска вроде люминесцентная...

— Я не это имел в виду, говоря об отклонениях. Файл создан. Дальше давай.

— А это, собственно говоря, все.

— Как — все? Только три устройства на пульте?

— Да.

Робот молчал.

— Есть какие-нибудь соображения, Векс?

— Ну... — Робот явно пребывал в растерянности. — Судя по внешнему виду пульта, он разработан для дилетантов, Род.

— Почему? Потому что так прост?

— Именно поэтому. Однако сведений недостаточно для того, чтобы...

— Ну хоть угадать попробуй, проклятие! Пусть это будет самая дикая догадка!

— Род, гадания лежат за пределами способностей кибернетических устройств, поскольку предусматривают задействование интуитивного...

— Ну, хорошо, назовем это иначе: произведи экстраполяцию на основании имеющихся данных!

Снова послышалась мелодия из «Травиаты», исполняемая подсевшим аудиогенератором. Наконец Векс изрек:

— Скорее всего неровное число «две тысячи триста восемьдесят пять» обозначает год, поскольку противопоставлено числу «десять тысяч».

— Это почему же?

— Число «десять тысяч», — голосом лектора начал Векс, — имеет несколько вероятных значений, одним из которых является период изученной истории человечества.

— Минуточку, Векс. Записанная история человека датируется никак не раньше чем двухтысячным годом до нашей эры. Это даже мне известно.

— И это поистине удивительно, Род, если учесть, как ты противился получению образования в детстве.

— Ладно, ладно. Проехали! Я был очень нехорошим мальчиком и не делал уроки! Прости! Каюсь! Только продолжай, умоляю. Давай экстраполируй дальше!

За ухом у Рода послышалось последовательное негромкое щелканье нескольких реле — этот звук всегда напоминал ему смех. Векс заговорил снова:

— Можно вести отсчет истории человечества несколько иначе. До появления письменности история излагалась в виде мифов и легенд, то есть в устной традиции, в таких произведениях, как, например, «Сказание о Гильгамеше». В подобных произведениях охвачен более обширный отрезок времени существования человечества, он равняется приблизительно четырем тысячелетиям. Если это число сложить с теперешней датой летоисчисления, мы получим цифру «девять тысяч четыреста тридцать два», каковая не так далеко отстоит от точки отсчета в десять тысяч.

— Гм-м-м... — Род закусил губу. — Ну, если так посмотреть, то «две тысячи триста восемьдесят пять» и вправду тянет на обозначение года. Но что же из этого следует?

— Вывод напрашивается сам собой, Род.

— Ну, значит, я полный идиот. Произнеси вслух свой вывод.

Робот растерялся.

— Точность вывода имеет весьма значительную погрешность.

— Так ведь я просил тебя только о догадке. Ну, пожалуйста, не тяни!

— Данное устройство, Род, согласно этому предположению, может являться средством для хрональных перемещений.

Род, не мигая, уставился на горизонтальную шкалу.

— Ты... ты хочешь сказать... что это — машина времени?

Движок был сдвинут вправо до упора и застыл возле цифры «2385».

— Род, ты не должен забывать о том, что индекс вероятности данного предположения...

— Машина времени! — воскликнул Род. У него даже голова закружилась. — Значит, эти подонки — из будущего!

— Род, сколько раз я тебя предостерегал и указывал на твою склонность к опрометчивым выводам на основании недоказанных гипотез!

Род тряхнул головой:

— Нет-нет, Векс, не бойся. Это всего лишь догадка, и быть может, ошибочная. Я помню об этом. — Он отвел взгляд от пульта. Глаза его возбужденного сверкали. — Машина времени! Вот это да!

Тут он заметил слева от себя тусклое свечение. Он и забыл про призрака. Горацио Логир озабоченно склонился к Роду:

— Что это за колдовское творение, смертный?

Род сдвинул брови и вернулся взглядом к машине.

— Оно странно, милорд, темно и странно. Я владею познаниями о разной... магии, но именно с этой совсем незнаком.

— И что же ты станешь делать?

Род задумчиво посмотрел под ноги, поднял глаза к призраку и вяло усмехнулся:

— Спать. И размышлять об увиденном.

— А когда же ты изничтожишь эту сатанинскую игрушку?

— Когда уверюсь в том, — пробормотал Род, обернувшись к машине, — что это действительно беда для этого обездоленного мира — беда, а не панацея.

Логир сурово нахмурился и начал на глазах возрастать в размерах и росте. Род казался себе карликом по сравнению с ним, и у него возникло пренеприятное чувство: будто бы на него на всех парах мчится средневековый локомотив.

Голос призрака прозвучал далеким раскатом грома:

— Повелеваю тебе изгнать злого беса из этого святотатственного алтаря и изничтожить мерзопакостных жрецов этого культа.

«Старикан, — решил Род, — совсем сбрендил».

А призрак между тем выхватил меч из ножен. Род против воли занял оборонительную позицию. Правда, он тут же выпрямился и мысленно отругал себя: какой вред ему мог причинить призрачный меч?

Меч парил в воздухе перед ним, рукоятка его была опущена. Древний клинок светился зеленоватым светом и смутно напоминал распятие.

— Поклянись же теперь на моем мече, что ты не будешь ведать сна и покоя до того часа, как избавишь эту страну от продажных властителей, что ты очистишь этот темный алтарь, изничтожишь тех, кто поклоняется ему, и что ты никогда не покинешь сей остров Грамерай, если ему будут грозить беды, до самой смерти.

У Рода рот сам собой раскрылся от восхищения — столь могущественным и величавым стал призрак. Под ложечкой у него препротивно засосало. Неведомый доселе страх закрался в сердце. Волосы на затылке встали дыбом.

Он попятился.

— Милорд... в этом нет никакой нужны. Я так... сильно люблю остров Грамерай! И я никогда...

— Возложи десницу свою на этот клинок и поклянись! — сурово и непоколебимо приказал призрак.

Род совершенно откровенно струсил, отчетливо осознавая, что клятвой привяжет себя к этому острову на всю оставшуюся жизнь.

— Милорд, вы просите, чтобы я присягнул вам на верность? Честно говоря, я несколько задет тем, что вы сомневаетесь в моей...

— Клянись! — прогремел под сводами пещеры голос призрака. — Клянись! Клянись!

— Вот ведь бред... — пробормотал Род еле слышно. Нет, ему было положительно не до смеха.

Он как зачарованный смотрел на светящийся клинок и суровое лицо призрака. Почти непроизвольно он сделал шаг вперед, потом — еще один, опустил глаза и увидел, как его рука сама сомкнулась на рукоятке меча. Пальцы ничего не чувствовали, они не касались прочного металла, но воздух под ними был так холоден, что костяшки пальцев онемели.

— А теперь клянись мне! — приказал Горацио.

«Ну ладно, ладно, — уговаривал себя Род. — Это ведь всего-навсего слова. И потом, я ведь агностик, верно?..»

— Я... клянусь, — выдавил он не без труда. И тут его озарило, и он легко, непринужденно добавил: — И еще клянусь в том, что не буду знать сна и покоя до тех пор, пока королева и все ее подданные единогласно будут править вновь.

Он отнял руку от меча, очень довольный собой. Последняя фраза клятвы открывала ему прямую дорогу к цели его миссии, независимо от того, считал ли Горацио демократию благом для Грамерая.

Призрак нахмурился.

— Странная, — проворчал он, — очень странная клятва. — Он повернулся и, обернувшись через плечо, сказал: — Следуй за мной, и я проведу тебя по коридорам внутри этих коридоров.

Род последовал за призраком. Когда они добрались до стены, призрак указал на нее костлявым пальцем:

— Ощупывай стену, пока не найдешь камень, который подастся под твоей рукой.

Род вскоре нашел камень, о котором говорил призрак, и надавил на него всем весом. Камень с недовольным скрипом ушел в глубь стены. Отчаянно скрипнули дверные петли — их наверняка давненько не смазывали. Холодный, сырой воздух хлынул в лицо Рода.

— Теперь покинь меня, — сказал призрак, царственно высясь над Родом, — и возвратись к делам своим. Но помни о своей клятве, смертный, и знай, что, если забудешь о ней, первый герцог Логир встанет у изголовья твоего ложа и не уйдет, пока ты не умрешь от страха.

— Нечего сказать, ободрил, — проворчал Род. Негромко напевая «Не будет путь твой одинок», он тронулся в путь по поросшим мхом ступеням.

На этот раз дверь в каморку оказалась открытой. Каменные стены с трудом выдерживали громоподобный храп Большого Тома.

Род помедлил на пороге, постоял, кусая губы. Вернулся в коридор, вынул из скобы на стене факел и, вернувшись к каморке, предварительно осветил ее и осторожно заглянул. Ему очень хотелось удостовериться в том, что Большой Том спит в гордом одиночестве.

Колеблющееся пламя факела осветило внушительную фигуру крестьянина-слуги, по пояс укрытого плащом. Согнутой в локте медвежьей ручищей он обнимал пухлую блондинку, укрытую (или раскрытую) до такой же степени. Голова женщины лежала на плече Тома, длинные волосы разметались по его груди.

Род глубокомысленно сдвинул брови, осторожно приблизился и получше рассмотрел женщину. Лицо узкое, нос курносый, рот маленький, на губах, даже во сне, счастливая улыбка.

Это определенно была не та брюнетка, что приставала к Роду в коридоре. Род удивленно хмыкнул. Стало быть, девица не стала клеиться к слуге после того, как ей отказа хозяин.

Правда, Том к тому времени уже был не один, но, зная его, Род не сомневался: этот бы и от второй подружки не отказался.

Род вышел в коридор, вставил факел в скобу, вернулся в каморку, восхищенно покачал головой, глядя на Большого Тома, и, не имея сил даже снять камзол, повалился на кипу сена, брошенного на пол. Запах сена пробудил приятные воспоминания. Род зевнул, положил руку под голову и задремал.

— Смертный Гэллоугласс!

Окрик гулко прозвучал в тесной каморке. Род рывком сел, подружка Тома вскрикнула, а сам Том выругался.

Перед ними в воздухе висел призрак, холодно светясь в темноте.

Род вскочил на ноги, искоса взглянул на Тома и женщину. Та в страхе прижималась к широченной груди Тома. На физиономии слуги запечатлелось выражение страха пополам с мрачной решимостью.

Род перевел взгляд на привидение, обряженное в полный комплект рыцарских доспехов. Лицо — если тут можно было говорить о лице — у призрака было невероятно длинное и худое. На боку у него висела шпага, а не меч. Короче говоря, это был не Горацио Логир.

Род мысленно напомнил себе о том, что он — хозяин положения. Правда, забыть об этом было очень легко. Он как можно более сурово взглянул в пустые глазницы призрака.

— В каком стойле тебя воспитывали, — гневно прорычал Род, — что ты так бесцеремонно врываешься в покои к джентльмену?

Глазницы призрака расширились, нижняя челюсть практически провалилась в глубь ямины рта. Он в ужасе смотрел на Рода.

А Род решил не упускать достигнутого преимущества.

— Отвечай, и отвечай учтиво, а не то я спляшу на твоих костях!

Призрак сжался от страха. Род попал в самое больное место. Видимо, существовала некая эктоплазматическая

связь между призраком и его бренными останками. Род взял это на заметку и решил, что нужно будет выяснить местонахождение могил самых вредных и несговорчивых призраков.

— П-прошу п-прощения, милорд, — заикаясь, выговорил призрак. — Я не желал оскорбить вас, я только...

Род не дал ему договорить.

— Но теперь, когда ты уже прервал мой сон, можешь говорить. Что привело тебя ко мне?

— Вам велено явиться...

Род снова прервал его:

— Никто не имеет права повелевать мной.

— Прошу прощения, милорд. — Призрак низко поклонился. — Милорд Логир просит вас прийти.

Род еще на мгновение задержал на призраке суровый взор и со вздохом поднял с пола арфу.

— Да уж, — вздохнул он, — коли уж свяжешься с призраками, будь готов к тому, что позвать тебя могут в самое неподходящее время. — Он склонил голову набок. — *Горацио* Логир?

— Истинно так, милорд.

Девушка-служанка ахнула.

Род вздрогнул. Он и забыл о том, что они с призраком беседуют не тет-а-тет. Теперь к полудню все в замке будут знать о том, что он — на короткой ноге с привидениями.

— Ладно, — сказал он и забросил арфу за плечо. — Веди.

Призрак снова отвесил ему поклон, повернулся к стене, вытянул руку.

— Постой! — одернул его Род. — Пусть тайные ходы останутся тайными. Отправляйся к милорду Логиру и скажи ему, что я вскорости к нему прибуду. Ты забываешь о том, что я не способен, как ты, проходить сквозь стены.

Призрак обернулся и нахмурился.

— Ступай к милорду Логиру! — строго приказал ему Том.

Призрак в испуге попятился.

— Как пожелаете, милорд, — поспешно пробормотал он и в мгновение ока исчез.

Во внезапно наступившей темноте девушка издала дрожащий, долгий вздох, а Том спокойно, лишь немного удивленно поинтересовался:

— Это как же, хозяин? Вы теперь... того... с призраками... вояжируете?

— Приходится, — буркнул Род и, распахнув дверь настежь, обернулся на пороге, гадая, где это Том подцепил такое мудреное словечко. Выразительно прищурившись, он сказал парочке на прощанье: — Если хоть слово выйдет за пределы этой каморки, я вам обещаю массу пренеприятных гостей посреди ночи.

«Вот и славно, — решил Род. — Ее я точно припугнул основательно. Теперь не проболтается».

Он развернулся на каблуках и закрыл за собой дверь. Большой Том ее успокоит, ну а тот факт, что господин якшается с призраками, никак не должен принизить достоинства его слуги в глазах девушки.

Ну и конечно, она будет помалкивать.

И это неплохо, поскольку, не веря в магию, Род уже успел натворить дел предостаточно для того, чтобы прослыть заправским чародеем.

Он шел по коридору, пока не нашел пустую комнату, откуда можно было пройти в потайной туннель. Гранитные плиты одной стены здесь украшал барельеф, изображавший флейту, сжигаемую на костре. По всей вероятности, Логиры слишком серьезно воспринимали значение своей ирландской фамилии. Род отыскал среди вырезанных из камня поленьев одно, выполненное более рельефно, и с силой навалился на него, стараясь сдвинуть вправо. Древний механизм издал утробное ворчание, и потайная панель поползла от пола вверх.

Род осторожно шагнул в образовавшийся проем, нащупал с другой стороны потайной панели массивное кольцо, потянул за него. Панель опустилась. Род тронулся вниз по лестнице. Она оборвалась возле тяжелой дубовой двери. Миновав ее, Род попал в большую пещеру, где стоял зловещий алтарь. Тут его уже поджидал призрак-проводник.

Он подчеркнуто учтиво поклонился.

— Не будете ли вы настолько добры, милорд, и не будете ли возражать против того, чтобы последовать за мною? — проговорил он и устремился к перекрытому аркой выходу в коридор.

Род последовал за ним, бормоча:

— Ишь, какой обидчивый выискался! Еще и подсмеивается...

Выйдя в коридор, Род увидел у правой стены компанию призраков. Они не шевелились, головы их были склонены, и они смотрели на что-то лежащее на полу у их ног. Род расслышал абсолютно человеческое и очень испуганное всхлипывание.

Горацио встретился взглядом с Родом, отделился от остальных призраков. Его жутковатая физиономия была искажена гневом.

— Милорд Логир! — поприветствовал его Род и отвесил ему самый учтивый поклон, на какой только был способен. — Зачем вы звали меня?

Взгляд призрака немного смягчился и даже, пожалуй, стал несколько смущенным.

— Смертный Гэллоугласс, — пробурчал Горацио, — почему ты утаил от меня то, что явился в наши покои не один?

— Не один? — удивился Род. — А что, я был не один?

Логир, похоже, искренне изумился:

— За тобой кто-то крался, и это стало ясно мне, когда я покинул зал, где возвышается темное святилище.

— Час от часу не легче! — пробормотал Род.

— Как ты справедливо заметил, — продолжал призрак, — тут у нас довольно прохладно. Если к нам сюда валом повалят смертные, мне придется распорядиться на тот счет, чтобы эти туннели начали отапливать. Итак, как и сказал, выйдя из зала, я наткнулся на смертное создание. Оно принадлежит тебе.

— Принадлежит? — нахмурился Род. — Слуга, что ли?

— Это создание подслушивало под дверью. А когда мы приблизились к нему, оно прокричало твое имя.

— Да уж... — Род почесал затылок, сдвинул брови. — Мое имя, говорите?

— Да. В противном случае мы бы его не пощадили. И потому я послал за тобой.

Логир отлетел в сторонку, призраки расступились, Род шагнул вперед. На полу, озаренная зеленоватым светом, исходившим от привидений, в страхе корчилась девушка, отчаянно пытаясь вжаться в стену. Лица ее видно не было. По плечам разметались черные волосы. Белая блузка, пышная юбка, черный корсаж, обтягивающий высокую грудь.

— Милорд Логир, — проговорил Род, но голос его сорвался. — Милорд Логир, — начал он снова, более решительно, — это уж никак не «оно». Взгляни на меня, девушка, — окликнул он незнакомку как можно нежнее и заботливее.

Девушка вскинула голову, глянула на Рода широко раскрытыми глазами, разжала губы. Лицо ее озарилось радостью и облегчением.

— Милорд! — вскричала она, вскочила и так крепко обняла Рода, что он едва не задохнулся. Девушка прижалась к нему, уронила голову на его плечо. Тело ее сотрясали рыдания. — Милорд! О милорд!

Род пытался хоть немного отстраниться, дабы не задохнуться. Он, конечно, узнал ее: это была та самая горничная, которая предлагала ему провести с ней ночь.

— Ну-ну, милая, все хорошо, успокойся, — бормотал он, поглаживая ее по спине. У него закружилась голова, и чтобы устоять на ногах, он нашел фиксированный источник света в виде призрака Горацио Логира и уставился на него.

Физиономия призрака скривилась от отвращения.

— Уведи ее прочь из моих покоев, смертный. Тут и так сыро.

Род только теперь отметил, что объятия девушки ему очень приятны. Он прикрыл глаза, наслаждаясь ее теплом и близостью, и кивнул:

— Да-да, милорд, сейчас я уведу ее. Ну-ну, милочка, не надо плакать. — Он вытащил из-под манжеты носовой пла-

ток и отер им щеки девушки. — Хватит слезы лить. Видишь, как тут и без того сыро? А у Горацио — артрит... если он, конечно, помнит, где лежат его косточки... ну вот, умница...

Голова девушки лежала у него на груди. Она закрыла глаза, успокоилась. Казалось, задремала. Рода охватила невыразимая нежность, которая в немалой степени подогревалась чувством достоинства и инстинктом защиты тех, кто слабее его. Между тем разум его исподволь проклинал чувства, которые пробуждают у мужчин плачущие дамочки.

Род взглянул в задумчивые пустые глазницы Логира.

— А ведь ты влип, смертный.

— Кто, я? — Род хмыкнул и небрежно отозвался: — Да я в огне сгореть семь раз мог, а не сгорел!

— Знать, это пришлось тебе по нраву, — съехидничал Логир, — если ты столько раз попадал в огонь. Уводи ее из моих покоев, смертный.

Род на прощанье одарил призрака возмущенным взглядом и обратился к девушке.

— Пойдем, милая, — сказал он, — нам пора.

Он поднял обессилевшую от рыданий девушку на руки. Она вздрогнула, что-то сонно пробормотала, прижалась головой к плечу Рода и крепче обвила руками его шею.

«Дети и женщины, — подумал Род, — это будет пострашнее зыбучих песков».

— Милорд, — попросил Род Логира, — не могли бы вы проводить меня? А то что-то я вдруг дорогу забыл.

— Ясное дело, — кивнул призрак, но, прежде чем он развернулся и полетел вдоль по коридору, Род успел заметить, что черный провал его рта растянулся в весьма выразительной усмешке...

Род вышел в освещенный факелами коридор — тот самый, где расстался с Дюрером. Противного старикашки не было — видимо, понадеялся на самое худшее, возрадовался и убрался восвояси.

Род опустил девушку, ступни ее коснулись пола. Она пробормотала какое-то неразборчивое возражение и крепче прижалась к своему спасителю.

Род обнял ее, потерся щекой о ее волосы, стараясь продлить приятные мгновения.

Но вот он печально улыбнулся, отнял одну руку, провел кончиками пальцев по щеке девушки, приподнял ее подбородок. Обрамленные длинными ресницами глаза были закрыты, пухлые алые губы вытянулись и разжались — едва заметно...

Род мысленно призвал себя к сдержанности и негромко проговорил:

— А теперь ты должна все рассказать мне, милая. Зачем ты пошла за мной?

Девушка распахнула глаза. Взгляд ее был испуганным. Она прикусила губу, опустила голову, отстранилась. Только ее пальцы по-прежнему судорожно стискивали ткань камзола Рода.

— Ты должна ответить мне, — негромко повторил Род. — Кто послал тебя шпионить за мной?

Девушка вскинула голову, с искренним изумлением посмотрела на Рода, покачала головой:

— Никто, милорд. Никто не посылал. Я пошла сама.

— Вот как? — Род невесело усмехнулся. — Сама, по доброй воле, ты последовала за мной в ту часть замка, где обитают привидения?

Она вновь потупилась:

— Я не боюсь духов, господин.

Род удивленно поджал губы. Если так, то, будучи простой служанкой, эта девушка обладала недюжинной храбростью. Она не струсила до тех пор, пока не увидела призраков собственными глазами, и тут Род ее вполне мог понять — ведь он слышал их жуткие стоны и понимал, что можно напугаться до смерти.

Кроме того, девушка могла увязаться за ним в надежде, что он передумает и откажется от своего решения лечь спать в гордом одиночестве. А может быть, подумала, что сумеет помочь ему, если он попадет в беду. Последняя мысль выз-

вала у Рода улыбку. Однако ему все же нужно было внести ясность в происшедшее.

— Ты так и не ответила мне: зачем ты пошла за мной?

Девушка снова в растерянности прикусила губу. Лицо ее исказила гримаса отчаяния. Род терпеливо ждал ответа.

— Я... — медленно, делая паузу после каждого слова, отозвалась девушка, — я... боялась... за вас, милорд.

Род вытаращил глаза. Губы его скривились в усмешке. Он медленно покачал головой:

— Ты... боялась за меня?

— Да, боялась! — Девушка резко вскинула голову, ее глаза сверкнули. — Я же не знала, что вы чародей, а... простому смертному в этих подземельях...

Голос ее сорвался, она потупилась.

Род вздохнул и обнял ее. Она на миг напряглась и прижалась к нему.

— Милая, милая! — бормотал Род. — Ну чем, чем, скажи на милость, ты могла мне помочь?

— А я... я немножко умею разговаривать с кое-какими духами, господин, — отозвалась девушка, уткнувшись лицом в камзол Рода, отчего голос ее звучал приглушенно. — Вот я и подумала...

Род нахмурился. Неужели на этой безумной планете умение общаться с духами — чуть ли не норма жизни?

Он бережно гладил девушку по спине, прижимаясь щекой к ее пышным волосам. Конечно, она могла обманывать его, но это означало бы, что она — великолепная актриса, а для актерства она, пожалуй, была слишком проста и искренна.

Род вздохнул и обнял ее крепче. Девушка томно застонала и теснее прижалась к нему.

Род закрыл глаза и постарался забыть обо всем на свете. Обнимать ее было так сладко, так приятно. Почти как ту крестьянку-красавицу, Гвендилон...

Глаза Рода открылись сами по себе. Он вгляделся в сумрак коридора, тускло освещенного факелами, и попробовал представить себе оба женских лица, одно рядом с другим.

Если рыжие волосы выкрасить в черный цвет, немного приподнять уголки глаз, выпрямить нос...

Девушка почувствовала его волнение и подняла к нему глаза:

— Что с вами, милорд?

Тембр голоса немного другой — чуть выше, это верно, но похож, как похож...

Род пристально всмотрелся в лицо девушки. Кожа чистая, белая, ни единой веснушки, но хорошенько напудриться — это ведь так просто!

Род прижал указательный палец к переносице девушки.

— Ты, — сказал он сурово, — обманываешь меня.

Его палец скользнул к кончику ее носа.

В глазах ее мелькнуло разочарование, но тут же сменилось выражением полной невинности.

— Обманываю вас, милорд? Я... я не пойму, о чем вы...

Род отнял палец. Кончик носа девушки отклеился. Род мрачно усмехнулся и кивнул:

— Крахмал с водой. Но это ты, положим, сделала зря. Твой курносый носик мне нравился больше.

С этими словами Род легонько прикоснулся к наружному краю века девушки. Глаз ее тут же утратил миндалевидную форму, а кончик пальца Рода испачкался в чем-то черном.

— Крахмал с водой, а еще — сажа. Щеки ты вымазала мукой, к которой добавила немного жженой умбры, волосы выкрасила хной.

Девушка строптиво поджала губы, гневно покраснела.

Род покачал головой, вздернул брови.

— Но зачем, милая? Твое настоящее лицо куда красивее!

Комплимент, к счастью для Рода, пришелся девушке под душе. Гнев ее сменился нежностью и желанием.

— Я, — пролепетала она, опустив глаза, — не могла покинуть вас, господин.

Род закрыл глаза, скрипнул зубами. Колоссальное усилие воли потребовалось для того, чтобы удержаться и не обнять ее.

— Но... — Он помедлил, с шумом выдохнул. — Но как тебе удалось незамеченной следовать за мной?

Девушка подняла голову и устремила на Рода невинный взгляд:

— Я обратилась в скопу, милорд.

Род моргнул, и ему показалось, что веки его при этом издали щелчок.

— Ты... ведьма? Ты? Но...

— Ведь вы не станете презирать меня за это, господин? — взволнованно спросила Гвендилон. — Вы ведь и сами чародей!

Взгляд Рода стал блуждающим.

— Что? Я? Чародей? — Он помотал головой. — Я... Да нет, какой я чародей? Вот... некоторые мои друзья... А-а-а...

— Милорд, — пытливо всмотрелась в его глаза Гвендилон. — Здоровы ли вы?

— Кто, я? Какое там — «здоров»! О-о-о, нет, погоди! — Он умолк и набрал в легкие побольше воздуха. — Послушай. Ты — колдунья. Так... Подумаешь? Ничего особенного. Красота твоя меня куда сильнее интересует, нежели твои таланты.

Глаза Гвендилон стали подобны тлеющим угольям — дунь, и вспыхнут.

Род сделал еще один глубокий вздох и призвал свои мужские гормоны к порядку.

— Итак, — мужественно проговорил он. — Давай все-таки кое-что проясним, и немедленно.

Она прижалась к нему и прошептала:

— Давайте, милорд.

— Нет, нет! Я не об этом! — Род отступил на шаг, заслонился руками. — Послушай! Итак, ты последовала за мной единственно из страха за меня, потому что боялась, что я могу сам не справиться с грозящей мне бедой. Верно?

Гвендилон отозвалась не сразу. Свет в ее глазах угас от холодного порыва ветра разочарования.

— Верно, милорд.

То, как она ответила, заставило Рода подумать, что ответ ее слишком краток и за ним может крыться очень многое. Однако он поспешил перейти к следующему вопросу:

— Но теперь ты знаешь, что я — чародей. Верно?

— Верно, милорд, — еле слышно откликнулась Гвендилон.

— Стало быть, тебе ясно, что я ничего не боюсь? И потому у тебя нет никаких причин и дальше следовать за мной, верно?

— Нет, милорд! — вскричала девушка и устремила на Рода взволнованный, горящий взгляд. Она горделиво, упрямо запрокинула голову. — Я все равно пойду за вами, Род Гэллоугласс. В этом мире есть такое колдовство, которому вы не сможете противостоять!

«Самое неприятное, — подумал Род, — это то, что она всегда права, вот ведь проклятие!» В этом безумном мире, перевернутом вверх тормашками, он и в самом деле мог столкнуться с кое-каким «колдовством», которого и представить-то был не в силах.

Между тем, с другой стороны, она наверняка тоже не всесильна. Колдунья-любительница, что скорее всего, и притом слишком взрослая для того, чтобы войти в местный профсоюз. Ей было примерно столько же лет, сколько Роду. Пока все ее «колдовство» выражалось в искусстве макияжа, умении превращаться в птицу (в чем Род еще не был вполне уверен) и высочайшей отваге, крайне нетипичной для представительницы слабого пола.

В одном она была права: причины волноваться за Рода у нее были. Да, ему грозили опасности, но и она сама была от них никак не застрахована.

Род медленно повел головой из стороны в сторону, потом решительно тряхнул ею. Он не мог позволить, чтобы Гвендилон погибла. Нужно было каким-то образом отпугнуть ее, и он, пожалуй, знал, как это сделать.

Род изобразил кривую, презрительную ухмылку.

— Стало быть, правду говорят про крестьянок: стоит только обойтись с ними подобрее, и от них сроду не избавишься. Ты, милочка, в этом смысле всех за пояс заткнешь.

Девушка ахнула, отшатнулась, лицо ее исказилось болью. Она прижала руку к губам, глаза ее залились слезами. Она развернулась и побежала прочь.

Род стоял, потупившись и слушая, как вдалеке стихают рыдания Гвендилон. Он чувствовал, как в душе его разрастается пустота.

Кто-то барабанил кулаком по тяжелой дубовой двери. Род с трудом очнулся, заворочался на куче сена, сел.

Большой Том и его подружка лежали не шевелясь и смотрели на дверь с нескрываемым страхом.

Род выругался и неохотно встал.

— Не бойтесь, — проворчал он. — Призраки входят без стука.

— Эй, менестрель! — послышался из-за двери грубоватый окрик. — Выходи! Тебя кличет мой господин!

Род напялил камзол, взял арфу. Подошел к двери, распахнул ее, помотал головой, пытаясь прогнать сонливость.

— Неужто непременно надо так орать с утра пораньше? — пробурчал он. — И кто же, черт бы его подрал, твой господин, хотел бы я знать?

Тяжеленный кулак ударил его по уху. Род отлетел, стукнулся спиной о стену. Ему до смерти захотелось сломать нахалу шею, но он сдержался. Сквозь звон в ушах Род расслышал негромкий издевательский смешок.

— Учись, как разговаривать с теми, кто благороднее тебя, шут несчастный! Вот первое правило для простолюдина!

Род пришел в себя, оттолкнулся от стены и рассмотрел своего обидчика. Перед ним стоял просто солдат-пехотинец в кожаных одеждах и кольчуге, которые давно надо было бы почистить и помыть, как и их владельца, впрочем. «Тоже мне, важная птица, — мысленно выругался Род. — Самомнения — выше крыши, да еще и несет от него, как от помойного ведра. Вон зубы какие гнилые!»

Род вздохнул, выпрямился и решил, что роль свою ему лучше играть до конца. На самом деле, трепку он заработал, поскольку сбился с текста. Массовики-затейники в

Средние века служили средством для снятия стресса, но не только за счет того, что увеселяли публику, а и за счет того, что на них можно было выместить скопившуюся злобу.

— Ладно, — примирительно буркнул он. — Считай, ты меня проучил. Пошли.

На этот раз кулак угодил ему в нижнюю челюсть. Удар был силен, Род закачался и едва устоял на ногах, а солдат злорадно проговорил:

— Видать, плохо я тебя проучил. Есть еще такое правило: тех, кто повыше тебя будет, надо звать «господин», понял?

Род преобразил переполнявшую его злость в холодный, спокойный, размеренный гнев и, шагнув к солдату, нанес тому три ловких резаных удара в солнечное сплетение.

— Я знаю одно хорошее правило для солдат, — сообщил он рухнувшему к его ногам пехотинцу. — Сначала разберись, кто повыше тебя. А теперь веди меня к своему господину.

Господином, как выяснилось, был Логир. Рода провели в просторную, но не слишком большую комнату с высокими потолками, увешанную гобеленами.

В одной из стен было прорезано три высоких узких окна. В них пробивался рассветный свет солнца, сверкавший множеством крошечных радуг: прямо за окнами низвергался водопад. Комната была наполнена приглушенным ревом его могучих струй. Приглядевшись получше, Род понял, что на окнах — двойные рамы, да и глубина оконного проема была немаленькая — три фута. Кто-то здесь вспомнил о древних строительных приемах.

На стенах — гобелены, под ногами — толстый ковер. Середину комнаты занимал большой овальный стол. Во главе его восседал Логир, справа от него — старший сын, а слева — Дюрер. Остальные восьмеро гостей показались Роду знакомыми личностями. Род присмотрелся и чуть не ахнул: герцог Медичи, князь Романов, герцог Бурбон и принц Габсбург в сопровождении своих советников.

После Логира — четверо самых могущественных из Великих лордов. А если собрались эти пятеро, не резонно ли предположить, что и остальные семеро где-то неподалеку?

Стол был накрыт к завтраку, но гости ели как-то рассеянно. Ну, взять хотя бы Ансельма, сынка Логира, — этот поглощал пищу с равнодушием машины, не отрывал глаз от тарелки. На лице его застыла гримаса холодной ярости.

Его отец сидел с опущенной головой, тяжело положив руки на стол.

Род решил, что скорее всего только что тут произошла какая-то ссора между сыном и отцом и победителем из нее вышел старик, но победы добился только тем, что велел сыну помалкивать.

А Рода позвали, дабы он развеял мрачное настроение. О, какие немыслимые надежды иные возлагают на людей искусства!

Физиономия Дюрера светилась тайным, мстительным злорадством, лица других советников выражали злорадство не менее, а иногда и более мстительное. Что бы тут ни стряслось, стряслось именно то, чего желал Дюрер. На самом деле скорее всего он и спровоцировал ссору. Этот тип был искусным катализатором — так решил Род, и никогда не вмешивался в вызываемые им реакции.

Логир с тайной укоризной глянул на своего старшего сына. Однако Ансельм не желал смотреть на него. Лицо Логира стало каменным.

Обернувшись, старик заметил Рода.

— Менестрель! — рявкнул он. — Что ты там встал как чурбан? Увеселяй нас!

Дюрер повернул голову и в упор уставился на Рода. Физиономия его исказилась гримасой ужаса, затем во взгляде полыхнула убийственная, закоренелая ненависть.

Род весело улыбнулся, кивнул и приветственно коснулся лба кончиками пальцев, попутно гадая, какая же песня могла бы развеять сгустившееся напряжение. У него было очень сильное подозрение, что здесь было принято изрядно поколачивать менестреля, не справившегося с этим ответственным поручением.

Он заиграл «Мэтти Гроувса», решив, что единственный шанс отвлечь присутствующих от мрачных дум — это исполнить им нечто еще более мрачное.

Вступление он сыграл подлиннее, дабы иметь возможность внимательнее приглядеться к четверым лордам. Их настроение колебалось от глубокой задумчивости до откровенного (но маскируемого) презрения, питаемого, по всей вероятности, к старику Логиру. Похоже, верных сторонников у герцога тут не было. Чаша весов отчетливо клонилась в сторону его сыночка.

— Менестрель! — Это Ансельм окликнул Рода. Физиономия у молодого человека была такая кислая, что пролей на нее молоко — оно бы свернулось. — Знаешь ли ты песню о кавалере, которого одурачила дама, а тот настолько глуп, что все еще любит ее?

— Полно! — бросил Логир, но, не дав Ансельму ответить отцу, Род поспешно заверил его:

— Таких песен превеликое множество, милорд, — о том, как мужчина продолжает хранить любовь к той женщине, что отвергла его. И во всех этих песнях дама возвращается к тому, кто воздыхает о ней.

— Возвращается! — фыркнул Ансельм. — Ну да, она его милостиво принимает, чтобы потом с позором повесить на воротах своего замка!

Старый герцог поднялся и вскричал:

— Хватит! Я по горло сыт твоими клеветническими речами!

— Клеветнические речи?! — Ансельм вскочил так резко, что его стул с грохотом упал на пол. — А то, что она наплевала на гордое имя Логиров, это тоже клевета? Наплевала уже не единожды, а дважды, и готова поступать так вновь и вновь! О нет! — Он ударил кулаком по столу, готовый испепелить лордов взглядом. — Эта злобная гордячка научится тому, что ей не дано посягать на честь пэров королевства! Мы должны сбросить ее с монаршего престола и растоптать!

Логир побагровел, вены на его шее вздулись, но не успел он возразить, как Род негромко проговорил:

— Нет, милорд, не стоит так спешить. Не унизить бы надо, но призвать к послушанию.

Род попал в перекрестие взглядов отца и сына, подобных лучам лазера. К его изумлению, Логир вскричал:

— О да! — И в восклицании его прозвучали великая радость и облегчение. — Он не имел права говорить, но изрек истину! Наша юная королева упряма, но так же упряма молодая кобылица, пока ее не обуздают. Она должна познать, что ее власть не абсолютна, что и на ее власть есть управа, но она — наш законный сюзерен, и свергать ее ни у кого нет права!

Ансельм издал нечленораздельный клекот и жутко покраснел. Он закашлялся и не сразу вновь обрел дар речи.

— Нет же! Нет, говорю я! Женщина — сюзерен? Это насмешка. Издевательство над нами! Наглая, дерзкая сучка...

— Молчать! — прогремел Логир, и даже четверо лордов боязливо вжали головы в плечи — такая властность прозвучала в его голосе.

Ансельм точно сдрейфил не на шутку. Он в страхе взирал на седобородого великана, а тот словно бы вырос прямо на глазах.

Наконец Логир медленно, с необычайным достоинством — истинно царственным достоинством, которого не купишь ни за какие деньги — опустился на стул, не спуская при этом взгляда с сына.

— Удались в свои покои, — ледяным тоном, не допускающим возражений, приказал старик. — И не показывайся мне на глаза до заката, когда соберется военный совет.

Ансельм каким-то чудом ухитрился собраться с силами и вздернул подбородок, однако получилось это у него помпезно и карикатурно. Он развернулся на каблуках и зашагал к двери. Поравнявшись с Родом, он не удержался и размахнулся, намереваясь отвесить менестрелю увесистую пощечину.

— Нет! — вскричал Логир, и Ансельм замер с поднятой для удара рукой. — Этот человек, — медленно цедя слова, произнес Логир, — сказал правду. И я не позволю, чтобы его оскорбляли.

Ансельм бросил на отца злобный взгляд, не выдержал и опустил глаза. Отвернулся и вышел, хлопнув дверью.

— Менестрель! — проворчал Логир. — Играй!

Род пробежался пальцами по струнам и заиграл «Старика из Тор Таппана», попутно размышляя о случившемся.

Итак, нынче вечером — военный совет, вот оно как? И главным вопросом повестки дня, по всей вероятности, будет выбор между конституционной монархией и феодальной раздробленностью, хотя об этом догадывались только сам Род и Дюрер. Ну а Род знал, на чьей он стороне.

Он задержал взгляд на сидевшем гордо и прямо старом герцоге. Тот вернулся к прерванному завтраку, но ел понемногу, не торопясь. Брови его были чуть нахмурены, а в глубоких глазах затаилась едва заметная печаль.

Да, Род точно знал, на чьей он стороне.

Совет собрался в главном зале — громадном, вполне способном послужить ангаром для большого звездолета — если бы грамерайцы знали, что такое звездолеты.

На каменном полу разноцветными плитами был выложен фамильный герб Логиров. Через каждый ярд на стенах горели факелы, вставленные в серебряные скобы. С позолоченного сводчатого потолка свисала огромная серебряная люстра. Окон в зале не было, да это было и не важно, поскольку был поздний вечер.

Логир сидел на высоком резном стуле в одном конце зала. Стена позади него была забрана знаменем рода Логиров. Стул стоял на четырехфутовом возвышении, и потому собравшиеся лорды вынуждены были взирать на хозяина замка снизу вверх.

А собравшихся было немало: явились не только двенадцать пэров королевства, но и великое множество их вассалов: графов, баронов, рыцарей.

Возле каждого из дворян стоял тощий сгорбленный человечек.

Род окинул взглядом зал и беззвучно присвистнул. Он и не предполагал, что советников так много. Сейчас их тут было пятьдесят, а то и семьдесят.

Запросто некоторые из них могли находиться за пределами поля зрения Рода, а поле его зрения было ограничено. Скобы, в которые были вставлены освещавшие зал факелы, крепились к стенам тремя толстыми болтами. Но в одной скобе, как раз за спиной у Логира, одного болта недоставало. С обратной же стороны тот камень, к которому крепилась скоба, был выщерблен так, чтобы в образовавшееся углубление легко вошла голова человека. В данный момент это была голова Рода. Он стоял в полной тьме, в узком проходе за стеной зала.

Глазок позволял Роду во всех подробностях видеть затылок Логира и лица всех, кто к нему обращался.

Правая рука Рода лежала на рычаге. Если бы он нажал на него посильнее (и если механизм не проржавел окончательно), большая каменная плита повернулась бы и превратилась в дверь, которой можно было бы воспользоваться в случае необходимости. Судя же по тому, какими глазами собравшиеся на совет смотрели на герцога, такая необходимость очень скоро могла возникнуть.

Ближе всех к старику стоял Ансельм. По обе стороны от него встали Бурбон и Медичи. Дюрер, само собой, торчал по левую руку от Логира.

Логир тяжело поднялся со стула.

— Мы собрались, — сказал он. — Здесь, в этом зале, собрались все аристократы крови Грамерая, истинная сила страны. — Он медленно обвел взглядом лица собравшихся, заглянув в глаза каждому из своих собратьев лордов. — Мы собрались, — продолжал он, — дабы решить, как нам достойно наказать нашу королеву Катарину.

Герцог Бурбон переступил с ноги на ногу и приосанился. Он был широкоплеч и мускулист, похож на черного медведя. Косматые брови нависали над его глазами, на груди лежала черная борода.

Он сжал кулаки, стиснул губы. В позе его была какая-то неуверенность.

Бурбон устремил взгляд на Логира.

— О нет, любезный дядя, вы не правы. Мы собрались, чтобы поговорить о том, как нам свергнуть ее — ту, что

дернула опорочить нашу честь и посмеяться над могуществом наших благородных родов!

Логир вздернул подбородок, возмущенно раскрыл глаза.

— Нет! — сказал он. — Это не причина для того, чтобы...

— Не причина?! — Бурбон выпрямился во весь рост, вскинул голову. — Она обложила наши вотчины тяжелейшими податями, о каких и не слыхивало прежде наше королевство, а тратит эти деньги на грязных крестьян, она посылает к нам своих судей каждый месяц, дабы те выслушивали жалобы всякого и каждого, кому не лень жаловаться. Мало этого — так теперь она взялась еще и самолично назначать настоятелей наших церквей, а вы говорите, что это не причина? Она лишает нас нашего законного права, не дает нам править собственными уделами, она нанесла всем нам тягчайшее оскорбление тем, что взялась выслушивать жалобы презренных крестьян прежде, чем удосужилась обратить внимание на наши прошения!

Медичи склонился к своему советнику, тот что-то шепнул ему на ухо. Герцог выпрямился, едва заметно усмехнулся и негромко проговорил:

— Разве это слыхано, чтобы монарх выслушивал жалобы крестьян в главном зале своего замка?

— Никогда такого не бывало! — громогласно взревел Бурбон. — А теперь наша добрейшая королева еще и возвысила над нами это грязное отребье! А это, о высокородный герцог, тягчайшее и наглейшее из оскорблений, это самое дерзкое попрание традиций королевства! А ведь она еще дитя! Что же будет, милорд, когда она подрастет? — Бурбон умолк, покачал головой и выкрикнул: — Причин более чем достаточно! Мы должны свергнуть ее!

— Должны! — негромко повторил Медичи.

— Должны, — в унисон произнесли остальные лорды.

— Должны! — эхом прокатилось по залу, и вскоре уже все собравшиеся скандировали:

— Должны! Должны! Должны!

— А я говорю: нет!!! — воскликнул Логир, перекричав дружный хор.

В зале воцарилась тишина. Логир встал во весь рост, расправил плечи и стал больше похож на короля, нежели на герцога.

Лишь самую толику спокойнее — так, что звучание его голоса было подобно ударам боевого колокола, — он проговорил:

— Она — законная правительница страны. О да, она капризна и тороплива в суждениях, она вспыльчива и упряма — все верно. Но все это — грехи молодости, поступки ребенка, которому следует втолковать, что его власть имеет пределы. Теперь мы должны указать ей на те пределы, которые она нарушила. Только это нам позволено сделать, но не более того.

— Женщина не способна мудро править страной, — прошелестел голос советника Медичи, и герцог подхватил:

— О мой добрый и мягкосердечный двоюродный братец, Господь не дал женщине мудрости правления страной!

Бурбон ухватился за эту мысль.

— Верно, добрейший дядя. Почему она не подарит нам короля? Если хочет, чтобы у страны был славный и мудрый правитель — вышла бы замуж!

«Уж не из числа ли отвергнутых Катариной ухажеров этот Бурбон?» — задумался Род. Герцог, судя по всему, был отъявленным распутником, и романтика в его душе явно не ночевала.

— Престол принадлежит ей по праву! — взревел Логир. — В ее жилах течет кровь Плантагенетов, а этот род царствовал в нашей стране со времен ее зарождения! Что же, добрейший мой племянник, ты успел так легко позабыть клятву верности, которую принес этому благороднейшему из родов?

— Династии вырождаются, — злобно стреляя глазками, подсказал Бурбону его советник.

— О да! — обрадованно прогремел Бурбон. — Кровь Плантагенетов истончилась и прокисла, милорд!

«Ага, вот оно как пошло... — заметил Род. — Теперь он уже не «дядя», а «милорд».

— Их кровь ослабла, милорд! — не унимался Бурбон. — Она ослабла настолько, что Плантагенеты не оставили наследника мужского пола, и нами правит женщина, почти девчонка, вздорная и взбалмошная! Кровь Плантагенетов истощилась, выдохлась. И теперь нашим королям нужна новая кровь!

— Кровь Бурбонов? — Логир презрительно усмехнулся, приподнял бровь.

Бурбон покраснел, собрался было ответить дерзостью, но тут на выручку ему пришел Медичи:

— О нет, добрейший двоюродный брат мой, не кровь Бурбонов. Разве отыщется в нашем королевстве кровь благородней, чем у тех аристократов, что обитают на юге?

Логир, не мигая, смотрел на Медичи. Кровь отхлынула от его лица. Он смертельно побледнел.

— Я не пойду на это!

— О нет, милорд, это нам ясно, — масленым голоском продолжал Медичи. — Однако нам нужна новая, свежая кровь, нам нужен человек отважный и решительный, молодой, который знает, как поступать, и который без растерянности поступит так, как должно. — Медичи возвысил голос. — Какого же короля нам еще желать, как не Ансельма, сына Логира?

Голова Логира дрогнула так, словно его ударили по щеке. Он не спускал взгляда с Медичи, лицо его из бледного стало землисто-серым.

Он опустил руку, ища подлокотник кресла. Годы тяжким грузом вдруг легли на его плечи.

Логир опустился на стул, крепко сжал подлокотник. Глаза его в отчаянии искали сына... нашли, а потом он обвел всех собравшихся гневным взглядом.

— Злодеи! — прошептал он. — Кровожадные, наглые злодеи! Вы решили отобрать у меня сына...

Ансельм дерзко вскинул голову, выпятил подбородок, однако взгляд его был полон страха и вины.

— Нет, милорд... — запинаясь, вымолвил он. — Я с самого начала... был с ними.

Опустошенный взгляд Логира вернулся к сыну.

— И ты... даже ты... — прошептал он, и вдруг голос его окреп. — О нет, ты — более других! Прежде всех и всего — ты!

И тут вперед вышел Дюрер и встал рядом с Ансельмом. Ухмылка на его губах стала победной улыбкой.

Логир медленно перевел взгляд на советника. Их глаза надолго встретились.

По залу прокатился приглушенный ропот — это советники старались получше разглядеть происходящее.

— Нет, — прошептал Логир. — Это был ты... — Он медленно выпрямился. Затем взглянул в глаза каждому из Великих лордов и снова вернулся взглядом к Дюреру. — Вы все заодно. — Голос его вновь обрел силу, но теперь в нем звучали горечь и сожаление. — Все обсудили заранее, верно? Вы все согласны, ибо каждый среди вас повздорил со своей совестью и переспорил ее. — И еще более скорбно проговорил он: — Какая же оса вас всех укусила и так отравила ядом ваши души?

Глаза Дюрера метали молнии. Он открыл было рот, чтобы вставить слово, но Логир не дал ему.

— Ты! Ты, человек со звезд! Ты явился ко мне пять лет назад, а я, старый дурень, решил, что ты действуешь во благо нашей страны, а потом твои презренные приспешники-горбуны один за другим прокрались в наши замки, а я все радовался — несчастный старый глупец! — Он поискал взглядом Ансельма. — Ансельм, ты, кого некогда звал я своим сыном, очнись и открой глаза свои! Берегись человека, который пробует подаваемое тебе мясо, ибо он способен отравить его!

Род вдруг понял, как может окончиться это сборище. Советники не могли рисковать, оставив Логира в живых. Старик был еще силен и бодр, а потому опасен. Он еще мог склонить лордов к лояльности, к верности престолу. Шансы были невелики, конечно, но они существовали, и Дюрер не мог этого допустить.

Ансельм раздвинул плечи, в глазах его вспыхнул мятежный огонь. Он опустил руку на плечо Дюрера, даже

не заметив, что под тяжестью его руки горбун скрипнул зубами.

— Я верю этому человеку, — заявил Ансельм, видимо, искренне веря, что голос его звучит торжественно. — Он с самого начала был со мной. И я высоко ценю его мудрость, как оценю и твою, если ты встанешь на нашу сторону.

Логир прищурился.

— Нет! — вскричал он. — Прочь от меня, вероломное чадо, я не желаю слышать твои изменнические речи! Лучше умереть, чем быть заодно с тобой!

— Ты получишь то, чего хочешь, — прошипел Дюрер. — Скажи, какой смертью ты предпочитаешь умереть.

Логир гневно взглянул на советника и в мгновение ока встал во весь рост.

Ансельм пару мгновений таращил глаза, потом выпалил:

— Молчи... Не смей, Дюрер. Он... Он глупец, он изменник, но он... он мой отец, и никто не смеет тронуть его!

Брови Дюрера вздернулись.

— Пожелали пригреть клубок ядовитых змей у себя на ложе, милорд? Однако это не в вашей воле, а в воле всех остальных лордов, и потому это должно быть сделано. — Дюрер возвысил голос и прокричал: — Что вы скажете, лорды? Заслуживает ли смерти этот человек?

Возникла тягостная пауза. Род крепко сжал рычаг. Он обязан был вытащить Логира! Он запросто мог открыть дверь и утащить старика в потайной ход, и никто бы не успел понять, что произошло...

Но успел ли бы он закрыть дверь и предотвратить погоню? Вряд ли. Врагов было чересчур много, и находились они слишком близко. Дюрер, как минимум, отреагировал бы на такое развитие событий мгновенно.

Ох, только бы петли и пружины были в порядке! У Рода было сильное подозрение, что за ними вряд ли образцово ухаживали в последние несколько веков.

— Заслуживает, — ответил нестройный хор.

Дюрер обернулся к Логиру и учтиво склонил голову:

— Приговор — смерть, милорд.

Он обнажил шпагу и шагнул к старику.

И тут погас свет.

Род на миг остолбенел. Как это могло...

Но он тут же навалился всем весом на рычаг, а как только каменная глыба со стоном шевельнулась, выхватил кинжал. Сначала действовать, думать — потом.

Скрежет каменной двери заставил всех в испуге умолкнуть, но через пару мгновений в зале воцарился сущий хаос. Закричали все разом: одни от страха, другие от гнева, третьи воплями призывали слуг, дабы те снова запалили факелы.

Шум был весьма неплохим прикрытием. Род вынырнул из-за двери, и наконец его пальцы уткнулись в чьи-то ребра. Их обладатель взревел и размахнулся. Род дежурно пригнулся и избежал удара по макушке. Он нажал на кнопку выше рукоятки и в свете, исходившем от клинка, разглядел герцога Логира.

С яростным воем на Рода налетел кто-то другой, костлявый, невысокого роста. Род ахнул от боли и покачнулся. Острая сталь пронзила его плечо. Клинок был тут же отдернут, Род почувствовал теплую пульсацию вытекающей из раны крови и развернулся. Дюрер, судя по всему, тоже заметил огонек.

Мерзкий горбун был готов снова броситься на него. Род пригнулся и, на счастье, успел перехватить руку, сжимавшую клинок.

Однако горбун оказался на удивление силен. Он давил на руку Рода, она опускалась все ниже, ниже, и вот Род почувствовал, что кончик клинка уперся ему в горло.

Он попробовал защититься другой рукой. Плечо сводило от боли, рука не слушалась.

Острие вонзилось в шею Рода еще на дюйм. Род почувствовал, что кровь стекает по шее, страх сковал его.

Жуткий, парализующий страх... но тут он услышал леденящий душу стон.

Дюрер ахнул, клинок выпал из его пальцев, он отпустил Рода.

Зал наполнился страшными стонами, сопровождаемыми вскриками ужаса.

Во мраке повисли три огромных белесых силуэта, увенчанные черепами. Черные провалы ртов были зловеще округлены. Горацио и еще двое бывших лордов Логиров не теряли зря время, отпущенное им в загробной жизни.

Род с превеликим трудом ухитрился отдать распоряжение роботу:

— Род! Шестьдесят циклов!

Голова у него едва выдержала вибрацию страшенного гула, но страх отступил. Он снова нажал кнопку на кинжале, отыскал взглядом герцога Логира. Род одним прыжком оказался рядом со стариком и нанес тому меткий удар под ложечку. Старик испустил усталый выдох и повалился на плечо Рода — к счастью, на здоровое.

Род развернулся и побежал — всей душой надеясь, что бежит туда, куда надо.

За его спиной слышались визги Дюрера:

— Уши заткните, тупицы! Тупицы! Тупицы!

Род продвигался вперед, не разбирая в темноте дороги, пригибаясь под весом Логира. Он никак не мог найти двери! А потом — цоканье чьих-то каблуков, прерывистое, хриплое дыхание за спиной — это Дюрер искал его во мраке. Теперь, заткнув уши, Дюрер снова превратился в опасного врага. Помимо всего прочего, как Род мог отбиться от него, когда одно плечо ранено, а на другом возлежал Логир?

Холодным ветерком обдало его щеку, мимо пронесся белесый силуэт.

— За мной! — крикнул Горацио Логир.

Род послушно последовал за призраком.

Он бежал, прихрамывая, за Горацио, вытянув вперед здоровую руку, словно бегун на эстафете. Увы, это не спасло его: он на полном ходу врезался раненым плечом в край дверного проема, взвыл от боли, чуть не уронил Логира, но все же устоял на ногах и прижался спиной к стене узкого потайного коридора, тяжело, хрипло дыша.

— Поспеши, смертный! — вскричал Горацио. — Рычаг! Ты должен закрыть дверь!

Род кивнул, судорожно хватая ртом воздух, и стал шарить рукой по стене в поисках рычага, надеясь, что не уронит герцога Логира. Наконец его ладонь легла на поверхность проржавевшего металла. Род дернул рычаг вверх, дверь со скрежетом закрылась.

Он стоял согнувшись, еле дыша.

Миновала, казалось, целая вечность. Логир зашевелился. Род, собрав последние силы, опустил старика на пол. Задыхаясь, поднял взгляд к Горацио.

— Премного благодарен, — выдохнул он, — за чрезвычайно своевременную помощь.

Горацио отмахнулся и улыбнулся — если это можно было назвать улыбкой.

— Будет тебе, смертный! Как бы ты сумел исполнить данную мне клятву, погибнув?

— Чего не знаю, того не знаю, — покачал головой Род, без сил припав к стене. — Но вышло у вас все просто здорово. Вот только... хотелось бы узнать, где вы нашли рубильник, чтобы отключить все факелы разом?

— Рубильник? Отключить? — непонимающе переспросил призрак.

— Ну... как вы проделали этот фокус с факелами?

Призрак нахмурился:

— Но... разве это не твоих рук было дело?

Род поднял руку:

— О нет... Погодите, погодите! Так... Значит, вы решили, что это сделал я... А я решил, что вы.

— Верно.

— Но это сделали не вы.

— Воистину так.

— И я этого не делал.

— Похоже, что так.

— Тогда, — поморщился от боли Род, — кто же?

— Кто это? — сдавленно проговорил Логир, пришедший в себя.

В глазок проник луч света.

Горацио в страхе простонал и исчез.

Род прижался к глазку. Факелы снова горели, Дюрер взобрался на возвышение. Он размахивал кинжалом и вопил:

— Где? Где они?!

Род отошел от глазка и хитро усмехнулся Логиру:

— Думаю, нам не стоит торчать здесь, ожидая, пока они это выяснят, милорд. Пойдемте?

Он развернулся, чтобы идти, но пальцы Логира цепко сжали его плечо. Род охнул, скривился от боли.

— Прошу вас, милорд, если вам, конечно, не трудно... воспользуйтесь другим моим плечом.

— Что это был за человек? — сурово вопросил Логир.

— Человек? — Род непонимающе огляделся по сторонам. — Какой... человек?

— Тот, что только что стоял здесь рядом с нами. В белых одеждах.

— А-а-а! — Род пристально вгляделся в лицо старого герцога. Видно было, что Логир все еще не вполне оправился после случившегося и еще не готов был встретиться лицом к лицу с реальностью. — А это... так, один родственник.

— Твой родственник? Здесь?

— Нет, милорд, не мой. Ваш. — Род отвернулся и, ведя рукой по стене, пошел вперед по коридору.

Немного помедлив, за ним последовал Логир.

Свет, проникавший в туннель через глазок, вскоре померк. Род, чертыхаясь, продвигался на ощупь. Спускаться по узкой лестнице за углом предстояло в кромешной тьме.

Род свернул за угол, нащупал было кинжал и уже был готов нажать на кнопку, но вдруг увидел перед собой светящийся блуждающий огонек. Род уставился на него с нескрываемым страхом, но как только глаза его привыкли к тусклому свечению, разглядел лицо, потом — фигуру (рассмотреть всего человека целиком возможности не представлялось, однако каждая часть сама по себе была так прекрасна, что ею можно было любоваться и по отдельности). Вытянутая рука, а на ладони — блуждающий огонек. Лицо, полное тревоги.

— Гвендилон, — проговорил Род.

Тревога девушки сменилась радостью и облегчением, но лишь на миг. Затем в глазах ее вспыхнул огонек затаенной обиды.

Она притворно учтиво поклонилась:

— Милорд.

— Ничего себе! — буркнул Род. — Какого черта ты тут делаешь?

Гвендилон изумленно смотрела на него:

— Я шла за вами, господин.

— Нет, нет, нет! — Род зажмурился. — Мы так не договаривались! Теперь ты должна меня ненавидеть и прекратить таскаться за мной!

— Ни за что, господин, — еле слышно отозвалась девушка.

Род открыл глаза. Может, она шутит? Нет. Не тут-то было. Род снова вспомнил наставления Тома насчет девиц-крестьянок.

— А это, — спросил Род, кивком указав на блуждающий огонек, — что у тебя такое?

— Это? — Гвендилон посмотрела на огонек. — Это всего лишь маленькое колдовство, которому меня научила моя матушка. Этот огонек осветит нам дорогу и поможет выбраться из подземелий.

— Осветит, пожалуй, — не стал спорить Род. — Да позволено мне будет поинтересоваться, как ты ухитрилась погасить факелы в главном зале?

Гвендилон не сразу собралась ответить.

— Быстро не расскажешь, господин. Разве у нас есть время?

Род, поджав губы, смотрел на нее:

— Но это твоих рук дело?

— Моих, господин.

— Это еще одно маленькое колдовство, которому...

— Выучила меня моя матушка, верно. — Она весело кивнула.

— Ну, ладно, — процедил сквозь зубы Род. — Почему бы, собственно, и нет? Пошли, малышка.

Род тронулся в путь по узкой лестнице, кривясь от боли всякий раз, когда задевал плечом стену.

— Милорд! — ахнула Гвендилон и робко коснулась его плеча. — Вы ранены!

Род повернулся к ней вполоборота, придерживаясь за стену, и отбросил ее руку. Гвендилон мгновение непонимающе смотрела на него, потом опустила ресницы, томно улыбнулась, схватила Рода за руку и притянула к себе.

— Милорд, вам не нужно так...

— Отпусти! — Род потянул руку к себе, прислонился спиной к стене. Девушка проворно прижалась к нему.

— Любезная леди!..

— Меня так никогда не называли... — проворковала она теплым, гортанным, хрипловатым голосом и теснее прижалась к Роду.

— О, женщина, прошу тебя! — Род предпринял отчаянную попытку провалиться сквозь стену. — Я просто не в силах представить себе более неэстетичного места для...

— Когда вы рядом со мной, ни время, ни место для меня ничего не значат, — прошептала она ему на ухо и ласково прикусила мочку зубами.

«А я еще думал, что у меня есть какие-то принципы...» — подумал Род.

— Послушай, — пытаясь увернуться, проговорил он, — у нас нет ни времени, ни места... — Он ахнул и скривился: рука Гвендилон легла на его рану. — Послушай, малышка, даю тебе слово: дай только выбраться отсюда, и я твой!

Гвендилон затаила дыхание, немного отстранилась, пытливо заглянула в глаза Рода:

— Правда, господин?

— Ну... — Род яростно оттолкнул ее. — Двадцать четыре часа обязуюсь исполнять все твои желания.

— Мне хватит, — кокетливо мурлыкнула Гвендилон и столь же кокетливо улыбнулась.

Род мгновение сердито смотрел на нее, потом буркнул:

— Знаешь, киска, ты бы лучше выплюнула перышки канарейки да поскорее вывела нас отсюда!

— Слушаюсь и повинуюсь, господин! — Гвендилон развернулась, взмахнула пышными юбками и легко сбежала вниз по мшистым ступеням.

Род проводил ее взглядом и, немного помедлив, бросился за ней.

Миновав три пролета, он нагнал ее, схватил, развернул и крепко обнял.

Гвендилон встретила его изумленным взглядом, который тут же сменился выражением наигранной наивности.

— Милорд, нам ведь нельзя задерживаться...

— Это нас задержит совсем ненадолго, — прошептал Род, притянув Гвендилон к себе. Губы у нее были теплые и влажные...

Она радостно вздохнула и отстранилась:

— Славно... Но зачем?

— А это задаток, — усмехнулся и подмигнул ей Род.

Гвендилон коротко рассмеялась, повернулась и потащила Рода за собой по коридору:

— Скорее! Нам надо спешить!

Род высвободил руку и проводил девушку взглядом.

Позади него послышался негромкий веселый смех.

Род обернулся и одарил Логира возмущенным взглядом.

— Старый пошляк, — проворчал он и бросился следом за Гвен.

Стены по обе стороны туннеля были скользкие, а сам туннель настолько узкий, что до стен оставалось всего-то дюйма три. Подъем по лестнице на один пролет, поворот, новый пролет, камни, покрытые слизью и влагой, просачивавшейся в подземелья из озера. На стенах — кочки бледного, белесого мха, под низко нависающим потолком — давно покинутые паучьи сети.

Одолев двенадцатый лестничный пролет, Род услышал где-то впереди журчание воды.

— Выход к озеру, — объяснила ему Гвендилон. — Мы пройдем по его краю. — Она оглянулась. — Как ваше плечо, господин Род?

— Ничего, терпимо, — проворчал он.

— Кровь еще сочится?

— Да нет, похоже, впиталась в камзол. Вот будет морока отмывать...

— Гм-м-м, — многозначительно протянула Гвен и поспешила вперед. — Значит, с этим придется потерпеть, покуда мы не доберемся до берега реки. Поспешим, господа, нам надо уйти подальше, пока нас не стали искать в конюшнях.

Род нахмурился:

— Почему? Мы разве там выйдем на поверхность?

— Нет, мы выйдем у реки, но когда враги явятся в конюшни, то обнаружат, что там нет вашего черного жеребца и пегого коня герцога.

— Да ну? — Род прокашлялся и спросил чуть громче, чем надо было бы: — И куда же, скажи на милость, подевался мой жеребец?

— Я у реки, Род, — негромко прозвучал голос Векса, — вместе с Большим Томом и двумя настоящими лошадьми.

Гвендилон собралась было ответить, но Род не дал ей сказать ни слова:

— Да-да, он у реки, и другие лошади тоже. Я знаю.

Гвен, судя по всему, немного удивилась.

— Но вот вопрос, — продолжал Род, — откуда Большой Том проведал, что нам понадобятся лошади?

Гвендилон нахмурилась и отвела взгляд.

— Я ему сказала, милорд. Просто подумала — а вдруг? Дурного-то ведь в этом ничего нет. Просто показалось мне, что они понадобятся.

— Показалось, — эхом отозвался Род. Так она еще и ясновидица? Час от часу не легче!

— Да, господин, показалось, — подтвердила Гвендилон и вдруг сбавила шаг. — Осторожнее, господа. — И она опасливо перешагнула через что-то, лежавшее на полу.

Род остановился, взглянул.

Это был маленький человеческий скелет — всего футов восемнадцать в длину, однако пропорции соответствовали

телосложению взрослого человека, а никак не ребенка. Кости позеленели от плесени.

Род взглянул на Гвендилон.

— Похоже, он тут не так давно лежит, — сказал он. — Кто это такой?

— Один из тех, кого зовут Маленьким Народцем, господин, — скорбно поджала губы Гвендилон. — В этом замке с некоторых пор поселилось злое колдовство.

Рода настолько поразило то, каким тоном это было сказано, что он более внимательно присмотрелся к Гвендилон, пропустив мимо ушей возмущенное восклицание Логира.

Лицо девушки обратилось в камень, губы были горестно сжаты.

— Бедняжка, — прошептала она. — А мы даже не можем задержаться, чтобы совершить его погребение, как подобает. — Гвен отвернулась и поспешила вперед.

Род осторожно перешагнул через маленький скелет и пошел за ней.

— Что за колдовство? — поинтересовался он, нагнав девушку.

— Такое... что-то вроде... пения... в воздухе, господин, но слухом не слышно этого пения, а только разумом. Если бы мы с вами попытались пройти сквозь него, оно бы нас задержало, а вот Маленький Народец от этого пения погибал.

Род сдвинул брови:

— Пение, говоришь?

— Пение, господин. Но его не слышно ушами.

Силовое поле! Но это же невероятно! Спроси любого физика, и он скажет тебе, что...

— А давно это случилось?

— Пять лет миновало с тех пор, милорд. Тянулось это не больше месяца, а потом я одолела это колдовство, сняла чары с подземелий, но злой колдун не то не заметил этого, не то просто не стал снова напускать свои чары.

Род остановился так резко, что сзади на него налетел Логир. Он довольно долго простоял, провожая взглядом хрупкую женскую фигурку, торопливо уходящую вперед по

коридору. В конце концов Род закрыл рот, сглотнул накопившуюся слюну и тронулся в путь.

Силовое поле! И когда — пять лет назад, как раз тогда, когда здесь появился Дюрер...

Род вспомнил о шкале на странном устройстве, похожем на машину времени, залюбовался пышными рыжими волосами Гвендилон, развевавшимися за ее спиной.

И она отключила силовое поле? Машина из будущего — а простая крестьянская девушка одолела ее?

Род нагнал свою подружку и взглянул на нее с нескрываемым уважением:

— А-а-а... Гвен, дорогая...

— Что, милорд? — Она посмотрела на него удивленно, но довольно и едва заметно покраснела.

Род непонимающе нахмурился. В чем дело? Ах да. Понятно. Он назвал ее «Гвен», да еще и «дорогая».

— Да, милорд, я изгнала это злое колдовство. Но Маленький Народец больше не вернется сюда, и я так думаю, что им не стоит возвращаться.

«Это точно, — подумал Род, — не стоит». Дюрер & Со вряд ли отнесутся благосклонно к крошкам-шпионам и наверняка уже понаставили для них тут всяких пренеприятных сюрпризов. Он не спускал изумленного взгляда с шагавшей впереди девушки. Похоже, у той в запасе тоже было немало сюрпризов...

— Уже недалеко, господа!

Род оторвал взгляд от Гвендилон и увидел впереди тусклое пятнышко света. Блуждающий огонек на ладони девушки угас.

Вскоре спутники вышли из поросшего мхом и травой устья туннеля и оказались под ночными небесами. Все три луны ярко светили. В нескольких ярдах отсюда текла река, берега которой заросли ивами и кипарисами. После затхлости туннеля воздух казался необычайно свежим и прохладным. Логир поежился.

— Хозяин! — послышался неподалеку негромкий окрик, и из тени под деревьями вышел Большой Том, ведя под уздцы трех лошадей.

Род схватил Гвендилон за руку и уже был готов бегом броситься навстречу Тому... но был вынужден остановиться, поскольку девушка с силой, поразительной для столь хрупкого создания, удержала его.

— Нет, милорд, — решительно заявила она. — Сначала нужно позаботиться о вашей руке.

— О которой из них? — проворчал Род, разминая здоровую руку и кривясь от боли. — Послушай, у нас времени нет...

— Рано или поздно ваша рана задержит нас в пути, — твердо проговорила Гвендилон. — Уж лучше подлечить ее сейчас, да и уйдет на это всего пара мгновений.

Род вздохнул и сдался. С интересом мужчины, знающего толк в женщинах, он проводил взглядом девушку, убежавшую к реке, гадая, что же за странное и приятное чувство поселилось в его сердце.

— Она права, — низким баритоном сказал герцог Логир и развернул Рода лицом к себе. — А теперь стисни зубы, да покрепче.

Он расстегнул камзол Рода. Род собрался было что-то возразить, но еще мгновение — и ему стало не до возражений: Логир резко распахнул камзол, сорвал с раны запекшуюся корочку, и Род издал беззвучный вопль.

— Пусть вытечет немного крови, — проворчал Логир и стащил рукав с раненой руки.

Тут как раз появилась Гвендилон с пучком какой-то травки и небольшим бурдюком. «Наверное, Большой Том приберег», — решил Род. А пять минут спустя он уже подсаживал Гвендилон в седло. Как только девушка села, Род вспрыгнул и уселся у нее за спиной. Он пришпорил Векса, и Гвендилон вздрогнула, услышав приглушенный лязг металла. А когда Векс припустил вперед бодрым галопом, девушка обернулась и устремила на Рода вопросительный взгляд.

— Вот почему я зову его Старина-Железный-Бок, — пояснил Род. — Отдохни, откинься назад. Путь предстоит неблизкий.

— Но, милорд, мне вовсе не обязательно...

— Лошадей всего три, Гвен. Кому-то же надо ехать вдвоем. Не бойся, Векс не заметит разницы.

— Но, милорд, я...

— Ну все, тише. Милорд Логир! — крикнул Род через плечо. — Поезжайте впереди, милорд, вы лучше нас знаете дорогу.

Логир молча кивнул и пришпорил своего пегого скакуна. Тот прибавил шагу и обошел Векса. Род поскакал вперед, слыша за спиной топот копыт лошаденки Тома.

— Прошу вас, милорд, но мне нет нужды...

— У нас будет время поговорить, — буркнул Род. — Меня другое волнует: след мы оставляем уж слишком заметный. Нужно как можно быстрее оказаться подальше, чтобы нас не догнали.

Гвендилон вздохнула:

— А вы оглянитесь, милорд.

Род послушно обернулся и увидел... что не менее сотни эльфов заметают их следы крошечными метлами. Мало того: эльфы еще приподнимали каждую травинку, примятую копытами коней.

Род зажмурился:

— Нет... О нет! Господи, за что? За что это мне? — Он повернулся к Гвендилон. — Гвен, это ты позвала этих... Гвен?

Седло опустело. Она исчезла.

— Гвен! — прокричал Род и резко натянул поводья.

— Честное слово, Род, — укоризненно проговорил Векс, — я должен заметить, что твоя манера управления...

— Гвендилон!!! — крикнул Род во всю глотку.

С высоты донесся крик, похожий на крик чайки.

Род запрокинул голову.

Скопа. Та самая. Он был готов поклясться. Да что там «готов»! У него и сомнений не было!

Птица снизилась и закружила над головой Рода, торопя его своим криком.

Но как она только умудрилась вложить в клекот скопы столько женственности?

Птица умчалась прочь и, летя над самой землей, устремилась вслед за конем Логира.

Вернулась, снова сделала круг над головой Рода и вновь устремилась вперед.

— Ладно, ладно, — проворчал Род. — Я тебя понял. Мне пора трогаться и перестать задерживать остальных. Векс, ступай за этой птицей. Векс? Векс!

Конь стоял на негнущихся ногах, голова его неподвижно повисла.

Что ж... Векса можно было понять. Психика Рода тоже подверглась недюжинному испытанию. Он вздохнул и нажал кнопку перезарядки робота.

Через полчаса лошадей пустили рысью, а к рассвету старый герцог уже устал настолько, что с трудом держался в седле.

Честно говоря, и Род был не в лучшей форме. Поравнявшись с герцогом, он сказал:

— Вон на том поле есть стога, милорд. Нам нужно остановиться и передохнуть. Скоро рассвет, а при свете дня нам ехать опасно.

Логир, полусонно моргая, поднял голову:

— О да, да. Конечно.

Он натянул поводья своего коня. Род и Том последовали его примеру.

Преодолев придорожную изгородь, спутники направили лошадей к ближайшему стогу. Род спешился и успел подхватить герцога, иначе бы тот без сил соскользнул наземь. Большой Том расседлал коней и пустил пастись, а Род отвел (даже скорее отволок) старого аристократа к стогу, после чего втащил его наверх.

Уложив Логира на мягкое сено, Род отошел в сторонку и еле слышно проговорил:

— Векс.

— Да, Род.

— Уведи своих сородичей подальше отсюда — куда-нибудь в такое местечко, где бы вас троих было трудно заметить, а на закате возвращайтесь сюда.

— Хорошо, Род.

Род немного постоял, прислушиваясь к удаляющемуся конскому топоту.

Опустил глаза, посмотрел на Логира. Старик крепко спал. Нервное напряжение, долгий путь верхом, не говоря уже о том, что он столько времени провел, не ведая сна.

Род забросал спящего лорда сеном, поискал глазами Большого Тома и успел заметить исчезающие в сене сапоги своего слуги. Сбрую и седла Том уже спрятал. Вскоре из сена высунулась обветренная физиономия Тома.

— Вам бы лучше спрятаться поскорей, хозяин. Скоро солнце взойдет, нельзя, чтобы нас увидели крестьяне.

— А они не подойдут к этому стогу?

— Нет. Это поле далеко от замка, так что за этим сеном явятся еще только через несколько дней.

Род кивнул, раскинул руки, подпрыгнул и съехал со стога на спине. Том уже заканчивал маскировку.

— Доброй ночи, Большой Том.

— Доброго утра вам, хозяин, — отозвался приглушенный голос из глубины стога.

Род усмехнулся, покачал головой и отправился к соседнему стогу. Взобрался наверх, утрамбовал сено так, что получилась вмятина, и, испустив блаженный вздох, улегся и вытянулся.

Но тут послышался свист крыльев, и рядом с Родом на сено опустилась скопа, легла набок... и через мгновение подле Рода уже лежала Гвендилон.

Она хитро усмехнулась и принялась распускать шнурки на корсаже.

— Двадцать четыре часа, милорд. От рассвета до рассвета. Вы дали слово повиноваться мне все это время.

— Но... но... но... — Род, выпучив глаза, смотрел на Гвендилон. Она сорвала с себя корсаж и отбросила его в сторону, затем принялась снимать блузку. — Но... должен же кто-то стоять в дозоре!

— Не бойтесь, — проворковала она. Снятая блузка взлетела вверх и упала на сено. — Об этом позаботятся мои друзья.

— Твои друзья? — рассеянно спросил Род, думая совсем о другом: он заметил, что здешняя цивилизация еще не додумалась до изобретения бюстгальтера.

— Да, Маленький Народец.

В одно мгновение к кучке снятой одежды прибавились юбка и сабо.

Когда Род высунул голову из стога, садилось солнце. Его лучи окрасили сено в алый цвет.

Род огляделся по сторонам, вдохнул прохладный, свежий вечерний воздух и с наслаждением вздохнул.

Чувствовал он себя просто прекрасно.

Он одним движением руки отшвырнул сено, вспомнил о том, как чудесно прошел день, и пробежался любовным взглядом по изгибам тела Гвендилон.

Род наклонился, и их губы соединились в долгом глубоком поцелуе. Гвен проснулась.

Род отстранился, девушка приоткрыла глаза. Губы ее тронула неторопливая, счастливая улыбка.

Она потянулась — медленно, по-кошачьи. Род поразился тому, как тут же участился его пульс, и мысленно поднял свою оценку на балл.

Гвендилон он и так уже выставил самую высокую оценку и вдруг не без тревоги поймал себя на мысли о том, что сожалеет о своем бродяжничьем образе жизни. И еще его жутко грызла совесть. Гвен заглянула в его глаза и серьезно спросила:

— Что вас печалит, господин?

— Скажи, Гвен, ты никогда не сожалеешь о том, что тобой пользуются?

Она лениво улыбнулась:

— А вы сожалеете, господин?

— Да нет... — Род нахмурился, отвел взгляд. — Но я — другое дело. Я мужчина.

— Правда? Ни за что бы не догадалась, — проворковала она, покусывая мочку его уха.

Род усмехнулся, попробовал было вернуться к прерванному разговору, но Гвен пока не желала отпускать его ухо.

— До чего же глупы мужчины, — тихонько приговаривала она. — Вы вечно болтаете о том, чего нет, вместо того, чтобы говорить о том, что есть. Прошла ночь, так надо жить нынешним утром, покуда оно длится...

Гвен смотрела на него из-под припухших век с радостью женщины, получившей то, чего она хотела.

«Ну, хватит, — подумал Род. — Я уже предостаточно расплатился за единственную попытку сдержать слово».

— Умолкни!

В конце концов, эту самодовольную улыбку с ее губ можно было стереть одним-единственным способом.

И именно этот момент Большой Том избрал для того, чтобы крикнуть:

— Хозяин! Солнце село! Пора в путь!

Род с недовольным ворчанием оторвался от Гвен.

— Этот малый на редкость пунктуален... — Он начал натягивать штаны. — Поднимайся, дорогая, пора.

— Может, не надо? — капризно спросила Гвендилон.

— Надо, — вздохнул Род. — Долг зовет — или по меньшей мере Большой Том. «Вперед, вперед, сыны отчизны! Нас Франция...» Ну, это я так.

Две ночи спутники спешили вперед, то пуская коней галопом, то переводя на шаг, и вот наконец добрались до столицы.

Когда они подъехали к мосту через реку, излучиной огибавшую город, Род изумился, завидев двоих пехотинцев, вооруженных пиками. Шел седьмой час ночи, и по обе стороны от стражников горели факелы.

— Сейчас я с ними разберусь, — негромко проговорил Большой Том и объехал герцога Логира. — Посторонитесь! — крикнул он стражникам. — Дайте проехать моим господам!

Пики, звякнув, скрестились и загородили проезд на мост.

— Кто твои господа? — вопросил один из стражников. — Мятежники или люди королевы?

— Мятежники? — нахмурился Большой Том. — Что стряслось в столице, покуда мы были юге?

— На юге? — подозрительно прищурился стражник. — Так ведь южные лорды и взбунтовались.

— Да знаем мы, знаем, — нетерпеливо взмахнул рукой Большой Том. — Мы там побывали по приказу королевы — если честно, она нас туда на разведку посылала. Мы везем королеве весть о том, что южные лорды затевают бунт, нам даже ведом день, когда они в поход выступают, но скажи, как вышло, что эти вести обогнали нас?

— Что за шутки? — возмутился Логир, подъехав вместе с Родом ближе к стражникам. — Посторонитесь, вы, и дайте дорогу благородным господам!

Стражники дружно перевели взгляд на Логира, развели пики и нацелили их острия в грудь герцога.

— Спешивайтесь и ни с места, милорд герцог Логир! — решительно, но немного испуганно возвестил первый стражник. — Нам приказано арестовать вас по приказу ее величества королевы.

А второй стражник крикнул:

— Начальник! Начальник караула!

Логир был не в силах поверить собственным ушам. Род объехал его и гневно воззрился на стражников.

— Назовите мне преступление, за которое королева приказала арестовать милорда Логира!

Взгляд стражника заметался между Родом и Логиром. Он растерянно ответил:

— За подлую измену ее королевскому величеству.

Логир от изумления раскрыл рот, но тут же взял себя в руки, сурово нахмурил брови. В свете факелов его побагровевшее лицо казалось залитым кровью.

— Я непоколебимо верен ее величеству! — вскричал он. — Приказываю вам прекратить пререкания и дать нам дорогу!

Стражник судорожно сглотнул слюну, но с места не сошел.

— Вести такие, милорд, что бунт возглавляет Логир.

— Послушай, солдатик, — проговорил Род негромко, но так, как говорит со своими подчиненными старый сер-

жант. Взгляд стражника метнулся к нему, но пика его не дрогнула. — Ты ведь меня знаешь, — сказал Род с угрозой человека, уверенного в своей силе.

Это заявление произвело куда больший эффект, нежели возмущенные фразы Логира. Стражник нервно облизнул губы и отозвался:

— Знаю, господин.

— Кто я такой?

— Вы — господин Гэллоугласс, бывший гвардеец королевы.

— *Нынешний* гвардеец королевы, — все так же негромко поправил стражника Род. — Неделю назад посланный на юг с приказом охранять милорда Логира.

Логир резко вскинул голову и, сверкая глазами, взглянул на Рода.

— Мы... мы знали, что вы уехали, — промямлил стражник.

— А теперь знаете и то, зачем я уезжал, — сдерживаясь изо всех сил, продолжал гнуть свою линию Род, стараясь вбить в голову стражника мысль о том, что тому сильно не поздоровится, если он навлечет на себя гнев королевы. — Милорд Логир молит свою кровную родственницу и сюзерена, ее королевское величество, об убежище. Она придет в ярость, если узнает, что ему в этом отказано. Дай нам дорогу.

Стражник крепче сжал пику, кашлянул и упрямо вздернул подбородок:

— Приказ таков: схватить милорда Логира и бросить его в королевскую темницу, добрый господин. Больше мне ничего не известно.

— В темницу?! — покраснев еще сильнее, проревел Логир. — За кого меня принимают? За воришку-курокрада, пойманного с поличным у плетня? Вот так королева приветствует своего верноподданного? О нет, нет! Честь Плантагенетов не могла так низко пасть! Я вырву твой лживый язык за такие речи, презренный кнехт!

Рука герцога метнулась к кинжалу, стражник попятился, но Род остановил старика аристократа.

— Успокойтесь, милорд, — негромко проговорил он. — Это Дюрер опередил нас с вестями. Королева просто не знает о том, что вы верны ей.

Логир не без труда сдержал переполнявший его гнев. Род наклонился и шепнул Тому:

— Том, ты не смог бы отыскать безопасное местечко, где можно было бы спрятать старика?

— Мог бы, хозяин, — сдвинув брови, ответствовал Большой Том. — Там, где его сын. Но зачем?..

— В Доме Кловиса?

— Да, хозяин. Чтоб выкурить их из Дома Кловиса, королеве понадобится вся ее рать и немало пороха.

— Да ну? А я бы сказал, что для этого хватило бы легкого ветерка, — пробормотал Род, — но на лучшее рассчитывать не приходится. Так что...

— Говори громче, чтобы все слышали! — прозвучал новый голос.

— Это кто-то знакомый, — сказал Род погромче и прищурился.

Пройдя мимо стражников, испытавших недюжинное облегчение, вперед вышел сэр Марис.

— Славно, славно, Род Гэллоугласс! Ты доставил и передал в наши надежные руки самого опасного бунтовщика!

Логир был готов испепелить Рода яростным взглядом.

— Не переговаривайтесь между собой, — предупредил сэр Марис. — Я запрещаю вам это. И повинуйтесь моим приказаниям, ибо все вы на прицеле у дюжины арбалетчиков.

Логир выпрямился в седле — стройный, величавый старик. Лицо его приобрело выражение горделивой покорности судьбе.

— Их целая дюжина, говорите? — усмехнулся Род сэру Марису краешком губ. — Всего дюжина для того, чтобы убить Логира? Любезный сэр Марис, в своем ли вы уме?

Окаменевшая маска на лице Логира дала трещину. Он озадаченно взглянул на Рода.

А Род спешился и шагнул к мосту.

— Сэр Марис, сэр Марис, — укоризненно качая головой, произнес он. — Любезный сэр Марис, это ведь подумать только... — Тут он резко обернулся и громко крикнул: — Поворачивайте и скачите отсюда! Мигом!

Сэр Марис и его подчиненные оторопели, раззявили рты, а Большой Том и герцог живо поворотили коней и поскакали прочь. Мгновение спустя на то место, где только что стояли лошади, упали стрелы арбалетчиков.

Только один из стрелков оказался проворнее своих товарищей: его стрела ударилась о круп Векса и, отскочив, упала в реку.

На миг наступила сдавленная тишина, затем лучники испуганно зашептались, по их рядам прокатился ропот:

— Колдовская лошадь! На ней заклятье!

— Следы заметай, Векс, — еле слышно распорядился Род, и его огромный черный скакун встал на дыбы, яростно взбил воздух копытами, развернулся и в одно мгновение исчез в ночном мраке. Вдали стих цокот его могучих копыт.

Род мрачно усмехнулся. Он знал, что след, оставленный Вексом, так перепутается со следами коней герцога и Большого Тома, что даже самый лучший повар, искушенный в приготовлении спагетти, эти следы не распутает.

Род поднял глаза к небу. В свете факелов разглядеть что-либо было трудновато, но ему послышался негромкий клекот скопы.

Он улыбнулся, на сей раз более добродушно. «Пусть Катарина попробует арестовать старика. Пусть только попробует».

Затем он с кислой усмешкой обернулся к сэру Марису.

Старый рыцарь мужественно старался придать своей физиономии гневное выражение, но страх в его глазах был красноречив, как телевизионная реклама. Дрожащим голосом он проговорил:

— Род Гэллоуглосс, ты помог бежать мятежнику.

Род молчал, весело сверкая глазами.

Сэр Марис сглотнул подступивший к горлу ком и продолжал:

— За наглую и подлую измену ее королевскому величеству королеве Грамерая, Род Гэллоугласс, я обязан арестовать тебя.

Род учтиво склонил голову:

— Попытайтесь.

Стражники в страхе зароптали и попятились. Никто не желал связываться с чародеем.

Сэр Марис успел схватить одного из стражников за руку:

— Эй, ты! Солдат! Ну же, солдат! Беги и отнеси весть королеве! Скажи ей о том, что тут творится!

Стражник рванул с места в карьер, явно несказанно радуясь возможности поскорее смыться.

Сэр Марис вернулся взглядом к Роду.

— Теперь ты должен явиться на суд королевы, господин Род Гэллоугласс.

«Ого! — отметил не без удовольствия Род. — Я уже господин? Это что-то новенькое!»

— Пойдешь ли ты сам, по доброй воле, — осторожно поинтересовался сэр Марис. — Или я должен силой отвести тебя?

Род еле сдержался от смеха — настолько потешным казался ему испуг в голосе старого рыцаря. Заработанная репутация сулила ему явные преимущества.

— Я пойду по доброй воле, сэр Марис, — ответил Род и шагнул вперед. — Ну, пойдемте?

В глазах сэра Мариса отразилась нескрываемая благодарность. Неожиданно его потянуло на откровенность.

— Не завидую я тебе, Род Гэллоугласс. И зря ты, на мой взгляд, так хорохоришься. Тебе предстоит разговор по душам с королевой, а ты сам знаешь, какой у нее язычок.

— Знаю, как не знать, — согласился Род. — Да только и у меня есть что сказать ей, верно? Ну, так пошли, сэр Марис.

К несчастью, путь до замка дал Роду время поразмыслить над поведением Катарины, и к тому моменту, когда они с сэром Марисом подошли к королевским покоям, Рода буквально трясло от злости.

Вдобавок (что отнюдь не способствовало поднятию духа) оказалось, что за работу взялась комиссия по встрече в составе двоих стражников и гонца, высланного вперед. В грудь Рода нацелились две пики.

Процессия остановилась.

— И что же, — ледяным тоном произнес Род, — это означает?

Гонец, заикаясь, возвестил:

— К-королева в-воспретила ч-чародею входить в ее п-покои б-без оков.

— Ага. — Род на миг поджал губы, затем, чуть приподняв бровь, учтиво осведомился: — Стало быть, меня собрались заковать в кандалы?

Гонец кивнул, еле живой от страха.

Род отшвырнул от себя пики, со стуком упавшие на пол, ухватил гонца за ворот и отшвырнул прямо на бросившихся к нему стражников. Затем он пнул дверь с такой силой, что она сорвалась с прочнейших металлических петель, не церемонясь, наступил на нее и маршевым шагом прошествовал в покои королевы.

Катарина, лорд-мэр столицы и Бром О'Берин, сидевшие за столом, на котором была расстелена большая карта, в испуге вскочили на ноги.

Бром ловко прыгнул и встал на пути у Рода:

— Какой демон овладел тобою, Род Гэллоугласс, что ты посмел...

Но Род уже обошел карлика и, не сбавляя шага, двигался к столу.

Дойдя до стола, он остановился и устремил на королеву взгляд, от которого она запросто могла бы обратиться в льдышку.

Катарина попятилась, прижала руку к шее — воплощенный страх и растерянность.

Бром вспрыгнул на стол и громогласно вопросил:

— Что означает это дерзкое вторжение, Род Гэллоугласс? Поди прочь и не смей входить, покуда королева не призовет тебя!

— Я бы предпочел не являться перед ее королевским величеством в оковах, — чеканя слова, отозвался Род. — И я не допущу, чтобы благороднейшего и достойнейшего из дворян швырнули в грязную, кишащую крысами темницу вместе с низкими воришками!

— *Ты* не допустишь? — в гневе выдохнула Катарина.

— Да кто ты такой, чтобы здесь распоряжаться! — взревел Бром. — В тебе нет даже жалкой капли благородной крови!

— В таком случае я позволю себе заключить, что благородная кровь порой сочетается с неблагородными поступками, — небрежно бросил Род, рывком отодвинул в сторону стол и шагнул к королеве. — Я почитал вас благородной особой, — с насмешкой проговорил он. — Но теперь я вижу, что вы ополчились против своей родни, против того, кто заменил вам отца! О да, вступив в схватку с любым из ваших вельмож, вы неизбежно бросаете вызов кровнику, но драться с родным дядей?! Одумайтесь, женщина! Да будь он даже злейшим убийцей, и то вам подобало бы отнестись к нему с почетом и уважением, коего требует его высокий титул! Не темницу вы должны были предложить ему, но лучшие из ваших покоев — вот ваш долг крови! — Род оттеснил Катарину к камину, он говорил, глядя ей прямо в глаза: — Да-да, будь он убийцей, вы бы, несомненно, оказали ему подобающие почести! Но нет, он совершил более страшное, на ваш взгляд, преступление: он выказал несогласие с вашими высокомерными, жестокими законами и еще более разгневал вас тем, что с честью и достоинством не ответил на ваши хорошо продуманные обвинения. Он не желает уронить своей чести в то время, когда страной правит мстительная, взбалмошная, капризная девчонка, наделенная титулом королевы, но при том лишенная любых добродетелей. И за это, только за это он стал преступником и изгоем?

— Умолкни, презренный! — выдавила Катарина, смертельно побледнев. — Как ты смеешь так разговаривать с леди?

— Тоже мне — леди! — презрительно фыркнул Род.

— Урожденной леди! — отчаянно, испуганно вскрикнула Катарина. — Неужто ты тоже изменил мне? Ты ли глаголешь устами Дома Кловиса?

— Пусть я говорю, как крестьянин, но вы ведете себя никак не лучше! И теперь мне понятно, почему все отворачиваются от вас, ибо вы без зазрения совести отвернулись от Логира — единственного изо всех лордов, что остался верен вам!

— Верен?! — вскричала Катарина. — Он верен мне? Он, возглавивший бунтовщиков?

— Ансельм Логир возглавил бунтовщиков! Только ради того, чтобы сохранить вам верность, старый герцог отрекся в пользу своего сына!

Нескрываемый ужас и чувство вины зародились в глазах Катарины. Род горько усмехнулся и, отвернувшись, отошел — пусть королева осознает всю глубину своей ошибки. За спиной его послышался тяжкий шелестящий вздох. Бром бросился на помощь к своей повелительнице. Скрипнул стул — значит, Бром усадил королеву.

Лорд-мэр смотрел мимо Рода, широко раскрыв глаза. Род кашлянул, взгляд мэра метнулся к нему. Род кивком указал мэру на дверь. Тот в растерянности перевел взгляд на королеву. Род недвусмысленно положил руку на рукоятку кинжала. Мэр заметил это, побледнел и бросился наутек.

Род обернулся к смертельно напуганной девушке.

Бром, стоявший подле Катарины, одарил Рода взглядом полным ненависти и прорычал:

— Уймись! Неужто ты не ранил ее слишком глубоко!

— Пока нет, — сказал Род как отрезал и поджал губы. Он снова шагнул к королеве и продолжал: — Этот благороднейший, честнейший человек, герцог Логир, ваш родной дядя, из любви к вам восстал против всей аристократии Грамерая и даже против собственного сына! — Голос Рода сорвался. Катарина в страхе смотрела на него. — И повинны в этом вы. Это вы издавали необдуманные указы, у вас напрочь отсутствуют такт и дипломатия, и именно из-за

этого Ансельм ополчился против собственного отца. У герцога было двое сыновей, и вы лишили его обоих!

Катарина отчаянно замотала головой. Губы ее произносили беззвучные возражения.

— Но он все равно остался верен вам! — негромко проговорил Род. — Он верен вам, хотя за это ему грозила смерть. Он был на волосок от гибели!

Взгляд королевы был полон ужаса.

Род похлопал себя по раненому плечу:

— Вот куда пришелся удар клинка, который целил в его сердце. И все же только чудо да помощь одной колдуньи, которая не пользуется вашей благосклонностью, помогли мне спасти герцога и живым и невредимым привезти в столицу!

Бром запрокинул голову и пытливо всмотрелся в глаза Рода. Род нахмурился и продолжал:

— Итак, я сопроводил его сюда, сам будучи в великой опасности. И что же я вижу? Его собрались бросить в темницу! Однако и здесь ему отказано в почестях, приличествующих его высокому титулу! Вы готовы приравнять его к простолюдинам и швырнуть в грязную каталажку!

Ради вящего эффекта Род помедлил, тайно гордясь последней тирадой.

Но видимо, он несколько переусердствовал. Катарина овладела собой, вздернула подбородок, утерла набежавшие слезы.

— Перед моими законами, подданный, все равны!

— О да, — согласился Род. — Однако это означает, что вы обязаны обращаться с крестьянином, как с лордом, но не наоборот! — Он склонился, приблизил лицо к лицу Катарины. — Скажите мне, королева, почему Катарина всех так ненавидит?

Это было неправдой. Она ненавидела только лордов. Но в глазах королевы отразились не только гнев, но и очевидные сомнения в собственной правоте.

Правда, ей все же удалось еще на дюйм приподнять подбородок и заявить:

— Я королева, и все должны склоняться перед моей властью!

— Склоняются, все и склоняются! До тех пор, пока вы не отвешиваете им пощечин! Тогда вам дают сдачи! — Род отвернулся, уставился на пламя в камине. — И не могу сказать, чтобы я винил тех, кто так поступает, когда вы лишаете их свободы.

Катарина возмутилась:

— Свободы? Что ты такое говоришь, подданный? Я только тем и занимаюсь, что стараюсь дать закрепощенным больше свобод!

— Ага, стараетесь, — кисло ухмыльнулся Род. — Но как вы это делаете? Вы только еще сильнее привязываете их к себе. Обкрадываете их сегодня, чтобы завтра щедро одарить? — Род ударил кулаком по подлокотнику стула, на котором сидела королева. — Но завтра не наступит никогда, разве вы этого не видите? В вашей стране слишком много зла, и сколько его ни искореняй, всегда найдется новое зло, и слово королевы должно быть непререкаемым законом — приказом для войска сражаться со злом. — Род медленно отнял руку, глаза его яростно сверкали. — И потому он не настанет никогда — тот день, когда вы даруете своим подданным свободу. В вашей стране никто не будет свободен — кроме королевы.

Он заложил руки за спину и принялся расхаживать по комнате.

— Это ведь штука непростая — свобода... Если у одного человека ее больше, то у другого неизбежно меньше. Если один отдает приказы, другой обязан эти приказы исполнять. — Род поднял руку, медленно сжал пальцы в кулак. — И вот, мало-помалу, вы отбираете у людей свободу, дабы они повиновались малейшей из ваших прихотей. Вы станете обладать полной свободой — сможете делать все, что вашей душеньке угодно, но только вы и будете свободна. А для народа у вас свободы ни капли не останется. Все достанется одной Катарине. — Род разжал кулак и коснулся горла королевы. — Но человек не способен жить, не имея хоть малой толики свободы, — прошеп-

тал он. — И люди либо добьются свободы, либо погибнут в борьбе за нее. — Его пальцы медленно сжались. — Они восстанут против вас, их объединит борьба с общим врагом — с вами. А потом они выжмут из вас свою свободу — вот так, медленно, по капле...

Катарина вцепилась в руку Рода, пытаясь оторвать ее от своего горла. Бром бросился было ей на выручку, но Род уже отнял руку.

— Вас повесят на воротах вашего замка, — прошептал он. — А править вместо вас станут лорды. Все ваши труды пойдут насмарку. Можете даже не сомневаться, что все будет именно так, ибо такова судьба всех тиранов.

Катарина запрокинула голову. Глаза ее были полны жуткого страха. Она судорожно вдохнула и отчаянно замотала головой.

— Нет, нет, я не такая! — наконец выкрикнула она. — Нет! Я вовсе не тиран!

— Всегда были тираном, — негромко поправил ее Род. — С самого рождения. Вы всегда тиранили тех, кто окружал вас, вот только не осознавали этого до сих пор.

Род отвернулся, снова заложил руки за спину.

— Но теперь вы знаете это, знаете также, что во вспыхнувшем бунте вам некого винить, кроме себя самой. Вы упорно подталкивали лордов к мятежу — на благо народа, как вы об этом говорили. — Род оглянулся через плечо. — Но быть может, вы это делали для того, чтобы поглядеть, кто из них скажет вам «нет»? Чтобы убедиться, кто из них — настоящие мужчины?

Презрительная усмешка скривила губы Катарины.

— Мужчины! — фыркнула она. — В Грамерае не осталось мужчин — одни мальчишки, готовые стать игрушками в женских ручках!

Род криво усмехнулся:

— О нет, мужчины здесь еще водятся. Они есть на юге, есть и в Доме Кловиса — по крайней мере один. Они мужчины, моя королева, но они истинные джентльмены, любящие свою королеву и неспособные ополчиться против нее.

Катарина опустила ресницы. На губах ее играла презрительная улыбка.

— Я же сказала: мужчин в Грамерае не осталось.

— А я вам говорю: они — настоящие мужчины, — спокойно, даже чересчур спокойно отозвался Род. — И они выступили в поход на север, дабы доказать это.

Катарина, не мигая, уставилась на него, затем медленно откинулась на спинку стула.

— Ах, так, значит, они идут на север? Что ж, в таком случае я встречу их на Бреденской равнине. И все же среди них нет ни одного, кого я назвала бы мужчиной. Презренные скоты, все до одного.

— Ну, конечно, кто спорит, вы встретите их. — Род насмешливо, приторно улыбнулся. — Но что у вас будет за войско? И кто им будет командовать?

— Я буду командовать! — с горячностью выпалила Катарина. — Я и Бром. У нас будет пять сотен королевских гвардейцев и семь сотен воинов и еще три дюжины рыцарей.

— Шестьдесят рыцарей! — скорбно покачал головой Род. — Да ведь этого южным рыцарям будет мало даже для того, чтобы слегка размяться перед атакой! Шестьдесят рыцарей? А сколько их всего в вашем королевстве? Все остальные — против вас! И двенадцать сотен пехотинцев против тысяч мятежников!

Катарина судорожно сжала подлокотники, чтобы не было заметно, как у нее дрожат руки. Кровь отхлынула от ее лица.

— Мы победим, защищая честь Плантагенетов и Грамерая, или умрем!

— Что ж, стало быть, мне предстоит увидеть, как гибнут в бою лучшие люди вашей страны, — сквозь зубы проговорил Род. — Вот только пока они не с вами, ваше величество.

— Умолкни! — рявкнула Катарина, закрыла глаза, склонила голову. Костяшки ее пальцев, сжимавших подлокотники, побелели.

Она встала — снова гордая и сдержанная. Род не мог не восхититься ее умением брать себя в руки.

Катарина села за стол, придвинула к себе лист пергамента, взяла перо, что-то написала, свернула пергамент и протянула Роду.

— Отнеси это моему дяде Логиру, — приказала она. — Это приказ явиться ко мне, который послужит ему охранной грамотой. Ибо я так думаю, что все, кто верен мне, теперь должны быть рядом со мною.

Род взял у Катарины свиток и методично скомкал его в кулаке, после чего, не сводя глаз с королевы, швырнул в огонь.

— Вы напишете письмо герцогу, и я это письмо ему доставлю, — сказал он голосом, холодностью подобным льдам Антарктиды, — но в письме своем вы должны просить его оказать вам любезность почтить вас визитом.

Катарина вздрогнула, надменно вздернула подбородок. Род поспешно сбавил тон и, улыбнувшись, проговорил:

— Ну, полно, полно, моя королева! Вы ведь и так владеете полной свободой, так разве вам жалко потратить хоть крошечную ее частицу на маленькую любезность? — Глаза его потемнели, улыбка исчезла. — Или вы снова поддадитесь мелочной гордыне, дабы ваша свобода стала предметом торговли? — Род шагнул ближе к столу, грозно встал рядом с Катариной. — Кто заплатит за вашу гордыню, моя королева? Ваш народ? Или вы?

Катарина была готова испепелить Рода гневным взором. Однако что-то в его речах заставило ее задуматься. Она опустила глаза и несколько мгновений сидела не шевелясь. Потом взяла новый кусок пергамента и принялась писать.

Дописав письмо, она сложила пергамент, приложила к нему печать и подала Роду. Он взял письмо, отвесил королеве сверхучтивый поклон, развернулся на каблуках и направился к двери.

Не успев переступить порог, он краешком глаза заметил, как что-то мелькнуло вдоль плинтуса. Род обернулся и увидел, как под гобелен нырнула мышь и затаилась там.

Род стиснул зубы, в два шага оказался возле гобелена, приподнял его.

Мышь смотрела на него очень большими, очень зелеными и слишком умными глазами.

— Терпеть не могу шпионов, — сообщил мыши Род.

Мышь вздрогнула, однако не убежала.

Внезапная мысль мелькнула у Рода. Его суровый взгляд смягчился. Он бережно взял мышь, поднял повыше и заглянул в ее глаза со всей нежностью, на какую только был способен, — а это было нелегко, поскольку зол он был не на шутку.

Он покачал головой:

— Уж не думала же ты, что мне и тут понадобится помощь?

Мышка опустила голову. Усики ее едва заметно дрогнули.

— О боже... — прошептала Катарина. — Этот человек одержим!

— Ваше величество, — задумчиво отозвался Бром, понимающе блеснув глазами, — вы, пожалуй, более правы, чем сами о том догадываетесь.

Род быстро прошагал по подъемному мостику, резво сбежал с холма и углубился в ельник.

— Векс, — негромко окликнул он.

— Я здесь, Род, — послышался отзыв, и из-за деревьев вышел величавый черный стальной конь.

Род улыбнулся и любовно потрепал металлической бок своего верного товарища.

— А как ты, интересно, узнал, что я пойду этой дорогой?

— Элементарно, Род. Анализ типа твоего поведения в сочетании с тем фактом, что этот ельник расположен в непосредственной близости от...

— Проехали, — проворчал Род. — Большой Том отвез Логира в Дом Кловиса?

— Ответ утвердительный.

Род кивнул:

— В нынешних обстоятельствах, пожалуй, для герцога это самое безопасное место. Но какое унижение для титулованной особы!

Он вспрыгнул в седло, сунул руку за край камзола и вытащил оттуда маленькую мышку. Та с обожанием смотрела на него.

— Ладно, — вздохнул Род. — Похоже, совершенно бесполезно тебя воспитывать. Ты все равно все сделаешь по-своему.

Мышка опустила глазки, стараясь придать себе виноватый и пристыженный вид, но при этом усики ее довольно топорщились.

Она потерлась головкой о ладонь Рода.

— Подхалимаж тебе ничего хорошего даст, — проворчал Род. — А теперь слушай меня внимательно. Я еду в Дом Кловиса, отправляйся-ка и ты туда же. Это приказ.

Мышка смотрела на него широко открытыми невинными глазками.

— И думаю, этот приказ ты исполнишь, — продолжал Род, — поскольку ты и сама туда собиралась, не правда ли? Но послушай... — В голосе его появились нотки беспокойства. — Будь осторожна, ладно?

Он поднес мышку к губам и нежно чмокнул в носик.

Та подпрыгнула на его ладони, весело заплясала, кувыркнулась, подпрыгнула выше, и ее лапки превратились в крылья, хвостик оперился, носик вытянулся, превратился в клюв, и вот уже на ладони у Рода с лапки на лапку переступал крапивник.

Род ахнул от удивления.

— Ну да, — выдавил он немного погодя. — Понимаешь, трудновато к этому привыкнуть. Ну, ничего, со временем освоюсь.

Птичка упорхнула с его ладони, описала круг у него над головой, зависла в воздухе и наконец стрелой устремилась ввысь.

Род проводил крапивника глазами и пробормотал:

— Как думаешь, а на этот раз она все сделает, как я ей сказал, а, Векс?

— Сделает, — ответил робот каким-то странным тоном.

Род искоса глянул на величавую черную голову:

— А я думал, роботы смеяться не умеют.

— Кто-то из нас ошибался на этот счет.

— Вперед, — распорядился Род и вогнал каблуки в стальные бока своего скакуна. Тот поскакал вперед стремительным, методичным галопом. — А что мне еще было делать? — проворчал Род.

— С этой дамой, — отозвался Векс, — делать тебе было нечего. Но ты не переживай, Род. Тактика поистине блестящая. К ней и многие короли прибегали.

— Угу, — задумчиво буркнул Род. — И в конце концов, это ведь немаловажно — когда тебе повинуются, верно?

Векс, беззвучно ступая микропористыми подушками, на полном скаку влетел в залитый лунным светом внутренний дворик и резко остановился. Род ударился грудью о затылок коня.

— Уййй! — Он скривился от боли и откинулся назад. — О, моя ключица! Слушай, Векс, ну ты хоть бы предупреждал, когда собираешься так резко тормозить, а? Для тебя инерция — это так, пустячок, а мне из-за нее порой достается по самому больному месту.

— Это по какому же, Род?

— Не будем уточнять, — проворчал Род и спешился. — Скажем так: я только что понял, почему кавалеристы пользовались седлами с разрезом.

Он зашагал по двору и по пути взглянул на одну из лун. Луна висела низко над горизонтом. До рассвета оставалось совсем немного.

Он постучал в дверь. За нею что-то зашаркало, и дверь открылась. На пороге возникла изуродованная, горбатая фигура Пересмешника.

— Чего желаете, милорд?

Не следовало показывать ему, что Род в курсе всех его грязных делишек. Он решительно переступил порог, как бы не особо замечая присутствие горбуна.

— Отведи меня к лорду Логиру, приятель.

— Слушаюсь и повинуюсь, милорд. — Пересмешник опередил Рода и распахнул перед ним следующую дверь. Род

вошел, на ходу стягивая с рук перчатки... и оказался лицом к лицу с вставшими плотным тройным полукольцом нищими и воришками, вооруженными ножами и дубинками.

Они злобно скалились, глаза их голодно сверкали, время от времени кто-то из них плотоядно облизывался.

Физиономии у них были грязные, изуродованные бесчисленными шрамами и прыщами, одеты они были в драное рубище, но при этом ножи у них были в превосходном состоянии.

Род сунул перчатки за пояс, принял стойку карате и развернулся к Пересмешнику. Рядом с тем уже выстроились пять-шесть весьма репрезентативных образчиков отбросов общества.

— Я пришел сюда с миром, — не моргнув глазом, заявил Род.

— Да что ты говоришь? — осклабился Пересмешник, обнажив кровоточащие десны, и каркающе расхохотался. Глаза его полыхнули ненавистью. — Так назови себя, лордишка!

Род нахмурился:

— Назвать себя? В каком смысле?

— За кого ты? За лордов, за королеву или за Дом Кловиса?

— Хватит языком трепать! — рявкнул Род. — Терпеть не могу, когда меня пичкают всякой требухой. Меня уж того гляди вытошнит! Отведи меня к Логиру, и немедленно!

— О, конечно, отведем, как не отвести? Сейчас, милорд, не извольте гневаться, сию секундочку и отведем! — Он потер руки, злорадно осклабясь. Глянул на кого-то поверх плеча Рода и кивнул.

Род повернулся, но получил страшнейший удар по затылку. Из глаз у него посыпались искры, а потом навалилась полная, непроницаемая чернота.

Он не знал, сколько времени прошло, но вот друг за другом появились ощущения: розоватый свет, боль, звук тысячи расстроенных контрабасов, которые кто-то настраивал у него в голове.

Миновало какое-то время, и Род почувствовал прикосновение чего-то холодного и скользкого к щеке и догадался, что розовый свет — это свет солнца, проникающий, сквозь его сомкнутые веки.

Боль перестала растекаться по телу и сосредоточилась в голове. Род скривился, предпринял героическое усилие и приоткрыл глаза, после чего снова скривился от боли.

Перед глазами все плыло, никак не желало принимать четких очертаний — только свет солнца и разноцветные пятна.

Скользким оказался мох у его щеки, холодным — камень, на котором рос этот мох.

Род с силой оттолкнулся руками. Скользкая поверхность уплыла в сторону, голова у него закружилась, он снова уперся в камень руками, чтобы не упасть. Его жутко мутило.

Он потряс головой, зажмурился от боли, потом решился моргнуть несколько раз подряд. Веки царапались о глазные яблоки, словно те стали шершавыми, но вот наконец в глазах у Рода немного прояснилось, и взгляд его остановился на... лице Туана Логира.

Туан сидел, прислонившись спиной к черному выщербленному камню. В камень были вбиты тяжелые железные скобы. Идущие от них цепи заканчивались кандалами, а кандалы обхватывали запястья и лодыжки Туана. Он сидел на кипе грязной гнилой соломы, освещенный тусклым, безрадостным лучом солнца.

Туан усмехнулся с насмешкой столь же тяжелой, сколь опутывавшие его оковы, приподнял руку в приветствии. Звякнули цепи.

— Добро пожаловать.

Род отвел взгляд, осмотрелся. У стены сидел и старик герцог, прикованный рядом с сыном.

— Не могу приветствовать тебя тепло, Род Гэллоугласс, — тяжело выговорил старик. Взгляд его был тосклив и мрачен. — В хорошенькое же убежище отвел меня твой слуга!

Измена! Не следовало доверять Большому Тому.

— Большой Том, ах ты...

— Я здесь, хозяин.

Род повернул голову и увидел возле дальней стены Большого Тома — точно так же закованного в цепи, как и все остальные.

Том печально улыбнулся, устремил на своего господина полный тоски взгляд, какой бывает у собак породы бладхаунд, и сказал:

— Я-то думал, вы нас вызволите, хозяин, а глядишь — и вы здесь, и вас заковали, как и всех нас.

Род негромко выругался, опустил глаза. Его запястье было оковано толстым ржавым железным обручем. Точно такие же обручи обхватывали его лодыжки и второе запястье.

Род взглянул на Тома, усмехнулся, поднял руку, позвенел цепью:

— А ты слыхал когда-нибудь о том, что каменные стены — это еще не тюрьма?

— Кто так сказал, тот большой дурак, — горько вымолвил Том.

Род поднял глаза к небольшому зарешеченному окошку, прорубленному в стене чуть не под самым потолком. Только в него и проникал свет, озаряя тюремную камеру шириной футов десять, пятнадцать длиной и десять высотой. Отсыревшие камни повсюду поросли мхом, на полу валялись кучи гниющей соломы.

Единственным, так сказать, украшением служил скелет, обтянутый высохшей кожей и прикованный к стене, как и живые узники.

Род угрюмо уставился на безмолвного сокамерника.

— Ну и к чистюлям же мы угодили... Могли бы хоть кости перетащить в соседнее помещение. — Род снова перевел взгляд к окну. — Векс, ты где?

— Я в самом грязном и безобразном стойле, какое мне когда-либо доводилось лицезреть, — отозвался робот. — Кроме меня, тут еще пятеро лошадей. Это рядом с цехом, где делают клей. Скорее всего мы должны стать основой кавалерии Дома Кловиса, Род.

Род негромко прищелкнул языком:

— А скажи-ка, Векс, там нигде не пробегала, случайно, мышка такая... с зелеными глазками?

— Нет, Род, не пробегала. Но у меня на голове птичка сидит. Крапивник.

Род усмехнулся:

— Спроси-ка, Векс, у этой птички, умеет ли она управляться с холодным железом.

— Но как мне с ней заговорить, Род?

— Транслируй свою речь на частоте человеческих мыслей, естественно. Она же телепатка, тупая ты машина!

— Род, я вынужден сделать тебе замечание. Я категорически возражаю против грубых инсинуаций и намеков на мои возможности в областях, которые лежат за пределами заложенных в меня программ...

— Ну, ладно, прости, виноват! Ты гений, ты вундеркинд, Эйнштейн! Но ты все-таки задай ей этот вопрос, ладно?

Последовала пауза, затем Род расслышал негромкое чириканье.

— Это кто там расчирикался, Векс?

— Гвендилон, Род. Это она так бурно реагирует на новый для нее способ телепатического общения с лошадью.

— Хочешь сказать, что она чуть не свалилась с твоей буйной головушки? Но сказать-то она сказала хоть что-нибудь?

— Конечно, Род. Она говорит, что уверена в том, что ты — чародей.

Род застонал и возвел глаза к потолку.

— Послушай, ты ее постарайся по-деловому настроить, а? Спроси, может она избавить нас от этих цепей и перепилить решетку на окне?

Последовала новая пауза, затем Векс проинформировал Рода:

— Она говорит, что у нее нет власти над холодным железом, как и у любого из знакомых ей эльфов и ведьм. Она предлагает прибегнуть к услугам кузнеца, но боится, что это не слишком практичное предложение.

— О боги!.. Ладно, скажи ей: я рад, что она не утратила чувства юмора. И спроси, как же она, проклятие, намеревается вытащить нас отсюда?

— Она говорит, что бранные выражения употреблять ни к чему, Род.

— Я же тебя не просил передавать сказанное мной слово в слово!

— Она думает, что вас смог бы освободить принц эльфов. Она думает, что он придет вам на выручку, но он находится на некотором расстоянии отсюда, так что придется немного потерпеть.

— Но ведь эльфы не могут прикасаться к холодному железу!

Очередная пауза. Затем Векс сообщил:

— Она говорит, что принц эльфов — как бы не совсем эльф, что он наполовину человек.

— Только наполовину?.. Минутку, минутку! То есть он полуэльф-получеловек?

— Именно так, Род.

Род попытался представить себе, каким же экзотическим образом могли зачать младенца эльф восемнадцати дюймов ростом и земная женщина, или наоборот, но так и не представил.

— Теперь она отбывает, Род, чтобы позвать его, и вернется так быстро, как только сможет. Она призывает вас к терпению и стойкости.

— Куда уж больше! — буркнул Род. — Ладно, передай ей, что я ее... Нет, просто скажи, что я ей очень признателен.

Вроде бы ему послышался еле слышный вздох. Робот чуть разочарованно отозвался:

— Я ей передам, Род.

— Спасибо, Векс. Ты там тоже не скучай.

Род вернулся взглядом к товарищам по несчастью. Сын и отец Логиры в испуге прижались к стене и смотрели на него с нескрываемым страхом.

— Он разговаривает сам с собой, — пробормотал Туан. — Он одержим, этот человек!

— Что-то в этом духе я уже слышал... — задумчиво проговорил Род.

— Но так, — опасливо вымолвил Логир, — разговаривают одни только безумцы!

Большой Том негромко хохотнул:

— Да нет, милорды. Этот человек беседует с духами.

Род вяло усмехнулся:

— С чего это вдруг ты так развеселился, Большой Том?

Верзила потянулся, звякнули его цепи.

— Да подумал было, что вас и вправду поколотили шибко, хозяин. Теперь вижу — вы в добром здравии.

— Ты зря так радуешься, Том. Холодное железо, братец мой, это, понимаешь, такая штука — его не так просто расколдовать.

— Да что ж тут не понять. — Большой Том лениво опустил веки. — Только вы обязательно придумаете, как это сделать.

Он сцепил руки на животе, откинулся к стене и вскоре безмятежно захрапел.

Род улыбнулся, посмотрел на Логиров, кивком указал на Тома:

— Вот вам пример уверенности. Покуда я продумываю план нашего спасения, он мирно посапывает.

— Будем надеяться, что его вера в вас не напрасна, — сказал Туан, с сомнением поглядывая на Рода.

— Будем, — мрачно отозвался Род и кивнул герцогу. — Возобновляете знакомство?

Логир улыбнулся:

— Я несказанно рад видеть моего сына, хотя и ожидал, что встреча наша будет несколько иной.

Туан хмуро уставился на свои закованные в кандалы руки.

— Печальные вести поведал мне отец, печальные и постыдные. — Он поднял к Роду глаза, полные праведного гнева. — О да. Я знал, что брат мой — человек злой и рвущийся к власти, но никогда я не думал, что он унизится до измены.

— О, не стоит так строго судить беднягу. — Род прислонился к стене и устало прикрыл глаза. — Его околдовал Дюрер. А уж если он своим колдовством отца того и гляди грозил опутать, так что же дивиться тому, что он так преуспел с сыном?

— Верно, — со вздохом согласился Туан. — Сам же я пал жертвой Пересмешника.

— О? — Род приоткрыл один глаз. — Стало быть, вы наконец все поняли?

— О да! Он притворнейший из злодеев! Будет вам кланяться и льстить, а его подручный в это время украдет ваш кошелек. Вот так он обошелся со мной!

Род поджал губы.

— Это он уговорил вас стать во главе нищих?

— Он, — тяжело кивнул Туан. — Поначалу я хотел только одного: избавить их от голода и холода, но он уговорил меня задуматься о том, чтобы создать из нищих войско для защиты королевы. А все, что я слышал и видел на юге, заставило меня уверовать в то, что такое войско вполне может понадобиться.

Старый герцог хрипло кашлянул.

— Прости, отец, — сказал Туан, склонив голову. — Но я понимал, что даже тебе не удастся долго сдерживать их. Но я никак не ожидал, — срывающимся голосом проговорил он, — измены от Ансельма.

Род пошевелился. Сидеть в оковах было положительно неудобно.

— Ну... как я уже сказал, его нельзя судить слишком строго. Если на то пошло, он все же пытался помешать Дюреру убить вашего батюшку.

Род вытянул ноги и скрестил их.

— Итак... Когда Пересмешник узнал о том, что юг вооружился и готов выступить в поход на столицу, он решил, что пора взять все в свои руки и свергнуть королеву. Верно?

— Верно. — Туан скривился так, словно впервые в жизни отведал чистого вермута. — А когда я возразил и сказал, что пробил час защитить королеву, он назвал меня изменником, и... — он умолк, говорить ему было явно тяжело, —

и один из нищих был готов убить меня на месте. Но Пересмешник не желал и слышать об этом, и меня бросили сюда и теперь морят голодом. — Туан взглянул на Рода и нахмурился. — И ведь это очень странно, Род Гэллоугласс. Ведь, по идее, ему следовало самолично расправиться со мной.

— Нет. — Род прикрыл глаза, покачал головой. — Ему нужен кто-то, кто стал бы марионеточным королем после свержения Катарины.

— Нет, не король им нужен, — вздохнул Туан. — Он твердит, что у нас впредь никогда не будет короля, а будет кто-то вроде вождя, которого будет избирать народ.

— «Кто-то вроде вождя», — с издевкой произнес Род. — И как же именно Пересмешник называет того, кто получит этот высокий пост?

— Диктатор, — отозвался Туан и задумчиво пожевал губу. — Очень странный титул. Не будет ни дворян, ни короля — только диктатор. Воистину это странно.

Род кисло усмехнулся:

— На самом деле ничего странного в этом нет. Но не хотите же вы сказать, Туан, что нищие уверены в том, что им под силу взять замок приступом?

— Нет, но известно, что юг взбунтовался, а Катарина не из тех, кто будет сидеть и ждать, когда мятежники подойдут к крепостным стенам.

— Ага. — Род ненадолго задумался. — То есть Пересмешник почти не сомневается: она выступит на юг, дабы дать южанам сражение?

— В этом нет никаких сомнений. А Пересмешник тронется к югу следом за ней.

Род понимающе кивнул:

— Следовательно, когда войска вступят в бой, Пересмешник атакует армию королевы с тыла.

— Только такой подлости и можно от него ожидать, — проворчал Логир.

Туан кивнул:

— И, будучи зажатым между двумя противниками, войско королевы не простоит и получаса.

— А как Пересмешник предлагает поступить с дворянами и советниками после окончания битвы? Дюрер, кстати говоря, намерен сделать королем вашего брата.

— Похоже, что так, — согласился Туан. — Но у Пересмешника на этот счет уже заготовлен ответ.

— Вот как? — Род заинтересованно вздернул брови.

— Да. Всего-навсего трубка из металла, прилаженная к ложу арбалета, но это оружие пускает свинцовые ядра, способные пробить самые крепкие доспехи.

— И он намерен вооружить этими орудиями каждого из своих воинов?

— О нет, — нахмурился Туан. — Таких орудий у Пересмешника всего пять. Одно для него самого, три для командиров и еще одно — для еще одного командира. — Туан кивком указал на мирно храпящего Тома. — Но этот в последние дни впал в немилость. А Пересмешник говорит, что этих пяти трубок хватит, чтобы противостоять всему войску, которое соберут дворяне и советники.

Род, не мигая, смотрел на Тома.

— Большой Том? — ахнул он. — Командир?

— Да. — Туан озадаченно сдвинул брови. — А вы не знали, что он из Дома Кловиса?

Том приоткрыл один глаз и глянул на Рода.

Род отвел взгляд, кашлянул и поджал губы.

— Что ж, это кое-что объясняет. — Он вернулся взглядом к Большому Тому. — Стало быть, ты — большая шишка?

Большой Том кисло усмехнулся и красноречиво поднял закованную в кандалы могучую руку. Цепи выразительно звякнули.

— Был, — пробасил он.

— Он восстал против них, — вступил в разговор Логир, — восстал против своих собратьев и этого — как вы его зовете? Пересмешник? Он восстал против Пересмешника и троих его приспешников, когда они начали кричать, что меня надо бросить в темницу вместе с моим сыном. «Нет, — сказал Том, — я должен отвести его к моему господину, тогда он сможет помочь вам в осуществлении ваших замыслов». — «Замыслы теперь другие», — стали

кричать они и не желали слушать о том, чтобы отпустить меня, и тогда этот ваш слуга, Том, стал драться плечом к плечу со мной и уложил наповал многих врагов.

Последние слова старый герцог произнес уважительно и удивленно.

Том усмехнулся. Род заметил, что у его «слуги» не хватает одного зуба.

— Да вы и сами не промах, — хохотнул Том. — Вот не думал, не гадал, что дворянин может так здорово драться без меча и доспехов.

Род вгляделся более пристально и рассмотрел Большого Тома получше. Один глаз у верзилы был подбит, лиловел кровоподтеком, по щеке тянулась глубокая ссадина.

Род откинулся к стене, криво усмехнулся:

— Скольких же ты сразил нынче, Большой Том?

— Да поменьше дюжины, — недовольно пробурчал Том. — Дрались-то мы на пару с этим пожилым джентльменом, а народу против нас было многовато.

Род ухмыльнулся, гадая, осознал ли Логир, каким комплиментом его только что одарил Большой Том.

Он потянулся, зевнул.

— Что ж, что было, то было. Теперь деваться некуда. Надо ждать. Ни у кого, случайно, покерной колоды нет с собой?

Отец и сын Логиры озадаченно нахмурились, а вот по глазам Большого Тома было видно, что слово «покер» ему знакомо.

Род злорадно улыбнулся верзиле. Физиономия у того вытянулась и окаменела. Он не спускал глаз с Рода.

— Ну, ладно, будет тебе, Том! — небрежно бросил Род. — Твоя тайна уже всем известна. Не имеет смысла притворяться, верно?

Том еще пару мгновений пожирал Рода гневным взглядом, но вот в глазах его появилось мечтательное, задумчивое выражение.

Он прислонился к стене, полуприкрыл глаза.

— Ну да, чего там... — проворчал он. — Вы все правильно говорите, а когда вы говорили неправильно?

Рода охватило пренеприятное чувство: он начал догадываться, что Большой Том видит в нем не только господина и не только участника игры.

— Я теперь, считай, с вами в одном котле варюсь, — буркнул Том. — Так чего же мне лицемерить?

— «Лицемерить»? — Род, выгнув бровь, смотрел на своего слугу. — Выражаешься ты что-то чересчур высокопарно для простого крестьянина, Большой Том?

Том нетерпеливо махнул рукой:

— Да хватит вам в игрушки играть! Я сбросил маску, так окажите такую любезность, снимите и свою.

Род замер, помолчал, потом улыбнулся:

— А ты сообразительнее, чем я думал, Том. И давно ты догадался?

Логиры, ничего не понимая, изумленно следили за ходом этого странного диалога.

Большой Том коротко хохотнул:

— Да еще тогда, господин, когда вы применили против меня приемы дзюдо.

— Ага. — Брови Рода взметнулись. — Стало быть, с самого начала. Так вот почему ты решил ко мне в услужение наняться...

Том лениво ухмыльнулся.

— По приказу?

Том кивнул.

Род опустил глаза и принялся внимательно разглядывать свои наручники.

— Кто вы такой, господин?

— Чародей, — ответил Род, мысленно содрогнувшись. Но лучшего ответа он сейчас дать не мог.

Большой Том сплюнул.

— Опять в игры играете, господин? А ведь сами сказали — хватит. Вы не из советников, иначе вы бы не выкрали у них лорда Логира, и вы не из Дома Кловиса, а то бы я вас издавна знал. Так кто вы такой?

— Чародей, — повторил Род. — Новый игрок в вашей игре, Большой Том, честно и откровенно стоящий на стороне королевы. Я — X, неизвестное число в уравнениях

советников и Дома Кловиса, и оказался здесь вследствие чистой случайности и ряда совпадений.

— Ну да, так я вам и поверил! — снова презрительно сплюнул Большой Том. — Вот во что я не верю, господин, так это в случайности. Что вы за королеву, это я понял, а вы мне вот что скажите: кто за вами стоит?

— Странные речи... — ошарашенно вымолвил старый герцог. — Чтобы слуга вот так разговаривал со своим господином!

Род хитро усмехнулся:

— А слуга и сам странный, милорд.

— Ага, и господин тоже, — осклабился Том. — Ну, так на кого вы работаете, Род Гэллоугласс?

Род задержал взгляд на верзиле, пожал плечами. Слово, которое он собирался произнести, Логирам не скажет ровным счетом ничего, а Том уже был на его стороне.

— АБОРТ, — ответил он.

Том вытаращил глаза, раскрыл рот и проговорил почти шепотом:

— А я-то думал, что никого из них уже нет в живых. — Он с трудом сглотнул слюну, прикусил губу. — А вы, стало быть, живы. Можно подумать — призрак, ан нет, вы живой, а не то бы ведьма навряд ли к вам привязалась... Я слыхал, что после победы вы рассеялись, но можно ведь было и догадаться! Это была тайна, большая тайна... наверное... никто ее не знал, но вы выжили.

— После победы? — нахмурился Род.

Том в ответ нахмурился еще сильнее.

А потом верзила просиял, усмехнулся, прислонился к стене и громоподобно расхохотался.

Отец и сын Логиры смотрели то на него, то на Рода. Род развел руками и покачал головой. Том протирал слезящиеся от смеха глаза.

— Ну да, ну да, теперь я все понимаю, и какой же я дурак, что раньше не понял. Которого вы века, господин?

— Века? В каком смысле? — непонимающе переспросил Род. — Сколько мне лет, в смысле? Тридцать два, а что?

— Да нет же, нет! — раздраженно замотал головой Том. — Из какого вы века?

Рода озарило. Губы его сложились в букву «О».

— Так это все-таки была машина времени!

Большой Том замер, поняв, что означает реакция Рода.

— И, — ухватился за свою догадку Род, — еще одна такая же спрятана в этом здании, верно?

— Хватит! — буркнул Большой Том. Взгляд его стал суровым и холодным. — Вы и так уже знаете больше, чем нужно, Род Гэллоугласс.

От страха у Рода засосало под ложечкой, по спине поползли мурашки — таким леденящим душу ужасом повеяло от взгляда Большого Тома.

— Большой Том. — Род прокашлялся и заговорил монотонной скороговоркой: — Большой Том, теперь твои собратья ополчились против тебя. Ты не обязан впредь хранить им верность. То, чего хотят добиться они, по плечу и мне. Вернешься к ним — они убьют тебя. Я этого делать не стану, это тебе известно.

Злоба и ненависть растаяли в глазах Большого Тома, могучие мышцы великана мало-помалу расслабились.

— Нет, не станете, — проворчал Том. — И вы опять правы, даже сами не знаете насколько. Меня вытянули, призвали для свершения великих подвигов и снова призовут, ибо я слишком ценен для них, чтобы так легко отказаться от меня. Но это верно — они убьют меня — через год, через два, через пять, когда я стану им не нужен. А я хочу жить.

Род скептически вздернул брови.

— Они что же, ни капельки не сомневаются в твоей верности делу?

Большой Том басовито хохотнул:

— А чего сомневаться-то, господин? Я ведь с ними не согласен только в средствах, а по части цели у нас полное согласие. Но даже за это несогласие они меня рано или поздно кокнут.

— Род, — прозвучал негромкий голос, слышный только Роду.

Род поднял руку:

— Тихо! Я слушаю выпуск последних известий!

— Род, прибыл принц эльфов. Он ведет в вашу темницу целый отряд.

В голосе робота слышались смешливые интонации.

— Ну, хорошо, и что ты в этом нашел такого смешного?

— Тебя ожидает сюрприз, Род.

К зарешеченному окошку прильнули две морщинистые седобородые мордашки. Род нахмурился:

— Векс, это же гномы, а не эльфы.

— Гномы? Ах, ну да, это эльфы, знающие толк в металлах. Чистой воды семантика, Род. С холодным железом им все равно не управиться.

Гномы извлекли откуда-то молоток и зубило с бронзовым отливом, отошли от окошка и передали инструменты стоящему у окна человечку повыше ростом. Тот подошел и загородил собой оконный проем.

Логиры, прикованные к стене под окном, выгнули шеи, пытаясь рассмотреть, что происходит, как только прозвучал первый удар молотка.

Большой Том нахмурился:

— Кого-то мне напоминает этот тип за окошком... Вот бы лицо его увидеть!

Род сдвинул брови:

— Да что там за лицо такое может быть? Наверняка уродец, каких поискать.

Том хмыкнул, осклабился.

— Так ведь какую историю можно будет детишкам рассказать, добрый господин, ежели я успею их народить... Ни одному смертному еще не посчастливилось узреть эльфийских правителей, хотя поговаривают, что лет им просто немыслимо сколько. Они... а... а-а-а... м-м-м-м-м...

Голова Тома упала на грудь, и он громко захрапел.

Еще мгновение — и еще двое узников сладко засопели. Род обернулся и увидел, что оба Логира мирно, безмятежно спят.

Металлический прут отделился от решетки и упал на по

Род присвистнул. Этот принц эльфов, невзирая на преклонный возраст, отличался недюжинной силой и ловкос-

тью, если сумел так быстро разделаться с железным прутом толщиной в дюйм с помощью одного только молотка и зубила.

Вскоре на пол со звоном упал третий прут. Послышался шорох, и в окошко влез и спрыгнул вниз приземистый широкоплечий человечек.

Род зажмурился, помотал головой и открыл глаза — он догадался, почему Том и Логиры так внезапно уснули.

Он сглотнул подступивший к горлу ком, постарался придать себе спокойный вид и улыбнулся:

— Рад видеть тебя, Бром О'Берин.

— К вашим услугам, — буркнул карлик, не слишком добродушно улыбаясь. — Надо бы тебе подзатыльник хороший отвесить, Гэллоугласс, за то, как ты с королевой разговаривал. Вот только сам никак не решу — не то подзатыльник отвесить, не то большущее спасибо сказать.

Бром отвернулся к окну и что-то негромко произнес на странном, певучем наречии. В проем окна влетело зубило и упало у ног Брома. Следом за зубилом влетел и молоток — Бром поймал его на лету.

— Ну, вот... — Он опустился на колени, взял Рода за руку и прижал ее плашмя к полу. — Не шевелись, а не то я тебе запястье перебью. — Бром приставил зубило к первому звену цепи и легко ударил по нему молотком. Звено распалось. Бром довольно хмыкнул и перебрался к другой руке Рода. — Браслетики у тебя пока что останутся, а вот цепи я удалю. А с браслетиками разделаемся, когда до дворцового кузнеца доберемся.

— А-а-а... Крепкая, однако, тут у вас бронза, — растерянно пробормотал Род, наблюдая за тем, как зубило входит в железо, словно в сливочное масло.

— Еще какая крепкая, — согласился Бром, уже приступивший к кандалам на лодыжках Рода. — Древний рецепт, испокон веков известный нашему семейству.

— А-а-а... твоему семейству?

— Ну да. — Бром взглянул на Рода снизу вверх. — Эльфы ведь и в Древней Греции водились, Род Гэллоугласс. Ты разве не знал?

Род этого действительно не знал, хотя совсем не ожидал, что зайдет такой разговор.

Наконец, освободившись от оков, Род поднялся на ноги и стал наблюдать за тем, как Бром освобождает остальных узников. Принц эльфов... Это кое-что объясняло... Хотя бы рост и телосложение.

— Вот не знал, что ты — королевская особа, Бром.

— А? — Бром оглянулся через плечо. — А я думал, ты догадываешься. Откуда бы еще у меня такое имечко взялось?

Он вернулся к работе, а Род задумался. Имя? При чем тут имя? Бром? О'Берин? Ну и что? Род не видел в этом сочетании ничего необыкновенного.

— Ну вот, последняя окова, — объявил карлик, перебив цепь возле лодыжки Большого Тома. — А теперь, будь так добр, подсоби мне, Род Гэллоугласс.

Бром подпрыгнул и выскочил в окошко. Род поднял Большого Тома и, согнувшись под его чудовищным весом, все же ухитрился дотащить верзилу до окна. Оттуда уже свисала веревка. Род обвязал одним ее концом руки Тома, другой конец забросил в окошко и крикнул:

— Тяните!

Он услышал, как крякнул от натуги Бром, и в который раз поразился необыкновенной силе карлика: Большой Том заскользил вдоль стены к окошку, продолжая самым мирным образом похрапывать.

Между тем Родом овладели сомнения. Как же удастся протащить Большого Тома с такими плечищами и пузом в узкое окошко.

— Почему бы... не разбудить его... и пусть бы он сам пролез, а? — ворчал Род, упершись плечом в железобетонную ягодицу своего слуги.

— Потому, что я не желаю, чтобы смертные проведали о том, кто я такой, — последовал приглушенный отзыв Брома.

Большой Том, на взгляд Рода, безнадежно застрял в проеме окна. Род прикинул: не дать ли спящему верзиле хорошего пинка, но эту мысль быстро отверг.

— Ну... а меня вы почему... не усыпили? — осведомился он, обессиленно подталкивая Большого Тома вверх.

— Должен же был кто-то из вас мне подсобить, — ответил Бром, но у Рода осталось сильное подозрение, что дело не только в этом.

Вопросы он решил оставить до того момента, когда все его товарищи и он сам окажутся по ту сторону темницы. Плечи Туана оказались не менее серьезным барьером, чем пузо Тома. Пришлось втащить молодого Логира обратно и вытянуть его руки вперед. Род с нетерпением ждал, когда же очередь дойдет до более худощавого папаши.

Наконец Бром вытянул наверх самого Рода, ворча на предмет того, что рыбка нынче пошла больно крупная. Род пробурчал в ответ нечто в этом же духе, а потом склонился чуть не до самой земли.

— Ты чего это? — проворчал Бром.

— Давай отвешивай свой подзатыльник. Ты же сам сказал, что я его заслужил?

Карлик рассмеялся и хлопнул Рода по плечу:

— Ладно тебе, парень. Ты ведь сделал только то, что мне следовало сделать давным-давно, вот только все духу не хватало. А теперь пошли, мешкать нельзя.

Бром взвалил на плечо Туана. Гномы подхватили его за руки и за ноги и потащили к разрушенному фонтану посреди двора.

Из-под булыжников мостовой вылезли еще несколько гномов и подставили свои плечи под неподъемное тело Большого Тома.

Род изумленно покачал головой, наклонился и поднял с земли спящего герцога Логира.

Бром повозился с камнем в основании фонтана, поворочал его и оттащил в сторону. Открылся вход в темный туннель — всего три фута в диаметре.

Род потрогал Брома за плечо.

— Может, лучше все-таки разбудить их?

Бром одарил его возмущенным взглядом, глаза его потемнели.

— Мы отправляемся в страну эльфов, Гэллоуглас! Ни одному смертному нельзя войти в нее и запомнить свое странствие.

— Мне же можно.

— Это верно, — согласился Бром и начал втаскивать в туннель Туана. — Но ты не настолько смертен, как прочие. Ты — чародей.

С этими словами карлик исчез в туннеле.

Род собрался было возразить, но передумал и ограничился еле слышным ворчанием насчет дискриминации и обещаниями доложить об оной в Комиссию по правам человека. Ворча, он втащил в туннель герцога Логира.

Двое гномов уже были готовы закрыть вход камнем, но Род поднял руку и остановил их.

— Векс, — пробормотал он, устремив взгляд в сторону конюшни. — Мы отбываем. Выбирайся из этой вонючей дыры. Встретимся в замке.

Через мгновение со стороны конюшни послышался грохот и треск ломаемого дерева. Ворота с громким стуком распахнулись настежь, и оттуда под лучи утреннего солнца выбежал огромный черный жеребец, гордо подняв голову и размахивая длинной шелковистой гривой.

Из узких окон кабачка высунулись головы заспанных постояльцев, из открытых ворот конюшни выбежал растрепанный мальчишка-конюший, отчаянно вопя и приказывая удравшему жеребцу остановиться.

— Давай скорее же! — взревел Род, но Векс неожиданно остановился и оглянулся на конюшего через плечо.

Мальчишка, крича, подбежал к коню, протянул руку, намереваясь схватить его за уздечку.

В этот миг шкура Векса озарилась синеватой вспышкой. В ладонь мальчишки ударил электрический разряд.

Конюший вскрикнул, упал, сжимая пострадавшую руку другой рукой, и принялся со стоном кататься по мостовой. А Векс развернулся и был таков.

— Показуха, — проворчал Род, когда конь скрылся с глаз.

— Вовсе нет, Род, — последовал спокойный ответ робота. — Просто-напросто демонстрационный открытый урок. Сила тока была невелика. Его тряхануло, конечно, но не слишком сильно, зато твоя репутация чародея значительно возросла.

Род медленно покачал головой:

— Куда уж больше...

— Почему, магистр Гэллоугласс, — проговорил один из гномов голоском, до боли напоминающим скрежет ржавой открывалки для консервных банок, — вы не желаете, чтобы мы верили, что вы — чародей?

— Что-что? А-а-а, да я... я... — Род оглянулся и посмотрел в глубь туннеля. — Чародей? Ну, конечно, я чародей! По крайней мере — на время нашего странствия по Эльфландии. Ну, что, в путь, братцы?

Довольно скоро они уже сидели у камина в кабинете королевы. Катарина принесла искренние извинения Логиру, но Туана при этом нарочито игнорировала. Покончив с выражением любезностей, королева и герцог заговорили о делах.

Туан сидел слева от камина, устремив задумчивый взгляд на языки пламени.

Катарина сидела в углу, за большим дубовым столом — как можно дальше от Туана. За столом, кроме нее и герцога, восседал и Бром О'Берин.

— Вот каково истинное положение дел на юге, моя королева, — сказал Логир. Рассказ свой он вел, ожесточенно жестикулируя и пересыпая его подробностями, суть которых Роду была совершенно непонятна. — Я более не герцог, а мятежные лорды уже выступили в поход.

Катарина поерзала на стуле.

— Ты снова станешь герцогом Логиром, — холодно заявила она, — когда мы победим этих изменников!

Логир печально улыбнулся:

— Победить их будет не просто, Катарина.

— «Ваше величество»! — вспыхнула она.

— «Катарина»! — рявкнул Род.

Она гневно зыркнула на него.

Он ответил ей взаимностью.

Катарина поспешно отвела взгляд.

— Как следует меня называть, Бром?

— «Ваше величество», — ответил Бром, пряча улыбку в бороде. — Но для вашего дяди и его сына, вашего кузена, вы должны оставаться Катариной.

Катарина сердито откинулась на спинку стула. Род с трудом сдержал улыбку.

Она овладела собой и одарила Брома самым выразительным взглядом типа «И ты, Брут?» из своего арсенала.

— Я думала, ты за меня, Бром О'Берин!

— Конечно, за вас, — улыбнулся Бром. — И этот охотничий сокол тоже. — Он кивком указал на Рода.

Катарина удостоила Рода ледяным взором.

— Охотничий сокол — да, — надменно кивнула она и проговорила: — А как насчет попугайчика?

Туан вздрогнул, как от пощечины, и посмотрел на Катарину глазами полными обиды и боли.

Но вот он поджал губы, и между бровями его залегла складка.

«В один прекрасный день, — подумал Род, — она ударит его чересчур сильно, и это будет самый счастливый день в ее жизни — если она, конечно, доживет до него!»

— Я — за тебя, — выдохнул Туан, — за тебя, Катарина, моя королева, даже теперь.

Она улыбнулась — надменно и презрительно:

— А я и не сомневалась.

«Стерва! — подумал Род и сжал кулаки. — Нет, какая стерва!»

Катарина заметила, как шевельнулись его губы.

— Что ты там бормочешь, подданный?

— О? Это я просто выполняю дыхательные упражнения, коим меня некогда выучил мой учитель риторики. — Род прислонился к стене, сложил руки на груди. — Вернемся, однако, к мятежникам, любезная королевушка. Как вы все-таки намерены с ними поступить?

— Мы выступим на юг, — фыркнула Катарина, — и дадим им бой на Бреденской равнине!

— Нет! — Логир вскочил на ноги. — Их вдесятеро больше!

Катарина уставилась на дядю, крепко сжала губы.

— Мы не станем тут сидеть, затаившись, словно крысы в норе!

— Тогда, — сказал Род, — вы проиграете.

Катарина презрительно глянула на него (а это было не так просто, поскольку она сидела, а Род стоял).

— Поражение — это не бесчестие, Род Гэллоугласс.

Род стукнул себя по лбу и закатил глаза.

— А как же мне быть, по-вашему? — вспыхнула Катарина. — Готовиться к осаде?

— Ну, если вас интересует мое мнение, — съязвил Род, — я бы сказал: да.

— Кроме того, — вставил Туан, цедя слова сквозь зубы, — кто будет прикрывать ваши тылы от наступления Дома Кловиса?

Королева скривилась:

— Подумаешь? Сборище никчемных попрошаек!

— Попрошаек и отъявленных головорезов, — уточнил Род. — С очень острыми ножами.

— Пристало ли королеве страшиться жалких нищих? — фыркнула Катарина. — О нет! Они — всего лишь пыль у меня под ногами!

— В пыли у вас под ногами вьется змея, — проворчал Бром, — и ее зубы остры и ядовиты.

Катарина прикусила губу, растерянно потупилась, но тут же надменно запрокинула голову и гневно воззрилась на Туана:

— Ведь это ты ополчил их против меня, собрал из них войско, это ты обратил их в клинок, нацеленный мне в спину! Какой беспримерный подвиг верности, о король бродяг!

Род вскинул голову, медленно повернул ее к Туану. В глазах юноши пылало пламя.

— Я выступлю в поход, — решительно объявила Катарина. — Пойдешь ли ты со мною, милорд Логир?

Старик медленно, утвердительно кивнул:

— Ты поступаешь глупо, Катарина, и сложишь голову в бою, но я погибну вместе с тобой.

Катарина на миг растерялась, на глаза ее набежали слезы.

Она поспешно перевела взгляд к Брому.

— А ты, Бром О'Берин?

Карлик развел руками:

— Я был сторожевым псом вашего отца, миледи, останусь и вашим.

Катарина любовно улыбнулась, прищурилась, посмотрела на Туана.

— Говори ты, Туан Логир.

Юноша медленно отвернулся, устремил взгляд на пламя в камине.

— Как странно... — задумчиво проговорил он. — Прожить на свете всего двадцать два года — ведь это так мало... Оглянуться назад, а сколько же было сделано глупостей!

Катарина сдавленно ахнула.

Туан решительно хлопнул по колену:

— Что ж... решено! Я жил глупо, так же глупо и погибну. — Он обернулся. Взгляд его был нежен и задумчив. — Я готов умереть рядом с тобой, Катарина.

Лицо королевы стало землисто-серым.

— Глупость... — проговорила она еле слышно.

— Он сам не понял, как умно сказал, — проворчал Бром и глянул на Рода поверх плеча Туана. — Что ты скажешь о глупости, Род Гэллоугласс?

Род внимательно вгляделся в глаза Брома.

— «Мудрый дурак, храбрый дурак», — пробормотал он.

— Как ты сказал? — непонимающе нахмурился Бром.

— Я сказал, что нам, глядишь, еще удастся уцелеть! — усмехнулся Род. В глазах его вспыхнули веселые огоньки. — Эй, король бродяг! — воскликнул он и хлопнул Туана по плечу. — Если бы не стало Пересмешника и его подручных, сумел ли бы ты уговорить нищих драться за королеву?

Туан ожил.

— Верно... Еще как смог бы! Но это если бы их не стало...

Род растянул губы в злорадной ухмылке:

— Не станет.

Луна стояла высоко. Род, Туан и Том перебежали из тени у полуобрушенной стены в тень бортика фонтана во дворе Дома Кловиса.

— Взломщики из вас аховые, — пробурчал Большой Том. — Я бы вас лиги за три услыхал.

Уговорить Тома отправиться на эту вылазку было непросто. Род сначала избрал неверную тактику: он решил, что верность Тома пролетарским идеям испарилась, как только того заковали в кандалы. Он хлопнул Тома по спине и поинтересовался:

— Ну, скажи, не хотел ли бы ты вернуться к своим товарищам?

Том нахмурился:

— Вернуться к ним?

— Ну да. Они же вышвырнули тебя, упрятали в каталажку. А теперь они жаждут твоей крови, верно?

Том хмыкнул:

— Ну уж нет, господин. Вот уж нет! Они бы меня потом выпустили, как пить дать!

— Вот как! — вздернул брови Род. — Понятно. Да, трудно договориться с политически подкованным человеком.

Том помрачнел.

— На мой вкус, уж слишком вы скоры на язык, господин.

— Ладно, пусть все остается как есть... — Род обнял верзилу за плечо. — Но тогда... за что же тебя в кандалы-то заковали?

Том пожал плечами:

— Да не сговорились мы...

— На предмет способов достижения цели?

— Ну да. Они-то размечтались убрать и королеву, и дворян сразу, а ведь это бы означало разделение сил.

— Да, рискованно, пожалуй. А ты что предлагал?

— Я предлагал для начала разделаться с дворянами и их советниками под видом верности престолу. Потом мы могли постепенно перевести всю страну под власть Дома Кловиса, а когда бы нас поддержал весь народ, можно было бы мгновенно разделаться с королевой и Бромом О'Берином. Два метких удара кинжалом — и готово.

У Рода во рту пересохло. Он не без труда напомнил себе о том, что сейчас Том — на его стороне.

— Ловко задумано, — похвалил он и хлопнул Тома по широченной спине. — Говоришь ты, совсем как заправский большевик. Но ты мне скажи, много ли все это стоит для тебя?

Большой Том пристально, изучающе посмотрел на Рода:

— Вы о какой цене говорите, господин?

Род усмехнулся:

— Не бросить ли нам четверых твоих соратничков в ту темницу, что они заготовили для тебя?

— Да славно было бы... — задумчиво протянул Том. — А потом что, господин?

— А потом, — отозвался Род, — потом Дом Кловиса выступит на стороне королевы, против дворян. Шансы на победу над дворянами и советниками возрастут. Ну а потом можно продолжить осуществление твоих задумок.

Том медленно кивнул.

— Но станут ли нищие драться за королеву?

— А тут уж Туану Логиру карты в руки.

Губищи Тома растянулись в довольной ухмылке. Он запрокинул голову, расхохотался и весело стукнул Рода по спине. Проявление дружеских чувств получилось таким сильным, что Род не удержался на ногах. Поднявшись, он услышал, как Большой Том говорит в промежутках между взрывами хохота:

— Ну как же я не додумался, господин? Ну конечно, этот парнишка их уговорит! Вы сами не знаете, что за сила в его посеребренном язычке! Этот малый заставит леопарда поверить, что у того на шкуре пятен нет!

Род, потирая ушибленную спину, попытался вспомнить, встречались ли ему в Грамерае леопарды.

— Эдак вы руку вывернете, — осклабился Том, развернул Рода и принялся массировать его спину. — Только знаете что, господин хороший... Если мы все вместе одолеем советников и дворян, третьим после королевы и Брома будете вы.

Род закрыл глаза, обдумывая эту приятную перспективу.

— Вот драка-то будет... А теперь чуть-чуть левее... Спасибо, Большой Том.

Они стояли в ночной тени возле фонтана, в компании с Туаном Логиром и с намерением совершить дерзкий налет на каменную развалюху, черневшую в дальнем конце двора.

Род прислушался к тому, как бьется его сердце, и поразился — пульс был на удивление спокойным. Наконец Том прошептал:

— Все тихо. Нас не заметили, господа хорошие. Приготовьтесь.

Том подобрался и стал похожим на дизельный грузовик, решивший превратиться в кота-воришку.

— Пошли! — рявкнул он и отбежал от фонтана.

Род и Туан побежали за ним. Тихо, бесшумно они перебежали к стене, прижались к ней спинами. Сердца их учащенно колотились, они напряженно прислушивались — нет ли признаков тревоги.

Миновала вечность продолжительностью в три минуты. Большой Том испустил шумный выдох.

— Все тихо, ребята, — прошипел он. — Пошли дальше.

Они, крадучись, прошли вдоль стены, осторожно повернули за угол. Большой Том растопырил пальцы, уперся локтем в стену, отметил ногтем то место, куда пришелся кончик среднего пальца, приставил к этому месту локоть.

— Большой Том! — возмущенным шепотом одернул его Род. — У нас нет времени на...

— Тс-с-с! — Туан цепко сжал плечо Рода. — Тише, умоляю вас! Он меряет локтями!

Род умолк, чувствуя себя в высшей степени по-дурацки.

Том произвел еще несколько замеров и в итоге, похоже, нашел то, что искал. Он вытащил из-за пояса железную палку и подвел ее под основание трехфутовой каменной плиты.

Род не скрыл своего удивления — ведь на то, чтобы подкопать такую глыбину, уйдет вся ночь и большая часть дня. Что же задумал Большой Том?

Том поднатужился и подхватил вывалившуюся из стены плиту. Толщины в ней было не больше дюйма.

Он уложил плиту за землю и, глянув на спутников, весело подмигнул им.

— Было у меня такое подозрение, — сказал он, — что в один прекрасный день мне понадобится тайный ход. А теперь тихо, джентльмены.

Он просунул голову в дыру, оттолкнулся ступнями от земли и исчез.

Род сглотнул слюну и последовал за Томом. Следом за ним в дыру в стене влез Туан.

— Все здесь? — прошептал Том, когда Туан твердо встал на пол. — Посветите мне, — шепнул он Роду.

Род прикрыл ладонью рукоятку кинжала, нажал на кнопку. Тусклый лучик света проникал между двумя пальцами. Том присел, крякнул, вынул из каменного пола изъеденную червями плиту и водрузил ее на место той, что вынул из стены.

— Теперь пусть гадают, как мы сюда проникли, — ухмыльнулся он. — За работу, господа.

С этими словами он зашагал вперед. Род последовал за ним, озираясь по сторонам.

Они попали в большую комнату, стены которой некогда были забраны деревянными панелями. Панели большей частью отвалились и валялись на полу. Здесь не было ничего, кроме паутины, ржавой железной посуды да длинных столов, разбухших от сырости.

— Тут когда-то кухня была, — еле слышно сообщил Том. — Теперь еду готовят на очаге в общей комнате. А сюда уже лет тридцать никто не заглядывал.

Род поежился:

— И как только такого славного парня, как ты, занесло в такую дыру, Том?

Большой Том фыркнул.

— Нет, я не шучу, — торопливо проговорил Род. — О Боге, об идеале судят по тем, кто им поклоняется, Том.

— Молчите! — огрызнулся Большой Том и развернулся столь резко, что Род налетел на него. Огромная ручища толщиною с добрый окорок ухватила его за камзол у самого горла. В лицо пахнуло чесноком и элем. — А насчет королевы как? Что тогда сказать о ее божках?

Он отпустил Рода, легонько отшвырнул (но этого хватило, чтобы Род врезался спиной в стену), а сам продолжил путь.

Род, придя в себя, зашагал за ним, но успел поймать направленный в спину Большого Тома взгляд Туана, полный холодной ненависти.

— Сейчас за угол поворачивать будем, — прошептал Том. — Гасите свет.

Род выключил фонарик, а через пару мгновений стена под его левой рукой закончилась. Род повернул за угол и увидел тусклое пятнышко света в конце темного короткого коридора.

Большой Том остановился:

— Там снова поворот, а за ним дозорный стоит. Так что — на цыпочках, братцы.

И он, исполняя собственное распоряжение, пошел вперед, ступая мягко, по-кошачьи. Род пошел за ним, чувствуя затылком горячее дыхание Туана.

Приблизившись к углу, спутники услышали доносившееся справа, из нового коридорчика, ритмичное негромкое посапывание.

Большой Том злобно, по-волчьи оскалился и прижался спиной к стене. Род последовал его примеру... и отшатнулся, ахнув и невольно содрогнувшись.

Том гневно зыркнул на него, призывая к молчанию.

Род взглянул на стену и увидел какую-то плотную белесерую блямбу, приклеившуюся к камню. Это ее он коснулся затылком. Блямба была рыхлая, холодная и влажная.

Род, глядя на нее, снова брезгливо поежился.

— Это же всего-навсего ведьмин мох, — шепнул ему на ухо Туан.

Род нахмурился:

— Ведьмин мох?

Туан недоверчиво глянул на него:

— Чародей, а не знаешь ведьминого мха?

От ответа Рода спасло то, что посапывание за углом неожиданно стихло.

Все трое разом затаили дыхание и прижались спинами к стене. Род при этом всеми силами старался не прикасаться к ведьминому мху. Том метал в него гневные взгляды.

Тишина таила в себе какие угодно неожиданности.

— Стой! — прокричал голос за углом.

Все трое окаменели, как парализованные.

— Куда это ты плетешься в такой час? — ворчливо поинтересовался дозорный.

У Рода по спине мурашки побежали.

Дозорному ответил гнусавый, дрожащий голос:

— Да я вот... уборную ищу.

Все трое разом облегченно выдохнули.

— Говори «сэр», когда с солдатом разговариваешь.

— Сэр, — послушно отозвался гнусавый.

— Ты зачем мимо поста пройти хотел, отвечай?

— Так ведь... уборную ищу... сэр!

Часовой ядовито захихикал:

— А с каких это пор у нас уборная рядом с женской половиной? Вот и врешь ты все. Иди, спи дальше. Не видать тебе нынче подружки, как своих ушей.

— Но я же...

— Нет! — рявкнул дозорный. — Правила тебе известны. Сначала Пересмешника спроси. — Тут голос дозорного стал почти что доверительным и сочувствующим. — Да тут ничего такого нет. Он тебе бумагу даст, а там все прописано будет: разрешено, дескать, когда и где. Он насчет этого мужик очень даже покладистый.

Гнусавый закашлялся и сплюнул.

— Ну все, топай, — проворчал дозорный. — Спроси у него разрешения, а мне-то чего?

— Угу, — буркнул гнусавый, — и потом вот так всякий раз дозволения просить, всякую ночь, когда я ее видеть пожелаю? Вот ведь была на свете одна-единственная вещь, что так дешево доставалась, а теперь...

Голос часового снова стал суровым.

— Слово Пересмешника — закон, и если ты меня плохо понял, то сейчас моя дубинка тебе получше все втолкует!

Последовала пауза, затем прозвучал сердитый, отчаянный вскрик и звук поспешно удаляющихся шагов.

Снова воцарилась тишина, а через некоторое время часовой вновь мирно засопел.

Род глянул на Туана. Лицо юноши было мертвенно-бледным, а губы он сжал с такой силой, что они побелели.

— Верно ли я понимаю, Туан? Вы ничего не знали об этом? — шепотом спросил у него Род.

— Не знал, — прошептал в ответ Туан. — А они тут времени зря не теряли с тех пор, как избавились от меня. По часовому в каждом коридоре, письменное разрешение требуют на то, чтобы двое могли разделить ложе... это будет похуже, чем у лордов на юге!

Том вскинул голову.

— Нет! — сердито прошипел он. — Это всего лишь неудобства! Цель, ради которой все это делается, оправдывает средства.

Род был согласен с Туаном. Полицейское государство, жесткий контроль за всеми аспектами жизни человека — марксистские взгляды Пересмешника демонстрировались во всей красе.

— Какая же цель может оправдывать такие средства? — фыркнул Туан.

— Ну... — проворчал шепотом Большой Том, — больше еды для всех, больше хорошей одежды, чтобы не было бедняков и голодающих.

— И все это благодаря планированию рождаемости, — пробормотал Род, бросив красноречивый взгляд за угол.

— Но как же этого добиться? — еще громче спросил Туан, не обращая внимания на отчаянные безмолвные призывы Рода говорить потише. — Письменными разрешениями на любовные утехи? Я не понимаю — как?

Губы Тома презрительно скривились.

— И не поймешь. А вот Пересмешник знает как!

Туан вытаращил глаза, выпятил подбородок, рука его скользнула к кинжалу.

— Ты ставишь себя выше дворянина, смерд?

— Не надо, джентльмены! — в отчаянии прошептал Род.

Большой Том напрягся, ухмыльнулся, в глазах его заплясали насмешливые огоньки.

— Пусть кровь рассудит нас, — сказал он в полный голос.

Туан выхватил кинжал и бросился к обидчику.

Том обнажил небольшой меч.

Род выставил согнутые в локтях руки, чтобы сдержать задир.

— Джентльмены, джентльмены! Я понимаю: вас обоих очень тревожат насущнейшие вопросы, но я обязан напомнить вам, что совсем рядом спит — и к тому же не слишком крепко — часовой, который может поднять на ноги весь Дом Кловиса!

— Но это... это нестерпимо, Род Гэллоугласс!

— А как же! — хмыкнул Большой Том. — Правду терпеть — это всегда трудновато.

Туан рванулся к нему, пытаясь нанести удар через голову Рода. Род уперся локтем в ключицу молодого Логира и пригнулся. Лезвие клинка просвистело у него над головой.

Том негромко рассмеялся:

— Вот они, благородные господа! Последний дурак — и тот бы понял, что до меня не дотянуться! А благородный знает, что проиграет, а все равно пыжится изо всех сил.

Род искоса глянул на Тома:

— Ты непоследователен, Большой Том. — Можно сказать, это прозвучало почти как комплимент.

— Ну уж нет! — прошипел Том. Глаза его метали молнии. — Пытаться совершить невозможное — так только дура-

ки поступают! Все дворяне — дураки, а дороги к их утопиям вымощены костями крестьян!

Туан сплюнул:

— А на что еще они...

— Тихо! — Род гневно посмотрел на обоих. — Неужели мне так и не удастся уговорить вас забыть о разногласиях ради общей цели хоть на время?

Том выпрямился во весь рост и сверху вниз глянул на Туана.

— Малявка, — презрительно процедил он сквозь зубы.

Род отпустил Туана, развернулся к Большому Тому и обеими руками ухватил того за ворот. Том ухмыльнулся и продемонстрировал Роду огромный кулак.

— Чего угодно, *хозяин*?

— Сейчас здесь что за утопия, Большой Том? — решительно спросил Род.

Ухмылка Тома исчезла. Он нахмурился.

— Ну... чтобы народ Грамерая сам правил своей страной.

— Правильно! — Род разжал пальцы, потрепал Тома по щеке. — Умница! Хороший мальчик! За эту неделю заработал серебряную звездочку! И что же надо сделать в первую голову?

— Убить советников и дворян! — осклабился Большой Том.

— Совсем хорошо! Золотую звездочку этому умному мальчику! Ты подаешь большие надежды, Большой Том! Ну а теперь, если ты хочешь стать совсем-совсем хорошим мальчиком, скажи своему учителю, что надо сделать до того?

Том посерьезнел:

— Взять в плен Пересмешника.

— Пять с плюсом! А еще раньше?

Брови Большого Тома скрутились на переносице в узел.

— Что? — обескураженно спросил он.

— Рты закрыть, вот что! — шепотом рявкнул ему прямо в лицо Род и развернулся к Туану. — Так. Что нам делать с этим часовым? — А под нос, чтобы никто не слышал, Род

прошептал: — А ведь я тут политическое перемирие заключаю, елки зеленые!

Туан упрямо выпятил подбородок.

— Прежде, чем мы сделаем хоть шаг вперед, этот человек должен признать меня лордом и соответственно обращаться ко мне!

Том набычился и набрал в легкие воздуха, готовясь парировать это заявление.

— Ну все, тихо, уймись! — принялся увещевать его Род. — Людям с твоей комплекцией нельзя так волноваться — давление может подскочить. Скажи, Том, Туан Логир — урожденный дворянин?

— Да, — буркнул Том. — Но это вовсе не значит...

— Род Логиров — величайший из благородных родов?

— Да. Но...

— А твои мать и отец были крестьяне?

— Но это не значит, что...

— И тебе никогда ни капельки не хотелось родиться дворянином?

— Никогда! — прошипел Том, сверкая глазами. — Пусть меня повесят на самой высокой виселице в Грамерае, если я хоть раз пожелал такого!

— И ты бы не пожелал стать дворянином, если бы смог?

— Хозяин! — умоляюще проговорил Большой Том, раненный в самое сердце. — Неужели вы меня совсем не уважаете, что могли такое обо мне подумать?

— Да нет, я-то тебе верю, Большой Том, — кивнул Род и похлопал верзилу по плечу. — Но нужно было втолковать все это Туану. — Он обернулся к молодому дворянину. — Вы удовлетворены, милорд? Он знает свое место, верно?

— Да, — кивнул Туан и улыбнулся, словно любящий отец. — С моей стороны было глупо не доверять ему.

Том от изумления и обиды раззявил рот. Его медвежья ручища сжала горло Рода.

— Ах ты, кусок де...

Род вздернул руку и, ухватив Тома за локоть, нажал на нервное сплетение. Том отпустил его. Он закричал бы от боли, если бы мог кричать.

— Ну, — небрежно бросил Род. — Теперь мы наконец разделаемся с этим дозорным, или как?

— Ах ты, поганец! — выдохнул Том. — Ах ты, скользкая пиявка, и папаша твой демократ!

— Попал в точку, — кивнул Род.

— Скажите же мне, — прошептал на ухо Роду Туан. Глаза его восторженно сверкали. — Ведь вы даже не прикоснулись к нему, а...

— А-а-а... Это такая колдовская хитрость, — отозвался Род, избрав самое невинное, хоть и самое претящее ему объяснение. Затем он придвинул к себе головы Туана и Большого Тома и ласково поинтересовался: — Ну а теперь говорите: как нам снять этого часового?

— А как же еще? — пробормотал Туан. — Разбудить и вызвать на бой.

— Чтобы он поднял тревогу? — в ужасе прошептал Том. — Нет, нет! Надо тихонечко подкрасться к нему и дать по башке как следует!

— Это бесчестно, — мрачно заявил Туан.

Том в сердцах сплюнул.

— Большой Том дело говорит, — рассудительно проговорил Род. — Вот только... как быть, если он возьмет да и проснется, покуда мы будем к нему красться? А ведь это вполне возможно, что доказал тот похотливый нищий.

Том пожал плечами.

— Ну, тогда — быстрота и натиск и надежда на лучшее. Погибнем — знать, такова наша судьба.

— А из-за нас погибнет королева, — проворчал Род. — Ничего хорошего.

Том обнажил короткий меч и покачал его на пальце:

— Вот этим мечиком я ему в глотку попаду с пятидесяти шагов.

Туан в ужасе воскликнул:

— Он же твой соратник!

— Одним соратником больше, одним меньше, — пожал плечами Том. — Ведь для общего дела стараемся.

Туан сокрушенно покачал головой:

— Это еще хуже, чем удар в спину! Нет, мы должны дать ему возможность защищаться!

— Ну конечно! — фыркнул Том. — Пусть защищается и пусть всех в доме на ноги поднимет своими воплями. Милое дело!

Род прикрыл им обоим рты ладонями, искренне радуясь тому, что не взял с собой троих. Он зашипел на Большого Тома:

— Потерпи, ладно? Он ведь впервые на партизанской вылазке.

Том смирился.

Туан обиженно набычился, взгляд его был холоден как лед.

Род наклонился к Тому и прошептал ему в самое ухо:

— Скажи, а если бы ты не знал, что он аристократ, ты бы что о нем сказал?

— Сказал бы, что он храбрец и воин отчаянный, — признал Том. — Но при всем том молодой, глупый, и идеалов у него слишком много.

Род укоризненно покачал головой.

— Предвзятое суждение, Большой Том. Дискриминация! А я думал, ты веришь в равенство!

— Точно подмечено, — неохотно проворчал Большой Том. — Ладно, так уж и быть, я готов его терпеть, но если он опять заведет свои высокопарные причитания, то...

— Если мы быстро управимся, у него не будет такой возможности. Так вот. У меня есть предложение...

— Так зачем вы тогда нас спрашивали? — пробурчал Большой Том.

— Потому что я не придумал бы, как быть, пока вы не стали препираться. Нам нужен какой-то компромисс, верно? Туану претит удар в спину и убийство спящего, да и вообще убийство потенциального союзника, который завтра может пригодиться в бою. Верно?

— Верно, — согласился Туан.

— А Большой Том не желает, чтобы часовой поднял переполох, да и мне это не по душе, если честно. Мы все — неплохие бойцы, но чтобы мы втроем выстояли против наби-

того отъявленными головорезами Дома Кловиса — это, простите, из области фантазии. Итак, Том! Если этот часовой неожиданно выскочит из-за угла, можешь ты его легонько стукнуть?

— Это можно! — усмехнулся Том.

— Легонько, я сказал! Это не будет бесчестно, Туан?

— Нет, ибо он будет лицом к нам.

— Отлично! Стало быть, все у нас получится, если мы вынудим его погнаться за мышью, которая забежит за этот угол.

— Да, но... откуда же возьмется мышь, которая с готовностью исполнит наше пожелание?

— А господин ее сотворит, — проворчал Том.

— Сотворю? — вытаращил глаза Род. — Если бы у меня был механический цех и...

— Нет, нет! — усмехнулся Туан. — Я в заклинаниях не мастак, но вот ведь он — ведьмин мох, а вы — чародей! Так что же вам еще нужно?

— А? — озадаченно переспросил Род. — Ведьмы, что же, из этой штуки что-то творят?

— Да, да! Разве вы не знаете? Всяких маленьких зверушек — вроде мышей!

Недостающий кусочек грамерайской головоломки занял свое место.

— А-а-а, и как же они это делают?

— Да очень просто! Посмотрят на кочку этого мха, и он тут же превращается в то, что они пожелают!

Род медленно кивнул:

— Ловко, ничего не скажешь, оч-чень ловко. Только вся беда в том, что это — не мой стиль колдовства.

Туан загрустил.

— Вы не пользуетесь ведьминым мхом? Тогда как же мы?.. И все-таки это очень странно, что вы ничего о нем не знаете.

— Да что странного? — хмыкнул Том. — Не просветили перед отправкой, вот и...

— Ой, заткнись, — буркнул Род. — Мышью можно и по-другому обзавестись. — Он сложил руки «чашечкой», прикрыл рот и тихо окликнул: — Гвен! Гве-ен!

В то же мгновение на паутинке прямо перед ним повис паук.

Род вздрогнул:

— Ой, нет! Только не это!

— Он ядовитый! — прошипел Том и размахнулся, готовый пришлепнуть паука.

Род двинул ему кулаком под ложечку.

— Ты что! Ты что, не знаешь? Убить паука — это плохая примета. И она сбудется, я тебе это гарантирую. — Он подставил ладонь, паук опустился на нее. Род нежно погладил его. — Ладно еще, хоть в «черную вдову» не обратилась. Ты — самый красивый паучок, которого я когда-либо видел.

Паук весело заплясал на ладони Рода.

— Послушай, милая, мне нужна мышка, чтобы выманить этого часового за угол. Поможешь?

Паук утратил очертания, превратился в крошечную дымку, и в одно мгновение на ладони Рода оказалась мышь.

Она спрыгнула на пол и побежала.

— Да погоди, не так быстро! — Род накрыл ее рукой и осторожно поднял. — Прости, милая! Ведь на тебя могут наступить, а если с тобой что-нибудь такое случится, я этого просто не переживу. — Он поцеловал мышь в носик и услышал, как за его спиной давится от смеха Большой Том. Мышка же была просто вне себя от радости. — Так вот. Ты лучше сотвори мне мышку из этой кочки ведьмина мха. Ты ведь сумеешь, малышка, правда?

Мышь кивнула, повернулась на ладони Рода и уставилась на белесый нарост на стене.

Кочка мха мало-помалу сжалась, выпустила длинный вырост — хвостик, затем усики, потом цвет ее стал коричневым, и вот уже по стене вниз сбегала самая настоящая мышь.

Том ахнул и перекрестился.

Род сдвинул брови.

— А я думал — ты атеист.

— Не в таких случаях, господин.

А мышка, сотворенная из ведьмина мха, уже сворачивала за угол.

Большой Том вынул кинжал, перевернул его, сжал в кулаке лезвие. Тяжелая рукоятка превратилась в некое подобие дубинки.

Храп за углом утих, сменился недовольным ворчанием.

— У-у-у-й! Так ты кусаться вздумала? Ах ты, мелкая тварь!

Табурет, на котором восседал часовой, со стуком повалился на пол. Часовой дважды топнул, оба раза промахнулся, и вот поджидавшие за углом злоумышленники услышали приближавшийся к ним топот ног.

Том приготовился.

Мышь выбежала из-за угла.

Часовой, чертыхаясь, выскочил следом за ней, поскользнулся, поднял глаза, увидел Тома и даже испугаться толком не успел, как рукоятка кинжала Тома угодила ему по затылку, издав при этом выразительный, хоть и приглушенный стук.

Род испустил вздох облегчения:

— Ну, наконец!

Часовой послушно повалился на подставленные руки Туана. Молодой дворянин посмотрел на Рода и улыбнулся:

— Кто сражается заодно с чародеем, всегда побеждает.

— Ну... это так, мелочь, — смущенно пробормотал Род.

Том подмигнул и вынул из кошеля на ремне моток черной бечевки.

— Нет, это он вмиг разорвет! — запротестовал Туан.

Том только усмехнулся в ответ.

— Рыболовная леска? — поинтересовался Род.

— Лучше, — отозвался Большой Том, опустился на колени и принялся связывать часового. — Плетеный синтетический паучий шелк.

— Без тебя у нас бы ничего не вышло, — сказал Род и ласково погладил уютно устроившуюся на его ладони мышку.

Мышка наморщила носик и проскользнула между двумя пуговицами камзола Рода.

Род с трудом удержался от смеха, прижал руку к животу:

— Эй, осторожнее! Щекотно!

Том надежно связал часового, заткнул его рот кляпом, который для верности обвязал шнурком.

— А где мы его спрячем? — прошептал Туан.

— Тут поблизости есть надежное местечко, — отозвался Том. Прикусив язык, он закрепил шнурок узлом — не иначе как гордиевым.

— Эй! — Род прижал руку к пряжке ремня. — Все, прекрати!

— Тут на стене скоба для факела, — сообщил Туан.

— Она-то нам и нужна, — проворчал Том, поднял с пола бесчувственного часового и перебросил петлю через скобу.

Род покачал головой:

— А вдруг сюда кого-нибудь занесет? Нельзя, чтобы он вот так висел. — Он сунул руку за пазуху и прервал увлекательное странствие мыши по его торсу. — Послушай, малышка, ты знаешь, что такое дименсиональная воронка?

Мышка удивленно заморгала и растопырила усики. Затем решительно помотала головкой.

— Ну а... временной карман?

Мышка энергично закивала, ее мордочка выразила глубочайшую сосредоточенность... и часовой исчез.

Туан задохнулся от ужаса, раскрыл рот.

Большой Том поджал губы, помолчал пару мгновений, затем выпалил:

— Ну... вот! Ну все, пора трогаться.

Род усмехнулся, опустил мышь на пол, развернул и подтолкнул:

— Ну а теперь спрячься, прелестная зверушка. Но держись неподалеку — как знать, может, ты мне еще понадобишься.

Мышь поспешила прочь, весело пискнув на прощанье.

— Не сомневаюсь, Пересмешник теперь спит в бывшей комнате Туана, — негромко проговорил Том. — Будем на-

деяться, что и приспешники его ближайшие где-то неподалеку.

— Не может ли быть так, — прошептал Туан, — что один из них не спит? А быть может, кто-то из них назначен начальником караула?

Том медленно обернулся, по-новому взглянул на молодого Логира.

— А что? — сказал он, прищурясь. — Молодец. Догадка правильная. За мной, — распорядился он, и троица тронулась в путь.

По дороге им попался еще один часовой — его они просто обошли.

Общий зал, по обыкновению грязный и запущенный, был темен. Только угли в очаге догорали да еле чадили факелы, но и при их тусклом свете была видна широкая каменная лестница, что, с трудом являя свое было изящество, вилась вдоль дальней стены.

Лестница вела к галерее, нависавшей над залом. Поднявшись на галерею, можно было попасть в отдельные комнаты.

Рядом с очагом на огромном стуле восседал, развалившись, и громко храпел широкоплечий верзила с лицом пыточных дел мастера. У подножия лестницы стоял часовой, сонно моргая и позевывая. Еще двое часовых стояли по обе стороны от двери, расположенной в центре галереи.

— Невесело, — сообщил Том, вернувшись в коридор. — Их четверо, нас трое, да и расстояние между ними такое, что двое запросто могут поднять тревогу, пока мы будем возиться с другими двумя.

— Притом до любого из них еще добраться надо, — добавил Род.

— Можно было бы прокрасться за столами и стульями, — предложил Туан. — А тот, что возле лестницы стоит, того и гляди уснет.

— Тогда те двое, что внизу, исключаются, — согласился Род. — Но как быть с парочкой на балконе?

— Ну... — смущенно проговорил Туан. — У меня с собой праща имеется.

Он вытащил из сумки обрывок кожи, к которому были прикреплены два сыромятных ремешка.

— Где это ты... вы выучились с рогаткой обращаться? — проворчал Том, глядя на то, как Туан распутывает ремешки. — Это же крестьянское оружие, а не забава для сынков аристократов.

Во взгляде, которым Туан одарил Тома, просквозил упрек.

— Рыцарь должен быть обучен владению любым оружием, Большой Том.

Род нахмурился.

— А я не знал, что рыцарей учат владеть рогаткой!

— Не учат, — признался Туан. — Но так уж было заведено у моего отца. И я этому выучился тоже. Вот увидите: оба дозорных рухнут на пол и даже не поймут, что сразило их.

— Не сомневаюсь, — мрачно буркнул Род. — Ладно, пошли. Я возьму того, что у очага.

— Э нет, — возразил Том. — Вы лучше возьмите того, что возле лестницы.

— О? Личные счеты?

— Ага, — по-волчьи оскалился Большой Том. — Который у очага развалился, — тот самый командир, которого наш Туан вычислил. Он был среди тех, кто меня в кандалы заковал. Так что это — моя добыча, господин.

Род заглянул в глаза Тома, и по спине у него побежали мурашки.

— Ладно, мясник, — пробормотал он. — Только помни: королеву я тебе пока не отдам.

— «Пусть каждый хоронит своих мертвецов по своему разумению», — процитировал Том. — Так что вы своих хороните, господин, а мои останутся мне.

Все трое легли на пол и поползли — каждый к своему противнику.

Роду показалось, что он целую вечность пробирается между ножками столов и стульев, по полу, усыпанному всевозможными огрызками. При этом его не покидал страх: а

вдруг кто-то из его товарищей доберется до цели первым и успеет заскучать.

Послышался громкий звон, по залу эхом разлетелись его отзвуки.

Род замер. Ну, точно, кто-то из двоих его спутников за что-то задел.

Тишина. Потом вскрик:

— Это что такое было?

Потом...

— Эй, ты, там! Эгберт! А ну продери глаза, скотина. Чай, лестницу охраняешь!

— А? Чего? Что такое? — промямлил сонным голосом часовой.

— Вы чего разорались? — хрипловатым басом осведомился тот, что спал у очага. — Чего это вы вздумали будить меня по пустякам?

Пауза. Затем первый голос заискивающе произнес:

— Так ведь... шум был, начальник. Что-то там звякнуло под столом.

— Звякнуло, говоришь? — пробурчал начальник караула. — Да мало ли что там звякнуть могло? Небось крыса явилась за объедками, а вы меня из-за этого будить вздумали? Еще раз разбудите, вот тогда я вам звякну по башкам вашим пустым, дождетесь у меня. Звякнуло у них, ишь ты... — потише проворчал начальник и умолк.

И снова стало тихо — только немного погодя один из часовых переступил с ноги на ногу.

Род беззвучно, облегченно вздохнул и стал ждать, когда засопит и «его» дозорный.

Потом он вновь пополз вперед и наконец затаился под столом, ближайшим к лестнице.

Ему показалось, что лежит он там целую вечность.

Но вот от очага донесся еле слышный свист и стук: Большой Том заехал своей жертве табуретом по макушке.

Род вскочил и бросился к часовому.

Краешком глаза он видел Туана. Тот выстрелил из рогатки. Камень описал красивую дугу. Род налетел на часо-

вого, врезал ему правой рукой, сжатой в кулак, под ложечку, а левой сдавил глотку.

Часовой сложился пополам. Род метко и резко ударил его ребром ладони по шее — чуть ниже края железного шлема. Часовой мешком рухнул на пол.

Когда он оглянулся, второй часовой на балконе, обмяк-нув, повалился ничком. Первый уже корчился на полу, сжимая руками горло.

Род в пять прыжков одолел лестницу и врезал ему апперкотом под нижнюю челюсть. Часовой закрыл глаза и потерял сознание.

Камень угодил ему по шее сбоку. Не сказать, чтобы зрелище это было такое уж эстетичное, но малому явно повезло: если бы удар был прямым, ему бы пришлось распрощаться с целостностью трахеи.

А вот напарнику его повезло меньше. Ему камень угодил в лоб. Лицо залило кровью, она ручейком стекала на пол.

— Прости меня, дружище, — прошептал Туан, созерцая дело рук своих. Еще ни разу Род не видел его таким сокрушенным.

— Издержки войны, Туан, — прошептал Род.

— Это верно, — вздохнул молодой Логир. — И, будь он мне ровней, я бы не так сожалел. Но мой титул обязывает меня защищать крестьян, а не убивать их.

Род взглянул на опечаленное лицо юноши и решил, что именно такие люди, как Логиры, снискали для аристократии уважение в веках.

Том оглянулся и тут же отвернулся, дабы связать поверженного начальника караула. Физиономия у него была грозная.

Итак, вылазка закончилась одной-единственной жертвой. Вскоре начальник караула и тот часовой, что стоял у лестницы, были надежно связаны крепким черным шнуром из запасов Тома.

Том поднялся по лестнице, глянул на Туана.

— Славно поработали, — проворчал он. — Двоих уложили, и притом одного в живых оставили. Это, спору нет,

благородно с вашей стороны. А о втором не сожалейте так уж сильно. Вряд ли у вас время было прицелиться получше.

Туан явно смутился. Аргументированно возразить Тому он не мог, но все же ему было весьма не по себе из-за того, что простолюдин дает ему отеческие советы и как бы прощает за содеянное.

Род решил, что пора вмешаться.

— Вы здесь прежде спали, Туан? — И он, не оборачиваясь, указал большим пальцем на дверь, которую охраняли дозорные.

Вопрос вывел Туана из задумчивости. Он обернулся и кивнул.

— Стало быть, теперь тут почивает Пересмешник. — Род взглянул на Тома. — Твой клиент — из приближенных Пересмешника?

— Да.

— Значит, командиров осталось только двое. Не исключено, что они дрыхнут в комнатах по обе стороны от этой. — Том потянул себя за нижнюю губу и кивнул. Род продолжал: — Значит, по одному на каждого. Вы, ребята, поработайте с командирами. А я возьму на себя Пересмешника.

— Это почему? — недовольно проворчал верзила. — Почему это Пересмешник — твоя добыча, а не моя?

Род усмехнулся:

— А я — центровой игрок, не забывай. И потом, у гебя какой пояс?

— Коричневый, — признался Том.

— А у Пересмешника?

— Черный, — неохотно буркнул Том. — Пятый дан.

Род кивнул:

— А у меня черный и восьмой дан. Так что бери себе командира.

Туан нахмурился:

— Что за пояса? О чем это вы говорите?

— Да это мы так, о расстановке сил поспорили, не обращайте внимания.

Род развернулся к двери.

Большой Том схватил его за руку.

— Господин, — сказал он, на этот раз без издевки, — когда мы со всем этим покончим, вы должны будете обучить меня.

— О, с радостью обучу всему, что знаю сам. Я тебе степень магистра обеспечу, дай только дело сделать.

— Спасибочки, — ухмыльнулся Том. — Только у меня уже докторская степень имеется.

У Рода челюсть отвисла.

— И... в какой же области?

— В богословии.

Род кивнул:

— Подходяще. Надеюсь, твоя диссертация посвящена не каким-нибудь новомодным атеистическим теориям?

— Господин! — уязвленный в самое сердце, воскликнул Том. — Как кто-то может доказать или опровергнуть существование нематериального существа на основании материальных данных? Это же главное противоречие...

— Джентльмены, — насмешливо проговорил Туан, — мне очень неловко прерывать ваш ученый спор, но Пересмешник того и гляди может проснуться.

— А? О! О да! — Род повернулся к двери. — Встретимся через несколько минут, Большой Том.

— Да, надо будет продолжить этот разговор, — ухмыльнулся Том и направился к двери справа.

Род онемевшими руками толкнул дверь в комнату Пересмешника.

Дверь скрипнула. Застонала. Взвизгнула. Можно сказать — выразила официальный протест.

Род бросился в комнату, успев сообразить, что Пересмешник нарочно не смазывает петли, пользуясь их плачевным состоянием, как примитивной системой сигнализации. В этот же миг Пересмешник вскочил с кровати с криком:

— Грязный убийца! — и ожесточенно замахал руками, исполняя мастерские блоки.

Род закрылся от рубящего удара, нацелил собственный удар в солнечное сплетение. Ответом ему был грамотный блок и вопль Пересмешника:

— На помощь!

Только Род успел подумать о том, как это смешно, что обладатель черного пояса зовет кого-то на помощь, как понял, что сейчас получит сильнейший удар в пах.

Он отскочил назад, Пересмешник прыгнул за ним и одарил его таки задуманным ударом.

Род, сгруппировавшись, упал на спину, скорчился от боли, увидел ступню, летящую к его нижней челюсти, и в последнее мгновение ухитрился откатиться в сторону. Ступня вскользь задела его щеку.

Алые искры засверкали на черном фоне. Род отчаянно затряс головой.

Сквозь звон в ушах он услышал еще один зов на помощь и рев Большого Тома:

— Заряжай рогатку, Туан! На крик сбегутся часовые!

А потом великан склонился к Роду. Лицо его выражало искреннюю озабоченность.

— Вы сильно ранены, господин?

Никогда еще пивной перегар и запах лука не казались Роду поистине райскими ароматами.

— Я в порядке, — выдохнул он. — Слава богу, удар пришелся вскользь.

— Встать сможете?

— Через минуту. Правда... Гвен будет несколько огорчена. Как же ты его уложил, Большой Том?

— А я его за ногу ухватил, когда он замахивался, — усмехнулся Том, — и задрал ее повыше. А потом апперкот ему отвесил, он и вырубился.

Род вытаращил глаза:

— Что-что ты ему отвесил?

— Апперкот.

Род перекатился на бок, встал на колени, восхищенно покачал головой:

— «Апперкот убирает черный пояс». Репортеров сюда!

За дверью послышался крик, но тут же прервался.

Род поднял голову, прислушался, поднялся на ноги, зажал руками пах и, невзирая на яростные протесты Тома, буквально вывалился из двери.

На каменном полу в общем зале лежали еще три тела.

Туан стоял у поручня балкона, растянув в руках рогатку. Губы его были скорбно сжаты, глаза потемнели от горя.

— Сначала один явился, — монотонно проговорил он, — потом другой, за ним — третий. Первых я уложил, они и крикнуть не успели, а с третьим замешкался. — Туан повернулся спиной к поручню. Помолчал и сказал — медленно, с тоской: — Ненавижу убивать.

Только тут он увидел Рода.

Род, тяжело дыша, кивнул. Острый приступ тошноты заставил его ухватиться за поручень.

— Ни одному человеку, если он, конечно, достоин того, чтобы зваться человеком, это не по душе, Туан. Но не стоит так сокрушаться. Это ведь война, как-никак.

— О нет, мне и прежде случалось убивать, — покачал головой Туан и закусил губу. — Но... убить тех, кто всего лишь три дня назад пил за мое здоровье!..

Род кивнул и прикрыл глаза:

— Понимаю. Но если ты надеешься стать королем или хотя бы хорошим герцогом, Туан, тебе придется научиться забывать об этом. — Он взглянул на юношу. — И потом, не забывай: будь у них такая возможность — они бы убили тебя.

На балкон вышел Том. На руках он, словно ребенка, нес Пересмешника.

Выглянув за поручень, он помрачнел.

— Новые жертвы? — Он отвернулся, осторожно уложил Пересмешника на пол рядом с его приспешниками и вздохнул. — О Господи! Такие времена, такие нравы — что тут поделаешь?

Том принялся связывать первого из командиров — долговязого, тощего мужчину с рубцом на месте одного уха — образчиком королевского правосудия.

Род посмотрел на того, кивнул. Пересмешник мудро подбирал себе соратников. Они имели все причины ненавидеть королеву.

Род медленно выпрямился, кривясь от боли.

Туан смотрел на него.

— Вам бы надо посидеть, передохнуть, Род Гэллоугласс.

Род охнул и покачал головой:

— Все нормально, только больно немного. Не лучше ли поскорее оттащить этих троих в темницу?

Тут глаза Туана сверкнули.

— Нет. Свяжем их и оставим здесь. Мне они понадобятся.

— Что значит — понадобятся? — нахмурился Род.

Большой Том поднял руку:

— Не спрашивайте, господин. Раз Туан так сказал, значит — так надо. Этот парень свое дело знает. Говорят, бывали такие люди, чтобы еще вот так умели толпой управлять, только лично я их ни разу не видал.

Он развернулся, сбежал по лестнице, послушал, не бьется ли сердце у тех троих, которых Туан уложил последними, обнаружил-таки одного живого, связал его, затем быстро перетащил всех на балкон. Потом снова сбежал вниз, подобрал третьего командира, лежавшего на полу возле очага, и уложил на плечо.

— Том! — окликнул его Туан. Верзила задрал голову. — Захвати рог, что висит над каминной доской, и барабан — он висит рядом.

Том кивнул и снял с гвоздя покореженный охотничий рог, потом выбрал один из грубых барабанов — обычный небольшой бочонок, обтянутый кожей с двух сторон.

Род нахмурился:

— На что вам понадобились рог и барабан?

Туан ухмыльнулся.

— На роге играть умеете?

— Ну, не сказал бы, что я владею этим инструментом в совершенстве, но...

— Сгодится, — кивнул Туан. Глаза его весело блестели.

Большой Том взошел вверх по лестнице, таща на плече третьего командира. На другом плече у него болтались рог и барабан.

Он бросил на пол инструменты и уложил связанного рядом с его товарищами. Выпрямился, подбоченился, ухмыльнулся:

— Ну, господа хорошие, и что же мы теперь с ними со всеми делать будем?

— Ты возьми барабан, — распорядился Туан, — а когда я дам знак, надо будет свесить этих четверых с балкона, но только не за шеи. Для нас будет гораздо лучше, если мы оставим их в живых.

Род выгнул бровь:

— Не старую ли я слышу песню? Кто-то чувствует себя достаточно сильным для того, чтобы проявить милосердие?

Ответа он не услышал: Большой Том ударил в барабан.

Род поспешно схватил рог.

Туан улыбнулся, вспрыгнул на поручень, расставил ноги пошире, сложил руки на груди.

— Созовите их, сударь мой Гэллоугласс!

Род поднес рог к губам и выдул «Общий сбор».

Сигнал прозвучал довольно экзотично в исполнении на охотничьем роге, но эффект таки возымел. Не успел Род исполнить сигнал вторично, как зал уже наполнился нищими и калеками, грабителями с большой дороги, городскими карманниками и убийцами.

Их ропот, похожий на предгрозовой порыв ветра, наполнил зал и стал недурственным фоном для барабанного боя и пения рога. Все явившиеся на зов вид имели сонный и соображали, что происходит, не слишком отчетливо. Они переговаривались, задавали друг дружке глупые вопросы, ошарашенно смотрели на Туана, который, по идее, должен был сидеть в темнице, а вот, гляди, стоял гордо и независимо в том самом зале, где его схватили.

На их взгляд, он должен был бояться их и вернуться не смел иначе как тайком, под покровом ночи.

А Туан стоял, никого не боясь, у всех на виду и зачем-то созвал всех... Но где же Пересмешник?

Они были изумлены и не на шутку напуганы. Эти люди, которых никогда не учили думать, столкнулись с невероятным происшествием.

Род доиграл сигнал до конца и отнял рог от губ, крутанул его залихватски на пальце и сунул за пояс.

Большой Том нанес последний, сокрушительный удар по барабану.

Туан протянул руку к Тому и принялся негромко, ритмично прищелкивать пальцами.

Барабан снова забил — не так громко, как раньше, но настойчиво и тревожно.

Род смотрел на Туана. А тот стоял подбоченясь и улыбался — ни дать ни взять — эльфийский король, вернувшийся в свое королевство из долгих странствий. Он обвел толпу глазами.

Все взгляды были устремлены на него — испуганные, затравленные, беспомощные.

Род вынужден был признать, что лучшую обстановку для произнесения речи придумать было бы сложно.

Туан раскинул руки. В зале наступила тишина. Только барабан Тома продолжал выбивать негромкую дробь.

— Вы отвергли меня! — вскричал Туан.

Толпа отшатнулась назад, в страхе зароптала.

— Отвергли и бросили в темницу! — воскликнул Туан. — Вы отвернулись от меня, отвернулись и думали, что глаза ваши больше никогда не узрят меня!

Ропот нарастал. Толпа явно была близка к отчаянию.

— Вы изгнали меня? — вскричал Туан, но тут же добавил: — Молчите!

О чудо! Толпа мгновенно притихла.

Туан устремил на собравшихся указующий перст и снова вопросил:

— Вы изгнали меня?

Некоторые осмелились робко ответить:

— Да.

— Изгнали?

Около десятка голосов ответили погромче:

— Да!

— Изгнали?

— Да! — рокотом прокатилось по толпе.

— Вы назвали меня изменником?

— Да! — взревела толпа.

— Но я снова здесь, — воскликнул Туан. — Я цел и невредим. И я снова во главе Дома Кловиса.

Никому и в голову не пришло спорить с этим.

— А где настоящие изменники, которые мечтали только о том, чтобы вас всех разорвали в клочья в бою, где вы были бы обречены на поражение? Где те изменники, которые обратили Дом Кловиса в тюрьму в мое отсутствие? Где они теперь, почему не оспаривают мое главенство?

Туан вновь уперся руками в бедра и стал ждать ответа. Толпа отчаянно искала его, а Том тем временем привязал к опутывавшей Пересмешника веревке еще футов десять, а другой ее конец ловко обвязал вокруг одного из столбиков балюстрады. В толпе уже слышались выкрики «Пересмешник!», «Где он?», а Том проделал то же самое с тремя командирами.

Туан ждал. Только тогда, когда выкрики достигли максимальной амплитуды, он дал Тому знак.

Том и Род подхватили связанных под мышки, и вот они все повисли под балконом — по двое по обе стороны от Туана. Пересмешник очухался и принялся извиваться и вырываться.

Толпа мгновенно притихла.

Туан усмехнулся и сложил руки на груди.

И тут все разом взревели, подобно огромному хищному зверю, и рванулись вперед. Те, что стояли поближе, принялись подпрыгивать, пытаясь дотянуться до болтавшихся в воздухе ног горбуна. Слышались весьма нелестные эпитеты, которыми толпа награждала Пересмешника и его холуев.

— Берегитесь! — вскричал Туан, вскинул руки вверх, и толпа мигом умолкла. — Берегитесь их, этих изменников, которых вы некогда звали господами! Остерегайтесь этих предателей, этих жалких воришек, которые похитили у вас всю свободу, которую я даровал вам!

Большой Том довольно улыбался, восхищенно глядя на молодого лорда, и бил в барабан в такт словам Туана.

А тот словно стал вдвое выше ростом.

— Разве вы родились на свет не для того, чтобы не было над вами господ?

— Да! — ответила ему толпа.

— Вы родились для свободы! — вскричал Туан. — Ваша свобода — бесправие и нищета, но вы родились свободными!

— Да! — взревела толпа.

— Но разве я отнимал у вас вашу свободу?

— Нет! Нет!

Скрюченный горбун с фингалом под глазом прокричал:

— Нет, Туан! Ты дал нам больше свободы!

Толпа поддержала горбуна дружным ревом.

Туан сложил руки на груди, выжидая, пока собравшиеся откричатся.

Стоило крику уняться самую малость, он снова раскинул руки и вопросил:

— Разве я приказывал вам?

Мгновенно наступила тишина.

— Разве я говорил вам, что вам нужно мое письменное дозволение на ночные утехи?

— Нет! — в унисон прокричали мужчины и (на сей раз) женщины.

— И никогда я не потребую от вас такого!

Ответом был дружный довольный рев.

Туан усмехнулся и почти застенчиво склонил голову.

— И что же? — негромко, но грозно вопросил Туан, пригнулся, сжал одну руку в кулак, занес ее над толпой. — И что же я вижу, вернувшись сюда среди ночи? — Он яростно вскричал: — Вы позволили этим жалким мерзавцам отобрать у вас все, что я дал вам!

Толпа испуганно зароптала.

Туан взмахнул левой рукой. Том громко ударил в барабан. Тут же воцарилась тишина.

— Мало этого! — возопил Туан, нацелил в толпу указательный палец. Взгляд его искал какие-то конкретные лица. Голос его зазвучал холодно, сдержанно. — Я вижу, что в трусости своей вы позволили им отобрать даже ту свободу, что была дана вам от рождения!

Толпа неуверенно, устрашенно зашепталась. Первые ряды попятились назад.

— Да, даже эту свободу вы позволили им похитить у вас!

Поразительно, какого потрясающего эффекта добивался Туан своими речами.

— Вы готовы поступиться даже свободой делить ваше ложе с теми, кто мил вашему сердцу!

Он снова взмахнул рукой, Том снова ударил в барабан.

— И вы зовете себя людьми!

Туан рассмеялся — горько и язвительно.

По толпе волной прокатились возмущенные выкрики.

— Мы — люди! — крикнул кто-то, толпа подхватила:

— Мы — люди! Мы — люди! Мы — люди!

— Да! — воскликнул горбун с подбитым глазом. — Ты только отдай нам этих мерзких скотов, Туан, и мы докажем, что мы — люди. Мы их так отделаем — мать родная не узнает. Ни крошки мяса не оставим на их жалких костях! Кости переломаем, мозг вытрясем!

Толпа поддержала его кровожадным ревом.

Туан выпрямился, сложил руки на груди, печально улыбнулся, привлек к себе внимание толпы. Народ мало-помалу притих, рев сменился гомоном, в нем появились виноватые нотки, потом на смену гомону пришло перешептывание, и наконец все стихло.

— Разве так поступают настоящие люди? — негромко вопросил Туан. — Свора бродячих псов и та милосерднее вас!

Это его обвинение толпе по душе не пришлось. Люди снова загомонили — протестующе, злобно, все громче и громче.

— Вы бы поосторожнее, — предостерег Туана Род. — Эдак они и нас в клочья разорвать могут.

— Не бойтесь, — ответил ему Туан, не отрывая глаз от толпы. — Пусть погомонят немного.

Толпа между тем разбушевалась не на шутку. То один, то другой грозили Туану кулаками.

Туан вскинул руки и вскричал:

— Но я зову вас людьми!

Толпа утихла.

— Есть другие, кто унижает вас, но я зову вас людьми! — Он обвел собравшихся взглядом. — И кто посмеет сказать, что я не прав?

Последовала короткая пауза, потом кто-то выкрикнул:

— Никто, Туан!

— Никто! — послышалось несколько выкриков.

— Никто! — разом прокричало еще больше людей.

— Никто! — наконец дружно возопила вся толпа.

— Готовы ли вы доказать, что вы — люди? — вопросил Туан.

— Готовы! — вскричала толпа и снова прихлынула к балкону, движимая жаждой крови.

Туан развел руки в стороны, ладонями вниз, растопырил пальцы.

Люди замерли.

Туан произнес негромко, нараспев:

— Вы родились в грязи и боли!

— Да! — отозвалась толпа.

— Вы родились для тяжкого, изнурительного труда!

— Да!

— Вы родились с пустыми животами и жаждой обрести кров над головой!

— Да!

— Но кто накормил вас? Кто дал вам приют в этом самом доме?

— Ты!

— Кто даровал вам защиту?

— Ты!

— Кто?

— Ты!

— Имя! Назовите мое имя!

— Туан Логир! — взревела толпа.

— Да! — вскричал Туан, вскинув руки вверх. Глаза его метали молнии. — Я лишил вас этих бед. Но кто наделил вас ими от рожденья? Кто унижал вас от века до века, ваших отцов и дедов?

Толпа ответила на этот вопрос неуверенным ропотом.

— Крестьяне?

— Нет!

— Воины?

— Да! — Толпа как бы снова ожила.

— А кто правит воинами?

— Дворяне!

Род вздрогнул — столько ненависти прозвучало в отзыве толпы.

— Да! Это были дворяне! — прокричал Туан и сжал в кулак поднятую руку.

Толпа забесновалась.

Туан дал ей пару-тройку мгновений побушевать и снова призвал к молчанию.

— Кто? — требовательно вопросил он. — Кто? Кто та единственная из высокородных особ, что встала на вашу сторону? Кто давал вам пищу, когда вы просили о том, кто выслушивал ваши жалобы? Кто послал к вам справедливых судей, дабы те защитили вас от произвола дворян?

Его кулак взметнулся ввысь.

— Королева! — вскричал он.

— Королева! — эхом отозвалась толпа.

— Она заткнула уши и не слушает дворян, чтобы слышать ваши мольбы!

— Да!

— Она проливала слезы о вас!

— Да!

— Но ведь, — вмешался горбун, — она изгнала тебя, Туан Логир!

Туан горько усмехнулся:

— Изгнала? А быть может, послала меня к вам? — Он раскинул руки, и ответом ему был рев толпы, подобный шуму горной лавины.

— Королева вернула вам то, что было положено вам от рожденья!

— Да!

— Вы — люди? — вопросил Туан.

— Да!

— Вы будете сражаться?

— Будем! Будем!

— Вы будете сражаться против дворян?

— Да!

— Вы будете сражаться за свою королеву?

— Да!

— Вы готовы сразиться с дворянами, защищая свою королеву?

— Да! Да-а-а-а-а!

Шум поднялся невообразимый. Одни вопили, другие прыгали от радости, третьи обнимали подружек и вертели их, словно в танце.

— Есть ли у вас оружие? — крикнул Туан.

— Есть! — Ввысь взметнулась тысяча кинжалов.

— Собирайте же мешки, укладывайте сухари! Покиньте этот дом и выходите из города через южные ворота! Королева даст вам еды, она даст вам шатры. Ступайте на юг, по большой дороге к Бреденской равнине, и там поджидайте дворян! Не мешкайте! Вперед! За королеву!

— За королеву!!!

Туан взмахнул рукой. Барабан заговорил частой дробью.

— Охотничий зов! — не оглядываясь, бросил Роду Туан.

Род поспешно поднес рог к губам и выдул несколько быстрых, призывных нот.

— Вперед! — взревел Туан.

Люди со всех ног бросились прочь из зала и быстро разбежались — кто по комнатам, кто — в арсенал. Через десять минут все уже были готовы тронуться в путь.

— Дело сделано! — весело воскликнул Туан и спрыгнул с поручня. — До Бреденской равнины они доберутся за два дня! — Он улыбнулся, ударил Большого Тома по плечу. — Мы сделали это, Том!

Том оглушительно захохотал и заключил Туана в медвежьи объятия.

— Уф-ф-ф! — выдохнул Туан, когда Том отпустил его, и, обернувшись к Роду, сказал: — Теперь, дружище Гэллоугласс, отправляйтесь к королеве, расскажите ей все, да проследите за тем, чтобы о походе узнало королевское войско. Скажите ей, пусть как можно скорее пришлет еды,

шатров, эля. А этих мерзавцев, — он ткнул пальцем в Пересмешника и его приспешников, — в самые глубокие королевские темницы. Прощайте! — Он развернулся и, перепрыгивая через несколько ступеней, помчался вниз по лестнице.

— Эй, погодите минуточку! — вскрикнул Род и подбежал к поручню. — Вы-то куда собрались?

— На Бреденскую равнину, само собой! — крикнул, обернувшись, Туан. — Я должен проследить за моими людьми, а не то они встряхнут всю округу почище стаи саранчи, да еще друг дружку поубивают в драках. Передайте Катарине, что я ее... — он умолк, на глаза его набежала тень, — что я верен ей.

С этими словами он выбежал из зала и возглавил толпу, которая уже вываливалась из больших парадных дверей.

Род и Том переглянулись и, не сговариваясь, взбежали по черной лестнице на крышу.

Распевающая во все глотки толпа двигалась к южным воротам. Каким-то образом дружное пение помогло Туану придать движению организованный порядок: толпа шла почти в ногу.

— Как думаешь, ему помочь не надо? — пробормотал Род.

Том запрокинул голову и расхохотался:

— Ему, господин? Ну уж нет! Вы уж лучше помогите тем, кто выступит против него, когда у него за спиной такое войско!

— Он ведь один, Том! Он один повел две тысячи разбойников!

— И вы еще сомневаетесь в нем, господин, — теперь, когда видели, какова его власть? Или вы не видели?

— Да видел, — кивнул Род. Голова у него слегка кружилась. — Знаешь, Большой Том, а колдовства в этой стране, пожалуй, побольше будет, чем я думал. Да, я все видел.

— Разбуди королеву и моли ее явиться в кабинет, где мы будем ждать ее! — велел Бром заспанной горничной. — Поторопись!

Он захлопнул дверь и вернулся к камину, где сидели Род и только что разбуженный Тоби. Ему и часу поспать не дали, а вечеринка на башне сегодня затянулась. Глаза у Тоби были красные, голова болела нестерпимо. В руке он сжимал кружку с дымящимся глинтвейном.

— Несомненно, — торопливо бормотал он. — Мы будем только рады помочь королеве, чем только сумеем, но какая от нас может быть польза в бою?

— Предоставь это мне, — улыбнулся Род. — Уж я найду для вас работенку. Главное, чтобы все королевские ведьмы оказались на Бреденской равнине...

— Через три дня, — сказал Бром и усмехнулся. — Мы выступаем на рассвете и на походе будем три дня.

Тоби рассеянно кивнул.

— Через три дня будем непременно, господа. А теперь, с вашего позволения...

Он приподнялся, охнул и снова опустился на стул, прижав руку ко лбу.

— Ты потише, парень! — Род подхватил его под локоть, а не то Тоби свалился бы со стула. — Неужто у тебя впервые похмелье?

— Да нет же! — Тоби поднял голову, заморгал слезящимися глазами. — Просто меня впервые разбудили в то самое время, когда опьянение переходит в похмелье. Прошу прощения...

По барабанным перепонкам Рода и Брома со свистом ударил воздух, ринувшийся, чтобы заполнить то место, где только что находился Тоби.

— А-а-а... ну да, — промямлил Род, покачал головой и взглянул на Брома. — Он телепортировался.

Бром нахмурился:

— Теле... что?

— Ну... — Род прикрыл глаза, мысленно распекая себя за то, что проговорился. — Он... это... спать пошел.

— Ну да.

— Значит, он может вот так запросто исчезнуть и появиться?

— Со скоростью мысли, верно.

Род кивнул:

— Я так и думал. Что ж, это нам пригодится.

— Что ты намереваешься им поручить, Род Гэллоуглас?

— О, пока не знаю. — Род рассеянно поболтал вино в кружке. — Может, пощекотать южных рыцарей под доспехами. Ну, или еще что-нибудь такое вытворить, ради смеха. Пусть они от смеха и помрут.

— Сам не знаешь, что им поручить, но призываешь их на подмогу?

— Да, думаю, что немного колдовства порой не помешает.

— Ясно. — Бром хитро усмехнулся. — Она-то ведь уже дважды тебе жизнь спасла, считай.

Род резко развернулся к карлику:

— Она? Кто? Ты о ком? О чем ты?

— О Гвендилон, само собой, — язвительно усмехнулся Бром.

— Ах да! А... ты знаешь о ней? — Род опасливо вздернул брови, но тут же успокоился и улыбнулся. — Ну конечно, ты с ней знаком. Она ведь на дружеской ноге с эльфами.

— Да, она мне знакома, — сурово нахмурился Бром. — Ты мне лучше вот что скажи: любишь ли ты ее?

— Люблю ли? — уставился на него Род. — А тебе-то, прости, какое дело до этого?

Бром нетерпеливо махнул рукой:

— Меня это заботит, и хватит с тебя. Так ты любишь ее?

— Нет, с меня этого никак не хватит! — Род откинулся на спинку стула с видом оскорбленного достоинства.

— Я — принц эльфов! — фыркнул Бром. — Неужто я не должен проявить заботу о самой могущественной колдунье в Грамерае?

Род не поверил своим ушам:

— Самой... как ты сказал?

Бром кисло усмехнулся:

— А ты и не знал? Да-да, Род Гэллоугласс. С более опасной дамой судьба тебя еще не сводила. Так отвечай мне: ты любишь ее?

— Ну... а-а-а, я... я не знаю! — Род согнулся, сжал голову ладонями. — Понимаешь, это все так неожиданно, и я..

— Так ты не знаешь? — В голосе Брома появились угрожающие нотки.

— Нет, проклятие, не знаю!

— Как же можно не знать? Ты что, младенец в пеленках? Разве ты не знаешь собственного сердца?

— Да нет, знаю вроде бы. Желудочки там, предсердия... О-о-о!

— Так как же мне узнать, любишь ли ты ее? — взревел Бром.

— А мне, мне как узнать? — прокричал в ответ Род. — Ты лучше у коня у моего спроси!

В дверь просунул голову дрожащий от стража паж и несмело шагнул в кабинет:

— Милорды... Ее величество королева!

Бром и Род развернулись, встали, поклонились.

Катарина явилась в алом пеньюаре, растрепанная. Вид у нее был очень усталый и сонный.

— Ну, милорды, — проворчала она, усевшись у камина, — что за важные вести заставили вас разбудить меня в столь ранний час?

Род кивком указал пажу на дверь. Мальчик побледнел, поклонился и ретировался.

— Дом Кловиса поднялся, вооружился и выступил в поход, — сообщил Катарине Род.

Катарина прикрыла глаза и со вздохом откинулась на спинку кресла:

— Хвала Небесам!

— И Туану Логиру, — уточнил Род негромко.

Она открыла глаза.

— Верно. И Туану Логиру, — добавила она не слишком охотно.

Род отвернулся, провел рукой по каминной полке.

— Им нужно послать еды и питья, чтобы они не грабили деревни по дороге. Кроме того, вперед нужно выслать гонца, дабы он предупреждал солдат не чинить им препятствий.

— Хорошо, — кивнула королева, — непременно. — Ее взгляд устремился к огню. — И все же это странно, — задумчиво произнесла она. — Те, что всегда ругали меня, теперь готовы за меня сражаться...

Род посмотрел на Катарину с еле заметной насмешливой улыбкой.

— Туан... — еле слышно проговорила она.

Бром кашлянул и шагнул к королеве, заложив руки за спину.

— Нынче ночью, — негромко сообщил он, — я говорил с королем эльфов. Все его легионы — к нашим услугам.

— Что такое — легионы эльфов? — кисло усмехнулась Катарина. Она снова стала самой собой.

— О, не стоит их недооценивать. — Род почесал затылок, вспомнив полученный некогда удар, а также плененного эльфами оборотня. — Кроме того, на нашей стороне — ваш персональный ведьминский шабаш.

— И самая могущественная колдунья в Грамерае, — напомнил Бром.

— Ну да. И еще она, — согласился Род, бросив на Брома взгляд, от которого бы мигом изжарился шашлык. — Все они в полной готовности услужить единственной правительнице в истории, которая покровительствует ведьмам.

Катарина слушала их, и глаза ее открывались все шире. Но вот она задумалась и устремила взгляд на пламя в камине.

— Мы победим, — пробормотала она. — Мы победим!

— При всем моем уважении к вашему величеству, я рискнул бы сказать так: скорее всего нам удастся свести исход сражения к ничьей.

Бреденская равнина представляла собой речную дельту, открывающуюся к югу, а с севера ограниченную течением двух сливающихся рек. Берега их поросли густым лесом, обрамлявшим поле. Поле поросло высокой травой и лавандой.

«Не видно ни хрена...» — думал Род, сидя у костра. Поле окутала густая холодная дымка. Ну, то есть, на взгляд Рода,

знавшего, что такое городской смог, это была именно дымка. А Туан, гревший руки у костра напротив Рода, качал головой и сокрушался:

— Какой густой, непроницаемый туман, сударь Гэллоуглосс! Он угнетает боевой дух войска!

Род хмуро глянул на Туана и прислушался к развеселым разговорам, долетавшим с той стороны, где разместились пикеты армии Туана. Ведьмы уже прибыли. Их обычная вечеринка из-за тумана началась сегодня в полдень.

Плечи Рода задергались. Он с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос.

— Ладно тебе, Туан, не переживай так сильно. Наши метео... наши ведьмы утверждают, что завтра будет чудесный солнечный день.

— Хвала святому Георгию, если нам не придется вступить в бой раньше! — вздохнул Туан и плотнее завернулся в плащ.

Согласно последним донесениям от миниатюрных разведчиков Брома, которых Род тут же окрестил «Объединенным Ополчением Хобгоблинов», южное войско находилось в полудне пути до равнины. Катарина вместе с Бромом и своим войском прибыла накануне вечером, а войско нищих и бродяг уже целые сутки отдыхало. Они были в такой отличной форме, что Туану с трудом удавалось сдерживать их. Все они рвались в бой и жаждали немедленно совершить бросок на юг и закатить южанам трепку, не дожидаясь их прибытия на равнину.

— Но, — глубокомысленно изрек Род, — я не вижу, почему бы нам ждать утра. Мы можем напасть на них и под покровом ночи.

— Напасть во тьме? — возмущенно воскликнул Туан.

Род пожал плечами:

— А почему нет? Они устали после дневного перехода, нападение застанет их врасплох. Тогда наши шансы на победу значительно возрастут.

— О да! У нас будет куда больше шансов убить спящих!

Род вздохнул и не стал говорить о том, что однажды поступил именно так и что убитый им человек был про-

фессиональным киллером, устроившим охоту на него. На самом деле были в его жизни эпизоды, когда он прибегал к более бесчестным методам расправы с врагами в случаях, когда это было менее оправданно, но сейчас говорить об этом ему не хотелось.

— Я всегда думал, что цель сражения — победа, — сказал он.

— Верно, — кивнул Туан, вглядываясь в туман. — Но не такими подлыми средствами. Кто будет верен королеве, которая добилась победы таким путем?

«Вот она, истина, — подумал Род. — На этой планете превыше всего — престиж, а честь — краеугольный камень престижа».

— Ладно, — сказал он. — Считай, ты меня вылечил.

— Вылечил? — непонимающе переспросил Туан. — У меня нет дара целительства.

— Зато ты прекрасный психолог-самоучка. Так что — когда дело дойдет до управления людьми, я к тебе обращусь за советом.

Туан печально улыбнулся и покачал головой:

— Дружище Род, у меня нет дара править людьми.

Род позволил себе в этом усомниться:

— Может, и нет, но ты — прирожденный вождь.

— Хо! — послышался чей-то веселый басок.

Род обернулся и улыбнулся. Из тумана вынырнула великанская фигура.

— Ну, что там, все счастливы?

Большой Том подошел к костру, ухмыльнулся:

— Еще как счастливы, господин. Они ведь в жизни такого винца не пивали, да еще так много.

— Гм-м-м, — задумчиво протянул Род. — Лучше бы, пожалуй, откатить бочонки подальше через некоторое время. Нельзя же, чтобы они напились в стельку перед боем.

— Нет, не надо, — почти автоматически отозвался Туан. — Пусть выпивают вволю — скорее уснут. А утром разбудим их пораньше, дадим по паре кружечек, и они у нас будут драться как демоны.

Что ж, с этим трудно было не согласиться. Собственно, никто не ждал от войска нищих особой точности в сражении. Их дело было выйти на бой и драться, не более того.

Черная ткань ночи была расцвечена пятнышками костров. Туман приглушал их свет.

На юге появились огоньки — это устраивалась на ночлег подошедшая армия южных дворян и советников.

С прибрежного луга доносились веселый хохот и крики — это нищие предпринимали отчаянные попытки напиться до последней степени.

На холме, дальше от реки, царила чопорная тишина. Неярко горели светильники в шелковых шатрах. Войско королевы улеглось спать на трезвую голову.

Но вот в самом большом шатре — королевском — тишины не было и в помине.

— Нет, нет и еще раз нет! — воскликнула королева, сердито расхаживая по шатру. Она развернулась, хлопнула в ладоши. — И не желаю больше вас слушать! Я сказала: завтра я поскачу в бой впереди моего войска!

Род и Бром переглянулись.

Туан побагровел от гнева, отчаяния и волнения за возлюбленную.

— Ступайте, — распорядилась Катарина и отвернулась.

Все трое поклонились и неохотно вышли из шатра.

— Как сказала, так и сделает, — проворчал Бром. — Стало быть, всем нам придется защищать ее, а сражением будет руководить сэр Марис.

— Ну, тогда мы точно проиграем, — буркнул Род. — Его военная стратегия так же стара, как римская фаланга.

Бром вздохнул, потер глаза:

— Я обещал ей погибнуть рядом с ней. Но быть может, мы все уцелеем, ибо есть у меня кое-что на уме.

И он исчез в темноте, не дав Роду и Туану ни о чем спросить его, из чего Род сделал заключение: на уме у карлика было единственное — поднять ему и молодому Логиру настроение, подарив надежду на лучшее.

— Мы погибнем, защищая ее, — прошептал Туан, изможденный и бледный. — Но и она падет в бою, без сомненья. — Он беспомощно развел руками. — Но что я могу поделать?

— Ну... — Род поджал губы и оглянулся через плечо на освещенный шатер. — Знаю я один способ, как сделать так, чтобы она не смогла завтра сесть в седло...

— Так скажи! — умоляюще воскликнул Туан.

— То есть она вообще сидеть не сможет.

Туан медленно покраснел, но тут же побледнел и задрожал от возмущения:

— Что ты... о чем это ты?!

Голос его звучал надтреснуто и грозно. Он поднял сжатую в кулак руку.

Род непонимающе нахмурился.

— Да выпороть ее надо хорошенько. Отшлепать так, чтобы она до следующего воскресенья только стоять могла. А как иначе?

Кулак Туана медленно опустился, он снова залился краской.

— О... — смущенно проговорил он и отвел взгляд. — Верно. Это было бы неплохо.

— Либо это, либо она погибнет.

Туан кивнул, собрался с силами, развернулся к королевскому шатру, минуту помедлил, потом расправил плечи.

— Так я и сделаю, — решительно заявил он. — А ты прости меня, дружище Гэллоугласс, за мой гнев. Просто... на миг мне показалось, что ты разумеешь... что-то другое.

Он вдохнул поглубже и поспешно зашагал к шатру.

У входа Туан остановился, кивнул стражникам и вошел.

Род изумленно улыбнулся:

— А я-то думал, что я тут один грешу задними мыслями!

Он крякнул, покачал головой и направился к походным кострам ведьм, по пути размышляя о том, что годы, проведенные Туаном в Доме Кловиса, кое-чему научили молодого дворянина.

Из темноты неожиданно материализовалась (в буквальном смысле) Гвендилон. Она смущенно улыбалась:

— О чем задумались, милорд?

Род усмехнулся, обнял ее за талию, прижал к себе. И их губы слились в долгом влажном поцелуе.

— Милорд! — воскликнула она, мило покраснев и поправляя растрепавшиеся волосы.

Ночной ветерок донес до них резкий, хлещущий звук, визг и вскрик.

Стражники у шатра вытянулись по струнке и кинулись ко входу. Один из них был готов распахнуть полотнище, но второй схватил его за руку:

— Вашему величеству нужна наша помощь?

— Не смейте входить! — ответил им испуганный крик. — Если вам дорога жизнь, не вздумайте войти!

Стражники обменялись недоуменными взглядами, пожали плечами и вернулись на пост, продолжая, впрочем, время от времени нервно оглядываться через плечо.

Крики стали приглушенными, затем сменились рыданиями. Хлещущие звуки утихли.

А потом и вообще наступила тишина.

Род опустил глаза и посмотрел на Гвен.

— Что это ты усмехаешься?

Она кокетливо, искоса глянула на него:

— Я же говорила вам, милорд, что могу прочесть не только ваши мысли.

— О?

— Да. И там, в шатре, мысли сейчас просто-таки дивные...

В шатре погас свет.

Гвендилон негромко рассмеялась и отвернулась.

— Пойдемте, милорд. Дальше слушать неприлично. Пойдемте. Вам нынче надо лечь пораньше.

— Проснись, Род Гэллоугласс!

Кто-то тряс его за плечо.

Род заворчал и с трудом открыл глаза:

— Какого черта? Что тебе...

Он умолк. Перед ним стоял Бром О'Берин.

— Это я, — на всякий случай уточнил Бром. — А теперь одевайся и иди за мной.

— Между прочим, в ночь перед сражением у меня нет привычки спать раздетым, — проворчал Род и осторожно приподнялся, стараясь не разбудить Гвендилон.

При взгляде на нее его лицо смягчилось. Он легко коснулся губами ее щеки. Она пошевелилась, что-то пробормотала во сне и улыбнулась.

Род встал. Бром уже отошел в сторону и настойчиво манил его за собой.

— Ну, говори, что стряслось? — рявкнул Род, догнав карлика.

— Помолчи, — огрызнулся Бром и молчал, покуда они не взобрались на холм над лагерем.

Здесь он резко развернулся к Роду и сурово проговорил:

— А теперь отвечай мне! Ты любишь ее?

Род ошарашенно смотрел на него.

— Ты меня разбудил только для того, чтобы спросить об этом? — спросил он угрожающе тихо.

— Это важно для меня, — буркнул Бром. — Ты ее любишь?

Род сложил руки на груди:

— Тебе-то какое дело до этого? И какое ты имеешь право копаться у меня в душе?

Бром отвел взгляд. На скулах его задвигались желваки. Наконец он ответил так, словно слова из него тянули силой:

— Она моя дочь, Род Гэллоуглас. — Он смотрел в глаза Рода. — Что? — насмешливо спросил он. — Не верится, да?

Он отвернулся, устремил взгляд вдаль. Голос его смягчился, стал задумчивым.

— Она была простой служанкой в королевских покоях, но я любил ее, Род Гэллоуглас. Ростом она была невысока, коротышка, можно сказать, и все же на голову выше меня. И смертная к тому же. А как она была хороша, как хороша! И знаешь — вот ведь что странно — за ней волочились все придворные, но она, — восторженно и удивленно проговорил Бром, — выбрала меня. Только она одна, из всех женщин на свете, эльфиек и смертных, видела во мне не кар-

лика, не эльфа, не принца — а просто мужчину. Она желала меня... Она меня любила...

Он умолк, покачал головой, вздохнул:

— И я любил ее, Род Гэллоугласс, только ее одну. И она зачала от меня дитя.

Лицо Брома помрачнело. Он заложил руки за спину и уставился в землю.

— Когда же стало ясно, что она беременна, и скоро это заметили бы все, и тогда ее стали бы позорить грубыми насмешками, хотя мы с ней были обвенчаны... Я отослал ее в густые леса, к моему народу. И там, в окружении эльфов и лепрехунов, она произвела на свет чудесное дитя, девочку, в которой течет кровь эльфов.

Глаза его затуманились. Он поднял голову и, не глядя на Рода, продолжал:

— Она умерла. Когда нашей дочери исполнилось два года, она умерла от простуды. И мы похоронили ее под деревом в лесу. Каждый год я хожу на ее могилу... — Он вернулся взглядом в Роду. — А девочка осталась. Мое дитя.

Он отвел взгляд.

— А что я мог поделать? Растить ее, чтобы она видела, что ее отец — урод и скопище грубых шуток? Чтобы она стыдилась меня? Потому она росла в лесу, среди эльфов, и знала могилу матери, но ничего не ведала об отце.

Род принялся было протестовать, но Бром отмахнулся:

— Молчи! Так было лучше для нее! — Он медленно обернулся, взгляд его был грозен. — Так все и осталось по сей день. И если ты проговоришься, Род Гэллоугласс, я вырву твой язык и отрежу уши.

Род только смотрел на него, окаменев, и не знал, что сказать.

— И потому сейчас ты дашь мне ответ! — Бром ударил кулаками по бедрам и вздернул подбородок. — Знай же: я наполовину смертный, и потому меня можно убить. Быть может, нынче я погибну. — Он понизил голос. — Так скажи же мне, несчастному отцу, душу которого снедает тревога: ты любишь мое дитя?

— Да, — тихо отозвался Род, помолчал и спросил: — Так она не случайно встретилась мне по дороге на юг?

Бром хитро улыбнулся:

— Нет, конечно, не случайно. Как ты только мог так подумать?

Заалел разбуженный зарей восток, начал рассеиваться туман. Род въехал в лагерь нищих, чтобы разбудить их.

Но Туан, оказывается, опередил его. Он переходил от одного человека к другому и будил своих подопечных. Его сопровождал солдат, который ставил возле каждого кружку с подогретым вином.

Туан выпрямился, заметил Рода и поспешил к нему, раскинув руки в стороны и улыбаясь от уха до уха.

Он похлопал Рода по плечу, крепко, до боли сжал его руку. Глаза его светились глубокой, спокойной радостью.

— Прими мою благодарность, дружище Род, — сказал он безыскусно. — Ты заслужил ее! Теперь я у тебя в долгу.

Род улыбнулся и подмигнул Туану:

— Как я понимаю, одной поркой ты не ограничился? Ну, оно и к лучшему.

Похоже, в лагере у Туана все шло, как надо. Род развернул Векса к стоянке ведьм.

Тут тоже царил образцовый порядок: стояли в рядок корзины с веревками и упряжью. Из рук в руки передавались кружки с утренним напитком. Напиток был весьма бодрящий: что-то вроде крепкого чая с небольшой примесью бренди. Он был призван активизировать колдовской потенциал ведьм.

Повсюду сновали эльфы, путаясь у всех под ногами и раздавая направо и налево добрые пожелания и охранные заклинания всем, кто согласен был их принять. Ведьмы не ведьмы — так говорили эльфы, а лишнее доброе волшебство не повредит. Вреда от заклинаний никакого, а глядишь, и польза будет...

Словом, тут Роду делать тоже было нечего, и потому он отправился на поиски Гвендилон.

Он нашел ее посреди компании колдуний, которые по грамерайским меркам считались старыми — то бишь всем им было за двадцать.

Похоже, Гвендилон им что-то взволнованно внушала и чертила палочкой на земле какие-то рисунки. Товарки слушали ее так внимательно, словно от каждого ее слова зависела их жизнь.

Род решил, что прерывать это производственное совещание не стоит.

Он поворотил Векса и, миновав костры, от которых доносились аппетитные запахи, выехал к пикетам, проехал мимо них и оказался на Бреденской равнине.

На южном ее краю поблескивали наконечники копий, сверкали начищенные до блеска доспехи. Ветер доносил до Рода лязг металла, ржание коней, гомон пробуждавшегося лагеря. Советники нынче тоже поднялись рано.

Послышались торопливые шаги. Род обернулся и увидел, что по лугу в его сторону бежит паж.

— Что новенького, приятель? — крикнул Род и помахал мальчишке рукой.

— Вы должны явиться к королеве, господин Гэллоуглосс, — проговорил паж, еле дыша, и ухватился за стремя. — Милорд О'Берин и лорды Логиры уже там. Военный совет!

Военный совет прошел быстро. Он представлял собой краткое повторение уже известного всем плана сражения, после чего прозвучало сообщение о том, что Катарина в итоге на коня не сядет и войско не возглавит. Род заметил, что во время совета королева стояла.

Затем все разошлись по местам: сэр Марис в центр, старик Логир — на правый фланг, Род — на левый. Бром должен был остаться на вершине холма с Катариной и Гвендилон, дабы они оттуда руководили ходом сражения. Это предложение последовало от Рода, и Бром принял его, не раздумывая ни секунды. Боец он был изрядный, но кавалерист, вследствие маленького роста, никудышный.

Тому было предложено на выбор: драться вместе с бродягами или остаться рядом с Родом. Он выбрал последнее — может быть, потому, что хотел побывать в самой гуще сражения.

Туан, естественно, остался со своими подопечными.

Когда молодой Логир взлетел в седло, Катарина остановила его, коснулась рукой его колена и обвязала шелковой лентой правую руку Туана.

А потом она протянула к нему руки. Туан взял ее руки, прижал к губам, склонился, поцеловал Катарину в губы, затем пришпорил коня, проскакал с десяток ярдов, придержал коня...

Они на миг замерли, глядя друг на друга, — королева и белый рыцарь. Но вот Туан снова пришпорил своего скакуна, развернул его и поскакал вслед за своим войском оборванцев.

Род еле заметно улыбнулся.

— Рано еще смеяться, Род, — напомнил ему Векс.

Род скорчил рожу:

— А ты кем себя считаешь? Уж не мудрым ли сверчком из «Пиноккио»?

Он обернулся, бросил последний взгляд на Гвендилон, стоявшую возле королевского шатра, и поскакал к левому флангу.

Он был единственным всадником без доспехов.

Прочие же были одеты в латы с головы до ног, как это было принято в четырнадцатом веке, вот только южане являли собой сплошную, непроницаемую стальную стену, а рыцари Катарины были расставлены пореже, между ними было по двадцать ярдов — только так их линия могла сравняться с линией южан по длине.

«Да, дырок предостаточно», — сокрушенно думал Род. А единственная шеренга пехотинцев и вовсе не шла ни в какое сравнение с плотной массой воинов, стоявших за спинами рыцарства мятежных лордов. Словом, зрелище не вызывало энтузиазма.

Но бродяг почему-то видно не было. Если на то пошло, и ведьмы куда-то пропали, и эльфы тоже.

Видимо, мятежников ожидали кое-какие малоприятные сюрпризы.

На южном краю поля запел рог...

Мятежные рыцари взяли копья наперевес.

Рыцари королевы сделали то же самое.

Наступила долгая тягостная пауза, но вот кони сорвались с места.

Конский топот звучал ревом горной лавины. Стальные ряды противников сошлись, и южные рыцари тут же начали теснить рыцарей королевы...

Запахло легкой победой, и мятежники радостно вскричали, полагая, что теперь им не составит труда рассыпаться, окружить войско королевы с флангов и взять в кольцо.

В центре отчаянно дрались рыцари королевы. Многие из них были сброшены с коней и залиты кровью, но продолжали биться.

С победным ревом мятежники растянулись по полю, погнали коней к флангам северян...

Но вдруг их победный рев сменился криками ужаса: земля стала проваливаться под копытами коней.

Рыцари и их скакуны увязли в канаве глубиной в шесть футов.

Эльфы ночью зря времени не теряли.

На выручку конникам бросились пехотинцы, но тут из-за деревьев со страшным воем выскочили бродяги и нищие, вооруженные ножами, мечами и кинжалами, и яростно набросились на пехотинцев.

Все бы хорошо, но числом противник все равно намного превосходил силы королевы.

И тогда в бой вступили воздушные силы. По небу полетели бравые команды, в каждой из которых было по четыре чародея и по одной ведьме. Чародеи поддерживали корзины, а в корзинах сидели ведьмы. Чародеи пускали во врагов стрелы: руки у них были свободны, поскольку поддержка корзин осуществлялась за счет хитроумных кожаных креплений на поясах, а ведьмы осыпали мятежников камнями. Камни, управляемые ведьмами, не только безошибочно выбирали цель, но и удары наносили посильнее обычных. Южане принялись

обстреливать их из луков и арбалетов, но ведьмы ловко отгоняли стрелы, а порой им даже удавалось развернуть их в полете и направить в обратную сторону.

Так что... Вскоре вместо привычного и понятного боя на поле поднялась невообразимая суматоха.

При всем том рыцари южан сдаваться не собирались. Согласно кодексу чести, рыцарь мог драться только с другим рыцарем, и пехотинца могли убить за одну лишь попытку схватиться с рыцарем, и лишь Божья воля могла подарить такому смельчаку победу!

Рыцари Катарины в итоге были вынуждены драться не только по центру, но вдоль всей линии фронта, и многие из них пали. Мятежников было намного больше, да и с кодексом чести у них было явно не так строго, как в королевском войске.

Тоби, юный чародей, вдруг возник в воздухе прямо перед Родом:

— Господин Гэллоугласс! Герцога Логира окружают, вы должны прийти к нему на выручку!

Он исчез так же внезапно, как появился. Не сказать, чтобы это была самая совершенная форма связи, но уж, во всяком случае, у мятежников и такой связи не было.

Род, на момент появления Тоби занятый поединком с вражеским рыцарем, завершил его, вогнав свой меч между нагрудником и шлемом противника, и погнал Векса прочь из гущи сражения.

Он поскакал к противоположному флангу. Там сквозь толпу сражавшихся к герцогу Логиру пробивалась юркая фигурка, с головы до ног закованная в латы и вооруженная сверкающим мечом. Кто-то из советников решил не ударить в грязь лицом и убрать одного из главных действующих лиц. Сверкал меч как-то странно, скорее — светился. Род пока не понимал, что это значит, но догадывался, что это только с виду меч, а на самом деле какое-то гораздо более мощное оружие.

Род врубился в толпу сражавшихся и принялся пробиваться к герцогу, словно мощный бульдозер, разгоняя по пути всех без разбора.

Логир заметил опасность и закрылся щитом от грозящего ему меча. Меч советника беззвучно и легко прошел сквозь щит, но до Логира не достал. Старик вскричал от боли: страшный жар проник к его коже от разогретого щита и раскалившихся доспехов. Логир выронил щит.

Советник занес свой меч для решающего удара.

Но тут Векс на полном скаку налетел на лошадь советника. Та, естественно, упала, упал и советник, вопя как оглашенный. Меч выпал из его руки.

Солдаты поспешно расступились, боясь прикасаться к заколдованному мечу.

Род, ни в малейшей степени не терзаясь угрызениями совести, развернулся и затоптал советника насмерть железными копытами Векса. Предсмертный вопль мерзавца еще долго звучал в ушах у Рода, и совесть заговорила было, но Род решил отложить переговоры с нею до конца сражения.

Он подъехал к лежавшему на траве мечу, слыша, как солдаты шепчутся:

— Колдовство!

— Да нет, всего лишь чудо, — прокричал Род, спешился, подобрал меч и снова сел верхом. — Ничего удивительного, верно?

Он бросил меч Логиру, тот поймал его за рукоятку и приветственно поднял, а Род ускакал и снова угодил в самую гущу боя.

Сражение было в разгаре. Сталь ударяла о сталь, слышался костный хруст, лилась кровь, но никто не просил пощады. Сошедшиеся в бою войска растекались по полю подобно странной, огромной пульсирующей амебе.

Воздушная эскадрилья ведьм-эсперов развернулась и умчалась прочь — они уже были не в силах отличить своих от чужих.

Род метался вдоль рядов сражавшихся. Векс без труда пробивал себе дорогу стальными боками и копытами. Род прикрывал троих полководцев и рыцарей, где только мог, руководил выносом раненых, разнимал соперников, сошедшихся в смертельной схватке.

Бродяги и нищие, похоже, напрочь обескуражили мятежных воинов полным отсутствием какой-либо боевой выучки и выигрывали именно за счет боя без правил. Многие из них были убиты, но прежде уложили шестерых врагов, а то и побольше. Они орудовали кольями, ржавыми мечами, кривыми ножами и демонстрировали полное и бесповоротное презрение к возрасту и рангу своих соперников.

Род припомнил Карла Маркса и мысленно содрогнулся.

Он давно не видел Большого Тома и искренне надеялся, что с его «слугой» все в порядке.

И тут он услышал его голос. Он донесся из тыла мятежного войска.

— Ко мне! — ревел Большой Том. — Ко мне!

Тысячи голодранцев бросились к нему и принялись вламываться в ряды мятежников с тыла.

Идея эта была быстро подхвачена. Группы мятежников быстро рассредоточились вдоль всего вражеского войска, и амеба сражения начала сжиматься.

А Большой Том рвался вперед — похоже, к какой-то конкретной цели.

Род нахмурился, приподнялся в стременах, стараясь вычислить маршрут Тома.

Там, в самом центре битвы, двадцать стариков горбунов в отчаянной спешке собирали какую-то машину... Треножник на тонких ножках, а наверху — какая-то непонятная конструкция. Советники прибегли к своей последней надежде...

Род пришпорил Векса, и Векс послушно подпрыгнул и взлетел, но среагировал на команду чуть позже, чем следовало бы. Род в ужасе осознал, что на роботе начало сказываться напряжение боя.

Стальной конь перелетел через головы сражавшихся и пробился к советникам как раз в тот момент, когда с противоположной стороны до них добрался Том в сопровождении жалких остатков войска оборванцев.

Советники, суетившиеся возле машины, умолкли и замерли, завидев своих заклятых врагов.

А потом они взвыли, попятились, окружили машину плотным кольцом. Глаза их злобно сверкали. Еще миг — и советники обнажили светящиеся мечи.

Подопечные Тома окружили советников и пошли на них.

Оружие советников было смертельно опасным, но для того, чтобы убить, оно должно было коснуться жертвы, и голодранцы в этом смысле являли собой отличные мишени.

Многие из них упали, рассеченные пополам, но многие уцелели. Их было вчетверо больше, чем советников, и они были готовы дорого продать свою жизнь.

Советники вопили, размахивали мечами, но и они гибли один за другим.

В самом центре круга Род разглядел одинокую фигурку. Дюрер предпринимал отчаянные попытки наладить зловещее устройство и запустить его.

В живых осталось только пятеро советников.

Дюрер отскочил от машины с диким воплем и что-то выхватил из нагрудного кармана.

Лазерный пистолет.

Род соскользнул с коня, укрылся за крупом Векса, зная, что робота можно сразить только прямым попаданием в голову, и торопливо открыл потайную дверцу в боку коня. Здесь лежало оружие, припасенное на самый крайний случай: лазерный пистолет последней модели.

Род схватил пистолет, слыша вопли оборванцев. Они падали наземь, подкошенные лучами лазера. Род перебежал к голове Векса, присел и выстрелил.

Разряд угодил Дюреру в ногу. Горбун сжал руками колено и, воя, упал на траву.

Том победно взревел.

Оборванцы пошли в атаку, бешено размахивая кольями и сбивая с ног последних уцелевших советников.

Колья взметнулись и разом опустились, с противным, чавкающим звуком пронзив плоть врагов.

Большой Том злорадно расхохотался и подхватил с земли меч одного из поверженных советников.

Дюрер приподнялся, встал на одно колено и выстрелил.

Луч алого света угодил Тому в плечо. Том взревел от боли, завертелся на месте и упал.

Хромая и волоча раненую ногу, Дюрер двинулся к нему, пытаясь прицелиться получше.

Род выстрелил в него и промахнулся.

Дюрер злобно взвыл и спрятался за чьим-то трупом.

Род пришпорил Векса:

— Скорее! Пока он не успел выстрелить!

Конь подпрыгнул: луч лазера угодил ему в брюхо, что было не так уж опасно: брюхо у Векса было пустое и не содержало жизненно важных деталей.

И все же ноги коня-робота вдруг прямо в воздухе перестали гнуться, голова повисла...

Род поспешно вылетел из седла. Векс с грохотом упал наземь и покатился кувырком.

Род тоже кувыркнулся, приподнялся, нашел взглядом Дюрера и прицелился в него.

...Но тут на Дюрера, успев попутно толкнуть Рода, налетел Том.

Дюрер закачался, пистолет вылетел из его руки.

То же самое из-за полученного толчка произошло и с пистолетом Рода. Он отчаянно искал глазами утерянное оружие.

Том перекатился по земле, поднялся, бросился к Дюреру, подхватил выроненный одним из советников меч... и упал, зацепившись ногой за чей-то труп.

Юркий, словно угорь, Дюрер мгновенно вскочил, схватил меч, замахнулся...

Род взвыл и, пригнувшись, бросился вперед.

Его плечо угодило в живот Дюреру. Горбун взлетел в воздух, а меч выпал и вонзился в землю.

Дюрер ухватился за него, поднялся на ноги, выхватил меч из земли, поднял и развернулся к Роду.

Род упал на колени. Смертоносное оружие было так близко...

Том взревел и оттолкнул Рода в сторону.

А лучистый меч опустился и отсек плечо Тома вместе с третью грудной клетки.

Род дико закричал, вскочил и развернулся. Согнутой в локте рукой он обхватил шею Дюрера, изо всех сил пнул его коленом в спину.

Послышался глухой хруст. Дюрер вскрикнул и обмяк. Пальцы его разжались, меч выпал.

Род швырнул советника наземь.

Тот все еще кричал и пытался дотянуться до меча.

Род опустился на одно колено и ребром ладони резко ударил Дюрера по шее.

В горле у Дюрера заклокотала кровь. Он в последний раз дернулся и затих.

Род, тяжело дыша, встал, обернулся и увидел, как из разрубленного плеча Тома фонтаном хлещет кровь. Великан молчал, только кривился от страшной боли.

Род встал на четвереньки. Взгляд его отчаянно метался среди мертвых тел и луж крови.

Наконец он нашел лазерный пистолет и бросился к Тому.

Сюда же подступали и уцелевшие в схватке с советниками бродяги. Не дав им подойти ближе, Род потянул спусковой крючок и срезал лучом лазера полдюйма мышц вокруг раны Тома. Том вскрикнул.

Бродяги со злобными воплями накинулись на Рода.

— Нет! — вскричал Том, но как слаб стал его крик в сравнении с былым могучим басом. — Тупицы, не троньте его! Разве вы не видите? Он остановил кровь!

Он откинулся на траву. Бродяги расступились, умолкли. Род, заработавший порядочно синяков и ссадин, скривился, потирая только что зажившее плечо, и вернулся к Тому.

Он встал на колени рядом с товарищем. Тот все еще корчился от боли. От запаха жженой плоти у Рода кружилась голова.

Том с трудом немного приоткрыл глаза и попытался улыбнуться:

— Это вы... здорово придумали... господин. Две минуты назад... это бы... могло... меня спасти.

Род сорвал с себя плащ, быстро скатал его, подсунул под голову Тома.

— Лежи, не шевелись, — проговорил Род с натугой. — Ты такой здоровяк, ничего, сдюжишь. Не вся же кровь из тебя вытекла.

— Нет... — еле слышно отозвался Том. — Слишком... много. А еще... болевой шок...

Лицо его исказила гримаса боли. Род бегом бросился к Вексу, нажал на кнопку перезарядки, открыл еще одну дверцу в боку стального друга, пошарил и нашел наполненный шприц.

Бегом вернулся к Тому и сделал укол прямо в обожженную мышцу.

Том с громким вздохом расслабился — заработало обезболивающее средство.

— Вот спасибо, господин, — еле слышно проговорил он. — Хотя бы умру без боли.

— Не говори так, — покачал головой Род, с трудом шевеля онемевшими губами. — Ты у нас еще поваляешься с красотками в стогах!

— Нет, господин... — Том мотнул головой, прикрыл глаза. — Пришел мой час.

— Ты не умрешь. Тогда я останусь в долгу перед тобой, а мне это не по душе.

— Плевать я хотел на то, что тебе по душе, а что не по душе! — неожиданно взорвался Большой Том. — Теперь ты мне не указ, господин какой выискался! У меня поважнее тебя начальники есть, и настанет тот день, когда они тобой покомандуют!

Он откинулся назад, тяжело, с присвистом дыша.

Род молча стоял на коленях возле него.

Том вытянул уцелевшую руку и схватил Рода за локоть:

— Да, теперь ты у меня в долгу, хотим мы оба этого или нет.

— Хочешь ли ты? — возмутился Род. — О чем ты говоришь? Ты мне жизнь спас!

— Верно, а свою потерял. Но будь я в ясном уме, я бы этого ни за что не сделал.

— В ясном уме?

— Да. В бою человек грешит поспешностью. Либо я спас бы тебя, либо сам остался бы в живых и служил бы дальше Дому Кловиса. В пылу сражения по глупости я избрал твое спасение. — Он немного помолчал, полежал, хрипло дыша. Но вот его пальцы снова цепко сжали руку Рода. — Пусть я умру, но ты всю жизнь будешь в долгу передо мной. Мне ты не отплатишь, но отплатишь моему народу.

Род попытался выдернуть руку:

— Нет!

— Да! — Том смотрел на него, гневно сверкая белками. — Вот та плата за твое спасение, какой я требую от тебя! Твоя жизнь — за мою жизнь. Ты должен остаться здесь, в Грамерае, и трудиться на благо моего народа.

— Я сам себе не хозяин...

— Еще какой хозяин, — устало проговорил Том и опустил голову на свернутый плащ. — Еще какой, и если ты не знаешь этого, то ты воистину глупец.

— Цена слишком высока, Том. Погибнуть в бою — что ж, с радостью. Но прожить здесь до конца жизни — нет, не могу, уволь. Я ведь тоже служу Мечте...

— И мой выбор был таким же, — вздохнул Том. — Кому служить? Мечте или человеку? Так выбирай же сам!

— Я связан обязательствами...

— Ну, так вот тебе новое обязательство, и пусть оно освободит тебя от прочих! Теперь ты обязан исполнить мою волю... — Лицо умирающего помрачнело. — Я думал, что знаю, что лучше всего для них... но теперь... когда смерть моя близка...

Том резко приподнялся, все его огромное тело свело судорогой, он закашлял кровью. Род обнял великана, поддержал.

Спазм миновал. Том, ослабев, вяло сжал руку Рода.

— Но ты... ты умнее меня... ты мыслишь... ясно... и ты должен решить...

— Успокойся, — умолял его Род, пытаясь уложить на траву. — Не надо так напрягаться... Сил у тебя совсем немного!

— Нет, — мотнул головой Том. — Дай мне сказать! Эсперы... Трибунал... они дадут им работу... Мы тут... с ними боремся... а они...

— Тише, не надо, — уговаривал его Род. — Помолчи, я понимаю, что ты хочешь сказать.

Том запрокинул голову, посмотрел на него:

— Ты...

Род кивнул:

— Да. Ты только что сказал мне именно то, чего мне недоставало для полной ясности. А теперь ляг.

Том повис на его руках.

— Скажи мне... Я должен убедиться... что ты все понял правильно...

— Да, я все понял, — пробормотал Род. — ДДТ победит в будущем. И предотвратить его победу вы можете только здесь. А вы еще и друг с другом бьетесь.

— Верно, — вяло кивнул Большой Том. — Ты... должен решить... сейчас... и... господин...

Он что-то прошептал еле слышно, судорожно вдохнул, взволнованно, широко открыл глаза...

Род склонился к нему, прижался ухом к его губам.

— Не погибай... за мечту...

Род нахмурился.

— Не понимаю! — Он подождал немного и спросил: — Ты о чем, Большой Том?

Ответа не было.

Род медленно отстранился, взглянул в остекленевшие глаза.

Осторожно прикоснулся к сонной артерии, задержал руку... отнял и бережно опустил веки умершего.

Медленно встал и отвернулся. Сначала он ничего не видел перед собой.

Затем мало-помалу в глазах у него прояснилось. Он взглянул на растерянных оборванцев, не спускавших глаз с тела Большого Тома.

В их круг робко протиснулась стройная фигурка.

— Г-господин Гэллоугласс?

Роб обернулся и отступил. Оборванцы нерешительно шагнули к телу Тома.

Род, понурив голову, отошел подальше, поднял глаза:

— Чего тебе, Тоби?

— Милорд... — Тоби искоса устремил полный тоски взгляд на кучку нищих. — Милорд, они... Они просят пощады, милорд. Ответим ли мы на их мольбу?

— Пощады? Ах да... Они решили сдаться. — Род кивнул и закрыл глаза.

Потом обернулся, взглянул на коленопреклоненных нищих:

— Честно говоря, не знаю. А Бром что говорит?

— Милорд О'Берин говорит, что надо их пощадить, а королева говорит — не надо. Лорды Логиры согласны с Бромом.

— А королева все равно не согласна, — кивнул Род, горестно поджав губы. — И они хотят, чтобы я решил их спор, так?

— Так, милорд.

Оборванцы немного расступились, и Род мельком увидел застывшее, словно бы восковое лицо Тома.

Он обернулся к Тоби:

— Так вот... Я говорю: да! Их надо пощадить.

Солнце опустилось за холмы. Небо нежно розовело на западе, а на востоке потемнело.

Двенадцать Великих лордов стояли, закованные в кандалы, перед Катариной.

Рядом с ней сидели Туан и Логир, Бром и сэр Марис.

Род стоял чуть поодаль, прислонившись спиной к боку Векса, опустив голову и сложив руки на груди.

Старый герцог Логир сидел понурясь. Глаза его были полны печали, ибо на шаг впереди остальных пленных стоял его сын Ансельм — прямо перед королевой.

Катарина держалась гордо, глаза ее победно сверкали, на щеках играл румянец. Она явно упивалась своей властью.

Род взглянул на нее, и его замутило от отвращения: вместе с победой к королеве вернулись упрямство и высокомерие.

По знаку Брома О'Берина двое герольдов затрубили в фанфары, а когда фанфары отзвучали, вперед вышел третий герольд и развернул свиток пергамента.

— Сим оповещаем всех, кто имеет уши и слышит, что в этот день неверный вассал, Ансельм, сын Логира, учинил подлый мятеж против Катарины, королевы Грамерая, и потому подлежит королевскому суду и казни за государственную измену! — Герольд свернул свиток и возгласил: — Кто выступит в защиту Ансельма, предводителя мятежников?

Все молчали.

Потом поднялся старик Логир.

Он низко поклонился Катарине. Она встретила его поклон гневным взглядом.

— Сказать в защиту мятежника нечего, — прозвучал зычный голос Логира. — Но многое можно сказать в защиту человека, который в силу горячности и легкомыслия своего восстал против того, что счел оскорблением для отца своего и всего рода своего. О да, его деяния были поспешны и даже опасны, но он был ведом чувством оскорбленной чести и сыновнего долга. Более того: теперь, видя, к чему привели его горячность и злоба, он, нося высокий отцовский титул герцога, способен осознать потребность в истинной верности и долге перед королевой.

Катарина улыбнулась и медоточиво проговорила:

— Следовательно, милорд, вы просите меня пощадить этого человека, на совести которого гибель многих тысяч ни в чем не повинных подданных моих, и желаете, чтобы я вновь препоручила его вашей опеке и покровительству, — вы, милорд, который, как мы теперь знаем, однажды уже нарушил свой долг перед королевой?

Логир вздрогнул.

— О нет, любезный милорд! — воскликнула Катарина. Она побледнела, губы ее вытянулись в ниточку. — Вы уже единожды возглавили мятежников, а теперь пытаетесь проделать это вновь!

Лицо Логира окаменело.

Туан привстал со стула. Он побагровел от негодования.

Катарина обернулась к нему и одарила его надменным взором:

— Повелитель оборванцев желает что-то сказать?

Туан, сдерживаясь изо всех сил, скрипнул зубами, он встал и низко поклонился Катарине:

— Моя королева, сегодня за вас самоотверженно сражались отец и сын Логиры. Так неужели вы не даруете жизнь сыну моего отца и моему брату?

Катарина побледнела еще сильнее, прищурилась.

— Благодарю вас, брат мой и отец мой, — тихо проговорил Ансельм.

— Молчи! — взвизгнула Катарина, обернувшись к нему. — Молчи, злобный изменник, трижды ненавистный пес!

Глаза Туана и его отца гневно сверкнули, но оба они промолчали.

Катарина, тяжело дыша, откинулась на спинку походного трона, сжала кулаки, чтобы никто не видел, как дрожат ее пальцы.

— Говорить будешь, когда я повелю тебе говорить, изменник! А покуда я повелеваю тебе молчать!

— Я не стану молчать! Вы не можете унизить меня сильнее, чем я уже унижен! Вы, злобная королева, обрекли меня на смерть и не помилуете меня! Что ж, убейте меня. Наказание за измену — смерть, и я знал о том задолго до того, как взбунтовался против вас. Так казните меня и покончим с этим!

Катарина опустила плечи и процедила сквозь зубы:

— Он сам вынес себе приговор. По закону нашей страны мятежник и изменник должен умереть.

— Законы диктует королева, — негромко проговорил Бром. — Если королева помилует изменника, он останется в живых.

Катарина устремила на карлика гневный взгляд:

— Неужто и ты готов изменить мне? Неужто никто из моих ближних не встанет со мною рядом в этот день?

— Ну все, хватит! — взорвался Род, подбежал к трону и ухватился за его спинку, грозно нависнув над Катариной. — Да, если хотите: никто из ваших приближенных с вами не согласен, и, на мой взгляд, это должно хотя бы немного убедить вас в вашей неправоте. Но как же с этим согласиться? Разве королева способна передумать? К чему ей справедливый и милосердный суд? Вы ведь уже все решили — он умрет! — Род отвернулся и сплюнул. — Ну так давайте, кончайте ломать комедию.

— И ты, и ты тоже?! — ахнула Катарина. — И ты взялся защищать изменника, повинного в гибели трех тысяч моих...

— В гибели трех тысяч ваших подданных повинны вы сами, — взревел Род. — Благороднейший человек из простонародья пал замертво в этом бою, и теперь стервятники расклевывают его плоть, а ради чего он погиб? Ради того, чтобы защитить капризную девчонку, воссевшую на троне, хотя ее жизнь не стоит жизни даже одного оборванца! Дрянную девчонку и дрянную королеву, которая только одна и повинна в мятеже!

Катарина, дрожа, скорчилась на троне.

— Молчать! — ахнула она. — Разве это я учинила мятеж?

— А кто вынудил дворян взбунтоваться, спрашивается? Кто побудил их к этому своим высокомерием и поспешными реформами. Повод, я спрашиваю, каков был повод, Катарина?! Без повода никто не взбунтуется, а кто дал этот повод, как не королева?

— Молчи, молчи же! — Катарина прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать от страха. — Ты не смеешь так говорить с королевой!

Род смерил ее взглядом и презрительно скривился.

— Была охота! — бросил он небрежно. — Я уже по горло сыт этими разговорами. Но искренне вам советую: даруйте им жизнь. Хватит смертей на сегодня, хватит! Даруйте им жизнь. Они будут верны вам — теперь, когда больше нет советников, которые морочили им головы. Пусть все останутся в живых, заклинаю вас! Они-то получили урок, хотя вы ничему не научились.

— Это неправда! — выдохнула Катарина.

— Да, неправда! — Вперед шагнул Туан, его рука легла на рукоять меча. — Королева дала повод для бунта, это верно, но ведь не она же сама его учинила.

Катарина устремила на Туана взгляд полный мольбы и благодарности.

— Когда ты говоришь правду, — продолжал Туан, — ты волен винить ее. Но винить ее в том, в чем она неповинна... — Он медленно покачал головой. — Этого я тебе не позволю.

Роду нестерпимо хотелось плюнуть Туану в лицо.

Но он сдержался и обернулся к Катарине. Та пришла в себя и снова приняла горделивый вид.

— Не забывайте, — бросил ей Род, — что королева, которая не в силах совладать со своими прихотями, — это слабая королева.

Катарина вновь побледнела.

— Берегись! — крикнул Туан.

Ярость волной захлестнула Рода. Напряжение росло и росло, но вот словно что-то оборвалось у него внутри, и осталось только ледяное спокойствие и понимание — понимание того, что ему нужно делать и почему... и каковы будут последствия для него самого.

Катарина праздновала победу, видя, что Род растерялся от угрозы Туана.

— Есть у тебя еще что сказать? — надменно вопросила она.

— Есть, — процедил сквозь зубы Род. — Что это за королева, если она предает собственный народ?

Он размахнулся и ударил Катарину по щеке.

Она вскрикнула, съежилась, а Туан бросился к Роду и готов был въехать ему кулаком в лицо.

Род пригнулся, крепко обхватил Туана за пояс и крикнул:

— Векс!

Туан молотил кулаками по животу Рода, но Род мужественно сносил побои. К нему, зловеще сдвинув брови, сходились другие военачальники.

Но Векс опередил их.

Род постарался забыть о том, какой славный парень Туан, и пнул его коленом в пах, отшвырнул от себя и вскочил верхом на Векса. Туан упал, сложившись пополам от боли и хрипя.

Векс подпрыгнул и взлетел над головами сбежавшихся стражников.

Приземлившись, он пустился прочь стремительным галопом. Род услышал, как Катарина взволнованно окликает Туана, и злорадно ухмыльнулся.

Однако недолго он ухмылялся. Острейшая боль в плече заставила его беззвучно вскрикнуть и обернуться. Из плеча его торчало охвостье пущенной из арбалета стрелы.

Позади, посреди стражников, окруживших трон, Катарина склонилась к Туану. Тот стоял на коленях и кривился от боли. Один из стражников опустил арбалет.

Когда стемнело, Род, сделав круг по полям и лесам и пустив Векса вброд через реку, дабы замести следы, вернулся к холму.

Когда Векс подскакал к краю рощицы, Род остановил его и спешился. Он прижался к стволу толстого дерева и опустился на землю. Здесь, в сгустившихся сумерках, никто не должен был его увидеть.

Он сидел и смотрел на костры, горящие на поле, и слушал радостные голоса победителей.

Наконец он вздохнул и занялся насущной проблемой — то бишь своим раненым плечом. Расстегнул камзол, осторожно потрогал плечо и скривился от боли, сохранившейся, невзирая на то, что по пути он вкатил себе солидную дозу анестетика.

Стрела прошла, чудом не задев крупный сосуд и кость.

Неожиданно послышался негромкий шелест, похожий на вздох, а когда Род поднял глаза, он увидел Гвендилон. Она склонилась к нему, глаза ее были полны слез.

— Милорд! Милорд! Вы сильно ранены?

Род улыбнулся, обнял ее за шею, притянул к себе и долго-долго не отпускал.

— О нет, — покраснев, отстранилась она. — Стало быть, не так уж вы сильно ранены, как я того боялась.

— Ах, милая моя, — пробормотал Род и откинулся на спину, нежно гладя волосы Гвендилон. — Как одиноко мне было в пути!

— Я бы явилась к вам раньше, — сокрушенно проговорила она. — Но решила подождать, пока вы отдохнете. А теперь займемся вашим плечом, — деловито заявила она. — Будет немножко больно.

Род стиснул зубы. Гвендилон стащила с его плеча вымокший в крови рукав.

— Бинты в седельной сумке, — выдохнул он.

Она сбегала к Вексу, принесла небольшой металлический ящичек.

— Что означает этот красный крест, милорд?

— Это просто такой знак, — соврал Род. — Он означает... что в коробке... принадлежности для целительства.

Гвендилон опустилась на колени рядом с ним и замерла в неподвижности.

Род нахмурился, гадая, чем она занимается.

Но тут его снова скрутила боль, и он почувствовал, что стрела покидает рану, выходит из его плеча по ею же проделанному руслу — причем как бы сама по себе.

Сквозь боль и туман в глазах пробилась мысль: «А эти ведьмы могли бы дать фору любому хирургу!»

Стрела двигалась все дальше и дальше и наконец вылетела из плеча Рода, отскочила в сторону и упала, ударившись о камень.

— Вот так, — прошептала Гвендилон, — я могу защитить вас от всякого, кто решит причинить вам боль, милорд.

Роду стало не по себе от осознания того, с какой могущественной силой он имеет дело.

Гвендилон потянулась за бинтом.

— Нет, погоди! — Род схватил ее за руку здоровой рукой. — Сначала возьми белый порошок в серебристом пакете. Он остановит кровь.

— Я бы лучше примочку из трав приложила, — с сомнением проговорила Гвендилон. — Но пусть будет, как вы скажете, милорд.

Род скривился — под действием антибиотика рану защипало.

Но вот боль притупилась, и Гвендилон приступила к перевязке.

— Похоже, тебе на роду написано перевязывать это плечо, — пробормотал Род.

— О да, милорд. Вам надо беречь его.

Тут кто-то тактично, осторожно кашлянул неподалеку.

Род обернулся и увидел в темноте, под деревьями, знакомую маленькую фигурку.

Род поджал губы.

— Ба, да это его высочество усушенный Аякс к нам пожаловали!

Гвендилон укоризненно покачала головой и приложила палец к его губам.

Род коротко кивнул, злясь на себя за свой злой язык. Гвендилон отняла руку.

Род поманил пришедшего здоровой рукой:

— Подходи, присоединяйся, Бром. Вот только боюсь, плоды победы нынче несколько скисли.

Бром шагнул ближе, склонив голову и заложив руки за спину, и уселся на торчащий из земли корень.

Род нахмурился. В том, как держался карлик, было что-то смущенное, даже заискивающее.

— Что тебя мучит? — проворчал он.

Бром вздохнул, положил руки на колени.

— Из-за тебя у меня весь день нынче болело сердце, Род Гэллоугласс!

Род криво усмехнулся:

— Да ну? А поглядеть на тебя, так подумаешь — живот. Насколько я понимаю, ты не слишком доволен тем, как все обернулось?

— О нет, я был очень доволен! Но только... — Бром опустил голову на стиснутые руки и смущенно прогово-

рил: — Должен тебе признаться, поначалу я был несправедлив к тебе.

— Да что ты говоришь?

— Да. Пока не понял, что ты так поступил намеренно.

— О? — Род скептически приподнял бровь. — Но ты все-таки догадался, что у меня было на уме?

— Нет, — покачал головой Бром. — Я уже стар, Род Гэллоугласс.

Род фыркнул.

— Спасибо, — склонил голову Бром. — Но это правда, я старею, и порой мне надо, чтобы кто-то ткнул пальцем и показал, что к чему.

— Ну и что же тебе показали?

— О, это была такая трогательная сцена! — Бром улыбнулся немного язвительно. — Поначалу Катарина только кричала: «О мой возлюбленный!», причитала, велела позвать целителей и травников, но потом Туан поднялся и сказал, что ему лишь немного больно, а она припала к его плечу и стала плакать и называть его своим повелителем и защитником и опорой ее чести, и еще она сказала, что не успокоится до тех пор, покуда он не поклянется взять ее в жены! — Улыбка Брома смягчилась. — О да, сцена была поистине трогательная.

Род устало кивнул, закрыл глаза.

— И когда свадьба?

— Как только их имена будут трижды произнесены в храме. Катарина-то была готова обвенчаться немедленно, но Туан воспротивился, принялся говорить, что она королева и самая прекрасная женщина на свете и что замуж ей должно выйти так, как это приличествует ее высокому титулу.

— Начало многообещающее.

— О, более чем многообещающее, ибо это еще не все! Потом Туан обернулся к двенадцати мятежным лордам и вопросил: «Как же мы поступим с ними?» А Катарина вскричала: «Да будет так, как ты скажешь, господин мой! Лишь бы только поскорее покончить со всем этим и вернуться домой!»

— Очень мудро, — согласился Род. — И как же поступил Туан?

— Он велел снять с мятежников кандалы и позволил им вернуться в их уделы. Однако он потребовал, чтобы каждый из них оставил заложника не младше двенадцати лет из числа своей родни, дабы те жили в замке у королевы.

Род нахмурился и кивнул:

— Должно сработать. Он обретет сдерживающий фактор и возможность воспитать новое поколение в верности престолу. — Он прислонился спиной к шершавому стволу, изможденный до последней степени. — Что ж, я рад, что все так вышло.

— Да, — кивнул и сверкнул глазами Бром. — Наша страна в неоплатном долгу перед тобой, Род Гэллоугласс. Ты спас монарший престол, навсегда изгнал зловещий призрак долгой и кровавой междоусобицы. Более того, ты наконец подарил нам короля.

— А сам стал врагом общества номер один, — с горечью проговорил Род.

Тень набежала на глаза Брома.

Род искоса взглянул на него:

— Ты же не станешь спорить с тем, что я стал в некотором смысле persona non grata?

— Не стану, — проворчал Бром. — Но ты всегда можешь найти прибежище в стране эльфов.

Род вяло усмехнулся:

— Спасибо за приглашение, Бром.

— Но скажи мне! — Бром наклонился вперед, сдвинул брови. — Как ты попал сюда? Как это вышло? Именно тогда, когда над нашей страной сгустились тучи, когда не осталось никакой надежды, явился ты, свалился с небес, словно бы в ответ на наши молитвы, — ты, не владеющий ни пядью нашей земли, не имеющий здесь дома, который жаждал бы защитить. Наши заботы не были твоими заботами, но ты взял их на себя. — Он еще ближе склонился к Роду и вопросил, сверкая глазами: — Ради чего ты спас нас?

Род печально улыбнулся:

— Ради Мечты.

Бром нахмурился:

— Как это?

Род запрокинул голову, посмотрел на звезды, на миг растерялся, потом сказал:

— Векс, запиши это. — Он взглянул на Брома, перевел взгляд на Гвендилон, поднял здоровую руку и указал на небо. — Посмотрите. Видите эти звезды? Вокруг каждой из них вращаются планеты, такие же миры, как ваш. Там тоже находят друг друга влюбленные, живут люди, правят короли. Но большая часть этих миров объединена под началом единого правительства — Децентрализованного Демократического Трибунала. И главный голос в этом правительстве — голос народа.

— Нет! — ахнул Бром. — Как такое возможно?

— Возможно, потому что там слышен голос каждого человека, и его мнение прибавляется ко мнению его единомышленников. Вот это главное — связь между людьми. Здесь у вас такого правительства быть не может, потому что связь между людьми плохая, но это странно, поскольку у вас есть для этого удивительное средство — вам только использовать его.

Род сложил руки на груди и откинулся назад.

— Но там, среди звезд, беда. Планет, присоединяющихся к Трибуналу, с каждым днем становится все больше. Того и гляди средства связи достигнут предела своих возможностей. И тогда миры погрузятся в пучину диктатуры.

— Но почему это так тревожит тебя? — проворчал Род.

— Потому что я работаю на них. Можете считать меня бродячим торговцем. Я из тех, кто отправляется в путь, чтобы подготовить новые планеты к вступлению в сообщество... если они пожелают этого, а этого они всегда хотят, но только тогда, когда готовы к этому!

— Но какова она, эта готовность? — напряженно улыбнулся Бром. Он напрягался изо всех сил, стараясь уловить смысл в словах Рода.

— Это средства связи, как я уже сказал, но этого мало. Еще нужна наука. Образование. — Он вздохнул. — Что касается образования, то с этим тут у вас пока полная безна-

дега. То есть решить эту задачу можно, но нужно время. А вот со связью — это дело совсем другое...

Потому что у свободы есть еще одна составная часть: фронтир. Он препятствует стратификации общества — я не стану объяснять тебе, что значит это мудреное слово, милорд О'Берин, король эльфов. А стратифицированное общество — это еще один верный путь к тоталитаризму.

И потому Трибунал непременно должен расти, раздвигать свои границы. Но если он вырастет непомерно, проблема ухудшения связи станет причиной его гибели. И лично мне этого бы очень не хотелось. Потому что у моей Мечты есть имя. Ее зовут Свобода. И именно поэтому Грамерай так много значит для меня.

Бром покачал головой:

— Не понимаю...

Род с улыбкой взглянул на него:

— Ведьмы. Их способность слышать мысли. Вот та система связи, которая нам так нужна.

Он понаблюдал за тем, как в глазах Брома появляется понимание, как она сменяется страхом, и отвел взгляд.

— Они нужны нам. Нам нужно, чтобы их было как можно больше. До сих пор число их росло катастрофически медленно. Но теперь, под опекой Катарины, они будут множиться, их станут уважать за то, что и они внесли большой вклад в сегодняшнюю победу, и вскоре каждый родитель станет мечтать о том, чтобы в его семье родился такой удивительный ребенок. И тогда их станет очень, очень много.

Бром нахмурился:

— Но почему же только на этой планете, только на ней изо всех, о которых ты сказал, есть ведьмы?

— Потому что те люди, что принесли жизнь на эту планету, — ваши предки, что явились сюда со звезд, взяли с собой только тех, у кого была хоть капля такого дара. Они и сами не догадывались о том, что обладают такими способностями. Способности эти были скрыты, они дремали и не проявлялись до поры, но в результате браков и рождений потомства эти малые крохи выросли, и росли до тех пор, пока на свет не появилась первая ведьма.

— И... когда же это случилось?

— Примерно тогда, когда появились эльфы. А еще баньши, оборотни и прочая сверхъестественная фауна. Потому что на вашей планете есть удивительное вещество, которые вы называете ведьминым мхом. Оно способно превращаться во что угодно по желанию ведьмы. И если ведьма задумает эльфа, из мха родится эльф.

Бром побледнел.

— Не хочешь же ты сказать...

— Не стоит так сильно расстраиваться, Бром, — поспешно успокоил карлика Род. — Все люди когда-то, давным-давно, представляли собой всего-навсего пульсирующие сгустки материи, плавающие в толще океана. Просто в случае с твоим далеким предком этот процесс несколько ускорился за счет вмешательства ведьм. И именно твоему самому первому предку ты должен быть обязан тем, что смог появиться на свет наполовину смертным и иметь потомство от смертной женщины. — Он вздохнул. — Так что у тебя есть все основания для гордости, Бром. Ты и твой народ — единственные, кто может со всем основанием заявить, что вы — истинные коренные обитатели этой планеты.

Бром долго молчал. Наконец он изрек:

— Что ж, ты убедил меня в том, что я знал и сам: это наша земля. И что же ты хочешь сделать с ней, чародей с небес?

— Сделать? — Род выгнул брови. — Только то, чего вы и сами пытаетесь добиться, Бром, за счет тех реформ, на которые вы сподвигли Катарину. Равенство превыше закона — разве не такова ваша цель?

— Верно, такова.

— И моя цель точно такая же. А работа моя состоит в том, чтобы указать вам наименее кровавую дорогу к этой цели. И работу эту я только что завершил.

Он нахмурился и неожиданно помрачнел.

Бром не спускал глаз с него. Гвендилон коснулась его лба, обеспокоенно пригладила волосы.

Род взглянул на нее и, вымученно улыбнувшись, перевел взгляд на Брома.

— Вот почему я сражался за Катарину, понимаешь? Потому что она опекает ведьм и потому что она готова провести реформы. Слава богу, к этому готов и Туан. И именно поэтому против нее сражались Пересмешник и советники.

Бром непонимающе нахмурился:

— Нет, видно, и вправду старею я... Объясни мне, Род Гэллоугласс.

Род снова устремил взгляд к звездам.

— Настанет день, когда Трибунал будет править всеми звездами, которые вы видите, и еще многими, которых не видно отсюда. И почти все люди, живущие на этих планетах, будут волшебниками, потому что в их жилах будет течь грамерайская кровь. Ну, как тебе такая роль, Бром? «Отец галактики»...

Почти — но не все. А те, кто волшебниками не будет, из-за этого будут их ненавидеть, и их самих, и их правление, и злоба их будет так велика, что вы и представить себе не можете. Таких людей зовут фанатиками.

И они будут согласны на любое правление, лишь бы это не была демократия. А с демократией они будут драться до последнего вздоха.

— Если все будет так, как ты сказал, — проворчал Бром, — они проиграют, ибо как же им одолеть столько миров?

— Не одолеть, — кивнул Бром, — если только им не удастся погубить все это в зачатке.

— Но как же? Ведь для того, чтобы убить колдунью в материнской утробе, нужно найти эту утробу — здесь в Грамерае, и попытаться... попытаться... убить...

Бром в ужасе вытаращил глаза.

— Катарину, — договорил за него Род и печально кивнул. — Все верно, Бром. Советники и самый главный тип из Дома Кловиса — это чьи-то прапрапра и еще пятьдесят раз праправнуки.

— Но как же это? — ахнул Бром. — Какому же человеку под силу повидаться с собственными предками?

— Им — под силу. У них есть штуковина под названием «машина времени». Одна такая машина спрятана в Доме Кловиса, другая — в подземелье замка Логиров. И потому

стерегите четверых узников из Дома Кловиса хорошенько, Бром. Не исключено, что у них в запасе — неприятные сюрпризы!

— Не сомневайся, я с них глаз не спущу!

— Советники мертвы, все до единого. — Род прижался спиной к стволу, прикрыл глаза. — Вот и славное окончание для отчета. Отправь его домой, Векс. Ну да, и сопроводительный материал, само собой: описание машины времени, да еще не забудь добавить краткое изложение способностей ведьм — телекинез, левитация, телепор...

— Все помню, Род, — прервал его голос робота.

— Ну да. Я и забыл, что ты ничего не забываешь. Ну все, отправляй отчет.

Мощный передатчик, упрятанный в самой сердцевине мозга Векса, отправил к звездам двухсекундный сигнал.

На миг все умолкли, а потом Гвендилон растерянно проговорила:

— Милорд?

Род открыл глаза и улыбнулся:

— Тебе не следовало бы меня так называть. Но мне это так нравится...

Девушка смущенно улыбнулась:

— Милорд, вы завершили свои труды здесь, и...

Род помрачнел.

Он отвернулся и потупился.

— Куда ты отправишься теперь, Род-чародей? — негромко спросил Бром.

— Ой, хватит тебе! — огрызнулся Род и посмотрел на Брома. — Я не чародей, — проворчал он. — Я агент из высокоразвитого сообщества, и потому у меня действительно в запасе есть масса всяких фокусов, в которые вам трудно поверить, хотя все они произведены из холодного железа и его производных. Во мне не течет ни капли колдовской крови, потому и талантов таковых я напрочь лишен. — Он снова посмотрел в небо. — Никакой я не чародей, я не ровня даже самому простому из ваших крестьян, и потому мне не место здесь.

И словно что-то оборвалось у него в груди, когда он сказал это.

— Я сам выбрал такую жизнь, — буркнул он. — Я выполняю приказы, это верно, но делаю это по доброй воле.

— Это довод, — признал Бром, — но довод слабый. Твой это выбор или нет, но ты все равно закрепощен.

— Верно говоришь, — согласился Род. — Но должен же кто-то поступиться собственной свободой ради свободы своих потомков.

Надо сказать, что последнее заявление не убедило даже его самого.

Бром вздохнул и, встав, хлопнул себя по бедрам. Он смотрел на Рода глазами усталого старика.

— Если тебе надо уйти — стало быть, так надо. Долг есть долг, и негоже от него отказываться. Отправляйся к своим звездам, Род Гэллоугласс, но помни: если ты когда-нибудь возмечтаешь об убежище, здесь ты найдешь его.

Он отвернулся и зашагал вниз по склону холма.

Гвендилон тихо сидела рядом с Родом, сжав его руку.

— Скажи мне, — проговорила она немного погодя, — только ли эта твоя мечта уводит тебя от меня?

— Да. О да, — отозвался он и крепче сжал ее руку. — Все прочие мечты ты развеяла.

Она повернула голову, робко улыбнулась. В глазах ее стояли слезы.

— Если так, то не могла бы и я улететь с тобой к звездам, о господин мой?

Род сжал ее пальцы. У него перехватило дыхание.

— Жаль, что я не могу этого сделать, но твоя судьба — отцвести и увянуть здесь, подобно цветку, крепко пустившему корни. Твое место здесь — где в тебе нуждаются. А мое — там. Вот как все просто.

— Нет. — Она покачала головой. — Ты уходишь не потому, что там твое место, а потому, что там — твой долг. Но, добрый мой господин, — всхлипнула она, заливаясь слезами, — разве мой долг не так же силен, как твоя мечта?

— Послушай, — выдавил Род. — Постарайся понять. У человека непременно должна быть мечта. В этом его отли-

чие от зверей. А человек, потерявший мечту, — это не человек, и он не достоин ни одной женщины на свете. Так какое же право я буду иметь на тебя, если я не смогу назвать себя человеком и мужчиной?

Прежде чем возыметь право обладать женщиной, мужчина сам себе должен доказать, что он — мужчина и настоящий человек, и мечта — вот главное тому доказательство. Покуда он трудится ради осуществления своей мечты, он имеет право на свою возлюбленную — только потому, что сам чего-то стоит. Я мог бы остаться здесь и быть счастлив, очень счастлив с тобой. Но в глубине души я бы всегда помнил о том, что недостоин тебя. Я стал бы пустышкой, ничтожеством. Как бы я мог стать отцом семейства, как бы я растил детей, зная, что их мать более ценна для мира, нежели я?

— Тогда бы ты отцвел и увял? — тихо спросила Гвендилон.

Род кивнул.

— Но ведь не только у меня есть долг перед будущим, милорд! Разве не ради исполнения своего долга погиб Большой Том? Разве не долг — забота о старом герцоге Логире? Разве все это не уравновешивает твой долг перед звездами?

Род сидел не шевелясь.

— Они молили тебя позаботиться об их народе, — негромко проговорила Гвендилон. — А что станется с народом, если снова явятся эти враги из будущего? А ведь они непременно явятся сюда, ибо ты сам сказал, как велика их ненависть.

Род медленно, очень медленно кивнул.

— И что же тогда будет с твоей Мечтой, господин мой?

Мгновение Род был подобен камню.

— Векс, — тихо промолвил он.

— Да, Род?

— Векс, отправь домой мое прошение об отставке.

— Твое... что?

— Прошение об отставке! — рявкнул Род. — Да поспеши!

— Но Род... твой долг... честь семейства...

— Заткнись, Векс. Советники могут вернуться, даже если мы в пух и прах расколотим их машины времени. Явились же они однажды, значит, это им под силу. Отправляй прошение, я тебе сказал!

Векс покорно включил передатчик.

Род медленно опустил голову.

— Милорд! — выдохнула Гвендилон.

— Нет-нет, я в порядке. Я поступил правильно, и вдобавок буду несказанно счастлив. Впервые в жизни я буду работать сам по себе. Вот так. Мосты сожжены. Теперь я ни с кем не связан — ни с домом, ни с кланом, и никто мне не указ...

— Здесь у тебя будет дом, господин, — проворковала Гвендилон.

— Знаю, знаю... Тоска пройдет, и скоро я стану счастливейшим смертным на свете. Но сейчас... — Он взглянул на Гвендилон и грустно улыбнулся. — Ничего, все будет хорошо.

— Род, — негромко окликнул его Векс.

Род поднял голову:

— Да, Векс?

— Есть ответ, Род.

Род вздрогнул:

— Читай, Векс.

— «Отчет принят. Просьба выслать координаты для рекогносцировки».

Род кивнул:

— Отправь. Дальше читай.

— «Просьба пересмотреть решение об отставке и принять временное назначение на планету Грамерай наблюдателем для предотвращения возможных вторжений из будущего».

Род рывком выпрямился:

— Что?

— Они хотят придать твоему выбору официальную форму, Род, — пояснил робот.

— Что с тобой, милорд?

— Они хотят, чтобы я остался, — рассеянно отозвался Род и обернулся к Гвендилон. — Они хотят, чтобы я остался! — более осмысленно воскликнул он.

— Остался — где, милорд? — спросила она.

— Остался здесь! — вскричал он, вскочил и раскинул руки, готовый обнять всю планету. — Здесь, на Грамерае! Как агент-наблюдатель! Гвен! Я свободен! И я дома! — Он опустился на колени, поднял глаза, взял ее за руки. — Я люблю тебя! — воскликнул он. — Будь моей женой!

— С радостью и навсегда, милорд! — отвечала она, обняла его голову и залилась слезами.

Род поднялся с колен и крепко обнял ее, но она отстранилась и шутливо прикрыла его губы ладонью.

— Нет-нет, милорд, нельзя! Только чародей может поцеловать колдунью!

— Ладно, тогда я чародей, чародей! Только поцелуй меня, ладно?

И она поцеловала его.

Род откинул голову и, прищурившись, посмотрел на Гвендилон.

— Послушай, — спросил он, — а это правда — ну, то, что болтают насчет крестьянских девушек?

— Чистая правда, милорд. — Она опустила глаза и принялась расстегивать его камзол. — Теперь вам от меня ни за что на свете не избавиться.

Литературно-художественное издание

Сташеф Кристофер

Скорость побега
Чародей поневоле

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Компьютерный дизайн: Н. К. Чернова

Подписано в печать 25.12.00.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 3592.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW. AST. RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.